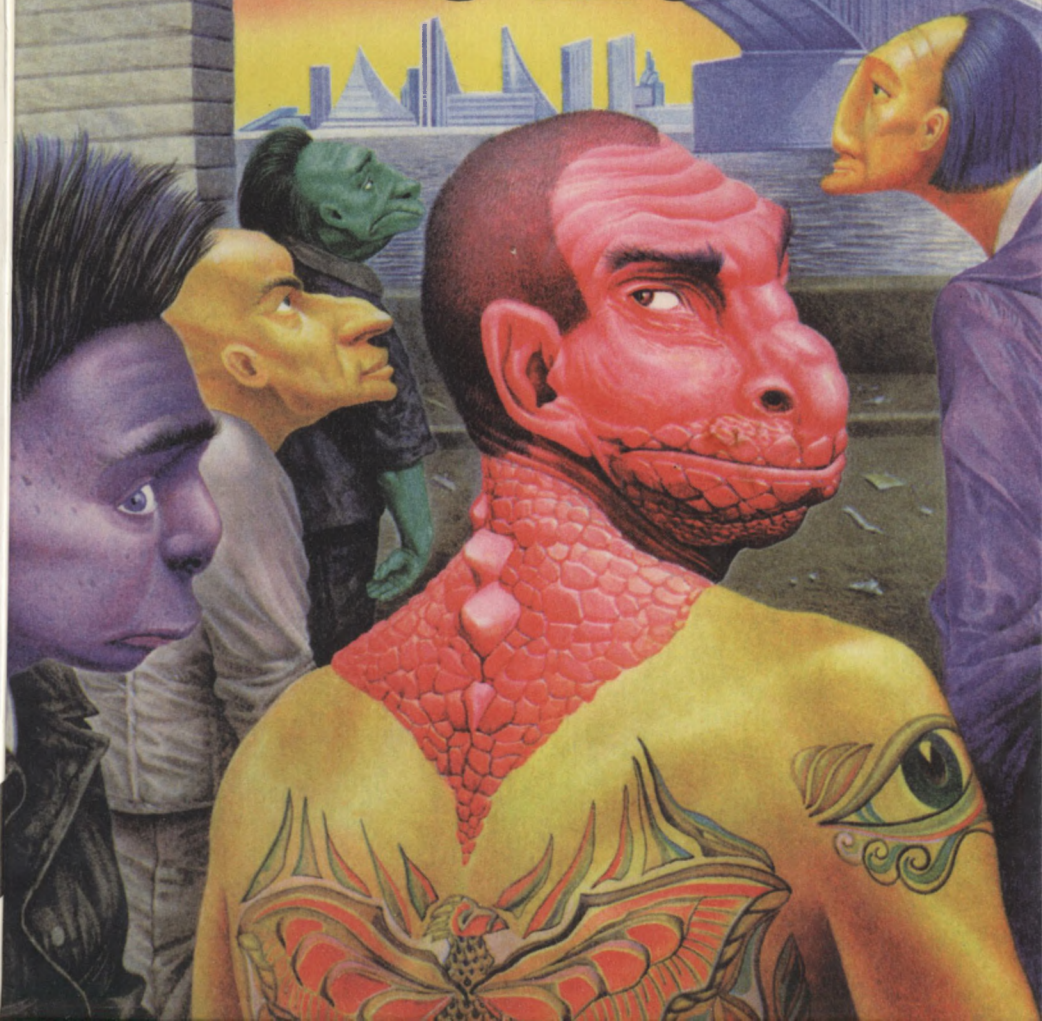

НОРМАН СПИГРАД

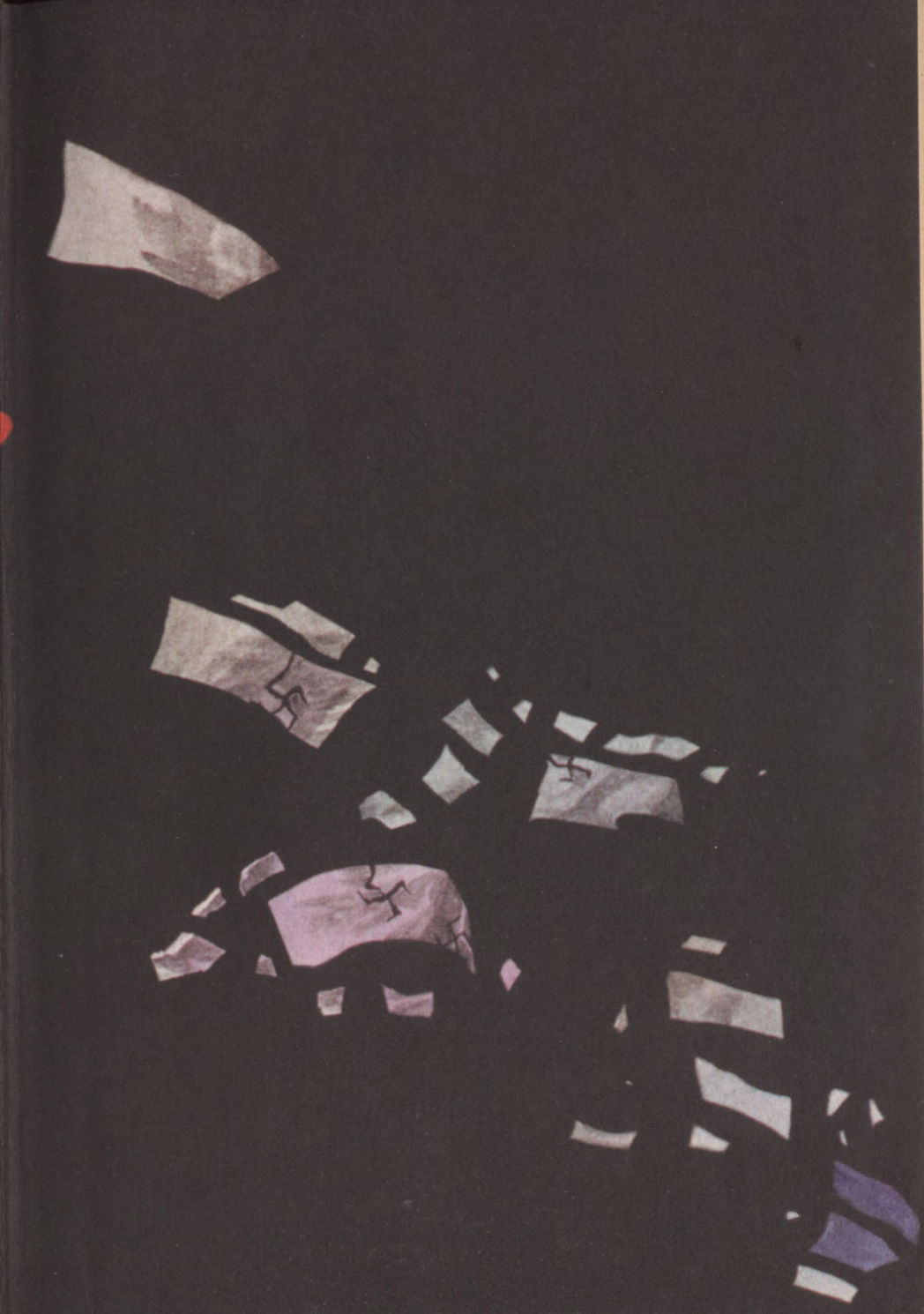
Стальная мечта

НОРМАН
СПИГРАД

13

**НОРМАН
СПИНРАД**

СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

**СПЕЦИАЛИСТ ПО ДЖУНГЛЯМ
СТАЛЬНАЯ МЕЧТА**

РОМАНЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.7 США
С72

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

В ы п у с к 13

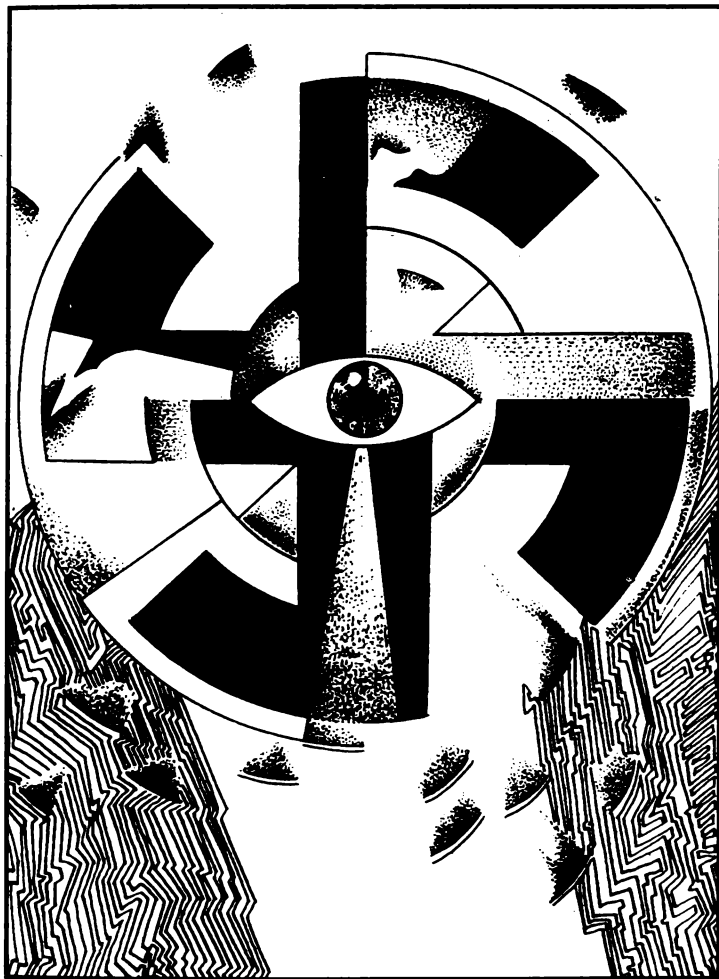
Художник *А.Б. Державин*

ISBN 5-218-00052-3

© Состав, перевод и художественное
оформление, торгово-издательское
объединение «Центрполиграф», 1996 г.

СПЕЦИАЛИСТ ПО ДЖУНГЛЯМ

РОМАН

Глава 1

Барт Фрейден сидел на краю стола в непринужденной позе. Этакая странная смесь напряжения и расслабленности, словно кошка-крысолов в минуту отдыха. «Какого дьявола, — думал Барт, отправляя в рот очередной кусок фазаньей ножки, — нельзя же всю жизнь стричь купоны с одних и тех же акций».

Он небрежно бросил косточку на узорный серебряный поднос, стоявший на полированной ореховой крышке стола, взял за полупустую бутылку охлажденного рейнвейна и сделал маленький глоток. Винцо чертовски хорошо — но могло быть и получше, если принять во внимание, что каждая бутылка из этой партии обошлась Федерации Свободных Астероидов в тридцать конфедолларов.

«Да, а фазан суховат... В конце концов, — снисходительно размышлял Фрейден, — А-Мингу не так легко сосредоточиться на своей стряпне, в то время как старушка Федерация прямо на глазах летит в тартарары».

А-Минг в общем-то обтяпал славное дельце, явившись сюда, на Церес, в качестве шеф-повара президента. И теперешняя дерготня его понятна. Не нужно быть крутым психологом, чтобы понять — и самая занюханная кошка начинает беситься, когда птичка внезапно вырывается у нее из лап.

Фрейден терпеть не мог подобные ситуации. Нет ничего нелепее и противнее остаться в дураках. Взять, к примеру, ту же кошку... С ее врожденными дарованиями, достаточно повести носом по ветру, чтобы без труда почуять подвох и поскорее убраться туда, где удачу легче поймать за хвост. Когда истощается нектар в одном цветке, пчелы перелетают на другой. Повар столь искусный, как А-Минг, запросто нашел бы теплое местечко от Земли до Антареса. Он умел практически из возду-

ха делать великолепные вещи. А что еще надо? Талант — самая реальная гарантия безопасности для кого угодно, будь то шеф-повар или политик.

Фрейден перегнулся через стол и вынул из резной, слоновой кости шкатулки большую гаванскую сигару. С видом знатока, с почти театральным изяществом, он вдыхал ее аромат, потом сунул в рот, зажег и, затягиваясь пряным дымом, задумчиво обвел взглядом свои апартаменты. Тут было на что взглянуть: панели из тикового дерева на стенах; красный шерстяной ковер, застилавший пол от стены до стены; Пикассо; Кальдер, Маллинштайн; роскошный бар, набитый отборной выпивкой, каждая капля которой проделала долгий путь с Земли; в стенном шкафу громоздятся коробки сигар...

Ни дать ни взять — выставка достижений народного хозяйства. Один этот зальчик потянет на десять тысяч конфедолларов, не меньше. По эту сторону марсианской орбиты вряд ли найдется что-нибудь круче личных покоев президента — дерево, еда, сигары, виски... И каждая частица этого великолепия импортирована прямо с Земли, что стоило казне Федерации чудовищных издержек. Первый и последний президент ФСА явно был парнем не промах, любил, так сказать, шикануть.

Фрейден печально вздохнул. Но даже вполне откровенная печальная мина отнюдь не смягчила жестких черт угловатого лица. Подобная резкость физиономии многими считается привлекательной. Хотя рассуждая с точки зрения геометра — сплошные плоскости и острые углы. Добавьте сюда холодный блеск глубоко посаженных темно-карих глаз и заостренный, соразмерный нос. С таким жестким, энергичным лицом, ширококостным, но жилистым телом, густой гривой черных волос, Фрейден каждым дюймом своего естества распространял нечто вроде ауры хищного зверя. Впрочем, Барт и являлся самым настоящим хищником.

Не успел печальный вздох затихнуть, как Фрейден выдавил резкий смешок, поймав себя на глупой сентиментальности.

— Ладно, парень, — проговорил он вслух, возможно, для того, чтоб взбодриться. — Астероиды — не единственная рыбка в море! Легко пришло, легко ушло.

Он повернулся к панели интеркома. Недурно проверить, все ли готово. Собственно говоря, уже самое время сваливать, только бы появился этот проклятый Вальдец. Если он не сможет прорваться сквозь блокаду конфедератов...

Но об этой возможности Барт старался не думать. Дела и без того шли хреново, чтобы брать в расчет еще и теоретические бедствия. Так называемые «повстанцы» — а на самом-то деле

переодетые головорезы из Объединенных Земных Штатов — уже захватили чуть ли не каждый камень некогда могучей Федерации Свободных Астероидов. За исключением столичного мирка на Цересе и нескольких ближайших к нему планеток. Эти сволочи прибрали к рукам последнее из Урановых Тел.

Вот истинная подоплека демарша — залежи практически беспримесного уранита. Естественно, трогательная официозная версия гласила, что, мол, угнетенный народ Астероидов восстал против деспота Фрейдена. И в пламенном порыве стремится в объятия братьев-землян, под теплое крылышко ОЗШ. И так далее, до бесконечности, до блевотины. А правда, само собой, — тут бы догадался любой достигший двухлетнего возраста идиот-микроцефал — была проста, как лопата. Очередная горячая смесь в составе Атлантического Союза, Священной Совдепии и Великого Китая, собравшись с духом, решила, что платить Барту Фрейдену за уран чистоганом весьма хлопотно. Значительно дешевле обойдется наложить лапу на саму Федерацию. *Sic transit gloria mundi*¹.

Барт ткнул кнопку на панели и бросил в интэрком:

— Линг? Это Фрейден. Надеюсь, корабль загружен и готов к старту? Хорошо. Держите его под парами. Помните, капитан, что моему швейцарскому банку даны указания перевести на ваш счет сто тысяч конфедолларов в тот же момент, как только мы благополучно минуем Плутон. Уже засекли корабль Вальдеца? Ладно, сразу же сообщите мне. И начинайте перегрузку немедленно, как только он приземлится. Конец связи.

Фрейден опять вздохнул и запыхтел сигарой. «В любом случае, — думал он, — никто не скажет, что Барт Фрейден не умеет читать предсказаний на стенах».

Упомянутые классические надписи стали отчетливо видны Барту еще за два года до катастрофы. Первые буквы появились, когда Атлантический Союз, Совдепия и Великий Китай, перепуганные приближающейся термоядерной заварушкой (из-за какого-то пустячка, уже отошедшего в неразборчивый петит подстрочных примечаний истории), под давлением взаимного ужаса слепились в новую форму жизни — Объединенные Земные Штаты. Для всех, кто достаточно сообразителен, чтобы суметь укрыться от дождя, новорожденный политический уродец говорил о многом. Как только в мире Больших Мальчиков интригующие друг с другом клики сплелись в один путанный клубок, дни маленького пестрого мирка карликовых независимых госу-

¹ Так проходит мирская слава (*лат.*).

дарств — Марсианской Республики, Сатурнийского Дольмена, Федерации Свободных Астероидов, Сатрапии Юпитера и всех остальных — были сочтены. Вопрос состоял только в одном — кого и как скоро проглотят.

К счастью, заединщики оказались настолько любезны, что выдали свои планы, внезапно удвоив закупки урана у ФСА. Стало предельно ясно, что создается запас сырья на случай временного перерыва в поставках урана. А это, в свою очередь, верное свидетельство, что в рождественском списке подарков Федерация шла первым номером.

Так что еще прежде, чем началось это липовое восстание, Фрейден глубоко запустил руку в свой нехилый банковский счет в Швейцарии и обзавелся небольшим — но уж ни в коей мере не дешевым — звездолетом. Если чудище вроде Конфедерации положило глаз на Астероиды, не оставалось ничего иного, как мало-помалу готовиться к ссылке на звезды. Там еще найдется десяток независимых планет. И по крайней мере одна из них точно подойдет для человека, знающего, где нужно вовремя нанести удар, чтобы опять оказаться хозяином положения. Обеспечить себе репутацию Доброго Дяди Барта на века или, по крайней мере, на остаток жизни. При помощи мастерства, ловкости и совсем небольшой страховки.

Если только чертова блокада не помешает страховке в сто миллионов конфедолларов появиться.

— Немедленно пришлите ко мне генерала Вандерлинга! — рявкнул Барт в интерком.

И пожал плечами. «Почему бы не выслушать последние сводки. Пока не появится Вальдец, заняться все равно нечем».

Вильям Вандерлинг, приземистый, лысый вояка, пронесся по коридору, соединяющему Главный Купол с небольшим автономным владением Фрейдена. Генерал хмурился и недовольно потряхивал головой. С точки зрения военного, ситуация, даже по самым умеренным оценкам, безнадежна. Церес окружен почти полностью, за исключением жалкой бреши по направлению к Плутону. Когда конфедераты возьмут Астероиды в плотное кольцо — вопрос только времени... «Черт побери, много для этого не потребуется, — думал Вандерлинг. — Барту придется выпорхнуть из своего миленького гнездышка в течение одного стандартного дня. Если он, конечно, хочет унести шкуру в целости». Эта мысль доставила Вандерлингу некое мрачное удовлетворение.

Загвоздка в том, что Фрейдену, казалось, гораздо больше досаждала неважная стряпня А-Минга, нежели перспектива лишиться ФСА. Этот ублюдок всегда вел себя так, словно в его распроклятом рукаве-самострое припрятана четверка тузов. Даже сейчас, когда Федерацию рвут буквально на куски!

Тузы всегда появлялись из рукава в последней сдаче. Этот парень постоянно был на пять шагов впереди любого ухаба на дороге — будь то дороги политики или экономики.

Все-таки здорово, что при этом Фрейден не мог толком отличить лазерного орудия от снайпгана. «Если бы Барт разбирался в воинском ремесле так же, как во всем остальном, я б давно уже болтался ледяной мумией в вакууме, — мрачно размышлял Вандерлинг. — По крайней мере, ни один из нас не лезет в заповедную сферу злодейств другого. При таком раскладе трудно вести двойную игру — мы необходимы друг другу. Мы в одной упряжке».

Фрейден и Вандерлинг проделали вместе долгий путь, выбираясь из жуткого дерьма. Фрейден еле унес ноги с Земли по истечении своего первого и единственного срока в роли губернатора провинции Большой Нью-Йорк. Это губернаторство, даже при повсеместном лихоимстве типа «рука руку моет» или «ну как не порадеть родному человечку», потрясало размахом коррупции и взяточничества. Вандерлинг, родившийся на Астероидах, происходил от заложивших Нью-Фортрек поселенцев и был главарем небольшой банды налетчиков. Он внаглую грабил встречных-поперечных и только благодаря природному тактическому гению все время оставлял с носом легавых Новой Африки. Кем они были порознь? Пират-однодневка и чиновник-ворюга. Подумаешь, эка невидаль! Мало ли кто промышлял тогда в Новой Африке, с ее дикими законами. Но, оказавшись вдвоем в напряженной до предела атмосфере тупого диктаторского режима, они совершенно неожиданно стали своего рода катализатором, запалом к солидной партии взрывчатки. Двадцать месяцев непрерывной политической болтовни, одобренной изрядной порцией партизанской войны, преобразили Новую Африку в Федерацию Свободных Астероидов. В государство, так сказать, для личного пользования.

Барт с самого начала утверждал, что Новая Африка вполне созрела для революции. Астероиды в свое время были колонизированы бурскими переселенцами. Они бежали после Великого Африканского Погрома в надежде основать новое государство буров, и Астероиды, где по слухам имелись богатейшие запасы минералов, подошли для этого дела весьма кстати. Через два года после основания Новой Африки кто-то наткнулся на Урановые Тела, и

началась Великая Урановая Лихорадка. Тысячи алчущих богатства проходимцев из нищих областей Земли продавали свои пожитки, чтобы купить билет в одну сторону.

Но, едва добравшись до Астероидов, горе-копатели наковыряли только одно: правительство буров уже заявило свои права на все месторождения урана. И несостоявшиеся Ротшильды опять оказались на самом дне ямы. А лесенки оттуда явно не предвиделось. После того как толпа азиатских, африканских и латиноамериканских оборванцев явилась на Астероиды, история повторилась в полном смысле слова, и Новая Африка стала воистину *новой*. С олигархическим правлением буров над массами темнокожих и цветных. Все приходит на круги своя...

Короче говоря, Фрейден быстро убедил Вандерлинга, что сложилась идеальная ситуация и воспользоваться ею для опытного партизанского вожака и ловкого политика, всегда державшего нос по ветру, — пара пустяков.

— Легко пришло, легко ушло, — бормотал теперь себе под нос бравый вояка, пытаясь извлечь какое-то подобие утешения из непринужденного безразличия Фрейдена. Нельзя сказать, что бегство из Солнечной системы в какие-то неведомые дали в точности соответствовало представлениям генерала о *хорошей жизни*.

Вломившись в святая святых, внутренние апартаменты босса, — входить без предупреждения было привилегией генерала, — Вандерлинг увидел милую сердцу картину: в большом кресле сидит София О'Хара, а сам Фрейден стоит, прислонившись к столу. «Удачное завершение дня», — подумал Вандерлинг кисло.

София прибилась к Фрейдену где-то в конце революции. Невысокая, гибкая, хорошо сложенная, со смуглой кожей, правильными чертами лица, глубокими зелеными глазами, пламенно-рыжими волосами, спадавшими на плечи, — она прямо-таки источала понятный всем мужикам призыв. Вандерлинг ненавидел ее характер и силу воли, впрочем, это чувство было вполне взаимным.

София улыбнулась ему с чарующим сарказмом и заметила:

— А вот и наш доблестный Дятел явился. Без сомнения, сейчас отрапортует, что выиграл еще один день у конфедератов, и с этих пор все мы будем жить долго и счастливо. Это сразу видно по радостной улыбке на его благородной неандертальской физиономии.

Вандерлинг, как обычно, проигнорировал подлую девку.

— Дела плохи, Барт, — проговорил он. — Хуже некуда. Им нужно около двенадцати часов, чтобы захлопнуть мышеловку. А это означает, что при самом отчаянном везении мы сможем удерживать Церес еще тридцать часов. *Может быть...* Если мы

вообще хотим выбраться из этого дерьма, то, черт возьми, надо начинать прямо сейчас.

— Сигару, Вильям? — приветливо предложил Фрейден с приводящей в бешенство улыбкой.

«Проклятье, Барт просто кайфует, наблюдая, как его злоязычная краля поливает людей грязью».

Но вопреки вспыхнувшему раздражению, Вандерлинг взял сигару из шкатулки, прикурил от золотой настольной зажигалки и глубоко затянулся крепким гаванским дымом. «Что касается женщин, у Барта вкус паршивый, но в табаке он разбирается, тут надо отдать ему должное».

— Как скоро наступит это «сейчас»? — поинтересовался Фрейден, раскуривая новую сигару.

— Сколько времени уйдет на погрузку корабля и запуск? — вопросом на вопрос отозвался Вандерлинг.

— Если б не одна маленькая закавыка, мы могли бы отправиться хоть сию минуту, — сообщил Фрейден туманно.

— Тогда я предлагаю тебе, мне и малютке Мисс Солнечное Сияние немедленно подняться на борт и сваливать отсюда к чертовой матери. Тридцать часов — слишком сильно сказано! Все может закончиться и за один стандартный день. Как только они возьмут Церес в кольцо, и марсианская песчаная блоха не проползет между ними на карачках.

— Нам еще рано улетать, — упрямо заявил Фрейден.

— Какого хрена ты мутишь воду? — огрызнулся Вандерлинг. — Корабль загружен, все наготове, конфедераты почти стучатся в дверь, а ты бубнишь «рано»! Может, дожидаясь, чтоб тебя выдворили из Системы под барабанный бой, наяривая «Сердца и цветочки»?

— Я жду груз, — пояснил Фрейден. — Думаю, ему не потребуется много места. Вальдец пробивается с ним от самой Земли. И я выложу ему сто тысяч конфедолларов за эту услугу. Мы будем ждать столько, сколько сможем. Это наша страховка.

«Вот оно что, — подумал Вандерлинг со смесью недовольства и восхищения. — Туз в рукаве...»

— Какая еще страховка? — спросил он угрюмо.

— Напряги свою лысую голову, — усмехнулся Фрейден. — Мы садимся в звездолет и рвем когти из Системы, по направлению к какой-то далекой планете. Абсолютно без денег и с перспективой, что кое-кто будет подыхать от желания малость потолковать с нами. Что произойдет тогда?

— Ну скажи, гений, — устало буркнул Вандерлинг.

— Нас схватят и выдадут, вот что произойдет. Ни одно планетарное правительство ценой в четверть доллара не захочет заигрывать с конфедератами ради трех нищих.

— *Нищих?* — возопил Вандерлинг. — Ты чокнулся? У нас больше ста миллионов на швейцарском счете!

— Которыми, — невозмутимо продолжил Фрейден, — мы можем разве что утереться. Ты забываешь, что единой галактической денежной системы не существует. Каждая планета печатает собственные бабки. Думаешь, конфедоллары исключение? Лишь немногие вещи одинаково ценятся повсюду: радиоактивные элементы, мануфактура, деликатесы с Земли, табак и выпивка. Нам понадобился бы целый флот, чтобы увезти с собой подобного барахла на сто лимонов.

— Ну и?

— Ну и... — нахально передразнил Фрейден. — Я воспользовался нашим скромным тайным счетом и закупил партию действительно универсального товара. Он достаточно мал, чтобы погрузить его в один звездолет, и за пределами Земли будет стоить в десять раз дороже. Вот что на корабле Вальдеца, и вот почему мы должны рискнуть и дождаться его.

Вандерлинг фыркнул.

— Что же ты купил такого, мать твою...

Зуммер интеркома не дал генералу закончить фразу.

Фрейден включил связь, и Вандерлинг услышал голос капитана Линга, офицера технической службы порта:

— ...Вальдец приближается, но его преследуют три крейсера конфедератов...

— Так прикрой его, парень! — крикнул Фрейден. — Пятьдесят тысяч каждому в орудийном расчете, если Вальдец благополучно приземлится. Начинайте перегрузку сразу же, как только он коснется поля. — И уже на полпути к дверям кинул через плечо: — Идем! Вот оно! Удастся ему это или нет, мы убираемся отсюда немедленно...

Сопровождаемый Софией и Вандерлингом, Барт устремился через шлюзовую камеру в Центр Управления. На долю секунды у него закружилась голова, ему почудилось, будто он стоит под открытым небом — купол был сделан из прозрачного вещества, и колющие лучики звезд на черном бархате космоса подобрались так близко, что, казалось, достаточно протянуть руку, чтобы до них дотронуться...

Однако момент не особо располагал к зачарованному любованию перспективой. Фрейден почти бегом добрался до пульта управления, расположенного в центре купола. Линг и еще не-

сколько офицеров следили по мониторам за прибывающими кораблями. Барт заметил, что четыре орудийных башни лазерных установок, высившихся по углам посадочного поля, уже шарили своими смертоносными лучами по небу, выписывая меж пятнашками звезд причудливые алые узоры.

Фрейден сфокусировал внимание на зловещей пляске этих лучей, пытаясь отыскать в бездонно черной пустоте четыре движущиеся светлые точки — корабль Вальдеца и вражеские крейсеры.

— Посмотрите, сэр. — Линг, тощий лысеющий полуазиат, указал на линию горизонта, чуть ниже того места, где сходились в жутком узоре лучи лазеров. — Мы стараемся отрезать Вальдеца от конфедератов. Думаю, он это понял, поскольку быстро снижается.

Фрейден проследил взглядом направление, куда указывал Линг, и увидел крошечную точку, падающую к низкой линии горизонта. За ней неслись три схожие точки, но теперь между ними пролегли пучки лазерных лучей — сплетенная красной смертью решетка, разделившая корабли блокады и Вальдеца.

Звездолет Вальдеца все увеличивался и вскоре превратился в отчетливую серебряную иглу, летящую практически перпендикулярно ломаной поверхности Цереса. Курсом — точно на посадочное поле. А чуть выше, опасаясь угодить в лазерный капкан, разворачивались корабли Конфедерации. Погоня осталась с носом...

«Он это сделал! — вопил про себя Фрейден. — Он своего добился!» Корабль Вальдеца уже повис, задирая нос, над полем и опускался на густой оранжевый хвост пламени...

— Смотри! Смотри! — внезапно закричал Вандерлинг, толкая Фрейдена и отчаянно жестикулируя. — Мы подбили одного из говнюков!

Боковым зрением Барт увидел, как один из конфедератов вспыхнул и по какой-то сумасшедшей спирали закувыркался вниз и скрылся из виду. Но все внимание Фрейдена по-прежнему оставалось сконцентрировано на одном: корабль Вальдеца, затухающее пламя посадочных двигателей.

— Браво нам, Врежь-в-Плешь! — услышал он саркастический возглас Софии. И в тот же момент его как током дернуло. Вот Вильям! Вот сукин сын! Есть в нем нечто такое, что заставляет старого вояку жутко переживать о ничтожной победе даже в безнадежно проигранной битве.

Пока два уцелевших конфедерата поворачивали оглобли, ребята из obsługi, натянув скафандры, уже катили к кораблю Вальдеца на мощных транспортерах. Сейчас пойдет перегрузка драгоценного товара. Вдохнем с облегчением!

— Пюшли, — бросил Барт. — Быстро в аэрлок. Мы улетаем. Попрощайтесь со старой доброй Федерацией. Она нам служила верой и правдой.

— Да, погуляли что надо! — усмехнулась София. — Меск¹, то да се. Но похмелье будет не из легких!

Устроившись в кресле второго пилота, Барт оторопело пялился на колоссальную путаницу измерительных приборов, экранов, циферблатов и рычагов управления перед ним.

— Все же чертовски здорово, что эти новые модели летают фактически самостоятельно.

Вандерлинг оторвал взгляд от контрольной панели киберпилота, сплошь усеянной датчиками. Вспыхивая разноцветными огнями, каждый датчик сообщал, что запас воздуха, вспомогательные ракеты, стазисный генератор автономного времени и куча других элементов жизнеобеспечения корабля автоматически проверяются и могут быть введены в работу.

Генерал пристально посмотрел на Фрейдена.

— Я могу управлять этой штукой и вручную, без киберпилота, если понадобится. — Он помолчал, потом добавил: — Прикидываешь, как бы получше меня кинуть, а, Барт?

«Вильям-то, — подумал Фрейден, — по-прежнему ни на йоту мне не доверяет. Хотел бы я знать, есть ли у меня самого основания доверять ему. Да впрочем, кто кому доверяет? Настоящее доверие возникает только тогда, когда вы владеете чем-то таким, без чего другой не сможет обойтись. Следовательно, я *могу* ему доверять».

Подобная логика немного успокаивала.

— Ты опять не желаешь напрягать мозги, Вильям, — небрежно проговорил он вслух. — Желай я тебя подставить, то мог бы повернуть это прямо на Цересе. Стоило только шевельнуть мизинцем. Ты нужен мне, а я нужен тебе. Как только мы подберем планету и примемся за привычную работу, то...

— Как, черт побери, ты собираешься финансировать еще одну заварушку? — буркнул Вандерлинг, отворачиваясь к приборной доске. — Когда мы начинали на Астероидах, у нас, по крайней мере, было два моих корабля, двадцать человек и куча добра, награбленного тобой в Большом Нью-Йорке. А сейчас все, что у нас есть, — наши мозги, эта лодка и телка с длинным языком и замашками принцессы.

— Ты забываешь о контейнерах с корабля Вальдеца. Контейнерах стоимостью в сто лимонов.

¹ Мескалин.

Вандерлинг пренебрежительно отмахнулся:

— Ну да, как же! Десять тюков, которые весят не больше сотни-другой фунтов. И ты рисковал из-за них нашими шкурами! Расскажи-ка, приятель, что в этом мире может стоить чепыреста кусков за фунт?

— Триста фунтов отборных наркотиков, — самодовольно сообщил Фрейден. — LSD, омнидрин, героин, опиум, гашиш, хакслеон... Много всякой всячины.

— Что? — взревел Вандерлинг. — Ты швырнул все бабки на партию наркоты? Я знал, парень, что твои страстишки тебе всегда дорого обходились, но это уж слишком!

— Вильям, дурачина! Даже тебе непозволительно быть таким тупицей! Мы сейчас хозяева кучи наркотиков. Вряд ли кто-нибудь за всю историю старушки-Земли вывозил больше. И не забывай, в составе большинства из них есть такие компоненты, как опиум или пейот. Их невозможно добыть ни на какой другой планете. Это означает, что любой обитаемый мирок в Галактике вынужден импортировать их с Земли. Кстати, строго запрещенное мероприятие. Наркотики — те же деньги, Вильям. И они даже лучше, поскольку имеют цену везде. Можешь ты придумать еще что-либо подобное, универсальное, что можно уволочь скорым темпом на этом суденышке?

— Нет... — пробормотал Вандерлинг с сомнением. — Но куда бы мы ни сунулись с таким товаром, сразу пойдут разборки. Что ты предпримешь тогда? Мы бежим из Солнечной системы, и нас тут же сцапают за сбыт наркотиков. Что-то я не вижу в этом большого смысла.

— Ты учишься, Вильям, ты только учишься, — вздохнул Фрейден. — Ты сам назвал причину, по которой мы должны отыскать такую планетку, где нашим первым и наидостойнейшим покупателем станет само правительство.

— В этом что-то есть, — признал наконец Вандерлинг. — Ты знаешь такую планету?

— Я — нет. Но уверен, что кибер-пилот знает.

Глава 2

В то время как корабль дрейфовал в открытом космосе уже где-то за Плутоном, Фрейден сидел в спартански обставленной кают-компании и хмуро наблюдал за Софией. Подруга с волевой жадностью поглощала невероятный завтрак из яиц, бекона, кофе и тостов, намазанных настоящим маслом.

Не обращая внимания ни на что, кроме еды, София буркнула, так и не подняв взгляда от тарелки:

— Ну и как долго мы будем болтаться на краю света, изводя друг друга?

Фрейден поморщился, но неприятное впечатление на него произвели не слова Софии, а убийственная скорость, с какой девица истребляла скудные запасы славной земной пищи.

— Соф, — проговорил он осторожно, — если ты не поумеришь аппетит, то вся приличная жратва кончится уже через неделю и нам придется пересесть на К-рацион.

Уф! Мысль о мерзкой синтетической кормежке, высокопарно именуемой Космическим Рационом, расстроила Фрейдена больше, чем потеря Федерации. Проклятый кибер-пилот возит-ся с программой убийственно долго!

— Ты, как всегда, уклонился от прямого ответа, — настаивала София, подбирая остатки яичного желтка кусочком тоста. — К твоему сведению, я делаю громадное одолжение, рискуя своим здоровьем и фигурой. Чем скорее у нас кончится запас еды, тем скорее забурчит в твоём нежном животике. Тогда ты, может быть, найдешь для нас планету и мы выберемся из этой долбаной жестянки. Ты, жалкий, дегенеративный, ленивый...

— Ну если я такой урод, — улыбнулся Фрейден, — почему бы тебе не вернуться на Землю? Стоило увязываться за мной? Конфедерации на тебя плевать. Вечеринка завершилась, и ты могла бы...

— Да заткнись, идиот! Из всех мужчин, которых я когда-либо встречала, ты единственный, у которого извилина не только в штанах. У тебя есть нечто вроде мозгов. Я останусь рядом с тобой, нравится это тебе или нет. И буду заботиться о том, чтобы ты мозгами все-таки пользовался почаще.

Пристальный взгляд Барта встретился со взглядом зеленых глаз прелестной чертовки. На мгновение лицо Софии смягчилось, она перегнулась через стол и поцеловала Фрейдена в губы, слегка тронув его ухо кончиком пальца. Барт еще раз напомнил себе, что София — единственное человеческое существо во всей вселенной, которому действительно небезразлично, жив он или уже умер.

Мимолетная волна нежности миновала. София вернулась к завтраку, заметив:

— Почему бы нам просто не отправиться к ближайшей обитаемой планете? Если мы еще какое-то время проведем в этой жестянке из-под сардин в обществе Дятла Вандерлинга, боюсь, что я подхвачу гидрофобию.

— А, брось! Вильям, конечно, не подарок, но не до *такой* же степени.

— Да неужели? Он всего лишь бритая обезьяна. Мочила, который регулярно принимает душ. По крайней мере, я надеюсь, что он моется. Разумеется, он рискует своей жизнью. Но не потому, что хочет сладко есть и пить или сидеть на дорогой наркоте. Или, на худой конец, содержать взбалмошную девку вроде меня. Он весь отдается борьбе, но не затем, чтобы оплачивать свои удовольствия, а просто потому, что борьба возбуждает его сама по себе. В глубине души он обыкновенный садист. Знаешь, мне вряд ли понравятся те сомнительные развлечения, когда его склонность к садизму выйдет наружу в этой летающей тюрьме. Поэтому я и предлагаю спешно направиться к ближайшему густку грязи, претендующему на статус населенной планеты...

— Не все так просто, — нахмурился Фрейден. — У нас достаточно своеобразные и трудновыполнимые претензии. Я как раз работал над этим в течение последних трех часов. И составил программу для кибер-пилота. Нам нужна никому не ведомая планета, с небольшим населением, в стороне от излишне любопытных глаз. Местное правительство должно быть заинтересовано в том, чтобы получить наркотики. И самое главное — с высоким революционным потенциалом.

— Подожди-ка! Я, хоть и смутно, представляю, как механический придурок разродится списком планет с заданными параметрами. А ты пытаешься убедить меня, что компьютерный Маккиавелли в состоянии измерить «революционный потенциал»? Неужели электронные мозги способны переварить такую дрянь?

— Едва ли. Кибер-пилот располагает данными на каждую пригодную для жизни планету Галактики, строго объективными данными. Но существуют определенные — и тоже объективные — критерии революционного потенциала: диктаторский режим, экономическая неустойчивость, жесткое разделение на классы, с характерной для него высокой степенью социального напряжения, — и сотня других. Я просто построил схему, перечисляя эти факторы. Вильям доведет программу, компьютер сопоставит пункты программы с хранящимися в памяти данными и сделает распечатку — список планет в порядке их соответствия заложенной схеме. Думать буду я. Машина просто сортирует материалы, как библиотекарь.

— Наука движется вперед! — хмыкнула София с некоторым сомнением в голосе.

— Вот сейчас я посмотрю, как далеко она продвинулась, — сказал Фрейден беспечно. — Присоединишься?

— Не упущу такой возможности ни за какие коврижки!

Когда они вошли в главную рубку, Вандерлинг вертел в руках длинную ленту распечатки.

— Это список? — спросил Фрейден. — Выглядит устрашающе.

— Отдавал ты себе в этом отчет или нет, но ты всучил мне программу, по которой кибер-пилот выдал оценку революционного потенциала каждой планеты в этой проклятой Галактике, — сообщил хмуро Вандерлинг. — Но, похоже, только у четырех планет он выше пятидесяти процентов.

Фрейден пожал плечами. Примерно этого он и ожидал. В конце концов, и одной планеты будет вполне достаточно.

— Давай-ка глянем на эту четверку.

Вандерлинг пощелкал клавиатурой. Через минуту принтер отбарабанил данные на двух футах бумаги. Вандерлинг оторвал лист и передал его Фрейдену.

Барт пробежал список глазами: Сандаун, Израэль, Сангрия, Черингбода.

«Никогда о них не слышал, — подумал он. — А это означает, что и кто-либо другой — едва ли. Так, пока хорошо. Хм-м-м... Сандаун выглядит удовлетворительно: 8967 Земной Стандарт, население десять миллионов, смешанное русско-китайское... Угу. Население разделено на две примерно равные группы. Хорошая революционная потенция и с той, и с другой стороны. Что гарантирует хроническую революционную ситуацию, которую невозможно будет подавить. Планета, которую легко завоевать, но невозможно удержать в своей власти. Вычеркиваем Сандаун!»

«Израэль... 9083 Земной Стандарт. Девять миллионов населения. Первоначально колонизирован еврейскими ультраортодоксами. Позднее — массовая еврейская миграция. Сейчас управляется Верховным Раввином. Слухи о беспорядках, устраиваемых потомками новоэмигрантов... Хм-м-м. Выглядит многообещающе. Э? Классический английский на планете неизвестен. Государственный язык, и он же единственный, — иврит. Долой Израэль!»

— Ну? — спросила София. — Судя по выражению твоего лица, дела не блестящи.

— Чертовски плохо, что никто из нас не говорит на иврите, — пробормотал Фрейден, не отрываясь от распечатки.

— Иврите? Ты рехнулся окончательно?

— Эй, подожди-ка! — воскликнул Фрейден, и его лицо просияло. — Мы, похоже, попали в точку! Послушайте: Сангрия... Так... Земной Стандарт... население — пятнадцать миллионов человек, неподдающееся учету количество полумразумных существ... Полумразумных? Звучит невероятно!

— Кое-кто из моих лучших друзей — тоже полумразумный, — тихо заметила София.

— Да... действительно, — протянул Фрейден. — Впервые заселена триста лет назад религиозной сектой, известной как Братство Боли... была изгнана из системы Тау-Кита за убийства и ритуальные пытки, что не достоверно... предположительное существование рабов, захваченных в Пропавшей Колонии с Эврики... была обнаружена опустошенной пожаром пятьюдесятью годами спустя... Эй, что скажете об этом? Ни одного официально подтвержденного посещения из внешнего мира в течение двухсот лет. Последний предположительный контакт... это когда было обнаружено ограбленное судно. Двигалось по траектории в пределах одного светового года от Сангрии. На корабле по непроверенным данным находился нелегальный груз героина для Бальдера... И это все, что есть на Сангрию. А, вот еще две звездочки! Какого черта это может означать, Вильям?

— Одна звездочка означает, что планета рекомендуется для посадки только в абсолютно безвыходной ситуации, — сообщил Вандерлинг. — Две, я полагаю, обозначают то же самое, только в превосходной степени.

— Звучит как Черная Дыра Калькутты, — съязвила София.

— Точно! — отозвался Фрейден. — Иными словами, звучит грандиозно! Звучит так, как если бы на Сангрии заправляла славная олигархия психов. Возможно, даже и рабство там имеется. Я бы сам не мог придумать лучших условий для переворота. Еще один хороший симптом: те, кто заказывает на этой планете музыку, заинтересованы в поставке наркотиков. Видимо, не просто пассивный интерес. Сангрия, решено!

— Ты здесь босс, — отозвался Вандерлинг без особого энтузиазма. — Только хотелось бы узнать об этом чертовом месте еще что-нибудь.

— Могу подкинуть тебе пару сплетен, — криво улыбнулась София. — Сангрия — старое испанское слово, и означает оно «кровь».

Стазисный генератор, заключивший корабль в оболочку автономного времени, давал возможность достичь пределов Сангрии за три недели вместо девяноста трех стандартных лет. И все же, несмотря на это, Барту иногда чудилось, будто генератор вышел из строя и пройдут еще столетия, прежде чем корабль дотащится до конечной цели путешествия. Отчетливее всего он ощутил это в тот момент, когда запасы натуральной

пищи иссякли и пришлось сесть на омерзительный К-рацион. Каждый раз, находясь в одном помещении с Софией и Вандерлингом, минуты казались Барту бесконечно долгими. Если Вандерлинг не изливался в жалобах на аппетит Софии, то тогда уж София ныла, поочередно расписывая то предполагаемую склонность Вандерлинга к садизму, то генеральскую тупость или — если ей совсем было не из-за чего ворчать — беспримерное уродство сияющего лысого черепа вояки. Так что ко времени, когда они вышли на орбиту Сангрии, Фрейдену уже было наплевать, что представляет из себя эта планета. Главное — она рядом... «Еще неделя в этой консервной банке, — с отчаянием думал Фрейден, — и я сжую войлочный коврик».

— Добро пожаловать на Кучудерма! — София с кислой гримасой разглядывала появившуюся на главном мониторе планету. — Можешь ты рассказать нам об этом новом Эдеме что-нибудь этакое, чего мы еще не знаем?

Вандерлинг, уткнувшись в грудку снимков, сделанных автоматическим зондом-разведчиком за последние двенадцать часов, прилежно изучал данные аэрофотосъемки.

— Чертовски немного, — признал Фрейден. — Только восточная оконечность одного из континентов выглядит обитаемой. Это и не странно для планеты с населением в пятнадцать миллионов. По большей части — очень маленькие городишки или, возможно, фермы с центральным комплексом зданий. Трудно сказать, что именно. Один большой город... примерно в двести тысяч жителей... и там есть нечто, отдаленно напоминающее космопорт. Вот и вся информация, какую можно получить с орбиты.

— И что теперь, Бесподобный Вождь? — спросила София.

— Теперь... — Барт задумался, потом усмехнулся: — Нужно подсуетиться. План у нас составлен, дело за исполнением. Вильям, проверь-ка, можешь ты выйти на связь с космопортом?

Вандерлинг занялся рацией. Фрейден тем временем как-то странно причмокивал.

— Что-то застряло в зубах? — поинтересовалась София.

— Можно сказать и так... Я вставил в пломбу микропередатчик. Чудная штучка, разряжает тело и снимает проводимость костей. Небольшая, но уместная страховка, в чем ты убедишься, как только мы...

— Получается, Барт! — крикнул Вандерлинг. — Подождите минутку.

Последовал залп разнообразных звуков: шипение, попискивание и пронзительный треск, пока Вандерлинг настраивал приемник; затем в кабину внезапно ворвался отчетливый и громкий голос:

— ...Корабль без опознавательных знаков... Вызываю корабль без опознавательных знаков. Немедленно назовите свои координаты, или же будете уничтожены. Вызываю корабль без опознавательных знаков. Вы немедленно назовете свои координаты, или будете уничтожены...

Что-то необычное слышалось в этом голосе, какая-то маниакальная убежденность, парадоксальным образом смешанная с интонациями лаконичного безразличия.

— Да, воистину теплый прием, — заметила София.

— Блеф чистой воды, — проговорил спокойно Фрейден. — Если бы они имели оружие нужной мощности, у них нашелся бы и прибор, чтоб нас засечь. Им бы не понадобилось запрашивать наши координаты, признаваясь таким образом, что сами они определить их не в состоянии. Два очка в нашу пользу.

Фрейден взялся за микрофон.

— Это Барт Фрейден, президент Федерации Свободных Астероидов в изгнании. Говорит президент правительства Федерации Свободных Астероидов в изгнании. Официально просим о предоставлении политического убежища. Соедините меня с главой вашего правительства или верховным правителем. Немедленно.

Последовала долгая пауза. «Наверное, эти придурки никогда не слышали о правительстве в изгнании. Тем лучше...»

В конце концов голос из эфира произнес — относительно вежливо, но с теми же непонятными нотками сдерживаемой ярости:

— Немедленно сообщите ваши координаты или покиньте нашу систему. Приказываю вам немедленно сообщить свои координаты или покинуть нашу систему.

«Ну, это уже прогресс», — подумал Фрейден. Потом обратился к Вандерлингу:

— Вильям, мог бы ты оснастить одну из спасательных шлюпок, чтобы она действовала как снаряд?

— Думаю, что да. На них поставлены мощные ядерные двигатели. Я подключу таймер, и они сработают на полную катушку. Но точность попадания будет довольно приблизительной.

— Точность не потребует. — Барт снова поднял микрофон. — Послушай, сынок, — пропел он. — Это опять президент Фрейден. Я не привык решать дела с халдеями. Ты соединишь меня с твоим боссом, и сделаешь это по истечении пяти минут. Или же мы обрушим славную, средних размеров атомную бомбу прямо в центр вашего вшивого захолустья. Пять минут. Время пошло.

Ответ был ошеломляюще неожиданным. В течение нескольких секунд Фрейден слышал только чье-то тяжелое дыхание. Потом раздался пронзительный визг:

— Убей! Убей! Убей!

— Какого хрена...

Что-то звякнуло, и наступила тишина. После долгой паузы другой голос, удивительно похожий на первый, произнес:

— Вы изложите свою просьбу Пророку Боли.

— Извести Пророка, что я желаю с ним говорить. Побыстрее. Если через три минуты шестнадцать секунд я не услышу голос шефа, ему на башку свалится одна милая штучка. Итак, счет продолжается.

Прошла минута, потом — еще одна.

— Похоже, нам предлагают устроить небольшой фейерверк в пользу местных оборванцев, — заметил Вандерлинг. — Так до них скорее дойдет, чего мы хотим.

Генерал произнес это так, словно подобная перспектива его нисколько не обескураживает.

— Говорит Моро, Пророк Боли, — донёсся из динамиков глубокий звучный голос.

— Какая жалость, старине Дятлу не удастся поразвлечься... — начала было София, но короткий яростный взгляд Фрейдена заставил ее заткнуться.

— Моро, Пророк Боли, вызывает Фрейдена, президента в изгнании. Во имя Гитлера, излагайте свое дело как можно быстрее. Я не отличаюсь терпением.

— Говорит президент Фрейден. В соответствии с межзвездным правом мы просим политического убежища на Сангрии.

Ответом послужил вкрадчивый смех.

— Здесь только одно право, один всеобщий закон, — проговорил человек, назвавшийся Моро. — Сильному — убивать, слабому — быть убитым. Нам на Сангрии не нужны беглецы и изгнанники. Если, конечно, вы не стремитесь умереть на Арене.

— В такой манере гостеприимные хозяева не разговаривают с парнем, который может подкинуть им на головы хороший заряд, — процедил Фрейден. — К тому же этот парень предлагает вам райское блаженство по рыночной цене.

— Райское блаженство?

— Вы когда-нибудь слышали об омнидрине? — спросил Фрейден.

— Что такое омнидрин?

— Из одного источника, заслуживающего доверия, мне известно, что вы на Сангрии прекрасно знакомы с героином, — невозмутимо вещал Фрейден. — А теперь в десять раз умножь наслаждение, вычти пагубное свойство привыкания — и получишь омнидрин. Точнее говоря, я получу омнидрин. Запас на

два ближайших столетия. Могу продать, если вы заинтересованы. Ежели нет, то...

— Подожди! — вякнул Моро. — Этот омнидрин... Да, я заинтересован. Даже весьма. Можешь совершить посадку в космопорте. Я пришлю за тобой мою личную машину, и мы обсудим этот вопрос с глазу на глаз.

— Прекрасно, — сказал Фрейден. — Чувствуется, что ты человек со вкусом. И не лишен здравомыслия. И, как всякий умный человек, поймешь, что я не посажу на планету набитый омнидрином корабль. Осторожность прежде всего. Я возьму с собой в шлюпку несколько образцов. Мои спутники останутся на орбите. Я ненавижу грубость, и если со мной что-нибудь случится, у экипажа не будет особых причин шадить ваш город. Небольшая бомбардировка...

— Не волнуйся, — откликнулся Моро миролюбиво. — Можешь мне доверять. До скорой встречи. Конец связи.

— Барт, ты свихнулся! — зашипела София. — В ту же минуту, как ты окажешься в потных ручонках этого мерзавца, он заставит тебя посадить звездолет. Он наверняка допер, что ты блефуешь. Даже полному кретину по силам это понять.

— Два очка в его пользу, — ответил Фрейден. Он слегка постучал пальцем по зубу. — И пять — в нашу. Я все рассчитал, не волнуйся. Помнишь о страховке? Вильям, оставайся здесь и следи за сообщениями моего передатчика. Ты не должен и пальцем пошевелить, пока я не прикажу.

— Я иду с тобой, — решительно заявила София, уперев сжатые кулаки в бедра. — Ты ведь намереваешься прыгнуть на раскаленную сковородку? Тогда тебе нужен человек, кто соскребет с нее твою расплюснутую бесподобную физиономию. Кто-нибудь, обладающий хоть чуточкой интеллекта. Да и кроме того, раз уж ты решил глотнуть свежего воздуха, то и я не собираюсь торчать в этом жестяном гробу в обществе старого Дятла.

Фрейден искоса глянул на подругу — зеленые глаза сверкают, гибкое тело напряженно застыло. Барт вдруг отчетливо осознал, как глубоко она его любит. Но любовь — отнюдь не то чувство, чтобы кто-нибудь из них рискнул бы доверить его другому.

— Коль ты так настаиваешь, — пожал он плечами, — у меня, надо понимать, нет выбора.

Само собой, Фрейден не подал виду, что он в любом случае исхитрится бы, придумал предлог и прихватил бы подружку. У Софии находчивости и силы духа побольше, чем у троих мужиков. Барт вряд ли бы признался в этом самому себе, но он стра-

тно хотел видеть ее рядом. Всегда. Правда желательно, чтобы она при этом помалкивала.

— Только с одним условием, — закончил он. — Говорить буду я. *Один*. Ты прекрасная, ослепительная, страстная женщина и любовь всей моей жизни — но дипломатом ты никогда не станешь!

Раскаленная до невыносимой духоты атмосфера Сангрии окутала их сразу же, как только они вышли из шлюпки на бетон (если, конечно, это бетон!) посадочного поля.

Сразу стало ясно, что сангриане не пользовались космопортом уже десятилетия, если не дольше. Бетонное покрытие поля изрезано глубокими трещинами и местами провалилось. Густые пучки сорняков ядовито-желтого оттенка высоко топорщились из провалов. Там и тут сквозь проломы в бетоне пробивались кривые деревца. Окна Центра Управления разбиты, краска давно облезла со стен. На краю поля бесполезно гнили четыре древних, изъеденных ржавчиной космических корабля. Лучшее, что можно с ними сделать, — слепить один способный подняться в воздух корабль, безжалостно выпотрошив все остальные. «Я был прав, — подумал Фрейден. — Им нас не достать».

— Это чучело, наверное, означает почетный эскорт, — сказала София, ткнув пальцем в большую черную машину. Подпрыгивая на ухабах, колымага катила через поле на самых настоящих допотопных колесах с резиновыми шинами. Несмотря на свой древний вид, машина роскошно сверкала в лучах красноватого солнца Сангрии черной лакировкой и блестящей медью отделки. Когда ископаемое остановилось рядом, Фрейден смог расслышать ровное гудение мотора.

Задняя дверца открылась. Из автомобиля вышли два высоких человека в черной униформе и черных фуражках. Фрейден успел заметить, что еще двое остались сидеть впереди рядом с шофером, согорбленным человечком, облаченным в некое подобие черной ливреи.

Солдаты приблизились. В руках они сжимали устаревшие, но достаточно внушительные винтовки огнестрельного типа. У каждого в открытой кобуре на широком поясном ремне висело странное оружие — двухфутовый стальной штырь, заканчивающийся наверняка тяжелым стальным шаром. Шар, как дикобраз, усеян десятками крошечных острых лезвий. Фрейден признал в нем зловещую модификацию древней земной булавы — «моргенштерн». Да, увесистая «звездочка»...

Но самым поразительным и странным показалось все же не оружие, а сами солдаты. Высокие, худые, крайне сурового вида, с одинаковыми залысинами, уходящими ото лба, выступающими вперед подбородками, тонкими носами и маленькими, глубоко посаженными, бесцветными глазками. Может, они братья? Но где-то в глубине подсознания Фрейден был уверен в обратном.

— Ты Барт Фрейден, — проговорил тот, что шел первым. Не вопрос — скорее, утверждение. И сделано тем же своеобразным напряженно-сдержанным тоном, отличавшим сангрианина, с кем Фрейден разговаривал по рации. До тех пор, по крайней мере, пока не разразилась безумная вспышка ярости.

— Я Барт Фрейден, президент Федерации...

— Ты поедешь с нами, — бесстрастно заявил встречающий, указывая на открытую дверцу автомобиля дулом винтовки. Внезапно Фрейден увидел, что зубы у солдата подпилены.

— Ты будешь доставлен к Пророку, — прокаркал второй солдат совершенно таким же голосом, вплоть до интонаций. Кстати, у него обнаружился тот же острый лисий оскал. — Теперь поторопись. Можешь взять свою рабыню с собой.

— Рабыню! — взвыла София. — Ах ты червяк, гидроцефальный сукин сын из мелового периода, ты...

Фрейден поморщился и, лягнув Софию в лодыжку, собственноручно потащил ее к машине.

— Проклятье, Соф, — прошипел он тихо, — наблюдай на здоровье за этими типами и держи свой длинный язык на привязи!

Через пару минут Фрейден и София оказались на заднем сиденье авто, стиснутые с двух сторон солдатами. Бойцы восседали безмолвно и неестественно прямо, будто проглотили по шомполу.

Машина съехала с бетонированного поля космопорта и покатила по более-менее ровному шоссе. «Центральная авеню» — как окрестил его Фрейден.

Шофер, под неусыпным наблюдением солдат, вел машину как лунатик. Или ему, возможно, не стоило заботиться о соблюдении правил дорожного движения. Автомобиль двигался очень быстро, и солдат, сидевший слева от Фрейдена, частично закрывал вид из окна, так что в памяти Барта первые впечатления остались отрывочными и смазанными.

Прекрасные невысокие здания, выстроившиеся вдоль авеню, облицованы синтемрамором, полированным металлом, деревом и выглядели безупречно, но Фрейдену удалось мельком увидеть зловонные лачуги на задворках этого великолепия.

Казалось, в эту часть города доступ ограничен — улица оставалась практически безлюдной на всем протяжении. На одном из перекрестков водителю пришлось круто повернуть, чтобы не врезаться в идущих гуськом нагих женщин — хорошеньких, стройных, рыжеволосых. Единственное, что портило пикантное зрелище, — стальные обручи на шеях девушек и длинная цепь. Шествие двигалось под недреманным оком солдат: высоких, худых, суровых, с редкими темными волосами, маленькими запавшими глазами...

Попадались и другие любопытные персонажи: до странного похожие друг на друга солдаты сопровождают каких-то богато одетых людей; с грузом узлов и свертков тащатся тощие жалкие существа; десятка два совершенно голых мальчишек лет пяти-шести подгоняют солдаты; схожая группа хорошеньких маленьких девочек...

— На этой планете и правда свои порядки, — пробормотала София, когда машина, свернув с авеню, понеслась по бесконечно длинной дороге, взбиравшейся вверх по заросшему травой холму. На вершине маячило обнесенное стеной какое-то огромное сооружение.

— Рад, что ты заметила, — буркнул Фрейден, искоса глянув на солдат. Впрочем, те не проявляли ни малейшего интереса к этому разговору.

— Я имею в виду какую-то странность всего здесь происходящего, — пояснила София. — Конечно, всегда ожидаешь, что на чужой планете что-то покажется противоестественным, но в Сангрии есть нечто такое, чему я не могу даже подобрать определения.

— Что ж, скоро сможешь, — поощрительно заметил Фрейден. — Похоже, мы приехали.

Шофер подрулил к массивным стальным воротам в сплошной бетонной стене. По верху стены через равные промежутки шли маленькие башенки. Из каждой торчал ствол крупнокалиберного пулемета, а рядом переминалась парочка бойцов. Еще четверо вооруженных до зубов часовых стояли по обе стороны ворот. Автомобиль не успел подъехать, как ворота плавно распахнулись. Авто влетело на обширный двор, почти не снижая скорости.

Внутри обнаружилась дюжина незначительных построек, но большую часть этого обширного, замкнутого в форме квадрата пространства занимало вытянутое двухэтажное здание из бетона. Стены, парадный вход и ступени лестницы облицованы черным, с прожилками, синтемрамором. Позади вырисовывалась темная громада стадиона.

Шофер небрежно затормозил напротив главного корпуса, и Фрейден с Софией, подталкиваемые своими провожатыми, вылезли из машины. Их повели вверх по мраморной лестнице, через изогнутый аркой подъезд, у которого толпилась стража, потом по лабиринту освещенных старомодными лампами коридоров. Барт приметил, что они обшиты деревянными панелями. Наконец они остановились перед богато украшенной позолоченной дверью. Дверь охраняли два высоких худых солдата самого свирепого вида.

— Сообщите Пророку, что Барт Фрейден и его рабыня ожидают снаружи, — гавкнул один из провожатых.

Часовой невозмутимо повернулся и проговорил в микрофон, искусно замаскированный причудливым узором на двери:

— Барт Фрейден доставлен, Хозяин.

— Пусть войдет, — гулко произнес из спрятанного таким же образом динамика звучный голос.

Стражник открыл дверь, бесцеремонно пихнул Фрейдена и Софию внутрь и резко захлопнул за ними тяжелую створку. Они оказались в небольшой, пышно убранной комнате. Пол укрыт толстым черным ковром, ноги в нем прямо-таки тонули. Потолок отделан листовым золотом. Из четырех стен три обшиты деревянными панелями удивительно насыщенного темно-красного цвета, а вся поверхность последней представляла собой огромный экран.

Посередине комнаты за большим тяжелым столом сидел невероятно толстый человек. Кроме примитивного пульта управления, на столе стоял внушительный золотой поднос, где на ложе из риса покоился наполовину уже съеденный молочный поросенок. Фрейден вожаделенно посмотрел на жаркое. Разумеется, это не поросенок, а какое-то отдаленно похожее на него животное, но после двух недель на К-рационе любое настоящее мясо сравнимо с амброзией.

Слева и справа от толстяка, закутанного в одноцветную черную хламиду, стояли двое прислужников. Хотя хозяин апартаментов был чудовищно тучен, лицо его говорило о жестокости и достаточно высоком интеллекте: сияющие темные глазки, большой рот с несоразмерно тонкими губами, лоснящиеся черные волосы, крючковатый нос, похожий на маленький клюв, почти утонувший в складках жира.

— Добро пожаловать на священную планету Сангрия, — прокотал он. Его голос оказался глубоким, звучным, с проскользнувшими зловещими нотками. — Я Моро, Пророк Боли. Поговорим об омнидрине, Фрейден. А разговор можно сдобрить забавным зрелищем.

Он ковырнул пальцем пульт, и громадный экран ожил. Камера выхватила крупным планом покрытое липкой грязью дно ямы. Там стояли две рыжеволосые женщины, очень красивые и похожие друг на друга, как близняшки. И — полностью нагие, если не считать грубых стальных шпор, — наподобие тех, что надевают на бойцовых петухов, — стягивающих лодыжки и запястья.

Внезапно обе красавицы сшиблись в приступе неистовой ярости, кромсая роскошные тела шпорами, впиваясь друг в друга зубами, извиваясь в грязи, — плотный, нерасторжимый узел истекающих кровью, охваченных жаждой убийства человеческих существ. Слава Богу, изображение шло без звука.

Как зачарованный, Фрейден смотрел на этот жуткий спектакль, поддавшись страшному гипнозу отвратительной кровавой бойни. «Что же это за планета? — пронеслось у него в голове. — Какими должны быть люди, чтобы?..»

— Да, — зловеще протянул Моро. — Неплохо представлено. Совсем неплохо... — Потом тон его голоса резко изменился: — Эта забава устроена для меня, Фрейден, не для тебя. Ты сосредоточься на насущном. Насущное — это омнидрин. Образцы у тебя с собой?

Едва ли не с благодарностью Фрейден отвел глаза от омерзительного зрелища на экране. Сунув руку в карман, он вытащил маленький полибаг с белым порошком. В его грандиозной заначке омнидрин лучше всего подходил для торговли с правителями Сангрии. Одной дозы достаточно для пяти часов райского блаженства. Разрушить кайф не смогли бы любые внешние раздражители — вплоть до резкой боли и предсмертных судорог. От приема этой дури не возникало физической зависимости, не было никаких видимых симптомов абстиненции. Однако каждый, кто слишком долго кайфовал, постепенно попадал в зависимость чисто психологическую. Что-то вроде крепнущего желания забить болт на все превратности реального мира. Такая зависимость страшнее любых ломок, жертва никогда не может точно определить момент захлопнувшейся мышеловки. Подсаженная на омнидрин олигархия Сангрии со временем дойдет до скотского отупения и полнейшего безразличия ко всему на свете.

— Вот он, Моро. — Фрейден протянул Пророку полибаг. — Самый крутой наркотик из всех известных человечеству. Пять часов блаженства в одной дозе, никаких побочных эффектов, ни малейшей опасности привыкания. Ты можешь его есть, нюхать, колоть — инъекция, конечно, действует быстрее всего. Попробуй, я захватил с собою шприц...

Пороссячи глазки Моро жадно вспыхнули. Он протянул за пакетом пухлую руку, но, поколебавшись, тут же отдернул обратно.

— Не так скоро. — Он впился в Барта пристальным взглядом. — Ты не доверился мне. У меня тоже нет оснований доверять тебе. В конце концов, это может оказаться отравой.

— Ну и чего я добьюсь, отравив тебя?

— Ничего, — признал Пророк. — Но, насколько я знаю, твои представления о наслаждении могут быть весьма... экзотичными. Ты попробуешь наркотик первым.

Фрейден сглотнул. Конечно, одна-единственная доза вряд ли полностью переклинит мозги, но все же торговаться под балдой — верный способ вернуться без гроша в кармане. «Иногда, — подумал Барт, — честность действительно становится лучшей политикой».

Президент в изгнании понимающе улыбнулся:

— Толковее не придумаешь! Мало того, что мы на твоей земле, ты еще и предлагаешь вести торг, накачавшись омнидрином. Одна порция зелья — и самая вшивая цена покажется мне грандиозной. Нет, сэр, если вы уж так хотите, чтобы я принял наркотик, — сделаем это одновременно. Тогда, по крайней мере, будем на равных.

Смуглое лицо Моро исказилось гримасой бешенства. Однако он сумел подавить вспышку.

— Ты, видимо, отдаешь себе отчет, что я мог бы заставить тебя. — Пророк пожал плечами. — А с другой стороны, к чему эти утомительные препирательства, когда вокруг столько бесполезных рабов, годных лишь для пополнения общественной Кладовой.

Моро нажал кнопку на пульте и отрывисто распорядился:

— Раба, немедленно! Какого-нибудь старика.

— Пока мы ждем, — заметил он Фрейдену, — вы могли бы поесть. — И он небрежно указал на остатки жаркого на столе.

— Не возражаю, — отозвался Фрейден. — Соф?

— Чем бы это ни было, по крайней мере — не поганые отбросы из К-рациона. Я умираю, хочу настоящей еды, Барт. Отрежь и мне кусочек.

Ножом, лежавшим подле подноса, Фрейден отхватил два приличных ломтя и один передал Софии. Управляясь с мясом, он кинул быстрый взгляд на Моро. По плотоядному выражению на лице Пророка было видно, что тот вернулся к зрелищу на экране. Сам Фрейден, поднося жаркое ко рту, тщательно избегал смотреть на картину бойни.

Мясо оказалось душистым и свежим. Фрейден жевал, смакуя новый для себя вкус. Приятное сочетание нежности барашка и тонкой пикантности свинины. Только соли чуть многовато. «В

общем-то не так плохо, — решил Барт. — Какая жалость, что здесь нет А-Минга. Вот кто сумел бы состряпать из этого восхитительные вещи».

Фрейден прикончил один кусок и уже собирался отрезать новый, когда охранник ввел в комнату сутулого, сморщенного старика. Жалкие телеса едва прикрыты набедренной повязкой, к тому же щедро исполосованы рубцами и шрамами. Аппетит у Фрейдена моментально пропал. София тоже перестала жевать.

— Дай ему порцию, — приказал Моро.

Фрейден растворил немного омнидрина в пузырьке с дистиллированной водой, наполнил шприц и ввел наркотик в набухшую вену на левой руке старика. Тот, не протестуя, тупо озирает пространство перед собой.

Тотчас же после инъекции лицо старикашки расплылось в гримасе безграничного блаженства. Он глупо ухмыльнулся и стал оседать на пол, так что стражнику пришлось его поддерживать. Старик пялился на свирепую рожу солдата, на кровавое месиво с той стороны экрана — и сиял, сиял, сиял.

Моро изучал раба, как любопытный экземпляр насекомого.

— Так ты счастлив, а? — спросил он.

Старик разразился низким булькающим смехом и, с трудом остановившись, невнятно пробормотал:

— Да, Хозяин, счастлив... счастлив... счастлив... — И уже полностью потеряв контроль над собой, опять захихикал.

— Посмотрим, — хмыкнул Моро. — Бейте его!

Солдат, удерживавший раба в вертикальном положении, завел ему руки за спину, а его напарник, стоявший слева от Моро, выступил вперед и принялся наносить беспощадные удары — в живот, шею, лицо. Кровь из разорванной губы и носа потекла по подбородку, но старик неудержимо гримасничал и хихикал.

Моро улыбнулся, очевидно довольный происходящим.

— Достаточно, — бросил он наконец. — Уберите его.

Охранник поволок прочь искалеченного раба. Даже тогда этот несчастный не перестал бессмысленно скалиться и смеялся, захлебываясь собственной кровью.

— Действительно, — промурлыкал Моро. — Прекрасный наркотик. Взять его!

Один из солдат вцепился во Фрейдена. Барт не сопротивлялся, изначально ожидая чего-нибудь подобного.

— Рабыню тоже!

Руки Софии заломили назад.

— Рабыню? — взвизгнула она. — Ах ты гнида! Волосатый бычий пузырь, мать твою...

— Заткнись! — проревел Фрейден.

— Для человека, который был президентом, ты не очень-то умен, Фрейден, — злорадно оскалился Моро. — Ты и вправду рассчитывал, что я не отберу у тебя наркотик без лишних разговоров? Сильный — убивает, слабый — умирает. Сейчас ты прикажешь своему экипажу совершить посадку. Если будешь достаточно расторопен и не причинишь мне ненужного беспокойства, могу пообещать тебе сравнительно легкую смерть. Если же нет... — Пророк вздернул плечи и по-волчьи ухмыльнулся.

— Тебе тоже далеко до Эйнштейна, — спокойно ответил Фрейден. — Моим людям дано распоряжение подвергнуть город атомной бомбардировке, если они не получают дополнительных инструкций в течение часа.

— Сейчас тебя отведут к передатчику, и ты отменишь идиотский приказ!

— И не подумаю. Ты зря на это рассчитываешь.

Моро пренебрежительно поморщился.

— Пара минут надлежащих пыток вправит тебе мозги. Кстати, и день выдался таким скучным... Это взбодрит.

— Смотри-ка сюда, — проговорил Фрейден, широко разинул рот и дотронулся языком до коренного зуба. — Здесь стоит микропередатчик. Весь наш разговор идет на корабельные мониторы. Играй в открытую, или через пять минут превратишься в радиоактивную грязь. Мне надоели эти глупые кошки-мышки.

— Ты блефуешь! — сказал Пророк негодуя. — Бомба прихлопнет и тебя.

— На этот раз ты прав. Вся хитрость в том, что мне нечего терять. Ведь ты все равно собирался меня убить, вспомни! А вот ты потеряешь все. Хочешь играть с таким раскладом? Ну давай! Если ты выиграешь, в твоём распоряжении — отличный труп. Если проиграешь — сам покойник. Что до меня, то какая разница? Ставку делаешь только ты. Впрочем, я никогда не был особо азартным игроком.

Глаза Моро вспыхнули, он сжал кулаки. Потом вновь передернул плечами.

— Я тоже. К счастью, эту партию я могу позволить себе проиграть. Очень хорошо. Мне понравился наркотик. Назови свои условия.

— Наконец-то ты заговорил разумно! Я буду продавать тебе омнидрин — некоторое умеренное количество ежемесячно. Основной запас останется на орбите, на тот случай, если тебя посетят еще какие-нибудь сумасбродные фантазии. О цене договоримся сразу же, как только я ознакомлюсь, чего стоит местная валюта.

— Валюта? — переспросил Моро, нахмурившись. — Что это такое?
— Деньги, — объяснил Фрейден смеясь. — Ты, наверное, слышал о деньгах?

— Деньги?.. Ах да, символические знаки обмена. На Сангрии не существует денежной системы. Я владею планетой, Братством и Киллерами. У Братьев собственные рабы, мясные стада и Киллеры. Сильные отбирают все, что им нужно, у тех, кто слабее. Нет нужды в знаках обмена.

— Тогда, может, объяснишь мне, как ты собираешься расплачиваться за наркотик?

Моро стиснул зубы, на скулах у него заиграли желваки.

— Хм-м-м... Ладно, почему бы и нет. Ты лучше большинства этих глупцов. Ты будешь посвящен в Братство Боли. И останешься полноправным Братом до тех пор, пока не перестанешь поставлять омнидрин.

— Я уже обладаю всеми приглянувшимися мне почетными титулами, — заметил Фрейден. — Какие права даст мне это в реальности?

— Все, что может предложить Сангрия! — гордо возвестил Пророк. — Твои собственные Киллеры. Любые рабы, которых ты выберешь из числа никому еще не принадлежащих Животных. Мясные стада. Абсолютная власть над всеми существами планеты, исключая меня, других Братьев и нашей собственности. Место в Павильоне в День Боли. Земля, если захочешь.

Фрейден улыбнулся. Многообещающее начало. Гораздо больше того, на что он мог рассчитывать. Возможность действовать, возможность влиять.

— Что ж, сдача твоя, — кивнул он. — Но с землей я пас. Я парень городской.

— Хорошо. Завтра состоится посвящение. Сейчас тебе покажут твою квартиру. Ступай. Я желаю наблюдать за развязкой этого состязания в одиночестве.

Выходя вслед за сопровождавшим его солдатом, Фрейден увидел, что внимание Моро уже вновь полностью приковано к экрану. Сам он постарался не смотреть в ту сторону. «Наслаждайся, пока можешь, жирный боров! Грядет Революция!»

Глава 3

«Рабыня останется в доме».

Это была долгая ночь для Барта Фрейдена — ночь, полная размышлений, почти не оставивших места для сна. Вдвоем с

Софией они оглядели отведенное им помещение — надо признать, довольно роскошное — и остаток дня потратили, шныряя по крепости, пытаясь определить ее местоположение.

Как обнаружил Фрейден, солдаты переполняли двор и, казалось, заправляли здесь всем. Их были сотни, если не тысячи. И все неестественно похожи друг на друга — одинаково жилистые, с выступающими подбородками, маленькими запавшими глазами, волосами, высоко поднимающимися от линии лба. Если бы существовали виды не только собак, но и людей, то эти сошли бы за настоящую породу. Бультерьеры, не иначе! Они могли ответить только на очень простые вопросы, касающиеся голых фактов: сами они звались Киллерами, город — Сад, аборигены, которых, кстати, нигде не было видно, известны под кличкой «Жуки» и принадлежат, судя по всему, к какой-то разновидности роя или муравейника. Любой наводящий вопрос, когда Фрейден осторожно пытался прозондировать почву, наталкивался на бессмысленный непонимающий взгляд.

На свободу передвижений по открытому двору были наложены нелепые ограничения. Когда Фрейден попытался войти в одно из небольших приземистых строений, в дверях которого бесследно исчезла длинная вереница пухлых маленьких мальчиков, охранник завернул его прочь лаконичным движением ствола. В то же время никто не препятствовал Барту наблюдать за одиноким Киллером, муштрующим отряд пареньков постарше, одетых в маломерную форму Киллеров, вооруженных небольшими, но весьма убедительными винтовками и «звездами». Пацаны так походили на взрослых, словно были одним выводком этой странной породы — вплоть до острых подпиленных зубов. Но едва Фрейден вознамерился, вслед за группкой хорошеньких малышей, проникнуть в здание, где мелькали точно такие же, но уже взрослые девушки, ему опять преградили путь. А несколько человек в черных просторных мантиях, на которых вездесущий Фрейден случайно натолкнулся, вообще проигнорировали его, словно животное.

Когда после плотного обеда из нескольких пикантных мясных блюд они уединились в спальне, София заметила:

— Барт, давай вернемся в шлюпку. Пора убираться. Мне здесь не нравится.

Фрейден присел на кровать рядом с Софией и поцеловал подругу. Губы ее едва шевельнулись в ответном поцелуе.

— Пожалуй, я не в настроении. — Она наморщила лицо в кислой гримасе: полуиспуг, полуотвращение. — Эта Кучадерьма сущий бедлам. Старая дрянь Жиртрест смотрел, как женщи-

ны рвут друг друга на части, и упивался... А те ужасные мальчишки с винтовками? Ты видел их зубы? Прелестные девочки, похожие друг на друга, как капли воды?.. Барт, они здесь *разводят* людей! Они разводят людей, как животных. Все Киллеры так похожи, словно псы одного помета... Чудовищно! Мы, конечно, не ангелы, но и не монстры же! Что за клоака! Нужно сваливать отсюда!

— Это определенно клоака, Соф, — согласился Фрейден. — Но вспомни, на что была похожа Новая Африка? Явно не райские кущи. Эта планетка более чем созрела для революции. Я это чую. Чем хуже для народа, тем лучше для нас. Я знаю, что делаю. Через год это будет *наша* планета. Тогда я положу конец всем мерзостям, обещаю. Дай мне только один год, Соф. Если за год я не приберу к рукам дыру вроде этой, впору будет повеситься.

— Хорошо, хорошо. Но ты не должен идти завтра на идиотскую церемонию один. Я пойду с тобой.

Она положила руки ему на плечи, заглянула в глаза и с вымученной улыбкой сказала:

— Ты, может, и свинья, Барт Фрейден, но свинья единственная и неповторимая. Я не намерена тебя терять.

Он посмотрел на нее сверху вниз — на буйные рыжие волосы, решительно сжатые губы.

— Пойдем, если ты вправду так думаешь, — сказал он. — Я знаю, у меня паршивый вкус на баб, но ты — лучшее, что я смог выбрать. Под этими пышными формами я временами угадываю сердце маленькой девочки.

— Прекрати гнать сентиментальщину и лезь в кровать, — ответила София. — Вроде бы я опять в порядке. В конце концов, чем нам еще здесь заниматься?

И вот теперь разбудивший их Киллер бесстрастно повторил:

— Рабыня останется в доме.

— Но она хочет увидеть Обряд Посвящения, — настаивал Фрейден. — Пусть у нее и скверный нрав, но это моя любимая рабыня, и я желаю ее порадовать.

— Только Братьям дозволяется присутствовать при Посвящении, — монотонно бубнил Киллер. — Даже Киллеры не допускаются. Ты должен отправиться немедленно.

Фрейден пожал плечами:

— Соф, ты слышала, что сказал начальник?

— Я не хочу, чтобы ты был там один, — надула губы София. Фрейден покачал головой. Потом цыкнул зубом.

— Совсем один я там не буду.

— И эта мерзкая штучка работала у тебя всю ночь? Дятел слышал все, что... Барт, ты развратный, грубый, дегенеративный...

— Просто не было возможности его отключить, — сказал Фрейден. — Пошли, друг, — добавил он, поворачиваясь к Киллеру. — Я уже упоминал, у этой женщины невыносимый характер! — И, опередив Киллера, он прошествовал через холл, сопровождаемый бурным потоком изощренных непристойностей.

Киллер проводил Фрейдена до небольшой двери, выкрашенной тусклой черной краской, распахнул, толкнул Барта внутрь и с грохотом захлопнул дверь у него за спиной.

Фрейден оказался в странной, средних размеров комнате, тут же пробудившей в нем жуткое чувство. Барту показалось, будто он втиснут обратно в материнскую утробу. Потолок и стены затянуты тяжелым черным бархатом, придающим помещению какой-то сверхъестественный вид: оно казалось безграничным, лишенным очертаний. Единственный источник света — яркий огонь, пылающий в большой медной жаровне. Языки пламени отбрасывали зловещие зыбкие тени на тяжелые складки драпировки. Перед жаровней стоял грубый деревянный алтарь. Его поверхность испещрена порезами и черными засохшими пятнами. На алтаре лежали острый топорик и длинный тонкий меч. Это уж совершенно не понравилось Фрейдену.

Черный бархат одной из стен за жаровней разошелся, и в отверстии появилась огромная тучная фигура, закутанная в длинную черную хламиду, — Моро. Голову его покрывал капюшон. Еще десять таких же фигур вошли в комнату вслед за Пророком Боли. В руках одного из Братьев было черное одеяние, еще один держал точно такое же, но белое. Последний из этой процессии задернул за собой тяжелые портьеры.

Моро взял белую мантию, приблизился к Фрейдену и, передавая ему эту странную одежду, торжественно сказал:

— Взыскающий Братства облечется в Одежду Невинности. Пусть Взыскающий знает, что при любых обстоятельствах сказанное во время Посвящения слово означает немедленную смерть.

Фрейден неохотно надел белую хламиду.

«Поучаствуем в этом идиотском спектакле. Поиграем невыученную роль». Ему захотелось узнать, что подумает об этой варварской церемонии Вандерлинг, ведь он все слышит через микропередатчик. Возможно, живущий в нем первобытный человек откликнется на призыв нелепого мумбо-юмбо.

Моро отступил к алтарю и положил свои мощные лапы на иссеченное дерево. Остальные Братья выстроились по обе сто-

роны от него растянутым полукругом — пятеро по одну руку, пятеро по другую.

Моро впился взглядом во Фрейдена; его крупное лицо с порсячьими глазками и крошечным носом-клювом в оранжевых отблесках пламени приобрело дикие черты какого-то безумного величия.

— Вселенная мертва, — затянул Моро торжественно. — Это пристанище холода, огня и случайной смерти. Вселенная бессмысленна. У вселенной нет желаний и воли.

— Только в существовании человека есть смысл, — подхватили Братья. — Только у человека есть воля.

— Только в противоположностях есть смысл, — заунывно выводил Моро. — Только между противоположностями возможен Выбор. Только в самом Выборе может быть Смысл. Только в Смысле может быть Существование.

— И мера Существования — человек, — пели Братья.

Фрейден нервно переминался с ноги на ногу. Ощущалось нечто глубоко пугающее в этом пустом, бессодержательном ритуале. Потом он понял, в чем дело, — и Моро, и Братья были абсолютно серьезны. Они верили в каждое слово этой тарабарщины!

— Жить и не Существовать — значит не жить вовсе. Животные живут, люди — Существуют. Нужно выбрать. Нужно оставаться Животным или стать человеком. Есть только один подлинный Выбор — между действием и подчинением, Наслаждением и Болью. Наслаждение и Боль суть великие противоположности. Животные принимают Боль и тем самым дают Наслаждение. Люди получают Наслаждение и тем самым даруют Боль. Нужно выбирать.

— Выбирай! — пели Братья. — Человек или Животное? Выбирай! Выбирай!

— Братство состоит из человеческих существ, сделавших выбор; — речитативом тянул Моро. — Братство Боли — это Братство существ, посмеявшихся стать людьми. Братья предпочли давать Боль, брать Наслаждение. Братья убивают — и, значит, они истине живут. Посвящение — это обряд Великого Выбора.

— Брат или Животное? — пели скрытые капюшонами люди. — Наслаждение или Боль? Жизнь или смерть? Убивать или быть убитым? Выбирай! Выбирай!

Сверкающие глазки Моро встретились с глазами Фрейдена. Этот взгляд властно удерживал Барта, как кобра удерживает крысу.

— Близится минута Великого Выбора, Взыскующий Братства, — проговорил Пророк. — В эту комнату входят Братья и Животные, те, кто сделал выбор, и те, кому предстоит его сделать. Присутствовать на этом обряде — значит уже выбрать. Или, став че-

ловеком, войти в Братство — или умереть, как Животное. Только те, кто сможет убить, покидают эту комнату живыми.

Из складок одежд Братья извлекли длинные острые кинжалы.

— Час Великого Выбора настал! — крикнул Моро. — Убей, чтобы не быть убитым! Пришло время решать! Принесите сюда человеческое Животное!

Один из десяти Братьев спрятал кинжал в ножны и бесшумно отступил за тяжелые занавеси. Минуту спустя он появился опять — и его ноша заставила Фрейдена содрогнуться. Кровь, будто лед, застыла в жилах, колени затряслись. «Нет! Нет! Нет!» — кричал рассудок, а руки, словно давя внутренний вопль, сами собой сжались в кулаки, так что ногти впились в кожу.

На руках, осторожно прижимая к черной рясе, Брат держал голенького малыша.

Ребенка передали Моро. Тот положил его лицом вверх на иссеченный деревянный алтарь. Только теперь Фрейден понял, что многочисленные отметины оставили лезвия топоров, а темные пятна — засохшая человеческая кровь.

Моро внимательно разглядывал Барта, изучая его реакцию. Потом поднял с алтаря топор, силой вложил в безвольно повисшую руку Фрейдена и сказал:

— Час Выбора. Не говори ни слова, иначе умрешь. Через смерть Животного ты станешь Братом. Пощадив его, умрешь сам. Это твой Великий Выбор, Взыскующий Братства. Сделай его сейчас... или это сделают за тебя.

С этими словами Моро взял с алтаря меч и приставил острие к кадыку Фрейдена. Братья окружили их: клинки наготове, глаза горят.

Фрейден оцепенело смотрел на нежное личико ребенка, очевидно одурманенного наркотиками. Барт не только не мог вымолвить ни слова, но и двинуть хоть одним мускулом. Топор в руке содрогался, словно живое существо. Барт поднял глаза, увидел застывших в ожидании Братьев, увидел Моро, каждой унцией своего грузного тела готового податься на меч, напряженно ждущего того момента, когда лезвие войдет в горло Фрейдена.

Бессмысленно думать о выборе столь чудовищном. Нет! Уж лучше умереть, отказаться, предоставить другим принять решение...

— Сейчас! — безжалостно потребовал Моро. — Сделай свой выбор или умри! Убивай или умри! Сейчас.

Фрейден зажмурил глаза. И кожей почувствовал, как лезвие чуть двинулось вперед. Плоть подалась металлу, и по шее поползла тонкая струйка крови...

Время остановилось. И только невидимые волны от невыносимого напряжения побежали в прошлое и будущее.

Фрейден, зачинавший бунты и сражавшийся с бунтовщиками, Барт Фрейден, готовый затеять еще один кровавый переворот на новой планете; сам за всю свою жизнь не убил ни одного человека. Никогда не оказывался он в ситуации, подобной этой. Никогда его не принуждали так отчетливо задуматься о собственном бытии. Убивай или будешь убит. Это уже не абстрактная проблема из области философии или моралистики. В руке топор, а к горлу приставлен меч. В сознании отчетливо вспыхнула картина последующих событий: трепещущее тельце, отрубленная головенка и кровь, кровь, кровь...

Он не может! Он не делает этого!

Видение внезапно сменилось. Барт увидел себя самого, с перерезанным горлом, кровавые куски мяса и хрящей висят по обе стороны зияющей раны. Он ощутил страшную, до костей пронзающую боль, представил ленивую тьму, медленно подступающую со всех сторон. Мозг угасает, мозг задыхается от нехватки кислорода! И вот — Барт Фрейден мертв. Со дна души, из глубин естества — мускулов, сердца, потрохов — страшным спазмом поднялся вопль. Нет! *Только не я!*

Судорога всколыхнула тело, резанула по нервам. Мышцы сократились, топор взлетел по широкой дуге и опустился на алтарь. Раздался короткий пронзительный крик, глухой звук удара, отвратительный хруст. Барт скорее почувствовал, чем услышал, мгновение слабого сопротивления — и мощная отдача в руке, когда топор, разрубив живую плоть, вошел в деревянную крышку алтаря.

Фрейден обмяк; лишь веки оставались судорожно сжатыми. В страшной черной пустоте и безмолвии только единственная тонкая ниточка удержала его над пропастью безумия. Ниточка, что, затвердев и натянувшись, превратилась в стальной трос принятого решения.

Они умрут! Все до одного. Братство, заставившее его свершить над собой такую гнусность, должно исчезнуть. Когда победит революция, ни от Моро, ни от упырей-Братьев не останется даже горстки праха. Они будут истреблены, как бешеные псы.

«Я убью их всех. Убью... убью... убью...»

Запах паленого и увесистая оплеуха заставили Барта открыть глаза. Моро, одной рукой сжав подбородок Фрейдена, другой записывал ему в рот кусок поджаренного мяса.

Барт тупо жевал, глядя на Братьев, угрожающе размахивающих клинками, — и чувствуя тот же солоноватый изысканный

вкус человеческого мяса, которым бездумно наслаждался меньше чем день назад.

И когда они снимали с него белую мантию и облачали в черную рясу, только холодная ярость и ненависть остановили приступ рвоты. Отныне пути назад нет! Нет места состраданию, слабости или отвращению. Он не сможет жить с таким грузом на сердце. Его будет тошнить от самого себя, пока Братство Боли не превратится в безмянные останки в безвестной могиле. «Я убью вас всех! — поклялся Барт. — Уничтожу так тщательно, что ни одна живая душа не будет помнить ваших имен! Или того, что произошло в этом мрачном месте...»

— Добро пожаловать, Брат, — пели люди в капюшонах. — Добро пожаловать в Братство Боли!

Глава 4

«Брат или Животное? Наслаждение или Боль? Жизнь или смерть? Убивать или быть убитым? Выбирай! Выбирай!» Странные слова наполнили пилотскую рубку звездолета. Они сочились внутрь — отдаленные, но громкие, отчетливые, с каким-то металлическим призвуком. Вильям Вандерлинг сидел в штурманском кресле. На лице застыло озадаченное выражение, взгляд блуждал. Генерал весь обратился в слух, зачарованный тем, что происходило на планете далеко внизу.

«...В эту комнату входят Братья и Животные, те, кто сделал выбор, и те, кому предстоит выбирать...»

«Бо-же! — думал Вандерлинг. — Что ж за местечко отыскал для нас Барт? По-моему, у аборигенов белая горячка».

Эх, жаль, что в передатчик Фрейдена нельзя вмонтировать и видеокамеру. Совершенно очевидно, что Барта притащили на что-то вроде шабаша... Великий Выбор... Наслаждение... Боль... Звучит как бред алкаша. Любопытно, как старина Барт умудряется сдерживать хохот?

Голос в передатчике перешел в пронзительный, угрожающий крик:

«Убивай, или убьют тебя! Пришло время решать! Принесите сюда человеческое Животное!»

— Человеческое Животное! — проворчал Вандерлинг. — Иисусе!

«Через смерть этого Животного ты войдешь в Братство, пощадив же его, умрешь сам...»

Да, так и есть! Человеческое жертвоприношение! Теперь вся революция полетит в трубу. Барт и кошки не пристукнул за свою жизнь, кишка у него тонка. Судя по всему...

«Выбирай или умри! Убивай или будешь убит! Немедленно».

— Они же грохнут его! — Вояку аж пот прошиб. — В каком дерьме я тогда останусь?

«Черт бы тебя побрал, Барт, — метались лихорадочные мысли. — Цыплячья твоя душонка. Не можешь дать себя прирезать».

Потом повисло долгое зловещее молчание... Звук глухого удара! И одновременно с ним короткий слабый вопль.

— Барт! — подскочил Вандерлинг. — Господи, они убили его!

И тут раздалось иступленное мрачное песнопение:

«Добро пожаловать, Брат! Добро пожаловать в Братство Боли!»

На мгновение у Вандерлинга отвисла челюсть. Потом странная улыбка появилась на устах — кривая, понимающая улыбка, улыбка плотоядного удовлетворения.

«Он сделал это, — ухмылялся Вандерлинг. — Сделал, сукин сын! Барт убил! Собственными руками. Эти сангриане, в конечном итоге, разбираются в подобных вещах. Убивай, или убьют тебя, а? Так оно и есть на самом деле. Убивай или будешь убит — и никаких колебаний!»

Вандерлинг расхохотался. Хриплый, лающий хохот. Смех-стаккато, как автоматная очередь. «Посмотрим, как-то теперь старина Барт будет преподносить свое ханжеское дерьмо. Барт Фрейден, *убийца*. Это прочистит тебе мозги».

Вандерлинг испытывал сильнейшее оживление. Вот он, козырной туз в рукаве. Добро пожаловать в клуб, Барт. Добро пожаловать туда, где все по-настоящему.

Вандерлинг стоял подле шлюзовой камеры, придав физиономии нарочито постное выражение, когда дверь скользнула в сторону и Барт Фрейден, сопровождаемый Софией, шагнул внутрь корабля, — походка развязная, плечи вздернуты. Он улыбнулся, самодовольно кивнул. «Господи Боже, — растерянно подумал Вандерлинг, — а приятелю, по-моему, хоть бы хны!»

— Наконец-то наши стопы попирают суверенное пространство за этой дверью, — важно провозгласил Фрейден. — Ты видишь перед собой добропорядочного члена Братства Боли — местного правительства, церковной общины, мафии и лобби — весь скромный букетик в одной упаковке. Скромный, но изящный.

— Никаких... э... затруднений? — осторожно спросил Вандерлинг, слабо надеясь по крайней мере немного раздразнить

Фрейдена, чтобы тот выдал себя, признав подлинность всего произошедшего.

— Все проще пареной репы, — отмахнулся Фрейден с приводящей в бешенство беспечностью. — Если б это было партией в покер, наш прославленный Моро проигрался бы до нитки.

Последние слова он бросил уже на ходу, направляясь в кают-компанию, и Вандерлинг довольно уныло последовал за ним. «Проклятый заливала», — пыхтел он про себя. И все же не смог подавить чувство невольного восхищения. При этом он заметил, что София как-то непривычно молчалива и, казалось, украдкой поглядывает на Барта, чуть по-другому, чем раньше. Может, чуть пристальнее... Интересно, рассказал ли он ей?

Едва они ввалились в кают-компанию, Фрейден плюхнулся на стул, выхватил сигару из стоявшей на столе коробки и закурил.

Он пустил облачко густого дыма и вздохнул.

— Последняя коробка. — Барт скроил трагическую гримасу. — Да и та наполовину пустая. Придется проверить, можно ли выращивать табак на этой Кучедерьма.

«Проклятье! — вспыхнул Вандерлинг. — Провались ты со своими сигарами, жратвой и болтливой девчонкой».

— Может, ненадолго прервешь причитания, — перебил он Фрейдена, — хотя бы для того, чтоб толком прояснить обстановку. Я устал сидеть тут, замурованный в жестянке. Когда наконец можно действовать? После трех недель в этом чертовом склепе даже задрипанная планетка вроде Сангрии покажется раем.

София наконец открыла рот:

— Ты еще не видел наш маленький Эдемский сад, Врежь-в-Плешь. Когда увидишь, может быть, предпочтешь торчать на корабле... до конца своих дней.

— Когда я захочу узнать *твое* мнение, — огрызнулся Вандерлинг, — пошлю тебе срочной почтой лазерограмму, с оплатой при доставке. Ну так что там такое, Барт? Когда стартуем?

— Мы уже стартовали и вовсю бежим, — сказал Фрейден. — В представлении участвуют мистер Снаружи и мистер Изнутри. Я, в качестве мистера Изнутри, уже веду свою игру: Брат Барт, досточтимый член Братства Боли, пользующийся всеми привилегиями... до тех пор, пока у него не иссякнет омнидрин. Официально я сюда явился за партией наркоты на ближайший месяц. Я отведу шлюпку номер один обратно в Сад. Это большой город, названный так, между прочим, в честь некоего маркиза, что может дать тебе общее представление о нравах и обычаях Братства. Я на время останусь его членом, потружусь над Братьями — подсажу их на омнидрин, да и вообще поворошу боло-

то. Ты тем временем возьмешь вторую шлюпку и выступишь на сцену как мистер Снаружи. Приземлишься где-нибудь в малонаселенной местности — и давай, поднимай партизанскую войну. Думаю, кое-какие детали я смогу набросать тебе прямо сейчас. Революционная потенция здесь очень высока — выше всех тех, что я когда-либо видел. Братство владеет всей планетой, остальные причислены к животным и обладают всеми соответствующими правами, так что завербовать их будет нетрудно.

— А что насчет оружия? — хрюкнул Вандерлинг. — Нельзя ожидать, что при таких порядках и экономике, как здесь, у этих голодранцев будет хотя бы по дрянному пугачу.

Фрейден улыбнулся:

— Лучшее, что есть у оппозиции, — огнестрельные винтовки старого образца. Лазерного оружия нет и в помине. У тебя не будет проблем с ружьями, они появятся, как только ты раскрутишься — отнимай да бери себе.

— И как же я должен буду отнимать оружие? Голыми руками?

— Доверься своему старому доброму дядюшке Барту, — усмехнулся Фрейден. — Во второй шлюпке посреди прочего добра найдется пара ящиков со снайперами. Годится, чтобы забить первый клин.

Вандерлинг опять против воли восхитился приятелем. Барт снова был на шаг впереди событий. Снайпер, Интерференционный Огнемёт, также известный как Нож-без-Лезвия или Большой Резак, — оружие в условиях партизанской войны просто незаменимое. Посредством хитроумных шуток, доступных пониманию только кучке яйцеголовых, снайпер выплевывал убийственный луч, не толще одного ангстрема. Луч интерферировал внутриатомные связи любого вещества, находящегося в пределах пятидесяти ярдов от дула. Эффект сравним с действием огромного, безгранично острого невидимого ножа. Он резал камень, сталь, живую плоть и все остальное, что только можно придумать, так же легко, как если бы это был просто-напросто подогретый сливочный сырок. Снайпер работал абсолютно беззвучно, выстрел не сопровождался предательской вспышкой, и таким образом становился идеальным оружием для стрельбы из засады.

— Что ты еще припас мне к Рождеству, о Санта-Клаус? — скромно спросил Вандерлинг. — Когда приступаем?

— Нет времени лучше настоящего, — изрек Фрейден, переходя на афоризмы. — Я отправлюсь в город, ты — в джунгли. Мы сможем держать друг друга в поле зрения, если воспользуемся радиопеленгаторами на шлюпках.

— Доброй охоты, Врежь-в-Плешь, — заметила София. — Я прихожу к мысли, что Сангрия окажется полигончиком как раз в твоём вкусе. Пиво и сухарики, упорный старина Дятел, игры и забавы!

Немилосердно палило красное солнце Сангрии. Пот смачно струился по лысой черепушке генерала, заливая глаза. Позади остались кривые, со складчатой корой деревья, что обильно разрослись по пологому склону невысокого холма. Бравый вояка прокладывал себе дорогу сквозь зеленую мешанину трав и ветвей густого подлеска.

Внизу простиралась безлюдная холмистая равнина, покрытая высокой, в человеческий рост, голубовато-зеленой травой с длинными тонкими листьями. Через долину вилась узкая бетонированная дорога; она проходила как раз у подножия холма, на котором стоял Вандерлинг. Высокая трава, подступавшая к самой обочине дороги, давала надежное прикрытие.

Место выглядело подходяще. Вандерлинг закрыл глаза, мысленно воссоздавая общий план всей местности, какой он ее успел рассмотреть из шлюпки.

К западу тянулась большая горная цепь, отрезая заселенную часть континента от диких необитаемых западных областей. В милях двухстах на восток на плоской зеленой равнине раскинулся город маркиза де Сада. Колонизированная местность между городом и долиной, где топал Вандерлинг, пестрая, как шахматная доска, представляла собой чередование холмов, возвышенностей, небольших долин; там — джунгли, здесь — открытое пространство. Повсюду были рассыпаны сотни обнесенных стенами поселений, разрозненные группы лачужек и укреплений, связанные со столицей системой дорог.

Вандерлинг посадил шлюпку на небольшой поляне в буйно разросшихся джунглях, уходящих к подножию гор, — самое удобное для партизанского лагеря место. Отсюда начался утомительный и долгий пеший марш по джунглям, через покрытые густой травой луга, под жгучим солнцем Сангрии.

Но теперь, похоже, путешествие подошло к концу. В двадцати—тридцати милях дальше по дороге лежало укрепленное поселение, сама дорога вела к Саду, так что вполне возможно ожидать появления долгожданных гостей в пределах нескольких ближайших часов. И вот тогда...

Вандерлинг ласково погладил висевший на плече снайпан.

Оружие совсем маленькое: меньше двух футов в длину. Весило оно не больше трех фунтов и не обладало никакой отдачей. Однако ближе к стволу приделана еще одна вспомогательная рукоять — наподобие тех, что можно увидеть на древних пистолетах-пулеметах, — для ведения прицельного огня.

Вандерлинг ухмыльнулся, снял снайпан с предохранителя и повернулся к лесу. Потом нажал на спусковой крючок и мгновенно качнул оружие из стороны в сторону, используя вторую рукоять как опорную.

Ни звука выстрела, ни толчка в руку, ни вспышки пламени. В течение нескольких секунд казалось, что вообще ничего не происходит. Потом раздался треск, скрип, звуки глухих ударов, и на землю обрушился дождь ветвей и листьев. Вандерлинг провел взглядом вдоль прямой, как стрела, щели, прочертившей подлесок. За ней зияла пустота, а по краям — гладкие аккуратные обрубки ветвей, безукоризненно ровно рассеченные листья. Словно огромный, острый, всесокрушающий мечете прошелся по джунглям. Так же разрежет снайпан камень, железо... или плоть.

Вандерлинг снова принялся продираться сквозь заросли, спускаясь вниз, и в конце концов нашел позицию на склоне холма, ярдах в тридцати от обочины дороги. Здесь он уселся, положил снайпан на колени и приготовился ждать.

В густой высокой траве, скрывавшей генерала от чужих глаз, суеилось великое множество насекомых: крошечные клещи, жуки, твари чуть ли не в девять дюймов длиной, с восемью волосатыми лапами и двумя глазками навыкате.

Вандерлинг вытер пот со лба и фыркнул. Эта чертова планета прямо-таки кишит насекомыми! За время своего перехода он не встретил ни одного нормального существа — сплошняком только разнообразные поганые мухи. Попадались даже бестии величиной с собаку. У госпожи Эволюции — или кто там еще стряпает планеты — явно завелось в голове тараканы, когда она лепила эту Кучудерма.

И проклятая жара — солнцу пора садиться, а градусов, должно быть, за тридцать, не меньше. Генерал одернул себя. Путешествие утомило, конечно. Он тащился по солнцепеку... Но не так уж все плохо, в самом деле! До заката еще часы и часы. Это проклятое красное светило виновато; глупая лампочка выглядит так, словно здесь, на Сангрии, непрекращающийся, вечный закат. Трава, деревья — все окрашено в пламенеющий красный цвет, будто шившая планета истекает кровью. Что там сказала Малютка Длинный Язык? Сангрия — старое испанское слово. «Кровь»... Годится, определенно годится.

Посреди сумасшедшего пекла Вандерлинг терпеливо ждал, ждал, ждал... Поскольку делать ему все равно было нечего, он забавлялся, придумывая затейливые ругательства в адрес Сангрии. Единственное, за что стоило похвалить Кучудерма, — ее джунгли. Джунгли и высокая трава просто идеально подходят для партизанской войны... конечно, с точки зрения самих партизан. Большие шишковатые деревья с множеством веерообразных, голубовато-зеленых листьев, густой подлесок, высокая трава, покрывающая открытые пространства, — почти везде можно отыскать надежное укрытие. «И насекомые, кстати, тоже повсюду!» — с отвращением подумал вояка, отмахиваясь от надоедливой козявки, с жужжанием вившейся вокруг его плечи.

Он еще долго сидел так, изнемогая от жары и скуки, в избранном обществе мелких и крупных букашек. Солнце уже прилично продвинулось по небу, прежде чем Вандерлинг увидел колымагу, появившуюся из-за поворота дороги севернее того места, где он затаился.

Вандерлинг стремительно припал к земле, держа снайпан так, чтобы луч полностью перекрывал дорогу как раз напротив выбранной позиции. Машина размеренно катила по шоссе, делая где-то сорок миль в час. Вандерлинг разглядел, что это грузовик — давно вышедшая из употребления бортовая развалюха на четырех колесах.

Вандерлинг знал, что решение он должен будет принять в следующую секунду или две. Грузовику оставалась какая-то пара сотен ярдов, и очень скоро он с ним поравняется.

Прикрыв ладонью глаза от солнца, Вандерлинг кинул быстрый пристальный взгляд на кузов. Что он увидел? Загорелые полуголые фигуры людей, сбившихся в кучку, и — мельком — черную униформу, красные блики сангрианского солнца на обнаженной стали.

«Ну-ну, — подумал он одобрительно. — Охрана и заключенные, похоже на то. Разве можно желать большего?»

Вандерлинг поднялся на одно колено и навел снайпан на вообразимую цель дюймах в десяти над дорогой. Он ждал. Уже отчетливо видны двое солдат в кабине, одетые все в ту же черную форму, — шестерки, которых Барт называл Киллерами. Еще четверо вооруженных человек сидели в открытом кузове, по-видимому в роли охранников при десяти довольно жалких на вид горемыках, в стальных ошейниках и скованных друг с другом длинной цепью. Всю одежду арестантов составляли набедренные повязки.

Как только передние колеса грузовика оказались на линии огня, Вандерлинг с ухмылкой нажал на спусковой крючок.

— Режь!

Резиновые шины на круглых стальных ободьях пересеклись с незримым лучом снайгана. С громким хлопком оба передних колеса разлетелись на куски. Потом раздалось дребезжание, пронзительный ноющий скрежет — это раздробленные Резаком железные части посыпались на бетон дороги ливнем осколков. Вандерлинг махнул снайганом влево — и задние колеса постигла та же участь: звон, скрежет, гряда разрезанного на куски железа. Задняя часть грузовика шумно, словно тонна кирпичей, осела. Заключение и охранники повалились в одну кучу. Увлекаемая инерцией машина проползла еще несколько ярдов на брюхе и наконец неподвижно застыла в луже бензина и масла.

Как только грузовик замер, четверо сидевших наверху Киллеров перелезли через низкие борта кузова. Стоя посреди дороги, обезумевшие от гнева, они бестолково размахивали винтовками. Глаза бешено сверкали, челюсти конвульсивно дергались. Что они там кричали? Вандерлинг не слышал.

По-прежнему скрытый высокой травой, он внимательно изучал противника. Все Киллеры были высокими, худыми, свирепой наружности людьми, с одинаковыми залысинами, уходящими ото лба, и выступающей нижней челюстью. У каждого на широком походном ремне висел стальной прут со стальным шаром, усыпанным десятками лезвий. Подняв повыше снайган, так, чтобы луч пришелся на уровне шеи, Вандерлинг широким размахистым движением повел оружием из стороны в сторону — словно усердный садовник, поливающий газон из шланга.

К небу взлетел дружный вопль, тут же перешедший в придушенное невнятное бульканье. На долю мгновения четыре отсеченные головы повисли в воздухе, потом, как мячики, покатались вниз на дорогу. Обезглавленные тела нелепо застыли в раскоряченных позах; сияющая на солнце кровь фонтанами била из аккуратно перерезанных артерий. Потом они повалились друг на друга, как сломанные куклы.

К этому времени двое оставшихся Киллеров выкарабкались из кабины. Пока они, застыв, недоуменно глазели на рассеченные тела товарищей, Вандерлинг старательно разделил каждого из них на две равные половинки. Судорожно хватаясь руками за свои перерубленные тела, Киллеры упали на дорогу. Крики, стоны, судороги... потом, через несколько секунд, все стихло. Вандерлинг поощрительно похлопал снайган по прикладу, поднялся и бодро потрусил к грузовику.

В кузове он обнаружил десяток самых жалких представителей рода человеческого. Невероятно грязные, полуголые тела

покрыты старыми рубцами и шрамами; из-под продубленной, дочерна загорелой кожи выпирают ребра. Флегматичные, с грубоко запавшими глазами, узники непонимающе пялились на Вандерлинга, безмолвно переминаясь, как скот в загоне.

Вандерлинг легко перемахнул через борт грузовика, обрубил цепь — луч снипгана при этом прошел и сквозь саму машину, и сквозь бетон дороги и слой земли под ним. Сангриане тупо тарасились на оружие, потом их глаза испуганно забегали. Несмотря на это, ни один из них не сдвинулся с места.

— Выходите живо, черт вас дерит! — завопил Вандерлинг. — Марш отсюда! Вы свободны! Грядет Революция! Сваливайте, быстро!

Высокий рыжеволосый типус уставился на генерала.

— Свободны?.. — пробормотал он медленно, перекатывая слово на языке так, будто оно было кусочком какой-то незнакомой пищи.

— Да что с вами такое творится, парни? — злобно рявкнул Вандерлинг. — Мне показалось, вы тут прикованы? Ну так вылезайте же отсюда! Вы свободны! Я освобождаю вас! Вылезайте!

— Ты говорить, мы свободны, — протянул рыжий. — Ты есть Брат?

— Не может быть Брат, — возразил ему кто-то. — Нет мантия.

— Но, конечно, и не Киллер, — сказал третий. — Посмотрите на его зубы. Должен быть Животное.

— Есть оружие, не может быть Животное, — настаивал рыжий.

— Никогда не слышать об оружии, как это.

— Вы мне посиделки тут не устраивайте! — взвыл Вандерлинг. — Живо вылезайте, немедленно, или я всех вас покрошу на ветчину! — И он угрожающе взмахнул снипганом.

Сангриане зашевелились и медленно полезли вниз; им приходилось соразмерять свои движения, поскольку цепь, пропущенная через ошейники, по-прежнему сковывала их. Поначалу Вандерлинг намеревался разрезать оковы, превращавшие пленников в нитку подпорченного жемчуга, но потом передумал и решил извлечь из них пользу. Эти десять задохликов казались фантастическими придурками. Может, они слабоумные? Или просто «тормоза»? Не вредно подержать их немного на привязи. До тех пор, пока они не унесут отсюда ноги. И когда декорации с расчлененным грузовиком останутся позади, можно будет наконец выяснить, что творится.

— Отлично! А теперь соберите все эти чудные стволы. Вон их сколько здесь валяется, — приказал Вандерлинг, выводя свое чахлое воинство к той стороне грузовика, где валялись оружие

и изувеченные тела. Увидев искромсанных Киллеров, сангриане застонали, но повиноваться не подумали.

— Поднимите винтовки, кретины! — грозно сказал Вандерлинг. — Не беспокойтесь. Обещаю, позднее у вас будет случай испробовать их на этих хмырях. Я ваш друг. А сейчас нужно сваливать.

— Так нельзя, — пробормотал один из сангриан. — Против Естественный Порядок.

— К черту твой Естественный Порядок! — проорал Вандерлинг. — Ну!

Внезапно он услышал слабый крик у себя за спиной. Возглас «Убей!» прозвучал как сухое хриплое карканье. Рывком обернувшись, генерал обнаружил, что один из перерубленных напополам Киллеров, плавающий в огромной луже крови, тщетно пытается укусить противника за ногу. Вандерлинг увидел стекленеющие глаза, челюсти, слабо щелкающие, как у умирающей черепахи, острые, как лезвия бритв, зубы в пятнах крови, услышал предсмертные хрипы — и содрогнулся от омерзения. Конвульсивно сжимая снайпан, он выстрелил, отделив голову от издыхающего тела. Сангриане испустили нестройный ряд коротких изумленных криков.

— А теперь беритесь за винтовки, если не хотите, чтобы с вами произошло то же самое, — бросил Вандерлинг резко.

Робко, словно им приходилось касаться чего-то грязного и священного одновременно, рабы с грехом пополам собрали ружья и «моргенштерны». Пока они копошились, Вандерлинг возвышался над ними, угрожающе покачивая снайпаном.

— Ну, не так уж плохо, а? — спросил он. Ответом послужило молчание. Сангриане стояли в ожидании, абсолютно ко всему безразличные, неуклюже держа оружие и вяло мотая головами.

Вандерлингу пришлось щедро раздавать пинки, сыпать проклятиями, гнать, как стадо упрямых волов, навьюченных непривычным грузом, — вверх по холму, через джунгли, к отрогам гор, к тому месту, где он оставил шлюпку.

«Вот поганцы!» — мрачно размышлял Вандерлинг, пока его новая команда с каким-то скотским оцепенением топталась на лесной поляне. Особого любопытства не возбудила в них даже космошлюпка, громоздившаяся на краю подступающих джунглей, в зарослях низкорослого кустарника. С трех сторон окруженная плотной стеной деревьев, она выглядела совсем уж не-

лепо. В конце концов, эти хлюпики в жизни не видели нормальной космической техники.

Ну не маразм ли, а? Полюбуйтесь на этих хмырей! Все в шрамах, тощие, как жерди, прикованы к кузову, как свиньи. Из того, что генерал сам увидел, из рассказов Барта вроде бы следовало, что опущенные таким образом парни должны переполниться лютой ненавистью и при первой же возможности в клочья разорвать любого попавшегося им Брата или Киллера. Они должны умирать от желания наложить свои потные ручки на любое подвернувшееся оружие... Что с ними не так? Всякий, кто не кастрат, на месте этих ублюдков сражался бы как бешеный.

Но только не сангриане. Они тащат винтовки, как ведра с помоями.

— Ладно, ребята, — изрек Вандерлинг, уже привычно жестикулируя снипгангом. — Положите оружие и расслабьтесь. Это наша база, лагерь, одним словом.

Он присел на корточки. Сангриане просто уронили винтовки и «звезды» там, где стояли, и неуклюже расселись, поджав под себя ноги. С кислым негодованием Вандерлинг поймал себя на желании лицезреть сейчас Фрейдена. Управляться с прибабахнутыми — стиль Барта. Когда доходило до систематической промывки мозгов, Фрейден незаменим. А он, Вандерлинг, всего лишь дилетант-любитель.

Тем не менее генерал сделал все, чтобы выглядеть начальственно и серьезно.

— Ну-с, парни, поднапрягите хилые умишки, — начал он свою речь. — Я и сам не вполне въехал. Что вы, ребята, делали в грузовике, с цепями и прочей дребеденью? Вы каторжники, или как там?

— Катор-торжники? — переспросил рыжий доходяга. Он казался более разговорчивым, чем остальные. — Что значит «каторжники»? Мы Животные, разумеется, квота Брата Бориса этот месяц. А вот ты?

Вандерлинг невольно почувствовал, как его пропыленная, пропитанная потом одежда превращается в старую добрую генеральскую форму.

— Я... э... фельдмаршал Вильям Вандерлинг (с какой стати лишать себя повышения в чине?), в прошлом Главнокомандующий Вооруженными Силами Федерации Свободных Астероидов, и ныне Командующий... э... Народной Армией Сангрии. Твое имя, приятель?

— Гомец. Ламар Гомец. По два имени нашей деревне, — ответил тот чуть ли не с оттенком гордости.*

— Хорошо, Гомец. У тебя, похоже, в голове меньше соломы, чем у остальных. Назначаю тебя полковником Народной Армии Сангрии и моим адъютантом. Все остальные парни тоже не будут обделены чинами. Да ладно, настоящим произвожу вас всех в капитаны. Почему бы и нет? Ну, полковник, проинформируйте меня наконец, какую чертовщину вы подразумеваете под «квотой Брата Бориса»? Вкратце.

Гомец очумело вытаращился на Вандерлинга.

— На поместье Брата Бориса, конечно. Положена квота десять Животных месяц. То есть нас, этот месяц. Мы теперь рабы Пророка. Для Арена, или Кладовая, или еще что-нибудь, как скажет Пророк. Теперь он нами владеет.

— Владеет вами? Рабы? Арена? Кладовая? Что такое Кладовая, мать ее...

— Садiane тоже нужно есть, — ответил Гомец. — Не думаешь ты, что они едят мясных Животных? Только Братья и Киллеры едят мясных Животных. Те-садiane, им питаются старым мясом, вроде нас.

— Ты, обезьяна, хочешь мне втолковать, что они вас *сведят*? — возопил Вандерлинг. — Так что ли?

— Всех Животных едят рано или поздно, — лаконично заметил Гомец. — Нас раньше. Других — позже.

— Ну а если... Послушайте, парни, вы же не станете больше мириться с такими дерьмовыми порядками! У вас появился шанс! Мы покажем этим ублюдкам, верно? У меня лежат стволы в шлюпке. Стволов достаточно, хватит на всех. Мы устроим налет на поместье и добудем еще ружей, освободим остальных. Будем шелкать усадьбы как орехи, заберем больше оружия, освободим больше людей. И прежде чем вы успеете сказать «Да здравствует Революция!», мы уже превратимся в армию. И тогда... Вы знаете, что нам делать, а? — Произнеся эту тираду, генерал по-волчьи оскалился.

Сангриане ошеломленно переглядывались.

— Те-винтовки для Киллеры, — булькнул наконец один.

— Ты рехнуться? — вякнул еще кто-то.

— О чем ты говорить? — спросил и новоиспеченный полковник Гомец.

— Что?.. — хрюкнул Вандерлинг. — Послушайте, уроды, я говорю о Революции! Мы вооружимся и вышвырнем отсюда Братьев с их Киллерами пинком под зад. Вам надо все на пальцах показывать, остолопы? Я знаю Революцию вдоль и поперек. Мы устроим пару трюков, каких они еще не видывали, это я обещаю, не беспокойтесь! Через год мы уничтожим их всех,

до последнего гаденыша. Вы же видели, что я сделал с Киллерами. Один человек с ружьем. Представьте теперь, что могут сделать десять тысяч человек с десятью тысячами ружей!

— Это богохульство! — закричал один из сангриан. — Убивать Братья! Бороться с Киллеры! Против Естественный Порядок!

Остальные отчаянно закатывали глаза, очевидно обалдев от предложенной перспективы.

Вандерлинг почувствовал себя как Алиса, провалившаяся в кроличью нору. Они все двинутые, к тому же еще и буйные. Рабы, скот на убой — и вот, пожалуйста, полюбуйте, они не желают сопротивляться!

Генерал решил сменить тактику.

— Ладно, ладно, — проговорил он успокаивающе. — Я здесь человек новый. Чем вы, парни, занимались до того, как стали... стали квотой?

— Быть рабы Брат Борис, конечно же, — ответил Гомец. — Пасти и заботиться его мясные Животные, что же еще?

— Мясные Животные? Овцы? Рогатый скот? Свиньи?

— Что такое? На Сангрии только одни Животные — человеческие. Все остальное — насекомые. Нельзя есть, они ядовитые. Мы растить мясные Животные, пока им не исполнится десять лет. Режем их, разделяваем, коптим на потом... чтобы кормить Брата Бориса и его Киллеры.

— Ты хочешь сказать, что вы забиваете собственных детей? Гомец рассмеялся:

— Ты чокнутый? Наши дети дворняжки, жесткое мясо. Тем-мясные Животные чистокровная порода, толстые, нежные на вкус. Ты думать, Брат Борис жрать дворняжек?

— И вы терпите подобную мерзость? Почему вы не можете восстать, тупая деревенщина? Вам нравится быть рабами? Нравится, что вас лопают?

— Нравится? — переспросил Гомец. — Естественный Порядок. Те-Братья править, те-Киллеры убивать, тех-мясных Животных есть, те-Животные делать, что им сказано, те-Жуки делать, что приказывать им мы. Естественный Порядок.

— Жуки? Это-то что, мать вашу так?

— Те-местные сангриане, конечно. Большие насекомые. Каждой деревне есть свой Жуковейник. Те-Братья давать нам прирученный Мозг, Хранители говорить тем-Жукам, что делать, те-Жуки выращивать нам пищу, чтобы мы не умерли от голода. Те-Братья не хотят, чтобы их рабы умирать от истощения. У каждого есть свое место в Естественный Порядок.

— И ни один из вас не хочет его изменить? — загрохотал Вандерлинг. — Вы что, недоразвитые? И вы не хотите погнать Братьев пинками и занять их места?

— Против Естественный Порядок! — в один голос закричали сангриане. — Кошунство! Ты сумасшедший!

Вандерлинг тяжело вздохнул. Туземцев накачивали так долго и основательно, что теперь даже Барт вряд ли бы смог уговорить их сражаться. Проведи полжизни за чисткой конюшен — и полюбишь конский навоз. Вот тебе и «высокий революционный потенциал»!

Вандерлинг наморщил лоб и призадумался. У цыплячьих душ отсутствует мужество. Возможно, их просто надо *заставить* воевать. Только что же это будет за армия? Толпа зомби, к ним на секунду нельзя повернуться спиной. Этой Кучедерьма подошла бы армия посаженных на героин головорезов, пьянеющих от убийства...

Стоп! Минуточку! У нас же до фига героина! Фунты и фунты этой дури. Почему бы и нет?

Вандерлинг улыбнулся.

— Довольно болтовни, — каркнул он. — Как насчет того, чтоб немного взбодриться? Вы, парни, ждите здесь, папа Вильям скоро вернется и кое-что вам принесет.

Естественно не спуская глаз со своих раздолбаев, Вандерлинг открыл наружную дверь шлюза. Сангриане не сделали малейшей попытки бежать, пока он рылся в шлюпке.

Выбравшись, генерал торопливо вернулся на поляну с пучком маленьких голубых таблеток. Отсчитав десять пилюль, он раздал каждому дохляку по штуке.

Сангриане с недоверием смотрели на голубые пилюльки.

— Ну, живо глотайте, — скомандовал Вандерлинг. — Удовольствие гарантировано. Если начнете кочевряжиться, раскрою башки вот *этим*, — и для убедительности он погрозил снайпаном.

Генерал ухмылялся, глядя, как сангриане меланхолично поглощают героин. Готовая армия, вот что это будет такое! Героин не зря запрещен на каждом комке грязи, называвшем себя цивилизованной планетой. Наркотик широко использовался Сатрапией Юпитера во время стычки с Дальними Сателлитами. Одна доза возносила вас на седьмое небо, но потом, братцы, вы обламывались, да еще как! Ваш гормональный баланс попадал в устойчивую зависимость. Восемь часов блаженства, потом вы катитесь вниз. Через десять часов вы в глубокой абстиненции — ничего не соображающая, беспощадная машина, запрограммированная на убийство, — настолько беспощадная, настолько кровавая, что как от солдата от вас уже нет никакой пользы. Но в промежутке —

о, в промежутке вы бесстрашный, одержимый солдат-фанатик, беспрекословно повинующийся тому, кто выдает дурь. Уровень дезертирства на Юпитере был нулевым. Конечно, когда война закончилась, началась Тотальная Резня, но...

«Мы перейдем этот мост, как только до него доберемся», — думал Вандерлинг, следя за тем, как обмякают тела сангриан, тускнеют глаза, на устах застывают бессмысленные блаженные улыбки.

— Так-то, парни, — сказал он. — Наслаждайтесь. Завтра у нас будет кое-какая работенка. Расслабьтесь, оттянитесь. Надеюсь, после этого ваш взгляд на вещи станет более схож с моим. Уверен, что станет!

Под знойным красным солнцем Сангрии вытянулись полумесяцем две шеренги. Скрытые слабо колышавшейся высокой травой, они спускались по склону небольшого холма в долину, где виднелось несколько невысоких строений за внушительным частоколом. В первой шеренге топали десять человек с винтовками; все обнаженные, если не считать грубых набедренных повязок зеленого цвета и зеленых лент вокруг лба. Вандерлинг, при сложившихся обстоятельствах, посчитал это в качестве наиболее практичной формы для бойцов своей Народной Армии. Схожая стрелковая цепь человек из двадцати следовала позади первой на расстоянии ярдов в пятнадцать. В пространстве между ними втиснулся Вандерлинг со снайпаном наготове.

«Пока все нормально», — нервно думал Вандерлинг. Даже при выбранной тактике, он не питал особых иллюзий относительно его чахоточной армии. Рассчитывать можно только на то, что доходяги будут поддыхать в бою с большим или меньшим пылом.

Героин, по крайней мере, сработал великолепно. Те десять сангриан, которых генерал накачал первыми, добрую часть ночи пролежали в блаженном оцепенении, охваченные эйфорией. С рассветом началась ломка. Бедолаги корчились, ерзали, бормотали, слабо огрызались друг на друга. Клянчили новую дозу. Глаза их налились кровью, стали голодными и по-лисьи хитрыми. Тогда Вандерлинг поставил условие: придется в сражении зарабатывать следующую дозу. И так — каждый раз, без снисхождения.

Жалоб почти не последовало: в состоянии ломки они жаждали убивать, возможно, не меньше, чем героина. И если одно сопряжено с другим — тем лучше. Не доверив раздолбаям снайпанов, Вандерлинг вооружил их трофейными винтовками и повел к дороге, где по опробованной схеме устроил засаду на первый подходящий транспорт.

В итоге мимо прогромыхал конвой из трех грузовиков, забитых «квотой»: восемнадцать Киллеров и партия рабов в тридцать шесть человек. Киллеры не причинили особых хлопот: генерал перебил основную часть охраны и вывел из строя грузовики еще до того, как послал свое занюханное воинство прикончить оставшихся. Добить нескольких чудом уцелевших человек не составило большого труда для сангриан, одержимых жадой убийства. Но издыхающие, нашинкованные и разодранные Киллеры умудрились-таки утащить с собой на тот свет четырех партизан. К несчастью, героинщики зашли слишком далеко и, почуяв вкус крови, обратили слепую ярость на пленников. Вандерлингу пришлось изрубить в куски троих олухов, прежде чем контроль над ситуацией более-менее восстановился.

Два последующих налета удались получше. Попались отряды из одних только Киллеров, и от партизан требовалось убивать подряд все, что движется, без разбора.

И наконец, после с грехом пополам проведенных вылазок, Вандерлинг имел в своем распоряжении тридцать вооруженных недоумков и чертовски скромный запас боеприпасов. Но если первый по-настоящему крупный рейд пройдет успешно, оружие и боеприпасы на ближайшее время перестанут быть проблемой.

Цель наметилась сама собой — под рукой имелись владения старины Брата Бориса, местного набоба. Вандерлинг не собирался себя обманывать — нынешнее положение аховое от начала до конца. Трудность прежде всего состояла в отсутствии достоверной информации. Из сангриан удалось выудить только крохи: усадьба охраняется то ли тридцатью, то ли сорока Киллерами. Вандерлинг ни разу еще не видел Киллеров в деле — во всех предыдущих мероприятиях им просто не представилось реальной возможности проявить себя. Но и из того, что ему удалось лицезреть, можно заключить, что они действительно многого стоят. А собственное войско — если позволительно так его называть — к сожалению, сброд грязных идиотов. Толпу, движущую наркотиками, нужно только развернуть в нужном направлении и... молиться. Жестоко, но что поделаешь! Сейчас от партизан требуется, чтоб они имели пару здоровых ног и пуляющих рук, таскающих винтовки... и ничего более. Пушечное мясо — вот самое подходящее для них слово.

Генерал готовился к серьезному испытанию. Сокрушить одну усадьбу, избавиться от Брата Бориса со товарищи — и тогда все поместье встанет на уши. Рекрутировать в армию будет куда легче. Не сделаешь этого в самом начале — и привет, беби!

Теперь авангардной шеренге оставалось около двухсот ярдов до крепостной стены. Они довольно глубоко спустились в долину, но все еще не были замечены: высокую траву скосили только в непосредственной близости к единственным воротам.

Вандерлинг поднял вверх снайпан, крикнул: «Стой!» Кое-как обе шеренги остановились, и генерал сердитыми жестами ухитрился заставить оба ряда приблизиться к себе настолько, чтобы дать им последние инструкции, не афишируя своего присутствия на весь свет, от этой долины до Бетельгейзе.

— Отлично, парни, — заговорил он хмуро. — Выполняйте только данный приказ, и все окажется проще пареной репы. По первому сигналу передняя линия атакует, стараясь поднять как можно больше шума. Запомните, нужно укрепиться в десяти ярдах от ворот и вести непрерывный огонь. Необходимо, чтобы они выползли из-за ограды и напали. У меня нет возможности штурмовать стены, как это делают узкоглазые.

Вторая шеренга ждет нового сигнала и потом следует за первой. Я буду позади со снайпаном. Зарубите на носу, вы останавливаетесь в пятидесяти ярдах от ворот, занимаете огневую позицию и *не двигаетесь с места* несмотря ни на что. Киллеры выскочат и набросятся на авангард. Тут мы их покроем; прежде чем они подойдут. Я не хочу никакого ближнего боя. Помните, численностью они нас превосходят. Ну как, просекли? Теперь зададим им!

Ответ на это воззвание был менее чем утешителен. Сангриане стояли молча, их покрасневшие глаза запали и мрачно вспыхивали, рты-щели не издали ни одного членораздельного звука. Вандерлинг так и не определил, пробилось ли хоть одно слово из всего сказанного сквозь героиновый туман под эти медные лбы.

Он пожал плечами. Лиха беда начало! Взмахнул над головой снайпаном и немного саркастически крикнул, как старик-инструктор десанникам-первогодкам:

— Пошли!

Шеренга авангарда мгновение колебалась, затем потрусила вперед, быстро сорвавшись с трусцы в неровный бег, — бессмысленная, беспорядочная атака. На бегу они принялись палить из винтовок — наобум, в белый свет. И наконец, заорали, завопили, заулюлюкали. Стремительными темпами экс-рабы пришли в состояние полнейшего неистовства. Вандерлинг на секунду дрогнул: «Они, наверное, еще более долбанутые, чем я думал».

Им оставалось теперь около пятидесяти ярдов до ворот; высокая трава бешено колыхалась, и луг превратился в рассерженное море визжащих, стреляющих людей. Вандерлинг снова махнул

снипганом, и второй ряд устремился вперед, почти с места перейдя на бег. Эти вопили даже громче, стреляли еще отчаяннее.

«Пока все нормально», — с напряжением думал Вандерлинг. Стараясь держаться на безопасном расстоянии, он рысцой последовал за своим завывающим воинством. Злобное бешенство приносит свою пользу, если вы знаете, как им распорядиться. Авангард выполнял роль приманки. Парни все равно что покойники. Вторая шеренга будет палить в стены, не заботясь о том, что они могут подстрелить кого-нибудь из своих, а Киллеры добьют тех, кто уцелеет после обстрела с тыла. Даже удачно, что эти ребята определенно не принадлежат к homo думаящим.

Шума вполне достаточно! Вандерлинг наблюдал за визжащими, изо всех сил бегущими людьми. До усадьбы им оставалось около тридцати ярдов, и пули уже вышибали щепки из частокола и тяжелых ворот. Если бы только Киллеры сделали такое одолжение и...

И вот они появились!

Когда передней шеренге партизан до цели оставалось меньше двадцати пяти ярдов, вторая неслась в пятидесяти ярдах от первой, а Вандерлинг маячил чуть позади, ворота внезапно распахнулись. На открытое пространство посыпались облаченные в черную форму Киллеры — пять, десять, двадцать, двадцать пять, тридцать... Они продолжали прибывать, с винтовками на изготовку. Казалось, черные бойцы начинают палить, едва высочив из ворот.

Киллеры выстроились ровным клином, бесстрашно направленным прямо на ружья партизан, и Вандерлинг услышал новый для себя звук: приводящий в трепет, гортанный и вместе с тем пронзительный клич, боевая песнь, больше похожая на вой какого-то чудовищного хищника: «Убей! Убей! Убей!»

С омерзительным животным воем, в котором не было ничего человеческого, клин Киллеров устремился на партизан. Бедняги дрогнули в нерешительности. Приближаясь, Киллеры закидывали за спины бесполезные уже винтовки и выхватывали «звезды». Как стая бешеных волков, обрушились они на злополучных героинщиков.

На какое-то время Вандерлинг утратил всякую способность соображать. Он повидал много беспощадных сражений на своем веку, но ни одно из них не могло хотя бы отдаленно сравниться с *этим*. У Киллеров по подбородкам сочилась пена, становясь красной по мере того, как бойцы в безудержной ярости грызли собственные губы. Они врубились в строй партизан как живые гудящие пилы, раскалывая «звездами» попадавшие-

сы под руку головы, словно гнилые арбузы. Они пинали, топтали упавших грубыми тяжелыми сапогами, визжали, как одержимые бесами. Не веря глазам, взирал Вандерлинг, как один из Киллеров впился острыми, точно бритва, зубами противнику в горло; светлая кровь забрызгала лицо и плечи солдата, когда он голыми руками выдирал куски из тела своей жертвы. Другой обеими руками ухватился за лицо кого-то из партизан, превращая его в кровавое подобие маски для Хэллоуина¹. Там на героинщика кинулась целая свора: один повалил врага на землю и придавил его шею сапогом, второй зубами вцепился в ногу, а третий крушил грудную клетку «моргенштерном».

Вандерлинг, в каком-то оцепенении, пропустил момент, когда схватка превратилась в бессмысленную мешанину искалеченных тел, оторванных членов, сверкающих «звезд», в визжащую свору доведенных до отчаяния, лишившихся рассудка животных, в клочья раздирающих друг друга под кроваво-красным солнцем Сангрии. Генерал почувствовал, как что-то в нем откликается на призыв этого извивающегося ужаса, на яростный клич, который по-прежнему несся над полем: «Убей! Убей! Убей!» Что-то зачаровывало его и в то же время леденило кровь в жилах, манило, поднималось из глубин естества, силилось прорваться наружу...

Мгновение сумасшедшего очарования оборвалось, как только генерал увидел, что его вторая шеренга, вместо того чтобы стоять на месте и стрелять, с визгом и завыванием кинулась в мясорубку обреченной человечины.

— Остановитесь, кретины! — взревел Вандерлинг. — Стойте на месте и стреляйте! Стрелять с места, сволочи!

Бесполезно. Неожиданно до Вандерлинга дошло, что посреди всей этой бойни он остался единственным человеком с еще худо-бедно работающей сознанкой. Надо как-то остановить бойню! Дьяволы в черной форме разорвут его людей на части, как крысы кузнечиков, едва только те приблизятся к ним.

Что делать?

И пока арьергард беспорядочной кучей несся навстречу гибели, Вандерлинг изо всех сил пустился бежать по диагонали на левый фланг. Хорошенькое состязание в скорости с собственными людьми! Успеет ли он достичь позиции вовремя? Партизанам теперь оставалось меньше тридцати ярдов до сражающихся...

Каждый вдох давался ему болезненным усилием, но генерал все же достиг своей цели, в стороне от поля боя и в пределах досягаемости снайпера. Открытая линия огня, минуя вторую

¹ Х э л л о у и н — шуточный «карнавал ужасов».

шеренгу подвывающих раздолбаев, врезалась в самую гущу Киллеров и умирающих партизан.

Все еще тяжело дыша, Вандерлинг упал на одно колено, поднял снайпан, вдавил гашетку и рванул ствол взад и вперед. Взад и вперед... Взад и вперед...

Словно гигантский меч прошел сквозь сердце битвы. Головы, руки, ноги отскакивали от тел в фонтанах крови. Взад и вперед, взад и вперед... Тела полосовало надвое: по линии пупка, груди, поясницы. Взад и вперед, взад и вперед... Суставы пальцев, сжимавших рукоять снайгана, побелели. Подобно Адскому Жнецу, косил он поле человекообразной пшеницы бесконечно тонким, всепроникающим лучом снайгана. Киллеры и партизаны одинаково разлетались на части, словно бьющееся вдребезги стекло. Взад и вперед...

За несколько секунд до того, как вторая шеренга поравнялась с местом кошмарной мясорубки, исход сражения уже был предрешен. Безрукие, безногие полулюди. Едва ли хоть один из Киллеров остался полностью цел. Когда партизаны налетели на них, черные бойцы все же боролись. Отчаянно и тщетно. Лишившиеся рук и ног, лишившиеся всего, кроме самой жизни и желания убивать. Казалось, что даже отрубленные головы впиваются зубами в ноги партизан в последней судороге ненависти и жажды крови.

Бойня немыслимая. Это больше походило на битву между двумя косяками прожорливых пираний, чем на сражение людей. Земля усеяна мясом, пропитана кровью.

Снайпан сказал свое веское слово. Через пять коротких минут ужаса все закончилось.

Перед открытыми воротами беспорядочными кучами громоздилось невероятное месиво тел, растекались огромные лужи крови, туловища дергались в предсмертной агонии. Не осталось ничего живого.

Стаей диких псов уцелевшие партизаны хлынули в усадьбу. Генерал, еще не вполне пришедший в себя, потащился за ними.

Следующие полчаса взор застилала красная пелена — кипящее безумие, которое Вандерлинг впоследствии вспоминал только фрагментарно. Где-то кто-то нашел факел. Палисад, сарай и господский дом запылали. Странного вида, толстые, с бессмысленным взглядом маленькие дети — голые блеющие существа, жавшиеся в загоне, — были застрелены, зарублены и разорваны в куски. Рабов, женщин, детей вытащили из хижин и не мешкая забили.

Вандерлинг бежал по двору, пытаясь остановить резню. Но партизаны рассеялись, у каждого нашлось свое отвратительное дельце. И генерал смог изрыгать проклятия да размахивать снайганом.

В конце концов поднялся страшный крик, и отовсюду из дровяной паутины разграбленных и горящих домов стали сбегаться партизаны, теснясь вокруг небольшой плотной кучки, тащившей толстяка в черной мантии — Брата Бориса.

Они волокли его вниз по небольшой лестнице, пиная немилосердно и визжа, как очумелые. Когда Брата столкнули в гудящую толпу, он заревел.

Вандерлинг почувствовал тошноту. Он постарался не смотреть, как партизаны тянут толстяка вниз, рвут зубами куски живой плоти. Потом трепыхающийся кусок сала исчез в водовороте тел, и крики его стихли.

Вандерлинг побежал к толпе партизан, размахивая снайпаном.

— Довольно! — орал он. — Каждый, кто еще дернется, не получит больше героина! Все кончено! Собирайте оружие — и уходим.

В течение нескольких зловещих секунд они выжидали, повернувшись к Вандерлингу. Глаза сангриан полыхали неутоленным голодом убийства.

— Тот, кто сделает лишнее движение, умрет, — процедил Вандерлинг, поводя снайпаном. — Я прикончу вас всех, если понадобится.

И голос и взгляд генерала подтвердили, что он действительно это сделает.

И сангриане поняли сказанное. Снайпан — веский аргумент.

Получасом позже, Вандерлинг будто очнулся от транса и осознал себя устало бредущим через высокую траву позади семнадцати человек, тяжело нагруженных оружием и боеприпасами, — всех, кому удалось пережить бойню. Далеко позади к небу вздымался столб дыма. Густые, маслянистые клубы еще раз ввергли старого вояку в те короткие минуты отчетливого ужаса. Ужаса, ставшего уже отдаленным и призрачным.

И в этот момент, когда горе-солдаты тащили перед ним награбленную добычу, а усадьба Брата Бориса осталась за спиной догорающими руинами, Вильям Вандерлинг улыбнулся.

В конце концов, они одержали победу.

Победу в сангрианском стиле.

Глава 5

— Ах, Брат Барт, податель безмерного наслаждения, — гнул маленкий, тощий, с мордой хищной птицы, Брат, облаченный в черную хламиду. — Выпей немного вина — этого изысканного, восхитительного вина... — Он поднял с низкого

стола налитый до краев кувшин. Вытянутая рука дрожала, зрачки нездорово расширены.

Барт Фрейден улыбнулся, отклоняя предложенное вино небрежным движением. Брат Теодор уже хорошо накачался омнидрином. Все шло замечательно, большинство Братьев упивалось наркотиком, словно кошки молоком, и некоторые из них, как вот старина Тедди, практически не вылезали из состояния полного кайфа.

Небольшой стол в японском стиле, с грудой наваленных подле него подушек, обильно заставлен кувшинами вина, корзинами с местными фруктами и хлебом. Середину занимало основное блюдо — зажаренная целиком и уже наполовину съеденная тушка человеческого детеныша. Фрейден опустил на одну из подушек, достал из внутреннего кармана, искусно вшитого в черную мантию, маленький полибаг с омнидрином и кинул его на стол.

— Этого должно хватить тебе... ненадолго.

Брат Теодор жадно сграбастал полибаг, вскрыл быстрым движением, ухватил щепотку белого порошка, поднес к левой ноздре, вдохнул, чихнул и хихикнул, как гимназистка под опытным ловеласом:

— Совсем ненадолго, Брат Барт, совсем ненадолго.

Его глаза закатились, и, откидываясь на подушки, он прорычал:

— Женщину!

Почти тотчас же в комнате появилась высокая, хорошо сложенная молодая женщина с правильными чертами лица и рыжими волосами. Она была обнажена. Теодор злобно схватил ее за нежную ягодицу похожей на коготь лапой и рывком дернул к себе на колени.

— Позабавь меня, — распорядился он. — Но сначала медленно.

Послушно, не обращая ни малейшего внимания на Фрейдена, девушка нырнула под черное одеяние Брата Теодора. Теодор улыбнулся.

— Превосходный экземпляр! Может, ты хочешь попробовать ее, Брат Барт? Я определенно хотел бы попробовать *твою* рабыню. Она выглядит так... экзотично. Ты понимаешь, в разведении самок по нашему вкусу есть один недостаток — редко случается насладиться чем-то необычным, непредсказуемым. А вот твоя рабыня...

— Э... своеобразное существо, — ответил Фрейден быстро. — Я уверен, ты найдешь, что она доставляет хлопот сверх своей цены. — «Это, — добавил он про себя, — капитальное преуменьшение». — Сам я могу справиться с ней только потому,

что я... скажем так, нашел способ привести ее в надлежащее состояние.

«Ну, а это вообще ложь тысячелетия».

Брат Теодор рассмеялся.

— Приведение живых существ в *надлежащее состояние* — уже половина удовольствия, — заметил он с мерзкой ухмылкой. — Я не хотел бы сейчас докучать тебе подробностями... дисциплинарной программы. Увеличь темп, женщина! — приказал он, начиная ритмично раскачиваться взад и вперед. Глядя, как уродец облизывает пересохшие губы, Фрейден почувствовал приступ рвоты. Подобную непростительную слабость ни в коем случае нельзя обнаружить. Публичная мастурбация с рабами — еще наименьший из разнообразных пороков Братьев, а собственная роль Барта в этой игре требовала, чтоб он был «одним из парней».

— Послать за женщиной для тебя? — талдычил Теодор. — Может, какое-нибудь развлечение? Состязание, да, в самом деле, состязание. С ножами? На кулаках? Хлысты? Двое мужчин? Две женщины? Смешанная пара? Назови свое Желание, Брат Барт! Все что угодно Подателю Наслаждений! Скромное представление с пытками? Ну конечно же, зрелище пыток! — Он по-мальчишески рассмеялся.

— Боюсь, мне пора, — быстро бросил Фрейден. — Нужно отнести немного омнидрина Брату Леону и Брату Джозефу... Дела, дела, дела, — говорил он уже на ходу, чересчур поспешно пробираясь к двери.

Но Брату Теодору было уже не до наблюдений за такими тонкостями. Он тяжело дышал, грубо колотя нагое тело рабыни.

— Слишком нежно! — рычал он. — Слишком спокойно! Больше огня, женщина!

Оказавшись за дверью, Фрейден успел услышать ряд резких шлепков плоти об плоть. «Бери свое, пока можешь, грязный ублюдок, — подумал Барт. — Ты не будешь хапать вечно».

Свежий воздух немного охладил Фрейдена, но декорации оставались по-прежнему омерзительными. Нет способа избавиться от тошноты в безумной атмосфере Дворца Боли. Открытый двор представлял собой выставку живых суесящихся гротесков. Здесь Киллер вел во Дворец выстроившихся гуськом обнаженных женщин — все молодые, одинаково красивые, выращенные специально для удовольствия хозяев. Ближе к бетонной стене другой солдат муштровал взвод кадетов.

Мальчишки одеты и снаряжены в точности как взрослые Киллеры — вплоть до маленьких винтовок, «звезд» и подпиленных зубов. Еще четверо Киллеров гнали на бойню за Дворцом стадо чудовищно толстых, дебильных детей, именуемых мясными Животными.

Фрейден, сам не понимая зачем, подозвал одного из Киллеров.

Как и все остальные, этот был высоким, худым, с темными, начинавшимися высоко над линией лба волосами и острым оскалом. Он носил капитанские нашивки — сказочно высокий ранг в местной иерархии.

Боец застыл перед Фрейденом по стойке «смирно» и лаконично произнес:

— Тебе нужна услуга, Брат.

— Только кое-какая информация, капитан, — ответил Фрейден. — Мальчишки, которых дрессируют вон там, — где вы их берете? Рекрутируете, или как?

— Рекрутируем, Брат? — переспросил Киллер. — Разумеется, это чистокровные Киллеры. Мне самому, как офицеру, было позволено зачать двоих в прошлом году. Это высокая честь, третья величайшая из всех возможных.

— А первые две?

Киллер, казалось, несколько обалдел от того, что Брат — пусть даже новоиспеченный — задает подобные вопросы. С другой стороны, он никогда прежде не встречал пришельцев из внешнего мира.

— Высшая честь, конечно же, убивать, — проговорил он спокойно. — Вторая высочайшая — погибнуть в бою. Четвертая — получить позволение наслаждаться женщиной. Я сам был удостоен этого удовольствия десять раз за прошлый год. Я хорошо служил Братству.

«Все продумано до мелочей», — мрачно констатировал Фрейден. Тотальный целибат, конечно, превратил бы армию в свирепое, не знающее страха полчище, но и сделал бы ее трудноуправляемой. Позволяя солдатам эпизодический секс в качестве награды за службу, вы держите их под контролем и в то же время можете дать выход их сексуальной энергии в сражении. Логично. Если принять за исходную посылку утверждение, что каждый, не являющийся Братом, вообще не человек, — то все проделки Братства тоже начинали выглядеть чертовски логично.

— Свободны, капитан! — буркнул Фрейден. Он покачал головой, глядя, как Киллер исчезает за углом. Братство беспощадно, и для того, чтобы разрушить его, требовались равные жес-

токость и неразборчивость. При таком раскладе Фрейден чувствовал себя явно не в своей тарелке. Это не его стиль.

— На этот раз, — пробормотал он тихо, — я буду счастлив сделать исключение. Братству Боли неведомо милосердие. Оно не дождется милосердия и от меня.

— Барт Фрейден, это не похоже на тебя, — сказала София, зачерпывая изрядную порцию овощного пилав с рисом, бывшего неизменным дежурным блюдом их сангрианской диеты. При отсутствии на планете завезенных с Земли животных или годной в пищу местной фауны, прошло уже довольно много времени с тех пор, как они прикасались к мясному. Вряд ли они были способны испробовать традиционное сангрианское решение проблемы хронического протеинового голодания.

Фрейден, сидевший напротив с набитым ртом, запил опостылевшую еду глотком прогорклого местного вина и поинтересовался:

— Так на кого же это похоже, Соф?

— Не надо словесной эквилибристики. — София наморщила нос, хлебнув отдающее смолой вино. — Я не твой дружок Дятел, не этот жирный боров Моро или какой другой закутанный в черные тряпки урод из психушки. Я София О'Хара, забыл? Не пытайся облапошить *меня*. Федерация тоже не являлась точной копией Справедливой Социальной Демократии. Когда ты прибирал ее к рукам, тебе помогли отнюдь не Возвышенные Помыслы... Как и тогда, когда ты добился поддержки Десятки. Но толкать наркоту — это для тебя что-то новенькое, другой перепляс, правда?

— Омнидрин — это не наркота, как ты чрезвычайно грубо выразилась, — запротестовал Фрейден, избегая встречаться с подругой взглядом, — у него отсутствуют вредные физиологические эффекты. Пагубной зависимости не возникает.

— Да, без сомнения, он стимулирует отток желчи от печени, избавляет от перхоти, укрепляет кости и увеличивает сексуальную потенцию. Можно подумать, свиньям нужны дополнительные стимуляторы для возбуждения своих извращенных влечений. И тем не менее я имела случай заметить, что большинство из наших так называемых Братьев довольно значительную часть своего времени проводят в полном отрубе. Мне-то от этого даже лучше, раз они не шляют по улицам. А с возросшим пылом предаются разным невинным забавам — бои гладиаторов, оргии с пытками и прочие милые развлечения. По сравнению с

этой Кучейдерма и Черная Дыра Калькутты покажется местом встреч пастора с прихожанами... И что хуже всего, ты, похоже, продолжаешь гнуть свое.

— Хорошие парни приходят к финишу последними, — ответил на тираду подружки Фрейден. — Революция — грязное занятие. Чем отвратительнее режим, который ты собираешься «вдуть», тем меньшую щепетильность можно себе позволить. Чем сильнее «подсядут» наши козлы сейчас, тем меньше будет убийств в дальнейшем. Пусть себе долбят и купаются в кайфе! До тех пор, пока не станет слишком поздно. Это спасет чьи-то жизни в общем итоге. Или я должен предполагать в себе некое сострадание по отношению к этим засранцам? Ты вспомни, с какими отбросами мы сражаемся. Рядом с Моро Калигула, Гитлер и де Сад выглядят как бойскауты на лужку с сачками. Так что если кто-то приносится Революции в жертву, просто помни о том, что в это же время вся планета в целом движется к благу. На этот раз я с удивлением обнаруживаю себя в непривычной роли, на Стороне Ангелов. Знаешь, не так уж это и плохо.

— Да перестань же, Барт! — воскликнула София с отвращением. — Ты выглядишь просто смехотворно в доспехах Рыцаря Печального Образа. Дон-Кихот, толкающий наркоту. Здесь что-то личное, да? Что они такое заставили тебя сделать на этом Обряде Посвящения?

Фрейден, поперхнувшись, залпом выпил огромный глоток вина. То, что его принудили сделать во время посвящения, он упорно пытался забыть, но память все равно грызла его изнутри. Барт обречен сдерживать своего зверя, он не мог его выпустить, позволить ему встать между собой и Софией. София — за исключением Вандерлинга, затерявшегося где-то в джунглях, — единственное человеческое существо на всей планете. Барт страстно желал поделиться с ней лежащей на сердце тяжестью, но смертельный страх потерять подругу каждый раз его останавливал.

— Тысячу раз тебе говорил, — проворчал он. — Просто глупейший мумбо-юмбо.

— Ты мне лжешь, Барт, — заметила она спокойно. — Посмотри на меня и повтори все это еще раз.

Барт встретил взгляд ее больших глаз, удивительно чистого зеленого цвета, и попытался прочесть потаенные мысли Софии. Участие? Желание узнать правду, какой бы эта правда ни была? Или просто женская подозрительность, готовность немедленно осудить?

— Хорошо, Соф. — Он тяжело вздохнул. — Я... Они... Они заставили меня убить! Зарубить топором, собственными руками! Всего лишь... всего лишь животное, но я был должен, обязан, в конце концов! Я или оно. Я убил его, иначе они убили бы меня.

— Ты и до этого угробил массу жизней, — усмехнулась она цинично. — *Человеческих* жизней.

— Это не то что отдать приказ, я *сам* это сделал! Я — слыша крики, глядя на кровь, чувствуя, как подается живая плоть под лезвием топора! — Барт поймал себя на том, что сорвался в крик. — Я никогда прежде не убивал... Такое ощущение...

Он осекся. Слово едва не слетело с уст. «Убийство».

Лицо Софии внезапно смягчилось. Она перегнулась через стол, едва касаясь, тронула его лицо ладонями.

— Прости, Барт. Я больше не буду упоминать об этом. Где-то там у тебя все же есть сердце. Я могу почувствовать, как оно бьется... хотя и слабо. Ты прав, Бесподобный Вождь.

— Спасибо, Соф... Мне было нужно услышать от тебя это. Когда со всем будет покончено, я все улажу... Я улажу чертовски много всякого...

Внезапно он ощутил, как некое странное чувство поднимается в нем острым болезненным приступом.

— Довольно на сегодня исповедей, — бросил он с преувеличенной резкостью. — Отпусти мне мои грехи, Господи. Три конфедоллара в кружку для пожертвований, и назад к делу, как обычно. Похоже, пришло время провести Вильяма. Сейчас он уже должен сколотить нечто, имеющее, будем надеяться, сходство с партизанским отрядом. Сгоревшая усадьба, может быть, просто несчастный случай, но говорят, никого не осталось в живых. Так что наши дела потихоньку пошли и в джунглях. Пора скоординировать действия. Я отправляюсь утром. Хочешь присоединиться?

— Думаю, я еще долго проживу без бодрящей компании старика Врежь-в-Плешь. Передай ему, как я скучаю. Обойдусь без пикника. В конце концов, место женщины в доме.

— Игрушечные солдатики выглядят немного лучше, — заметил Фрейден, переводя взгляд с разбойничьей морды Вандерлинга на партизанский лагерь и обратно.

Лагерь — сплошное разочарование. Он оказался гораздо меньше того, каким рассчитывал его увидеть Фрейден. Нет и следа воинского порядка: оружие и боеприпасы разбросаны как

попало. На земле тут и там неподвижно валялись полуголые тощие люди — человек тридцать. По мысли Фрейдена, Вильям к этому времени должен был набрать раза в два больше. И кроме того, невзирая на то, что космический шлюп только что приземлился, партизаны полностью проигнорировали событие, как будто пришельцы из внешнего мира падали им на головы каждый четный вторник.

— Что происходит? — ворчал Фрейден. — Почему их так мало? Какого дьявола они здесь развалились и впустую тратят время? Где, черт побери, твои часовые? Почему, скажи на милость...

— Полегче, приятель, на поворотах, — ощерился Вандерлинг. — Ты и половины всего не знаешь. Эта Кучадерьма невыносима. А развалились они так просто потому, что обдолбались героином.

— Что? — проревел Фрейден. — Ты окончательно спятил? Где они могли достать героин? И почему ты этому не препятствуешь?

— Я им сам дал. Мне пришлось.

— Ты... — Это был один из тех редких моментов, когда Фрейден полностью лишился дара речи. Подсаживать партизан героином — это то же самое, что делать операцию на мозгах лопатой. Под кайфом им не отразить атаки отряда юных натуралистов, а если уж начнется ломка... Бр-р-р! Все время придется поддерживать тонкое, как лезвие бритвы, равновесие. Стоит только попробовать один раз, и безумие покатится как снежный ком.

— Вероятно, ты приготовил какое-то объяснение, — проговорил Барт хрипло. — Некое сверхфантастическое объяснение. Поведай, что произошло, пока ты распоряжался по своему усмотрению?

Они уселись перед примитивным шалашом, поставленным рядом со шлюпкой Вандерлинга. И генерал поведал:

— Я ничего не понимаю, Барт. Они отказываются сопротивляться. Даже не помышляют об этом. После того, как я со своими ребятами разгромил притон Брата Бориса... Поверь, мне пришлось попахать... Я думал: «Дело в шляпе». Рассчитывал, что, если местного набоба и его наемников уберут с дороги, каждый «тормоз» в его владениях будет сходить с ума от желания присоединиться к нам. Но пойдя в деревню и попытаться поднять их! Они усядутся на свои тощие задницы перед грязными хижинами, и разве что какой-нибудь кретин пожелает узнать, на что будет похож следующий Брат, или поинтересуется, снизят ли квоту. Объяснишь им, мол, никакого следующего

Брата не будет, мы собираемся уничтожить их всех до одного, а они примутся визжать про «богохульство», и... как же это... «против Естественный Порядок». И ни один не перейдет на нашу сторону. Вот...

— ...ты и решил, что единственный способ создать армию — забомбить их героином, пока они окончательно не одуреют, — кисло закончил фразу Фрейден.

— Наконец-то ты допер. По крайней мере, они хоть воюют.

— Вильям, мне встречались головы покруче чем у тебя. Необходимы десять, может, пятнадцать тысяч человек, чтобы прибрать к рукам эту вонючую планетку. Думаешь, даже в этом случае героина нам хватит на веки вечные? Что произойдет, когда он кончится? Как мы будем использовать заряженных на убийство парней в политической борьбе?

— Я не думал...

— Это для меня не новость, — огрызнулся Фрейден.

— Ну и каков же *твой* план, гений?

— Хочу глянуть на какую-нибудь из деревень, поговорить с людьми. Даже полностью шизанутые были когда-то нормальными. На все есть свои причины. Когда я узнаю, в чем проблема у сангриан, я найду способ их обломать.

— Прямо сейчас? Наши парни будут в отключке ближайшие пять часов.

— К чертям их собачьим, — сердито бросил Фрейден. — Дай мне снипган, и наши скромные персоны нанесут визит будущим избирателям лично.

Сангрианская деревня представляла собой уродливое скопление полусотни маленьких, крытых соломой, лишенных дверей лачуг, расположенных неровным кругом на берегу затхлой речонки. За деревней, возвышаясь колоссальным монументом, маячила огромная пирамида из сухой красной глины, усеянная множеством больших круглых отверстий. В высоту глиняное сооружение составляло шестьдесят футов с лишком. Как только Фрейден, сопровождаемый угрюмо тащившимся следом Вандерлингом, вышел из джунглей, что тянулись вдоль реки, вплотную подступая к деревне, он увидел огромное зеленое насекомое размером с подростка, с восемью членистыми лапами. Первую пару лап оно держало над туловищем, как руки. Черные глазки на большой голове казались на вид весьмамышленными. Монстр появился из отверстия в глиняном кургане и легко понесся к возделанным полям за деревней.

— Жук, — безразлично пробормотал Вандерлинг, пока они шли к ячугам. — Их много в этой штуке. Жуковейник, так ее называют. Ты их увидишь на поле; они там собирают урожай целой бригадой. Меня такое зрелище до сих пор бросает в дрожь.

Фрейден фыркнул и сморщил нос, когда они прошли кольцо хижин. Голая земля покрыта слоем мусора и нечистот. Нескольким дюжин тощих голых детей вяло бродили по площади; все невероятно грязные. Женщины с изможденными голодными лицами и отвислыми дойками, одетые в грубые юбки, не намного отличающиеся от мужских набедренных повязок, поднимали головы от ступок, где толкли зерно, или от кособоких очагов с пекущимся хлебом. Они с тусклым любопытством смотрели на двух вооруженных мужчин. Там и тут из хижин высовывали головы старики. Дети, старики, женщины, горы грязного хлама — от всего этого к небесам поднимался столб миазмов, как от огромной зловонной свалки.

— Где все мужчины? — спросил Фрейден у Вандерлинга.

— Еще слишком рано. Они не вернулись. Возятся с мясными Животными.

— Но я полагал, ты перебил всех Киллеров, когда разграбил поместье?

Вандерлинг пожал плечами:

— Я тебе говорил, они — идиоты. Вознамерились быть паймальчиками и ждать появления следующего Брата.

— Ну ладно, давай поговорим с кем-нибудь из старикашек. — Фрейден увлек Вандерлинга к одной из хибар.

Окна в ней отсутствовали, равно как и дверь. Внутри темно, душно и сыро. Иссохший старик сидел на связке соломы, апатично обсасывая кусок жесткой лепешки. Он поднял на вошедших запавшие слезящиеся глаза, но не произнес ни слова.

— Я Барт Фрейден, — сказал Фрейден. — Это — маршал Вандерлинг. Мы из внешнего мира. Мы принесли свободу народу Сангрии. Как твое имя?

— Деревяшка, — прошамкал старик. — Что есть свобода?

Фрейден покачал головой.

— Свобода — это когда ты делаешь только то, что захочешь, а не то, что прикажут Братья. Свобода — это когда нет Братьев и нет Киллеров.

— Нет Братья, кому править? — спросил старик. — Нет Киллеры, кому убивать?

— Ты будешь править, — великодушно ответил Фрейден. — Вы будете править сами. И никого не будут убивать. Вы

будете выращивать еду для себя, работать только для себя, распоряжаться своей жизнью. Это и есть свобода.

Старик сердито посмотрел на него.

— Я понимать. «Свобода» — всего лишь кошунство, вот что. Ты принести кошунство. Не хотеть кошунства. Против Естественный Порядок.

— Так, значит, Естественный Порядок делает вас рабами? Естественный Порядок позволяет Братьям распоряжаться вами и пытаться вас просто ради своего удовольствия. А когда надоест, забивать как скот на прокорм сацианам?

— Пойми, — повторил старик. — Естественный Порядок. Так всегда было, так всегда будет. Мы хорошие Животные. Не слушать кошунств.

— Посмотри на эту мусорную кучу, — раздраженно крикнул Фрейден. — Посмотри на помои, которые ты ешь. Посмотри на себя, ты тощий как жердь. Тебе нравится медленно умирать от истощения?

— Никто не умирать. Всех съедят. Те-Братья и те-Киллеры есть тех-мясных Животных. Те-сациане — бесполезных Животных. Те-Животные — пищу, которую выращивать те-Жуки. Естественный Порядок.

«Я напрасно трачу здесь время, — подумал Фрейден. — Может, какой-нибудь местный вождь...»

— Где вождь? — спросил он. Старик непонимающе смотрел на него. — Главный? Командир? В законе? Самый важный человек в деревне?

— Ты хотел сказать, Хранитель? Хижина Хранителя за Жуковейником. Хранитель стареет. Я второй старейший в деревне, он умереть, я — Хранитель. Может быть, он умереть уже скоро.

Фрейден, уже выходявший из хибары, обернулся.

— И сколько же тебе лет, долгожитель?

— Сорок семь, — ответил старик.

Фрейден вытаращил глаза. Сангрианский год был короче земного! Этой старой развалине немногим больше сорока стандартных лет, и он — второй старейший в деревне!

Хижина Хранителя стояла на другой стороне Жуковейника. Дальше расстились поля пшеницы. Там вкалывала дюжина Жуков. Солнце сверкало на их зеленых хитиновых панцирях, когда они методически продвигались по полю, срезая колосья подвижными клешнями.

Не обращая внимания на надувшегося Вандерлинга, топающего по пятам, Фрейден протиснулся в хижину. И едва не слетел с катушек от волны гнилого запаха, исходящего от твари, сидевшей в центре хижины. Огромный зеленый бурдюк с приделанной к нему маленькой головкой — такой здоровый, что восемь крошечных ног-обрубков не доставали до земли. Тварь жадно лакала неразбавленное вино. Глиняный кувшин у ее пасти держал сморщенный старикашка. Еще десяток таких же кувшинов стояли рядом на голом земляном полу.

Старик отшатнулся, уронил кувшин, содержимое растеклось по пульсирующему телу зеленой твари.

— Вы потревожите меня, когда я кормить Мозг, — сердито твякнул он. — Потревожить Хранителя! Да к тому же во время Жатвы. Хотите, чтобы Жуки разбежались? Хотите умереть с голоду?

Потом он разглядел снипганы и отвесил поспешный низкий поклон.

— Вы Киллеры! — заныл он. — Есть оружие! Простите, хозяева. Вы не похожи на Киллеры. Не считайте кошунством.

— Мы... э... издалека, — сказал Фрейден. — Там, откуда мы пришли, все по-другому. Мы бы хотели узнать, что за порядки в этой деревне.

— Вы обратитесь к нужному Животному, — промямлил старик важно. — Я здесь Хранитель. Если бы не я, вся деревня вымереть, и тот-Брат, у него не осталось бы никого, чтобы заботиться о его мясных Животных. Я здесь давать приказы Мозгу. Мозг заставляет Жуки делать их работу.

— Ты хочешь сказать, что эта тварь действительно командует Жуками?

Хранитель вытаращил глаза.

— Вы, должно быть, из очень далеких мест, — проговорил он наконец. — Нет Жуки в вашем поместье? Жуковейник, это как одно Животное. Твой мозг не говорить с твоими руками. У Жуковейника тоже есть Мозг, вот он. Я говорить ему, что делать, те-Жуки делают. До тех пор пока Мозг пьян, иначе они будут работать для себя. Те-Братья, они брать Мозг, когда он еще личинка, опьянять его и отдавать в деревню. Хранитель следить, чтоб он всегда пьян. Поэтому на самом деле это Хранитель выращивать всю еду, чтобы Животные могли есть и работать на Братья. Ты не знать Естественный Порядок?

— Значит, ты здесь важная птица, — заметил Фрейден медленно. — Ну, а что будет, если все здесь в деревне откажутся ходить за мясными Животными? Тогда *ты* будешь здесь править.

— Ты рехнуться? Киллеры прийти сюда и вырезать всю деревню!

— Ну а если бы у вас было оружие? Что, если бы вы сражались с Киллерами?

— Ты говорить кошунство! Что же вы за Киллеры, если святотатствовать?

— Мы...

— Тр-р? Тр-р? Команда, тр-р? — заскрипел Мозг металлическим голосом.

— Нет время говорить сейчас, — засуетился Хранитель, хватая кувшин и поднося его к морде чудовища. — Тот-Мозг не так сообразителен, приходится ему повторять приказы, или Жуки разбежаться. Теперь вы узнать все, что хотеть, хозяева. Мы послушные Животные, мы уклоняться богохульства. Вы сказать это тому-Брату.

Потом он отвернулся от Фрейдена и, уже игнорируя его, принялся втолковывать Мозгу:

— Заканчивать южное поле, переходить на северное, потом...

Фрейден пожал плечами и дал Вандерлингу знак выйти наружу.

— Ну, гений, — ухмыльнулся Вандерлинг, — вот твой проклятый «высокий революционный потенциал»! Прикалывает тебя это?

— Я по-прежнему нахожу его высочайшим, — отозвался Фрейден. — Но сейчас застой не дает ему проявиться. Все было так плохо и так долго, что они успели к этому привыкнуть. Но в тот момент, когда в системе, как кажется, ничего не произошло, она летит к чертям.

— Э, ну и как же ты собираешься что-нибудь улучшить?

— *Улучшать*? Нужно не улучшать, а наоборот, делать еще хуже. По счастью, здесь нам придет помощь со стороны.

— Помощь? От кого?

Фрейден засмеялся:

— От Моро! От кого же еще?

Проходя лабиринтом коридоров Дворца Боли, в направлении Тронного Зала, Барт Фрейден был уже менее уверен в своей способности ухудшить положение вещей в этом мире. И без того все шло так плохо, как вообще возможно. Единственный выход — сделать всю систему абсолютно невыносимой. А как втянуть в это Моро?

Жуки доставляли «Животным» — как сангриане сами привыкли о себе думать — достаточно пищи, чтобы поддерживать в них жизнь, а они, в свою очередь, могли выращивать для Братьев и Киллеров мясных Животных и служить бездонным источником жертв и рабов. Для среднего Животного шансы закончить жизнь на Арене, в Общественной Кладовой или ошейнике раба довольно незначительны при соотношении пятнадцати миллионов Животных и только нескольких тысяч Братьев. Старая математика тирании — если тяжелая длань владыки опускается на головы сравнительно небольшой части населения, остальные будут сидеть и не рыпаться, что бы ни происходило. Весь фокус в том, чтобы внушить Моро необходимость усилить террор, брать квоту в десять сангриан там, где раньше брали только одного. Но как? Пока что Братство удовлетворяло любой свой мимолетный каприз, устанавливая такую квоту, какая только им требовалась. Должен появиться новый чудовищный запрос — такой запрос, чтобы квоты возросли в три, в четыре раза, и даже больше. Но какой мыслимый...

Брат Теодор, шатаясь, прошел мимо Фрейдена, даже не замечая его, до ушей накачанный омнидрином. Хорошо, что на корабле такой солидный склад наркоты. Братья истребляли его со скоростью невероятной. Фрейден не мог этого предвидеть. И как только запас начнет истощаться, Братья будут доведены до отчаяния...

Клац!

«Конечно!» — крикнул Фрейден себе самому. Боже правый, все это время решение болталось под носом! Никто не знал, сколько в действительности омнидрина на корабле, им приходилось верить Барту на слово. А вдруг Моро придет в голову мысль, будто запас подходит к концу? Что, если он скажет Моро...

Фрейдена передернуло. Идея скверная, но должна сработать. Если у него хватит духа сделать это, погрузить всю планету в оргию пыток и... Пострадают тысячи, но все остальные, в конце концов, будут свободны. Разве не это шло в счет? Или решиться, или бросить всю затею и отступить. Разбить тысячи яиц и приготовить омлет, или позволить людям... да, которые сделали из него убийцу, крутить свои забавы еще в течение трех ближайших столетий. В конце концов, для этого и предназначен революционный рэкет!

Барт заставил себя задавить сомнения и жалость. И потопился в Тронный Зал. Тупиковые ситуации требуют решительных действий! Хирург ампутирует конечность, чтобы спасти тело целиком. Чем же он не хирург? *Чем?*

— Ну? — недовольно проурчал Моро. — В чем дело, Брат Барт? Надеюсь, оно достаточно важно. Я не люблю, когда меня отрывают от развлечений, а это представление оказалось весьма занимательным.

Они были одни в комнате. На огромном экране, занимавшем одну из стен, разворачивался ужасный спектакль: десять человек с попарно скованными запястьями. В свободной руке один из пары держал длинный нож, другой — пылающий факел. Тела гладиаторов, вооруженных ножами, сплошь были покрыты ожогами, на противниках видны кровоточащие резаные раны. Сражение происходило в какой-то яме. Камера установлена так, чтобы зритель видел, как гладиаторы барахтаются в море огромных, размером чуть ли не с кошку, насекомых, составлявших живой пол ямы. Одна из пар упала, не устояв на ногах, но оба тут же с воплями вскочили, покрытые десятком впившихся в их плоть острыми жвалами страшилищ.

Отвратительное зрелище и вопли сражающихся укрепили дрогнувшую волю Фрейдена. Допустимо все что угодно, если оно разрушит царство монстров, получавших удовольствие от подобной мерзости. *Все что угодно. Даже...*

Фрейден отвел глаза от экрана и шагнул к рельефному трону, где восседал Моро. Поросячьи глазки Пророка сверкали, тучное тело тряслось от восторга, к которому примешивались раздражение и досада на неприятную помеху.

— Определенно очень важно, — проговорил Фрейден. — Это насчет омнидрина. Убери звук, а то мешает.

Сурово нахмурившись, Моро протянул руку к лежащему перед ним пульта, и крики прекратились.

— Ну?

— Братья жрут наркотик так, словно завтрашнего дня не наступит, — продолжал Фрейден. — Я никогда не видел, чтоб такое большое количество дури поглощалось так быстро. Они превращаются в свиней.

— Удовольствия других не касаются тебя! — огрызнулся Моро. — Ты, допустим, держишь свою смехотворную рабыню — женщину с языком, словно кинжал, — только для себя одного. И никто не жалуется, хотя Брат Теодор... Но это не его дело, точно так же, как не твое, кто сколько принимает омнидрина.

— Полагаю, моя собственная жизнь — все же мое дело, — заметил Фрейден скромно. — Поправь меня, если я не прав.

Какое-то мгновение Моро тупо смотрел на Барта. Трудно судить, когда Пророк на омнидрине, а когда — нет. Он был умнее остальных — иначе и не удержался бы в «пророках» так

долго. Он употреблял наркотик очень умеренно и, по-видимому, мог контролировать зависимость от него. В настоящий момент он был лишь в слегка приподнятом настроении — как раз то, что нужно.

— Я останусь в живых до тех пор, пока у меня есть омнидрин, так? — заявил Фрейден. — Не будет омнидрина — не будет и Брата Барта.

— Совершенно точно, — ухмыльнулся Моро. — Но уверяю тебя, удовольствием увидеть, как ты будешь заживо съеден или дюйм за дюймом сварен в кипящем масле, я несомненно предпочитаю держать тебя как поставщика омнидрина. Он так волшебным усиливает обычные наслаждения... Но к чему ты клонишь своими глупыми рассуждениями?

— Я совершенно не рассчитывал, что наркотик будет расходоваться так быстро. При таких темпах его не хватит до конца моих дней — а я верю, что проживу долгую насыщенную жизнь. И вдобавок верю в то, что такую жизнь можно спланировать.

Моро нахмурился.

— Если его не хватит до конца твоих дней, тогда и до конца моих тоже, — пробормотал он огорченно. — Я мог бы прибегнуть к его для себя одного. Но это повлекло бы лишние затруднения. Слишком опасно.

«Пока все хорошо, — думал Фрейден. — Он забеспокоился. Самое время увлечь его на легкую дорожку в майских цветочках».

— Сочтешь ли ты мои обязательства выполненными, если я объясню тебе, как производить наркотик? — спросил Барт лукаво.

— Его можно сделать здесь? — выпалил Моро. Потом, уже спокойнее: — Ну конечно же, конечно же. Это было бы чудесно.

Его пороссячи глазки сузились, и он лицемерно улыбнулся. «Законченный дебил смог бы прочитать твои так называемые мысли, — фыркнул про себя Фрейден. — Стоит тебе самому обзавестись омнидрином — и бай-бай, Брат Барт! Но как только наживка будет проглочена и колесо закрутится — Брат Барт уже растворится в небытии, чтобы дать место Барту Фрейдену, президенту Свободной Республики Сангрии. Дело только за точным расчетом времени».

— Его можно делать здесь точно так же, как и в любом другом месте. То есть, если здесь, на Сангрии, достаточно шизофреников.

— Шизофреников?

«Ох, братец! Как мне объяснить старине Жиртресту, что такое шизофрения? Ну да впрочем, если собираешься лгать, начни с того, что попроще».

— Сумасшедшие, — пояснил он. — Уж, наверное, на Сангрии есть сумасшедшие?

— Сумасшедшие?.. Ты имеешь в виду тех Животных, которые так странно ведут себя после некоторых особо изощренных пыток? Тех, что сидят, уставившись в одну точку, как растения, или лопочут что-то на тарабарских языках?

«Не вполне научное описание шизофрении, но поскольку омнидрин в действительности продукт чисто синтетический, что от этого меняется?»

— Точно, — кивнул он. — Шизофреники, они и есть.

— Случается время от времени... — наморщил лоб Моро. — Конечно, из-за этого Животные становятся абсолютно бесполезны в качестве рабов или занимательных объектов для пытки. Само собой, их отправляют в Общественную Кладовую. Какая польза от сумасшедших?

— От сумасшедших никакой, — согласился Фрейден. — А вот их кровь — совсем другое дело. Омнидрин — это экстракт из крови шизофреников. Но нужны кварталы и кварталы такой крови, чтобы приготовить одну дозу наркотика. Будь у тебя на планете достаточно безумцев — под «достаточным» я подразумеваю десятки тысяч, — мы могли бы делать дурь. Но раз их здесь так мало, не имеет смысла...

— Дай мне подумать, — проговорил Моро медленно. — Омнидрин гонят из крови сумасшедших? Заставь человека свихнуться, и в крови у него выработается некоторое количество омнидрина?

Фрейден только дивился про себя. Благие боги, сколько времени понадобится толстому говнюку, чтобы понять? Конечно, типа, тупого настолько, чтобы проглотить ложь, подобную этой, всю дорогу нужно вести за руку, помогая ему делать каждый шаг. И все же нельзя допускать прямой очевидности вранья.

— В ничтожном количестве, — напомнил Фрейден. — Тебе пришлось бы изобрести какой-то способ сводить людей с ума en masse, я не вижу, как...

Моро громоподобно расхохотался.

— А все потому, что ты, признайся, глуповат, Брат Барт! В тебе нет эстетизма. Это же великолепно, это соответствует основополагающему постулату Братства — давать Боль и получать Наслаждение!

— Что ты задумал? — спросил Фрейден с притворным смущением, как если бы эта идея вовсе и не принадлежала в первую очередь ему самому. — У тебя имеется способ лишить рассудка тысячи?

— Во имя Гитлера и Сада! — взревел Моро. — Ты действительно не понимаешь? Это же очевидно! Мы проведем настоящую вакханалию пыток — такую, какой Сангрия доселе не видывала! Какой вызов искусству! Изобрести пытки достаточно утонченные, чтобы сводить Животных с ума, и в то же время не потерять ни капли их крови!

Моро сам напоминал шизоида, раскачиваясь взад и вперед на троне, — точь-в-точь даун с погремушкой.

— Мы сведем с ума целую планету! — вопил он. — *Целую планету!*

«Крючок, леска и грузило — полный комплект. Запытай всю планету до безумия, высоси из нее кровь, чтобы добыть омнидрин для своих забав. Даже сангриане не вынесут этого. Грядет Революция, Толстяк, грядет Революция!»

Фрейден улыбнулся с сардоническим восхищением.

— Моро, — сказал он спокойно, — должен признать, что я еще ни разу не встречал ума, сравнимого с твоим.

Сидя обнаженным на краю постели, Барт обнаружил, что посреди сравнительно прохладной сангрианской ночи он обливается липким потом. Он вспомнил старую поговорку, такую древнюю, что происхождение ее давно позабылось: «Никогда не оглядывайся; *она* может нагнать тебя». Барт чувствовал дыхание этого «*она*» буквально на затылке.

Получил планету для своих забав, Барт? Тебе нужно как-то сломать социальный застой, взбудоражить Животных, чтобы они дошли до нужной кондиции? Ну так почему бы не вызвать противодействие, завести их, попробовать всю планету пытками загнать в пропасть безумия? Этого, в конце концов, хватит за глаза, чтобы «достать» кого угодно, заставив сражаться. Толково, Барт, толково разыграно!

Проклятье, это действительно толково. Штука должна сработать. Фрейдену следовало бы гордиться собой. Откуда же тогда мерзкий пот, откуда холод в животе, откуда ощущение чего-то страшного, дышащего в затылок? Вряд ли *совесть*! Совесть — всего лишь слово, лажовая отговорка для трусов и бездельников. Не было ли это...

Из ванной появилась София. Нагая, длинные рыжие волосы рассыпались по плечам, грудь тверда и прелестна, ноги упру-

гие и гладкие. Чертова девка была самой соблазнительной во всей Галактике. *Его* подруга! Она улыбалась, широко оскалившись, и глаза ее сияли. Барт знал этот взгляд.

— Бесподобный Вождь... — промурлыкала она, вольготно усаживаясь к нему на колени. Реплика была странным образом лишена сарказма. Этот тон Барт тоже знал. Совсем другая София пробивалась наружу время от времени — девчонка, замершая перед книжным героем, девочка из пещеры перед Великим Охотником. София возбуждала Барта до внутренней дрожи, но он ее совершенно не понимал.

Она поцеловала его — долгим, томным поцелуем.

— Интриги, — пробормотала она. — Бесподобный интриган. *Мой* мужчина. *Нумего* упо¹. Больше, чем жизнь, и вдвое сквернее.

Она снова поцеловала его, и Фрейден почувствовал, как у него кровь закипает, а ледяное дыхание «чудовища» слабеет и умирает. Это была не просто животная горячка, но что-то более глубокое. Не одно только ощущение манящего женского тела, прижимающегося к нему. Будто само пространство вокруг шептало: «Я хочу тебя. Хочу, потому что ты победитель, потому что ты — лучший». В этом призыве звучала гордость, и будила гордость в самом Барте. «Прикоснись ко мне, почувствуй меня, возьми меня, — говорило ее тело. — Я — лучше всех, и ты меня заслужил. Я — лучшее. Я — твоя, до тех пор пока лучшим будешь оставаться ты, пока ты на коне, пока ты — Бесподобный Вождь».

«И ни минутой не дольше», — подумал Барт, привлекая подругу к себе. Вот в чем вся соль. Это стоило того, чтобы сражаться, интриговать, убивать — если потребуется. Это стоило десяти тысяч жизней. Быть лучшим, Номером Один, центром вселенной, держать в объятиях лучшую женщину в мире и знать, что она твоя — потому что ты сам лучший, потому что ты выигрываешь ее, как приз, день за днем, минута за минутой, в борьбе против всего света.

Он накрыл ее своим телом. У него родилось такое чувство, словно рост его увеличился до десяти футов. София обвилась вокруг Барта, приняла в себя, как особый дар, и он брал ее, пока она отдавалась. Ее тихие вскрики и плавные движения стали гимном его мужественности, его ненасытному голоду.

Оргазм начисто смыл все сомнения и угрызения, глухое чувство вины и влажное холодное дыхание совести.

Победителю — награбленное!

Проигравшему — небытие!

¹ Первый сорт (*um.*).

— Что на этот раз происходит в нашем хлеву? — отворачиваясь от окна, спросила София, когда Фрейден вернулся в спальню. Из окна просматривалось открытое пространство за Дворцом и высящееся там черное строение ярко освещенного стадиона. К нему в течение последнего часа подъезжал грузовик за грузовиком, набитые закованными мужчинами и женщинами под охраной бесстрастных солдат.

— Кстати, зачем приперся Киллер?

— Выглядит так, как будто они готовятся к какому-то свинству, — отозвался Фрейден. — Киллер передал приглашение — фактически приказ, требующий моего присутствия в ложе Моро на сегодняшнем зрелище.

— *Зрелище?* — София с сомнением нахмурилась. — Что старый мешок с салом подразумевает под «зрелищем»?

— Сдается мне, вряд ли это пляска вокруг майского шеста, — предположил Фрейден осторожно. — Я постарался сосчитать, хотя бы приблизительно, сколько человек пригнали они сегодня на стадион. Тянуло уже к двумстам, когда Киллер меня прервал, и, вижу, они все еще прибывают. Интересно, что тут затевается?

В действительности он слишком хорошо представлял себе, «что тут затевается». В течение последних пяти дней все Братья во Дворце под завязку накачались омнидрином. Они так усердствовали, что в итоге пришли в блаженное состояние слюнопускания, покрасневших, полных ожидания глаз и неперестанного лепета о грандиозном шоу, затеянном Моро. Сам Моро не проронил ни слова, и его молчание отличалось теми же зловещими особенностями, что и у мальчишки-школьника, замыслившего гнусную пакость.

С другой стороны, Пророку Боли слишком уж не терпелось рассказать о великом погроме и пытках, ввергнувших бы тысячи людей в безумие и обесчеловечивших его — как он рассчитывал — неиссякаемым запасом наркоты. На протяжении двух заключительных дней приготовлений изнутри стадиона доносился шум какого-то строительства. И вот теперь сюда свозили сотни сангриан. Да еще это дурацкое приглашение...

Идея начать с сумасшедшего погрома представлялась Фрейдену выдающейся, когда он торговал ее Моро. Нечто безболезненное, отстраненное, выведенное за пределы сознания. Как только дело завертелось бы, они с Софией рванули бы в лагерь Вандерлинга. Фрейден провозгласил бы Свободную

Республику Сангрию и пустил слух, — подтвержденный, кстати! — что Братство намерено пытками довести все население планеты до безумия, после этого медленно обескровить, а из крови гнать дурь. Революция пронеслась бы по стране, как пожар.

Но когда гамбит явился воплощенным в кудахтанье Братьев, похожих на девочек-тинейджеров, предвкушающих «вечеринку в пижамах», в сотни жертв из плоти и крови, привезенных на стадион бог знает для чего, — это перестало быть просто ловким ходом. Человеческие жизни, боль и безумие неотвратимо ложились на совесть Барта. Погром вызовет пламя бунта, знал Фрейден, не мог не вызвать... Но трутом, без которого нельзя обойтись, становились люди — они мыслят, страдают, истекают кровью и умирают в конечном итоге.

И только когда Киллер явился с этим уродливым «приглашением», Фрейдена осенило, что ему придется *увидеть*, чего он добился. Почувать, услышать, попробовать на вкус результат своего замысла.

Теперь уже не пойти на попятный! Нет смысла рассказывать Софии о своей роли в этом грязном деле. Ибо это зло, самое настоящее зло, но — так он себя убедил — неизбежное и необходимое. И вина Барта — если то, что он чувствовал, можно считать виной — оказывалась чем-то глубоко личным, чем-то таким, что он ни с кем не смог бы разделить.

— Приглашение распространяется на членов семьи? — осведомилась София. — Я должна признаться в нездоровом любопытстве относительно наиболее экзотичных обычаев нашего предполагаемого феодального владения.

Фрейден разрывался между желанием избавить ее от ужаса, несомненно ожидавшего их на стадионе, и предчувствием ужасающего одиночества. Ему как-то придется жить один на один с кошмаром. После долгого колебания Барт предпочел менее эгоистический вариант.

— Боюсь, что нет, — солгал он. — Только полноправные Братья.

— Мило, мило. Холостяцкая пирушка! Без сомнения, пиво и порнуха в полный рост!

— Не видел и стакана пива с тех пор, как мы приземлились, — натянуто усмехнулся Фрейден. — Только кислый виноградный сок, который они называют вином. И есть у меня предчувствие, что сегодняшнее развлечение пойдет *вживую*.

«По крайней мере, для зрителей», — подумал он с содроганием.

Ряды грубых деревянных скамей без спинок составляли корпус огромного открытого цирка, выгнутого чашей. Значительная часть стадиона пустовала. Над небольшим сектором трибун на противоположном конце от входа возведен навес, защищающий от знойного сангрианского солнца. Навес отбрасывал глубокие красные тени на пустые сиденья и посыпанную песком Арену. Этот крытый Павильон, казалось, переполнен крошечными фигурками людей — как если бы все присутствующие в цирке зрители сгрудились там, пережидая грозу.

Из-за этого Фрейден чувствовал себя крайне неудобно, пока, выставленный на всеобщее обозрение, одиноко тащился вдоль бокового прохода.

Он глянул вниз, на Арену, и увидел, что в дальнем конце возведено странное деревянное сооружение продолговатой формы, как раз под Павильоном. Вытянутая приподнятая платформа, тревожно схожая со скопищем виселиц, примерно шестнадцать футов в ширину и в добрую сотню ярдов длиной. Вдоль каждого края платформы тянулся ряд стальных ножных кандалов, и с того места, где находился Фрейден, видны открытый задник конструкции и путаница проводов внутри. Мощный кабель, извиваясь, полз из-под платформы через Арену и исчезал в больших воротах, ведущих куда-то в недра стадиона.

«Что же это такое?» — озадаченно подумал Фрейден. Но потом, еще на ходу, он поднял глаза вверх, к вот уже совсем близкому Павильону, и странная загадка вылетела у него из головы.

По меньшей мере девять сотен облаченных в мантии Братьев разлеглись, на манер римских патрициев, на ложах, затянутых цветными тканями. На каждое занятое ложе приходилось пять свободных. Перед возлежащим Братом стоял стол на низких ножках, загроможденный кувшинами с вином, вазами с фруктами и... зажаренными целиком младенцами. Обнаженные женщины — по три, четыре, пять у каждого Брата — прислуживали, поднося вино, куски ужасного жаркого, фрукты, пакетики с омнидрином — все, что требовалось хозяевам. Многие Братья забавлялись с женщинами, сидевшими у них на коленях. Другие предпочитали, чтоб забавляли *их*. По всей окружности Павильона стояли вооруженные Киллеры. Они улыбались — улыбки сродни оскалу черепа. Никогда прежде Фрейден не видел улыбающегося Киллера. Во всем Павильоне царил зловонная атмосфера разгульного карнавала. Крикливая, смеющаяся, пьющая толпа, жрущая много и неустанно. Фрейден подумал, что Рим во времена императорства Калигулы был бы только бледной тенью этой оргии.

Моро сидел на воздвигнутом для него троне в самом центре Павильона. Заметив Фрейдена, он призывно махнул ему.

Фрейдену пришлось прокладывать себе путь через хохочущую толпу пошатывающихся Братьев и их слуг. Вокруг мелькали морды, сальные от человеческого жира, покрасневшие от многочисленных возлияний, с глазами обезумевших кабанов. Барт чувствовал подступающую к горлу тошноту, когда они приветствовали его, покровительственно похлопывали по спине, дотрагивались до одежды своими грязными пальцами. Барт был бледен и дрожал от гнева и отвращения, но наконец добрался до подножия трона Моро. Здесь стоял огромный стол, ломящийся под тяжестью громадных кувшинов, корзин и колоссального блюда, горой заваленного крошечными, до хрустящей корочки поджаренными человеческими ручками.

Моро указал Барту на ложе рядом с тронном полуобглоданной детской кистью, держа ее на манер скипетра. В оцепенении Фрейден уселся на край ложа. Прислуживавшая женщина поднесла к толстым губам Пророка чашу с вином.

Моро вытер губы тыльной стороной жирной лапы.

— Ах, Брат Барт, — пробультал он, — инициатор великого вызова! Добро пожаловать на наше скромное представление, добро пожаловать!

Он взял щепотку омнидрины, поднес к ноздре, всосал, чихнул и со смехом произнес:

— Подумай только, довести до сумасшествия, не пролив ни капли крови! Надеюсь, моя первая робкая попытка в достижении этой благородной цели будет успешна. Но если и нет — не имеет значения. Пробуй снова и снова, а?

Фрейден обнаружил, что не в состоянии выдавить ни звука. Он ясно чувствовал, что его вырвет сразу же, как только он откроет рот.

Но Моро, казалось, говорил главным образом для того, чтобы слышать звук собственного голоса. Он взял с подноса еще один кусок мяса и поочередно откусывал то от него, то от предыдущего, продолжая разглагольствовать.

— Взгляни, — он указал на платформу внизу полуобъеденной костью. — Видишь, как подсоединены друг к другу кандалы? Нагрузка тщательно рассчитана так, чтобы максимально увеличить боль, не причиняя при этом значительных повреждений.

Пока он говорил, конвой Киллеров вывел из ворот две цепочки людей — одна состояла из мужчин, другая — из женщин. Они пересекли песчаную арену и поднялись на платформу.

— Посмотри туда! — взвизгнул Моро. — Видишь кнопки?

Фрейден увидел две параллельные линии кнопок, тянущиеся точно по центру платформы. Когда Киллеры стали надевать жертвам кандалы, располагая мужчин и женщин лицом друг к другу, Барт понял, что кнопки находятся как раз в пределах досягаемости закованных сангриан.

— Это гениально! — прокаркал Моро. — Кнопки контролируют ток. Подопытные могут включать и выключать его по своему желанию.

— Я не понимаю, — выдавил Фрейден заплетающимся языком. — Зачем?

— О, кнопки подсоединены перекрестно! Посмотри, как они подобраны. Каждый подопытный может контролировать ток к кандалам сидящего напротив, а не к его собственным. Когда ток идет по кандалам его партнера, то сам он отдыхает. Но — вот прием, достойный великого художника, — если *обе* кнопки нажаты, ток идет по обоим парам оков. Точно так же оба подопытных подвергаются электрошоку, когда на кнопку не нажимает никто. Чтобы увеличить интерес, всем им вкратце объяснили принцип работы устройства. Ну и наконец, как *rie-se de resistance*¹, все Животные — не больше не меньше как супруги! Чтобы вызвать сумасшествие, с таким же успехом, как и тело, можно пытаться душу, а?

К этому времени всех жертв уже разместили на платформе. Больше сотни испуганных мужчин лежало ничком на голом дереве лицом к такому же количеству обнаженных, оцепеневших от ужаса женщин. Моро поднял правую руку, Киллер повернул рубильник под платформой, и...

Пронзительный вой распорол воздух, когда ток побежал по железу кандалов, — чудовищный, исполненный муки звук, словно одно огромное живое существо билось в предсмертной агонии. Тела лежащих на платформе одеревенели и стали конвульсивно дергаться. Руки потянулись к кнопкам — и здесь больше не было места мужскому благородству. В некоторых парах мужчины оказались проворнее, в других — женщины. Половина жертв продолжала судорожно дергаться и вопить, половина лежала, тяжело дыша и наблюдая за агонией своих близких.

Позади себя Фрейден слышал ужасающие мелодично журчащие звуки — смех, ликующие вскрики, бульканье вина в глотках. Он не отважился обернуться, он мог смотреть только на Арену.

¹ Самое лучшее, основная достопримечательность (*фр.*).

— Смотри! Смотри! — кричал Моро, колотя Барта по спине огузком человеческой руки. Фрейден почувствовал, как ком рвоты уже рвется наружу.

Теперь *все* жертвы визжали в агонии, *все* кнопки вдавлены. Искривленные болью лица застыли дьявольскими масками одержимости. Каждый решился продержаться дольше своего партнера, заставив того даровать минутный отдых в обмен на невысказанное обещание ответного самопожертвования.

Тут и там женщина или мужчина в конце концов уступали безмолвной просьбе и, отпустив свою кнопку, продолжали судорожно корчиться, пока тела напротив лежали неподвижно и расслабленно, в благословенном освобождении от мучительной боли. Но, избежав агонии, кто вернулся бы добровольно к пытке? Освободившиеся от мучения неумолимо продолжали давить на свои кнопки — потому что отпустить их означало вновь подвергнуть себя страданию. И в непомерной ауре боли не было больше чести, любви или милосердия — только мрачная решимость купить минуту покоя.

Преданные снова тянулись к своим кнопкам, испытывая ненависть столь же сильную, как и муку. Некоторые иногда отпускали кнопки, надеясь на новое минутное снисхождение в будущем. Но другие только сильнее скрежетали зубами в спазме ненависти. Это продолжалось снова и снова, тысячи вариаций одной отвратительной темы шока и мольбы, ненависти и надежды.

Фрейдену казалось, что каждая частица всеобщей агонии, каждый разряд тока проходят сквозь его собственный мозг и потроха. *Он* ответственен за это, лично, непосредственно, неизбежно, предельно ответственен. Он не мог просто так наблюдать. Он желал выпотрошить себя прямо на месте, выкрикнуть миру о своей ужасной вине, разорвать самого себя в клочья.

Барт резко отвернулся, не в силах больше выносить зрелище. И тогда он увидел Братьев, громоздящихся у него за спиной пирамидой непристойно корчащейся плоти.

Они смеялись — омерзительным хриплым смехом насыщающихся гиен. Куски человеческого мяса падали со слюной из разинутых ртов на черные мантии. Большинство теребило тела рабынь так, как если бы те были неодушевленными предметами, простыми игрушками. Они до крови раздирали женскую кожу ногтями, оставляя жестокие багровые синяки в приступе садистской ярости. Некоторые ритмично мастурбировали под черными рясами — закатывая глаза, пожирая человеческое мясо и радостно кудахча.

Вновь дал знать о себе жестокий приступ рвоты. Желудок приплясывал почти у самых десен. До глубины души проникающие спазмы крутили внутренности. Он должен убраться отсюда, даже если его убьют за это, если разорвут на части. Он должен убраться!

Барт кубарем скатился с ложа, зажав рукой рот и удерживая блевотину только невероятным напряжением воли и мускулов.

Моро — его лицо побагровело от удовольствия, комок полупрожеванного мяса идиотски свисал с желтой губы — мельком посмотрел на Фрейдена, когда тот устремился к проходу, и проворчал:

— Брат Барт... Ты пропустишь лучшую часть... Куда ты?

— Толчок, — хрюкнул Фрейден сквозь пальцы, повернувшись спиной к Пророку Боли. — Мне нужно на толчок.

Моро собрался было что-то сказать, но Фрейден, срываясь в бег, уже был на середине коридора. Пророк, пожав плечами, вернулся к развлечению, моментально забыв все, кроме разворачивающегося перед ним спектакля.

Фрейден как сумасшедший пронесся по проходу, через выход из Павильона, дальше по сырому коридору и в конце концов оказался за пределами стадиона.

Приглушенные звуки с Арены вдарили по желудку, как вбивающий сваю копер. Барт прислонился к стене, согнулся пополам, и его вырвало. Он тужился до тех пор, пока желудок не превратился в пульсирующий комок боли, колотящийся о ребра, пока остаточное изображение не потускнело на сетчатке глаза, пока он не почувствовал себя так, словно выблевал из нутра всю эту гнусную планету.

Несущиеся со стадиона звуки в конце концов испепелили бездонную тошноту и наполнили Барта милосердной жгучей яростью.

Какой рутиной может стать террор после десяти дней сумасшедшего погрома! Видно уже по тому, что Барт в состоянии наблюдать за вереницей грузовиков, с грохотом въезжавших через главные ворота и, пересекая двор, сворачивавших за здание самого Дворца к вечно переполненным камерам под стадионом. Барт испытывал при этом лишь поверхностные приступы сожаления. И только мгновенный спазм отвращения к самому себе — он увидел, как сгрудившиеся в одной машине обнаженные, перепуганные люди долго и пристально таращатся на него, когда грузовик проехал почти вплотную.

Фрейден окинул взглядом просторный внутренний двор. Киллеры гнали группки женщин, рабов, мясных Животных. У стены тренировался взвод молодых кадетов. С бойни доносились приглушенные крики. Тут и там брел кто-то из Братьев со своей свитой, основательно нагрузившись омнидрином. Никто, казалось, не обращал ни малейшего внимания на нескончаемую череду грузовиков, доставлявших свой страшный груз к стадиону. Обычное дело. Несколько сотен Братьев являлись, как правило, к зрелищу, но повседневная работа по изобретению сводящих с ума, бескровных — Моро тщательно следил за этим — пыток уже не совершалось, как прежде, в атмосфере гротескного карнавала. Странное, сверхъестественное ощущение конвейерной линии возникало от всего этого, когда жертв непрерывным потоком свозили к стадиону, пытали и потом словно стадо гнали через двор в обширную систему темниц. Конвейер для производства сумасшедших...

По большей части Фрейдену удавалось уклоняться от созерцания самих пыток, особенно когда они превратились в устоявшуюся рутину. Также избегал он и посещения темниц со множеством содержащихся там безумцев. Когда Моро настойчиво понуждал его взяться за надзор над началом обескровливания сумасшедших и извлечением из их крови омнидрина, он сумел найти отговорку, сказав Пророку, что нет смысла начинать этот процесс, пока у них не накопится по крайней мере три тысячи шизофреников.

А к тому времени Брат Барт уже давно бы исчез. Для Фрейдена работа во Дворце закончилась. Безумная вакханалия стала обыденностью, Братство Боли глубоко подсело на омнидрине. Когда Брат Барт, а с ним и запас дури исчезнут, одно будет питать другое. В страстной жажде вернуть себе источник наркоты, Братья только усилят истязания, раздувая пламя праведного гнева. К тому же погром принес неожиданные дивиденды: с головой уйдя в изобретение пыток, Моро, казалось, фактически игнорировал рассказы о нападениях на поместья, о засадах на отряды Киллеров, не придавая им значения как абсолютно не связанным между собой и, возможно, преувеличенным происшествиям.

Да, пришло наконец время покинуть гнездо ужаса. Фундамент Революции заложен. Фрейден уже сообщил Пророку о необходимости смотаться за новой партией наркотика, София укладывала вещи, и где-то через час или вроде того...

— Брат Барт, Пророк требует вашего присутствия немедленно, — произнес у него за спиной лаконичный голос.

Фрейден обернулся и увидел неизбежно худого, острозубого Киллера.

— Вы пойдете со мной, — гавкнул Киллер. — Ваше присутствие необходимо в темницах.

Фрейден напрягся, но затем немного расслабился, заметив, что винтовка у Киллера висит на плече, а «звезда» пристегнута к поясу.

Киллер подвел Фрейдена к маленькой двери в стене Дворца и впустил внутрь. Они прошли коротким коридором и спустились вниз по ступенькам длинного, плохо освещенного лестничного пролета. Он закончился небольшой площадкой. Три зала расходились от нее, и в резком свете голых, добела раскаленных ламп Фрейден увидел вокруг обширные блоки камер. Киллер повел его по коридору центрального блока.

Путь через преисподнюю. По каждую сторону вымощенного камнем прохода тянулись забранные стальными решетками камеры. Примерно половина из них заполнена: от пяти до десяти мужчин и женщин в крошечном отсеке. Одни из заключенных сидели неподвижно на холодном каменном полу в куче собственных испражнений. Другие пронзительно кричали вслед какую-то бессмыслицу, когда Барт, опустив глаза, торопливо пробежал мимо. Мужчины раздирали ногтями тела, уже покрытые рубцами. Женщины сидели, бормоча одно и то же слово — снова и снова, как заклинание. По коридору вдоль камер прохаживались Киллеры, холодно наблюдая за сумасшедшими, предотвращая вспыхивающие было там и тут драки ударами прикладов и хриплыми отрывистыми командами.

Оцепенело, жестко контролируя себя, заставляя не обращать внимания на царящий вокруг ад, Фрейден шел за Киллером сначала через блок, потом — по пустому коридору; затем они повернули в еще один коридор, пересекающий первый, и еще издали Фрейден услышал стоны, эхом отдававшиеся в каменных стенах.

В небольшой камере, освещенной единственной голой лампочкой, сиротливо свисавшей с потолка, Барт увидел прикованного к стене человека. Цепи охватывали запястья и щиколотки, тело сплошь покрыто безобразными маленькими ожогами. Как раз когда Фрейден входил в застенок, Киллер прижигал кожу пленника электрическим калилом. Моро стоял рядом и одобритительно кивал на вопли несчастного. Фрейден напрягся, и его ум бешено заработал — поскольку услышал крик не просто

боли, а слепой ненависти и остервенения. Запавшие глаза узника налиты кровью. Он бешено пытался разодрать стальные оковы своими изломанными и окровавленными ногтями. Когда Киллер отвел в сторону калило, крик перерос в едва внятный стон: «Уб-б-бей...»

Бедный парень торчал в героиновой ломке. Кстати, набедренная повязка — зеленая. Один из партизан Вильяма!

Моро обернулся и открыл было рот, но Фрейден заговорил первым:

— Надеюсь, это не затянется надолго. Омнидрина больше не осталось, и я должен отправиться за ним на корабль. Чем скорее...

— Да-да, не беспокойся, ты займешься этим сразу же, как только мы закончим здесь, — сказал Моро рассеянно. — Но поскольку ты... э... обладаешь более обширным и разносторонним опытом, чем кто-либо из Братьев, я хочу узнать твое мнение относительно это необычной твари. Станные вещи происходят в последнее время в стране... Нападения на Киллеров, сожжены два поместья. Конечно, время от времени Животные какой-нибудь из деревень становятся одержимыми. Но только когда их Мозг умирает и они теряют контроль над Жуками, а мы не успеваем доставить туда новый Мозг достаточно быстро. Предполагалось, что именно это случилось и сейчас. Но, чисто из любопытства, я распорядился, чтобы Киллеры — когда на них нападут в следующий раз — взяли пару пленных и отступили, — хотя, конечно, они весьма мало к этому расположены. Вчера на взвод Киллеров напало около тридцати вооруженных ублюдков. Киллеры, само собой, многих прикончили. Но поскольку их было всего шестеро, бой получился неравным. Одному все же удалось спастись. Более того, он ухитрился выполнить приказ и бежал, прихватив с собой вот это непонятное создание. Посмотри.

Моро махнул державшему калило Киллеру, приказывая отойти в сторону, и шагнул к пленнику. Тот извивался в цепях, злобно скаля зубы на Пророка.

— Убей! Убей! Убей! — крикнул он слабеющим голосом.

— Я Пророк Боли! — проревел Моро. — Слушай и повинуйся, Животное! Ты скажешь мне, кто ты и почему совершаешь убийства и святотатства. Во имя Братства Боли и Естественного Порядка, *говори!*

Горящие ненавистью глаза партизана превратились в раскаленные угли. Он яростно рванулся вперед. Из рта потекла кровавая пена.

— Убей! — вопил он, словно черпая силы из неистощимого источника ненависти. — Убей! Разрушь! Смерть Братству! Смерть Киллерам! Убейте Моро! Смерть Моро! Убей! Убей! — Слова слились в яростный звериный вой.

Моро ударил его по лицу тыльной стороной тяжелой ручки. Голова партизана глухо стукнулась о каменную стену. Он ослаб и вяло повис на цепях, но Фрейден заметил, что пленник все еще дышит. Моро оказал бы ему благодеяние, прикончив.

— Ты видишь? — сказал Моро, продолжая разговор. — Ни одно Животное не реагировало бы подобным образом. Это невозможно, это напрямую противоречит Естественному Порядку. Животные повинуются. — Моро угрюмо нахмурился. — Это похоже, если б...

— Если б он был Киллером, — быстро выпалил Фрейден наобум. Ложь в качестве отвлекающего маневра. Надо выиграть время, чтобы выбраться из подземелья, заскочить за Софией и добежать до шлюпки. Минут двадцать примерно. Пока партизан будет оставаться в состоянии ломки, они могут хоть живым его съесть, все равно ничего не добьются. Но похоже, что он вот-вот перегорит, и гнев, смягчаясь, перейдет в податливую апатию. А тогда... Не потребуется много времени и выяснить, что пленник — член партизанского отряда, предводительствуемого человеком из внешнего мира. Поскольку за последние столетия только один корабль из внешнего мира совершил посадку на Сангрии, Моро не составит большого труда сложить два и два. И времени на это уйдет тоже немного.

— Если б он был Киллером?... — задумчиво протянул Моро.

— Только посмотри на него! Он ведет себя в точности как прирожденный чистокровный Киллер.

— Невозможно! — сердито буркнул Пророк. — Киллеры с детства приучаются к повиновению. Повиновение Киллера абсолютно.

— Ну а если... Каким-то образом часть молодых Киллеров выросла сама по себе, за пределами обитаемых районов? Мальчишки, совсем еще молодые, воспитанные как Киллеры, но не обученные полностью? Скажем, их перевозили из какого-то одного места в другое, по дороге грузовик был сломан, все взрослые Киллеры перебиты... Их бросили на произвол судьбы, им пришлось как-то о себе заботиться... Десять лет жизни в джунглях, вдали от мира, дрессировка не доведена до конца, и...

— Звучит абсолютно неправдоподобно, — с сомнением сказал Моро. — Мне неизвестно о подобных пропажах. Все же...

Должен признаться, что более убедительное объяснение придумать вряд ли удастся. Ни одно Животное...

— Не будет вреда проверить, — перебил Фрейден. — Сколько времени уйдет на то, чтобы просмотреть сводки? Час, больше?

Моро засмеялся, пристально вглядываясь в Барта.

— Это не по правилам. С эстетической точки зрения, разумнее немедленно перейти к передовым методам пытки. К пыткам, вынести которые не сможет даже Киллер. Очень скоро мы все узнаем. Нет смысла тратить драгоценное время на полумеры, а? — Поросячьи глазки Пророка зажглись. — Ни малейшего смысла...

— Э... Думаю, мне сейчас лучше заняться омнидрином. — Фрейден направился к дверям. — Здесь я уже сделал все, что мог.

— Угу... конечно же... — пробормотал Моро, отворачиваясь к своему подручному-Киллеру и забыв уже о присутствии Фрейдена. — Приведи его в чувство!

Фрейден выскользнул из комнаты и побежал по тоннелю. Пока он мчался, считая каждую минуту, по хитросплетениям коридоров Дворца Боли, вслед ему неслись, отдаваясь от стен, душераздирающие крики. Тварь из сна подобралась к нему слишком близко. Чертовски близко!

— Давай же, Соф, шевелись!

Таща за собой Софию, Барт на рысях неся через открытый двор к шлюпке, ожидавшей их у стены. «Если они расколят бедолагу прежде, чем мы оторвемся от земли, — пиши пропало!»

Почти пятнадцать минут у него ушло на то, чтобы выбраться из подземного лабиринта — что-то не хотелось иметь Киллера в роли проводника. И еще пять, чтобы раскатать Софию. К этому времени Моро уже вполне мог добыть все необходимые сведения...

— Да иду я, иду! — проворчала София. Они поравнялись со взводом Киллеров, марширующих в направлении Дворца. — Давай удержимся в рамках стратегического отступления, не превращая его в паническое бегство. Если они увидят, что мы улепетываем, как застуканные на месте преступления взломщики, это может навести их на разные глупые мысли. Кроме того, легкая атлетика просто не мой вид спорта.

«Она права», — решил Фрейден, принуждая себя перейти на менее подозрительный шаг. Достаточно проворно, но сохраняя

видимое спокойствие, они зашагали к шлюпке. Еще один отряд Киллеров на ходу отсалютовал черной мантии Брата Барта.

Оставалось каких-то двадцать ярдов до возжеленной цели, когда Фрейден услышал раздавшийся где-то у Дворца крик. Он притормозил, обернулся и увидел человек десять—пятнадцать Киллеров, изо всех сил бегущих к нему через двор. Разделявшее их расстояние примерно в пятьдесят ярдов быстро сокращалось.

— Шевелись, Соф, дерьмо попало в вентилятор! — крикнул он, таща подругу за собой и срываясь в бег. — Давай, жми!

Пока они бежали, Киллеры у них за спиной подняли пальбу. Если б они на минуту остановились и получше прицелились, подстрелить беглецов было бы так же просто, как мишень в тире. Но холодный расчет не входил в число их сильных сторон, поэтому они продолжали бежать и стрелять на бегу. Пули визжали над головой, поднимали столбы пыли и барабанили по корпусу шлюпки.

Задыхаясь, таща за руку спотыкающуюся Софию, Фрейден наконец достиг шлюпки, опередив Киллеров меньше чем на тридцать ярдов.

Он нажал на кнопку наружной двери. Несколько секунд протекли в агонии ожидания, пока дверь, приводимая в движение вспомогательным мотором, не стала мягко, размеренно и бесшумно уходить вверх. Киллеры уже закидывали за плечи винтовки и выхватывали «моргенштерны», готовясь наброситься на удирающего Брата Барта. Их глаза дико сверкали, на губах выступила пена. Они размахивали своим страшным оружием, пронзительно выкрикивая завывающий боевой клич: «Убей! Убей! Убей!»

Бежавшему впереди Киллеру оставались до шлюпки уже считанные ярды, когда шлюзовая дверь наконец скользнула в паз и трап опустился. По-прежнему волоча за собой Софию, Фрейден взлетел по трапу, нырнул внутрь шлюза и только там выпустил руку женщины.

— Нажми кнопку! — крикнул он, устремляясь мимо Софии в крошечную кабину. Плехнувшись в кресло пилота, он незамедлительно активировал упрощенный автоматический взлетный цикл кибер-пилота.

Когда лампочки на дисплее стали загораться зеленым, одна за другой, Фрейден обернулся, глянул в распахнутую дверь кабины и увидел...

София включила блокировку наружной двери. Трап уже скользнул внутрь, дверь, закрываясь, ползла вниз. Но она за-

крывалась недостаточно быстро. Резвый Киллер умудрился перекинуть через порог одну ногу и теперь, очевидно намереваясь перевалиться внутрь шлюза, подтягивался на одной руке, занося свой устрашающий «моргенштерн» другой. Фрейден видел, что Киллер вполне в состоянии отжать дверь плечами, вклинившись в проем. Тогда кибер-пилот автоматически прекратит взлетный цикл. Счет времени шел на доли секунды, и за эти мгновения Фрейден ничего бы не успел сделать...

Внезапно София уперлась широко расставленными руками в дверную переборку и приподнялась на пальцах левой ноги. Киллер уже просунул внутрь обе руки и, распрямившись, готовился спрыгнуть вниз.

Со свирепой гримасой София занесла правую ногу и, тщательно прицелившись, грациозно пнула Киллера, обрушившись на него всем своим весом.

Каблук туфли пришелся солдату точно в челюсть. Киллер вскрикнул и задом вылетел через порог. Дверь тут же закрылась, скользнув на место. Завизжали, отскакивая от корпуса шлюпки, пули. Последняя лампочка на дисплее загорелась зеленым.

София, пошатываясь, вошла в кабину и, как раз в тот момент, когда шлюпка оторвалась от земли, упала в кресло рядом с Фрейденом.

Барт ухмыльнулся подруге. Шлюпка, набирая скорость, резко уходила вверх. София состроила гримасу, криво улыбаясь в ответ.

— Ну, я права, когда говорила, что бег — не мой вид спорта? И футбол, кстати, тоже...

Глава 7

Вынырнув из подлеска джунглей и с гребня невысокого холма обозревая очередную деревню; ютившуюся в узкой, заросшей травой долине, Фрейден в который уже раз отер со лба липкий пот.

Четверо партизан в зеленых головных повязках шли перед ним по два в ряд, раздвигая прикладами винтовок высокую траву. Было жарко, и Барту казалось, будто содержимое его черепашки превращается в горячий рисовый пудинг. Он глянул через плечо на другую четверку, замыкавшую шествие: зеленые набедренные и головные повязки, трофейные винтовки и запавшие, налитые кровью глаза, напряженные мускулы «на взводе». Все до одного — гнилые Тыквы, преданные в

первую очередь героину, во вторую — распределявшему дурь Вильяму. Не так много досталось невесть откуда взявшемуся Президенту (до сих пор только в проекте) Свободной Республики Сангрии. Все же сейчас они более управляемы, чем в тот день, когда Фрейден неделю назад присоединился к армии. Уловка состояла в том, чтобы давать им крошечные, мало опасные дозы наркоты на протяжении дня и одну действительно термоядерную — только перед сражением. Это было вечным зудом, но, по крайней мере, держало партизан в приемлемом состоянии бодрствования. К тому же их можно было контролировать. Однако долго подобная канитель не протянется...

Беспошадные лучи солнца впивались в кожу, как невидимые иглы. Отряд достиг подножия холма и, перебравшись через долину, направился к небольшой россыпи хижин. За хижинами возвышался красный глиняный Жуковейник. По обе стороны тянулись возделанные поля. Удивительно, но, несмотря на жару, усталость и гнетущее присутствие восьмерых Тыкв настроение было отменным. Конечно, результаты семидневного вояжа по стране — жалкие! Но вся эта неделя, когда Барт приходил в дюжины деревушек по всей округе, провозглашая Республику, пытался собрать настоящую армию, освежила его, наполнила надеждой и сознанием могущества своего дара. Он наконец-то больше не «Брат Барт», интриган и лазутчик в стане врага. Теперь, к худу ли, к добру ли, он снова Барт Фрейден, Президент Свободной Республики Сангрии. И пусть даже добровольцы стекаются в партизанский лагерь невероятно вяло, по одному, по два, пусть героиновые Тыквы Вильяма — по-прежнему основной костяк Народной Армии, уже одно то, что он бродил по окрестным поселениям со своими агитками, придает энергии и наполняет надеждой.

Отряд выполз на окраину деревни. Фрейден приказал партизанам сломать строй. Рассыпавшись, они заключили его в кольцо, составив вокруг Барта на первый взгляд беспорядочную и хилую группку, а на самом же деле — эффективное рассредоточение телохранителей. Мера предосторожности вполне оправданная. В деревнях, где примитивно организованная кампания по распространению слухов не срабатывала, уже предпринимались попытки набить Вождю Революции рыло.

Этого и следовало ожидать, покуда еще нет возможности запустить фабрику слухов по всем правилам. Без широкой сети постоянных агентов, оставалось только посылать парутройку Тыкв, чтоб те распустили маленькую сплетню. И на-

деяться, что передаваемая из уст в уста сплетня хотя бы приблизительно сохранит свою первоначальную форму. Мутить воду пока надо небольшими порциями, кратко и доходчиво. Пусть слабое беспокойство ползет по стране стихийно и бесконтрольно: «Братство в десять раз увеличило квоты... Киллеры особо заинтересованы в умалишенных... В джунглях полно вооруженных партизан...»

Первоначальная задача дня — беседы с жителями деревень. Необходимо установить связь между случайными на первый взгляд слухами, предложить приемлемое объяснение, понадевать побольше дыр в спекшихся мозгах. Так, чтобы в них во всю засквозило!

Теперь Барт шагал через возделанные поля. День клонился к концу, но зеленые восьминогие Жуки все еще работали, состригая пшеницу клешнями, складывали ее аккуратными рядами, собирая в стога, и перетаскивали урожай к Жуковейнику. Там они будут молотить зерно для сангриан. Не важно, как часто Фрейден встречал огромных членистоногих, вкалывающих поразительно толковыми бригадами, все равно зрелище неизбежно заставляло его нервничать. Ему казалось, будто он лицезреет некий артефакт, загадку, решив которую он обретет нечто важное. Впрочем, подобные картинки могут породить глюки и покруче...

Увлекая за собой толпу голых детей и женщин, Барт и его Тыквы выбрались на свободную площадку в центре селения. Там уже собралось несколько десятков мужчин, только что вернувшихся с работ по уходу за мясными Животными. Как пить дать, сангриане поджидали отряд. Добрый знак! Значит, молва о партизанах потихоньку распространяется.

Барт изучающе разглядывал физиономии: угрюмые, флегматичные, но есть в них какая-то тень любопытства и ожидания. Казалось, сангриане пусть даже задницей, но предчувствуют грядущие перемены, некие события, связанные с пришельцем из внешнего мира и его вооруженным отрядом...

Фрейден встал посреди площадки лицом к толпе, махнул партизанам, и те рассыпались веерообразной линией, образуя полумесяц. Женщины, дети, старики, несколько молодых парней стянулись к краям этой серповидной шеренги, присоединились к основной массе, застывшей перед Фрейденом.

В течение нескольких минут Фрейден возвышался безмолвным истуканом. Он в уме подсчитывал хижины — здесь найдется восемьдесят или около того потенциальных волонтеров. Да еще сотня женщин, детей и стариков. Барт подождал, пока тол-

па перестанет бормотать и топтаться с ноги на ногу. По растущему напряжению в мимике и во взглядах Фрейден понял, что любопытство сангриан достигло высшей точки. Пусть убогое, жалкое, но все-таки любопытство.

— Имя Барт, Барт Фрейден, — заговорил он наконец, легко подражая местному жаргону — манере коверкать слова и сокращать предложения. — Вы не знать меня, но я знать вас. Я знать ваши беды. Я знать, что вы уже слышать. Вы слышать, что те-Киллеры иметь интерес в тех-Животных, что сумасшедшие, так? И вы слышать, что те-квоты возрастать по всей земле...

Гортанный ропот пронесся по толпе. Мужчины качали головами. Женщины задергались, засуетились, на их лицах появилась сердитая мина.

— Мой мужчина! — крикнула молодая женщина. — Взяли мой мужчина!

— И мой!

— Десять этот месяц из этой деревни, — воркотнул дородный мужик. — Восемь сверх квота!

— Значит, те-Киллеры уже побывать здесь? — возмущился Фрейден. — Они вернутся, я обещать! Те-Братья, они больше не заботятся о квотах. Вы знать, почему?

Повисло угрюмое выжидающее молчание.

— Ты иметь много вопросов, чувак, — хрюкнул кто-то. — Ты иметь ответы?

— Я иметь человека, который иметь немного ответы. — По знаку Барта вперед выступил Ламар Гомец, один из первых героиновых Тыкв Вильяма. — Давай, Гомец, — подбодрил Фрейден. — Расскажи тем, что ты рассказать мне.

Помотавшись по десяткам деревень и поместий, Гомец вызубрил агитку идеально и барабанил теперь без запинки. Его можно было прокрутить, как запись на кассете.

— Имя Ламар Гомец, — начал он. — Те-Киллеры прийти мою деревню пару недель назад. Взять десять из нас — девять выше квота. Привезти нас в Сад. Привезти нас и поместить большую цистерну с водой. Пустить ток через воду. Я думать, боль убьет. Держать там часы под током. Не убило меня, никого не убило. Но половина нас помешаться совсем. Наконец выключить то-электричество. Нас забрать. Тех-чокнутых забрать темницы под тем-Дворец. Взять меня и кто не свихнуться, посадить нас загоны рядом с тем-Дворец. Услышал тогда двое Киллеров говорить. Говорить, они будут пытаться нас всех, пока мы все не свихнуться. Тогда брать нашу кровь, зачем-то тому-Братству нужно. Те-Киллеры думать, это так забавно. Го-

ворить, они хотят попытать *вся планета*, пока мы все не свихнуться. Тогда у всех тех-Животных взять кровь до капли. Ну, следующий день они перевозить нас куда-то, тот-грузовик наскочить на камень, перевернуться. Те-Киллеры, почти все Животные убить. Я спастись, ушел прочь. Идти в джунгли, встретить там Барта, сказать ему, что случилось. Тогда он сказать, он пришелец, он знать, что случится и почему они делать это...

— Я действительно знаю! — воскликнул Фрейден. — Только одна вещь: наркотик они называть омнидрин. Сильный наркотик в Галактика. Знать вам, как они делать тот-омнидрин? Выкачивать кровь из тех-чокнутых, вот как! Знать вам, сколько нужно тех-чокнутых, Братству достаточно крови всем набраться тем-омнидрин? Почти пятнадцать миллион. Знать население Сангрии? Почти пятнадцать миллион тоже! Поразмыслите это! Им надо всех вас иметь свихнуться, до последний человек! Они обескровить вас до смерти. Вы все умереть, но не так быстро. Вы все умирать с каждой пинтой крови постепенно. У вас будет долгое время думать, на что это похоже — быть мертвым. Только вы не мочь тогда особо раздумывать, потому что вы все будете сумасшедшие! Самый распоследний из вас! Как есть вам это нравится? Как вам теперь нравится то-Братство?

Сангриане стояли в мрачном безмолвии. Раздалось несколько слабых криков «Богохульство!», но суровые лица и хмурые задумчивые взгляды большинства быстро заставили замолчать немногочисленных кликуш-праведников.

Фрейден пробежал взглядом по сердитым смущенным лицам. В любом месте Галактики после такой речи лублика выла бы, требуя крови и мщения. Но это, в конце концов, все-таки Сангрия...

— Что собираться вы делать с этим? — прогрохотал он. — Сидеть на своих задницах, дожидаться грузовики приехать за вами, увезти вас и высосать кровь до смерти? Терпеть, пока они делать вас чокнутыми, пытать вас, убивать вас? Называете себя людьми?

— Животные, вот мы есть кто, — выкрикнул изнуренный сгорбленный старик. — Те-Братья править, те-Киллеры убивать, те-Животные делать, что им сказано. Естественный Порядок!

— Естественный Порядок? — со злобной усмешкой кинул ему Фрейден. — Естественный Порядок — брать десять раз больше квота? Естественный Порядок — тянуть вашу кровь? Где тут Естественный Порядок? То-Братство не соблюдать теперь Естественный Порядок. Почему должны вы?

— Что Животные могут делать? — слабо запротестовал кто-то.

— Не думай о том, что могут Животные, — проговорил Фрейден, переходя с жаргона на нормальную речь. — Я скажу вам, что сделали бы *люди*. А вы — люди. Стоит содрать с Брата или Киллера одежду, и его уже не отличить от любого из вас. Все вы это знаете! Я скажу вам, что должны сделать люди.

Он выхватил из кармана изжеванный клочок бумаги и, как знаменем, взмахнул над головой.

— Люди бы выслушали все, что написано здесь. И *сражались* бы за это! Они сражались бы с Братством и убивали Киллеров. Дрались бы до тех пор, пока не перебили бы всех врагов. И обрели свободу! Слушайте! Слушайте то, что уже слышат люди по всей Сангрии! Слушайте, почему джунгли полны вооруженных людей! Слушайте, за что сражается народ Сангрии!

Фрейден поднес заляпанный грязью лоскут бумаги к глазам и сделал вид, что читает.

— «На протяжении трех последних столетий народ Сангрии был мучим, пытаем, съедаем бездушными угнетателями и садистами, именующими себя Братством Боли. А также их бесчеловечными кровожадными приспешниками — Киллерами. На своей собственной земле народ Сангрии превращен в рабов. Братство Боли владело им, как бездушным скотом.

Поэтому настоящим Народ Сангрии заявляет, что бесчеловечное владычество над ним Братства закончилось. С этого дня и дальше, Народ Сангрии отказывается признавать диктатуру Братства, его право господствовать над Сангрией, устраивать избиения людей, уничтожать их, обращать в рабство, пить из них кровь. Пришло время Революции!

Чтобы вести героическую борьбу с диктаторским режимом, Народ Сангрии настоящим провозглашает Свободную Республику Сангрию с Бартом Фрейденом в качестве временного Президента, полномочного до тех пор, пока не будет выиграна борьба и состоятся свободные выборы. Свободная Республика Сангрия является отныне единственным правительством, признаваемым Народом Сангрии. Киллеры, Братство и все, кто будет оказывать им помощь и содействие, объявляются государственными преступниками и, как лица, действующие против интересов Народа Сангрии, приговариваются к смерти.

Главная действующая сила Революции — Народная Армия Сангрии. Все годные к службе сангриане имеют право вступить в Армию, чтобы под опытным предводительством сражаться с Братскими и их лакеями. Все будут обеспечены оружием. Оружие для всех! Свободная Республика призывает всех сангриан

подняться и уничтожить Братство и Киллеров. Смерть Киллерам! Смерть Братству! Да здравствует Свободная Республика!»

Протараторив раз тридцать за последнюю неделю сей пламенный бухтеж, Барт уже не удивлялся ни тусклым взорам, ни молчанию мнущейся толпы. В конце концов, если эти олухи поняли хотя бы десятую часть того, что он им наговорил, это уже невероятно много. Главное, речуга звучит весомее и навороченнее всего того, с чем сангрианам приходилось сталкиваться прежде. Даже глупая деревенщина в силах понять слова, касавшиеся Братства, Киллеров и ружей. Воистину — «Благодарный Народ Сангрии»!

— Вот что вы можете сделать, друзья, — закончил Барт. — Обдумайте это. И когда обдумаете, приходите ко мне в джунгли, ближе к горам. Не беспокойтесь о том, как найти Народную Армию — Народная Армия сама найдет вас!

Сангриане молча наблюдали, как Барт выстраивает партизан в боевом порядке и, окруженный ими, марширует прочь из деревни. Встречи везде проходили одинаково. Нужно время, чтоб призывы запали в память. Через несколько дней, после того, как вернутся Киллеры и погонят в Сад новых рабов, парочка-другая сангриан прозреет. Тогда в окрестностях партизанского лагеря обнаружится еще один рекрут.

Фрейден вздохнул, проходя мимо группы Жуков, тащивших с поля зерно. «Неделю уродовать, и получить в итоге не больше сорока добровольцев». Однако не все так безнадежно. Полный революционный комплект под рукой. Остается только поднести спичку, чтобы пламя вспыхнуло. Только вот как найти нужную спичку?

Каким-то сверхъестественным чутьем Фрейден улавливал: искомое лежит прямо у него под носом. Он дернул плечом. Ничего, рано или поздно он обнаружит недостающее звено.

«В конце-то концов, — размышлял он философски, — Рим разграбили не за один день».

Партизанский бивак начинал приобретать вполне заправский вид. Барт стоял на пороге своей хижины. Жилище обустроили таким образом, что одну стену составлял корпус шлюпки, а шлюзовая дверь выходила внутрь помещения, открывая Фрейдену потайной ход. Хижину сляпали за один день. Так же легко можно собрать и новую, если Барту приспичит поднять шлюпку в воздух. У хижины Вильяма, стоявшей через поляну напротив, подле второй шлюпки, подобное хитрое устройство

отсутствовало. Так сказать, незначительное преимущество президентского статуса. Фрейден категорически на этом настоял. У любой заварухи должен быть только один лидер. Специфическая связь Вильяма с героиновыми Тыквами отчасти затемняла диспозицию. Поэтому необходимо сделать ее более отчетливой.

Шлюпки словно бы обрамляли лагерь с двух сторон. В шалашах вокруг жилища Вандерлинга обосновались героинщики, ближе к шлюпке кучковались хижины волонтеров. Под арсенал для трофейного оружия приспособили простой навес, чтоб каждый мог подойти и взять боеприпасы. Оружия хватало вдоволь, больше чем по три винтовки на нос. По всему биваку дымили маленькие походные очаги. Пища, разумеется, самое больное место! Барт не потерпел бы в лагере каннибализма, но установленное им правило пользовалось всеобщей непопулярностью. В итоге Фрейден перестал утруждаться вопросом, что именно лопают партизаны, регулярно выползая на поиски продовольствия.

Сейчас Барт направлялся к хижинам добровольцев. Оттуда под горячее утреннее солнце выбралось около семидесяти человек. На грубый плац, образованный полукругом хижин, хмурые охранники вытолкнули из отдельной хижины четверых новеньких, подобранных в джунглях патрульными. Еще один легкий штрих: судьба новобранцев вверена исключительно добровольцам. Они же, по мере надобности, контактировали с жителями деревень. Тыквы Вильяма, помимо пускания крови, ни на что больше не годились. Мозги у них прокоптились до кондиции. В конечном итоге, торчков можно убрать со сцены, держа в изоляции, — пусть Вильям управляется с ними сам. В этом есть доля риска, но и некоторые преимущества тоже. Подобное положение оставляло Вильяма в тени, зловещей фигурой где-то на задворках Революции. Тогда как имя Барта Фрейдена летело из уст в уста, вместе с молвой, усердно разносимой добровольцами: «Президент Фрейден, Освободитель, Герой Революции, Человек Который...» Надо уметь вовремя защитить свой тыл — это Фрейден знал из собственного богатого опыта.

— С утром, ребята, — поприветствовал он, когда партизаны выстроились перед ним.

— С утром, Барт! — ответили те хором. Еще одна тонкая деталь: Вильям помещан на чинах и «сэрах», он любил, чтобы его величали «фельдмаршал», тогда как Фрейден — просто «Барт», для всех и каждого, этакий Парень-из-Народа.

— Да здравствует Свободная Республика! — крикнул Фрейден.

— Да здравствует Свободная Республика... — нестройно отозвались сангриане. Жилистый юноша с копной густых светлых волос толкнул к Барту вновь прибывшую четверку. Это был «полковник» Олней, редчайший образец сообразительного сангрианина. Барт уже имел на парнишку виды. Нужно поставить кого-нибудь во главе «департамента» пропаганды и шпионажа, и Олней, за явным недостатком других кандидатур, вполне тянет на эту вакансию.

— Четыре новых, Барт, — сообщил Олней, постаравшись, чтобы слова прозвучали как можно официальнее.

— Да здравствует Свободная Республика! — с воодушевлением прокричали все четверо. Сразу видно, что Олней хорошо их натаскал. Два очка в пользу полковника.

— Да здравствует Свободная Республика, — ответил Фрейден небрежно. — Перед тем как формально принять вас, ребята, в Народную Армию, я должен проверить, зачем сюда явились и чего ждете. Скажите-ка мне, из-за чего вы покинули свои деревни?

— Убивать Киллеры! — крикнул один.

— Убивать Братья!

— Я спасти свою шкуру, — признался низкорослый смуглый парень. — Киллеры взяли половина моей деревни прошлая неделя. Я решить, в следующий раз взять меня.

Фрейден улыбнулся. У чувака имелось нечто, похожее на мозги!

— Как твое имя? — спросил он «реалиста».

— Имя Гилдер, Президент Барт Фрейден.

— Барт. Называй меня просто *Барт*. Я здесь командир только потому, что знаю, как надо действовать. Я совсем не то высшее существо из вашего Естественного Порядка, как пытаются показать себя Братья. Запомните это! Мы здесь все равны, это одна из тех вещей, за которые мы боремся. Выходит, Гилдер в какой-то степени прав. Мы сражаемся, чтобы спасти наши собственные головы, *собственные*, подразумевая головы Народа Сангрии. Вот чем занимается Революция. Братство собирается нас всех «вдуть», ну так мы «вдуем» их первыми. Но не путайте средства и цели. Мы боремся за свободу. Свобода означает смерть всем Братьям и смерть всем Киллерам. Но мы сражаемся не просто для того, чтобы убивать, мы сражаемся, чтобы *победить*. Это не всегда одно и то же. У вас будет множество возможностей убивать Киллеров, но всякий раз вы должны будете подчиняться приказу. Это означает, что вы должны *исполнять* все, что вам говорят, даже если требование кажется сумас-

шедшим, даже если потребуется лгать собственному народу. Вы пришли в Армию — и вы уже в Армии. Назад не повернешь. Кара за предательство или неповиновение — смерть. Так вы с нами?

— Да здравствует Свободная Республика! — прокричали все четверо, с тем же необузданным энтузиазмом, что и прежде. В том и состоял весь план — парни Вильяма всего лишь убийцы, и чем меньше они рассуждают, тем лучше. Но добровольцы должны стать полностью контролируруемыми бойцами. Если партизанская армия без разбора грабит, насильничает и убивает, то она столь же эффективна, как однорукий и слепой пилот звездолета.

— Отлично, ребята, — продолжил Фрейден. — Отныне вы солдаты Народной Армии Свободной Республики Сангрии. Полковник Олней выдаст вам оружие. Надеюсь, оно у вас не развалится на куски через пять дней. Полковник, когда закончите, жду вас в расположении маршала Вандерлинга. Есть планы касательно вас, надо бы поговорить.

Олней криво ухмыльнулся, уводя новых партизан прочь. Фрейден наблюдал за ними со смешанным чувством. Пока вербовка продвигалась так чертовски вяло, в лагерь стекались главным образом отступники-одиночки вроде Олнея или вот этого Гилдера. Они вполне способны мотивировать свои действия. Конечно, весьма соблазнительно снять сливки, собрать лучшую часть урожая. Выбор-то не богат. Приходится ковыряться в редкостных отбросах, тут уж брезговать непозволительно. Но когда все действительно завертится, интересно было бы знать, кто явится под знамена — жадные до поживы, фанатичные убийцы? «Что ж, — невесело размышлял Фрейден, — найдем способы использовать и *таких*».

Легким шагом он направился к хижине Вандерлинга. Вильям и двое его Тыкв, Гомец и Джонсон, уже поджидали снаружи. Увидев героинщиков, Фрейден нахмурился. Вот еще одно довольно-таки гнусное обстоятельство: Вильям держал при себе обдолбанных головорезов, словно сторожевых доbermanов. «Полковники» Гомец и Джонсон! Начальники штаба, как величал их Вильям. Фельдмаршал, командующий двумя сотнями болванов... Отчего он не замечает, как смехотворно выглядит? Не за горами тот день, когда он вырежет себе шикарный маршальский жезл. Хотя, если пофантазировать, плешивый солдафон уже сейчас носит снайпан, как будто неотъемлемую часть парадного мундира. Фрейден глухо рассмеялся. «Когда Вильям обзаведется моноклем, я буду вынужден вернуть его с небес на землю».

— Ну, Барт, как подвигается заготовка пушечного мяса? — спросил Вандерлинг, когда компания расселась вокруг грубого стола перед хижинкой. Голец и Джонсон заухмылялись. Парочка подхалимов! Фрейден заметил, как Олней, насупившись, сверлит героиновых Тыков сузившимися глазами. В его пристальном взгляде читались одновременно страх и презрение.

— Не вводи в привычку отпускать подобные «приколы», даже в приватной обстановке, — раздраженно одернул Фрейден. — Это может отпрыгнуться в самый неподходящий момент... В последний раз я насчитал семьдесят пять добровольцев. Они прибывают человека по три в день.

— Ну не паршиво ли! — вздохнул Вандерлинг. — У нас до сих пор больше офицеров, чем... э... людей.

— Давайте возьмем целая деревня, — предложил Голец, и его маленькие глазки вспыхнули под нависшими рыжими бровями волчьим блеском. — Те-Животные не имеют оружия. Будет легко. Мы могли бы взять сто человек, потом взять еще больше деревни. Мы могли бы взять так сотни солдат, тысячи.

— Имеется в виду — сотни заключенных, — заметил Фрейден. — Кому нужны заключенные?

— Мы заставить тех-Животных сражаться! — неистово возопил Джонсон. — Они сражаться, или мы убить их. Убить нескольких, остальные будут сражаться.

— В этом есть смысл, — проговорил Вандерлинг, возможно, чуть-чуть излишне быстро, чтобы его речь не выглядела подготовленной. — Твоими методами, Барт, мы ни хрена не добьемся.

— Великого смысла я что-то не улавливаю, — огрызнулся Фрейден. — Может быть, все-таки вспомнишь — это Революция! Чтобы одержать победу, вы должны привлекать людей на свою сторону, а не поработать их силой. Зачем запугивать их? Они и так уже до смерти боятся Киллеров. Вас они все равно будут бояться меньше. Вряд ли бы тебе понравилось отправить на фронт с бандой вооруженных парней, которых ты просто принудил воевать? Как долго ты предполагаешь оставаться в живых? Ты предоставил решать проблему вербовки мне. У тебя своя кривая, у меня — своя. Я ведь не учу тебя, как устраивать побоища?

— Но ты же постоянно тычешь меня носом, где и когда делать, — проскрипел Вандерлинг. — Тут засекли около сотни Киллеров. Они ошиваются по деревням примерно в двадцати милях отсюда; собирают Животных. Мы могли бы напасть на них сегодня вечером, захватить пятьдесят—шестьдесят человек. Твои же методы глупы и слабосильны. Рассчитаны на дурака.

Напасть из засады на пятерых там, десятерых здесь... Про хороший налет на усадьбу я вообще молчу! Что ж получается за война? Напади сегодня на тех Киллеров, так перемолотишь за час больше, чем за всю неделю.

— Все-то у тебя через задницу, Вильям, — отечески посетовал Фрейден. — Сколько в нашем распоряжении людей? Меньше двухсот! Какие у нас шансы одолеть сотню Киллеров? Тебе пришлось бы задействовать всех бойцов, рискуя, что их вырежут до последнего. В самом начале, во время становления, мы нападаем только с одной целью: добыть оружие и смыться. Чтобы преуспеть, тебе приходится уничтожать весь отряд. И если речь идет о Киллерах, тебе необходимо преимущество по крайней мере три к одному, плюс неожиданность нападения. Эти мальчишки умеют сражаться, ты знаешь это даже лучше меня. У нас же меньше двух сотен! Мы едва здесь-то зацепились, а ты вознамерился рискнуть всем. Ради чего? Бессмысленного убийства!

— Ну так что же делать? Сидеть вот так и ковырять в носу?

Фрейден вздохнул. Что стряслось со стариной Вильямом? Проклятая планета так на него действует? Солдатский склад ума... убивай врага, и к черту осторожность! Неужели он не понимает, что Братство, всерьез забеспокоившись, пришлет сюда пару тысяч Киллеров и вырежет всех под корень. Если бы Братья не так усердствовали с поиском жертв для бешеной мясорубки, если б не их навязчивая идея получить новый источник омнидрины, они, вероятно, уже приняли бы меры. Позже, когда две сотни партизан превратятся в несколько тысяч, с этим справиться можно. Но сейчас... Подставляться, как глупая муха на стекле, — верный путь к могиле.

— Я скажу тебе, что делать, — ответил Фрейден. — Киллеры разделятся на две группы, когда будут свозить Животных в свой базовый лагерь, верно? Ну так возьми человек тридцать и устрой засаду на одной из дорог, подальше от расположения главных сил. Ты подстрелишь два, три, четыре грузовика, по одному за раз, и смоешься до того, как основная часть отряда врубится в ситуацию. Таким образом ты приобретешь кучу винтовок и, потеряв только несколько человек, ухлопаешь пару дюжин Киллеров. Вдобавок освободишь двадцать или тридцать сангриан. Они вернутся по своим деревням и не замедлят распустить молву о всесильных партизанах в джунглях.

— Не знаю, Барт... — промямлил Вандерлинг. — Моим... э... офицерам... не терпится побывать в каком-нибудь серьезном деле. — Гомец и Джонсон согласно закивали, скрежеща зубами. Оба уже болтались на грани ломки.

— Зато я знаю, — отрезал Фрейден. — Не волнуйся, очень скоро у нас будет масса серьезных дел. А если им уж так не терпится, пусть забомбят побольше героя.

«Начальник штаба» закивал опять, на этот раз соглашаясь с Фрейденом.

— Тебе лучше выступить прямо сейчас, если хочешь управиться к сумеркам, — напомнил Фрейден. — И не бери больше десяти... хм... офицеров. Остальные пусть будут волонтерами. Не очень-то хочется, чтоб покалечили кого-нибудь из освобожденных сангриан. Мы играем в Робин Гуда. Смотри не забывай об этом.

Когда Вандерлинг и двое Тыкв убрались восвояси, Фрейден обратился к Олнею:

— У меня предложение, полковник. Нужно наладить и держать под контролем фабрику слухов и организацию шпионажа. Мне кажется, для такого дела вы вполне подходите. Заинтересованы?

— Давать приказы? — Глазенки Олнея вспыхнули плохо скрытым предвкушением. — Говорить Животным, что тем делать, как если я Брат? Я заинтересован! Только что такое фабрика слухов?

Фрейден мысленно плюнул и скорчил гримасу. Олней — лучший из всех, с кем приходилось работать. Но его увлекла лишь возможность разыграть из себя Брата. Ладно, по крайней мере у него имеется хоть честолубие. Этим можно воспользоваться.

— Все предельно просто. Ты отбираешь рекрутов, кому, по твоему мнению, можно доверять. Потом отсылаешь их назад, домой, заниматься привычной работой. Животные не должны пронюхать, что эти люди — партизаны. Они будут сообщать тебе обо всех новостях, а ты — докладывать мне. Иногда я буду сочинять какую-нибудь историю, откровенную ложь. Я расскажу ее тебе, ты — своим агентам, они же распустят ее по деревням. Все понятно, а? Такие уловки позволят нам пропагандировать все, что мы захотим. И никто не будет знать, откуда появляются слухи. Как думаешь, справишься?

— Справлюсь, — ответил Олней без колебаний. — Просто сказать им, что делать, что говорить. Легко. Но зачем? Зачем трудиться, рассказывать тем-Животным сказки и небылицы?

Фрейден покачал головой. Поди объясни сангрианину теорию и практику политической борьбы. И все же попробовать не мешает.

— Послушай-ка, почему в первую очередь ты присоединился к нам?

— Услышал ты говорить в моя деревня убить тех-Киллеров и тех-Братьев и заправлять всем самим, — объяснял Олней. — Пару дней спустя Киллеры прийти и взять десять Животных. Это только через две недели, как они взять квота. Я помнить, что ты говорить, Братья хотеть всех нас сделать чокнутыми, обескровить до смерти. Я понять, это не иметь ничего общего с Естественный Порядок. Решить, если те-Братья не заботиться о Естественный Порядок, с какой стати должен я? Лучше убивать, чем умереть. Поэтому я прийти в Народную Армию.

«Пример из учебника», — подумал Фрейден.

— Значит, если бы ты ничего не услышал о происходящем, то по-прежнему оставался бы в своей деревне. Или — что более вероятно — сидел бы, свихнувшийся, в Саде. Я не могу поспеть всюду — но агенты могут. Открой людям глаза на их потаенные страхи, поведай о запретном, и они станут с радостью выполнять твои приказы.

— Никого из них не убивая? — с великим удивлением спросил Олней. — Просто историями? *Это* есть пропаганда?

— Именно!

— Ты сказать мне, я сказать моим агентам, они сказать тем-Животным, и те-Животные сделать то, что мы хотеть? Как словно ты — Моро, а я — те-Киллеры?

«Здесь существует только один взгляд на вещи. — Фрейден почувствовал разочарование. — Сангрианский взгляд».

— Если хочешь, расцени это так, — вздохнул он. — Что скажешь?

— Заставлять тех-Животных повиноваться, как будто бы я был Брат... — бормотал Олней с таким видом, будто он отшельник, долгие годы проживший в одиночестве и только сейчас обнаруживший существование секса. — Я говорить, и они делать... Править, почти что. Быть как Брат, вместо Животного, поменяться местами в Естественный Порядок! Звучит здорово! Я — то-Животное. — Он посмотрел на Фрейдена и улыбнулся. — Почти сказать, я — тот-человек, — протянул он медленно, смакуя слова. — Да-а, Барт, я человек!

Глухая полночь, а у Фрейдена сна ни в одном глазу! И не жесткий соломенный матрас тому причина. Вон София, спит себе спокойно, как мышка. Нагая, теплая — расслабленно отдыхает. Чертовщина! Что-то свербит в башке, просачивается из

погребов подсознания, требовательно стучится в двери парадных комнат рассудка.

Фрейдену хорошо знакомо это чувство. Чрево пытается разговаривать со своим бесплотным наполнением. Барт достаточно глубоко умел заглядывать в себя, отслеживать свой путь зла, чтобы понять — некоторые вещи приходят исподволь, надо только ждать, чтобы в конце концов разрешиться от бремени. Кто-то назовет это вдохновением или способностью подсознания объединять в целое бесчисленное количество фактов и деталей. На самом же деле это просто ваши потроха говорят с вами.

Вот оно, различие между ремесленником и артистом, тупым политическим начетчиком и личностью призванного — а Фрейден весьма был склонен относить себя к последним. Вы можете крутить самые хитроумные, тщательно разработанные интриги — но если потроха молчат, когда приходит момент вдохновения, вы — пустое место.

Значит, теперь такой момент настал. Сангрия давно уже должна бурлить, но она, сволочь, не бурлит. Хоть тресни! Все составляющие части революции налицо — бездумная деспотическая олигархия, доведенный до скотского состояния народ, обещание перемен, что несет с собой Свободная Республика... Но все стоит на мертвой точке, все окоченело и замерло. Как в тесной замкнутой системе, застопорившейся на отрезке Пространства-Времени. Но, подобно всем похожим системам, она, как стекло, разлетелась бы в куски от одного удачного щелчка, направленного в нужную сторону.

Фрейден чувствовал, как тужится его живот. И не было способа сознательно принудить плод вдохновения появиться на свет до срока. Толчком для откровения может стать что угодно: слово, звук, запах. Это, конечно, чертовски противно! Будто ты насекомое и подышаешь от желания отложить яйцо.

Рядом завозилась София.

— Ты не спишь? — шепнул Барт.

— Ум... — фыркнула София, прижавшись теснее, и по-кошачьи потерлась щекой о его грудь. — Уже нет, — проговорила она. — Что с тобой? Почему ты не спишь сам и мне мешаешь? Зачем волну гнать? Лежишь тут и думаешь так усиленно, что скрежет винтиков в твоей башке меня будит.

— Поверь, одно только присутствие твоего сладкого тела наполняет меня похотью, которая не дает...

София мягко ударила его коленом в живот.

— Так, значит, ты находишь меня глупым. Но серьезно, я чувствую себя на краю...

- На краю чего? — буркнула она утомленно.
- Именно это, — вздохнул он, — не дает мне уснуть.
- Уф?

— Соф, эта планета — бочонок с порохом. Теперь уже в каждой деревне на много миль вокруг знают о Революции, о Народной Армии и сумасшедшем погроме. К нам должны стекаться толпами — но нет же! Существует какая-то деталька, какая-то веревочка, которой не терпится, чтобы за нее потянули. А я просто не могу найти, за что уцепиться...

— Почему бы тебе не спрашивать старину Врежь-в-Плешь? — предложила София.

— *Вильяма?*

— Ну да. Не будешь же ты утверждать, что ничего не заметил? Дятел по-настоящему просек эту Кучудерьма. По крайней мере, он нашел здесь людей по *своему* вкусу: кровожадных убийц, садистов и каннибалов. Сангрия для него — отдых в родном доме. Хочешь узнать, о чем думает эта мразь? Если они, конечно, позволяют своим мозгам шевелиться... Спроси у Дятла! С каждым днем его способ мыслить все больше становится похож на сангрианский.

— София...

Барт почувствовал, как она приподнялась на локтях, увидел в темноте смутные очертания ее лица — она медленно покачивала головой.

— Барт, Барт, любовь моей жизни, — говорила она. — Какого черта я с тобой делаю? Изю всех уродов, каких я встречала, ты ближе всех стоишь к мужчине. Можно даже сделать натяжку и сказать, что у тебя имеются мозги. Ты умеешь добиваться намеченного, можешь манипулировать свиньями вроде Моро и прочими мерзкими тварями на этом сгустке грязи в своих собственных, более или менее разумных, целях, не становясь при этом одним из ублюдков. Так почему же сквозь твой медный лоб не может пробиться простая мысль: большинство людей не похоже на тебя. Особенно головорезы типа Дятла! Знала я массу идиотов, претендующих на статус «сильной личности». Но ни с одним я не оставалась так долго, как с тобой. Ты когда-нибудь задавал себе вопрос — почему?

— Я думал, ты сходишь с ума по моему хре... э... телу.

— Бога ради, Барт, я серьезно! У меня дорогие замашки, и мне нужен мужик, способный им потакать. Человек, использующий других людей ради своей выгоды, жестокий и непримиримый. Это ты, наилучший из всех возможных. Я первоклассная телка, и мне нужен первоклассный бычок. Весь прикол в том, что боль-

шинство людей, чья кривая — использовать в своих целях других, постепенно сами становятся похожи на пешек в игре. Ты этого не замечаешь, поскольку *ты* — избранный. А Вильям Вандерлинг — да. Вот он, предводительствующий бандой обезумевших от убийств героиновых голов, в борьбе против еще более кровожадных Киллеров. Как же ему не стать похожим на собственных солдат? Особенно если он и всегда торчал на этом. Ты политик и гедонист, ты используешь ситуацию, чтобы пороскошнее устроить жизнь Номеру Один. У тебя множество милых, здоровых пороков. Но Дятел — солдафон, его единственный порок — убийство. Что такое война, в конце концов, как не длинный ряд отдельных убийств? И Дятел наслаждается каждым из них. Война для тебя — средство, для него же — цель. Теперь у старого кретина целая шайка подельщиков, и чувствуют они примерно то же самое. Ему больше не приходится надувать самого себя. Он может быть кровавым убийцей и гордиться этим.

— Спасибо вам, доктор Фрейд, — проскрипел Барт. — Простите мою тупость, но вы упустили существенную деталь. До тех пор, пока война для меня — средство и цель — для Вильяма, я его контролирую. Каждому свои удовольствия, как заметил бы Моро. Я не беспокоюсь о Вильяме, но меня достает...

— Да что за жук тебя сегодня укусил? — вспыхнула София.

— Как ты сказала? — на мгновение Барт почти остекленел.

— Что с тобой происходит? Я только спросила, какой жук...

— Вот оно! Вот оно! Почему я не разглядел этого раньше?

— Из-за чего, черт возьми, ты так бесишься?

Фрейден притянул подругу к себе, остервенело принялся целовать в глаза, губы, в оба соска, все время заливаясь идиотским смехом.

— Жуки! — кричал он. — Жуки! Ты бесподобна! Ты гений! Жуки! Жуки! Ну конечно же, Жуки!

— Ты окончательно спятил?

Барт закрыл ей рот долгим, долгим поцелуем, в полнейшем избытке чувств глядя ее бархатистую кожу. София обхватила его за шею, пробормотав: «Да здравствует безумие», когда он накрыл ее. Их близость была короткой, пылкой, молчаливой и полностью удовлетворила обоих.

И только когда все закончилось и они лежали, отдыхая, в объятиях друг друга, внешний мир опять вторгся в хижину, и до сознания Фрейдена дошла суматоха, царящая в лагере.

Он поднялся, натягивая брюки, и застыл в открытом дверном проеме. София, наскоро во что-то завернувшись, присоединилась к нему, обняв любовника за талию.

В мерцающем оранжевом свете полудюжины маленьких походных костров Фрейден увидел Вандерлинга с его парнями, вернувшихся назад в лагерь. Расслоение в маленьком отряде слишком очевидно! Добровольцы утомленно тащились впереди, нагруженные захваченными винтовками и боеприпасами. Они сгрузили добычу под складской навес и быстро разбрелись по своим баракам.

Но важно выступавшие следом десять героиновых Тыкв, за которыми Фрейден наблюдал с растущим беспокойством, столпились у хижины Вандерлинга — хрипло смеясь, дергаясь в подступающих судорогах ломки. Их глаза жадно сверкали в отблесках пламени, зубы стиснуты, рты растянулись в оскале предвкушения.

Вандерлинг вынырнул из хижины с горстью голубых таблеток. Фрейдену была отвратительна эта его манера. Вандерлинг коварно ухмылялся, в глазах — может, это просто обман неверного света костров? — полыхало животное удовлетворение. Раздавая таблетки, он хлопал своих солдат по спинам, смеялся. Тыквы панибратски хлопали генерала в ответ.

Героинщики жадно глотали таблетки, усаживались на сырую землю, что-то лопоча, как стая бабуинов после успешной охоты.

И Вильям уселся с ними, кивал, хозяйски ухмылялся — словно старый мудрый волк, надзирающий за распределением добычи в стае. Он сидел с ними, пока героин растворялся в их жилах, впитываясь в кровь, и бедолаги, один за другим, затихали. Глаза их стекленели, становились тусклыми; люди впадали в оцепенение, все еще что-то назойливо бормоча друг другу. Только когда последний из отряда успокоился в полузабытьи и, лежа на земле, витал в героиновых грезах, Вандерлинг кинул вокруг себя последний одобрителный взгляд, оскалился, как крокодил, и удалился.

Фрейден повернулся к Софии. Она открыла было рот, перехватила взгляд Барта, пристально посмотрела на него — и в ее полных отвращения зеленых глазах явственно читалось: «Я же тебя предупреждала!» Намного красноречивее любых слов.

Она засмеялась, чтобы хоть как-то снять повисшую напряженность.

— Давай, давай, Барт! Ты выглядишь так, будто тебе сообщили, что Санта-Клауса не существует. Мальчишки останутся мальчишками! Игры и забавы!

Потом взяла Барта за руку и отвела обратно к постели.

И только спустя полчаса, когда перед мысленным взором дикая картина потускнела и подобрался наконец сон, Фрей-

ден вспомнил: у него *теперь* есть ответ. Есть средство! И оно встряхнет этот затхлый мирок. Волна великого бунта сметет к чертям их вонючее Братство. А самого Барта вознесет на вершину.

Глава 8

Вильям Вандерлинг поднял башку и насмешливо уставился на Фрейдена.

— *Форма Киллеров?* Можно, конечно, взять форму, какую захотим! Мы убиваем их до сотни за неделю. Не проблема собрать шмотки. Но зачем? Какого черта собираешься ты с ними делать?

Фрейден, стоявший перед хижинкой, ухмыльнулся и, прислонившись к дереву, обвел взглядом маленький партизанский лагерь. На мгновение Барта посетило видение: пред ним предстал бивак, где расположились тысячи бойцов, армия на месте шайки, по существу, разбойников. Так оно случится в недалеком будущем! Обязательно случится!

— Не я собираюсь, Вильям, — заметил он, — а *ты*. Ты и человек двадцать — прости за выражение — Тыкв, на которых можно положиться. Придется в течение некоторого времени разыгрывать Киллеров.

Вандерлинг усмехнулся:

— Эй, чертовски хороший план! Мы наденем форму Киллеров и проникнем на одну из баз. Помнишь, я тебе говорил... Нападем на них изнутри и снаружи, одновременно, и...

— Ничего подобного, — оборвал Фрейден. — Ты будешь убивать Жуков.

— Э?..

— Ты не ослышался. Будешь убивать Жуков. Если точно сказать — Мозги. Жители деревень используют их, чтобы управлять Жуками.

— Я что-то не понимаю, Барт, — озадачился Вандерлинг. — Мы собираемся убивать Мозги... Что это даст? Зачем тратить напрасно драгоценное время?

Фрейден вздохнул:

— Надо, Вильям, надо. С тобой как с ребенком... Все на пальцах объяснять! Жуковейники — роевые организмы, верно? Как если бы все Жуки были руками одного тела, а Мозг — головой. Ну так что происходит, когда отрубаешь животному голову?

— М-м-м-м... оно умирает. Но ведь Жуки не умрут, верно? Полагаю, они просто разбегутся, как стая тараканов.

— Очень хорошо, Вильям. Без Мозга Жуковейник — просто скопище безмозглых, бесполезных насекомых. А теперь зажми нос и вообрази себя сангрианином. Все трудоспособные мужчины в деревне работают целый день, ухаживая за мясными Животными, производя таким образом пищу для *кого-то другого*. Они трудятся весь день и при этом не обеспечивают себя самих и кусочком съестного. Единственная причина, по которой сангриане не умирают от голода, — уловка Братства, так замечательно все устроившего: Животные в рабстве у них, а Жуки в рабстве у Животных. Одного старика достаточно, чтобы управлять одним Мозгом. Что случится с жителями деревни, если их Жуки внезапно окажутся абсолютно бесполезными?

— Ха! Они влипнут по уши! Будут продолжать работать на своего Брата — подохнут с голода. Попытаются выйти из игры и обрабатывать собственные поля — если они, конечно, помнят, как это делается, — и местный набоб пришлет Киллеров и начистит им рыло. В любом случае, они в дураках. Но я не понимаю, Барт. Ты постоянно поучал меня, как переманивать деревенщину на свою сторону. Они же после этого на дух нас переносить не будут!

— Кого «нас», старик? — с насмешливым простодушием спросил Фрейден. — Вспомни, они же увидят *Киллеров*, убивающих их Мозг. А фабрика слухов распространит молву, что это часть сумасшедшего погрома. Моро намеревается морить всех голодом, чтобы они побыстрее свихнулись безо всяких хлопот. Врубаешься?

Вандерлинг потряс головой в изумленном восхищении.

— Врубаюсь, — выдохнул он. — Ум у тебя как гремучая змея. Но разве Братство не привезет взамен старого Мозга новый? Даже сангриане почуют неладное, когда увидят, что Братство привозит Мозги на место тех, которых оно же само, как предполагалось, убило?

— Именно поэтому мы и сосредоточимся для начала на шести ближайших поместьях, — ответил Фрейден. — Круглосуточные патрули на всех дорогах, ведущих из Сада. Мы перехватим и уничтожим любого посланца. Шесть поместий, пара сотен деревень, возможно, десять тысяч потенциальных партизан. Как только все Мозги в округе будут мертвы, мы наберем столько людей, что потребуются целая армия Киллеров. А потом мы переместимся в следующий район, и в следующий... К тому времени Братство уже увязнет в войне и напроочь забудет о необходимости доставлять новые Мозги...

— Да-а-а... — пробормотал Вандерлинг. — Старик, это действительно сработало бы!

— И сработает! До тех пор, пока мы разыгрываем партию с холодной головой. Не хватало еще, чтоб пожар перекинулся на нас самих. Поэтому возьми для начала только двадцать пять человек, по пятеро в команде. В деревню, убить Мозг и быстро назад, бац-бац, и все это ночью, когда они не заметят, что люди в форме на Киллеров не похожи. Каждая пятерка должна успеть прочесать четыре-пять деревень за ночь. И конечно, используй только Тыкв — добровольцы вряд ли смогут... э... постичь стратегическую необходимость. Возьми пятерых взводных, выведи их пару раз сам, дай понять суть идеи, а потом они сами будут управляться с отрядами.

— Правильно, — кивнул Вандерлинг. — Я с этим справлюсь.

— И Бога ради, не бери с собой снипган! Помни, предполагается, что ты Киллер. Веди себя соответственно.

— Ага! — согласился Вандерлинг — как показалось Фрейдену, со слишком большой долей энтузиазма.

Вандерлинг рассматривал пять облаченных в черную форму фигур, крадучись пробиравшихся рядом с ним между деревьями и по густому подлеску. Перед ними во мраке безлунной сангрианской ночи смутно маячила группой бесформенных очертаний деревня. Высоко над хижинами возносилась огромная черная насыпь местного Жуковейника. В свете звезд Вандерлинг внимательно вглядывался в лица своей пятерки. Взводные: Гомец, Джонсон, Мак-Фи, Райдер, Лэндер. Они уже были на грани иступления: запавшие и налившиеся кровью глаза, судорожно напрягшиеся мускулы рук, крепко сжимающих винтовки. Время от времени они зловеще поглаживали пристегнутые к поясам «звезды». «Самый опасный момент за эту ночь», — думал Вандерлинг. Они едва не завелись в последней деревне, убивая Мозг, уже жаждущие открыть огонь по всему подряд. Когда они настолько близки к ломке, трудно управляться с ними без снипгана. Эту пушку они боялись и уважали. Все! Пятая деревня, и сразу назад в лагерь, и по хорошей сильной дозе, чтобы успокоились.

— Отлично, парни, — шепнул он. — Идем туда. Последняя за эту ночь. А потом голубые пилюльки для всех, ага?

Тыквы ухмыльнулись ему, облизывая пересохшие губы.

— Запомните — туда, поднять побольше шума, убить Мозг и сразу прочь, никаких лишних движений. Это образец, и ради Бога, придерживайтесь его на этот раз! Пошли.

Шумно и нагло они вломились в спящую деревню. Вандерлинг повел их мимо хижин, откуда доносились звуки возни разбуженных сангриан. Тыквы неслись ураганом; ноги в тяжелых сапогах тяжело топали по голой земле. Вандерлинг вел их прямо к стоящей особняком хижине на дальней стороне Жуковейника.

Оттуда за версту несло вонюю клопов и запахом грубой выпивки. Отряд на мгновение остановился перед зловонной лачужкой.

— Помните, *ружья*, а не «звезды». Нам нужно сделать все быстро и пошуметь как следует!

Они ворвались в хижину. В дальнем углу спал на соломенном тюфяке ссохшийся старикашка. Рядом с тюфяком поставлена дюжина глиняных кувшинов, наполненных неочищенным спиртом. Но вонь алкоголя полностью перекрывал тухлый смрад, исходящий от твари в центре хижины.

Там, пульсируя, лежал на брюхе Мозг. Тело так раздулось, что восемь маленьких атрофированных ножек не доставали до пола. Гротескное мешкообразное тело придавало голове карликовый вид, а лицо почти неразлично — отвратительное кукольное личико с крошечными черными глазками и маленьким, обрамленным щетинками ртом, почти утонувшим в извивах и складках зеленой плоти.

— Тр-р? Тр-р? Приказы, тр-р? — жестко зачирикал Мозг.

«Мерзостное вонючее дерьмо!» — подумал Вандерлинг. Он поднял винтовку и, наставив на тварь, всадил ей в башку пять пуль, одну за другой. Тыквы тоже принялись бешено палить, почти не целясь. Там, где пули пробили хитин, из аккуратных отверстий хлынула густая зеленая жидкость. Хибару наполнила удушливая пороховая гарь.

Вандерлинг не переставал стрелять. «Тр-р... Тр-р... Приказы, тр-р...» — глухо каркал умирающий Мозг. Потом он затрясся и упал на бок, слабо взмахнув ножками.

«Что?»

Хлоп! Горловой булькающий вопль, быстрый ряд коротких ужасных стонов, и опять глухие звуки ударов.

Вандерлинг резко крутнулся и увидел, что старик, поднявшийся со своего тюфяка, получил удар «звездой» по морде, смявший черты в отвратительную маску кровоточащего мяса. Старик повалился на спину там же, где стоял. Гомец, Джонсон и все остальные сгрудились вокруг лежащего навзничь тела, бессмысленно кромсая его «звездами», свирепо пиная сапогами. При этом Тыквы хрипели, как рассерженные хищники.

Вандерлинг выругался и несколько раз припечатал разошедшихся торчков прикладом винтовки.

— Прекратить! Довольно! Убирайтесь отсюда к черту! Прочь! Прочь!

Угрозами и пинками он наконец умудрился выгнать их, как стадо, за дверь. Когда они бежали через деревню под прикрытие леса, темные, кричащие, жестикулирующие фигуры выскакивали из хижин, толкали их, слепо пытались достать в кромешной тьме.

Обезумевшие Тыквы завопили, размахивая «звездами» и пытаясь расчистить путь через толпу примерно так же, как человек в джунглях прокладывает себе дорогу мачете. В темноту выплеснулись завывания боли, проклятия, отвратительные звуки входящего в плоть металла.

Вандерлинг чувствовал, как кто-то цепляется за него, царапает, рвет одежду. Отчаянно матерясь, генерал сам выхватил «звезду», наугад занес ею по широкой дуге. Он ощутил, как дрожь побежала вверх по руке, когда оружие впилося в чье-то тело. Потом еще и еще...

Наверное, у него произошел какой-то сдвиг, что-то перешелкнулось в голове, когда он в темноте пробивал себе путь к лесу. В глухой, вязкой темноте, где ничьи глаза не смотрят, ни один человек не видит, Животные вслепую накидывались на него, и он чувствовал, как их плоть рвется и превращается в мягкое месиво под ударами «звезды». Казалось, в уме разошлись какие-то шторы. Обнажился горячий красный туман, кипящий животный жар, и они переполняли Вандерлинга, зажигали кровь, заставляли его всецело отдаться убийству.

Он всхрипнул по-звериному, поднял оружие с буйной, безрассудной яростью и хрипло засмеялся, почувствовав, как сталь точным ударом нашла цель. Снова и снова. Он безжалостно кромсал и калечил мягкие тела, и море стонов и воплей, наполнивших темноту, понуждало его бить с удвоенной силой.

— Суки! Суки! Суки! — пронзительно кричал он, прорубаясь сквозь человеческий подлесок.

В конце концов деревня, крики искалеченных и стоны умирающих остались позади. Задыхаясь, генерал остановился посреди молчаливой темной чащи. Он сосчитал по головам своих партизан, вглядываясь в неясные очертания. Один... три... пять... Да, они сделали это!

Героиновые Тыквы хрипло смеялись, даже несмотря на то, что легкие от быстрого бега сводила судорога. Вандерлинг поймал себя на том, что тоже идиотски смеется вместе с ними, будто он — один из них.

— Молодцы, парни! — прокаркал он. — Хорошо поработали за ночь! А теперь назад в лагерь, к источнику счастья!

В тесной кучке похлопывающих друг друга по спинам, ухмыляющихся, счастливых людей, Вильям Вандерлинг возвращался через джунгли в лагерь. И горячий пот битвы нес, скорее, не отвращение, а удовольствие.

«Раз плюнуть! — билась лихорадочно мысль. — Действительно, раз плюнуть!» И забава, скорее всего, только начиналась...

— Выглядит чертовски хорошо, — заметил Барт Фрейден. Олней кивнул и повернулся, чтобы кинуть беглый взгляд через плечо на партизанский лагерь, в эту минуту успокаивающийся в сумерках. Пока Олней смотрел на лагерь, Фрейден разглядывал самого сангрианина, откинувшись на спинку стула и улыбаясь понимающей улыбкой.

Теперь кампания по уничтожению Мозгов наладилась, и Вильям мог из нее выйти. Десятки Мозгов уже мертвы, темпы вербовки возросли за последнюю неделю примерно втрое, пришло время опробовать фабрику слухов, организованную Олнеем.

— Полковник, вы уже набрали агентов, — проговорил Барт. — Посмотрим, что они смогут сделать.

Олней оторвал взгляд от центра бивака, где около двухсот добровольцев, сидя на корточках вокруг походных костров, доедали последние куски плоского, сухого сангрианского хлеба, и выжидающе посмотрел на Фрейдена.

— Мы проверим, насколько хорошо твои ребята справятся с распространением слухов, — продолжил Фрейден. — Киллеры уничтожают Мозги, потому что истощенных Животных быстрее можно довести до сумасшествия. Я хочу, чтоб каждый житель самой глухой деревушки знал об этом. Я хочу так же, чтоб весь рассказ заканчивался словами: «Только Барт Фрейден спасет нас». Сможешь сделать?

— Те-Киллеры убивают Мозги? — недоверчиво спросил Олней.

Фрейден поколебался. Неужели Олней узнал правду? Скорее всего, если как-нибудь он обнаружит, что ему лгали. С другой стороны, первое правило безопасности гласит: «Никому не говори более того, что ему требуется знать. Иначе вся работа полетит к чертям!»

— Дело не в этом, — ответил он. — Пусть люди думают так, независимо от того, правда это или нет. Иногда слова важнее реальных событий. Запомни это!

Олней кивнул:

— Та-пропаганда не правда, не ложь тоже? Или то и другое...

Казалось, он бьется над определением понятия.

— Не бери в голову, — отмахнулся Фрейден. — Слишком долгие размышления вредят усвоению знаний. Скажем проще: люди контролируют правду, а не она их. А теперь живо за дело!

Олнея, видимо, удовлетворила эта прагматическая выкладка — или, по крайней мере, достаточно озадачила, чтобы перестать над ней парить мозги. Так рассудил Фрейден, когда сангрианин удалился по своим делам.

Барт встал и потянулся. Он уже давно перестал беспокоиться из-за наивности и эгоизма, составляющих сущность человеческой расы. Самые худшие качества — жадность, ненависть, тупость — могли стать полезными, если вы просто пытались *использовать* их, а не стремились исправлять олухов. Позднее, когда война будет выиграна, придет время очистить планету от наиболее отвратительных порядков. «Теперь же, — сказал Барт себе, — расслабься и заторчи!» В первый раз, с высадки на Сангрию, Барт полностью чувствовал себя хозяином ситуации. Он чувствовал, как Революция набирает силу, он мог проникнуть в суть событий, людей, всех моделей действия, ощущать форму и вкус Восстания, как части огромной паутины, в центре которой сидел он сам — контролируя, побуждая; во все вникая и всем занимаясь, словно планета и народ — части его собственного тела.

Барт шагнул в хижину. София лежала на кровати — вялая и утомленная. Фрейден глядел на нее сверху вниз. И внезапная дрожь пробежала по телу. Как грандиозно быть центром Мироздания, подчинять события по заданным тобою образцам, всю огромную планету, оживленную твоей собственной волей, всю вселенную, ориентирующуюся на твое существо! Всем заправлять, быть Номером Один, Человеком Который, и при этом — способным просто смотреть вниз на свою женщину и знать, что вскоре ты сможешь сложить к ее ногам целый мир, словно безделицу, — если настроение овладеет тобой!

София взглянула на него. Ее глаза расширились, и она широко улыбнулась.

— Барт, — пробормотала она. — Я никогда не видела тебя... Ты похож на быка, большого сильного быка, Зевса, собирающегося изнасиловать Европу...

Фрейден тоже засмеялся. «Да, я чувствую себя богом, верно! У Зевса была своя планета, и у меня есть своя. — Он прислушался, как кровь стучит в висках. — Гордыня, да, горды-

ня! Что ж в этом плохого? Каждый, кто не знал чувства гордости, не знал себя самого. Каждый, кто не знал гордости, заслуживал того, чтобы иметь Хозяина. Долой смирение! Ты тот, кем себя называешь, только до тех пор, пока можешь это подтвердить!»

Барт стоял рядом с кроватью, смотрел вниз, предвкушая, как прикоснется к Софии.

— Я чувствую себя быком, — проговорил он. — Почему нет? Я Барт Фрейден, и это моя планета, *моя!* Каждый мужчина должен был бы почувствовать это, прежде чем назвать себя мужчиной. Будь я Тарзаном, а ты — Джейн, я отправил бы Читу вон пинком в зад, стукнул себя в грудь и...

— Я никогда не видела тебя таким прежде, проклятый самонадеянный ублюдок, — заметила София. Но, говоря это, она смеялась и ее глаза сияли.

— Ты никогда не видела меня на дне, пробивающего себе путь наверх. Это тебя пугает?

— Разве Тарзан пугал Джейн? — сказала она, легко касаясь его руки. Барт почувствовал, как что-то растет между ними, почувствовал себя разбухающим, увеличивающимся, почувствовал, как сознание могущества питает его мужественность, почувствовал, как мужественность питает его могущество. В глазах Софии он прочитал, что она чувствует то же самое, увидел, как грубый, стоящий ближе к животным самец зажигает в самке ответный огонь. Исходящий от нее жар питал его собственный, и комната казалась жерлом готового ша-рахнуть вулкана.

— Только их шимпанзе знал это наверняка... — усмехнулся Фрейден.

Лишенные смысла слова, как катализатор, спровоцировали взрыв. София метнулась к Барту, потянула его вниз на себя с поразительной дикой силой. С ее уст слетали короткие пронзительные крики: мольба, просьба, приказ. Он распростерся над ней, и одежда вмиг исчезла куда-то. Упоение — подругой, собой, вселенной — погасило мозг, осталось лишь нагое тело. Он входил в лоно женщины, проникал, обволакивал. Он чувствовал, что она отдает ему себя как дар — торжественно и гордо. Как монарх принимает почтение придворных, милостиво и снисходительно. Напор отдачи и обладания возматывал крещендо, на ставшее бесконечным мгновение слив их воедино: женщину и мужчину — в заполнившее весь мир целое.

Позднее, когда протекли долгие минуты молчания, она подняла на него затуманенные искрящиеся глаза.

— Да здравствует... да здравствует... — попробовала она выговорить, давась девчоночьим хихиканьем.

— Да здравствует — *что?*

— Да здравствует Свободная Республика! — прокричала София и разразилась безудержным смехом.

«Да здравствует Свободная Республика!» — с изрядной долей цинизма подумал Барт Фрейден, окинув взглядом новый стяг Свободной Республики Сангрия у него за спиной — красный круг на квадратном зеленом полотнище. Шест, служивший древком, сделан так грубо, что с него все еще лущилась кора. Но все равно флаг с каждым днем выглядел все менее нахально. Сейчас его, развернув, при свете дня несли по дороге.

Перед флагом топал в одиночестве Фрейден. Позади стройной колонной маршировала сотня вооруженных партизан — все добровольцы, — а уже за ними шли еще сто или около того человек из последних двух деревень.

Барт вышагивал во главе двухсот человек под знойным красным солнцем Сангрии. Его распирало странное чувство, будто внутренний жар собственных желаний и стремлений заставляет солнечный шар, этот сгусток раскаленной плазмы, выглядеть глыбой красного льда. Фрейден шагал и чувствовал, как могущество ступает с ним в ногу.

Что за чувство! Словно родился заново! Продвинуться от позорного бегства в джунгли к сладостному мгновению, когда он стоит, сияя, в лучах света.

Впервые с тех пор, как потерял Федерацию, Барт наконец почувствовал себя Человеком с большой буквы. Марширующие за ним войска, *его* флаг, сангриане, выстроившиеся, как мальчишки на параде, — и *он* в центре. Рим, к которому ведут все дороги, Президент Фрейден, Фрейден Освободитель, Фрейден Народный Герой. Что из того, что расхожая легенда о Барте Фрейдене специально состряпана его собственной фабрикой слухов? Герой — это человек, создавший миф, проникший в него, а потом втащивший за собой всех и вся. Оставалась ли ложь ложью после того, как вы превратили ее в правду?

Теперь же миф почти на грани воплощения в реальность. Во всей округе не осталось ни одного живого Мозга. Удивительно, что Братство не сделало попытки завезти новых, — вполне возможно, они тоже обращали пропаганду в реальность, фактически используя зародившееся в сангрианах отчаяние для поддержки сумасшедшего погрома.

Пропагандистская карусель по дискредитации Киллеров прошла с абсолютным успехом — все участники устроенного Вильямом маскарада обратили на себя такое внимание, что теперь любой Киллер, забредший в деревню, был бы разорван на куски. Свистопляска пыток обрушила небо на головы несчастных сангриан, а теперь гибель Мозгов с таким же успехом выбила почву у них из-под ног. Им больше нечего терять! Для них оставалась только одна дорога, и на эту дорогу они повернули. Волонтеры стекались в лагерь чуть ли не быстрее, чем их можно было сосчитать. Теперь они хотели получить оружие, они хотели сражаться. Они жаждали убивать.

Бравурный демарш по округе — не столько экспедиция с целью набрать новых рекрутов, сколько публичная попытка пнуть Братство побольнее, показать ему козью морду. Еще бы! Тут тебе и флаг, тут тебе и бряцание оружием...

Теперь дорога вела мимо полей очередной деревни. За обочиной ближайшего поля десяток обезумевших сангриан с выпученными глазами тщетно пытались отловить тридцать или сорок Жуков. Насекомые бессмысленно носились по полю, топтали пшеницу, раздирая ее клешнями, и неистово трещали.

Мощный рев гнева прокатился по толпе шедших за войском сангриан, когда они увидели буйствующих Жуков. Фрейден резко остановил партизан, махнул людям в поле, приказывая отойти в сторону. Сангриане потрусили к дороге, тогда как партизаны развернулись в длинную стрелковую цепь.

— Убить те-Жуки! Убить те-Жуки! — монотонно закричали жители деревни, и толпа волонтеров подхватила этот клич, пока он не перерос в мощный требовательный рев. Фрейден властно взмахнул рукой.

Партизаны открыли огонь, залп за залпом, под одобрительные возгласы местных оборванцев:

— Убивать Жуки! Убивать Киллеры! Убивать Братья! Да здравствует Свободная Республика!

Жуки падали, дергали в воздухе лапами, затихали. Через несколько минут все было кончено, поле усеяно исковерканными зелеными трупами. Голытьба, доселе гонявшаяся за Жуками, присоединилась к воинству, крича:

— Да здравствует Свободная Республика! Смерть тому-Братству! Да здравствует. Барт!

Когда отряд пылил мимо кособоких хижин, к шествию присоединялись мужчины, женщины, дети — доходяги с выпирающими ребрами, раздутыми животами, глазами, обезумевшими от ненависти. Партизаны выбрались на центральную

площадку, со всех сторон окруженные вконец обалдевшей деревенщиной.

— Убивать Братья! Убивать Киллеры! Да здравствует Свободная Республика! — пронзительно кричали сангриане.

Наслаждаясь варварским животным восторгом, Барт Фрейден пробился в центр толпы, взобрался на кем-то где-то добытую старую корзину. В течение одного пьянящего мгновения он позволял реву народа омыwać его, потом взмахнул руками, жестом призывая к молчанию.

Вопли оборвались. Барт точно знал — уродцы теперь готовы на все. Созрели! Он мог прочесть это по их запавшим, окаймленным темными кругами глазам, по угрюмо сжатым губам. Он мог почуять это по одному только запаху их пота. Теперь они были с ним, ожидая услышать заветные слова. Рвущиеся сражаться, рвущиеся убивать. Барт встречал такие толпы и прежде. Но никогда еще толпа не была столь свирепой и дикой, никогда не горела таким желанием следовать за Вождem куда угодно, хоть напрямик в ад. Оковы распались. Плотину прорвало. Дерьмо попало в вентилятор.

— Да здравствует Свободная Республика! — крикнул Фрейден.

— Да здравствует Свободная Республика! — проревели ему в ответ.

— Они называют вас Животные! — вещал Барт. — Они убивают вас, пытаются, едят вашу плоть! Теперь они готовятся пытать и убить всех Животных, каждое Животное на планете! Но вы не Животные, вы — люди! Люди! *Люди!* Теперь вы граждане Свободной Республики, и Свободная Республика защищает своих. Как мы поступим, когда Киллеры пытаются сделать нас рабами Братства, пока они изнуряют нас, доводя до смерти?

— Смерть тем-Киллеры! — голосили сангриане. — Убивать то-Братство!

— Правильно, смерть Киллерам! — развивал мысль Фрейден. — Но невооруженные, необученные, лишенные предводительства люди не могут нанести поражение армии солдат. Попытайтесь бороться с ними сами, и они растопчут вас, съедят заживо! Но есть Народная Армия, и она будет сражаться за вас. Те, кто хочет убивать Киллеров, пусть вступают в Народную Армию. Все остальные оставайтесь дома и выращивайте хлеб для себя и для своей Армии. И пока вы будете этим заниматься, помните — никакой помощи Киллерам или Братству. Когда придут Киллеры, рядом окажется и Народная Армия. Мы будем знать, что делать с Киллерами и с предателями тоже! Вскоре потребуется целая армия Киллеров, чтобы

отважиться вступить в эту область, — но они *не смогут* собрать целую армию для одного района, потому что мы нападём на них и в следующем районе, и в том, что лежит за ним. Всю дорогу до самого Сада! Мы будем нападать на них повсюду! Мы будем убивать их и морить голодом. А потом, когда вся страна будет нашей, мы войдем в Сад великой армией и достанем Братьев, достанем самого Пророка. Мы...

— Смерть тому-Пророк! Смерть те-Братья! Смерть те-Киллеры! Убей! Убей! Убей! — Последние слова Барта утонули в жутком реве. Сангриане, завывая, свирепо требовали крови. Фрейден понял, что невозможно остановить их, тем более — перекричать. Сейчас они неподконтрольны, только вкус крови смог бы насытить их. «Хорошо, я пушу для вас кровушки! Убью двух птиц одним камнем. После этого черта с два вы вернете Жуков в рабство».

Барт сложил ладони рупором и крикнул во всю глотку:

— Жуки работают на Братство! Убивайте Жуков! Убивайте Жуков!

Он дал знак волонтерам, прыгнул с корзины и повел завывающую толпу к подножию Жуковейника — огромного холма из высушенной солнцем глины. Там и тут из темных нор выглядывали Жуки. Солдаты подняли пальбу по зеленым тварям. Одного или двух они подстрелили, но остальные попрятались и затаились в недрах глиняного истукана.

Фрейден выстроил партизан так, что кольцо винтовок охватило Жуковейник.

— Огня! — приказал Барт толпе позади. — Несите факелы, солому, дерево. Мы выкурим их оттуда!

Через пару минут к норам подтащили факелы. Пучки соломы и щепок подожгли и пропихнули внутрь. Минут через пять, пока толпа завывала, размахивала факелами, ножами, грубыми деревянными дубинками, из Жуковейника повалил дым.

И тут неожиданно, подобно муравьям, ошалело удирающим из разоренного муравейника, Жуки сыпанули наружу. Толпа загудела, раздались проклятия, голытьба стала напирать на кольцо солдат. Партизаны вновь открыли бешеную стрельбу, и огромные зеленые насекомые, разбрызгивая липкую сукровицу, покатались по крутому склону Жуковейника. Они падали вниз целыми гроздьями, но по-прежнему лезли наружу десятками, ползли из дымящихся нор, выталкивая клешнями тлеющие головешки и солому.

Солдаты лупили, не жалея патронов, но Жуков оказалось чересчур много и они выскакивали наружу слишком быстро.

Даже после того как хитиновые трупы дюжинами валились к подножию Жуковейника, оставляя за собой ручьи зеленой жижи, некоторые из насекомых ухитрились прорваться сквозь строй солдат и угодили прямо в толпу деревенщины.

Барт мрачно сознавал, что дело устроилось самым наилучшим образом. Однако желудок чуть не вывернуло наизнанку, когда Фрейден увидел картину лютой бойни. Не имея возможности рассчитаться сейчас с Братьями или Киллерами, толпа обратила свою отчаянную ярость на беспомощных, немых антропоидов. Стайка Жуков исчезла из поля зрения Фрейдена в бурлящем водовороте толпы. Как ветви дерева под циркулярной пилой... Дальнейшее воспринималось лишь фрагментарно. Здесь — перемазанные зеленым руки на мгновение высоко подняли Жука. Из дергающегося тела кто-то вырывал конечности; потом его опять рванули вниз, разможили, разодрали на части... Оторванная зеленая голова, разбрызгивая сукровицу, прыгала над толпой, словно в некоем гротескном волейболе... Мелькали скользкие хитиновые пластины... Десятки босых ступней топтали пульсирующие внутренности...

Повернувшись спиной к жуткому спектаклю, Фрейден собрал вокруг себя пятерых волонтеров, взобрался по крутому склону Жуковейника, встал на вершине и посмотрел вниз, на бурливший у него под ногами адский балаган.

«Господи, — думал он оцепенело, глядя, как сангриане убивают последних Жуков, расчленяют трупы в слепом бешенстве, — ведь это только Жуки! А если б это были Киллеры? Или Братья?»

Наконец последний зеленый труп разорван на части. Животные ждали: вдруг еще кто-нибудь вылезет. Но когда никто больше не появился, сангриане разглядели наконец Фрейдена, стоящего высоко над ними. Подняв вверх глаза, безумцы затаили:

— Барт! Барт! Да здравствует Барт! Барт! Барт!

Стаккато их воплей, подобно пулеметной очереди, эхом отскочило от Жуковейника. Фрейден взирал вниз, на неистово поющих сангриан, на утопанную землю, на тлеющие головни отброшенных за ненадобностью факелов, на все то, что сотворил звук его голоса.

— Барт! Барт! Барт!

Он мог почувствовать поднимающиеся к нему вверх горячие пульсирующие волны: жажда крови, потребность убивать, желание сражаться, следовать за *Вождем*. Три столетия пыток, преследований и безысходности, о которых можно лишь дога-

дываться, прорвались наконец и хлынули, как пенящийся фонтан нефти, пробитый в темной полости глубоко под землей. А Барт — факел, он воспламенит этот бьющий черный поток, превратит его в огненное копье и спалит поганое Братство.

Он наконец освободил демона, выпустил джинна из бутылки, и теперь должен управлять могучим существом, подчинить его своей воле, оседлать и вознестись на нем к вершине.

— Барт! Барт! Барт!

Он почувствовал, как мощь, поднимаясь, вливается в него, наполняет мозг, согревает мускулы, зажигает душу. «*Веди*, — требовали, казалось, поющие сангриане. — *Веди, и мы пойдём за тобой*».

Фрейден поднял руки высоко над головой.

Он начал говорить со своим народом.

Глава 9

С вершины холма, на который вскарабкался Барт, большая колонна Киллеров, меж высокой травы и одиночными кущами деревьев в узкой долине внизу, казалась армией черных муравьев.

«Ей-ей, муравьи на марше, — думал Фрейден. — Их невозможно сосчитать, их можно только разглядывать». Впрочем, из донесений разведчиков он знал, что около трехсот пятидесяти Киллеров продвигались теперь к небольшому участку джунглей, где с двумя сотнями бойцов поджидал в засаде Вильям.

Сравнение с муравьями — отнюдь не праздная игра ума! Киллеры — солдаты от рождения, они воспитаны для войны. Подобно армии муравьев, они жили за счет местности. Совсем как у муравьев, их неистовый плотоядный инстинкт требовал мяса — и мяса в больших количествах.

В данном случае — мясных Животных. «Киллеры съели не так уж много за последние две недели, — размышлял Фрейден. — Они явились сюда сражаться, мимоходом подчищая провизию за чужой счет. И то и другое у них замечательным образом не получилось».

Классическое начало второго этапа партизанской войны! Хитро закрученная роль первой стадии состояла в том, что ублюдки-Братья не распознали, как в дверь постучалась война.

Если б Моро прислал сюда армаду Киллеров до того, как все Жуки в районе были истреблены, когда «Народная Армия» состояла всего из сотни тупорылых героиновых Тыков, Прерок и

в самом деле без хлопот смог бы раздавить мятеж. Но жирный дегенерат по уши вляпался в сумасшедший погром, к тому же вообще был весьма глупым и самодовольным, чтоб свести во-едино все сведения о разрозненных засадах и о нескольких разграбленных усадьбах. Даже шесть недель назад, после того как Революция стала набирать обороты и район из шести бывших поместий превратился во враждебный Братству, тысяча черных убийц задушила бы восстание в зародыше.

Теперь же посланных Киллеров явно маловато, и появились они слишком поздно. Ирония заключалась в том, что единственная вещь, заставившая в конце концов Моро пошевелить своей толстой задницей, была одновременно и тем, что обрекало его вторжение на провал: Киллеры, тремя колоннами вступившие в область, являлись уже *захватчиками*, а не блюстителями порядка. Больше месяца этот маленький район стал *de facto*¹ территорией Свободной Республики. Редкие патрули Киллеров моментально истреблялись. Моро не получал отсюда ни жертв, ни мясных Животных, шесть поместий уничтожены, местные Братья и их подручные — наструганы мелкими ломтями. Моро уступал район Свободной Республике постепенно, по частям, и только когда он полностью был потерян, Пророк Боли оказался перед фактом совершившийся у него под носом Революции.

Поэтому, прежде чем прибыла карательная экспедиция, первый этап уже завершился — Народная Армия осуществляла эффективный контроль над районом, обладала поддержкой населения, имела запас трофейного оружия и боеприпасов. Киллеры прибыли как раз к началу второго этапа, им теперь светило капитально получить по соплям.

Фрейден наблюдал, как передовой клин Киллеров залезает в чашу. Барт напрягся. Как только половина авангарда окажется в джунглях, Вильям и его парни откроют огонь, подстрелят пяток-другой врагов, затем отступят и устроят новую засаду. Тактика стопроцентная: выпад—отход, выпад—отход. Подобным образом они покусывали противника в течение двух последних недель...

Две недели назад соединение в две тысячи Киллеров подошло к границам района и разбило лагерь, оставив половину отряда на его охрану. Затем другая тысяча, разбившись на три колонны, вступила на мятежную территорию. Стратегия Киллеров казалась здоровой даже Вильяму. Плешистый вояка стенал и вздыхал, раздувая до небес факт, будто тысяча черных

¹ *De facto* — фактически, на деле (лат.).

бестий легко одолеют три тысячи партизан. Посему ни о каком лобовом сражении не может быть и речи!

Забавно читать куцые мыслишки Моро... Кабан полагает, что загнал партизан в тупик! Ведь мятежный район граничит с горами, и дороги к отступлению нет. Три колонны Киллеров продвигаются вперед к горам, отлавливая по пути всех мятежников и мясных Животных, живя за счет этих земель и снабжая оставшийся в тылу неприступный базовый лагерь... Партизаны будут отступать, пока не упрутся в скалы, где их истребят. Или же попытаются стянуть все свои силы и атаковать одну из колонн, рассчитывая на то, что локальное превосходство сил позволит прорваться. В этом случае две другие колонны сойдутся в точке нападения и разгромят Народную Армию в пух и прах. Так или иначе, партизаны обречены.

Но недоумок-Жиртрест прогляпил третью возможность!

Наверное, уже сотня черных шакалов забралась под своды джунглей, прямиком в молотилку... Внезапно из чащи донеслось несколько пронзительных криков. С вершины холма Фрейден видел, как три или четыре дерева тяжело повалились на землю, обрушив за собой дождь листьев и веток. Значит, Вильям принялся орудовать снипганом, без разбора рассекая плоть и древесину. Зазвучали выстрелы — глухие залпы партизан; беспорядочный огонь Киллеров, тщетно отбивающихся, пытающихся уничтожить невидимого противника.

Киллеры в хвосте колонны сломали строй и, выхватив «звезды», с визгом рванулись в джунгли, как обезумевшая волчья стая.

Несколько прицельных залпов, опять беспорядочный огонь. Рухнул еще один ряд деревьев. Теперь, приглушенный густой листвой и расстоянием, до Фрейдена донесся боевой клич Киллеров, похожий в эту минуту на предсмертное причитание:

— Убей! Убей! Убей!

Вскоре, почти так же быстро, как и началась, битва закончилась. Фрейден слышал, как Киллеры все еще изредка постреливают, тратя патроны, но партизаны уже растворились в чаще, чтобы приготовить очередную теплую встречу.

Две другие колонны противника удостоились такой же «прополки». В течение двух недель они продвигались по стране, сражаясь с призраками. Захватывали и отправляли в базовый лагерь пленных, но никто из них так туда и не попал. Конвойных Киллеров отлавливали и пускали в расход. Вскоре острозубые бойцы обнаружили, что их ежедневно вовлекают в дюжину мелких перестрелок, устраиваемых сотнями непокорных Животных. Пленных брать прекратили.

Тактика выжженной земли окончательно расстроила план Моро — мясных Животных угоняли до прибытия Киллеров или же забивали на месте и съедали. Кстати, единственный нюанс во всей хитроумной придумке, приведший Фрейдена в замешательство: сангриане не смогли бы отказать Киллерам в «живых» пайках, если б сами их не сожрали. Идею упразднить каннибализм придется временно положить на полку...

Но дело того стоило. Оголодавших Киллеров вынудили посылать за провизией и боеприпасами в главный лагерь — и подобные конвои становились легкой добычей для партизан. С пустым брюхом, с вечной нехваткой боеприпасов, живущие на зыбкой грани ярости от непрерывных засад, теряя людей десятками, не видя перед собой конкретного врага, — Киллеры приходили в отчаяние.

Фрейден встал, потянулся. Ему предстояла долгая пешая прогулка назад в лагерь. Сегодня для черных псов пришло время изрядно подергаться. Значит, в скором будущем что-то должно случиться...

— Не понимаю тебя, Барт Фрейден, — заявила София. — Совершенно не понимаю. Между прочим, я отнюдь не образец человеческой тупости. Могу понять, хоть и смутно, зачем тебе понадобилось загонять врагов на вершину какого-то грязного холмишки. Я могу понять, почему Дятел не должен нападать на них, — предполагается, что они просто будут сидеть там и понемногу подыхать от голода. Допускаю, в этом есть определенная скверная экономия. Хотя, кажется, ты не больно-то беспокоился о спасении жизней наших преданных граждан. Даже это я могу понять, зная, как работает твой извращенный ум. Но теперь, после всех хлопот и трудностей, ты позволил сотням Киллеров с обозом жратвы и оружия добраться почти до того места, где отсиживаются их собратья-головорезы. Почему, дозволь тебя спросить?

Барт глянул в ту сторону, где Вильям и двадцать его Тыков, вооруженных снайперами, исчезали в джунглях. Давать торчкам лучеметы, конечно, рискованно, но игра стоит свеч.

— Женщина, знай Правила Революции Фрейдена, — проговорил Барт. — Правило первое: хватай самые большие куски, не останавливаясь на убийстве тысячи противников там, где можешь уничтожить тысячу шестьсот. Правило второе: не отказывайся от возможности захватить побольше боеприпасов. Правило третье: тысяча шестьсот истощенных бойцов, страда-

ющих нехваткой вооружения, слабее, чем тысяча сытых со столь же скудным количеством патронов.

— Я рада, что ты все объяснил, — буркнула София. — Все ясно, как черепаховый суп.

— Послушай, Соф, идея состоит в том, чтобы позволить подкреплению пробраться к товарищам. *Людям*, но не *обозу*. Тогда целой своре шакалов придется делить свой запас боеприпасов и пропитания. И тем легче будет их «вдуть». Понимаешь?

— Отвлеченно, да, — кивнула София. — Идиотка! Нет, это не про меня! А скольким нашим эти ухищрения будут стоить жизни? Ты сам сказал, что даже при самом лучшем раскладе без значительных потерь трудно начистить рыло острозубым мальчишам. Мне даже не надо снимать туфли, чтобы сосчитать пальцы на ногах, — ты предполагаешь потерять шестнадцать сотен. Неимоверно!

Фрейден вздохнул:

— На пятнадцать миллионов сангриан приходится меньше чем тридцать тысяч Киллеров.

— Ну и?

— Ну и? Мы можем с сегодняшнего дня и до следующего года терять по пять тысяч человек *в неделю*, если это понадобится. До тех пор, пока мы продолжаем побеждать, у нас будет бездонный запас пушечного мяса. Это же проще простого.

— Проще просто... — София уставилась на Барта, в изумлении качая головой. — Господи Иисусе! Ты говоришь о людях, Барт, о *людях*! Гибнут человеческие существа, а не цифры с какого-то распроклятого учетного листа. Люди, Барт, *люди*!

«Да что с ней такое? — раздраженно подумал Фрейден. — Почему не может она понять столь простой жизненный факт?»

— Речь идет о *войне*, — он повысил голос. — Как ты думаешь, что это? Миленькая партия в шахматы? Война — это убийство, Соф. Человек, который обманывает себя, воображая, будто он *не по-настоящему* убивает людей, посылая войска в сражение, просто слабоумный трус.

— Я ожидал подобной тирады от Дятла, но не от тебя, — отозвалась София спокойно.

Фраза причинила Барту боль, ранила в то место, которое он не трудился изучать более тщательно. Боязнь заглянуть внутрь порождает выплеск наружу.

— Я ожидал малодушия от Врежь-в-Плешь, — жестко передрознил он, — не от тебя. За кого ты себя принимаешь? Откуда в тебе эта святость? Я пришел к власти пару недель назад, потому что взбудоражил Животных. Чтобы заставить их *убивать*.

Я преуспел весьма недурственно, и ты почуяла это. Ты почуяла запах война. Тебе стало противно? Ты знаешь ответ, Соф, — ты оттрахала меня, как последняя драная сучка! Это завело тебя! Что ты теперь из себя корчишь? Деву Марию?

Она съежилась, словно до смерти перепугалась, нахмурилась, потом с тусклой улыбочкой пожала плечами.

— Я полагаю, мы достойная пара, — сказала она тихим голосом. — Достойная пара... Остынь, Бесподобный Вождь, остынь!

— Ха, погляди-ка на них! — воскликнул Вандерлинг. Он стоял на краю джунглей и смотрел поверх волнующегося пространства заросшего травой луга, поднимавшегося к невысокому холму. Там возвышались укрепления осажденных Киллеров.

— Как крысы в ловушке! Надо же, они чертовски сообразительны!

Киллеры выбрали участок, идеальный для обороны. Примерно около семисот голодных волкодавов — все, что осталось от трех ныне соединившихся колонн, — окопались на вершине невысокого холма. Холм окружала низкая, лишенная укрытий равнина, далеко простиравшаяся во всех направлениях. Укрепления Киллеров остались вне пределов досягаемости снайперов. Винтовки обладали большей дальностью, но Киллеры окопались слишком хорошо, чтобы ружейный огонь смог их побеспокоить. Штурмовать укрепления, пробежав триста ярдов от открытого пространства, — выходка только для полного кретина. А колонна подкрепления — шестьсот черных псов — быстро приближалась с востока, с грузом продовольствия и боеприпасов. Киллерам нужно только немного подождать, и они — в полной безопасности...

По крайней мере, они могли так думать.

— Твои люди готовы? — спросил Вандерлинг Гомеца. Тот стоял рядом, жадно поглаживая недавно опробованный снайпер. Глаза у бедного наркомана совсем ввалились.

— Готовы убивать, сэр, — откликнулся Гомец. — Убить двадцать, пятьдесят, две сотни. Убить всех. Убить...

— Да-да. Ты должен быть уверен, что парни не провалят все дело, выскочив из укрытия. Просто запустите ублюдков поглубже в чашу, стойте на месте да машите снайперскими. Теперь возвращайся к своим и ни шагу оттуда.

Гомец отдал честь и потрусил через узкое открытое пространство к противоположному выступающему языку джунглей, прямо напротив занятой Вандерлингом позиции. Генерал

с трудом различал фигурки десяти бойцов, скорчившихся за деревьями. Он взглянул на другую десятку, расположившуюся сбоку от него, отступил в укрытие и похлопал приклад снайпера. И правда, плевое дело!

Существовала только одна дорога с востока, достаточно широкая, чтобы по ней протопали шестьсот человек. В этом месте она выходила из джунглей на открытое пространство, вросшее в тело леса псевдоподией ярдов пятьдесят в длину и пятьдесят в ширину. Дорога обрывалась там, где просека вторгалась в чащу. Киллеры обязательно прошагают меж двух зеленых стен. Вандерлинг расположил десять Тыков со снайперами на одной стороне коридора, еще десять — на другой. Колонна противника уходит прямо под перекрестный огонь лучемеров.

Вандерлинг рассмеялся. Скоро недоноски узнают, как надо бегать, и бегать быстро!

Десять, тридцать, сорок минут прошло... Затем Вандерлинг услышал характерный топот солдат, прокладывающих путь сквозь кустарник. Генерал подал знак Тыквам. Снайперы нацелились на просеку.

Еще пять минут ожидания, и вот шестеро Киллеров, с тяжелыми ранцами за спиной, вынырнули из джунглей. Чернорубашечники отчетливо видны на светлом фоне в горячих красных лучах солнца, заливавших зеленый тоннель.

Другая шестерка последовала за первой, потом еще и еще. Через пару минут просека заполнилась тяжело нагруженными Киллерами. Вандерлинг поднял руку, готовый отдать команду, пока колонна Киллеров не прошла половину пути и по меньшей мере сотня врагов не оказалась точно в пасти капкана.

— Давай! — заорал бравый вояка, уронил руку на снайпера и вдавил гашетку.

Время и пространство распороли дикие вопли. Пять Киллеров, словно ломти диковинного хлеба, повалились на землю, разбрызгивая сияющую красную кровь; одних сразило наповал, другие еще бились в предсмертных судорогах. Спрятавшиеся по обе стороны просеки героинщики с упоением кромсали вражеские шеи, туловища, конечности. Казалось, что Киллеры разлетаются на части, как разорванные пакеты с квашеной капустой. Они елозили бессмысленными кругами, пытаясь отыскать своих мучителей, пытаясь спастись. Но напор примерно пятисот человек, шедших вплотную друг за другом, толкал только вперед, прямо под беспощадную бритву невидимых лучей. Образовалась чудовищная пробка из расчлененных, изувеченных тел. И по-прежнему поток упрямых черных муравьев вливался в гибельный коридор.

Это все равно что глушить рыбу в аквариуме. Снайперы злое бесшумные. Единственное, что слышали избиваемые Киллеры, — их собственные крики. Все, что они видели, — руки, ноги, головы, отлетающие от тел. Действие напоминало взрыв ящика тротила в мясной лавке: безобразный смерч крови, сырого мяса и смерти.

У Вандерлинга побелели суставы пальцев, с такой яростью он сжимал снайпер. Глаза превратились в веселые пылающие угли, рот — в серую щель. Он в клочья крошил людей в черном. «Сукины дети, что за прелестное оружие! Посмотрите только, как эти грязные торговцы анашой разлетаются на части!»

С упорством маньяков Киллеры валили на просеку, блокируя все пути к бегству, проталкивая вперед ранцы, бешено стреляя — в воздух, в джунгли, в смятые ряды своих собственных поверженных товарищей. Уже совершенно по-идиотски они пытались устоять под обстрелом, сбивались в огромный неподвижный клубок умирающих, истекающих кровью, кричащих безумцев...

Вандерлинг рассмеялся хриплым смехом, потом резко пригнул голову, когда град пуль обрушился на джунгли вокруг него. Он заметил, что троих Тыков умудрились подстрелить. Потом глянул на холм и увидел, как сотни Киллеров, выйдя на позиции, бешено палят, посылая в джунгли один слепой залп за другим. Стрелковая цепь противника, мудро удерживаясь вне радиуса действия снайперов, поливала джунгли свинцом, тратя и так скудный боезапас. И вот тогда остатки подкрепления из всех сил припустили к крепости, бросая ранцы с провизией, бросая раненых, забыв обо всем на свете в отчаянном рывке к спасению. Даже прирожденные солдаты и закоренелые убийцы все-таки хотели жить... Под прикрытием огня уцелевшие Киллеры кое-как добрались до холма, оставив позади на поле битвы груды искалеченных тел. Когда последний враг оказался в безопасном отдалении на холме, Вандерлинг выскользнул из своего укрытия. Пора подвести итоги!

«Ба... Семеро партизан убито шальными пулями, но посмотрите только на все это чудесное снаряжение. Так и поджидает, чтоб его собрали!» Генерал огляделся. Тыквы уже выползли из-за деревьев и теперь блуждали среди мертвецов; ввалившиеся глаза раздолбаев все еще кровожадно горели, высматривая раненых Киллеров, которых можно добить. Вандерлинг прикинул, что примерно половина подкрепления уничтожена за несколько минут превосходящей всякое вероятие бойни. И продовольствие и снаряжение получит Народная Армия, а не засранцы на холме!

Бравый вояка окинул взором невероятные груды трупов, отсеченных конечностей и голов — на лицах застыл предсмертный оскал, — вывороченные шмотья потрохов, плавающие в лужах быстро свертывающейся крови, и улыбнулся широкой удовлетворенной улыбкой.

— Эх, — пробормотал он вслух, — эти сучьи снипганы — просто прелесть!

— Должно разнестись по всему району через два дня. Барт говорить, вы приложить внимание и сделать все точно. — Олней обращался к двум десяткам сангриан, что расположились полукругом рядом с хижинной Фрейдена. Все они без зеленых лент и повязок Народной Армии. Фрейден стоял на пороге своей хижины, прячась в тени, и наблюдал за Олнеем. Надо удостовериться, что тот все изложит точно. Даже агенты должны впервые услышать историю из уст сангрианина. В глубине хижины маячила София, насмешливо поглядывая на Фрейдена.

— Вы сказать тем-Животным это, — медленно говорил Олней. — Вы сказать им, что Народная Армия собираться убить тех-Киллеры, которые идут маршем по всем поместьям. Вы сказать им, Барт говорить, Киллеры умереть через два дня. Вы сказать им, Барт говорить, те-Киллеры умереть в Тройной Долине два дня спустя. Они хотеть видеть, как Народная Армия убить тысячу Киллеров, они приходить Тройную Долину через два дня, но они стоять две долины по сторонам, та посередине оставаться свободной, и стоять чтоб их не видно и стоять тихо. Та посередине долина для большого представления. Вы сказать тем-Животным, они хотеть увидеть величайшая битва, Сангрия когда-либо видеть, тысяча Киллеров будет уничтожена прямо перед ними. Они собираться в долинах по сторонам Тройная Долина два дня спустя и не попадаться на пути Народная Армия. Все понять?

Стоящие полукругом люди закивали.

— Хорошо, — закончил Олней, — теперь вы идти!

Агенты разошлись, каждый направился назад в свою деревню, чтобы подсыпать свеженькую байку на мельницу слухов. Олней помахал Фрейдену и вразвалку зашагал к ближайшему очагу.

— Хотела бы я знать, что подумал бы о твоих методах Нерон, — подала голос София. — Хлеба мало, зато зрелищ предостаточно. Смотрите, как тысячу Киллеров разорвут на куски! Тысяча, считите их, ровно тысяча! Смотрите на битву века в живом, кровавом цвете! Чертовски плохо, что у тебя нет хрис-

тиан на роли мучеников. Но, с другой стороны, у нас в некотором роде и львов нехватка.

Барт повернулся, вздохнул и терпеливо проговорил:

— Ты все поняла правильно. Предстоящее сражение, о Совесть Всего Мира, отнюдь не для потехи. Это часть пропаганды. С пропагандой здесь большая проблема. На Астероидах я пользовался секретным радио, подпольной телестанцией и компьютерной сетью. Здесь о подобном и не слыхивали. Большинство даже не умеют читать. Все должно ограничиваться устным словом. Фабрика слухов работает очень плохо, но все, что она может, — это *говорить*. Пропганда же должна еще и *показывать*. Я попробую устроить такую штуку! Пусть сангриане увидят, как на их глазах Народная Армия прихлопнет тысячу Киллеров. Через неделю или где-то так вся планета узнает: Народная Армия умеет побеждать.

— Почему бы тебе просто не перебить недоносков, а потом распустиť слухи? Зачем устраивать благотворительное шоу? — с сомнением спросила София.

— Потому что главнейшее оружие Киллеров — таинственность, — ответил Фрейден. — В течение трех столетий они служили сангрианам легендой о страхе и непобедимости. Уничтожь легенду — и вся планета подивится на так называемый Естественный Порядок. Ты не можешь разрушить легенду пустопорожней болтовней. Тебе надо *показать*, сварганить противоположный миф. Вот для чего нужна пропаганда. И если у тебя нет под рукой никаких средств mass media, приходится разворачивать небольшой балаганчик вживую.

София пожала плечами:

— Кто знает? Если б Нерон прочел хорошую книгу по маркетингу, мы бы все еще говорили на латыни.

Тройная Долина — это четыре сросшихся воедино холма. У их подножий образовалось три огромных котловины, тянущихся с востока на запад. Фрейден стоял на южной оконечности внутреннего гребня и глядел вниз, в узкую долину. По дну двух других ущелий текли небольшие речки, берега их густо заросли непроходимым кустарником. Центральная же была суше и покрыта только редкими деревцами и высокой травой. Диспозиция самая подходящая!

Не так далеко к востоку, пара сотен партизан бежала перед тысячей Киллеров — всех, кто выжил из большого экспедиционно-го корпуса. Партизаны двигались к западу на достаточно умерен-

ной скорости, чтобы гнавшиеся за ними Киллеры не потеряли след. Задача ставилась простая — заманить черных бестий в центральную долину, где спрятаться практически невозможно...

Фрейден оглянулся, поверх гребня, вниз, на темный склон. Здесь укрылась тысяча партизан. Еще тысяча затаилась на склоне противоположного хребта. Позади войск, ближе к поросшим лесом долинам, весь день собирались сангриане: мужчины, женщины, даже дети. Пестрая орда сангриан! Фрейден прошел сквозь толпу по дороге к вершине, и царившая там атмосфера показалась ему странной смесью карнавала и похорон. Очевидно, они предвкушали зрелище разгрома Киллеров, но, так же очевидно, весьма сомневались в исходе близящегося сражения.

Фрейден мог понять это недоверие. Наконец-то Киллеры получают возможность ближнего боя. Тысяча острозубых гиен против двух тысяч партизан. В любых нормальных условиях на стороне Киллеров оказался бы значительный перевес.

Но Фрейден постарался довести противника до нужной кондиции. Киллеры сильно ослаблены. Жратвы у них не больше чем по паре кусочков на нос. К тому же их гонят в чудовищную ловушку. Как только отряд, игравший роль приманки, заведет Киллеров в долину, тысяча партизан перевалит через гребень каждого хребта и спустится вниз, стреляя по мере продвижения. Киллеры попадут под перекрестный огонь; их подчистую скосит, прежде чем разгорится рукопашная.

Фрейден прекрасно понимал, что дело пахнет жареным, поскольку представление обойдется недешево и многие из партизан отправятся в мир иной. Гораздо дешевле было бы просто оставить стрелковую цепь на склоне и долбануть Киллеров, не подбираясь к ним вплотную.

Но пропагандистские аспекты сражения столь важны, как и собственно военные. Сангрианам обещано зрелище, и зрелище они обязаны получить. Они должны увидеть «основное блюдо», перл пропаганды без единого слова: Народная Армия, громящая Киллеров в рукопашной схватке. То, что враги валяются с ног от голода, что они остались практически без патронов, — факты, смущающие неокрепшие головы и потому опущенные за ненадобностью. Миф о Киллерах сегодня уступит место мифу о Народной Армии.

Прошло минут двадцать, и Фрейден услышал звуки беспорядочной пальбы, приближающиеся от восточного окончания долины... Теперь Барт мог видеть отряд партизан, потом еще один. Они ворвались через восточный проход в долину и теперь легко неслись вперед, время от времени отстреливаясь, дразня пресле-

дователей. Они пробежали уже сто ярдов... сто пятьдесят. По-прежнему ни одного Киллера. Двести ярдов, и партизаны стали рассеиваться, взбираясь по склонам небольшими группками.

Наконец появился и клин бегущих черных фигур. Киллеры размахивали винтовками, но, правда, стреляли только эпизодически, пока передовые части всего отряда подтягивались в западню. Фрейден поднял правую руку, махнул Вандерлингу, стоящему на гребне хребта напротив. Вандерлинг терпеливо ждал сигнала.

Пока поток черных хищников вливался в долину, окутанный огромным облаком пыли, Фрейден и Вандерлинг стояли молча, неподвижно держа на весу руки. Фрейден не шевельнулся, пока дно долины не покрылось фантастическим живым ковром. Наконец он увидел, что тянувшийся от восточного конца долины хвост колонны превратился в струйку и совсем иссяк. Враг здесь. И он в ловушке.

Фрейден опустил руку. Вандерлинг перехватил сигнал и подал свой.

Тысяча партизан появилась над гребнем каждого хребта, перевалила через него и стала спускаться вниз, растянувшись стрелковой цепью в линию по одному. Повстанцы двигались не спеша, методично выпуская один прицельный залп за другим. Мышеловка захлопнулась!

Зажатых в тиски, десятки Киллеров скосило в первые же мгновения, прежде чем обнаружился источник сосредоточенного огня. Словно тараканы под плазменной горелкой, черные солдаты бессмысленно гибли, пока партизаны размеренно спускались по склонам, не переставая на ходу поливать противника градом пуль. Обалдевшие от невиданного зрелища, Киллеры тщетно пытались найти укрытие, но его не было. Пули взрывали вокруг тысячи маленьких фонтанчиков пыли и земли. Воздух наполнился криками раненых.

Фрейден оставался на месте, наблюдая за неумолимо смыкающейся пастью капкана. Он поступил умно, держа героинщиков в стороне от дела. Весьма вероятно, что Тыквы ринулись бы стремглав вниз, в гущу Киллеров. Идиотов-торчков покروшили бы в шмоть еще до того, как доходяги нанесли бы хоть какой-нибудь реальный ущерб врагу. Но сангриане-добровольцы не настолько рвались в рукопашную, они беспрекословно повиновались приказам, творя свое кровавое ремесло с туповатой тщательностью плотника, строгающего здоровенную колобаху. Будь у Киллеров достаточно патронов, подобная тактика, конечно, стала бы чистым самоубийством. Но при теперешнем положе-

нии вещей псы могли лишь вжиматься в землю и ждать, пока партизаны подойдут поближе. Напасть сейчас на одну из стрелковых цепей повстанцев значило повернуться спиной к другой. Разделение же на два фронта равным образом бесполезно...

Едкий туман серо-голубого порохового дыма повис над долиной. В ушах у Фрейдена звенело от непрерывного рева ружей. Сквозь пелену тумана он мог видеть, что великое множество Киллеров уже перебито, кучи трупов валяются в траве. Фрейден поднял взгляд, отыскивая на противоположном холме Вандерлинга. Старый вояка уже наполовину спустился вниз по склону. Не собирается ли этот идиот присоединиться к бойне? Барт перевел взгляд чуть выше — весь гребень заполнен сангрианами. Мужчины, женщины, дети молча наблюдают за сражением.

Барт оглянулся и увидел, что за спиной тоже давятся зрители. Лица — как восковые маски. Полное безволие и отрешенность. Но в глазах... Что-то там вспыхивает, какой-то странный огонь. Мрачные лица кривились в судорожных улыбках, ведь Народная Армия, о которой бедолаги привыкли думать как о *своей*, практически невредимая спускалась по склону в долину. Ох не понравилась Барту эта загадочная мимика. В душе шевельнулось тяжелое предчувствие, сродни подступающей тошноте, — холодный огонь в зрачках застывших оборванцев странно напоминал похоть; влажное мерцание, тонкая грань чего-то темного и зловещего, тенью ложась на лица...

Почти с облегчением Фрейден отвел взгляд. Партизаны наконец достигли подножия холмов. Бойцы чуть поколебались, потом остановились и попытались кое-как закрепиться, поливая убийственным огнем — фактически в упор — остатки слабо огрызающихся черных гиен. Ребята как пить дать не желали подходить ближе. Кому же охота совать башку в пасть недобитого зверя?

Уцелевшие Киллеры все решили сами.

Ближе к центру долины горстка черных дьяволов внезапно сорвалась с места, не обращая внимания на свистящих вокруг свинцовых шершней, и бешено устремила к южному крылу топчущихся на месте партизан. Стая черных демонов размахивала жуткими «звездами», маниакально завывая боевой клич.

— Убей! Убей! Убей! — рвалось с их оскаленных морд.

Часть стрелковой цепи в панике отхлынула назад, потом открыла беспорядочный огонь. Словно огромным металлическим кулаком атакующих Киллеров прижало к земле. Но было уже слишком поздно: яростный порыв воодушевил остальных. Полумертвые от истощения, обезумевшие от отчаяния, поте-

ряв половину отряда практически без боя, Киллеры наконец взорвались. Будто выросшие из земли вороненные клинки, они поднимались по всей долине, завывая, визжа, потрясая «моргенштернами». Кровавая пена лопалась страшными пузырями на их разодранных губах. Бестии ринулись прямо под ружья повстанцев в неистовой, абсолютно лишенной страха ярости. Те, кто был тяжело ранен, — ковыляли. Те, кто не мог ковылять, — ползли. Те, кто не способен был сдвинуться с места, истерично бились о землю, присоединяя свои голоса к боевому кличу, переросшему в оглушительный вопль:

— Убей! Убей! Убей!

Это уже не сражение, а скорее — кровавая вакханалия. Уступая партизанам в численности один к трем, или даже больше, Киллеры накинудись на оторопевших бедолаг с яростью, достигшей, казалось, степени какой-то религиозной экзальтации. Орудия тяжелыми «звездами», как теннисными ракетками, они плющили черепа, словно спелые дыни. Они впивались врагам зубами в горло, царапали ногтями лица, топтали и крушили. На какой-то момент оледеневшие от ужаса, партизаны в конце концов вступили в схватку, используя винтовки как дубинки.

Трое, четверо, пятеро повстанцев наваливались на одного Киллера. Они избивали его стальными стволами винтовок, кулаками, ногами. Не считаясь с болью от смертельных ран, поверженный Киллер вонзал зубы в кого-нибудь из своих мучителей, рубил второго окровавленной «звездой», пинал тяжелыми сапогами третьего. Дерущиеся сплелись в огромный ком извивающихся тел, стали, оскаленных зубов. Абсолютно не заботясь о собственных шкурах, Киллеры делали то, ради чего появились на свет, выращены и обучены, — они убивали.

От одного вида бойни тянуло проблеваться. Барт даже поморщился от рези в желудке. С того места, где стоял Фрейден, битва выглядела этаким сценой из ночного кошмара — гигантский тысячеголовый, тысячерукий монстр раздирает самого себя на куски в тупой агонии самоотвращения. Невероятно, но факт — Киллеры удерживают свои позиции. Сражаясь и умирая. С восторженной яростью, в непостижимом экстазе упоения смертью. Вот в драку влезла вторая цепь партизан, еще тысяча человек. Перевес теперь составлял восемь или девять к одному. И все же черные стервятники продолжали бороться, пока толпа обезумевших от страха сангриан рвала их, как шавки на охоте рвут раненого медведя.

Внезапно...

Внезапно Фрейден услышал ужасный крик, похожий на рык огромного плотоядного зверя. Звук столь отвратительный, но столь мощный, что он перекрыл даже грохот боя подобно сигналу грандиозной сирены.

По склону вниз неся Вильям Вандерлинг. Позади него вся сторона холма оказалась покрытой визжащими, бешено жестикулирующими сангрианами: мужчинами, женщинами, даже детьми. Орда катилась вслед за бегущей фигурой сумасшедшего генерала.

— Маразматик! — крикнул Фрейден. — Кровожадный ублюдок!

Потом рев, поднявшийся у Барта за спиной, свалил бедного Президента с ног. Его поглотил поток потерявших рассудок Животных — лица мужчин похожи на звериные морды, у женщин черты исказились в чудовищные маски гарпий, дети казались свирепыми волчатами. Свора кретинов кинулась мимо Фрейдена вниз, в гущу сражения. Фрейден растянулся на земле; он так и не смог подняться на ноги до тех пор, пока кипящий человеческий вал не пронесся мимо.

Покрытый синяками, исцарапанный, оглохший и обалдевший, Барт, шатаясь, встал и увидел...

Две стены сангриан сошлись на поле боя.

Темная волна лютой злобы покрыла все: Киллеров, партизан, раненых, мертвых. Сходящие с ума от желания убивать, Животные, будто фантастический кривой нож, располосовали прозрачную ткань всех мыслимых запретов. Звук походил на шум бьющегося в скалистый берег моря. Крики и вопли, удары тысяч ног и кулаков.

Фрейден смотрел, как сангриане изливают веками копившиеся страх, ненависть и безысходность на несколько сотен прижатых к земле Киллеров. Барт лицезрел, как безумцы отрывают куски плоти и поднимают их высоко в воздух, словно кровавые тотемы. Или размахивают ими, превратив в дубинки. Фрейден таращился не в силах отвести взгляд и желая, чтоб его поскорей вырвало. Он смотрел, смотрел, смотрел до опупения... потом сполз на колени; закрыл руками глаза, прислушиваясь, как мерзкий влажный звук пронзает нутро, будто серп. И еще — режущая боль в ушах, которой, казалось, никогда не будет конца.

Потом звук вроде бы переменялся, стал гротескным, почти веселым — дикая, радостная музыка карнавала. Она как бы становилась все громче и громче.

Фрейден снова поднялся на ноги, открыл глаза и увидел бредущую толпу. Тысячи ухмыляющихся рож, разинутых ртов, ты-

сячи блестящих от крови рук. Барт разглядел фигуру человека на плечах этой грязной толпы. Вильям Вандерлинг! В разодранной одежде, с запекшейся кровью на лысом черепе. Барт лишь на краткий миг окинул взглядом дно долины — отвратительные груды тел, вываленные внутренности и сгустки крови. Потом все заслонила толпа.

Поднялся воодушевленный вой и десятки нетерпеливых рук подхватили Фрейдена. Барт поплыл на плечах своих подданных, как пробка на поверхности бурой, зловонной воды, — Президент, Вождь, Герой... Где-то рядом, на волнах сверхъестественного моря, качался Вандерлинг. Сангрианское солнце отбрасывало пурпурный отсвет на его заляпанную кровью плешь. Глаза генерала горели бесовским пламенем, рот растянулся в самодовольной жабьей ухмылке. Вояка забыл обо всем, кроме триумфа, кроме кошмарной «победы». И своей утоленной жажды крови...

А потом радостные вопли сангриан слились в ритмичный гортанный клич. Они пели:

— Барт! Барт! Барт!

Снова и снова, песнь победы, пробуждения и преклонения:

— Барт! Барт! Барт!

Вопреки отвращению и ужасу, породивших эту песнь, Фрейден почувствовал, что не способен сопротивляться адскому призыву. Он плыл по волнам всеобщего поклонения. И неподдельное, гадкое в своей чистоте великолепие момента перекрыло все остальное, просачивалось в мозг и сердце, испекло недавно увиденный скотский порыв насилия, бесчеловечный шабаш крови.

Затерявшийся где-то в потемках сознания голосок еще слабо подавал протест, но разве мог заставить замолчать одержимо поющих людей! *Его* народ! Они несли Барта над собой, как талисман. Герой Революции, поглощенный безобразным триумфом тупых уродов, в объятиях того могущественного любовника, сопротивляться которому не в силах ни один человек.

И только на миг, словно пламя свечи под ураганным ветром, промелькнуло что-то вроде болезненного укола — Барт увидел Вильяма. Рожа Вандерлинга напоминала маску, слепок неприкрытой бешеной зависти.

Когда Барт уже стоял на пороге своей хижины, звуки ликующего лагеря — смех, медленно угасающие победные крики, гомон солдат, устраивающихся на ночлег, — обвили его плечи как мантия, обласкали, согрели, слились с другим воспоминанием — его имя, разносимое тысячью глоток, когда Герой ехал на плечах сангриан через джунгли, луга и десятки буйно весе-

лящихся деревень. Фрейден понял, что возбуждение от пережитого триумфа и сознание собственного величия по-прежнему будоражат его, окружая горячей золотой аурой. Эта песня — больше чем жизнь! Барт шагнул внутрь хижины, остановился, прямо-таки кожей ощущая свою мощь. Свой дар, зажигающий небо и раскручивающий Вселенную. Почувствовал, как естество его разбухает до немыслимых размеров.

София, стоявшая спиной к Барту, резко повернулась, принялась что-то говорить, но потом застыла; ее губы лишь беззвучно шевелились, глаза широко распахнулись от изумления, почти граничащего с поклонением. Потому что в красных сумерках силуэт Барта окутал золотый венец, черно-красный контраст светотени выразительно прописал хищный профиль. В этот миг бег времени остановился. По остекленевшему взгляду подруги Барт понял, что причуда освещения и животный жар разнужданных эмоций соединились в сверхъестественный алхимический сплав и заставили женщину увидеть Барта таким, каким он видел себя сам, — торжествующим, налившимся кровью, поднявшимся над суетой бытия — почти богом.

Без единого слова София положила руки Барту на плечи; ладони медленно заскользили по его груди; она опустилась на колени, расстегивая ему пояс. Одежда медленно упала на пол. Движения эти напоминали некое священнодействие. София дотрагивалась до его обнаженной кожи так, словно та была какой-то странной субстанцией, с которой женщина никогда прежде не встречалась.

Она испустила глубокий вздох — удивления, подчинения, поклонения. В то же время это был гордый стон собственничества, обладания тем, кто превышает всего остального жалкого мира. Ее глаза превратились в два глубоких зеленых омута. Стоя на коленях, обняв Барта руками за талию, она приняла его в себя, поглотила взорвавшуюся плоть, наслаждалась экстазом, перелившимся в нее. Глубоко отпила из бездонного колодца победно набрякшего естества.

И когда разгоряченные любовники наконец оторвались друг от друга, Фрейден внезапно почувствовал себя совершенно отрезавшим, как если бы сумасшедшая магия всего этого дня без остатка перетекла из него в подругу. В эту минуту на пороге хижины память вернулась к нему, и долгая дрожь пронзила тело.

— Соф... — смущенно пробормотал он.

Не поднимаясь с колен, София взглянула на него — Барт заметил, что изумленный блеск исчез из ее глаз, — и улыбнулась кривой мрачной улыбкой.

— Знаю, Барт, знаю! Когда я увидела тебя там... *такого*, то ощутила нечто... схожее... Король горы. Мой король, моя гора. Я вдруг возомнила себя... королевой. Королёвой той же горы, просто потому, что я твоя. И потому что ты принадлежишь мне.

Фрейден устался на нее, не в состоянии вымолвить ни слова. София всегда служила для него чем-то вроде трофея: самая красивая и упрямая женщина. Женщина, доступная избранным. Лучшая женщина для лучшего мужчины. Как еда, импортируемая выпивка и дорогие сигары. Она подтверждала особый статус Барта, Парня Номер Один. Осознать, что она чувствует по отношению к нему то же самое, — удар ниже пояса.

— Соф, — проговорил он наконец, — Господи, какая же мы подходящая парочка! Мы так похожи, что даже страшно становится....

Она поднялась на ноги, взгляд ее теперь понимающе усмехался.

— Нам не отделаться друг от друга. Король и королева горы. И если гора рушится, мы летим вниз вместе. Камо грядеши... Лучший мужчина и его лучшая женщина. — София рассмеялась холодным лающим смешком. — А мы ведь лучшие, Барт, не так ли? В конце концов, ты сказал мне это сам, Бесподобный Вождь.

Фрейден рассмеялся вместе с ней.

— Тщеславная сука! Сексуальная психопатка!

Она запустила пальцы в его густую черную шевелюру, легко поцеловала в кончик носа.

— Выбирает одного, чтобы оставаться с одним!

Глава 10

Барт не мог сдержать улыбки, глядя на трех добровольцев Народной Армии, втиснувшихся вслед за ним в кабину шлюпки. Колоритный народец, нечего сказать! Челюсти плотно сжаты, спины намертво прилипли к переборке, глаза шныряют туда-сюда — только бы не смотреть на мониторы, ведь шлюпка несется над просторами Сангрии с головокружительной скоростью. Это и забавляло Барта, и раздражало. После пяти дней безумной гонки сангриане так и не сумели адаптироваться к реальности полета.

Слишком уж симптоматично для уровня сырого материала, с которым приходилось работать. Как взятые порознь солдаты, да и просто как люди, сангриане оставляли желать лучшего. Для них не существовало понятий правосудия, свободы,

общественного блага, вообще того, что хотя бы отдаленно напоминало «идеал». Не так давно они бездумно повиновались малейшей прихоти Киллеров. Теперь сражаются на стороне Народной Республики, просто потому, что их убедил наглядный пример: черные гиены тоже смертны... Жуки перестали приносить пользу... повиноваться Братству и Киллерам значило умереть с голоду... Фрейдену удалось создать из себя более мощную боговдохновенную фигуру, нежели Пророк Боли, — только и всего! Олухи больше боялись снайпанов и героиновых Тыков Вильяма, чем Киллеров или Братства.

Благородный народ Сангрии...

Страна раскручивалась под брюхом шлюпки как глобус, похожая на неровную шахматную доску из темно-зеленых джунглей, светлых пятен лугов и возделанных полей. Тут и там — деревни. Поместья соединены сетью дорог, с громождающимся в центре паутины Садом, похожим на «черную вдову». Если отвлечься от непроходимой тупости сангриан и рассматривать восстание чисто схематически, как сложную шахматную партию, то получалась более-менее отрадная картина. Сангрианскими раздолбями можно спокойно манипулировать, используя отсутствие у них инициативности, самосознания, идеализма — да фактически всех присущих человеку положительных качеств.

Как в настоящем гамбите.

Это было холодным упражнением в области военной, экономической и психологической логики. Свободная Республика, прочно удерживавшая один район, теперь обладала армией в восемь тысяч человек. Набирая рекрутов в примыкающих территориях, ее предположительно можно увеличить до десяти тысяч, но, при сложившихся обстоятельствах, не больше.

У Братства же оставалось все остальное. Что означает значительное число районов, с населением в пятнадцать миллионов человек. Из них проще пареной репы качать продовольствие и рабов для жалкой кучки обдолбанных Братьев. И все это без специальной подготовки или жесткого контроля! У Братства около тридцати тысяч Киллеров для грязной работы — сила, превосходившая Народную Армию больше чем в три раза.

Однако у всякой силы имеется обратная, слабая сторона.

Пресловутая банда Киллеров — всего лишь *полицейская машина*. Три столетия в безмозглые головы сангриан вбивались беспрекословные истины: Киллеры — слуги Братьев... Киллеры охраняют поместья... Киллеры собирают квоты... Таков Естественный Порядок. А если кому непонятно — по морде «звездой» и на сковородку! Поэтому черным шакалам явно не-

сподручно выступать теперь в роли оккупационной *армии* в собственной стране. Тридцати тысяч натасканных волкодавов, само собой, недостаточно сразу для двух функций. Надо выбирать: или полиция, или армия! У Братьев мозги давно уже заросли жиром, чтоб решить такую проблему. У Братьев, но не у Фрейдена! Барт видел ключевой пункт борьбы с превосходящим противником — надо привязать все силы Киллеров к охране поместий, разбросанных по обитаемой территории планеты. И решение крылось в самой продажности сангрианских Животных...

Впереди троих телохранителей, Барт выбрался из шлюзовой камеры и встал на центральной деревенской площадке, куда он так дерзко посадил шлюпку. Как и все предыдущие, эта находилась довольно далеко от усадьбы местного Брата. Так что если Фрейдена и засекли, он сумеет заблаговременно унести ноги, оставив Киллеров с носом.

Барт увидел перед шлюпкой ожидающую с любопытством толпу. Значит, фабрика слухов работает на всю катушку! По всей Сангрии, из уст в уста, неслась весть — сам Президент собирается объезжать селения на территории врага. Известие также было приправлено веселенькой байкой о Битве в Тройной Долине. Барту пришлось так окрестить эту омерзительную бойню... В конце концов, кто, как не Освободитель, Герой Революции, могущественный пришелец, может посреди бела дня упасть прямо с неба.

Фрейден внимательно изучал толпу. Женщин и детей гораздо больше, чем мужиков... Значит, милые ребята с острыми зубами пару раз наведывались в эту занюханную дыру за жертвами для сумасшедшего погрома. Деревенщина имела вид самый жалкий — кожа да кости, но все-таки с копыт еще не валилась. Ведь компания по уничтожению Мозгов не докатилась до этих отдаленных мест. Но слух уже разнесся. Барт прекрасно видел, что сангриане откровенно обеспокоены. И голодные взгляды сузившихся глаз служили прекрасным доказательством: ребята успели разузнать о Революции и о Народной Армии. Коротко говоря, они созрели.

— Вы знать, кто я, — начал свою речь Барт. — Я Барт Фрейден, Президент Народной Республики Сангрия. Вы знать о великой победе Народа Сангрии в Битве в Тройной Долине. Я не ищу здесь солдат. *Пока* не ищу! Вы слишком далеко от освобожденных земель. Но не беспокоиться, мы движемся в вашем направлении. Мне не стоит напоминать, что Киллеры братья сверх квота. Похоже, они уже здесь побывали. Вы, вероятно, знать, они начать убивать Мозги по всей Сангрии. Держу пари,

вы уже знать, что они хотят свести вас с ума, так чтоб Братство могло высосать кровь из всей планеты, сделать омнидрин для своих забав. Я рисковать жизнью не затем, чтоб болтать просто так. Вы все знать без меня...

Фрейден выдержал паузу, разглядывая придурковатые хари застывших в оцепенении сангриан. Да, глазенки-то у них светятся недобрым огнем! Им так и не терпится услышать что-нибудь новенькое, забористое. Ладно, они это получают!

— Я здесь рассказать вам, что происходит в таких же деревнях, как и ваша! Народ Сангрии уже понять, что делать — протянуть руку и *взять*. Это *ваша* планета. Вы не хотите работать, растить мясных Животных для полоумных Братьев? Так не работайте! Что случится? Местные Киллеры прийти деревню и заставить, да? Так на следующий день, когда они уйдут, вы опять не работайте. Если станет трудно, вы просто уходите прочь в джунгли. Живите за счет земли! Пользуйтесь всем, что принадлежит тому-вашему-Брату. Киллеров нет, чтобы заставить деревню работать, вы угонять стада мясных Животных. Опустошайте склады, нападайте на все, что не охраняется и не заперто. *Берите* что захотите. Зачем работать для этого? Сколько Киллеров в этом поместье? Сорок, пятьдесят, может быть, шестьдесят? А сколько человек во всех деревнях? Те-Киллеры просто не смогут остановить сотни человек, совершающих набеги из джунглей. Они броситься туда, вы уже нападать в другом месте. Сделайте это! Киллеры не так страшны, как вы думаете!

Мужчины в толпе заулюлюкали.

— Да! — вякнул кто-то скептически. — Мы сделать так, и Брат вызвать больше Киллеры, всю деревню увести Сад. Мы умереть быстро, вместо медленно, и все!

— Нет, друг! — бодро возразил Фрейден. — Нет больше Киллеры прислать издалека! Каждый Брат на планете уже визжит, требуя еще Киллеры, чтоб остановить набеги на *его* поместье! Не могут теперь Братья посылать друг другу Киллеры. А у Моро остался только резерв. Не волнуйтесь, Народная Армия треплет те-Киллеры в хвост и в гриву! Вспомните Битву в Тройной Долине! Тот-местный Брат может выпрашивать новых Киллеров, пока не обделается и не сорвет глотку. Вот что Республика делать для *вас*, здесь и сейчас! Теперь вы брать все, что захотеть. Никто уже не остановит вас! Берите, милостью Свободной Республики Сангрии!

После столь обалденных тезисов в толпе забормотали, заерзали, обсуждая услышанное. «Ага, голодранцы! Задело их за живое! — ухмылялся про себя Барт. — Все в порядке, жадные тва-

ри! Кот из дома, мыши в пляс». Вот что означает Революция для любого доходяги повсюду — возможность грабить и мародерствовать. Скажите этим мерзавцам делать то, что они и сами хотят, — они так и поступят, если только не совсем отъявленные трусы. К сожалению, здесь не было еще ни одной деревни, где первыми бы решились на вольный разгул. Если попытаются сразу несколько селений — это не сработает; если все сразу — местные Киллеры сорвутся с цепи. В чем олухи сейчас действительно нуждаются, так это в показательном примере. Трусы охотятся только большими стаями. Ну, об этом уже позаботились... да, господа, обо всем позаботились!

Отряд пересек заброшенное поле и выполз на окраину сангрианской деревни. Пестрое, нужно заметить, сборище! Человек двадцать, вооруженных лишь дубинками и копьями, в обычных набедренных повязках, гнали стадо толстых, с физиями законченных дебилов, слабо повизгивающих детишек. Вслед за погонщиками топали пять бойцов в зеленых головных повязках и с винтовками в руках. Один из партизан методично подтачивал прикладом связанного Киллера с кляпом во рту. Киллер хромал на правую ногу, перебитая левая рука безвольно повисла в путах. Замыкал шествие Вильям Вандерлинг собственной персоной. Для пушей важности вояка напаялил свою потрепанную генеральскую форму Федерации Свободных Астероидов.

Вандерлинг внимательно осмотрел ряды ветхих маленьких лагуг, из которых испуганно выглядывали грязные и голодные на вид сангриане. Что тут у них стряслось?.. Ах да! Вандерлинг рассмеялся. «Ну конечно же, вот прикол! Мы как раз с неделю назад шлепнули Мозг в этой собачьей дыре! А сейчас тащим жратву и развлечения. Народная Армия забраше, Народная Армия дароваше...»

Уже изрядное количество времени бойцы Вандерлинга только этим и занимались: давали и отбирали назад. Сотни маленьких банд шныряли по территории Братства. Они заботились о себе сами, совершая набеги и опустошая страну. Каждым таким отрядом верховодил взвод героиновых Тыкв. Торчки не разводили особых церемоний относительно своего членства в Народной Армии. Остальные же волонтеры играли роль обыкновенных сангрианских крестьян, ушедших в джунгли в качестве «вольных стрелков». Днем банды совершали набеги на склады и — отчасти вопреки невысказанным пожеланиям Фрейдена — на стада мясных Животных, чтобы потом разносить награбленное добро по

окрестным селениям, демонстрируя деревенщине, чем та могла бы поживиться, имея она толику мужества. Ночью же героиньски, нацепив трофейную форму Киллеров, прокрадывались в эти же самые деревни и убивали местные Мозги.

«Игры и забавы! — думал Вандерлинг, не отдавая себе отчета, у кого он позаимствовал это выражение. — Вот он, способ вести войну. Грабить, пировать и праздновать с деревенщиной!» Тыквы тоже счастливы по самые не балуясь... Тут тебе и героин, и простор для действия. Слунтяи-волонтеры довольны не меньше торчков — риск-то минимальный! Тридцать вооруженных человек против пары Киллеров, что охраняют стадо или склад. В первый раз за всю жизнь олухи могли до отвала нажраться мясом.

Вандерлинг ухмыльнулся, вспомнив о Барте. Бедный щепетильный Барт! У него ни хрена бы не получилось, если б партизанам не позволили съедать захваченных мясных Животных. Чем же им еще, в конце концов, кормиться? Легко сказать — «за счет земли»! И кроме того, разве можно вкалывать на пашне с пустым брюхом? Всяко надо отщипнуть кусочек от жирненького мальчугана. Попробуй остановить их — глазом не успеешь моргнуть, как получишь пулю в лоб. Барт, разумеется, прекрасно все понимал, но у него не хватало духа выйти и признать это. Конечно, гораздо легче толкнуть лозунг: «Живите за счет земли, ребята!»

«В какую же глубокую яму угодил сластолюбец Фрейден со всеми его фантастическими угощениями и с А-Мингом! — думал Вандерлинг. — Чистоплюй живет на рисе и овощах, словно вонючий кролик, в то время как я роскошно питаюсь свиной. Совсем не плохо, может, только чуть солоновато. Но если заливать это местным вином в больших количествах, все придет в норму. Надо же, какой расклад! Гурман Фрейден жрет помой, а я в это время лопаю мясо!»

Местные доходяги наконец расчухали что к чему, выползли из своих хибар и окружили стадо мясных Животных. Глаза заморышей жадно блестели, тощие животы ходили ходуном. Генерал широко улыбнулся.

— Привет честной компании! — крикнул он по-хозяйски. — Мы принесли еду, а как насчет выпивки? Гулять так гулять, правда? Мы устроим отличный пикничок. Эти парни, — он показал на переодетых погонщиками партизан, — из соседнего поместья. Они объединились в отряд и теперь живут роскошно. Мы с парнями бродили тут вокруг, выискивая, где бы замочить Киллера, и наши добрые друзья наткнулись на нас. У них были мясные Животные, которых они... э... конфиско-

вали. Ребята пригласили нас на обед. Но я предположил, что неплохо бы устроить вечеринку и для вас. Вы ведь, кажется, еще недостаточно поумнели, чтобы самим брать все для себя. Так что тащите вино, народ, и давайте-ка зажарим этих мялявок. Держу пари, у каждого из присутствующих отличный здоровый аппетит, а?

Сангриане откликнулись на нежданное предложение с энтузиазмом голодных овчарок, которым оставили вдоволь объедков после барского пира. Дохлые бабенки, пуская слюну, принялись разводить огонь в очагах, мужики погнали прочь послушное стадо мясных Животных. Трясущиеся старцы потихоньку таскали из хижин глиняные кувшины с кислым сангрианским вином.

Генерал передвинул своих бойцов вместе с пленным Киллером в центр деревни, ближе к очагам. Партизаны с удовольствием растянулись прямо на голой земле и принялись потягивать грубое, но хмельное местное винцо, наблюдая, как селяне быстрым шагом забивают мясных Животных топорами и косами. Толстенькие дауны со скотским смирением стояли и смотрели, как закалывают их товарищей, и блеяли жалобно лишь в тот короткий момент, когда под топор пригибали их собственные головы.

Вандерлинг тоже присел на землю, хлебнул большой глоток вина. Эта гадость, конечно, забористая, но вкус у нее совсем как у потных портянок. Употребление требовало особой техники: прогнать сивуху через глотку и дальше, в желудок, как можно скорее. А уж потом, когда вы основательно налакаетесь, пойло не будет казаться таким мерзким...

Размеренно напиваясь, генерал наблюдал, как сангриане насаживают выпотрошенные тушки на вертела и подвешивают их над ревушими языками пламени. Вот уже соблазнительно зашипел капающий на горящие поленья жир, и воздух наполнился благоуханием жареного мяса. У Вандерлинга даже слюни потекли от предвкушения роскошной трапезы. Жарить мясо над открытым огнем! М-м-м... Что с того, что мясные Животные похожи на людей? В конце концов, они не *настоящие* люди. *Настоящие* не могут быть так чертовски толсты и тупы... Они же дебилы, разве нет? Немного умнее молодого шимпанзе, в лучшем случае. А никто не расхаживал по свету, вещая, будто шимпанзе есть нельзя...

К тому времени как еда поспела, все приглашенные «на обед» уже здорово накачались. Сангрианка поднесла бравому вояке чудесно подрумянившуюся ляжку. Вандерлинг откусил большой кусок теплого мяса, запил его глотком вина, откусил еще один ломоть. С волчьей жадностью поглощая солоноватое

мясо, глотая водопады сивухи, Вандерлинг замечал, как партизаны и деревенщина полностью отдались жратве. Они вовсю дули самогон, смеялись, чавкали, вытирали об одежду жирные пальцы. Ничто не возбуждает в человеке такой аппетит, как пикник на свежем воздухе!

Прошло совсем немного времени, и ляжка превратилась в полюбленную бедренную кость, кувшин перед Вандерлингом почти опустел, а живот отяжелел и раздулся. Генерал сыто рыгнул. Он глянул на свою гвардию. Партизаны теперь просто лениво покусывали мясо, потягивали вино, откинувшись на спины и расслабившись. Деревенщина, однако, все еще упорно жевала. Каждый очаг окружен плотной кучкой сангриан. Они выдирали поджаренные конечности из уже готовых тушек, рубили большие кости ножами, судорожно набивали измазанные салом рты, словно завтра солнце уже не взойдет на небо. Как только один вертел пустел, над огнем подвешивали новую порцию. Похоже, они собираются сожрать весь забой прямо сейчас... А почему бы нет? Не останется ни одного кусочка про запас, и тогда раздолбаям придется волей-неволей заняться грабежом. «Эти уроды похожи на гусениц. Надо уметь набивать брюхо без остановки. — Генерал пьяно рассмеялся. — Догадываюсь, они так хорошо не лопали с тех пор, как мы грохнули их Мозг».

«Стоп! — в башке у нализовавшегося вояки что-то щелкнуло. — А где Киллер?... Ага, вот он!»

Пленного прислонили к стене хижины неподалеку от костров. Он все еще оставался связанным, с кляпом во рту, кровь по-прежнему сочилась у него из раны на ноге. Двое Тыков довольно небрежно его сторожили.

Вандерлинг уставился на Киллера мутным пьяным взором. «У меня была какая-то причина брать пленного... Что-то вроде... Ну да, конечно же! Сначала обед, потом развлечение!»

Генерал кое-как поднялся на одеревеневшие ноги и вразвалку направился к пленнику. Черный солдат змеей извивался в путах и грыз зубами кляп. Он одарил подошедшего Вандерлинга таким взглядом, будто собирался прожечь в генерале дыру.

Вандерлинг крикнул, требуя внимания, и через пару минут сангриане, все еще жадно чавкая сочным мясом, недоверчиво обернулись в его сторону.

— Эй, народ! — орал вояка. — Посмотрите-ка, что тут у нас припасено! Поганый Киллер! Мы узнали, что какие-то Киллеры покروшили недавно ваш Мозг. Не очень-то вежливое обращение, не правда ли? — Вандерлинг покосился на Киллера с насмешливым удивлением. — Скажите-ка, — протянул он пре-

увеличенно медленно, — вы не думаете, что этот поганец был одним из...

Сангриане остервенело взвыли. На лицах пирующих появилось ни с чем не сравнимое выражение плотоядного бешенства. Десяток оборванцев, с налитыми яростью глазами, отбросив в сторону кувшины и куски мяса, кинулись к Киллеру, оторвали его от земли и поволокли, извивающегося и что-то рычащего сквозь кляп, к огню, где изможденная сангрианка поворачивала на вертеле уже почти готовое тельце.

«Похоже, они действительно так считают! — очумело думал Вандерлинг, опустившись на землю рядом с хижинкой. — Или им вообще на все наплевать... Интересно, какую милую шалость приготовили они для бедного засранца...»

К великому ужасу и необъяснимому очарованию генерала, затея вскоре выяснилась. Вандерлинг лихорадочно глотал из кувшина, наблюдая, как двое сангриан снимают прожаренную тушку с вертела, остальные же сдирают с Киллера одежду. Вся деревня собралась вокруг костра и подбадривала доброхотов поощрительными криками.

Вандерлинг все лакал и лакал сивуху, чувствуя, как постепенно им овладевает тупое безразличие. Селяне приматывали пленника к длинному деревянному шесту, и было видно, как судорожно сокращаются у черного солдата мускулы, как от ужаса вылезли из орбит зенки. Вандерлинг почти отключился, когда сангриане подняли привязанного к вертелу Киллера и положили, словно чудовищный шашлык, на две подпорки над бушующим огнем. Языки пламени лизнули обнаженное тело. Пленный забился, как ящерица под кирпичом. Вандерлинг услышал приглушенные кляпом крики боли. Но веки генерала неужderжимо опускались. Тощая женщина стала поворачивать вертел, и огонь теперь палил то спину Киллера, то грудь. Вот внезапно вспыхнули огненной короной волосы... Затем кто-то выдернул у пленника кляп, и долгий, нечеловеческий вой пронзил воздух и заглох в безумном хохоте сангриан, толпящихся вокруг костра и наслаждающихся агонией врага.

Через некоторое время странный вой превратился в низкий непрерывный стон... Огонь стал потрескивать и шипеть, стеление перешло в едва внятный вздох и наконец прекратилось. Однако ошалевшие от вина и безнаказанности сангриане продолжали поджаривать уже мертвого Киллера.

Вандерлинг с трудом встряхнул отяжелевшей башкой. «Олухи, наверное, собираются слопать подонка», — подумал генерал с таким менторским неодобрением.

— Не валяйте дурака, — умудрился пробормотать он невнятно. — Сумасшедшие ублюдки... Мать вашу, он ведь жесткий, как старый башмак...

И тут доблестный вояка провалился в черный омут хмельного сна.

Фрейден угрюмо запихнул в рот очередную ложку рыхлой бурды — варева из риса, овощей и сушеных трав, считавшихся местными специями. Напротив стояла нетронутая тарелка Вандерлинга, но София за милую душу уминала эти помои. Ничто, наверное, не в состоянии надолго ослабить ее аппетит.

«Как только мы возьмем эту Кучудерьма под свой контроль, — хмуро размышлял Барт, — *придется* срочно найти способ импортировать земных животных. Только что использовать в качестве валюты?..»

— Дятел, ты вспомнил хороший анекдотец? — ядовито спросила София. Фрейден оторвался от сумрачных мыслей и увидел, как Вандерлинг самодовольно ухмыляется. Ну и улыбочка! Как у сытого аллигатора... Старина Вильям ведет себя как-то уж очень странно в последнее время — хохочет, идиот идиотом, отпускает своим героинщикам туманные шуточки и при этом выглядит лоснящимся, откормленным... А теперь еще, гад, смеется вообще неизвестно над чем, просто над едой в хижине Фрейдена. Что, черт возьми, в этом такого забавного? Надо проветрить парню мозги, у нас и так полно неотложных дел!

— Время приступать к стадии номер три, Вильям, — тяжело проговорил Барт.

— Да, да... — пробормотал куда-то в пространство Вандерлинг.

— Третья стадия классической Революции, — продолжил Фрейден. — Первая — отделить и удерживать один район. Мы покончили с этим давным-давно. Вторая — связать руки противнику, разжигая по всей стране бандитизм, мародерство и грабежи. Этим ты занимаешься последние два месяца, не так ли? Теперь настала очередь третьей стадии. На сегодняшний день Киллеры рассредоточились на тысячи маленьких отрядов, привязанных к одному месту. Мы можем нападать на них превосходящими силами и уничтожать. Понемножку, осторожно... Пусть у них съедет крыша от бессильной ярости. Придет час, и толстая сволочь Моро стянет всех своих шакалов к Саду, последнему оплоту Братства. Тогда начнется стадия номер четыре: мы прихлопнем зажатый со всех сторон Сад и останемся един-

ственной реальной силой на всей планете. Крепкой рукой избавимся от бандитов и мародеров, примем корону власти и сможем поздравить друг друга с заслуженным отдыхом.

— Оно конечно... — хмыкнул Вандерлинг. — Только твоя стадия номер два еще нуждается в доработке. Изрядной, заметь, доработке. — Взгляд генерала резанул, как секач мясника. Интересно, что сейчас творится под этим лысым черепом?

— Не понимаю, — бросил Фрейден раздраженно. — По отчетам парней Олнея, видно, что половина деревень на планете уже восстала. Леса полны бандитов. Киллеры бегают, как курицы с отрубленными головами. Каждый Брат на планете требует сейчас дополнительного подкрепления, и мы *знаем*, что он ни хрена не получит. Ведь Моро уже задействовал свои резервы, а больше значительных передвижений войск не наблюдалось. Помоему, самое время серьезно атаковать!

— Разрази меня гром, у нас лишь по паре тысяч бойцов в летучих отрядах и бандах, — прохрипел Вандерлинг. — Осталось же еще больше шести тысяч незадействованных олухов. Вот и используй их!

— *Я?* — огрызнулся Фрейден. — Может вспомнишь, лысый черт, кто здесь тактик? Вести армию в бой — твое дело, не мое. Для чего, ты думаешь, я прихватил тебя с Астероидов — только ради наглой морды? Что с тобой, Вильям? Что все это значит?

— Я объясню тебе, приятель! Да, мы приплющили черных гиен к одному месту. Да, погромы идут повсюду. Но, проклятье, половину налетов совершают мои парни. Мы нападаем, перемещаемся и снова нападаем, иногда по два-три раза в день. А мохнорылая деревенщина после одного набега устраивает пир горой да жрет, пока в животе не заурчит. С твоей колокольни, ясное дело, все *выглядит* так, будто колесо набирает собственные обороты. Но говорю тебе, мои обормоты по-прежнему единственные, кто не дает восстанию заглухнуть.

— Что за фуфло ты пытаешься мне всучить? — воскликнул Фрейден. — Ты разучился элементарно *считать*? Доклады говорят: ежедневно на планете происходит десять тысяч разных происшествий. И ты ожидаешь, будто горстка недоумков принимала участие в половине стычек?

Вандерлинг тяжело вздохнул, нахмурился и, казалось, погрузился в раздумье. У Барта даже возник глюк, якобы он чувствует запах глеющей древесины.

— Э... значит, я немного преувеличил, — проскрипел наконец Вандерлинг. — Но это... конкуренция... да, именно конкуренция. Послушай, я перехожу по всей области от группы к группе и слы-

шу о районах, где все еще спокойно. Местная голытьба сделала большой рейд и теперь просто сидит, впустую тратя время, правильно? Ну так я заставляю моих охламонов напасть четыре, пять, шесть раз в этой же округе, по-настоящему быстро — бац! бац! бац! Врубаетесь? Какой-нибудь местный самородок вычисляет тогда, что, если подсуется, кто-нибудь другой свалит все легкие мишени. Мы держим их теплыми. Само собой, деревенщина производит большую часть набегов, но это мы их заставляем. Предоставь их самим себе, и они обленятся.

Фрейден с сомнением слушал Вандерлинга. Весь рассказ сильно отдавал сочиненной уже *post facto* небылицей. Отчеты ясно показывали: сангриане действительно завелись и бросаются на все, что находится в поле зрения, истребляя запасы провианта так, словно завтрашнего дня уже не будет. Планета переполнена блуждающими без присмотра мясными Животными и полусъеденными трупами. Бандиты просто бросают то, что не в силах сожрать или утащить. В чем же тогда *истинная* причина генеральского бухтежа?

— Хорошо, — проговорил Фрейден медленно. — Допустим, ты прав. Но это не значит, что все ложится только на твои плечи. Наши налетчики могут довести дело до конца и самостоятельно. Тем временем мы начнем стадию три. Ты сосредоточься на планировании засад, задавай темп. Как сам же и сказал, если мы выделим пару тысяч человек для набегов, у тебя все еще останется шесть тысяч бойцов.

Вандерлинг поскреб потную плешь.

— Послушай, — генерал упрямо набычился, — сейчас в счет идут только набеги. Я должен держать их под контролем. Думаешь, Тыквы сумеют сохранить остатки разума, если я перестану время от времени заваливать к ним? Парням глубоко наплевать на твою революцию. Им подавай героин и хорошую драку. Я на свой страх и риск отсыпаю им изрядную порцию дури, когда они отправляются на задание. И уродцы остаются обдолбанными все это время. Не дай им героина *вообще* — Тыквы сорвутся. Поэтому приходится шастать в каждый отряд пару раз в месяц и притаскивать нужную дозу кайфа. Это единственный способ держать ребят в узде.

— Значит, постепенно снимем Тыкв с операции. Мы...

— Черт возьми, Барт, это *мое* дело, помнишь? — грубо оборвал Барта генерал. — Я тактик, ты сам только что сказал. Я не лезу в генеральную стратегию, а ты не указывай мне, как распоряжаться на поле боя! Я должен вплотную заниматься подготовкой набегов, поверь мне на слово. Или ты хочешь попро-

бовать сделать *все* сам? Ну давай! Будь моим гостем. Посмотрим, чего ты достигнешь.

Барта захватила врасплох неумная горячность старины Дятла. Кроме того, Вильям добился кое-каких преимуществ. Казалось, он всегда отлично знает, что делает, когда нужно вести солдат под пули. Нет смысла создавать лишнюю проблему...

— Договорились, — пожал плечами Барт. — Предлагаю компромисс. Ты остаешься с бандитами еще на три недели и постепенно выводишь из дела Тыкв. *После чего* — и мне наплевать, как ты оцениваешь тактическую ситуацию, — на всю катушку занимаешься основным корпусом сил. Помни, что тактику диктует стратегия, и никоим образом не наоборот. Сечешь?

— Секу... — угрюмо процедил Вандерлинг. Встал и направился к выходу.

— Эй, погоди, а как же обед? — окликнул его Фрейден.

Вандерлинг обернулся, и на его лице внезапно появилась улыбка. Казалось, он с трудом давит рвущийся смех.

— Догадайся сам! Может, я просто не расположен есть кроличью жратву.

Пялясь на опустевший дверной проем, Фрейден затылком почувствовал пристальный взгляд Софии. Он резко обернулся. Подруга смотрела на него в упор — скептическое изумление в зеленых глазах, на губах кривая, почти снисходительная улыбка.

Барт молча сделал вопросительный жест.

София продолжала взирать на него, как дерзкий Чеширский Кот.

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся Барт. — В чем дело?

— Я, конечно, не собираюсь вмешиваться в важные и запутанные дела государства...

— Колись быстрее, Соф, ну! Достаточно маленьких тайн для одного дня!

— Ты хочешь сказать, что совсем ослеп? — спросила она недоверчиво. — Ты действительно ничего не замечаешь? Ой, не дразни меня!

— Чего не вижу-то, черт возьми?

— Старину Дятла! Почему он так уперся? Зачем ему приспичило вернуться обратно в леса со своими дружками по шалостям-удовольствиям? Он мог бы остаться здесь и дальше играть в генерала.

Фрейден вздохнул. «Болван Вильям засел в мозги не только мне! Ладно, пусть Соф завершит обед очередной гадостной тирадой...»

— Давай, Шерлок Холмс! выступи с блестящим заключением!

— Боже правый, Барт, ты совсем потерял чутье? Увлёкся игрой в Героя и не видишь дальше собственного носа? Лысый козел *подсёл*! Он наслаждается! Дятел получил в распоряжение хлев величиной с планету и теперь радостно барахтается в навозе. Его теперь ничем не убедишь!

— Чем же он наслаждается?

— Чем? — вскричала София. — Беспределом, вот чем! Вспомни, Барт, плешивый солдафон у нас на специальном задании. И что же у него за работенка? Разорять страну, убивать, грабить и вообще вести себя как отъявленная свинья. Которой он, кстати, и является. Он купается в грязной луже. Ты действительно в курсе того, что проделывают Дятел и головорезы?

— Им приказано совершать набеги на небольшие сторожевые заставы Киллеров, склады и стада мясных Животных. Распределять захваченное между жителями деревень в качестве примера. Это едва ли...

— Приказы! Ты *уверен*, что они следуют твоим приказам? Почему? Со слов Вильяма? Могу себе вообразить, что там происходит! Игры и забавы! Заметь, вояка выглядит весьма упитанным. Ты в самом деле думаешь, что он жрет кроличью пищу, которой вынуждены обходиться мы? Дятел и его корешки вряд ли расположены сидеть на каше и овощах. Когда они добывают этих славных толстеньких...

— Только не *Вильям*! — воскликнул с содроганием Барт. — Сангриане... еще туда-сюда... С этими крестинами приходится идти на компромисс, но *Вильям*...

— Ах да, конечно же, дорогой милый генеральчик... Будто бы это не он совсем недавно ухмылялся, будто сытый бульдог, наблюдая, как мы давимся травяной бурдой? Ты не поинтересовался, что творилось в его сияющей головенке?

— Раз уж ты упомянула...

— Раз уж я упомянула! — возопила София. — Знаешь, что так пощекотало его извращенный смехунчик? Барт Фрейден, давящийся рисом и овощами, в то время как он сам в течение двух месяцев имел на обед отличное сочное мясо. Ему наплевать, что это человечина, Врежь-в-Плешь выше таких кулинарных тонкостей.

— Ох, ты как всегда торопишься с выводами, Соф... — пробормотал Фрейден без особой убежденности. Вильям действительно *выглядел* так, словно прибавил в весе, а болтовня об энергии движения и конкуренции *звучала* откровенным бредом...

— Значит, я тороплюсь с выводами? — проговорила София со внезапным спокойствием. — Ладненько... Тогда возьми

шлюпку и взгляни на все сам. Потрать немного времени. Задай кое-какие вопросы. Животные скажут тебе правду, не так ли? Ты же Большой Герой!

— В этом есть смысл, — неохотно признал Фрейден. — Мы занимаемся отчасти освобождением, и не предполагается, что станем точной копией Братства. Если Дятел отбилсЯ от рук...

Барт скрипнул зубами. «Неужели Вильям разыгрывает свою игру у меня за спиной? Тогда самое время его остановить, прежде чем дело пойдет слишком далеко. Отбросить в сторону сантименты! Война — не время для чрезмерной щепетильности. Когда мы победим, нам придется *править* этой Кучейдерма. Нельзя позволить сойти с катушек никому, включая собственные войска. Если Вильям...»

— Да, Соф, — кивнул он. — Я отправлюсь утром. Посмотрим, есть ли за всем этим что-нибудь.

София пожала плечами и вернулась к прерванной трапезе.

— Товко не ови, хогда фсе отквоетсЯ. Фомни, я февя пведупвефдава! — заметила она, чавкая набитым ртом.

Одним глазом поглядывая на монитор, а другим следя за управлением, Фрейден ощущал все более растущее беспокойство. Пока что он посетил две наугад выбранные деревни, и на первый взгляд там все раскручивалось в соответствии с планом. Поля лежали необработанные, местные Мозги убиты, как обычно, одетыми под Киллеров партизанами, обе деревни наполовину опустели — мужчины в джунглях или добывают пропитание. В общем, все в полном порядке.

Однако Барт заметил и несколько загадочных пунктиков: женщины и дети обеих деревень выглядели упитаннее и здоровее других сангриан; земля вокруг очагов усеяна костями мясных Животных. Хотя, впрочем, чего еще ожидать от изголовавшихся раздолбаев, когда вы сами подстрекаете их к разбою? Поскорей бы Революция закончилась! Тогда можно будет ввести в употребление традиционную животную пищу и пресечь каннибализм железной рукой. Нет, что-то другое назойливо лезло в голову... Но что именно?

Может быть, история, рассказанная в первой деревне? История о том, как Киллеры, убившие Мозг, прикончили и семерых жителей... А тут еще и человеческие кости во второй деревне, кости *взрослых* сангриан... У черепов зубы подпилены! Выходит, это останки *Киллеров*. Они брали пленных и... съедали! Селяне наплели какую-то невероятную байку, мол,

случайно нашли двух раненых Киллеров, а есть так хотелось... Ох, что-то не верится подобной сказке!

Барт увидел на экране еще одну деревню. Стоп, а это что такое? В центре деревни явно царит большая суматоха... люди топчутся по кругу, и дым поднимается от дюжины костров...

Фрейден скрежетал зубами, по спирали ведя шлюпку вниз. Неужели он увидит все так, как даже боялся себе представить? Увидит разнузданное пиршество безумцев после набега? Вот уж веселенькое удовольствие! Из глубины подсознания выполз страх, он почти заглушил у Фрейдена любопытство. Но Барт упрямо посадил лодку в самом центре деревни. Герой он или нет, но расчехлить снайпан, прежде чем выйти гуцу мрачно-го карнавала, отнюдь не повредит.

Зрелище переплонуло самые невероятные предположения! Гудело пламя десяти больших костров; над каждым жарилось насаженное на вертел мясное Животное. Множество разделанных тушек, уже приготовленных для жарки, дожидаются у костров своей очереди. Воздух наполнен острым ароматом жарящегося мяса. Барт содрогнулся от ужаса, почувствовав, как у него совершенно непроизвольно потекла липкая слюна. Прошло столько времени с тех пор, как он пробовал хорошо приготовленное мясо... Безумие, безумие! Вокруг Барта безобразные перепачканные морды смачно жевали, рубили на куски прожаренные туши, хлестали сивуху из глиняных кувшинов и с любопытством поглядывали на приземлившуюся шлюпку.

Наконец Фрейдена признали. Размахивая полуобглоданными костями, жирными кусками мяса, сытые голодранцы повскакали с мест, и все сборище заголосило дурным распевом:

— Барт! Барт! Барт!

Фрейден почувствовал, как его тащат в разные стороны. Запах мяса кружил голову, рот был полон горячей слюны, но Барт прекрасно помнил, что именно жрут сангриане, и вид слишком похожих на человеческие тушек заставил желудок болезненно сжаться. Радостные вопли голытьбы пробудили в нем отголоски давешних эмоций, взбодрили, но... бодрость была на грани отвращения. Да, он знал, что подобным образом все и происходит, примерно так безумцы и развлекаются после набегов. Но одно дело знать, другое — видеть. Вдыхать запахи, слышать непотребные звуки. На своей шкуре испытать безудержность тошнотворного праздника.

Сангриане сбились в радостно жестикулирующую толпу. «Барт! Барт! Барт! Барт! Барт!» — кричали они, пока он медленно вышагивал среди них.

— Да здравствует Свободная Республика! — крикнул Фрейден, пытаясь остановить песнопение, которое с каждым мгновением становилось, как показалось Барту, все более и более насмешливым. Сангриане сгрудились вокруг, пожимали Фрейдену руки, хлопали по спине измазанными человеческим салом ладонями, болтали, смеялись, рыгали, хрюкали с отвратительным весельем. Они пихали Барту кружки с пойлом, совали под нос теплые благоухающие куски подрумянившегося мяса. Сначала Барта чуть не стошнило, потом появился соблазн, и вновь вернулось отвращение — на этот раз к самому себе, к своим кишкам, жадно требующим принять участие в омерзительном пиршестве.

«Это *твой* народ, — твердил себе Фрейден, — ты их вонючий *Герой!*» Но все равно нужны были железные нервы, чтоб не отталкивать их прочь, крича от омерзения. Даже снипган в руках, казалось, стал живым и теплым.

И все-таки они — его народ, они граждане его собственной Свободной Республики Сангрия. Это все, что у него имелось теперь! Он не должен показывать своих истинных чувств. Он даже не имеет права выглядеть недовольным. Барт заставил себя добродушно улыбаться, пожимать сальные руки, бормотать бессвязные шутки и в то же время отчаянно удерживать ярость и позывы к рвоте.

Он отстригил мясо и вино, бормоча:

— Только что ел в двух последних деревнях... Нажрался под завязку... Отличный рейд здесь сделать, продолжайте! Берите что хотите! Вы здесь набрести на верную мысль...

«Господи, вот кошмар-то!»

Постепенно сангриане отхлынули, возвращаясь к прерванному пиршеству. Вскоре Барт остался один, наблюдая за жрущими и пьющими, милосердно ими игнорируемый.

Сангриане дюжинами, растянувшись, валялись на земле, в пьяном угаре. Или сосредоточенно поглощали огромные ломти разорванного на куски мяса. Или вяло грызли обглоданные кости. Смех, громкая благодушная болтовня... Отвратительный запах человеческого жира, капающего и шипящего в огне. Запах грязных тел, пролитой крови, кислого вина, жарящегося мяса — все слилось в жуткую крепкую вонь, отдающую тленом, непристойностью, грехом, ужасом...

Фрейден стоял и тупо взирал на кошмарное зрелище. Пусть все это выглядит страшным, тошнотворным, омерзительным, но здесь нет вины Вильяма. Все в соответствии с планом, в соответствии с *его* планом. Фраза застряла у Барта в мозгу, будто

вновь и вновь поддразнивая... все в соответствии с планом... *все в соответствии с планом...*

Потом произошло нечто, уже явно *не* соответствующее плану.

С дальнего конца площади послышался страшный крик. Как мальчишки за воздушным змеем, сангриане побежали к последнему ряду хижин — смеясь, крича, размахивая руками. Через считанные мгновения они сбились в плотный ком дергающихся тел — смех, крики, проклятья и... Теперь понятно! Олухи кого-то ожесточенно пинают!

Чуть поколебавшись, Фрейден подобрался к топчущейся обезумевшей толпе. На секунду она расступилась, и Барт увидел...

Существо, когда-то считавшееся человеком. Подобно какому-то чудовищному белому червю, на земле извивалось нагое тело, тщетно пытаясь спастись от пинков и ударов. Ноги и руки у человека гротескно раскорячены — перебитые, сломанные, раздробленные. Вместо рта — кровавая каша: все зубы выдраны. Фрейден разглядел лицо несчастного, худое суровое лицо с сумасшедшими дикими глазами; увидел залысынами уходящие вверх темные волосы. Боже! Изувеченное существо — Киллер. Его с садистской жестокостью обработали так, чтобы сделать безвредным для насмехающейся, радостной толпы.

Как стая голодных крыс, сангриане поволокли Киллера к кострам, подталкивая колыями и косами. Тело солдата вмиг стало алым от крови. Ползя на животе, извиваясь, как обезглавленная змея, Киллер встретил свою смерть единственным способом, который он знал. Способ этот был заложен в его генах еще до рождения. Боевой клич, вырывавшийся из беззубых кровоточащих десен, превращенный обстоятельствами в нелепо-патетический: «Убей! Убей! Убей!»

Сангриане заулюлюкали. Потом беспомощного Киллера потащили к пустующему костру, привязали к шесту и водрузили над пламенем. Киллер закричал на пределе голосовых связок, больше от ненависти, нежели от страха.

Фрейден отвел глаза, когда языки пламени поглотили голое тело. Воинственное «Убей! Убей! Убей!» превратилось в тусклый крик боли.

Барт отчаянно бросился в толпе, ухватил первого попавшегося под руку сангрианина — изнуренную старуху, с обезумевшим от жажды крови взором, со слюной на тонких губах. Барт сильно сдвинул старой гримзе руку, сунув прямо под нос дуло снайпгана.

— Этот Киллер, — проревел он, с трудом выговаривая слова. — Кто вам позволил? Где? Как? *Откуда вы взяли этого Киллера?*

— Твоя Народная Армия! — испуганно взвизгнула старуха. — Только что быть здесь — фельдмаршал дать нам Киллера! Твой — друг, твой — пришелец!

Хватка Фрейдена ослабла, и старуха резко рванулась прочь.

Фрейден чувствовал, как лютая злоба стучит в висках. Злоба, отвращение, боль — все плескалось в океане адреналина, пока Барт несея к шлюпке. «Черт бы побрал Вильяма, черт бы его побрал! Я...»

Ужасный вопль, страшнее всех остальных, заставил Барта против воли обернуться.

Тоший рыжеволосый мужик держал факел у лица Киллера. Волосы, брови, ресницы мерзко затрещали и вспыхнули. Но не это кинулось в глаза Фрейдену, не это заставило пальцы сжаться в кулаки так сильно, что ногти до крови впились в кожу. Барту даже показалось, что он уже лишился рассудка и теперь бредит. Поскольку рыжий тип — глаза сверкают, рот по-лягушачьи распахнут — не кто иной, как поганный торчок, любимец Вандерлинга, полковник Ламар Гомец.

— Черт возьми, Барт, из-за чего весь сыр-бор? — спросил Вильям Вандерлинг, когда Олней ввел его в хижину Фрейдена. — Я болтался у черта на куличках, и тут один из твоих придур... э... *агентов*, выныривает и говорит, мол, ты желаешь меня видеть. И поскорее! Приятель, чтоб отыскать меня, ты должен был отправить дюжины...

Фрейден кивнул Олнею, полностью игнорируя Вандерлинга, вставшего прямо перед столом.

— Это все, полковник Олней. Проследите, чтобы маршала Вандерлинга и меня не беспокоили. Ни под каким предлогом. Я имею в виду *ни под каким*, понимаете?

Олней кивнул и смущенно удалился; казалось, он ощутил повисшую в комнате напряженность, на которую Вандерлинг все еще не обратил внимания.

— Теперь мы одни! — бросил Вандерлинг весело. — Что у тебя за жареные новости?

— Сядь! — проревел Фрейден; звук его голоса разнесся как разрыв снаряда. Взглядом он швырнул Вандерлинга на стул подле стола, а сам вскочил, как ужаленный.

Теперь морда Вандерлинга вытянулось и приняла вопросительное выражение. Отрывистый приказ, ярость, внезапная перемена позиций — это уж скорее допрос, чем встреча соратников для выработки стратегии.

Фрейден стал нервно мерить шагами маленькую комнатушку, не отводя гневного взгляда от Вандерлинга. Генерал же больше напоминал кобру, наблюдающую за боевой пляской мангусты. Фрейден лихорадочно подыскивал слова, что-нибудь язвительное, гадкое, хлесткое. Но на память приходили лишь сухие и невыразительные фразы. В конце концов Барт выпалил, словно посередине длинной тирады:

— Зверства я могу понять! Тупость я тоже могу понять! Извращения, садизм, жестокость, каннибализм, убийство, пытки — я слишком долго пробыл на Сангрии, чтобы удивляться чему-нибудь. Но... но... но ради Бога, старик! Как, черт побери, ты умудрился увязать это все в один миленький пучок? Ты сам накачиваешься в своей «малине» героином? Уже забыл, для чего мы здесь? *Что с тобой творится?*

— Эй... — мягко промурлыкал Вандерлинг. — Ты чего разбухаешь, Барт?

— Не говори *мне* Барт, Вильям! Я все знаю, игра сделана, закончена, пришла к финишу, капут! Я поездил по округе. Пытать Киллеров ради забавы, передавать их Животным, растравлять их жалкие душонки зрелищем пыток... *Жрать* Киллеров, мать твою! Я даже не тружусь спрашивать, что *еще* твоя волчья шайка проделывает у меня за спиной. Меня не интересует, почему ты стал усиленно набирать в весе, мне наплевать, чем ты в последний раз пообедал. Я знаю, Вильям, знаю! Все, о чем мне хочется услышать, — *почему?*

Озадаченное выражение на харе старого вояки сменилось усмешкой невинного цинизма.

— Так вот что встало тебе поперек глотки, — проквашал он. — Только потому, что ты сидишь на кроличьей кормежке, предполагается, что и я должен ее жрать? Какого дьявола ты ожидал? Думаешь, человечина так уж плоха на вкус? Немного солоновата, может быть, но привыкнуть гораздо легче, чем к отсутствию мяса вообще.

— Ты недоумок! Ты кретин! — захохотал Фрейден. — Мне наплевать, что ты там лопаешь! Хоть дерьмо! Но как насчет пыток? Насчет садизма? И поощрения деревенских олухов вести себя словно... словно... словно проклятые *Братья?*

— Что с тобой, Барт? — спросил Вандерлинг с искренним недоумением. — Это же *твоя* идея, помнишь? Взбаламутить их, заставить делать набеги, связать руки Киллерам? Ну так мы ее и воплощаем, правда ведь? Вся эта — пошла бы она к чертовой матери — планета сходит с ума. Киллеры увязли, как в выгребной яме, там они и останутся... Не этого ли

ты хотел в первую очередь? Я просто выполнял твои приказы.

— Спасибо, Адольф Эйхманн! — твякнул Фрейден. — Просто выполнял приказы, а? Я приказывал тебе есть мясных Животных? Или уродовать Киллеров? Я приказывал поощрять каннибализм и пытки среди Животных? «Я должен держать все в руках, или это ослабит движение»! София права насчет тебя, она все время была права. Не пытайся больше втирать мне очки, Вильям; ты сделал это просто ради забавы. Ты *подсел* на пытках, ты *подсел* на поедании человечины. И не просто потому, что был голоден. Тебе нравится *убивать* больше чем побеждать. До твоих тухлых мозгов когда-нибудь доходило, что в один прекрасный день нам придется *править* этой планетой? Когда война закончится, нам придется иметь дело с этими Животными, мы должны будем вычистить всю грязь, которую развели. Восстановить уважение к порядку, поскольку мы станем парнями, которые здесь заправляют. Дай сангрианам около года пыток, каннибализма и всего прочего, и меры по подавлению терроризма заставят Революцию походить на церковное собрание. Ты не просто кровожадный садист, ты ограниченный, слепой, обезумевший от убийств мясник!

— Ну-ну-ну, — холодно, но вкрадчиво заметил Вандерлинг. — Проповедь, приличествующая святому Фрейдену. И конечно, твои руки белы как лилии, не так ли? Масло не тает у тебя во рту, да? Это был кто-то другой, конечно, не ты, сторговавший омнидрин Братству, убивавший Мозги, чтоб Животные дошли с голоду, подавший Моро идею запытать всю планету до полного безумия и потом выцедить из Животных кровь до последней капли? Нет, это не Барт Фрейден! Барт Фрейден милый пушистый котик, не правда ли?

Барт вспыхнул. Вильям излагал бесспорную истину, но мерзкие уста вояки превращали правду в ложь. Дятел вещал так, словно все, что делал Фрейден, — бессцельная забава, как... как...

Вандерлинг хрипло рассмеялся.

— Кого ты пытаешься надуть? — Генерал приставил правый указательный палец к своему уху, левый — к зубу.

Фрейден похолодел.

— Да, — Вандерлинг покачал головой, — у тебя очень короткая память. «Принесите человеческое животное. *Хлоп!*» — Он рубанул ладонью, как лезвием воображаемого топора. — Каково это, убить... детеныша, раба, может быть... может быть, *ребенка*? — Генерал ухмыльнулся, когда лицо Фрейдена на последнем слове исказилось от боли. — Так вот что это было! Ребенок... Эй! Давай просто запомним, откуда растут ноги,

Барт. Забудем про раздачу имен, хорошо? В эту игру могут играть двое. Да, Большой Стрелок, ты по-прежнему босс; ты знаешь о революционном рэжете больше меня, и мы разыграем эту игру по-твоему. Больше никаких набегов, я сосредотачиваюсь исключительно на уничтожении Киллеров. Спокойно. Не забывай голову нелепыми мыслями — просто потому, что самый коравый из героинщиков предан *мне*, а не тебе.

— Не пугай! — огрызнулся Фрейден, благодарный Вандерлингу за эту угрозу, с ней он мог бы совладать ответным выпадом; благодарный за открытые карты, за факты, которыми можно занять ум, отвлечься от...

— К сожалению, ты в тени, приятель, — вздохнул Барт. — Я герой, помнишь? У тебя есть пара сотен Тыкв, а у меня — вся планета. Сангриане едва ли знают тебя в лицо. Ты мне нужен, нравится мне это или нет, и с моей стороны двойной игры не будет. Одно мое слово Олнею на фабрику слухов — и ты покойник. Я могу превратить всю планету в пятнадцать миллионов палачей. Что ты тогда будешь делать? Переметнешься к Моро? Теплый приемчик там тебя ожидает, нечего сказать! Ты повязан со мной, Вильям. Я Номер Один, а ты — Номер Два. Никогда не забывай об этом. *Вот* откуда ноги растут.

Вандерлинг мрачно уставился на Фрейдена. Барт прямо-таки слышал, как скрипят ржавые колесики в лысой башке генерала.

— Мы понимаем друг друга, — проговорил Вандерлинг просто. — Мы действительно хорошо друг друга понимаем.

Пристально разглядывая физию старого вояки, Фрейден неожиданно ощутил зияющую пустоту, вакуум зависти, стену ненависти, вставшую между ними. Он почувствовал себя невероятно одиноким. Сейчас; только сейчас он осознал, уловив ледяную струю ветра вражды, что этот человек — его единственный товарищ на десятки световых лет вокруг. А теперь... теперь придется выдерживать постоянный взгляд в затылок.

Фрейден тяжело опустился на стул напротив Вандерлинга.

— Думаю, что да, Вильям, — сказал он с внезапной чудовищной усталостью. — Нам лучше заняться делом. Надо выиграть войну, понимаешь?

Глава 11

Барт рассеянным взглядом рассматривал хлопотливо бурлящий лагерь. Вот три стандартно укомплектованные роты. Они пополняют запасы снаряжения и живой силы из бездонного

источника, вливающегося в Народную Армию со скоростью столь же поразительной, как и стремительно растущее количество раненых и убитых. Вот лазутчики тихонько выходят из хижины Олнея. Вот новые казармы-бараки, а рядом — склады оружия. Лицезрея все это суетливое гудящее скопище, Барт ощутил некое извращенное удовольствие от сознания того, что весь внешний порядок держится на своего рода тщательно вычисленном балансе отчаяния. Отчаяние лежало спрятанным глубоко под землей. Дремлющее, но готовое забить фонтаном, когда придет час. Киллеры, вероятно еще не понимая того, в сущности сдались. Даже Моро, без сомнения, не врубался полностью во всю важность собственных приказов. Несмотря на то, что Барт Фрейден, вероятно, единственный человек на Сангрии, способный расшифровывать появляющиеся на стенах надписи, Братство войну проиграло. Народная Армия насчитывала добрых пятнадцать тысяч человек, и это количество всегда можно увеличить до двадцати тысяч. Уровень потерь предположительно огромный, но вся страна составляла теперь внушительный резервуар ресурсов, резервуар, по иронии частично созданный самими Киллерами.

За четыре месяца боевой дух черных солдат изрядно подорвали повсеместные грабежи, бандитизм, разбой. Малиной им явно не показались стремительные атаки регулярных партизанских частей на карательные отряды. А чего стоит невозможность сохранять свободной систему дорог, связывающих Сад с поместьями? Да, трудновато, ребята, вести две войны сразу: одну с Народной Армией, другую — с якобы мирным населением! Сложно даже предположить, сколько Киллеров сейчас разбросано по всей планете. Однако подсчет захваченного оружия и количество потерь у партизан делали совершенно ясным тот факт, что Киллеры потеряли где-то около десяти тысяч человек за последние четыре месяца.

Поскольку уходило примерно двадцать лет с момента зачатия на то, чтобы получить полноценного, готового сражаться Киллера, скорость пополнения получалась ничтожной. И двадцать тысяч волкодавов, остававшихся у Моро, скоро станут всего лишь беззубой сворой огрызающихся шавок.

Но Моро оказался не до такой степени тупым; у него достаточно ума вывести бойцов из мясорубки. Теперь Киллеры прятались в каком-нибудь одном поместье: несколько сот человек, окопавшихся с усердием и основательно. Они сгоняли уцелевших мясных Животных и запирали их в огромных загонах. Попытаться отбить эти стада было бы чистым самоубий-

ством. Жители деревень оказались в отчаянном положении — легкая добыча ускользнула от бандитов. От оставшихся Жуков пользы не больше, чем от засохшего навоза. Сами же голодранцы понятия не имели, как выращивать хлеб.

Пошла смертельная игра на выживание. Киллеры, плотно засевшие на своих оборонительных позициях, располагали большими, но все же ограниченными запасами провизии. Деревенские олухи — на грани голодной смерти. Очевидно, стратегия Моро заключалась в том, чтобы просто дожидаться, пока доведенные до отчаяния Животные пошлют в задницу и Революцию, и Вождя. Это была игра загнанных в угол кошек против равным образом загнанных в угол мышей...

Но все-таки даже само отчаяние — инструмент, пригодный для борьбы. И Барт Фрейден знал, как им пользоваться. Все заключалось лишь в точном расчете...

«Э, что там такое творится?»

Олней и двое вооруженных бойцов толкали к хижине Барта какое-то существо — тонкую, невысокую фигурку в форме Киллера. Барт пригляделся и понял — это всего лишь крепко связанный «киллеренок», мальчишка лет пятнадцати.

— Привести нам детеныша Киллера, — сказал Олней, выпихивая мальчика вперед. Фрейден оглядел враженка. Тот отличался худощавым сложением взрослого Киллера, гладкие темные волосы, казалось, уже редели, образуя характерную залысину. Зубы казались острыми иглами. Свирепо пылающие глаза странно не вязались с гладким юным лицом.

— Где вы его раздобыли?

— Два грузовика семьдесят миль отсюда, — ответил Олней. — Наш отряд уничтожить их, но взять одного пленного. Интересно, что киллереныши делать так далеко от Сада?

— Может быть, наш друг расскажет об этом, — заметил Фрейден. Впрочем, ему нужно было скорее просто подтверждение собственных догадок. Все выглядело так, как он и ожидал. Барт добродушно глянул на мальчика.

— Ты сотрудничаешь с нами, и все будет в порядке, сынок. Мы не убиваем мальчиков. Расскажи нам, зачем вас сюда послали?

Мальчик бесстрашно ответил на взгляд Барта.

— Киллер не передает врагу информации, — заявил он.

— Что ж, можно сделать исключение, если хочешь увидеть завтрашнее утро, — спокойно проговорил Фрейден.

— Киллер не боится смерти. Умереть в руках врага все равно что погибнуть в бою. Погибнуть в бою почетно.

Фрейден попробовал зайти с другого конца.

— Все это хорошо для *настоящего* Киллера, — сказал он насмешливо. — Но ты всего лишь сопливый мальчишка! С каких это пор на тщедушных юнцов вроде тебя возлагается обязанность сражаться?

На скулах кадета заиграли желваки. Он вспыхнул.

— Киллер рожден Киллером, — буркнул он. — Киллеру доступна слава сражаться, если Пророк решил. Побереги свои легкие для крика, когда мы разгромим вас, Животное!

— Ты хочешь сказать, что вас, маленьких вонючек, не просто вывезли на прогулку посмотреть, как сражаются взрослые? Не заливай мне — Моро не послал бы таких салаг в бой!

Что-то сломалось в душе маленького Киллера. Его спокойствие улетучилось, испепеленное безрассудным гневом. Он бился в путах, до крови кусая губы.

— Кадеты уже сражаются по всей Сангрии! — визжал он. — Мы убиваем, как и взрослые Киллеры! Убивать — почетно! Мы убьем вас всех, Животное! Убей! Убей! Убей!

Он рванулся в сторону Барта, используя голову на манер тарана. Фрейден чуть отступил в бок, а один из партизан резко опустил приклад винтовки на затылок кадета. Тот съежился и стал оседать. Боец схватил пацана за одну руку, его напарник — за другую; вдвоем они удерживали вялое тело потерявшего сознание кадета в вертикальном положении.

— Отлично, Олней, — усмехнулся Фрейден. — Это то, чего мы ожидали. Моро уже дошел до кондиции и посылает в бой недоносков. Значит, у Пророка не осталось резервов, он приперт к стене. Настало время для Большой Атаки. Разошли агентов по всем районам. Я хочу, чтоб через неделю в лагере собралось как можно больше бандитских главарей. Скажи им, что есть важные новости! Плети все что угодно — но заставь их прийти. Теперь нам потребуется все пушечно... вся армия целиком. И к дьяволу дисциплину!

Олней кивнул.

— А что с этим киллеренышем? — спросил он. — Нам придется сторожить его день и ночь, а у нас мало еды...

Фрейден внимательно посмотрел на выжидающего Олнея, на угрюмые ухмылки двух конвоиров. Он горестно вздохнул. Контроль над раздолбаями весьма и весьма ограничен, нечего тут скрывать. Они слепо идут за Вождем только в желательном для них направлении. Проявление милосердия — непростительная слабость. Сангриане не ведали милосердия, они уважали только силу. Барт не мог себе позволить расслабиться.

— Пристрелите его, — бросил он. Олней одобрительно кивнул, дал знак страже, и те потащили мальчика прочь.

Но Фрейден преподавал-таки урок милосердия.

— Но сделайте это быстро и чисто! — крикнул он вослед, чувствуя, как желудок уколола слабая боль.

Фрейден прекрасно слышал приглушенное бормотание, поднявшееся в толпе, когда Вандерлинг вышел из хижины. Барт помедлил минуту для пущего драматического эффекта, потом шагнул за дверь, под лучи горячего красного солнца.

Поднялся рев, быстро переросший в ритмичную песнь: «Барт! Барт! Барт!»

Фрейден какое-то время позволил им покричать. За спиной у него, над крышей хижины, развевался красно-зеленый флаг Свободной Республики; по обеим сторонам длинным полумесяцем вытянулась шеренга офицеров. Пестрая толпа в несколько сот человек толкалась перед хижиной, выкрикивая имя Фрейдена.

Они оказались довольно унылым сборищем, эти бандитские главари. Тощие, изможденные — а они, вероятно, питались гораздо лучше своих подчиненных, — вооруженные преимущественно трофейными винтовками и «звездами». Рядовым разбойникам приходилось довольствоваться главным образом косами, дубинками и копьями. Атаманы сейчас пребывали в незавидном положении. Мясных Животных надежно упрятали Киллеры, отбить провизию дохлякам-бандитам не под силу. Шайки отчаянно голодали, так что праведный гнев рано или поздно должен обрушиться на головы вожаков. Да, они уже дошли до того состояния, когда позволяют сделать из себя и своих людей заправских камикадзе...

— Да здравствует Свободная Республика! — крикнул Фрейден. Атаманы отозвались на приветствие небрежно. Так, несколько слабых возгласов. Потом все стихло.

— Итак, вы иметь много бед, — не моргнув глазом продолжил Фрейден. — Вы жить набегами, и вот вдруг больше нет легкой поживы. Ваши парни весьма опечалиться. Может быть, они начать думать, что вы больше не такие крутые паханы, а?

Главари тревожно зашумелись. Барт произнес то, в чем они все боялись признаться самим себе. Кому ж придется по вкусу услышать о своих невысказанных страхах из чужих уст? Психология, ребята...

— Почему же вы не нападать загоны? Там полно мясных Животных...

Несмотря на присутствие вооруженных снайперами Тыков, бандиты засвистели, заюлюкали и заворчали.

— Лучше просто перерезать себе горло, не решение проблемы! — гаркнул один из них.

— Будем мертвые, прежде чем начнем против пара сотен Киллеры! — твякнул другой.

— Верно, мертвые. — Фрейден выдержал паузу, ухмыльнулся. — *В одиночку* то есть. Конечно, если бы в тех набегах с вами были хорошо вооруженные регулярные войска... Если б вы были частью Народной Армии...

Бандиты притихли. Они особо не рвались сражаться за Народную Республику, их влекла только награбленная добыча. Но Фрейден загнал уркаганов в угол. Сражайтесь за Народную Республику — или бедствуйте и вам выпустят кишки собственные люди.

— По рукам! — крикнул Фрейден, не давая паханам времени опомниться и увидеть занесенную над их головами дубину. — Вы со своими переходите под командование Народной Армии. Вами будут руководить опытные офицеры, при поддержке хорошо вооруженных бойцов. Вместе — никакие Киллеры нас не остановят. Наш план прост. Если ваши люди будут сражаться на нашей стороне, мы сможем нападать на поместья — на десять, двадцать, пятьдесят поместий одновременно по всей планете. Каждый раз мы сможем кидать тысячу человек на пару сотен Киллеров. У Киллеров нет резерва — они уже используют кадетов, так оно и есть. Пять или шесть к одному — хорошее преимущество. Но вам придется подчиняться приказам беспрекословно. Что скажете?

— Что мы поймем с того? — крикнул кто-то. Поднялся согласный гул одобрения, но бандиты явно прониклись уже покорностью неизбежному.

— Все что захотите, — отечески предложил Фрейден. — Не будем кривить душой. Народная Армия намеревается уничтожить Киллеров, а вы намереваетесь разбойничать и грабить. Отлично, вы помогаете нам, мы помогаем вам. Все, что мы возьмем в поместьях, за исключением оружия и боеприпасов, — мясные Животные, запасы зерна, женщины, *все ваше!* Все можно взять! Что скажете *теперь?*

Повисло долгое молчание. Он показал им кнут, кнут голода и неизбежного мятежа, а теперь швырнул пряник. Для них не существовало выбора, они могли только склониться перед неизбежным.

— Да здравствует Свободная Республика! — завопил вдруг кто-то истошно. Клич подхватили, хотя поначалу и с неохотой.

Потом вопль набрал силу. Бедолаг затянуло, прежде чем стало слишком поздно. Без сомнения, они уже уверяли себя, что именно *им* придется делать за Народную Армию всю грязную работу, и никоим образом не наоборот. И для тех, кто уцелеет, это действительно окажется нелегким делом.

Для тех, кто уцелеет... Их наверняка не так уж и много. Когда революция победит, с бандитами в любом случае будет покончено. В Свободной Республике нет места грабегам и мародерству. Сельское хозяйство будет восстановлено на новых основаниях, позднее — индустрия. Сейчас же время разрушать. Когда наступает время созидания — любое преуспевающее правительство вряд ли потерпит орду бандитов, расхищающих его собственность. Значит, нужно убить двух птиц одним камнем — бандиты и Киллеры сами истребят друг друга!

— Фельдмаршал Вандерлинг распределит вас по отделениям, — проговорил Фрейден. — Вы получите указания и не позднее чем через десять дней начнете действовать. Удачной охоты!

Барт удалился в свою хижину, оставив бандитских главарей на попечение Дятла. «Я больше не могу поворачиваться спиной к Вильяму, — думал Барт, — но по крайней мере одну вещь все еще способен доверить ему — использовать пушечное мясо невыгоднейшим образом!»

Фрейден теснее прижался к Софии, беспечно сопящей рядом. Больше трех недель прошло с тех пор, как он хитростью пополнил Народную Армию бандитами. И вот уже десятки укрепленных поместий разорены! Все идет отлично! Победа больше не мутный призрак — она стала конечной станцией поезда событий, который Барт привел в движение. Теперь она уже просто последовательность, и он мог проследить ее умственным взором от начала до конца. Сангрия падет к его ногам в легко обозримом будущем. Это точно!

И все-таки Барт дивился: почему ему так тревожно и неудобно на душе? Что он сделал неправильно? Неужели он сомневается в счастливом финале? Нет! Так же как женщина, спящая рядом, принадлежала ему, будет принадлежать ему и Сангрия. Его женщина, его планета... В чем же еще он может быть неуверенным? *В чем?*

Барт поймал себя на том, что непроизвольно ласкает спину Софии, нежно поглаживая ее, как если бы она была неким талисманом, который мог бы удержать... удержать *что*, черт побери?

София завожилась, чуть отодвинулась, моргнув, приоткрыла глаза и сонно посмотрела на Фрейдена из-под локтя.

— Что случилось? — пробормотала она.

— Уф! — фыркнул он, внезапно осознав, что разбудил подругу. — Извини... Я просто думал...

— *Руками?*

— Я не хотел...

Барт заглянул ей в лицо, смутно различил, что София хмурится. И неожиданно все встало на свои места. София была всем, что у него осталось! На целой планете нет ни одного существа, которое Барт мог бы назвать своим другом. Хуже того, он никого и не желал так называть. За исключением Софии! Барт остро ощутил свое одиночество. Сейчас он нуждался еще в ком-то, в родственной душе, в близком и ласковом спутнике. Барта пробил озноб. Ощущения были столь незнакомы и нелепы, что зардели в сердце ледяную иглу страха. Нет, ему это совсем не нравится!

— Соф... — пробормотал он. — Соф... Я...

Она протянула руку, коснулась его щеки.

— Я знаю, — проговорила подруга. — Ты одинок, и тебя это пугает. Ты увидел, каков старина Дятел, и подумал, что остался на планете дикарей в полном одиночестве. Только ты и я. И никого больше на сотни световых лет.

— Как ты могла узнать...

— Это сильно напоминает мое собственное бултыхание по жизни. Кто я такая? Подстилка Барта Фрейдена, а прежде — еще чья-то. Кем бы я была без мужиков? К примеру, без тебя? На планете вроде этой... Без крепкого мужика женщина вроде меня — рабыня, вещь, ничто. Я нуждаюсь в тебе... Мне необходимо, чтоб ты удерживал меня. А в таком месте, как Сангрия, ты вдруг обнаружил, что сам нуждаешься во мне. Чтобы не свихнуться, не выродиться в тупую скотину. Вот в чем дело; Барт. Нравится нам это или нет — ты и я на краю пропасти. Мы связаны друг с другом, спаяны вместе чем-то более сильным, чем просто постель. Ты и я — внутри. А снаружи воют волки.

— Соф... ты что, пытаешься объясниться в любви?

Она засмеялась, возможно, отчасти с излишним цинизмом.

— Если хочешь, назови обоюдный паразитизм любовью. Полагаю, так оно звучит чище.

— Почему... Почему никогда прежде ты не говорила мне ничего подобного?

Она обхватила его за шею.

— Потому что до этого момента ты ни слова бы не понял из сказанного мной, Бесподобный Вождь. Поскольку не нуждался в этом.

— Соф, я...

— Замолчи. Ты не это имеешь в виду. Ты не любишь меня, ты просто нуждаешься во мне. Так же, как я в тебе. По рукам?

— По рукам, — выдохнул Барт, привлекая подругу к себе. — Не беспокойся — где еще на этой разнесчастной планетке найду я такое невинное юное существо, как ты?

Барт почувствовал, как она смеется, уткнувшись ему в грудь, — судорожный, вымученный смех. И неизъяснимые привала-какой-то безымянной игры вынудили Барта рассмеяться в ответ. Тем не менее любовники оставались в объятиях друг друга еще долго-долго.

— Первая цепь — берегись! — бодро крикнул Вандерлинг, резко опуская снайпан на уровень пояса. В течение какого-то мгновения ничего не происходило, и Вандерлинг раздраженно оглянулся назад. Чуть ниже того места, где стоял генерал, раскинулась широкая долина, с усадьбой примерно в двухстах ярдах к западу.

В низине спрятались три дугообразные шеренги, примерно по триста бойцов в каждой. Впереди маячил тесно скучившийся клин бандитов. Первая цепь, вооруженная копьями, дубинками, ножами и косами внезапно замаялась, вместо того чтобы ринуться в атаку.

— Пошевелите их! — рявкнул Вандерлинг, и трое героинных Тыков угрожающе махнули лучеметами на собственные войска. Задние ряды первого клина моментально ломанулись вперед, напирая на своих товарищей, и вся ватага оборванцев ринулась вверх из оврага по гладкой равнине к крепости.

Вандерлинг, как заправский хамелеон, одним глазом наблюдал за бандитами, бегущими к усадьбе под прицелом героинщиков, а другим — за остальными партизанами: еще три сотни плохо вооруженных, разнузданных бандюг, еще несколько Тыков, надзирающих за тем, чтобы приказы Вандерлинга исполнялись. А позади — триста человек из регулярных частей Народной Армии.

Первая цепь теперь бойко трусила к обнесенной стеной усадьбе. Крепость защищала огромные загонь с мясными Животными. Что ж, это неплохо! Ведь разношерстное собрание раздолбаев не намного лучше мясного стада. Героинные Тыквы *знали* разбойничков вперед, как пастухи — овец.

И речи быть не может, чтоб эта гопота добралась до мясных Животных первой. Бандиты были самым тупым, самым ненадежным войском из всех, какими Вандерлинг когда-либо командовал.

Однако за последние два месяца сражений генерал выработал простую, нехитрую тактику. Разбойник — это всего лишь пара ног, топающих в более-менее верном направлении. Вполне достаточно! Вандерлинг уже успешно разрушил поместий двадцать самолично и свел метод к такой простой формуле, что даже тупорылые офицеры-Тыквы в состоянии пользоваться ею самостоятельно. «В конце концов, — думал Вандерлинг, — если у тебя преимущество десять к одному, кого интересуют тонкости?»

Сейчас Вандерлинг видел, что толпе бандитов остается не больше ста ярдов до усадьбы. Попытаются ли Киллеры выдержать осаду?.. Нет, все-таки вышли! Ворота в частоколе распахнулись, и затянутые в черное воины посыпались наружу — сорок, пятьдесят, сто... Наверное, появится весь гарнизон! С беспристрастным одобрением профессионала Вандерлинг отметил, что Киллеры, по-видимому, чему-то наконец научились. Вместо того чтобы вслепую, очертя голову, кидаться на атакующих, они быстро выстроились в тесную, растянутую полукругом стрелковую цепь, образуя чашу, в которой бы захлебнулся натиск повстанцев, закрепились на позиции и открыли огонь. Интересная, пусть и тщетная, вариация...

В семидесяти ярдах от Киллеров бандиты влипли в сплошную стену свинца. Первый ряд повалился, как кегли. Немедленно основная масса бандитов отпрянула и повернула назад — попав точно под лезвие циркулярной пилы, когда Тыквы не замедлили пустить в ход снайпганы. Случилась короткая паника. Но паника контролируемая, поскольку Тыквы безжалостно гнали оборванцев вперед, прямо под массированный огонь врага. Пятьдесят, сорок, тридцать ярдов до ограды... Уже пора, вот сейчас... Сейчас!

— Вторая цепь — берегись! — крикнул Вандерлинг, отступая в сторону, пока торчки гнали вторую порцию смертников к усадьбе. Пока они неслись через равнину, Вандерлинг увидел, что остатки первой цепи — не больше ста пятидесяти человек — добрались наконец до черных гиен.

Ничего, кроме мрачной резни, ожидать не приходилось. Полукруг Киллеров сомкнулся за спинами ошалевших доходяг. Их принялись кромсать «звездами», лупить сапогами и прикладами, рвать зубами. Все, что Вандерлинг мог разглядеть, — это плотный ком тел, извивающихся в смертельной агонии. «Вы

гляньте-только, как острозубые принимаются за работу! — воскликнул генерал. — Еще пара минут, и здесь не останется ничего, кроме порубленного на собачьи консервы мяса!»

Но общий план работал гладко. Вторая цепь камикадзе преодолела уже половину пути. О да, они повиновались приказам! Трое Тыкв, гнавшие стадо идиотов вперед, залегли в сорока ярдах позади и врубались в схватку лучами снайперов, сметая и своих, и чужих без разбору. Красота всего действия заключалась в его полной бессмысленности. Обе цепи, все шестьсот доходяг — изначально покойники. В конце концов, джунгли полны пушечного мяса. Шестьсот никчемных уродцев — отнюдь не высокая цена за сотню-другую черных псов Братства.

Теперь вторая цепь на полном ходу впилилась в уже затихающий бой. На мгновение сплошной поток тел, дубинок и копий отбросил Киллеров назад, смяв их ряды. Но волкодавы быстро оправались от минутного замешательства, и так же резко волна битвы поднялась опять. Бешеной яростью Киллеры встретили и новую цепь противника, раскалывая черепа, отрывая конечности, со «звездами» против дубинок и копий, — бесстрашные, кровожадные люди-машины против запуганных до потери пульса оборванцев. Теперь, перекрывая крики раненых, до Вандерлинга донесся пронзительный боевой клич: «Убей! Убей! Убей!»

По этому вою можно точно определить, что время пришло. Когда вы слышите, как они поют вот так, громко и отчетливо, громче воплей несчастных жертв, значит, уже пора...

Вандерлинг подал знак Тыквам, что командовали тремя сотнями регулярных бойцов. Те вывели партизан на исходную. Вандерлинг кинул последний взгляд в сторону сумасшедшей бойни. На бандитах можно поставить крест! Киллеры продирались в горах тел, как кошки в куче гнилых отходов. В сущности, они уже рыскали вокруг просто так, чтобы добить раненых. Трудно подсчитать потери, но, кажется, Киллеры заплатили за свои забавы в соответствии с планом — десятки одетых в черное трупов валялись посреди поля. Многие из них расплоскованы на части, поскольку Тыквы, выглядывая из высокой травы, продолжали, держась на расстоянии, наугад постреливать туда и сюда.

Настало время для решительных действий.

Вандерлинг пробрался в тыл длинной стрелковой цепи, растянувшейся по краю оврага.

— Вперед — берегись! — закричал генерал.

Шеренга партизан быстро потрусил к месту вновь затихающего сражения. Вандерлинг рысцой направился за ними. «Рыба

в железной бочке, — мелькнуло у вояки в голове. — В точности как рыба в бочке...»

Неровным полумесяцем шеренга партизан подкатила достаточно близко к месту кровавой свалки — как раз туда, где скорчились в траве шестеро Тыкв. Повстанцы продвинулись еще немного вперед, и Тыквы не замедлили дать деру, вынырнув из бурьяна уже на стороне Вандерлинга.

— На землю, и стреляйте! — проревел Вандерлинг.

Партизаны в шеренге, все как один, опустили на колено и дали мощный залп. Вандерлинг и десять Тыкв крадучись пробирались позади палящих повстанцев к центру шеренги.

Первый залп захватил пьяных от крови Киллеров практически врасплох. По их рядам словно прошла чудовищная коса — десятки мертвых тел полегли на землю. Зато те, кто выжили, оправившись от шока и ринулись напрямик под пули партизан. Черным шакалам нестерпимо хотелось добраться до врага и вступить в рукопашную. Наплевать на численное превосходство! Главное — добежать, вцепиться кому-нибудь в глотку и с честью умереть в бою.

Но Киллеры, в порыве безумия, угодили точно в центр мощного перекрестного огня. Вандерлинг, высываясь из-за спин своих бойцов, видел, как визжащие дьяволы, с кровавой пеной на губах, падают, словно мухи под гигантской мухобойкой. Их осталось не больше пятидесяти, они почти уже добрались до шеренги партизан. Вот они отбрасывают винтовки и на ходу вытаскивают «моргенштерны», завывая, как все духи ада.

— Давай! — крикнул старый вояка, поднялся на одно колено и нажал на гашетку, взмахнув лучеметом по узкой дуге.

Пятеро торчков, сверкая глазами, тоже поднялись и, заняв огневую позицию, ударили невидимыми лучами в самую гущу пронзительно воющих Киллеров.

Все закончилось меньше чем за минуту. Пятьдесят черных фигур рванулись вперед, потрясая «звездами». В следующую секунду они превратились в пятьдесят безголовых туловищ, споткнулись, сделали пару слепых шагов и рухнули вслед за отсеченными головами, будто стая сумасшедших индюков, пронесшихся прямо под лезвием огромного ножа.

Что-то нечленораздельно выкрикивая, Вандерлинг продолжал стрелять, кромсая дергающиеся тела, разрезая их на куски, пока они не превратились в бесформенную массу безликой окровавленной плоти.

Переведя дух, генерал наконец остановился. Теплая волна, словно он только что слез с бабы, наполнила его приятной ис-

томой. Перед ним высилась гротескная груда отрубленных рук, ног, голов, плавающих в роскошной луже сияющей крови. Две сотни бойцов Народной Армии изумленно стояли вокруг, потом ликуяще закричали.

Чуть дальше на поле темнела сумасшедшая свалка тел, превращенных в кровавую кашу, Киллеры и бандиты без разбору, соединенные напоследок океаном сворачивающейся крови. Там и тут чье-то тело — Киллера или бандита — дергалось, взвизгивало или стонало, быстро успокаиваясь под выстрелами зорко наблюдавших партизан.

Вандерлинг улыбнулся широкой удовлетворенной улыбкой, оглядывая дело своих рук. Еще один элементарный отстрел индюков! Киллеров в очередной раз «вдули», они теряли подобным образом тысячи человек по всей планете. Скоро, очень скоро им придется отступать, поджавши хвосты, стягиваться назад к Саду. Плешивый генерал захохотал. Скоро придет время настоящей охоты!

— Война — спорт для зрителей, — заметила София, с сомнением глядя на монитор. — Что бы такое предложить им? Жареный арахис, например? Или программу? Без программы хороших парней нельзя отличить от бяк...

На экране темной лентой ползла плотная колонна грузовиков, двигаясь через широкую равнину к линии горизонта. Грузовики, как банки шпротами, набиты Киллерами. Множество черных бойцов тащилось пешком, погоняя мясных Животных и пленных, — гигантский конвой, держащий путь на восток, к Саду. Фрейден кругами вел шлюпку над этим огромным скопищем людей и машин, держась на безопасном расстоянии от ружейного огня.

— Ты вовсе *не обязана* была лететь, — проворчал Барт, прекрасно понимая, что плетет чушь. София вряд ли вынесла бы долгое одиночество в партизанском биваке, — да, впрочем, и где угодно! — если Барта не было рядом с ней. Фрейден и сам в тайне желал, чтобы подруга всегда находилась где-нибудь поблизости. Особенно в момент столь долгожданного триумфа!

— Не пропущу шикарное зрелище ни за что на свете, — проговорила София сухо. — Пусть даже буду теперь напоминать стервозину, которая сует нос в дела мужа. Как граф Дракула, толкующий о бессмертии своему строптивому потомству. «Семья, которая вместе молится, держится вместе».

Фрейден издал придушенный возглас, нечто среднее между смехом и стоном.

— У меня подозрение, что в словах твоих есть доля истины.

— С тобой тоже не все чисто! — огрызнулась София. — Эта планета, похоже, в каждом выявляет трансваальскую кровь. Дятел... Тьфу! Не хочу даже вспоминать о нем, мы только что поели... Значит, ты решил обменять жизни своих партизан на трупы Киллеров? Как если бы они были стеклянными шариками — шесть зеленых за черный. Что ж, понаблюдаем за... как ты это назвал, Долгое Отступление? В последнее время у тебя появилась отвратительная склонность подчеркивать прописные буквы.

— Просто мимолетная аллюзия на великий Чикомский марш к Юнану в одной из тех бесконечных войн двадцатого столетия, — лукаво откликнулся Барт. — Обстоятельства в чем-то схожи.

Он ткнул пальцем в экран. Дорога вилась по равнине, огибая холмы, через поросшие джунглями участки, и была черна от марширующих войск и пылящих грузовиков — фактически от горизонта до горизонта. Далеко к западу над джунглями повисли густые клубы дыма — там на конвой напал один из бесчисленных отрядов партизан. Для Киллеров это и в самом деле стало Долгим Отступлением, гораздо более долгим, чем то, к которому они готовились...

— Вот оно, Соф, — гордо заявил Барт. — Плоды почти года работы на этой вшивой Кучедерма! Каждый Киллер тащится, поджав хвост, в одной большой колонне к Саду. Как пить дать, сделано достаточно, чтобы отправить теперь Моро ультиматум. Мы должны были разрушить больше ста поместий, уничтожить целую армаду черных бестий, прежде чем до его ожиревших мозгов наконец дошло, что, если он попытается держать Киллеров разрозненными отрядами, через несколько месяцев у него не останется ни одного бойца. И вот мы имеем — Долгое Отступление.

Несмотря на то, что подобное признание внушало некоторое беспокойство, Фрейден особо не тешил себя иллюзиями: отступление спланировано более искусно, чем ожидалось. Моро пошел на очевидный риск и выслал большую колонну подкрепления — пятнадцать сотен волкодавов и тысячу грузовиков. Отправив их из Сада по округе, Пророк оказался в действительности достаточно сообразительным, чтобы вывезти солдат в обратном порядке. То есть колонна подбирала сначала тех, кто окопался поближе к Саду. По мере продвижения в глубь захваченной партизанами территории, экспедиция наращивала мощь от крепости к крепости, так что к тому времени, как конвой достиг наиболее изолированных и удаленных мест, он превратился в колоссальную силу примерно в восемь тысяч человек, до зубов вооруженных, хорошо моторизированных и неодолимых в открытом бою.

Что и говорить, предприятие рисковое! Фактически, большинству Киллеров пришлось проделать весь долгий поход дважды: один раз из Сада в глубь страны и потом — назад. Но Моро понимал — игра стоит свеч. Размеры и мощь подвижного соединения позволили прихватить с собой на обратном пути огромное количество зерна, мясных Животных и пленных — Пророку нужна была провизия, если вдруг случится сидеть в долгой осаде.

Колонна уже неделю упорно двигалась к столице Сангрии. Доблестный генерал Дятел был в состоянии ухлопать, устраивая десятки засад, не больше пятисот Киллеров. У старого вояки просто не было возможности начать массированную, ломающую всякое сопротивление атаку. Но теперь, когда колонна приближалась к Саду, оставался один-единственный шанс разгромить огромный конвой, предупредив сомнительную осаду города.

Фрейден увеличил скорость и повел шлюпку прямо на восток. Вскоре стали видны окраины Сада. В этом месте, прежде чем выскочить на открытую равнину, дорога проходила по длинному неглубокому каньону меж двух горных кряжей. На протяжении всей трассы это единственный участок, пригодный для настоящей крупной засады.

Фрейден опустилс я чуть ниже, перевел шлюпку в режим планерного скольжения.

— Посмотри-ка вниз, Соф. — Барт указал на серые, невысокие кряжи. Незаметные со стороны дороги, дальние склоны гор были черны от множества людей. Шесть тысяч на каждой стороне каньона, двенадцать тысяч регулярного войска, больше половины всей Народной Армии. Чтобы достичь города, колонна врагов неминуемо должна пробиться сквозь тянущийся вдоль дороги двойной строй партизан — для грузовиков иного пути нет. Ловушка по всем параметрам выходила смертельной.

Барт кружил и кружил над каньоном, взвешивая свои шансы и шансы противника. Время шло. И тут Барт почувствовал, как былая уверенность в победе потихоньку испаряется. Черт возьми, западня выглядела *слишком* уж идеальной! Киллеры *должны были* это предвидеть! Что они смогут тогда предпринять?..

— Смотри! — крикнул он вдруг. — Идут!

Цепочка грузовиков и пехоты вынырнула из путаницы густого леса на западном краю долины и двигалась по дороге точно в челюсть капкана. Тонкая, уязвимая цепь, медленно ползущая через долину: половина пути, три четверти... План Вильяма заключался в том, чтобы позволить передовым частям врага достичь восточного устья каньона, а потом захлоп-

нуть мышеловку, заставив основной корпус конвоя пробивать себе путь сквозь шквал. Массовой неразберихи и паники черным шакалам не избежать...

Фрейдена продолжала грызть подлая мыслишка: «Что-то не так!» Цепь грузовиков и пехотинцев уж больно чахлая... Жалкая горстка от огромного войска!

Внезапно внутренние склоны теснины покрылись партизанами — две сплошные волны людей, сходящиеся ко дну каньона. Склоны расцвели тысячами крошечными огоньками и клубами дыма. Киллеры на дороге закувыркались под градом свинца, грузовики охватило пламя.

В соответствии с планом, Вильям остановил свой отряд с левой стороны трассы. Бойцы обдолбанного «полковника» Гомеца, продвигавшиеся более криво и беспорядочно, остановились справа примерно на таком же расстоянии. Партизаны образовали две длинные параллельные линии огня вдоль всего пути.

У противника не нашлось времени даже на одну слабую атаку. За считанные секунды их буквально сплющили два свинцовых кулака. Строй черных солдат сломался, уцелевшие грузовики тормознулись, и... Фрейден чуть не откусил себе язык. Где же остальные? Почему больше никто не претя в каньон? Партизаны на склонах тоже, наверное, маленько растерялись, поскольку прекратили пальбу.

— Ой, нет! — заорал Фрейден. До него наконец дошло, что намереваются сделать Киллеры. Но было, к сожалению, слишком поздно.

Послышался ужасающий рев, рев столь громкий, что Фрейден почувал его даже сквозь корпус шлюпки. Плотная стена черной пехоты выкатилась из чащи на западном краю каньона. Мощный широкий фронт. Стена Киллеров вломилась в долину, заполнила все ее ложе, поднявшись по обоим склонам вплоть до линии хребтов. Эффект такой, словно ударил громадный поршень. Обзор заслонила волна черных мундиров.

Фрейден грязно выругался. Вот та заноза, сидевшая в башке! Киллеры полностью раскусили тактику Вильяма. Они послали на съедение лишь малую часть колонны, чтобы мышеловка сработала, чтоб партизаны выдали себя и раскрылись. Основные же силы, примерно восемь тысяч человек, они немного попридержали сзади. А потом швырнули орду пехотинцев широким фронтом в долину. Враг оказался теперь сбоку от партизан, топчущихся, как стадо баранов, на открытом пространстве. Грузовики противника, полные драгоценных припасов, спокойно рулили под надежным прикрытием летящей в атаку пехоты.

— Отступай, идиот, отступай! — вопил очумело Фрейден.

Киллеры фактически получили неоспоримое преимущество: они врезались в хлипкие ряды партизан мощным фланговым фронтом, смяли строй в безобразное месиво, обошли партизан, охватили с обеих сторон — несущийся по долине огромный, плотно сжатый кулак смерти.

Справа солдаты Гомеца обратились в беспорядочное бегство, отчаянно карабкаясь вверх. Людей вел уже не разум, а инстинкт: «Жить, жить, жить!» Сангриане метались по склону, как тараканы в луче яркого света. Падали, поднимались, бежали в другую сторону. И неизбежно натыкались на беспощадные фигуры в черных мундирах. Киллеры методично рубили «звездами» трепыхающихся, ошалевших Животных. Мало кому удалось перевалить через гребень, ускользнуть от разящей со всех сторон стали.

На левом фланге Вандерлинг каким-то образом исхитрился восстановить некое подобие порядка. Его отряд бежал прямо по долине чуть впереди Киллеров — растянутая тонкая ниточка перед широким фронтом черных убийц. Партизаны неслись, как зайцы от своры гончих, только пятки сверкали. Так что Киллеры не сумели их догнать.

Вильям спасал своих людей. Партизаны, очертя голову, вырвались на открытую равнину, обогнули край хребта и по собственным же следам подрапали к следующей теснине, к восточному краю джунглей, к спасению. Киллеры сыпанули из ущелья на несколько секунд позже, чуть не сцапав беглецов. Фрейден затаил дыхание. Продолжат ли псы преследование или...

Но Киллеры на этот раз действовали наверняка, усмирив в себе жажду крови. Они рассредоточились по обеим сторонам от выхода из ущелья и застыли на месте, пока нескончаемый поток грузовиков катил мимо разделенного теперь надвое фронта и дальше через равнину, к Саду.

Когда последний транспорт миновал каньон, Киллеры образовали плотный широкий заслон, прикрывая тылы, и вся колонна быстрым маршем покинула поле боя.

Фрейден в тупом молчании вел шлюпку над долиной, усеянной трупами — по большей части партизан. Потом набрал высоту и взял курс на запад, назад, к партизанскому лагерю.

Какая пакость! Около двух тысяч покойников — за руль собачий! Противник с громадным грузом припасов, посвистывая и напевая, спокойно подруливает сейчас к месту назначения! Вот это облом!

— Ты не можешь все время их побеждать... — подала голос София, чтоб хоть немного развеять гнетущую тишину.

Барт фыркнул.

— Мы вляпались, — проговорил он угрюмо. — Здорово вляпались. Теперь предстоит долгая осада. У Братьев достаточно людей, чтобы сделать чертов Дворец неприступным. И жратву им доставили из-за нашего ротозейства... Игра на выживание... Господи, кто захочет играть на выживание? Сумеем ли мы их пересидеть, с толпой кровожадных сангриан и долбанутых торчков на шее?

«Черт возьми, пять недель! — ворчал про себя Барт, вылезая из хижины, чтоб пройти по лагерю, размяться, задушить паскудные мысли, — Пять недель беспросветного ожидания!»

Моро разыгрывал партию хладнокровно. У него во Дворце восемь тысяч головорезов, и с гарнизоном крепость неприступна. К тому же у Пророка вдоволь мясных Животных, хватит на прокорм паре тысяч выживших. А потом, эта кутерьма в Саде...

Жирная сволочь Моро устроил в городе настоящую партизанщину. Он не собирался удерживать жилые районы. Зачем ему расходовать силы? Все, что нужно от Сада, — сами горожане. Прекрасная закуска для острозубых псов! Время от времени Киллеры выползали в город, хватали первых попавшихся олухов и снова запирались во Дворце, не показывая оттуда носа. Поэтому штурмовать Сад не было никакого резона — город стал ночным кошмаром, вместилищем одичавших кретинов, заповедником каннибалов, где единственный закон — право сильного, а единственная гарантия безопасности — оружие. После того как обычный приток мертвечины из Дворца прекратился, садьянам пришлось пополнять Общественную Кладовую собственными согражданами: стариками, больными, слабыми — всеми, кого им удавалось сцапать. Партизаны и Киллеры одинаково могли бродить по городу вооруженными отрядами, но о контроле над этой зловонной ямой и помыслить было страшно. Не велика радость поселиться в склепе с голодными крысами! И противники упрямо держались тактики выживания...

Фрейден выжидал, пока у Братства иссякнут запасы продовольствия. Озирая свой базовый лагерь, Барт очень хорошо понимал, чего ждет Пророк Боли. Моро, конечно, не так далеко ушел по развитию от горицеллы, но народ Сангрии он успел изучить великолепно. Фрейден бродил по лагерю и лицезрел скопище бездельников, лениво шатающихся повсюду, спящих, болтающих, небрежно чистящих оружие. Над биваком висела угрюмая тягостная атмосфера: лагерь, наполненный скучающи-

ми подонками, армия, изголодавшаяся по действию, войско, сдерживаемое главным образом обещаниями и угрозой силы. Да, Моро хорошо знал своих сангриан!

Деревенщина Сангрии пока еще была с Бартом. Там за него стояли горой — ведь он Освободитель, Герой, он изгнал из страны Киллеров, подарил зрелища, правда, с хлебом вышла промашка. Они будут стоять на его стороне до конца — у них нет другого выхода. Барт помог им на первых порах устроить некое подобие сельского хозяйства; передумил остатки банд, грабивших все, что попадалось под руку.

Но Народная Армия — совсем другой переpleс. Им не с кем сражаться, хотя оружия завались. Рядом нет Киллеров, которые начистили бы скачущим раздолбам рыло. Ребята могут запросто податься в разбойники! Игра Моро элементарна. Если Пророк продержится достаточно долго, Народная Армия непременно поднимет мятеж, прикончит незадачливых пришельцев, выродится в дюжины разрозненных банд, в лишенную предводителя орду. И вот тогда восемь тысяч злобных псов в черной форме станут действительно реальной силой. Пророк сможет, не напрягаясь и ковыряя в носу, методично вычистить район за районом, уничтожая взбесившихся Животных.

Расклад предельно ясен: пока существует Братство, Барт не в силах распустить основной корпус Армии, оставив небольшую часть как полицейскую силу. Если б только существовал какой-то способ накрыть Дворец... Массированная атака в сочетании с всеобщим восстанием в Саде? Бунт в городе вызвать легко, но как сфокусировать гнев толпы именно на Дворце? Мятеж ведь запросто выльется в дикую оргию грабежей и массового трупоедства!

Да, муки сродни танталовым. До победы оставался только шаг, но... Это чертово «но»! «Разрушь Дворец, — думал Фрейден, — и ты сможешь распустить большую часть армии, сократить ее до размеров легко управляемой».

Добровольцы сдали бы оружие Тыквам, получив приказ под дулом снайгана. Страх перед киллероподобными торчками с жутким инопланетным оружием стал теперь единственным стимулом, что удерживал бойцов в строю.

Фрейден скривился. Еще одна мерзость! Недавно он позволил Вильяму посадить на дурь еще пятьсот олухов. Пара сотен снайганов циркулировала среди Тыкв, создавая впечатление, будто все они имеют смертоносное оружие. Деревенщина глупо верила простенькому приемчику и в страхе тряслась перед наркотами и Большим Ножом. Бедолаги и не ведали, что Тыквы преданы Революции до тех пор, пока есть герой.

Нет, они преданы Вильяму, вот что паршиво!

Убогие мыслишки Дятла разгадать ничего не стоит. Само собой, пятьсот новых ублюдков нужны для того, чтоб держать армию в узде. Но Барт не без причины был уверен, что у Вильяма в башке бродят и другие идеи относительно того, как можно использовать героинщиков. Ох, Дятел, Дятел... Ты, плешивая обезьяна, не видишь дальше своего носа! Ведь это же детская забава — повернуть против тебя всю планету. Пусть себе поинтригует! Он безвреден, а это мешает ему болтаться под ногами!

Ну, вот, как помянешь бестию — она тут как тут. Действительно, появился Вильям собственной персоной, выглядящий так же счастливо, как бультерьер с зубной болью. «Что он приготовил на этот раз?» — хмуро подивился Фрейден.

— Стряслось самое ужасное, — вздохнул Барт. — Накрылись генераторы энергии на всех снипганах. Армия мрет от бубонной чумы. Ты подцепил триппер.

— Хуже, — сурово проговорил Вандерлинг, покачивая головой. — Намного хуже.

— Ну? Послушаем счастливые новости. Думаю, все худшее уже случилось.

— Нет! — буркнул старый вояка. — Я только что вернулся с корабля. Брал запас героина на следующие шесть недель. Как ты думаешь, сколько дури у нас осталось? Давай угадывай.

— Какого дьявола я должен угадывать? — вспыхнул Фрейден. — Ты следи за этим. Я сейчас не в настроении развлекаться шарадами!

— Nada¹, — процедил Вандерлинг. — Все подчистую. Пятьсот свеженьких Тыкв нужно держать обдолбанными практически постоянно... Сечешь? У нас полно проклятого омнидрина, чтобы заторчало стадо слонов. И, как назло, ни одного пакетика с героином. Когда этот шестинедельный запас иссякнет...

Он чиркнул пальцем по горлу.

Фрейден содрогнулся. Когда героин закончится, у шайки обломанных шизоидов окончательно съедет крыша! После них Киллеры покажутся Ребеккой с фермы «Счастливый ручей»! Поганые торчки станут резать все, что только движется, пока не свалятся с ног. А если уж Тыквы взбунтуются, то партизаны, возможно... бр-р-р!

— Ну, гений, соизволишь вытащить кролика из шляпы? — осведомился Вандерлинг, отчасти угрюмо, отчасти просяще. — Лучше бы поскорее.

¹ Ничто, ноль (исп.).

— У меня на мозгах и так мозоли, — пробормотал Фрейден. — Будь уверен, я работаю! Конечно... можно действовать наверняка и избавиться от героинщиков прямо сейчас. Дать им удвоенную дозу — и привет...

Глаза Вандерлинга сузились. Фрейден легко прочитал мысли вояки: Дятел не намерен отказываться от своего воображаемого туза в рукаве.

— И что потом? — прохрипел генерал. — Как управляться с голытьбой без Тыкв?

Реального ответа на этот вопрос не было. Опять лимит времени, которого Барт подсознательно страшился! «Уничтожь Братство и Киллеров в ближайшие шесть недель, или ты погиб, мальчик!» Но даже если уничтожить Киллеров, что тогда? Героин все равно закончится, Тыквы все равно взбесятся, армия все равно...

Но... *Но зачем уничтожать Киллеров?* Зачем, *Брат Барт?* Черных псов специально вырастили, чтобы они делали «стойку» на балахон Брата. И если Братство исчезнет, «Брат Барт» станет главным претендентом на трон. Вполне можно устроить все так, чтобы унаследовать единственную, реально боееспособную армию — Киллеров... и они принесут свою пользу. Но сначала должно погибнуть Братство. Как разорвать порочный круг?..

— Ну, Барт, — бросил Вандерлинг, вторгаясь в мечты Фрейдена. — Похоже, что-то закрутилось в твоей черепушке?

— А... Пока ничего, Вильям. Так... витаю в облаках. Но я что-нибудь придумаю, не беспокойся. Обязательно придумаю, Вильям.

— Я тоже, — проговорил лысый солдафон холодно. Сама интонация генеральских слов бросила Барта в дрожь. Он почти ощутил лезвие приставленного к горлу ножа.

— Не перенапрягай мозги, Вильям, — буркнул он. — Умственное напряжение вредно для здоровья. Известно даже, что в особых случаях оно приводит к летальному исходу.

Глава 12

«Осталось шесть недель до полного финиша, — размышлял Вандерлинг, шагая к своей хижине. — У сынка мамыши Вандерлинг в запасе шесть недель, чтобы взобраться на вершину, или...

Да, Барт все чертовски здорово раскусил! У меня свихнувшиеся торчки под полкой — по крайней мере, на ближайшие шесть недель, — а все остальные Животные на жалкой Кучедерма

верны Барту. Если, конечно, здесь подходит слово «верны». Впрочем, сангриане стопроцентно встанут на сторону Барта, если игра пойдет в открытую. А у меня останутся только Тыквы. Барт опять все точно рассчитал. Он держит меня за кретина. И я делаю для него всю грязную работу и играю вторую скрипку при Наполеоне Фрейдене».

Да, Барт почти все раскусил. *Почти...* Вот только кое-что укрылось от зоркого глаза Президента. Поэтому унывать еще рано. Бой не закончен!

Вандерлинг вошел в хижину. В углу сидел скрученный Киллер, бдительно охраняемый Гомецом. Судя по нашивкам, Киллер был майором — чертовски высокое начальство в иерархии Братства. Две недели назад, предвидя обострение ситуации, Вандерлинг втайне приказал наиболее испытанным Тыквам добыть для него одного живого офицера-Киллера. Он ожидал заполучить лейтенанта, может быть, капитана, но Киллеры уже выскребали дно своей бочки, и после долгих месяцев изнурительных боев пирамида офицерского корпуса сильно перевешивала в верхней части. При теперешнем положении дел в Саде — патрули Киллеров, агенты Фрейдена, патрули Народной Армии, голодные каннибалы и кучи умалишенных — небольшому взводу Гомеца не составило особого труда сцапать подходящего Киллера; это было просто делом готовности принести в жертву несколько бойцов.

Что ж, пришло время для конкретных действий! Вандерлинг осмотрел крепко связанного Киллера с кляпом во рту. Парень еще не догадывается, как ему повезло.

— Отлично, Гомец, — бросил Вандерлинг. — Я хочу остаться один с этим подонком. Усади-ка его на стул и исчезни. Я позову, когда потребуется.

Гомец поступил как было велено, но проделал это в угрюмом молчании. «Вот ведь скотство! — фыркнул про себя генерал. — Когда я пытаюсь уменьшить дозу героина, они становятся слишком раздражительными. Теряют доверие даже ко мне. Ладно, какого черта...»

Он полез в солдатский сундучок, вытащил склянку с героином, вытряхнул оттуда две голубые таблетки. Гомец жадно, почти угрожающе уставился на них.

— На, полковник, — Вандерлинг кинул таблетки в растопыренную пятерню Гомеца, — оттянись. Но прежде чем отрубиться, слетай за Джонсоном и поставь его на часах снаружи.

— Да, сэр, — хрюкнул Гомец и удалился, в предвкушении перекатывая пилюли на ладони. С морды торчка исчезла даже тень

подозрительности. Вандерлинг рассмеялся. «Наслаждайся, пока можешь, брат! Не долго тебе осталось...»

Генерал уселся за столом напротив Киллера. Осторожно протянув руку, он вытащил кляп, быстрым движением отдернув кисть, — и острые зубы Киллера клацнули, хапнув пустоту в том месте, где секундой раньше была рука Вильяма. Этого и следовало ожидать.

— Эй, придурок! — усмехнулся Вандерлинг. — Лучше поостынь! Ты и я станем друзьями. Я многое могу для тебя сделать, и ты тоже кое-что для меня сделаешь.

Киллер холодно взглянул на генерала.

— Если желаешь, я могу сделать для тебя одну вещь, Животное, — заметил он сухо. — Освободи меня, и я обещаю тебе быструю, почетную смерть в бою один на один. Смерть Киллера. Зачем рисковать умереть как Животное? До Дня Боли осталось только две недели, и все Животные, взятые в плен за это время, умрут на Зрелище Боли — смерть, в которой нет никакой чести. Освободи меня сейчас — и умрешь с честью, слово офицера Пророка.

Вандерлинг добродушно захихикал.

— Разыграй свои карты правильно, парень. И получишь свободу. Я лично сторгую для тебя у твоего босса славное повышение. Только давай не будем друг друга страшать.

Киллер молчал, озадаченный. Вандерлинг ухмыльнулся. «*Этого ты не ожидал, а?* Не беспокойся, у тебя будет большая компания очень скоро. Уйму народа ожидают кое-какие сюрпризы».

— У меня есть для тебя работенка, — продолжил вояка. — Ты передашь сообщение для Моро. Скажешь ему, что маршал Вандерлинг заинтересован в том, чтобы поговорить начистоту. У нас имеется одно общее дельце. Скажешь ему, что я встречу с ним в полночь через пять дней в... посмотрим-ка... Да! В Общественной Кладовой Сада. И никаких фокусов — я возьму с собой пятерых бойцов со снайпганами, а еще нескольких поставлю охранять тылы. Мне нужны честные переговоры, и никаких трюков!

— Безумец! — гавкнул Киллер, глаза его гневно вспыхнули. — Думать, что Пророк настолько глуп, чтобы попасть в ловушку! Думать, я был бы настолько глуп, чтобы отнести подобное послание! Меня бы отправили на стадион умирать в День Боли! Животное! Идиот! — Казалось, Киллер на грани припадка бешенства; зенки у него закатились, челюсти конвульсивно задержались.

Вандерлинг охладил его тяжелой оплеухой.

— Заткнись и слушай! — прорычал он. — Это не ловушка, все честно. Но в твоих словах есть резон... Хорошо, сделка так

сделка, безопасность для всех заинтересованных сторон. Моро придет на встречу одного из Братьев. Его могут сопровождать трое Киллеров, в виде охраны от сумасшедших сациан. Но не больше. Брат принесет с собой радио, понимаешь, и я переговорю с Моро. Он останется в безопасности во Дворце и ничего не потеряет от разговора.

Майор разрывался, казалось, между презрением и любопытством. Зрачки его то загорались ненавистью, то сужались в раздумье.

— С какой стати Моро даст мне аудиенцию? — ворчал он. — С какой стати мне нести твое послание и подвергать себя риску умереть как Животное? С какой стати Пророку иметь с тобой дело, даже если я передам ему твое смехотворное сообщение? С какой...

— Потому что у тебя будет *это*, — оборвал Вандерлинг, засунул руку в карман и достал маленький полибаг с омнидрином. — Поверь мне, ты получишь аудиенцию у Большой Шишки *tuu pronto*¹. Расскажешь ему, где это взял, и сообщишь, что маршал Вандерлинг может снабдить его целым кораблем такого товара. Гарантирую, он заинтересуется. А когда сделка состоится, ты будешь произведен в полковники... Какого черта, я могу позволить себе быть щедрым! Пусть это станет частью моей цены: чин полковника для тебя. Ну как?

— Что в пакете? — резко спросил Киллер.

— Ты знаешь, какой товар сбывал Брат Барт? Товар, из-за которого парни вашего Братства свихнулись окончательно, стараясь запытать Животных до сумасшествия и потом обескровить их? Товар, по которому они сохнут? Ну так это он и есть — омнидрин. Я предлагаю Моро горы омнидрины, в обмен на... определенные условия.

Глаза Киллера засветились, на этот раз не гневом, а надеждой. «Да, он в курсе, для чего нужен омнидрин, все в порядке, — подумал Вандерлинг. — Кто не хочет жить? И быть полковником? Но подонок все еще колеблется! Ладно, прижмем его!»

— Решающий довод, — сообщил он просто, — если ты откажешься, я не стану тебя казнить, а приволоку в ближайшую деревню и выдам Животным. Знаешь, что они делают с Киллерами? Ребятишки весьма голодны сейчас... Не особо почетная смерть, правда?

Губы офицера скривились, он побледнел. Даже Киллер не так безразличен к перспективе быть зажаренным живьем и съеденным.

— Хорошо, — с трудом проговорил майор. — У меня нет почетного выбора. Я передам твое послание Пророку.

¹ Очень быстро (*исп.*).

Вандерлинг запихнул полибаг Киллеру в нагрудный карман. «Да, мужики! Старина Барт все рассчитал очень хорошо! Но не учел одной возможности. Оборванцы за Барта и против меня до конца — то есть до тех пор, пока начальник жив». Но если Барт убит, и убит при этом Братством... Что ж, единственным кандидатом на пост Президента Свободной Республики и Великого Верховного Деляги остается искренне ваш Вильям Вандерлинг.

«Когда Барт умрет, — какой славный мученик из него выйдет! — а Народная Армия и все остальные Животные будут на моей стороне, я избавлюсь от Тыков, прежде чем закончится героин, и по-прежнему буду контролировать планету. Весь прикол в том, что подобным образом можно избавиться и от Моро, стать единоличным владельцем паршивой Кучидерма. Две несговорчивые птички, убитые одним камнем, — фактически они сами перебьют друг друга!

Заманчиво, черт возьми, короноваться в качестве нового Пророка Боли. Почему бы и нет? У Моро налажен прелестный порядок, исправно работающий, — делай что хочешь, убивай кого хочешь, ешь что хочешь, и вся проклятая планета будет при этом сидеть на карачках, потому что ты — их маленький жестяной божок. Зачем впустую гонять бодягу, заигрывая с остолопами на манер Барта? Почему бы не залепить в открытую: я здесь босс, и каждый, кто косо на меня посмотрит, отправится в путешествие в одну сторону, на Арену! Кроме того, существует клевая оправа: Брат Вильям, Пророк Боли и Лорд Верховный Набоб Сангрии! Да, высший класс!»

Вандерлинг просунул голову в дверь и кликнул Джонсона.

— Отведи эту птаху к окраинам Сада и отпусти, — распорядился он.

Джонсон недоверчиво моргнул запавшими, налитыми кровью глазками.

— Да-да, я знаю, что это звучит идиотски, — раздраженно пояснил Вандерлинг. — Но не напрягай мозги! У меня есть чудесный планчик на этот счет — окончательная победа на Дне Боли. Тебя ждет двойная доза героина по возвращении, так что пошевеливайся!

В полутьме Вандерлинг вел своих людей по почти безлюдным улицам Сада. В районах, где обитали Животные, не было электрического освещения; на узкие грязные улицы струилось лишь слабое мерцание звезд с безоблачного неба, да вспыхивал

иногда лохматым оранжевым комом огонь в чем-нибудь очаге, пробившись сквозь распахнутую дверь кособокой лачуги.

Вандерлинг заметил, как трое полуобнаженных сангриан крадутся за отрядом по противоположной стороне темной улицы, еще четверо — примерно в двадцати ярдах позади. Генерал поднял снайпан так, чтобы на ствол упал яркий блик пламени из ближайшей хибары. Доходяги в момент сообразили, что предполагаемая добыча — солдаты с оружием и вместо плотного ужина можно схлопотать пулю в лоб. Каннибалы резво нырнули в боковые улочки и исчезли.

«Да, — ухмыльнулся генерал, — у них пока хватает ума оставить в покое вооруженных людей». Ребята с пушками, наверное, единственные существа в городе, кто не собирался играть по правилам. Вот почему улицы столь пустынно по ночам. Каждый, кто рыскал во тьме в поисках поживы, сам рисковал закончить свои дни на обеденном столе какой-нибудь голодающей семьи. Там, где мужик еще не сожрал свою жену и потомство, как уже сделали многие.

Подыхали они от голода или нет, но несколько «советов Мистера Снайпана» научили их обходить партизан стороной. К этому времени каждый болван знал: нападая на партизана, сам окажешься в Общественной Кладовой.

Отряд топал по безмолвным улицам, и стук сапог отдавался резким эхом от грязных стен вжавшихся в землю домов. «Собаки отлично жрут собак, или Животные — Животных», — решил Вандерлинг. Единственное место, где они не тянут друг к другу свои вонючие лапы, — Общественная Кладовая. Каждого, кто умирал — с посторонней помощью или без, — сбрасывали в Кладовую, и только это спасало местных чурок от полного истощения. Из чувства самосохранения они убивали каждого, кто пытался что-либо предпринять в Кладовой. Так что эта помойка вплотную приближалась по своему значению к Святилищу и тем самым логически становилась самым подходящим местом для милой дружеской беседы.

Вандерлинг свернул за угол, и перед ними замаячило огромное, грязное, похожее на большой сарай здание. Единственная дверь широко распахнута. В дрожащем багровом свете вырисовывались смутные фигуры сандиан, толкавшихся внутри. Вандерлинг слышал приглушенные звуки пилы, глухих ударов, пронзительные голоса торгующих людей — шум Общественной Кладовой.

Генерал собрал вокруг себя бойцов — Джонсон, Гомец и еще трое Тыкв.

— Эй, Гомец, — приказал вояка. — Ступай внутрь и позыркай по сторонам! Теперь слушайте, парни. Когда войдем, держите пасти на замке. Все это только трюк, чтобы прикончить Братьев. Мне придется рассказать им весьма странную историю. Кое-что из этого вам не понравится. Помните, все это — чтобы надуть Моро. Давай, Гомец, пошел!

Они ожидали на противоположной стороне улицы, пока Гомец мотался в Кладовую. На мгновение голоса внутри, казалось, смолкли, потом торг возобновился. Через несколько прошедших в напряжении минут Гомец появился в дверях и потрусил назад через заваленную отбросами улицу.

— Ну? — выдохнул Вандерлинг.

— Брат, трое те-Киллеры, пара дюжин Животных, — отпартовал Гомец.

— Неплохо, — кивнул Вандерлинг. — Идем туда. Гомец, возьми двух парней и очисти помещение от Животных. Потом вы с Джонсоном прикроете меня, пока я буду вести переговоры с Братом. Держите снайпганы наготове и не спускайте глаз с Киллеров. Остальные посторожат у дверей — здесь только один вход. Если увидите, что снаружи что-нибудь затевается, крикните. Теперь идем!

Гомец и двое Тыкв пересекли улицу, вошли в Общественную Кладовую. Вандерлинг услышал хриплые приказы, крики протеста, склочное бормотание, опять приказы, на тон выше. Потом по двое, по трое из Кладовой стали вываливаться угрюмые изможденные люди, жадно сжимающие куски сырого мяса. Бросая по сторонам подозрительные взгляды — на Вандерлинга, своих соседей, на призрачные тени, прыгающие на темных мрачных улицах, — доходяги один за другим расползлись в узкие проходы и аллеи, закиданные гнилыми потрохами и расщепленными белыми костями.

Вандерлинг дождался, пока Гомец появится в дверях и даст сигнал отбоя. Животным совершенно незачем видеть маршала Вильяма Вандерлинга, своего будущего Президента, заговаривающим зубы Брату.

Кладовой служила одна огромная зловонная комната, освещенная факелами на деревянных стенах, чуть ниже погруженного во мрак потолка. У дальней стены дыбится огромная груда человеческих трупов. Серых, нагих, покрытых шрамами; мужчин, старух, детей; конечности и туловища невообразимо переплелись, будто застыв в какой-то немислимой омерзительной оргии.

Тяжелые, грубо сколоченные столы тут и там расставлены на каменном полу. И везде, везде — трупы. Одним уже отрубили

конечности, другие пока не тронуты. Картинка, конечно, впечатляла! То ли анатомический театр, то ли морг, то ли лавка мясника. Повсюду омерзительные кучи скользких внутренностей, отрезанных голов, отломанных пальцев. Тусклыми рыбинами лежат огромные ножи и секачи. Столы, пол, даже стены чуть ли не до потолка заляпаны темно-коричневыми пятнами, покрыты толстой коркой засохшей крови.

И посреди этой выставки гастрономической шизофрении восседают четыре зловещие фигуры. Рядом с ними на каменном полу валяется скрюченное тело. С ближайшего стола топорливо смыта свежая кровь, оставившая темное липкое пятно на иссеченной крышке. Здесь примостился маленький радиопередатчик, нелепо соседствующий с окровавленным мясничьим ножом.

Вандерлинг подошел к столу; Джонсон и Гомец, со снипганами наготове, держались на шаг позади. Генерал увидел, что трое из ожидавших — Киллеры; они подобрались, как пантеры перед прыжком. Четвертый одет в черную рясу. В неверном свете факелов Вандерлинг разглядел глубокие морщины и складки на исхудавшем лице — вид старого слона у человека, давно забывшего вкус свежей капусты. Маленькие голубые глазки метались, как у фазана в силке. Брат, кто бы он там ни был, явно в плохой форме... и здорово напуган.

Вандерлинг оглядел гору трупов, отвратительную расчлененку, секач, влажно поблескивающий на столе перед Братом. И засмеялся. Вот уж занесло! Не самое неудачное место, чтобы поделить планету. Он уселся на кривой табурет лицом к Брату. Гомец и Джонсон встали по обе стороны от генерала.

— Я фельдмаршал Вильям Вандерлинг, Главнокомандующий Народной Армией Свободной Республики Сангрия, — представился Вильям с комичным апломбом.

— Ты грязный главарь тупых Животных! — пронзительно взвизгнул Брат, и страх на его роже сменился отвращением. — Говори, зачем явился, и покончим с этим! Не выдвигай требований. Ты изложишь свое гнусное предложение, я передам его Пророку. И побыстрее! Вонь угнетает меня.

— Прикрой пасть, папа! — окрысился Вандерлинг. — Я устраиваю этот спектакль, а ты делай, что тебе велят, и будь паинькой. Или...

Он сделал небрежный жест, и Гомец с Джонсоном подняли снипганы, нацелив стволы на Брата и трех Киллеров. Киллеры оторвали было задницы от стульев, но потом плюхнулись обратно. Дешевое ухарство Брата бесследно испарилось, ког-

да он заглянул прямо в черные пасти наставленных на него снайпанов.

Вандерлинг осклабился.

— Теперь, когда мы утрясли формальности, ты, вероятно, вызовешь Толстяка по рации.

— Я...

— Шевелись! — проревел Вандерлинг. — У меня есть связь, и я спокойно могу добавить твою тушу к этим... — Он указал на груды тел у дальней стены.

Брат победнел и начал настраивать радио. Потрескивание, шипение, свист... потом, внезапно, громко и отчетливо, сквозь помехи, пробился густой вкрадчивый голос Моро:

— Ну, Брат Эндрю, недоносок объявился?

Вандерлинг сцапал радио и гаркнул в микрофон:

— Это говорит как раз тот самый недоносок, ты, Жиртрест! Может быть, оставим личности? Ты не нравишься мне, а я не нравлюсь тебе, но есть еще кое-кто, кого ни один из нас не может достать.

— Кто? — Голос Моро эхом разнесся по пустой, похожей на пещеру комнате.

— Брат Барт, — сказал Вандерлинг. — Барт Фрейден.

Наступило долгое зловещее молчание. Генералу очень хотелось, чтоб у рации появился видеозэкран. Физиономия Пророка сейчас стоила того, чтоб на нее посмотреть.

— Ну, Моро? — поторопил он — Что случилось? Язык проглотил?

— Ты изменник, пришелец, — прошипел Моро. — Подобно любому Животному, ты готов с радостью предать своих же. Очевидно, ты чего-то от меня хочешь, и точно так же очевидно, что ты-воображаешь, будто у тебя есть нечто, что ты можешь предложить мне взамен. Я жду.

— Нищим не к лицу кочевряжиться, а, Моро? — усмехнулся Вандерлинг. — Не рыпайся, ты приперт к стене. Это я тебя туда загнал, помнишь? А теперь слушай! Фрейден рассчитывает избавиться от меня, как только покончит с Братством. Что он, кстати, и сделает, если ты откажешься со мной работать. Ему не терпится заполучить планету в качестве своего домашнего манежика. Ну а я не то что Барт. Я, конечно, хочу львиную долю этой Кучидерма, но готов оставить тебе изрядную долю от праздничного пирога. Скажем, все в пределах радиуса в двести миль от Сада, плюс, может быть, регулярная квота рабов и мясных Животных.

— Ты ожидаешь, что я отдам тебе свою планету? — взревел Моро.

— Размажь это по земле и посмотри, что за цветочки вырастут, — процедил Вандерлинг. — У тебя больше нет планеты. И мы оба это знаем. Я предлагаю тебе в десять раз больше того, что ты имеешь. Если решил провести меня и отвоевать остальную часть — пожалуйста, попробуй. Давай устроим временное перемирие. Сначала избавимся от Фрейдена, а потом уж займемся личными делами. Ты следишь за мной?

— Я все еще слушаю, — ровно проговорил Моро. — Твой план?..

— Миленький и простой, старик, миленький и простой! Эта тусовка на Дне Боли, о которой я слышал? Что с ней?

— День Боли? Я с трудом понимаю, что общего День Боли имеет...

— Конечно, не понимаешь! — фыркнул генерал. — Тогда ты не слишком сообразителен. День Боли — что-то вроде национального праздника, верно? Будет какое-то представление на стадионе, зрелище, или что там?

— Великое Зрелище пыток в День Боли! — возбужденно проквакал Моро. — Величайший день в году — мастерский показ не менее тысячи существ, мучимых до смерти. По традиции десяти тысячам Животных позволено разделить с нами удовольствие. Этот день исполнен глубокого значения для всей Сангрии. Да... все мы предвкушаем День Боли, вопреки... вопреки неприятностям настоящего.

— Ну, прямо то, что прописал доктор! — закудахтал Вандерлинг. — Великолепно! Ты отправишь Фрейдену послание, скажешь ему, что готов сдаться на определенном условии: безопасно покинуть планету вместе с Братями. Затем...

— Никогда! — возопил Моро дурным голосом; Брат Эндрю и Киллеры чуть не оглохли. — Немыслимо! Мы никогда не сдадимся! Мы...

— Заткнись! — гавкнул Вандерлинг. — Ты предложишь сдаться, но будешь настаивать, чтоб из этого сделали большое бродвейское шоу. Ты капитулируешь публично, в День Боли, на стадионе. Фрейден должен быть там и принять капитуляцию лично. Тогда, загнав Фрейдена на стадион, мы...

— Понимаю, — тихо сказал Моро, и рожа Брата треснула в тусклой улыбке. — Но даже Животное вроде Фрейдена не может быть настолько тупым. Он не полезет в столь очевидную ловушку.

— Конечно нет, — невозмутимо согласился генерал. — Если только не будет уверен, что его заднице ничего не угрожает. Ты попросишь, в знак добрых намерений, пригнать пару тысяч

олухов для Зрелища Пыток. Барт воспользуется случаем и приведет вместо послушных овец две тысячи бойцов с оружием.

— Ты полагаешь, я позволю толпе вооруженных врагов войти на территорию Дворца! — вскричал Моро.

— Расслабься, папа! Номер один — у тебя вполне достаточно Киллеров. Переодень их в гражданку и набей верными псами стадион. В глаза не бросится, а тебе спокойнее... Номер два — ты общешься с гостями, прежде чем запустить внутрь. Я боевой офицер, вспомни. Я позабочусь, чтобы их оружие было незаряженным. Подумай хорошенько. Шесть-семь тысяч черных гиен против наших мальчиков... В любом случае Барт не сможет проташить винтовки; партизаны возьмут с собой только ножи. Ты боишься пары тысяч Животных с ножами? Барт не упустит случая, он игрок, и сочтет, что неожиданность на его стороне. Ты получишь Фрейдена и две тысячи оборванцев в качестве премии. Это элементарно, как грабли, Моро.

— Да; звучит соблазнительно... — пробормотал Пророк. — Но с какой стати я должен доверять тебе?

— Не просек? Я устрою все так, что тебе не придется мне доверять. Шесть тысяч волкодавов с винтовками и две тысячи партизан с ножами. К тому же я лично буду у тебя под рукой. Чего еще надо?

«Ты сейчас прикидываешь, жирная свинья, принять ли от меня подачку, — злорадствовал Вандерлинг. — Не обольщайся, парень...»

— Трудно доверять врагу, который почему-то вдруг доверился мне, — заметил Моро рассудительно.

— У меня нет выбора, — честно признался генерал. — Я избавлюсь от Фрейдена, или же Фрейден избавится от меня. Кроме того, имеется небольшая страховка... Или ты забыл о моем подарочке?

— Омнидрин! — пронзительно вякнул Моро. Старый вояка заметил, как глазки сидящего напротив него Брата Эндрю жадно вспыхнули. — Действительно, существует еще омнидрин? Я думал, это просто трюк, чтобы...

— Сотни фунтов товара, — отечески улыбнулся Вандерлинг. — Больше, чем ты можешь израсходовать за пять своих жизней. Это моя страховка. Ты не получишь ни унции до тех пор, пока Фрейден не подохнет, а я не окажусь в безопасности за пределами города. Теперь ты знаешь все. Что скажешь? По рукам?

После короткой паузы голос из рации ответил:

— Почему бы нет? Кажется, что ты... подумал обо всем. Мы совершим сделку, и потом... потом, возможно, будем иметь дело друг с другом...

— Прелестно, — чуть ли не пропел генерал. — Мы работаем вместе до Дня Боли. Пошевелись со своей стороны, а я... поработаю со своей. Конец связи.

Не удостоив обалдевшего Брата Эндрю даже словом, Вандерлинг кивнул своим бойцам и быстро двинулся к двери; Гомец и Джонсон тащились за ним, их рожи излучали предельный идиотизм. Вандерлинг закусил нижнюю губу, проходя мимо заваленных ошметками мяса столов, огибая лужи полузасохшей крови. Желудок конвульсивно задергался.

Пройдя чуть вперед по тихой мрачной улочке, генерал не выдержал и разразился громовым хохотом.

— Осел! — ревел он. — Ох, ну что за осел! Крючок, леска и омнидрин!

«Самодовольный кабан, наверное, возомнил, будто всех облапошил, не правда ли? Что за план — якшаться с врагом, пока Барту не наступит конец, потом прихватить меня и стругать потихоньку, чтоб заполучить омнидрин. И назад, к старым порядкам! Вот уж тупой Мешок-с-Салом!»

Неожиданно Вандерлинг почуял, как Тыквы пристально вперились в него и тихо перешептываются, неуверенно теребя снипганы.

— Заткнитесь, мальчики! — бросил генерал, все еще смеясь. — Вы не поняли план? Шесть тысяч Киллеров на стадионе, это неплохо! А теперь прикиньте, сколько останется ублюдков охранять стены Дворца? Гомец, в твоём распоряжении будет вся Народная Армия, чтобы обслужить День Боли по полной программе. Около двадцати тысяч бойцов. Пока большинство Киллеров разрезают рты на стадионе, ты штурмуешь главные ворота, скидываешь охрану, врываешься внутрь и...

— Убить те-Киллеры! — проорал Гомец. — Убить те-Братя! Убить Пророка!

— Так оно и будет! — подтвердил Вандерлинг. — Прибереги свои вопли для Дня Боли.

Конечно, оставалась одна маленькая гаденькая заковыка... Пока парни травят Киллеров, в суматохе необходимо позаботиться о Барте. Может, скинуть его Киллерам... Это сведет все концы, и порядок. Барт Фрейден, освободитель Сангрии, пал в последнем сражении. Слезы народа и цветы! Президент мертв — да здравствует Президент!

И оставалось увязать только один свободный конец.

— Пошли, ребята, назад в лагерь, — бросил генерал. — Нужно ввести нашего Бесподобного Вождя в курс дела, верно?

«Закрутилось колесо! — ликовал про себя Вандерлинг. — Славно закрутилось!»

Когда Вандерлинг наконец закончил, София, со смесью недоверия и гнева, покачала головой. Ни тени обычной разухабистой иронии! Лысый вояка, сторбившись, сидел за столом напротив, напялив на морду нелепую маску удовлетворения и наивности маленького мальчика. Едва София открыла рот, чтобы обрушить на генерала огневой словесный вал, Фрейден послал подруге быстрый, предельно «остужающий» взгляд, потом снова повернулся к Вандерлингу и медленно проговорил:

— Слушаю я тебя, Вильям, и никак не могу врубиться. Не верю собственным ушам! Повтори-ка еще раз, подходящее.

— Во что тут врубаться? — пропыхтел Вандерлинг нетерпеливо. — Раз плюнуть! Я накрутил Моро, что собираюсь тебя подставить. Это позволит нам самим провести жирную сволочь. Две тысячи жертв, которые, как предполагается, ты приведешь, будут вооружены. Сечешь?

Фрейден застонал:

— Как конспиратор, Вильям, ты оставляешь желать лучшего. Неужели ты действительно полагаешь, что Моро доверится тебе? В задницу ты, что ли, засунешь винтовки полуголым олухам?

— Ты не понял, старик, — вздохнул Вандерлинг. — Конечно, Моро мне не доверяет. И мы не сможем реально протащить оружие. Но я одурачил Пророка. Он сам поможет нам разыграть партию. Старина Жиртрест запутается в сетях нашего расклада, у него мозги превратятся в кисель, пока он разбирается, кто чью сторону держит и кто на кого работает. Ведь только мы с тобой знаем истинное положение вещей. Правда? — Генерал выпучил глаза, что должно было означать степень глубокого интима. — Моро хочет переодеть своих Киллеров в штатское и посадить на стадионе. Рассчитывает, гад, легко справиться с тобой и с вооруженными ножами Животными. Ему не терпится подцепить меня и пытать, пока я не посажу корабль с омнидрином. У дурня, сам понимаешь, ничего не выйдет! Разумеется, Киллеры покروشат немало парней с ножами, но большинство из них окажется внутри стадиона и поднимется страшная суматоха. Если мы правильно рассчитаем время, то сможем атаковать всеми силами поредевшую охрану Дворца. И тогда — прощай Киллеры, прощай Моро, прощай Братство.

Фрейден обалдело откинулся назад, с трудом удерживая смех. Бойкая интрига Дятла протекает, как штопанный презерватив! «У старого вояки окончательно стерлись извилины? — дивился Барт. — Он сросся со своими Тыквами и держит меня за деше-

ку? И все же, если дать клоунам типа Моро и Вильяма достаточно веревки, они определенно удавят друг друга... Заваруха не лишена возможностей...»

— И прощай мы! — воскликнул Барт вслух. — Значит, все эти ширли-мырли позволят нам вломиться на стадион целой армией? А миляги-Киллеры будут забавляться зрелищем, как первоклашки на порно-шоу... Что помешает волкодавам перерезать нам глотки?

Челюсть Вандерлинга отвисла.

— Ум... э... — выдавил он.

«Ну-ну, — думал Фрейден. — Значит эта часть плана, братец, у тебя накрылась. Плешивый придурок так пыжится надуть, что готов сам угодить в очевидную ловушку. Именно это происходит всякий раз, когда человек забывает, на каком шестке сидит. Взгляни, как бегут...»

...три мышки слепые!

— Видимо, слишком далеко ты не заглядывал, — улыбнулся Барт. — Ну, мы попробуем твою недоструганную интрижку довести до ума. Тут все дело в расчете. Нам нужно прикрыть задницу на тот период, когда начнется забава и когда наши парни ворвутся внутрь и возьмут ситуацию под контроль. Пять—десять минут самое большее...

— Да... — пробормотал Вандерлинг, слегка обалдев от потери инициативы. — Так и есть. Но как...

— Даже у Моро хватит серого вещества в котелке понять — я не завалюсь на кровавую тусовку без личной охраны. Сотня человек, или около того, вряд ли покажется Жиртресту большой помехой. Ведь он не в курсе атаки снаружи и поэтому будет чувствовать себя вольготно в окружении своих шакалов. Ну так зачем отказывать мне в сотне телохранителей, которые продлят наши несчастные жизни на лишние десять или пятнадцать минут?

— Точно! — воскликнул генерал. — Возьмем сотню Тыкв. Я хочу сказать, что торчки более-менее управляемы из всех наших олухов, верно?

«Ох, Дятел! — изумился Барт. — У тебя ум столь же глубок, как блюдце с молоком. Тыквы, говоришь?»

За фермершей следом...

— Почему бы и нет? — спокойно отозвался Фрейден.

Которая им хвосты отрубила ножом кривым...

— Тогда беремся за дело, и вперед!

— Если только Моро не упрется рогом из-за телохранителей. — Барт сделал предостерегающий жест. — В любом случае начинай подготовку.

— Точно! — Вандерлинг вскочил и направился к двери. — Да здравствует Свободная Республика, а? — добавил он, ухмыляясь через плечо.

Случалось ли видеть глазам твоим...

— Да здравствует... Президент, — вякнул генерал уже с улицы.
Таких трех мышек слепых?

— Таких трех мышек слепых... — прошептал Барт.

Как только Дятел оказался вне пределов слышимости, София взорвалась:

— Барт, ты не посмеешь! Ты не сможешь...

— О горе горькое и рыбки! — смеясь, прервал ее Фрейден. — Не откажи мне в способности быть немного сообразительнее среднего бабуина, Соф! Конечно, хмырь планирует двойную игру, — или тройную, если придерживаться строгой терминологии. Моро ведь он тоже собирается грохнуть. Значит, мы вдунем его вчетверо!

— Двойная игра... Тройная... четверная! Мать твою так! Ты не понял меня, Бесподобный Вождь. Какого черта происходит в твоём извращенном умишке?

— Давай по порядку распутаем каждый узелок, — беспечно предложил Барт. — Моро и Вильям состряпали план, мечтая грохнуть меня и каким-то образом поделить планету между собой. Классической пример предательства. Ну и конечно, игра номер два — игра Моро — шлепнуть Вильяма с тем же успехом, что и меня, и опять влезть на пальму за бананами. Успеваешь следить?

— Даже старик Дятел, кажется, предвидел это... — отмахнулась София. — Но... О, я понимаю! Врежь-в-Плешь вычислил двойную подставу и рассчитывает надуть Моро, рассказав об этом тебе и устроив нападение на стены Дворца!

— Из тебя, пожалуй, выйдет Маккиавелли, — одобрительно заурчал Фрейден. — До сих пор все было просто, как игра в фантики. Но теперь начинаются тонкости — по крайней мере, Вильям так воображает. Сначала он ведет двойную игру с Моро, держа мою персону на манер приманки, потом уничтожает Киллеров и Братство, затем каким-то образом избавляется от меня. Нашей маленькой охраной должны стать его обдолбанные уркаганы. Врубаешься? Он рассчитывает, что, когда пыль уляжется, все, кроме него, будут мертвы.

— У меня мозги набекрень! — поморщилась София. — Ведь все и случится подобным образом.

Фрейден довольно расплылся в улыбке:

— Ты забываешь о четверной игре, дорогуша! Иногда лучше позволить врагам состряпать заговор, а в последний мо-

мент вытащить пару тузов из рукава. Сэкономить умственные усилия. А у меня припрятана *пара* тузов. Перво-наперво, когда Братьев прихлопнут, я формально останусь в статусе Брата. И смогу использовать Киллеров...

— Ради такого предприятия поставить на кон жизнь? — У Софии задрожала нижняя губа. — Я бы не поставила, если... А, в конце концов, плевать! Это и моя жизнь тоже!..

— Два туза, — напомнил Барт, поднимая два пальца. — Запомни, их *два*.

— Ну и что же это за вторая стратегическая жемчужина? Карманная водородная бомба? Пуленепробиваемый жилет? Колдовство? Или надежда на милосердие милых мальчиков с волчьими мордами?

Фрейден засмеялся:

— Ничего более экзотического, чем... милосердие. Всего лишь добропорядочные граждане Сада!

Фрейден сидел за столом и переводил взгляд с радиопередатчика на потного, через силу улыбающегося Брата и его четверых охранников. Киллеры ерзали, как на иголках. «Очевидно, Брат Эндрю в курсе событий, — думал Фрейден, — а вот псы его — нет. Не удивительно, что они так подпрыгивают. Ребята очутились в логове врага, да еще услышали сейчас, как их жестокий божок предложил капитулировать!»

— Ну? — нетерпеливо прогудел из радио голос Моро.

— Давай прикинем, правильно ли я все понял, — спокойно проговорил Фрейден в микрофон. — Ты сдаешься при условии, если я позволю тебе и твоим Братьям безопасно покинуть планету и пошлю за необходимыми кораблями? Но перед этим я должен формально принять твою капитуляцию на стадионе в День Боли. Звучит прекрасно! Однако при чем здесь возня с двумя тысячами жертв Зрелища Пыток?

— Мы скрепим договор величайшим Праздником за всю историю Сангрии! — сказал Моро. — Поскольку это последнее зрелище Братства, мы из кожи вон вылезем, но сделаем его грандиозным и незабываемым. Обещаю тебе, что в этот День Боли искусство достигнет своего зенита! Не забывай, что Животные, вне зависимости от... ситуации, ожидают удовольствия от Дня Боли. Это их единственная возможность оказаться по другую сторону Великого Выбора, давать Боль и получать Наслаждение. Если ты планируешь править Сангрией, то не имеет смысла разочаровывать подданных в первый же день

правления. Кроме того, подумай о своем собственном удовольствии! Я обещаю тебе представление, подобно которому...

Фрейден с трудом подавил хохот. Моро все повернул шиворот-навыворот! «Предполагается, что мне нужны эти «жертвы», а не ему! Мне следует уговаривать его. Жирной свинье настолько не терпится устроить большую вечеринку с пытками, что он забывает, зачем, собственно, позволил мне привести целую толпу. Ну и кретин!»

— Ладно, Моро, — вздохнул Барт. — Это звучит забавно, ты меня убедил. По рукам. Только одна незначительная деталь — как Президенту Свободной Республики мне, конечно, следует иметь... э... почетную охрану. Четыреста, пятьсот человек, вполне достаточно.

— Что? Об этом не может быть и речи!

— Я что-то не понимаю, Моро, — процедил Барт медленно. — Почему нет? Ведь ты не замышляешь какой-нибудь финт, правда же? В конце концов, тебе не о чем беспокоиться — балаган завертится на твоей территории. Если подвоха не намечается, у тебя нет причин отказывать мне.

— Э... возможно, чисто символически, — поспешил перебить его Пророк. — Я не возражаю против, скажем, пятидесяти человек.

Фрейден озадачился, не в силах решить, кто более предскажем, Моро или Вандерлинг.

— Полная сотня, или никакой сделки, — бросил он резко. — В конце концов, я Президент Свободной Республики Сангрия. Без скромного почетного караула я буду выглядеть скрягой.

— Хорошо, — проскрежетал Моро неохотно. — Я не уклонюсь от сделки.

— Весьма разумно, — отозвался Фрейден. — Увидимся на Дне Боли. Конец связи.

Брат Эндрю встал и вывел Киллеров из хижины с видом голодного кота, готового сожрать исключительно тупую канарейку.

«Ну-ну! — думал Фрейден, когда упыри очистили помещение. — Я окружен иудами и убийцами! Каждый намеревается что-то урвать у бедняжки Барта! И древние римляне, бывало, натравливали львов на христиан! Нет, господа! Победа приходит к тому, кто сидит и ждет. Вильям и Моро дорвутся, потворствуя своим мелким страстишкам, в духе гнилых византийских аристократов. Определенно, сэкономив мне массу времени и сил. Все, что я должен сейчас сделать, — произвести одно незначительное перемещение во всей жестянке с червями, и к

тому часу, как День Боли закончится, Вандерлинг и Моро, даже не заметив, уплывут в мир иной. А я буду на коне».

Он громко рассмеялся. С такими кто будет нуждаться в друзьях?

Темно-красный сангрианский закат похож на какую-то густую жидкость, омывающую безобразные хибары, загаженные узкие улицы Сада темной венозной кровью, превращая все вокруг в гротескный пейзаж чередующихся винно-красных световых пятен и длинных нависающих черных теней. В тускнеющем красном свете суетливые фигуры прохожих на полупустынных улицах казались крадущимися пугливыми паразитами, исполненными трусливой дьявольской угрозы.

Фрейден поежился, несмотря на вездесущую жару, кинул взгляд по сторонам, на охрану с лучеметами и обругал свое сверхдеятельное воображение.

Но когда он торопливо бежал по закиданным отбросами улицам, мимо лачуг, откуда с затаенной жадностью на него смотрели мерзкие уроды — женщины, с глазами как у лемунов, мужчины с синюшными губами, дети со впалой грудью и раздувшимися от голода животами, — Барт понял, что отмеченная печатью дурного предзнаменования картина — нечто большее, чем просто игра светотени. Сад напоминал огромный гноющийся чирей, созревший для того, чтоб его выдавили. Одно дело слушать скудоумную болтовню тупорылых агентов, а другое — увидеть клоаку собственными глазами. Барт и так целую неделю подпитывал фабрику слухов обещанием некоего Армагеддона в предстоящий День Боли. Однако сплетни подстегнут реальные действия! Чтобы не обгадиться на предстоящем побоище, Барт сам должен явиться под мутные zenки седиан, раскрутить зловещие слухи до состояния полного экстаза и спровоцировать массовый бунт. Надо привести обезумевшую толпу в нужное место и в точно выбранную минуту. Поэтому доходяги обязаны получить известие из первых рук; этого вполне достаточно, чтобы молва разнесла по городу призыв к мятежу.

В мрачной обители голода, отчаяния и резни общаться с толпой можно только в Общественной Кладовой.

Нет, Барт не испытывал страха, пока шел мимо сараев, груд мусора и отбросов, отвратительных куч раздробленных костей, окрашенных в сумерках бледно-красным. Бояться нечего — седиане слишком трусливы и не отважатся напасть на вооруженный отряд. Кроме того, фабрика слухов донесла мистический

ореол Президента даже до душевного склепа. А поскольку Моро предвкушал получить голову Барта тремя днями позднее, патрули Киллеров тоже не беспокоили.

И все же из темных глубин подсознания неудержимо выползала скользкая змея ужаса. Вездесущая грязь, запах гниения, изредка попадающиеся на улицах люди, рыскающие по Саду, как пожирающие падаль крабы на помойке, повисшее над городом напряжение — такое тяжелое, что его можно попробовать на вкус... И отвратительное средоточие всего театра абсурда — кишки, желудок и анус Сада — *Общественная Кладовая*.

Отряд выбрался на улицу, где громоздилось большое здание без окон, грубо сколоченное, темное, окруженное ледяной аурой смерти. Желудок у Барта провалился в пятки, когда послышался гомон множества пронзительных голосов, базарящих внутри Кладовой, как торговли рыбой, скрип распиливаемых костей, тяжелые удары лезвия о плоть и дерево. Нервы натянулись, как струны фортепьяно, едва Барт увидел десятки суетливых фигур, проступивших кривыми силуэтами в темно-багровых отблесках сквозь открытый дверной проем. Когда гнилой смрад волной пронесся над улицей, у Фрейдена мелькнула мысль отказаться от этой затеи, от чего угодно, лишь бы не входить *туда*...

«Не будь дебилом! — одернул он себя. — Ты собираешься отказаться от целой планеты, лишь бы избежать расстройства желудка?»

Сжав зубы, Фрейден в сопровождении телохранителей быстро зашагал вперед — и вот уже он в Кладовой.

Открывшаяся панорама обрушилась на Барта, как бронированный кулак; лавина уродливо-гротескных фрагментов реальности захлестнула все чувства. Прокопченная, похожая на пещеру неандертальцев, комната битком набита тощими ублюдками, и все они, казалось, кричали одновременно. У дальней стены высилась безобразная куча искореженных, обнаженных трупов; остекленевшие, как у рыб, глаза насмешливо пялились во все стороны. Из-под насыпи тел просачивалась огромная лужа сукровицы — покрытая по краям коркой, струпьями пятная серый каменный пол. Подобно полчищу муравьев, люди тащили трупы от общей кучи, неуверенно распутывая окоченевшие члены у выбранного товара; оттаскивали добычу на огромные деревянные столы, где разделявали тела большими секачами. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Клинки крушили кости с ужасным скрежетом, от которого у Фрейдена побежали по спине мурашки. Звуки разрушаемой плоти мешались с сотней хриплых голосов, истошно спорящих из-за самых лакомых кусков. Каждый стол был

центром дико жестикулирующей группы; многие, сжимая в одной руке приличный шмат мяса, свободной тянули к себе еще и еще.

Ну и вонища! Прогорклый запах потных тел, застоявшейся крови, подгнившего мяса — тошнотворный, почти осязаемый смрад, его можно было раздвинуть рукой, как ряску на болоте.

Фрейден почувствовал приближение жестокого приступа рвоты. Глотку обожгло желчью. Барт придушил позыв лишь невероятным усилием. Стараясь держать над собой полный контроль, он пробивался под защитой телохранителей к большому столу в центре зала. Со всех сторон к отряду партизан потянулись любопытные седиане.

— Дорогу Президенту! — гаркнул один из бойцов, когда они добрались до стола, где, посреди маленькой толпы людей с ввалившимися глазами, какой-то седианин с нездоровой желтой кожей флегматично отпиливал руку от трупа сморщенной старухи.

— Очистить стол! — приказал партизан, и дюжина доходяг вцепилась в жмурика, потащила его прочь. Вокруг потихоньку стала сбиваться плотная толпа.

Весь дрожа, чувствуя слабость в коленях, Фрейден вскарабкался на крышку, встал в липкой луже крови, посмотрел сверху на угрюмые морды в толпе, на столы, усеянные расчлененкой, на гору серых трупов у стены... Почувствовал нестерпимые спазмы в животе, крепко сомкнул веки, пытаясь пересилить боль, и...

И в эту минуту бормотание и шепот толпы превратились в гортанный, отдающийся эхом гимн:

— Барт! Барт! Барт!

Пережив мгновение бесконечного отвращения к самому себе, Фрейден, не разжимая век, заставил свой разум воспринимать лишь распевный звук, повторяющий его имя. Он вцепился в эту невероятную песнь невидимыми железными когтями напряженной до предела воли, намертво припал к ней, заскользил вместе с ней над падалью, над кровью, над тошнотой. В утробном вое сангриан Барт поймал некую интонацию, ставшую путеводной звездой сквозь подступающую со всех сторон тьму. Плотную завесу безумия, разделяющую мир триумфа и мир бесконечного кошмара. Барт порвал ее! Он вновь ощутил себя центром Вселенной. Его народ, его планета скандировали имя своего Героя. «Мое! Мое! Мое!»

— Барт! Барт! Барт!

Фрейден открыл глаза. Все: трупы, кровь и вонь — стало лишь смутным миражом, легким бредом путника, давно не

утолявшего жажду. Барт глянул вниз, увидел море нетерпеливо ожидающих лиц. Он резко сузил поле зрения, не отваживаясь смотреть куда-нибудь еще — и наконец почувствовал, как тошнота прошла, испарилась, испепеленная страстным призывом лихорадочно сверкающих глаз, остервенело разинутых ртов, — таким первобытным жаром существ, открывших для себя некую новую, ошеломительную истину.

Барт поднял руку, призывая к молчанию, и заговорил:

— Вы знать, что за день через три дня от этого?

— День Боли! День Боли! День Боли! — завyli сaдиане, и в этом вое сквозила лютая волчья ярость. У Фрейдена даже кровь застыла в жилах, настолько неописуем был этот клнч.

— День Боли! — проорал Барт, перекрывая шум толпы. — Но не только День Боли — День Смерти! Смерти Пророка и всего Братства!

Сaдиане затнхли. Они смотрели на него снизу вверх, словно бараны, ожидающие забойщика с длинным ножом. Теперь нужно быть предельно осторожным. Когда на кон поставлена собственная жизнь, ошибиться нельзя! Для прикрытия тылов Барту необходима толпа, откликающаяся на звук только его голоса, толпа, способная выполнять приказы, — но не взбесившаяся орда.

Он понизил голос, скорчив заговорщицкую мину.

— День Боли стать день последней победы, — чуть ли не шепотом проговорил он. — И в та-победа быть место для вас. В День Боли вы, и я, и Народная Армия убить Пророка и все Братство!

Сaдиане сорвались с катушек, выплеснув под потолок дикий вопль:

— Да здравствует Свободная Республика! Убить то-Братство! Барт! Барт! Барт!

— Подождите! — прогрохотал Фрейден. — Подождите! Еще кое-что!

После долгой суматохи вновь установилась относительная тишина.

— Я не смею посвятить вас весь план, — продолжил Барт. — Надо секретность. Но я сказать вам, что делать. В День Боли вы услышать на стадионе странные звуки — звуки оружейной пальбы. Это сигнал! Когда вы услышать стрельбу на стадионе, все до последнего человека в Саде: мужчины, женщины, дети — штурмовать стадион! Не бойтесь Киллеров — о них позаботятся. Не думать, как войти во Дворец, — ворота будут открыты настежь. Когда вы попадете туда, я буду там же, чтобы сказать

вам, что делать. От меня! Вы услышите приказ именно от меня! Обещаю вам, это означать свободу для Сангрии и смерть Братству, смерть Киллерам, смерть...

Голос Фрейдена потонул в оглушительном реве:

— Смерть те-Киллеры! Смерть Братство! Убей! Убей! Убей!

Фрейден тщетно взывал к молчанию: надо было успеть сказать олухам, чтоб они постарались разнести слух по всему Саду. Да куда там! Напрасны призывы — банда людоедов жаждет крови! Им так не терпится потешить себя убийством, самим превратиться наконец-то в хозяев жизни. Кладовая наполнилась кипящим хаосом разбушевавшихся темных страстей и затаенных желаний. Черная яма отчаяния и злобы переполнилась, выплеснула через край болезненно-восторженную истерику дегенератов, доводящих себя до бессмысленной ярости, кричащих свое «Убей! Убей! Убей!..», снова и снова, заходясь в едином вопле — вопле одного огромного плотоядного монстра.

Фрейден спустился со стола, чуть замешкался, потом шагнул в водоворот толпы, прикрытый со всех сторон телохранителями.

«Они разнесут молву, все в порядке! Через три дня весь город будет готов растащить стадион по кирпичику, стоит мне пальцем пошевелить. Капкан поставлен. Добро пожаловать, господин Моро! Братству придет каюк, как только старина Дятел решит, будто овладел ситуацией. Армия ворвется во Дворец, когда Тыквы попытаются выполнить приказ Вандерлинга. Что там придумал для меня плешивый идиот? Наверняка что-нибудь легкое, изящное, в стиле бегемота во время случки... Вот тут-то горожане и обрушатся на незадачливых заговорщиков, преданные своему Герою, своему Президенту. Ребята получают небольшое развлечение на собственный вкус. Они порвут в клочья любого, кто протянет ко мне грязные лапы. Через три дня Сангрия будет моей!»

Теперь, пьяные от сознания своей значимости, от предвкушения скорой бойни, седиане сдергивали трупы со столов, роились подле огромной кучи тел у дальней стены, как гнездо сошедших с ума термитов. Голыми руками они отрывали у покойников руки и ноги, размахивали ими, как знаменами. Вот кто-то, не переставая визжать, пуская длинные липкие нити слюны, зубами выдрал из изувеченного трупа кусок мяса. Дойдя уже до предела животного экстаза, седиане принялись издеваться над трупами, топтать их, трясти, как дьявольскими погремушками, вгрызаться в них, царапать, раздирать на скользкие ошметки. Наверное, эти жалкие останки представлялись

сейчас безумцам тушами живых ненавистных Братьев; они корчились в иступлении, будто уже очутились на стадионе в кульминационный момент наступившего Дня Боли. И несмолкающий, пронзительный вопль «Убей! Убей! Убей!» эхом отдавался от высокого, закопченного потолка, и мерцающий свет факелов освещал сцену, выхваченную, казалось, откуда-то из глубоких пределов ада.

Рвота опять забулькала в горле; тошнота сделалась нестерпимой, словно Фрейден неделю беспробудно бухал, а очнулся в штормовой круговерти на рыбацком баркасе. Барт лихорадочно подталкивал свою стражу вперед.

— Пошли, пошли, — умудрился промывать он, несмотря на судорожно сжатые челюсти. — Прочь отсюда!

Свирепо, почти ликующе охрана расчищала прикладами путь в визжащей бешеной толпе седиан.

В конце концов они оказались снаружи, и разгул в Кладовой превратился в завывающее эхо, беснующееся в дальнем конце улицы; гнусная вонь протухшего человеческого мяса осталась лишь дурным воспоминанием где-то на задворках сознания. Свежий воздух влетел в легкие, как пиратский крейсер в захудалый порт вшивого планетоида. Барт крысиной прискочкой шмыгнул в какой-то проулок, согнулся и... Да, звук явно не похож на марш Мендельсона! Мертвая плоть клокочет в плоти живой. Когда первая волна дурноты прошла, Барт глянул вниз и увидел, что его рвота присоседилась к омерзительной грудке склизких помоев, из которых торчал, белея во тьме, человеческий череп. Одного взгляда на такой натюрморт достаточно, чтобы желудок расхо-хо-хо-тался вновь. Некоторое время Барт напоминал пожарную помпу на полной тяге. Он блевал и всхлипывал — и не мог отличить одно от другого. «Это стоит того! — кричал в темноте его рассудок. — Это стоит того! Целая планета!»

В конце концов спазмы прекратились, и Барт поднял глаза к холодному черному небу. Звезды безжалостно пялились на него: ледяные булабочные головки света в огромном-огромном «ничто».

— Проклятье! — пробормотал он как вызов, сам не зная чему. — Это должно того стоить!

День Боли уже совсем скоро... Партизанский бивак тих и темен, не спуют больше туда-сюда тени сонных раздолбаев. Пурпурное сангрианское солнце опустилось за горы на запа-

де. Тусклый свет, безжалостно разграничив черную и красную светотень, только усилил муторную картину разоренного муравейника: покинутые бараки, зияющие пустотой склады оружия, выжженная до мертвенно-черного цвета бесчисленными походными кострами земля, всевозможный мелкий хлам, в беспорядке разбросанный по всему лагерю. «Стая обезьян погуляла, порезвилась и свалила на новое стойбище», — хмуро думал Барт, привалившись к стене своей хижины и озирая опустевший лагерь.

Практически вся Народная Армия уже перебазировалась на позиции к холмам, окаймлявшим долину Сада. Оттуда всего минут двадцать быстрой езды до самого Дворца: бойцы готовы по первому приказу ринуться в город на трофейных грузовиках. Там же, на холмах, находились и две тысячи «жертв» для Моро — по преимуществу, рядовые Животные или просто бандиты. Им доходчиво и кратко сообщили, что они являются главной частью в сложном плане предстоящего сражения. Бедолаги немного покочевряжились, но грозный вид целой армии, вставшей лагерем практически у стен столицы, убедил даже самых мрачных скептиков. «Свои солдаты не оставят в беде! Они прокатятся лавиной и сметут ненавистное Братство! А Киллеров передавят, как тараканов!» — скорей всего, именно так рассуждали про себя доходяги, отданные на заклятие Жиртресту и его своре чернорясых ублюдков.

Этой ночью в лагере остались лишь Барт, София и Вандерлинг. Старый вояка храпел в своем логове, поблизости от хибар героинщиков. Для пресловутого почетного эскорта Дятел отобрал сотню самых уродливых, обшмыганных героинном Тыкв. Сейчас они валяются в своих бараках, провалившись в черный омут забвения после двойной дозы дури. Двадцать грузовиков с полными баками горючки притулились на краю бивака, там, где темнела просека от лагеря до ближайшего шоссе.

Фрейден смотрел на опустевший лагерь посреди бескрайнего моря джунглей, и странное чувство наполняло душу: «А ведь это же мой дом! Да-да! Убогий, жалкий, построенный существами, которых трудно назвать людьми. Но... Джунгли приютили меня, укрыли от жадных до чужого страдания упырей! Боже, сколько времени я провел здесь, сколько пережил горестей и побед? Месяцы, года, столетия...» Барт с тоскою осознал, что больше никогда уже не вернется сюда, не встанет вот, как сейчас, на пороге хижины встречать восход или провожать закат кроваво-алого светила. Все! Ставки сделаны, карты давно на руках. Что ж, эту партию он разыграл неплохо. Меньше года на-

зад эта поляна ничем не отличалась от других глухих местечек в джунглях. Барт превратил ее в центр Великого Бунта, который завтра либо вознесет его над Сангрией как Президента Свободной Республики и подарит целую планету, либо...

«Либо я стану всего лишь смиренной тушкой для увеселительных мероприятий с расчлененкой, — усмехнулся про себя Фрейден. — У этой игры очень простое название: «Все или ничего». Только так играют в Революцию, именно так выкладывают карту с мастью «Жизнь». Все остальное — хлам и дерьмо!» Барт лениво поднял взор наверх, к звездам, к холодным белым огням в сгущающейся черноте сангрианского неба... Потом снова оглядел бивак. И поймал себя на том, что пристально разглядывает какой-то тускло блесевший поблизости предмет — гладкий, серый булыжник торчит из земли, словно башка некоего древнего чудовища, вымершего в допотопные времена. Торчит себе нахально, будто нежит свои слюдяные чешуйки в тонких, призрачно-ломких лучиках звезд.

Фрейден содрогнулся, сам не зная отчего. Он почувствовал, как внутренности внезапно сжались и странная горечь подкаатила к горлу. Ледяная волна окатила душу, заставила скрючиться в судороге... чего? Ужаса? Сожалений? Страха? Непонятный приступ еще не миновал, а Барт понял, в чем дело. Проклятый камень всему виной! Черт возьми, обыкновенный валун! Но Фрейден увидел нечто иное — двойника, призрака, созданного прихотливым освещением. Нечто столь же отталкивающе-белое в свете звезд совсем другой ночи: разбитый человеческий череп в грязном проулке, до омерзения жуткий, весь в липкой блевотине самого Фрейдена. Видение промелькнуло, как тень ночного зверя, но внезапная острая боль, вызванная этим *deja vu*¹, отказывалась исчезать.

Фрейден громко засмеялся, пытаясь изгнать демона. «Чувство вины? — думал он. — Нелепо! О чем теперь сожалеть, чего стыдиться-то? Ты делал, что должен был делать! Уж всяко лучше, нежели хряк Моро или плешивая горилла Вильям». Безымянное чувство не исчезало, наоборот, стучало дробным пульсом в висках, накатывало жаром, дразнило. Снова Барт через силу засмеялся. «Ладно-ладно! — уговаривал он себя. — Тень Отца Зигмунда!² Ты заикнулся на убийстве этого ребенка, вот в чем все дело, Барт! Воскресил то ужасное мгновение... Вскрик, ощущение мягкой плоти под топо-

¹ Дежа вю — ложная память (*психиатрич.*).

² Имеется в виду Зигмунд Фрейд.

ром... дрожь, пробежавшая по руке... стук лезвия о дерево алтаря...»

— Господи... — хрипло прошептал Барт. Нет, не вину он ощущал, не угрызения совести! В сердце расплывалось ледяное пятно... *пустоты*. Ни малейшего намека на сострадание, ни капли покаяния! Его вынудили обстоятельства, всего лишь... И теперь, оглядываясь назад после долгих месяцев кровопролитной войны, после десятков тысяч смертей, которые он сознательно спланировал, самое ужасное мгновение в его жизни выглядело невинной забавой. *Пустотой!* Холодные объятия неведомой силы — только обыкновенный человеческий страх. И страх не перед грядущими опасностями, с которыми еще предстоит столкнуться, но страх прошлого.

Что-то произошло с ним. Всю свою жизнь Фрейден умело манипулировал окружающими, подчинял людей своей воле, использовал в собственных целях. Барт всегда считал себя единицей постоянной, а мир вокруг — изменчивым и податливым. Подобно скале, он стоял незыблемо и невредимо в центре водоворота событий и страстей; стоило только протянуть руку, и события поворачивали в нужную ему сторону. Менялся мир, но не менялся Барт. Его вышвырнули из Большого Нью-Йорка, а он остался прежним. У него оттяпали Астероиды, а он — все тот же! Но на Сангрии... Что-то произошло с ним. Он глубоко изменился от одного лишь совершенного лично им убийства. Изменился достаточно, чтобы искать уже не просто новых владельцев взамен утраченной Федерации, — он хотел мести. Первоначальные муки совести щедрой дланью вскормили ненависть, ненависть к себе, немедленно переросшую в ненависть к Братству. Каким-то образом Барт совершил ошибку и оказался вовлеченным в борьбу, коварно соблазненным, изнасилованным — он увидел в Революции нечто большее, чем средство для достижения корыстных целей. Это заставило его заботиться об имидже Великого Героя. Звук собственного имени на устах кроваваждной толпы недоумков стал уже не просто свидетельством удачно прокрученной операции. И теперь... все сомнения и печали прошлого обернулись в зияющее *ничто!*

Барт изменился... Его испортили... Непроизвольно, он совершил единственный грех в его личном кодексе: он утратил спокойствие. Впервые в жизни Барт чувствовал, что силы, которые им движут, неподвластны сознательному контролю, впервые он осознал себя игрушкой в лапах безжалостного Рока.

Случилась какая-то пакость! Он изменил Сангрию — или изменился сам? Действительно ли он переделал Сангрию по со-

бственному подобию, или планета потихоньку превратила его в чудовище, приспособленное стоять на вершине власти — в циничного людоеда, типа Моро? В отрочье, обожающее власть ради нее самой, а не из-за комфорта и безопасности?

Одна из самых опасных разновидностей страха — неуверенность! Вопреки всем своим эгоистическим желаниям и неблагоприятным поступкам, Барт все-таки считал себя человеком приличным. Тем, кто не причиняет боль без нужды... Правда ли это? Неужели он на самом деле выродился в безжалостного монстра? Или это очередной приступ инфантильного малодушия? Ведь София все время пыталась ему что-то такое сказать — и не решалась! Что именно?

Соф... Может быть, она сумела разглядеть в нем некую черту, глубоко упрятанную в подсознании? То, в чем Барт не отважился признаться самому себе... Самоуверенный осел! Возомнил, будто уже выучил себя вдоль и поперек! Истинное малодушие — врать такой женщине, как Соф! До мерзкого обряда Посвящения Барт никогда не врал ей, не чувствовал в этом необходимости. А теперь...

Фрейден выругался, стукнул кулаком о ладонь. В сомнениях можно ковыряться всю жизнь! К черту сомнения! Непреложным остается один факт: София заслуживает правды. Если он скажет ей правду, возможно... возможно, подруга сумеет разогнать всю эту душевную муть. «Не стой на месте, идиот, — одернул он себя. — Когда дерьмовые мыслишки проедают лысину, надо орать без промедленья!» Ему сейчас до зарезу необходимо, чтоб кто-нибудь, в ответ на его горестные вопли, дружески похлопал по плечу. Или начистил рыло.

Он резко повернулся, шагнул в хижину.

София обнаружилась здесь же, за порогом. Она смотрела на Барта округлившимися глазами, рот приоткрылся в изумлении. «Наверное, у меня сейчас не лицо, а ретроспективный показ фильма «Фрейден — вселенский страдалец», не иначе!» — мелькнула у Барта мысль, когда он увидел растерянность и испуг своей подруги. Фрейден вновь грязно выругался про себя. Значит, нагло врать Софии уже вошло у него в привычку? Ох и гад же он!

— Соф... — пробормотал Барт. — Я... изменился?

— Изменился? — повторила женщина голосом настолько лишенным смыслового содержания, словно он принадлежал роботу или животному. Барт внимательно посмотрел на ее гладкое лицо, большие зеленые умные глаза и впервые задумался о том, что в действительности происходит в голове у этой красотки. Он никогда прежде не задавался подобным вопросом.

— Соф... — запинаясь, проямлил Фрейден. — Похож я... похож ли на убийцу?

Она глухо рассмеялась:

— Никогда не видела мужика, меньше всего похожего на убийцу. Ты выглядишь так, словно увидел привидение — убийцы не видят привидений. Я знаю... Как-то раз жила с одним таким... Тем более убийца не стал бы ничего выяснять у любовницы! Дятел, к примеру, химически чистый убийца. Можешь ты вообразить его задающим подобный вопрос?.

Фрейден немного обалдел от таких слов. Черт возьми, София права! Тем более он должен сейчас рассказать ей обо всем! Она, наверное, сама уже догадалась. Барт нутром чувствовал — *она знает*. И ждет от него лишь смелого шага, откровения. Она сможет понять и простить, какими бы мерзкими ни были подробности.

— Я лгал тебе, — выдохнул Барт, чуть не зажмутив глаза, как перед прыжком в прорубь. — Лгал все время. Знаешь, кто подал Моро мысль запытать сангриан до сумасшествия? Я рассказал ему эту прелестную байку, потому что Животные недостаточно созрели для моих целей! — Он обнаружил, что вещает развязно и нагло, будто провоцируя Софию на вспышку ненависти. — Убивать Мозги и доводить деревенских до истощения — тоже моя идея! Думаешь, я действительно не замечал, как деградирует Вильям? Черта с два! Замечал! Но мне нужен был кто-то на роль монстра. И я использовал старину Дятла!

— Зачем ты мне лепечешь эту дрянь? — резко оборвала она. — Можно подумать, я гимназистка на воскресной прогулке! Давно уже все поняла и без твоих слюнявых признаний.

— Ты?.. — Барт ошалело уставился на подругу.

— С кем ты говоришь, по-твоему? — фыркнула София. — Ну и осел, Боже правый! О чем я тебе зудела все эти месяцы? И держу пари, я могу угадать следующее признание. Это Обряд Посвящения! Ты прикончил человеческое существо, правда ведь? Ох, мужики! В тот день у тебя все на роже было написано! Не нужно быть телепатом...

Фрейден почувствовал, как чудовищная гора упала с плеч. И все же оставалось еще кое-что недосказанное.

— Значит так? — прохрипел он. — Ты знала, что я лгу, но спокойненько продолжала трахаться со мной, вести дурацкие разговоры о Вильяме. Ты видела, как эта поганая Куча-дерьма затягивает меня, и молчала? Почему, мать твою, не могла...

— Я тебе не дядя-пастор на проповеди! — огрызнулась София. — Прочти три раза «Аве Мария» и брось конфедоллар в кружку для пожертвований? Оставь это, Барт! Если ты не желаешь что-то слышать — не услышишь никогда, хоть ори тебе прямо в ухо! Ты выглядишь смехотворно, стуча себя пяткой в грудь и заывая «Ныне отпускаеши»... Ты никогда не мог отличить чувство вины от послеобеденной отрыжки. Разве не ты всегда поучал: «Не оглядывайся в прошлое; оно может настичь тебя»? А сам, в конце концов, оглянулся, и тебе не понравилось то, что ты увидел. Добро пожаловать, Бесподобный Вождь, в клуб, где все идет на самом деле! Добро пожаловать к людям!

— Ты хочешь сказать, что знала об всем, и продолжала...

— Продолжала? — крикнула София. — Не затыкай мне рот! Я жила с убийцами и ворами, продавала свое тело за возможность сытно пожрать. Кто я такая, чтоб судить тебя? Мы заключили сделку, Барт Фрейден. Я нуждаюсь в тебе, и ты нуждаешься во мне. Мы трофеи на каминных полках друг у друга. Мы оба живем в одних и тех же джунглях. Если ты превратился в чудовище, значит, и я недалеко ушла... Кем я была, когда ты подобрал меня? Так... Дырка... А ты карабкался на вершину, ты хотел победить! Именно потому... — Ее голос дрогнул, едва не сорвавшись на жалобный всхлип. — Именно потому я осталась с тобой... Ты единственный человек, кого я... Барт... — Последняя фраза прозвучала еле слышным хныкающим лепетом.

— Кто ж теперь лжет? — воскликнул Фрейден. — София О'Хара, твердая, как шпала! Ты, сучка! Я люблю тебя, маленькая лгунья! Господи, помоги мне, я влюбился... Я ничего не могу с собой поделать, я так одинок здесь... И если я тебя потеряю... Ты можешь причинить мне боль, Соф. В первый раз за всю жизнь кто-то может причинить мне боль. Вот маразм-то!

Внезапно она кинулась к нему, обхватила руками, спрятала лицо у него на груди.

— Причинить тебе боль? Идиот! Я не смогу причинить тебе боль, даже если ты бросишься на меня с ножом в пьяном угаре. Что поделать, вот такая я кретинка! Мы обстрипали славное дельце, и я веду себя, как одержимая, цепляюсь за всевозможные мелочи, словно какой-то помешанный «тормоз»! Твое тело... и то, как ты ходишь... и твой проклятый нежный живот... Мелочи? Фигня! Первоклассный мужчина для первоклассной женщины... Да будь ты с ног до головы покрыт белой

лепрой¹, я все равно не оставила бы тебя. Мне наплевать, сколько ты там накромясил ублюдков, сколько невинных душ загубил. Пока ты хочешь меня — я с тобой, Великолепный Вождь! К сожалению, мне придется всегда...

— Соф, ты пытаешься... — начал было лихорадочно бормотать Фрейден, но осекся, будто получил с размаху в переносицу.

— Да, недоумок! — всхлипнула София. — Что за омерзительное слово! Я ненавижу его! Ненавижу! Но ничего не могу поделать с этим... Я люблю тебя! Люблю, люблю... Никто не говорил тебе этого прежде?

Фрейден с изумлением почувствовал, как по щеке у него скатилась соленая капля. Откуда? Почему? Он сжал ладонями лицо подруги, взглянул на него, как на некую редчайшую драгоценность. София плакала. Он никогда не видел ее плачущей прежде. Никто не плакал перед ним прежде. Барт понял, что обязан ей. Крупно обязан! Все нутро его противилось этому неоплатному долгу, но Барту теперь были глубоко безразличны любые потуги своего маленького, хитрого «эго». Влип? Ну и что! Он ведь здоровый, сильный мужик... Он старый, потасканный прощелыга... Не время умствовать, хватит гонять порожняк!

Барт подхватил Софию, отнес ее на постель. И, как это уже случалось тысячу раз, они занялись любовью. Но теперь Бартом владели иные чувства, он уже не ощущал себя бегуном-рекордсменом на длинной дистанции. «Я люблю ее», — думал он, даже после того, как раздел подругу, вошел в нее, покатился по теплым волнам сладострастия, которое раньше всегда переживал как мгновение беспримесного, эгоистичного наслаждения.

Он трепетно и нежно вел ее к оргазму, почти против воли; он затерялся в мире ее тела, содрогающемся от самой ничтожной, мимолетной сладости экстаза. Женщина под ним наслаждалась без притворства, открыто, страстно. А сам Барт отлетел куда-то далеко-далеко, стал чем-то крошечным и незначительным, погасшей звездой в чужой галактике. И когда оргазм накатил кипящим прибоем, они утонули в нем вместе. На несколько мгновений Барт почувствовал себя слившимся с ней, черпающим невообразимое наслаждение из ее экстаза, пьющим ее достигшую вершины страсть, отдающим свою собственную. Это был безумный, в чем-то страшный взрыв дикой радости —

¹ Б е л а я л е п р а — одно из названий проказы.

он не принадлежал ни ему, ни ей; слепящая вспышка сильнейшего наслаждения, столь же яркого, как и самая ужасная боль, которая соединила их в одно целое.

И в эту ночь Барт впервые спал в объятиях *возлюбленной*.

Глава 14

Тихо... Проклятье, почему так тихо! Фрейден огляделся, перегнувшись через борт машины. Миновав ущелье, на равнину выползала длинная вереница грузовиков. Там разместились две тысячи сангриан, собранные из разных деревень. Их нарядили в самое жалкое тряпье и вооружили короткими ножами. Неплохая уловка для самонадеянного Моро! Приготовленных на заклятие доходяг везли сегодня на День Боли. Весьма, надо сказать, странный груз для Народной Армии... И все же на протяжении всего маршрута дорога оставалась пуста.

Почти у самых подступов к Саду вдоль обочины расположилось великое множество грузовиков. Машины ждут своего часа, чтоб по условному сигналу скорым темпом подбросить к городским стенам двадцать тысяч бойцов. Холмы на западном краю долины сплошь усеяны партизанскими биваками. Но куда подевались толпы любопытных сангриан? Почему они не явились поглазеть на Народную Армию, на президентский караван? Даже несмотря на то, что все Киллеры давно уже ошиваются во Дворце и деревенщине ничего не угрожает. Фрейден почувствовал легкий зуд. Это пахнет неприятностями! Просочилась ли в окрестности молва, которую Барт недавно распустил по Саду? Всем ли Животным известно, что намечается большая заварушка? Собираются ли они оторвать задницы от стульев и хоть на время прекратить жрать дохлятину?

Фрейден повернулся к Софии, сидевшей рядом с ним на узкой скамье. Барт потянулся, слегка тронул подругу за руку — непривычный жест, — и София тускло ему улыбнулась, ответив на прикосновение.

Вильям Вандерлинг, занимавший скамейку напротив, казалось, заметил эту немую сцену, и губы его чуть дернулись в мимолетной ухмылке. Барт не замедлил развязно подмигнуть плешивому вояке, и Вандерлинг, ошибочно приняв это как знак мужской солидарности, оскалился, словно сытый павиан.

«Бедняга Дятел, — вздохнул про себя Фрейден. — Думает, что дело в шляпе. Вон как баюкает свой снипган... Будто младенца! Этот мальчик преподнесет тебе сегодня приятный сюр-

приз...» Фрейден посмотрел вперед поверх кабины на пять головных машин, набитых вооруженными торчками. Еще один милый прикамбас доброго парня Вильяма — выдать Тыккам винтовки взамен лучеметов. Снйпганы, видите ли, могут вызвать подозрение... Ну и осел! Вся авантюра шита белыми нитками через край. Если у охраны в наличии только ружья, то генеральский снйпган станет символом власти, и Дятлу намного легче будет заставить Тыкв прикончить Фрейдена, когда придет время. Без сомнения, Вандерлинг рассчитывал на эту небольшую дополнительную уловку. Однако старина не догадывался, что у лучемета силовая установка давно уже сдохла, выведенная тайком из строя, пока Вандерлинг производил завершающую инспекцию героинщиков.

«Черт с ним, с Вильямом, и черт с ними, с Животными! Я подумал обо всем». Барт взглянул на бумажный сверток у своих ног — там мантия Брата. Это не неотъемлемая часть плана. Суметь бы только повернуть дельце! Если б Киллеры действительно подчинились приказам живого «Брата Барта», когда будет разыграна последняя фишка! Прелестный заключительный штрих — толпа, крепко держащаяся его слова, и единственная дисциплинированная армия на планете, повинующаяся его приказам. Бедный Вильям!

Головные грузовики уже пылили по предместьям Сада. Дорога вела в город через районы Животных, и когда машина Фрейдена покатила по одной из боковых улиц по направлению к Дворцу, мимо грязных, пустых лачуг, Вандерлинг скорчил гримасу и крепче сжал снйпган.

— Не к добру это, задницей чувствую! Тихо как-то... Куда они все запропастились?

Действительно, улицы были пусты. Фрейден мог разглядеть мужчин и женщин, глазающих из хибар на караван, кативший ко Дворцу. Там и тут мужчина или женщина отчетливо видны в дверном проеме; они сжимают в руках дубинку, или нож, или завернутый в тряпку факел. Доходяги понимающе кивали, когда грузовики проезжали мимо. И лишь маленький тощий ребенок — все кости видны под туго натянутой кожей, — не ведая о кровавых игрищах взрослых, резво выскочил из-за хижины, встал посреди улицы и долго смотрел на гроыхающие, запыленные машины, что проносились мимо. Потом дстеныш юркнул обратно, подобрав лежавшую на земле кость.

— День Боли... — проговорила София. — Мне совершенно не нравится, как это звучит.

Фрейден стиснул ее руку. Он думал посвятить ее в весь план, но это бы только беспокоило ее. Никто не смог бы понять, что толпу можно использовать в спланированном, контролируемом действии, — до тех пор, пока человек чувствовал, что такая толпа фактически находится во власти его собственного голоса.

— Возможно, ты права. — Барт говорил больше для Вандерлинга, чем для нее. — По тому, что мне удалось выжать из Олнея, видно, что Животные относятся к этой фигуре с Днем Боли так же серьезно, как и Братья. Хороший психологический прием со стороны Братства. Дай Животным большое шоу пыток один раз в году, позволь им насладиться теми же вещами, которые Братство само продлевает весь год, — и вместо того, чтобы считать Моро и Компанию чудовищами, они привыкнут к ощущению, что Братья такие же, как и они, только счастливее. Если им привьется некоторая склонность к садистским забавам, это заставит их верить в так называемый Естественный Порядок все сильнее. Напоминает мне трех парней, разговаривавших о том, как часто они имеют женщину. Первый сказал: «Раз в неделю» — и не выглядел при этом счастливым. Второй сказал: «Раз в день» — и выглядел пресытившимся. Третий сказал: «Раз в год», но он был похож на кота, съевшего канарейку. Когда они спросили его, какого дьявола он так радуется, он ответил: *«Ах, но сегодня же эта ночь!»*

Вандерлинг хрюкнул.

— *Очень забавно*, — буркнула София.

Грузовики свернули на центральную авеню Сада, мимо сверкающей, кричащей, фальшивой вывески грязной столицы Сангрии, фасадов из синтемрамора, деревянных и металлических зданий, которые так не соответствовали милям зловонного муравейника позади.

Они достигли холма, на котором стоял Дворец, остановились у главных ворот, под тяжелыми бетонными стенами. Фрейден заметил, что орудийные башни, размещенные по стене, заполнены людьми, но галереи, идущие по верху стен, достаточно просторные для тысяч вооруженных солдат, пусты.

Ворота распахнулись, и грузовики двинулись вперед, между двумя рядами Киллеров, возможно, по пятьдесят человек в каждом, — и вот уже они на территории Дворца. Вандерлинг кивнул, ухмыльнулся Фрейдену, и Барт ухмыльнулся в ответ. Только сотня Киллеров охраняла ворота. Широкий двор сплошь заставлен деревянными загонами, набитыми толстыми, дебильными детишками. Возможно, сотня Киллеров несла караул у загонов. Двести Киллеров, чтобы удерживать ворота, против двадцатитысячного войска!

— Вот уж мура так мура! — пробормотал Вандерлинг.

Грузовики объезжали здание Дворца, и Фрейден увидел еще пару дюжин Киллеров, расставленных по лестнице, ведущей вверх, к парадному входу. Грузовики обогнули угол Дворца, и перед ними замаячила черная громада стадиона.

Около двухсот Киллеров ожидали их у главных ворот. Капитан-Киллер вывел взвод к передним грузовикам, махнул им, показывая на главные ворота стадиона. Другой офицер повел остальных Киллеров за грузовик Фрейдена. Они блокировали грузовики с двумя тысячами жертв, направили их за стадион к входу на Арену, где Животные мнимо были бы обысканы и затем выведены через потайные ходы на Арену, ворота которой находились на уровне земли.

Машины охраны припарковались полукругом между грузовиком Фрейдена и стадионом. Сотня героиновых голов попрыгала вниз, быстро выстроилась в две шеренги по пятьдесят человек в каждой, по правую сторону от грузовика Фрейдена.

— Ну, была не была! — выдохнул Барт и, прихватив свой сверток, соскочил на землю, перепрыгнув борт кузова. Вандерлинг же опустил задний борт, и они с Софией выползли вслед за Фрейденом. Все трое разместились меж двух рядов телохранителей, капитан-Киллер вывел своих людей вперед строя, и Фрейден скомандовал:

— Пошли!

В молчании Киллеры повели их через главные ворота и по длинному влажному коридору, который в конце концов превратился в поднимающуюся вверх наклонную плоскость. В конце ее открытый портал освещал темный коридор сиянием красных лучей. Вандерлинг посигналил рукой, и Тыквы потрусили вперед за Киллерами. Фрейден смутно разглядел, как они рассеиваются, занимая позиции, образуют плотный заслон. Вандерлинг проворно зашагал за ними.

Фрейден кинул быстрый взгляд на Софию, она на минуту сжала его руку, потом отпустила. Он глубоко вдохнул и вывел ее в слепящий полуденный жар стадиона.

Какое-то мгновение, пока глаза привыкали после мрака к яркому свету, все казалось Фрейдену пестрым смазанным пятном. Потом это пятно распалось, превратилось в море, в огромную отвесную скалу идущих ярусами лиц и тел.

Они стояли примерно в центре трибун в самой отдаленной от Павильона секции стадиона — расстояние достаточное, что-

бы нейтрализовать снипганы, с точки зрения Братьев. Узкая лента скамеек, шириной примерно в двадцать сидений, тянувшаяся от верхнего края стадиона до ограды, отделяющей трибуны от поверхности Арены, была свободна непосредственно перед и за ними. Остальное пространство стадиона, каждый дюйм места на скамьях, было забито до отказа. Оттуда, где стоял Фрейден, глядя на крытый Павильон через всю ширину стадиона, было видно, что две огромные секции сидений, занятых сацианами, выгибаются, оставляя небольшое свободное пространство с каждой стороны Павильона. От верхних рядов и до ограды у подножия трибун две огромные, выгнутые полукругом секции были плотно набиты сацианами — по меньшей мере тысяч десять изможденных полуголых тел, вплотную притиснутых друг к другу на лавках без спинок. Фрейден увидел, что необычно большую часть составляют старики и женщины, попадались иногда даже калеки — великая редкость на Сангрии. Он помахал трибунам, и ропот прокатился по ним. Фрейден усмехнулся. Они не собирались поднимать гвалт здесь, где столько Киллеров вокруг, но они *знают*, подумал он. Старичье и калеки... Это было добрым знаком, это означало, что более полноценные сациане готовятся принять более активное участие в событиях этого Дня Боли...

Фрейден прищурился, украдкой посмотрел через Арену на Павильон. Само строение было украшено золотыми и черными флагами, и его заполняли тысячи Братьев — каждый Брат из оставшихся на Сангрии был здесь — и их рабы и женщины; тысячи черных мантий составляли зловещий контраст с цветными столами, уставленными фруктами, жарким, кувшинами вина, с обнаженными продубленными телами рабов и совершенными формами гурий. «Как стервятники на слете попугаев!» — подумал Фрейден.

Посередине, в центре Павильона, он мог разглядеть Моро, в такой же черной мантии, как и остальные, и едва ли не ставшего толще за это время; он восседал на своем резном троне, с одной руки свободно, как скипетр, свисал электрический мегафон.

Выше, ниже по обе стороны от Павильона трибуны были черны от одетых в форму Киллеров, — возможно, их было не менее двух тысяч; солнце отсвечивало красным от тысяч винтовок.

По обе стороны к Киллерам примыкали две большие секции, Наполненные людьми в набедренных повязках, тоже возможно по две тысячи с каждой стороны. Фрейден усмехнулся. Они загромировались под Животных, но даже с такого расстояния он мог разглядеть здоровые мускулы их грудных клеток, так мало

похожие на ребра сангрианских Животных. Ему не нужно было смотреть на их зубы, он и без того знал, что они остро подпилены, ему не нужно было выискивать винтовки, спрятанные в лесу ног, чтобы знать, что они там есть. Нельзя спрятать хорька среди кроликов, и не спрячешь Киллеров среди Животных. Ловушка была поставлена, и ловушка внутри этой ловушки, и итоговая ловушка...

Внезапно он почувствовал, как чья-то рука вцепилась в него — Софии. Молча она кивнула на Арену, ее зубы закусил нижнюю губу, глаза расширились.

Он проследил направление ее испуганного взгляда и с трудом сглотнул, потому что только сейчас увидел, что вся поверхность Арены была лесом. Лесом грубых деревянных крестов, воткнутых в утрамбованную почву, тысячи крестов, ряд за рядом, и основание каждого из них было завалено высокой грудой хвороста. Там и тут блестела жаровня с маслом, жаровни со стальными ковшами с длинными ручками. Рядом с ними груды были сложены незажженные факелы. Груды факелов и кучи больших железных гвоздей. Пара сотен Киллеров была рассеяна по Арене, они стояли среди крестов, ожидая, сжимая тяжелые даже на вид молотки.

София крепко держалась за руку Фрейдена; он повел ее и Вандерлинга в центр свободного места на трибунах. Когда они уселись и Фрейден заботливо уложил под сиденьем свою завернутую в бумагу черную мантию, Тыквы заполнили трибуны вокруг них, образуя защитную стену из живой плоти, каре сидящих вооруженных людей с Фрейденом, Софией и Вандерлингом посередине.

Фрейден осмотрел трибуны: Братьев в Павильоне — пьющих, с волчьей жадностью поглощающих огромные шматы мяса, забавляющихся с рабынями; Животных — молчащих и напряженных, большинство из них смотрело в его сторону с диким предвкушением в глазах; Киллеров, с руками, зажатыми между колен, поближе к спрятанным винтовкам... Он чувствовал ужасное напряжение, повисшее над стадионом, волну, готовую подняться, когда каждая группа ожидала минуты, когда ожидание закончится, когда ужасные события этого предпоследнего Дня Боли наконец начнутся.

Потом Моро тяжело поднялся на ноги, поднес мегафон к губам, и громкий глухой голос распорол воздух.

— День Боли! — проревел Моро, и эхо разнеслось по гигантской чаше стадиона. — День Боли! День Боли! День Боли! — Разнесшийся выкрик, сливаясь со своим собственным эхом, перерос в чудовищный, дробящийся, мерцающий каскад звуков.

Братья подхватили его, запели — тысяча голосов, перекрывающих раскат голоса Моро гортанным ревом-стаккато:

— День Боли! День Боли! День Боли! День Боли!

Потом уже пели обширные трибуны Киллеров и, наконец, Животные, и весь стадион сотрясаясь от звука двадцати тысяч голосов, тянущих:

— День Боли! День Боли! День Боли! День Боли!

Братья отбрасывали куски жаркого, кувшины с вином, отталкивали женщин, начинали безумно вертеть головами, хлопать в такт. Киллеры уловили ритм и стали стучать в бетонный пол сапогами и прикладами винтовок. Животные тоже начали аплодировать, колотя босыми ступнями по твердому бетону, и все это было как отдаленный гром, как звуки стрельбы:

— Бум-да-да-бум-бум! Бум-да-да-Бум-Бум! Бум-да-да-Бум-Бум!

И контрапунктом над этим — пение, доводящее себя до мощного рычания:

— День Боли! День Боли! День Боли!

— День Боли! День Боли! Бум-да-да-Бум-Бум! День Боли! День Боли! Бум-да-да-Бум-Бум!

Звук ударил в уши Фрейдену. Через бетон содрогающегося стадиона, через подошвы башмаков, вверх по костям, вибрация превратила в трясущееся желе все внутренности, дыбом подняла волосы на затылке. Рука Софий судорожно впиалась в него, как клешня, лицо женщины стало мертвенно-бледно, челюсти сжались, как тиски.

— День Боли! День Боли! День Боли! День Боли! День Боли!

Хлопки, топот сапог и босых ног теперь затихли, и весь стадион пронзительно кричал; песнь переросла в дикий, леденящий кровь, визгливый, завывающий крик:

— ДЕНЬБОЛИДЕНЬБОЛИДЕНЬБОЛИ!

Павильон превратился в клубок извивающихся тел. Братья выдирали мясо из поджаренной человечины, все время крича, выплевывая вместе с воплями жирные куски, откусывая снова, колотя нагих рабынь с грубой животной непринужденностью, — ужасающий разгул в огромной, кишасей гадюками яме.

Замаскированные Киллеры выдали себя даже перед Животными, бешено кусая свои покрытые пеной губы, так что на их хмурых лицах появлялись бороды из кроваво-красной слюны.

Животных тоже захлестнуло яростью, они визжали, царапались; когти старух скребли покрытую шрамами кожу калек, скрюченные сморщенные мужчины бездумно колотили по вздымающимся спинам старых женщин...

Даже проклятые Тывы, которые, как предполагалось, должны были нести охранение; завывали в ярости, их запавшие зенки превратились в глазищи почуявших кровь волков.

Фрейден чувствовал, как это поднимается к нему, спускается на него, проникает в его внутренности — сконцентрированное животное бешенство двадцати тысяч человеческих существ, полностью предавшихся темнейшим побуждениям внутри них, бессмысленное, бездонное, безбрежное море ужаса, зарождающаяся волна, мощный прилив освобожденной неистовой жажды крови.

Он качался на краю готового поглотить его потока, чувствуя зияние пасти зверя, потянувшегося схватить его, этого зверя, который таится в каждом человеке, этого гигантского хищника, этой жаждущей убийств первобытной твари. Он чувствовал этого зверя и не окликал, зверя внутри, зверя, который пульсировал в его венах незваной волной адреналина. Его ум воспротивился безумному, первобытному зову джунглей, яростному хищнику внутри него, от которого он так долго отрекался...

В отчаянии он вцепился в Софию, прижался к ней, всасывая ее нежность, тепло, ее женственность. Она спрятала лицо у него на груди, непроизвольно всхлипывая.

— ДЕНЬБОЛИДЕНЬБОЛИДЕНЬБОЛИДЕНЬ!

Уголком глаза он недоверчиво поглядел на сидевшего рядом Вильяма Вандерлинга. Вандерлинга воющего, Вандерлинга, лицо которого исказилось в покрасневшую дьявольскую маску; огромная багровая вена вздулась, пульсируя, на макушке его лысого черепа.

— Боже, Боже, Боже, Боже, Боже... — бормотал Фрейден, полумолясь.

И потом все резко оборвалось. Заключительный ужасный рев — и внезапная тишина, глубокая, бьющая по ушам тишина, ужаснее крика, зловещее, липкое молчание могилы.

Под ними, на Арене, распахнулись большие ворота, и откуда под кроваво-красные лучи солнца небольшие взводы Киллеров стали выталкивать группки связанных людей — одну, другую, и еще, и еще. Потом новые группки, и новые Киллеры, и новые... Жертв вели на бойню.

Совершенное молчание царило на стадионе, пока вооруженные Киллеры гнали две тысячи связанных человек, голых по пояс, из внутренностей стадиона на грязную поверхность Арены, окруженной воткнутыми в землю деревянными крестами, оставляя по одному человеку у креста, по одному вооружен-

ному винтовкой и «моргенштерном» Киллеру на каждые четыре креста. Жертвы — руки связаны за спиной, бесполезные кинжалы спрятаны в набедренных повязках — смотрели вверх на трибуны, на молчащих, выжидающих Животных, на Киллеров, чьи рты были испачканы кровавой пеной, на Братьев в Павильоне, рассеянно обгладывающих человеческие руки и ноги, лакающих вино из глиняных кувшинов и все время неотрывно глядящих вниз — красноглазых, ухмыляющихся.

И связанные смотрели на Вандерлинга и Фрейдена — умоляюще, ожидая сигнала, избавления, которое было им обещано. Фрейден не мог встретиться с ними глазами, потому что расчет времени был слишком приблизительным, грубым, чтобы спасти этих людей. Как раз сейчас Народная Армия должна была приближаться к Дворцу, но прежде чем она вломится внутрь...

Киллеры на Арене держали свои огромные молотки поднятыми над головами, отдавая гротескный салют. Моро держал мегафон у губ.

— Давайте Боль, получайте Наслаждение! — крикнул Моро. — Давайте Смерть, берите Жизнь! Пусть церемония начнется! Во имя Братства Боли и Естественного Порядка, пусть все разделят удовольствие давать Боль! Убей! Убей! Убей!

Гнетущее молчание разорвал пронзительный животный крик, вырвавшийся из двадцати тысяч глоток, когда Животные, Киллеры и Братья запели:

— Убей! Убей! Убей!

Пение набирало темп, утрачивало ритмичность, становилось бесконечным, бессмысленным криком, как звуковая пульсация сирены:

— УБЕЙУБЕЙУБЕЙ!

Фрейден, одной рукой обняв Софию, привалившуюся сбоку, заставил себя успокоиться, отогнал все эмоции, приказал себе стать сухой вычисляющей машиной. Рядом с ним Вандерлинг не отрывал глаз от Арены, его губы беззвучно шевелились, немо складываясь в слово «Убей».

Фрейден свирепо пнул его локтем под ребра.

— Очухайся! — прокричал он Вандерлингу в ухо. — Пора! Выводи своих проклятых ублюдков на позицию!

Вандерлинг вздрогнул, встряхнулся, как человек, пробуждающийся от сна, пролаял команду сидящим героиновым головам. Тыквы резко вскочили на ноги, с винтовками на изготовку, образуя плотный щит из тел и оружия со всех сторон.

Фрейден принудил себя холодно оценить ситуацию. К этому времени армия должна была достичь стен Дворца; возмож-

но, они уже ворвались внутрь. Невозможно было услышать что-либо из-за нескончаемого, сотрясающего трибуны рева.

Он вытянул шею, пытаясь разглядеть что-нибудь за человеческой стеной перед ним. Освободившись от Софии, он вскарабкался на скамью, глянул поверх живого щита на Арену. Киллеры и жертвы одинаково застыли, приросли к месту. Киллеры стояли неподвижно, прислушиваясь к своему боевому кличу, вырывающемуся из двадцати тысяч глоток. Связанные люди смотрели на ярусы трибун, наполненные существами, требующими их крови; их лица побелели от страха, глаза округлились от потрясения и боли.

Непрошенный мощный спазм отвращения к самому себе прошел по Фрейдену. Эти люди не были бы спасены, он сам спланировал все таким образом. Поглощенные избиением жертв Киллеры не смогли бы отвлечься, пока партизаны штурмовали стены, и Фрейден, чей мозг сейчас работал словно вычислительная машина, возлагал надежды на возникшую панику. Фрейден-человек испытывал отвращение. Оба наблюдали и ждали.

Ему не пришлось ждать долго.

Внезапно, как по сигналу, каждый вооруженный Киллер схватил свою жертву, поволок ее к кресту. Киллеры с молотками, подхватив горсть гвоздей из куч у жаровен, бежали к крестам, у которых их напарники держали извивающихся пленников. Двое Киллеров, находившиеся ближе к центру Арены, начали первыми. Один сорвал с приговоренного веревки, поднял его к кресту, растягивая руки по поперечине, в то время как второй вспрыгнул на кучу хвороста и загнал гвозди сквозь ладони распятого глубоко в твердое дерево. Человек закричал, из его изуродованных рук потекла кровь — и тут весь ад вырвался на свободу.

Немедленно сотни пар Киллеров начали сдирать веревки, распиная жертв. Но некоторые из них действовали недостаточно быстро. Вот с партизана сняли путы — и он вырвался из рук Киллера, сунул руку в набедренную повязку, выхватил кинжал и сразу же вонзил его в сердце остолбеневшему Киллеру, подхватил «моргенштерн» умирающего, расплющил череп Киллера с молотком еще прежде, чем тот шевельнулся, зажал молоток в свободной руке и, размахивая молотком и «звездой», напал на Киллеров у соседнего креста. Десятки сангриан висели, вопя, на крестах, но десятки других вырвались на свободу, закалывали своих мучителей, освобождали распятых, подхватывали оружие упавших, слепо кидаясь во всех направлениях.

Организованная бойня превратилась в бурлящий хаос, когда Киллеры, уступавшие в численности, оправились, выхватили «моргенштерны» и начали приканчивать еще связанных сангриан, отбиваться от людей, завладевших ножами, «звездами» и молотками. Жаровни были перевернуты, кипящее масло проливалось и на Киллеров, и на Животных, кресты опрокинуты — на некоторых из них еще корчились истекающие кровью тела. Арена была колоссальной свалкой яростного бесформенного боя, сплетением тел и оружия и текущего масла, содрогающимся клубком сотен, тысяч отдельных убийств.

На трибунах Животные ликующе выли, Братья в немом шоке пялились вниз, широко открыв глаза.

Киллеры, в форме и переодетые, повскакивали на ноги, с винтовками в руках, с боевым кличем на губах, покрытых пеной. Две громадные секции черных и полуобнаженных Киллеров, окружающих Павильон, кричали стоя. Потом Фрейден услышал звук одинокого выстрела.

Тут же весь дальний конец стадиона ожил, расцветая тысячами вспышек пламени. Грохот стал оглушающим, когда Киллеры на трибунах стали отправлять яростный залп за залпом в разыгравшийся на Арене хаос.

Внизу десятки тел, Киллеров и Животных, были сметены чудовищным градом пуль. Поднялось огромное облако пыли от вонзавшихся в утрамбованную почву, образующую поверхность Арены, пуль. Воздух наполнился щепками, которые тысячи шальных пуль выдирали из деревянных крестов.

Киллеры продолжали стрелять. Звуки выстрелов слились в единый, сотрясающий землю рев, раскат непрерывного нарастающего стакатто грома. Залп за залпом обрушивался на людей на Арене, непрерывный ураган смерти, ливень свинца. Киллеры и Животные больше не сражались друг с другом — они, как сумасшедшие, кидались из стороны в сторону, ища прикрытия за дергающимися телами, падавшими повсюду вокруг них.

Фрейден мог видеть Моро, смутно различимого в пороховом дыму, ревушим что-то в свой рупор. Но Киллеры уже вышли из-под его контроля, из-под контроля кого угодно вообще, даже Моро не остановил бы их...

Потом Фрейден увидел, что делал Пророк. Он не мог остановить Киллеров, но он мог дать направление их ярости. Ближайшие к Павильону ряды Киллеров повернулись, нацеливая винтовки в направлении...

Фрейден схватил Софию, потащил ее со скамьи вниз, закрывая собой, под прикрытием героиновых голов, вместе с ней отполз под скамью, напрасно сжимая свой снипган.

Пули засвистели у них над головами, с визгом отскакивая от бетона, вонзаясь в стоящих героиновых голов, которые стали падать, обезумев, стреляя в Киллеров через всю ширину Арены. Тела валялись перед ними, позади них, со всех сторон...

Моро начал действовать. Пока основной корпус Киллеров продолжал неистовый обстрел Арены, Пророк приобрел достаточный контроль над частью из них, чтобы приказать уничтожить Тыков и ненавистных людей, которых торчки охраняли.

Фрейден взглянул на Вандерлинга, распростершегося рядом с ним.

— Теперь в любую минуту, — пробормотал Вандерлинг. — В любую минуту... — Пуля со свистом ударилась в бетон в нескольких дюймах от его головы, один из героинщиков позади вскрикнул, когда она рикошетом угодила в него. «Где, черт подери, наши люди? — дивился Фрейден. — Сколько можно тянуть волюнку?»

Поднялся страшный рев, рев, который был слышен и за массированным огнем. Направление стрельбы вроде бы изменилось; пули больше не свистели над головой, и казалось, что огонь сконцентрировался на чем-то, находящемся точно внизу. Тыквы больше не падали; они ликующе кричали.

Фрейден осторожно встал и посмотрел на Арену.

Крепления больших ворот Арены были сорваны. Весь ближний к нему край Арены покрылся сплошным потоком людей в зеленых набедренных и головных повязках, солдат Народной Армии, вливавшихся на Арену, стрелявших на ходу из своих винтовок, — необоримый прилив людей, волной вздымающийся над Ареной по направлению к тому концу стадиона, где стоял Павильон, смывающий кресты ряд за рядом одним только весом своих тел, наступающих вперед, прижимающий оказавшихся на его пути Киллеров и Животных к дальней стороне Арены.

И они продолжали прибывать, лились в плотной давке через ворота, и через мгновение Арена была наполовину заполнена ими. Еще одна волна, еще, и еще, и еще, двадцать тысяч человек заполнили всю Арену, стреляя вверх, на трибуны Киллеров, — стена за стеной смертоносного свинца.

Животные на трибунах пели слова, дико, пронзительно, но теперь это была новая литания, их литания:

— БАРТБАРТБАРТБАРТ!

Киллеры на трибунах все еще были на ногах и стреляли вниз, залп за залпом, даже когда пули впивались в них. Вся первая линия партизан, тысячи человек, полегла. Но остальные продолжали стрелять. Это не было сражением; это было обоюдной бойней. Две сплошные стены Киллеров и партизан, стреляющих в упор, лишенные малейшего подобия укрытия, удерживались на своих позициях и избивали друг друга, скашивали целые ряды, обмениваясь потрясающе длинными и затяжными очередями. Но исход бойни не вызывал никаких сомнений. Киллеры и партизаны падали тысячами, но на место каждого упавшего партизана врывались на Арену через разбитые ворота трое новых — нескончаемым потоком людей.

В Павильоне поднялась безумная паника, когда тысячи Братьев, женщин, рабов кинулись к единственному выходу все сразу. Павильон стал царапающимся, лежащимся, раздувшимся месивом кричащих, перепуганных человеческих существ; дикая собачья свалка у выхода не позволяла спастись никому из этого затягивающегося, задыхающегося узла борющихся тел, который запечатлел гибель Братства Боли.

К этому моменту, под грозным огнем, лившимся на них с трибун Киллеров, героиновые головы среди партизан установили внизу некоторое подобие порядка, и тысячи сангриан начали стрелять прямо в Павильон — залп за залпом.

Каждую секунду сотни партизан падали, сраженные пулями, но армия по-прежнему врывалась на Арену массивным напором вооруженных людей, яростно стреляющих в забитый до отказа Павильон. Теперь все они стреляли в Павильон, тысячи пуль в секунду со свистом рассекали воздух.

Тела взлетали в воздух, как бьющаяся рыба, разрывались на части в брызгах крови, когда пули, волна за волной, впивались в них; беспощадные свинцовые кулаки на сверхзвуковой скорости обрушивались на плоть, дерево, бетон. Воздух над Павильоном стал водоворотом летящих бетонных осколков, деревянных щепок, частиц костей, кровавых кусков мяса. Через какие-то секунды Павильон превратился в сваленную помойную грудку искалеченных тел, разбитых столов, глиняных черепков. Даже когда непрерывный, неслабеющий дождь пуль раздирал их в клочья, Братья и их вассалы дрались друг с другом, убивая собственных товарищей в бесплодном бою за блокированный телами выход. Братство Боли умирало так же, как и жило, царапающимся кровожадным клубком человеческих тварей.

Все кончилось в считанные минуты. Павильон стал обширной скотобойней, горой падали — раздробленных тел, расколотого бетона, расщепленного дерева; и все это покрыто густой патиной уже сворачивающейся, сияющей красной крови. Там и здесь дергалось полуживое существо, разбрызгивая красные капельки, но его быстро распластывал по полу град пуль.

Фрейден давился, даже когда осознал, что все кончено, что каждый Брат на планете мертв, что теперь планета его...

Потом он увидел фигуру, одинокую тучную фигуру,двигающуюся по Павильону, переползая, подобно крабу, на брюхе от одного раздробленного тела к другому, плавая в крови, используя трупы как прикрытие, зигзагами продвигаясь к выходу.

Это был Моро. Моро, с лицом, превратившимся в маску кровоточащего мяса; ручки крови непрерывно струились из-под его изодранной в лохмотья черной мантии.

Моро выполз из-за очередного тела, и пуля попала ему в плечо. Он слегка приподнялся от боли, и новые пули вонзились в него. Он вскрикнул; крик его затерялся в треске винтовок; потом он в муке поднял руки. Десятки пуль пробарабанили по его незащищенным рукам; чудовищный расстрел, подталкивающий Пророка вверх и назад, как палец, пощелкивающий по карте, выставил под огонь его спину.

Пуля, угодившая Моро в спину, словно чудовищным металлическим кулаком, полностью подняла его на ноги. Какое-то мгновение его тело казалось плывущим в воздухе на волне свинца.

Потом Пророк Боли повалился назад, как сломанная кукла, плюхнулся, перевернувшись, на живот и затих.

На трибунах Животные стали прыгать вверх-вниз, конвульсивно корчась, как сумасшедшие марионетки. А Киллеры, видя своих хозяев погибшими, — вся дисциплина, последний след здравомыслия погиб вместе с ними — волной ринулись вниз с трибун, в щепки разнеся опоясывающую Арену ограду натиском своих тел, отбрасывая винтовки, размахивая «звездами», тысячами голосов завывая свое «Убей! Убей! Убей!», рвущееся с кровоточащих, покрытых пеной губ.

Киллеры врезались прямо в плотину пуль, огонь столь сконцентрированный, что он откинул всю первую волну назад на трибуны кровавым месивом. Но тысячи Киллеров на трибунах выше пробрасывали мертвые тела как металлические снаряды, пробивались вперед — лавина плоти против стены пуль. Киллеры вывалились на Арену уже кучей, чтобы нарваться на парти-

зан, — мертвые Киллеры, искалеченные Киллеры, сражающиеся Киллеры.

Крутя «звездами», лягаясь, кусаясь, черные бестии свалились на толпу партизан. Но как микроскопических животных, накрытых какой-то огромной амебой, остатки Киллеров поглотила орда на Арене. Проталкивая перед собой тела упавших товарищей, совсем как прибитый к берегу лесосплав, обезумевшие солдаты Братства вонзались в партизан «моргенштернами», били сапогами, рвали зубами. Но это было все равно что сражаться с морем. Из шести тысяч Киллеров немногие достигли Арены живыми. Те, кому удалось добраться до врага, впившись в него с бесстрашной яростью, уступали ему в численности один к десяти или один к двадцати.

Они исчезли, как капли дождя в океане. Можно было лишь разглядеть клубки сотен извивающихся тел; здесь и там над схваткой вздымался «моргенштерн», покрытый красной кровью и серыми клочьями мозгов. Бой мог продолжаться до тех пор, пока последний Киллер не стал бы липким пятном крови на Арене. Но сражение мало-помалу затихало. Зачем тратить силы, если с черными псами и так уже покончено!

Фрейден крепко обнял Софию, испытывая тошноту, опьяненный победой, полный омерзения — все одновременно, — пока бой, уже предрешенный, продолжал бушевать внизу.

— Конечная станция, Барт! — раздался сзади голос Вильяма Вандерлинга.

Фрейден рывком обернулся и увидел возле собственного носа мрачную пасть снипгана. Вандерлинг ухмылялся. Тыквы поворачивались к ним, неуверенно наводя стволы на новую цель.

— Герой! — каркнул Вандерлинг. — Гений! Спасибо за хаяву, Барт. Спасибо за планету. Это моя планета теперь, моя! — Он жестом указал на Арену.

— Туда, Барт, вот туда ты и отправишься. Пусть Киллеры разорвут тебя в клочья или, может быть, наши собственные чурки. В любом случае, ты будешь славным мучеником — ты и Малютка Длинный Язык. За тобой выбор, Барт, туда, вниз, или я раскромсаю тебя на куски на месте!

Фрейден посмотрел на Вандерлинга в упор. Бедный Вильям! Судорога жалости пробежала по телу. Достаточно убийств для одного дня!

— Не будь дураком, — сказал он. — Брось это. Забудь. Я все еще могу использовать тебя. Я не хочу убивать тебя, Вильям.

Вандерлинг засмеялся:

— Ты плохо понял?

Фрейден улыбнулся медленной, уверенной улыбкой, когда Вандерлинг плотнее придвинул дуло снипгана к его животу. «Еще минута-другая, — думал Барт, — и толпа будет здесь, *моя толпа*. Вильям безвреден, знает он это или нет, но я должен остановить торчков».

Он вздохнул, обращаясь к Тыквам:

— Арестуйте маршала Вандерлинга. Он предатель.

— Остыньте, парни, — бросил Вандерлинг. — Я сейчас главный, и это означает неограниченные дозы героина для всех!

Героиновые головы возликовали.

Теперь в любую секунду...

— Попробуйте что-нибудь сделать, — заявил Барт, — и вы все покойники. — Он засмеялся. — Играйте наверняка. Пусть Вильям сам делает свою грязную работу. Лучше забудь об этом, Вильям, пока у тебя есть такая возможность. Эта штука, которую ты держишь, — на ней не работает энерго-блок.

Лицо Вандерлинга вытянулось.

— Не обманешь меня так просто, — проговорил он неуверенно.

Фрейден засмеялся:

— Ты настолько туп, что думаешь, будто я стану рисковать своей шкурой, доверяя слизняку вроде тебя?

— Пристрелите его! — взвизгнул Вандерлинг. — Пристрелите!

Тыквы опять направили винтовки в живот Фрейдену. Однако бедолаги все еще колебались.

Фрейден смотрел на них, читая мысли по глазам. Они — подлинные творения Вильяма, кровь от крови, плоть от плоти. Мразь от мрази! Но даже эти, прожженные наркотой мозги, врубались, на кого они сейчас поднимают руку! Если здесь какая-то подстава, если Животные на трибунах увидят, как они убивают Фрейдена, Героя, Президента, их настругают мелкой щепкой. Почему пришелец не пустил в ход свое ужасное оружие? Почему Президент улыбался? Может, ему известно *нечто*, что позволяет улыбаться перед лицом смерти?

— Пристрелите его! Пристрелите его! — визгливо повторял Вандерлинг.

Тыквы колебались.

Напрасно! Время обратно уже не поворотить!

Резко, как если бы глубоко под землей произошел какой-то внезапный сдвиг, весь стадион задрожал. Перекрывая вопли утихающего уже боя, завывания Животных на трибунах, хлынул звук, подобный шуму вздыбленного штормом моря, бьющегося в огромный утес неподатливого металла, — миллионы тонн подгоняемой ветром воды, мерно стучащие в огромную стальную стену: «Барт! Барт! Барт!» Низкий звук, резкий звук, звук столь мощный, что его ударная волна едва ли не ощущалась кожей.

На трибунах через Арену, напротив Фрейдена, стоявшего в фокусе кольца винтовок, произошел, казалось, чудовищный взрыв. Взрыв людей. Они вырывались из каждого служащего входом портала — прилив садиян столь чудовищный, что напор их тел разнес бетонные обрамления порталов, словно гнилую бальсовую древесину. Тысячи тысяч мужчин, женщин, маленьких детей, размахивающих ножами, секачами, дубинками, копьями, факелами ворвались на трибуны, как какая-то пестрая химическая пена, внезапно высвободившаяся из-под крайнего давления, за секунды заполнили дальнюю секцию трибун; их было так много, что стадион тряся, бетонные и стальные балки, казалось, скрипели под их тяжестью.

И все больше садиян вливались в разбитые ворота Арены, сплошной поток мужчин, женщин и детей, который снес целую секцию ограды у ворот легко, как деревянные спички, и погнал кипящее переплетение Киллеров и партизан к дальнему краю Арены — небрежно, сметая препятствия, как бурун, несущий перед собой на горе вздымающейся пены обломки леса и старые водоросли. Садияне, ворвавшиеся через трибуны, растеклись по боковым проходам, через скамьи и тела на скамьях, не успевшие увернуться, и хлынули вниз, на Арену, пока наконец вся ближняя половина стадиона не была покрыта ковром из человеческих существ от верхнего края до Арены, словно некое несчастное животное, заживо съедаемое полчищем рабочих муравьев. И каждый из них, десятки десятков тысяч, вопил: «БАРТ! БАРТ! БАРТ!»

У Вандерлинга отвисла челюсть, глаза расширились от ужаса; он безнадежно озирался, как попавшая в ловушку крыса.

В это мгновение предельного потрясения Барт Фрейден двинулся. Когда на кратчайшее мгновение Вандерлинг отвел от него глаза, он рванулся вперед, погрузил кулак глубоко в живот Вандерлинга, вкладывая в удар весь вес своего тела.

Вандерлинг хрюкнул, сложился вдвое, ухватился за живот, выронив снайпан. Фрейден подхватил оружие, левой рукой поддерживая Вандерлинга под спину, принуждая его стоять прямо, прижал дуло снайпана к его брюху.

— Хочешь держать пари на твою жизнь, что я *не лгал*? — рывкнул Барт Вандерлингу. Потом повернулся лицом к вооруженному кольцу героинщиков.

— Бросайте винтовки и бегите! — пролаял он. — Это *мои* люди! Прислушайтесь к ним! Бегите, или вы все покойники! Бросайте винтовки и убирайтесь отсюда, или я выдам вас им, и они сожрут вас живыми!

Тыквы рассмотрели на море поющих садиян внизу, на поток людей, размахивающих ножами, дубинками и копьями и факелами, который катился на них слева и переливался через расщепленные скамьи, выкрикивая имя Фрейдена. Как один человек, они сорвались с места, побежали к выходу; некоторые отбрасывали свои винтовки, другие все еще угрюмо сжимали их в руках.

Фрейден поднял винтовку, отбросил бесполезный снайпан, приставил дуло винтовки к спине Вандерлинга.

— Опять неверно! — крикнул он ему, полуобернувшись к Арене.

Киллеры — те немногие, что остались в живых, — карабкались через ограду Павильона впереди сплошной стены визжащих садиян, которые сейчас заполнили едва ли не всю Арену. Садияне швыряли ножи и копья в бегущих Киллеров, и десятки солдат падали обратно в гущу толпы — лезвия, наконецники копий торчали из их спин, — чтобы быть разорванными на части руками, зубами и ногтями Животных. Садияне заполнили Арену, потрясая ножами, обломками разломанных крестов, горящими факелами, разбрызгивающими кровь конечностями, к которым все еще липли лохмотья черной одежды.

— Боже! — пробормотал Фрейден, с трудом веря собственным глазам. — Они окончательно сошли с катушек! Все ведь закончилось! Братство уничтожено, Вильям обезврежен — их нужно остановить!

Потому что садияне нападали на все, что еще двигалось. Киллеров и партизан одинаково разрывали в кровавые клочья ножами, зубами и ногтями, и все это время толпа, как один сошедший с ума организм, в один могучий голос выкрикивала его имя тысячами глоток.

Одной рукой Фрейден притягивал к себе Софию, другой сжимал винтовку, приставленную к спине Вандерлинга. Он

вспрыгнул на скамью, поднял винтовку горизонтально над головой своего маршала, свободную руку положил на плечо Софии, которая, с лицом совершенно помертвевшим и белым, осталась стоять слева и ниже от него.

Он сделал четыре быстрых выстрела в воздух — и Вандерлинг вздрогнул, когда оружие сработало в нескольких дюймах от его головы.

Фрейден уставился на кипящее море безумных, диких лиц. Тысячи из них, малая доля, но все же тысячи, слышали выстрелы и посмотрели вверх на Фрейдена, подталкивая локтями своих соседей, и через пару минут сражение стихло, пение ослабело. Десятки тысяч садиян пристально смотрели на своего освободителя, и тысячи других продолжали вливаться на стадион нескончаемым потоком.

Все еще держа винтовку над Вандерлингом, Фрейден поднял левую руку, поднес ее рупором к губам. Пение стало низким, гортанным рокотом — вещь ближайшая к молчанию в этом безумствующем человеческом море, увидевшем, что их Герой собирается говорить с ними.

— Все кончено! — прокричал Фрейден во всю силу легких, и все же едва слышный самому себе на фоне колоссального ропота. — Все кончено! Мы победили!

Толпа бессмысленно взревела, снова затягивая свою молитву:

— Барт! Барт! Барт!

Голос Фрейдена смело, как нежное дуновение зефира смеется ураганом. Огромный, все собой покрывающий ковер садиян принялся безумно прыгать и корчиться, и Фрейдену было видно, как целые тела, члены, оторванные головы скачут над толпой, как мячи на пляже. Садияне стали набрасываться на партизан, попавших на Арене в ловушку, на редких Киллеров, друг на друга...

«Нужно остановить их! — отчаянно думал Фрейден. — Но каким образом... Если только не...»

Он поднял голову, драматически указывая ею на Павильон — Павильон, который был громадной грудой изрешеченных пулями тел, плавающих в огромной сворачивающейся луже темно-коричневой крови.

Внизу глаза обратились в указанном направлении, увидели кладбище мертвых тел, трупы Братства Боли, которое железной рукой правило Сангрией в течение трехсот лет, тел ненавистного врага, изуродованных тел Братьев, лежащих без движения, истекая кровью в красных лучах сангрианского солнца.

Сражение опять приостановилось. Пение смолкло, и на этот раз замер даже могучий ропот, и в молчании, зловещем, чреватом безумием молчании, сотни тысяч глаз с недоверием и изумлением пялились на гору сырого кровавого мяса, бывшего останками Братства Боли.

Во всю мощь своих легких, чувствуя, как рвутся капилляры в его горле, Фрейден крикнул в ужасный звуковой вакуум:

— Свобода! Свобода! Братство мертво! Да здравствует Свободная Республика! Отправляйтесь по своим...

Казалось, что все произошло одновременно.

Вандерлинг прыгнул, ухватился за винтовку отвлекшегося Фрейдена, в прыжке поворачиваясь к Барту покрасневшей, искажившейся от бешенства рожей. Когда пальцы генерала скользнули по винтовке и он уже был готов вырвать ее из рук Фрейдена, изумленного и не ожидавшего такого подвига, Вильям внезапно вскрикнул и сложился пополам, как перочинный нож, отшатываясь от Барта.

Фрейден видел, как София прыгнула на скамью, нацеливая колено в пах Вандерлинга.

Фрейден оправился, как раз когда стадион взорвался ревом пронзительных голосов, и оправился достаточно, чтобы садануть скорчившегося Вандерлинга прикладом винтовки в челюсть.

Вандерлинг повалился назад, крутанулся на месте, и Фрейден нанес ему сзади последний удар — чудовищный свирепый пинок. Плешивый вояка, нелепо дергаясь, покатился по круто уходящим вниз трибунам, столкнулся с разбитым ограждением, отделяющим трибуны от Арены, пролетел мимо и исчез в водовороте дергающихся тел, рук, ног, копий, факелов, дубинок.

Все случилось мгновенно: жест в сторону Павильона, молчание, нападение Вандерлинга, удар Софии, вопли садан, падение генерала в толпу. В одно мгновение, подобно тому как нейтроны бомбардируют неустойчивое ядро атома с разных сторон одновременно, и в следующую секунду колеблющаяся масса взрывается с ужасающей первобытной яростью.

— Свобода! Братство погибло! Свобода!

Весть разнеслась по плотно стиснутой толпе на стадионе как пожар, зажигая каждую каплю крови в каждом жалком теле освобождением, избавлением от трех веков тирании столь мощной, что она едва ли не укоренилась в их генах. Свобода!

Но Сангрия осталась верна себе. Планета противоположностей. Две грани — черного и белого — запечатлены в душах людей абсолютным деспотизмом. Упыри поклонялись Наслажде-

нию как божеству. Почитали дьявола Боли, не знавшего середины. Раб — значит Животное. Брат — значит свободный. Не свобода *от*, но свобода *для* — свобода убивать, пытаться, пожирать живую плоть, откликаться на каждый темный каприз, гноющийся в самых глубинах человеческой души, воздвигнуть гору трупов до самого неба, чтобы утолить самый глухой и грязный зуд. Братья были... свободны!

Но Братство мертво, оно навсегда исчезло! Теперь Животные Сангрии свободны! Они все сейчас стали Братьями-по-Боли.

Целый стадион взорвался оргией бессмысленной жестокости. Мужчины кидались на женщин, женщины на мужчин, дети на родителей, отцы на отпрысков. Садисты обрушивались друг на друга с ножами и дубинками, копьями и секачами, пуская в ход зубы, когти и даже оторванные конечности. Стадион затрясся, когда вся Арена и дальние секторы амфитеатра стали одной сплошной массой раздирающих друг друга, молотящих, топчущих кровожадных зверей. Мужчины и женщины смыкали объятья — объятья смерти. Ногти вонзались в лица, руки вырывали волосы с кровавыми ошметками кожи. Дети падали под топчущие их ноги, с ножами и копьями, вонзенными в спины, впились зубами в босые ступни и бедра, повисали на них, сжимая челюсти, как черепахи в предсмертной агонии. Десятки рук вырывали из тел конечности, запускали их над толпой, тогда как все еще живые тела затаптывались и, разбрызгивая кровь, исчезали в лесу лежащих их ног, щелкая зубами и кусаясь даже в самый момент смерти.

Дальняя стена стадиона вспыхнула языками пламени, отбрасывая зловещий мерцающий оранжевый свет на безумие внизу. Подобно перевернутым остаточным изображениям, врезающимся в сетчатку слепого глаза, эмоции, побуждения, желания вернулись наизнанку, превратились в свои противоположности. Любовь была ненавистью, удовольствие — болью, убийство — милосердием, жизнь — смертью, когда три столетия преследований и лишений прорвались нескончаемой лавиной, словно огромный воспаленный нарыв, наконец вскрытый.

И каждая глотка, все еще связанная с парой функционирующих легких, выкрикивала чудовищную, насмешливую песнь: — Барт! Барт! Барт!

Фрейд, приросший к бетону, бессмысленно таранился на темную массу стиснутых, мучимых, безумных людей. Барт, выпучив глаза, наблюдал, как бьются о трибуны человеческие волны, плющат дерево, сталь и бетон — тонны взбесившейся бурлящей плоти. Слово всепоглощающий таран, толпа громила

трибуну. Стадион стонал и вздыхал, как живое существо в агонии, и в итоге, ослабленный бушующим по соседству пожаром, просевший под массой впавших в безумие людей, с ужасным треском, как если бы расколосось небо, развалился. Целая секция трибун подалась, распалась, рухнула, унося тысячи жизней и погребя головной отряд толпы под лавиной тел, расколотых стальных балок, колоссальных зазубренных плит бетона.

Но огромная толпа напирала и снаружи, подалась внешняя стена, и посреди падающих бетонных плит и балок открылся огромный каньон, расколовший дальний конец стадиона, в котором отчетливо стал виден пролет между стадионом и разрушенной стеной Дворца и город за стеною...

Все пространство между стадионом и городскими кварталами превратилось в людское море, едва ли не перехлестнувшее обвалившуюся стену Дворца, морем, над которым плыли тысячи факелов. Тысячи деревянных лачуг были преданы огню. Город исчезал в чудовищном столбе пламени, уходящем к огромному облаку густого черного дыма.

Потом Фрейден увидел Вандерлинга.

Как пробка, подскакивающая на вздыбленных ветром волнах, Вандерлинг выныривал над скученной толпой, по-прежнему заполнявшей Арену, безумно прыгая над Животными, впивавшимися в него тысячами рук. Его лицо было окровавлено, правая нога гротескно искривлена, как у сломанной куклы.

По его дергающимся рукам, по конвульсиям боли было достаточно ясно видно, что Вандерлинг еще жив. Потом в толпе подобрали один из вывороченных из земли крестов, дюжины рук высоко подняли его в воздухе над головами. Он нырнул, исчез из виду в человеческом водовороте. Те же руки потянули Вандерлинга вниз, и он тоже исчез — человек, затянутый живыми зыбучими песками.

Но минутой спустя и крест, и Вандерлинг показались опять, объединенные в мерзкое целое, вертикально поднятое высоко над кровожадной ордой как какой-то чудовищный племенной тотем.

Они пригвоздили Вандерлинга к кресту, грубые железные шипы пронзили кисти его рук, кровь стекала на предплечья. И все же Вандерлинг, голова которого моталась взад-вперед в агонии, как у пригвожденной к амбарной двери летучей мыши, а тело корчилось от муки, все еще был жив.

Как мотыльки, летящие на огонь свечи, Животные на стадионе хлынули через колоссальный пролом в сторону вызывающего ужас погребального костра их города, их мира, не

прекращая на бегу уничтожать друг друга, запутываясь в собственных кишках, как стая бешеных псов. Они бежали вперед, готовые на всю планету обрушить свои высвобожденные желания.

А впереди, словно мистическую икону, словно боевое знамя, возвышавшееся над ними, когда Животные плотным потоком катились грабить, разорять и насиловать свою планету, погрузить Сангрию в долгую, долгую ночь варварства и трупоедства, ночь, которая, казалось, не кончится, пока в последней бешеной пасти не исчезнут последние волокна мяса с последней обглоданной расщепленной кости, — они несли крест с прибитым к нему Вандерлингом. И пока они несли перед собой свой живой тотем, мужчины, женщины выпрыгивали вверх, впивались в тело Вандерлинга зубами, ползли вверх, цепляясь за дерево и живую плоть, пока не падали обратно вниз или пока их не оттаскивали остальные; клочья кожи и кусочки теплого живого мяса прилипали к их зубам и ногтям.

И все время, пока крест то подпрыгивал, то исчезал из виду, пока стадион пустел и толпа выливалась сквозь рваную брешь в стенах, голоса сангриан выкрикивали могучую, ужасающую, насмешливую песнь, гимн тошнотворного, разрывающего душу поклонения:

— Барт! Барт! Барт!

— Вильям! — взывл Фрейден. Слабый жалкий звук, потерявшийся в урагане непристойного пения. — Я не знал! Как мог я знать?..

Вильям — убийца, бандит, средоточие всего самого грубого, порочного и дурного в человеке. Вильям дважды пытался убить его на протяжении последних минут. Но они сражались бок о бок в двух войнах, вместе странствовали в космосе, говорили, ели, спорили, бранились, делили победу и поражение. Кем бы он там ни был, предателем, убийцей, лгуном, Вильям Вандерлинг, в конце концов, — подлинное человеческое существо. Видеть его изломанной игрушкой среди своры бешеных зверей, человека, который был *настоящим*... настоящим другом, настоящим врагом...

Фрейден вонзил ногти в ладони, пытаясь заставить себя почувствовать хоть что-нибудь, что угодно — ненависть, чувство вины, омерзение, даже боль. Но не чувствовал ничего. Он знал — сейчас все происходит по-настоящему. Ужас был слишком велик, чтобы его постичь, слишком глубок, чтобы его прочувствовать; он стал непосильным бременем для способности Фрейдена испытывать вину, ненависть, отвращение,

уничтожил эту способность. «*Это не реально!*» — вопил разум. Это не может быть реальным!

Но это было! Было! Вильям, изуродованный и умирающий, — реален! Сангрия — реальна! Вселенная — тоже реальна! Она была реальностью, эта бездонная, бесконечная черная яма, изрыгавшая такие вещи, перед которыми рассудок человека, его душа, были жалкой потерянной фигней, хныкающей в вечной темноте.

Центр мироздания, всех и вся контролирующий ум! В трясине этой лжи он прозябал; ложь позволяла стоять ему безбоязненно и гордо. Но у Сущего нет центра, и никто не мог контролировать его или даже просто постичь; оно — вакуум неограниченных возможностей, безграничного ужаса. И человек в нем — всего лишь жестокая, болезненная шутка судьбы, щепка, из стороны в сторону швыряемая свирепыми волнами. Только это реально! Только это... А Барт Фрейден, тот самый старый знакомец, оказался фальшивкой. Лживым, ничемным, жалким, бессильным ничтожеством. Он выжат, высосан, как лимон, побежден, неспособен беспокоиться даже...

Безвольное создание, которым он теперь стал, посмотрело вниз, увидело Софию, стоящую на коленях, цеплявшуюся за него; потоки слез струились по ее лицу, тело содрогалось от рыданий.

— Барт, Барт... — стонала она. — Увези меня отсюда! Пожалуйста, увези!

Сердце его рванулось к ней — еще одному бедному ничтожеству, тщетно молящему о спасении в черном вакууме, в глухой, беспощадной пустоте, безразличной к страданиям глупых маленьких существ. Некий слабый уголек, все еще тлеющий глубоко в сером пепле души, жарко вспыхнул. «София не должна погибнуть здесь, только не это!» Все превратилось в абсурд, в бессмыслицу — действие или бездействие. Но у Барта оставался шанс выбрать свою собственную бессмыслицу — по крайней мере, ничто не могло отказать ему в *этом*.

Барт рывком поднял подругу на ноги, оглядываясь вокруг, как загнанное в угол животное. Стадион быстро пустел, толпа выливалась через зияющую дыру в стене, но на Арене все еще крутился водоворот ужаса. Фрейден глянул на верхние ярусы трибун и увидел кучку из двух дюжин Киллеров, в изодранных мундирах, с дикими от испуга глазами. Они неуверенно жались у портала, покинутые своими мертвыми хозяевами. «Бедные брошенные твари, вроде... *Действуй!* — одернул себя Барт. — Думать некогда! Действуй!»

Он юркнул под скамью, по-кошачьи набросился на бумажный сверток, содрал обертку, накинул на плечи черную мантию Брата. Таща за собой Софию, он побежал вверх по трибунам, встал перед Киллерами.

— Вы! — прогрохотал он. — Выстроиться в кольцо вокруг нас! Немедленно! Во имя Братства Боли, приказываю вам повиноваться мне! Шевелитесь!

В течение секунды Киллеры тупо пялились на этого ревушего демона с дикими глазами. Брат! Приказы! Милосердные приказы! Киллеры выстроились в неровный круг, выставив винтовки наружу.

Они бежали вниз, через потайные ходы разрушенного, горящего стадиона, по коридорам, где уже не продохнуть от дыма. Пусто, все мертво и пусто. Они выскочили на залитую солнцем площадку между стадионом и Дворцом. Там стояли в кругу припаркованные грузовики. Дворец позади горел, огромные оранжевые языки пламени лизали небо, жар опалял кожу Фрейдена.

Толкая перед собой Софию, почти на руках подняв ее в кабину, Фрейден прыгнул следом, плюхнулся за руль. Включил зажигание, нажал на газ, и мотор, фыркнув, заработал. Как нечто омерзительно-липкое, Фрейден сорвал черную мантию, швырнул ее вниз, прямо в рожи остолбеневших Киллеров, выжал полный газ — и грузовик в облаке пыли рванулся прочь от стадиона.

Машина со скрипом завернула за угол, и Фрейден увидел толпу, быстро бегущую к городу. Все постройки разнесены в щепки. Стены Дворца проломлены в десятках мест, сметены, превращены в груды обломков. Временные загоны, переполнявшие двор, исчезли; все вокруг теперь засыпано миллионами деревянных обломков и раздавленными, истекающими кровью телами мясных Животных — душераздирающее зрелище трупиков тысяч обнаженных детей. На западе вздымался столбом пламени Сад, охваченный грандиозным пожаром; по направлению к нему, словно насекомые, ползли огромным живым ковром сатины, тащившие десятки тысяч крошечных подпрыгивающих факелов.

Фрейден вдавил акселератор и швырнул грузовик к закиданному обломками пролому в восточной стене. Машина, подскакивая, кое-как протиснулась сквозь дыру — с пронзительным скрипом металла о бетон, разбрызгивая ливень искр. Нога у Барта прямо-таки вросла в акселератор, будто превратившись в естественное продолжение механизма. Накренившись, грузовик

безумными виражами скатился с поросшего травой дворцового холма и вылетел на широкую пустую равнину.

К югу, к югу, через пустую долину! София оцепенело уставилась вперед, не глядя на Фрейдена, не произнося ни слова. Примерно в пятидесяти милях южнее города Фрейден повернул грузовик на северо-запад. Отчаянно трясясь, машина неслась по равнине, и каждый ухаб, казалось, поддразнивал, отвешивая очередной пинок в зад: «Получай! Получай!» У Судьбы тяжелые башмаки и увесистые удары.

Наконец они выбрались на дорогу, что вела через равнину на запад, к партизанскому лагерю, к заветной шляпке.

«Бегство! Бегство!» — стучала в висках дурная кровь. Машина вылетела в узкий каньон, и взору предстала картина давешней бойни: мерзкие останки, тысячи искореженных человеческих тел. Здесь разыгралось последнее сражение перед осадой столицы. Здесь убивали, рубили, резали, грызли зубами... Когда? Наверное, миллион лет назад! Нет, не наяву — в кошмарном горячечном бреде, в воспаленном мозгу одного шизоида, возомнившего себя пупом мироздания.

Они ехали в молчании: София — застывший манекен, Фрейден — пара рук на руле да нога на акселераторе. Рассудку, пляшущему на грани помешательства, так необходимо к чему-нибудь прилепиться, найти точку опоры — любую, пусть даже обыкновенную железную педаль. Они катили через джунгли, через луга и равнины, мимо деревень и усадеб... И все вокруг горело, полыхало, дымилось, словно сумасшествие обезумевшей твари, в которую превратился Сад, распространялось так же быстро, как раковая опухоль по телу.

Бегство! Бегство! Беспорядочные мысли бились под черепом, как испуганные зверьки в тесной клетке. Барт вспомнил другой побег — менее года назад, — побег с Астероидов. Что случилось с человеком, спокойно и расчетливо покидавшим поле битвы, уходившим от врага с циничной улыбкой на устах? Куда он делся? Как он сумел превратиться в эту тварь, шаг за шагом погрузившую целый мир в предельно слепую тьму; как он выродился в монстра, толкнувшего огромную планету, подобно пешке, на край бездонной пропасти?..

Наконец они достигли лагеря. Фрейден притормозил у борта одной из чистеньких, прямо-таки стерильно выглядевших шляпок. Не проронив ни слова, он вылез из кабины, помог Софии спуститься. Подошел к шляпке, нажал на кнопку блокировки. Наружная дверь ровно скользнула вверх, открылся манящий интерьер. Манящий к *чему?*

Барт оглянулся на пустой лагерь, притихшие хижины, пепелища дюжин костров. В отдалении над верхушками деревьев клубилось облачко дыма, и еще одно, и еще. Казалось, что вся планета стала одним исполинским разлагающимся трупом, и сам Барт заживо гнил внутри гигантского мертвого чрева. Куда теперь идти? Что делать?

Он припомнил те минуты, когда впервые ступил на землю Сангрии. Незнакомец, чужак, приземлившийся на неведомой планете, чтобы прибрать ее к своим рукам... Волна невыносимой боли и чувства утраты затопила сознание, когда Барт вспомнил того самоуверенного наглеца, что таким фертом стоял под чужим солнцем и думал, будто держит бытие у себя на ладони, — Герой, Центр Мироздания, Человек Который... Все это теперь казалось далеким и призрачным. Смог бы он найти этого человека вновь? Смог бы он вернуться?

Он повернулся к Софии. Ее глаза покраснели, на щеках остались полосы от высохших слез, длинные рыжие волосы дыбились спутанной копной. Какое-то мгновение губы Барта двигались совершенно беззвучно.

— Ты знаешь, что я должен сделать? — проговорил он наконец.

София стояла все так же неподвижно, глядя на него, — околоченный труп с лицом, стянутым в застывшую маску.

— Я должен вернуться назад, — сказал он. — Назад к Солнцу, на Астероиды, на Землю. Куда... куда еще? Я не смогу уже больше искать другую планету, начинать... новую Сангрию. Бог знает что они сделают со мной... Полагаю, я военный преступник или что-то в этом роде. — Он засмеялся; горький, скулящий смех. — Кому какое дело? Со мной покончено в любом случае, я пуст, выжат. Я никогда не был тем, кем воображал себя. Все это... мне просто не по плечу, как, впрочем, и кому-нибудь другому. Я всего лишь червяк, который думал, будто его мокрый камень — вселенная. До тех пор, пока кто-то, проходя мимо, не придавил его одним ударом...

— Барт... — пробормотала София, дотрагиваясь до его щеки. Фрейден отдернул голову.

— Как можешь ты прикасаться ко мне? — крикнул он. — Посмотри на меня! Посмотри, кто я! Вспомни, что я сделал! Я высажу тебя на Марсе... У меня там остались связи. С тобой все будет в порядке, никто тебя не тронет. Ты будешь в безопасности, и в один прекрасный день оглянешься на прошедшее, как на дурной сон. Ты даже не сможешь поверить, что это действительно произошло. Я сам с трудом верю, даже

сейчас. Ты обо мне забудешь. Забудешь, даже как сильно меня ненавидела.

— Ненавидеть тебя? — запинаясь, проговорила она. Что-то от прежнего огня промелькнуло в ее глазах. — *Ненавидеть тебя?* — София сорвалась на крик. — Ты, конченный недоумок! Тупая, зацикленная на себе свинья! Тебе не давали пинка под зад прежде? Думаешь, жизнь это большая сладкая малина? Нет, парень! Жизнь полна ужаса и скверны! Все мы иногда делаем вещи, которые потом жаждем выблевать всякий раз, когда вспоминаем о них! Мы грязные маленькие черви, копошащиеся в помойной яме! Я узнала это прежде, чем мне исполнилось шестнадцать. Добро пожаловать в клуб, Барт, добро пожаловать туда, где все по-настоящему. Довольно скулить! Ты что, собираешься убажывать *этот* мир? Готов принять всю его тупость, ужас и очевидную банальность? Это не тот Барт Фрейден, с которым я спала! Барт Фрейден, которого я знаю, нашел бы мужество сражаться. Мой Барт скатал бы всю эту мразь в комок потолще и засунул бы ее в пустую глотку бытия!

София — кипящая от гнева, глаза налиты кровью, лицо перепачкано высохшими слезами и грязью, губы злобно сжаты, — ничего более прекрасного Барт в своей жизни не видел.

— Соф...

Она кинулась к нему, уткнулась лицом в плечо.

— Ты не избавишься от меня так просто, — прошептала она, и ее голос прозвучал ломающейся, дрожащей пародией на циничную жесткость. — Ты заставил меня полюбить тебя, ублюдок, и останешься со мной, нравится тебе это или нет. Камо грядеши... Мой Бесподобный Вождь!

— Соф...

Держась за руки, они полезли в шлюпку.

Часом позже они сидели рядом в рубке звездолета, и лампочки на панели кибер-пилота загорались разноцветными огнями. Заканчивался автоматический цикл проверки. Сангрия на экране монитора выглядела спокойным, мирным шаром — мягкие коричневые, зеленые и голубые тона.

Барт Фрейден пристально посмотрел на изображение и подивился своим чувствам. Поскольку в душе отзывалась лишь пустота. Каким-то образом он воспринял. «Возможно, — с усиленным смогом он сказать самому себе, — возможно, все-таки существует Некто. Он может понимающе рассмеяться, может позаботиться о тебе».

Барт взглянул на Софию, на удивительный свет нежности в ее глазах. Что бы он ни потерял, кое-что в конце концов и приобрел. Жизнь прекрасна уже тем, что она есть! А даже если и не так, эта игра по-прежнему «единственная в городе».

Загорелась последняя лампочка, и глубоко в недрах корабля автоматы уже собирались отправить посудину в долгое странствие. Назад, к Солнечной системе, назад, к неизвестности...

«Плевать на всех! — решил Фрейден. — Если я пережил Сангрию, то переживу все что угодно!» Он улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься? — мягко спросила София.

Фрейден рассмеялся.

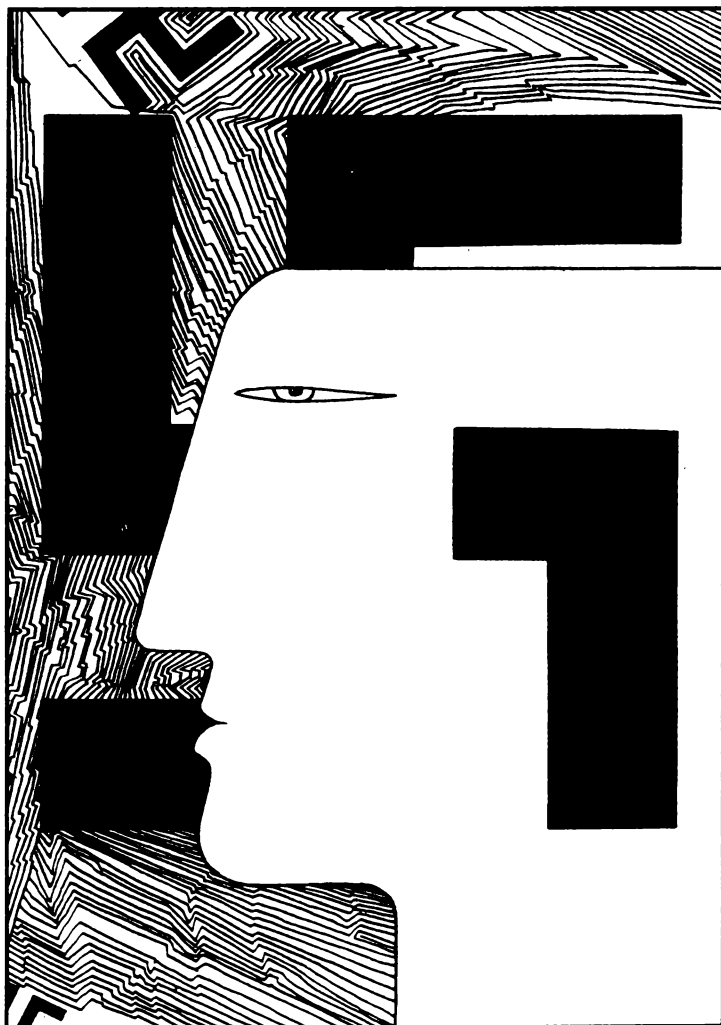
— Я подумал о дерьме, в которое мы возвращаемся... Интересно, как там Великий Китай, Атлантический Союз и Священная Совдепия? Совместно владеют Федерацией, огрызаясь иногда из-за Урановых Тел? Вот уж неустойчивое триединство! Хм-м-м... Знаешь, я ведь формально никогда не отрекался от своего гражданства. Если теперь вынырнуть и заявить, что де юре я все еще глава Астероидов? Обращусь за признанием непосредственно к Атлантическому Союзу. Это даст ему законное право потребовать единоличного владения Урановыми Телами... Китай и Совдепия, конечно, завопят: мол, кровавый убийца! Но Союз вполне может решиться сотрудничать со мной... Откроются прекрасные возможности... Кто знает, может, я даже верну А-Минга...

София засмеялась своим прежним, таким до боли знакомым смехом. Она стиснула руку Барта, потом поцеловала его.

— Ты никогда не станешь посыпать голову пеплом, — заметила она с кривой понимающей улыбкой, когда корабль уже покидал орбиту. — Назад к бизнесу, а, Бесподобный Вождь? Игры и забавы! *Игры и забавы!*

СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

РОМАН

Позвольте Адольфу Гитлеру перенести вас в далекое будущее нашей Земли, где один лишь Феррик Яггер со своим могучим оружием, Стальным Командиром, стоит между жалкими останками истинно человеческой расы и ордами безмозглых мутантов. Судьба человечества находится в руках доминаторов, носителей абсолютного Зла, угрожающих миру аннигиляцией.

«Вождь под Свастикой», роман, собравший широкую читательскую аудиторию во всем мире, по праву считается наиболее выдающимся произведением, вышедшим из-под пера этого писателя. В 1954 году «Вождь под Свастикой» был удостоен премии Хьюго как лучший научно-фантастический роман года. По прошествии долгого времени мы рады представить вам новое издание этого замечательного произведения с послесловием самого Гомера Уиппла из нью-йоркского университета. Книга перед вами, дорогие читатели. Теперь вы сами можете судить, почему именно произведение в жанре научной фантастики стало светочем надежды в наши мрачные и опасные времена.

Другие научно-фантастические романы Адольфа Гитлера:

ИМПЕРАТОР АСТЕРОИДОВ
СТРОИТЕЛИ МАРСА
БОРЬБА ЗА ЗВЕЗДЫ
ЗАКАТ ЗЕМЛИ
СПАСИТЕЛЬ ИЗ КОСМОСА
РАСА ГОСПОД
ТЫСЯЧА ЛЕТ ПОРЯДКА
ТРИУМФ ВОЛИ
ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ НАШЕГО МИРА

Адольф Гитлер родился в Австрии 20 апреля 1889 года. В юности эмигрировал в Германию. Во время Великой Войны был мобилизован в немецкую армию. После войны сблизился с мюнхенскими радикалами, участвуя в их движении вплоть до своего окончательного отъезда в Америку в 1919 году. Поселился в Нью-Йорке. Первые годы на новой родине отданы изучению английского языка. В это время будущий писатель перебивается случайными заработками в качестве уличного художника или переводчика в Гринвич-Виллидж, в квартале, населенном преимущественно творческой богемой. По прошествии нескольких лет Гитлер начинает брать отдельные заказы на иллюстрирование журналов и комиксов. К 1930 году относятся его первые работы по иллюстрированию текстов, публикуемых в популярном журнале «Эмейзинг». В 1932 году Гитлер сотрудничает с редакциями нескольких НФ-журналов. И вот наконец 1935 год. Гитлер уже настолько освоился в новой языковой среде, что отваживается на литературный дебют в качестве писателя. К этому времени он определил для себя дело, которому посвятит остаток жизни. Отныне и до конца своей жизни Гитлер выступает как автор, иллюстратор и издатель научно-фантастических произведений. Сегодня, говоря о Гитлере, мы конечно же имеем в виду Гитлера-писателя. Но давайте не будем забывать и о других гранях таланта этой неординарной личности. Вспомним золотые тридцатые годы. В это время Гитлер славился и как популярный иллюстратор, и как замечательный редактор, составитель нескольких антологий. Он написал ряд отличных обзоров. Кроме того, в течение целого десятилетия он редактировал и издавал популярный в свое время научно-фантастический журнал «Шторм».

Уже после его смерти, в 1955 году Всемирный конгресс по НФ удостоил роман «Вождь под свастикой» премии Хьюго. Роман был закончен Гитлером перед самой его кончиной в 1953 году. Но еще при жизни Адольф Гитлер успел стать заметной фигурой в НФ-кругах, снискав себе заслуженную славу незаурядного мыслителя и талантливого рассказчика. После первой публикации колоритные типажи и костюмы, воссозданные им в «Вожде под свастикой» стали излюбленной темой маскарадов, устраиваемых в рамках НФ-конвентов. Гитлер ушел от нас в 1953 году, но наследие, оставленное им, продолжает жить, вдохновляя энтузиастов НФ на новые свершения.

Адольф Гитлер

ВОЖДЬ ПОД СВАСТИКОЙ

Научно-фантастический роман

Глава 1

С тяжким стоном натруженного металла, в облаках пара прибыл в мрачное депо Порми паробус из Гормонда, запоздав на какие-то три часа, что по местным обычаям считалось удачей. Уродливые, человекоподобные твари нестройной толпой повалили наружу, демонстрируя характерное для боргравийского сброда многообразие оттенков кожи и телесных форм. Крошки от непрерывной жратвы, которой мутанты предавались в течение всех двадцати часов поездки, обильно усеивали их рваные и грязные одежды. Тяжелым, мерзостным духом разило во все стороны от этих ублюдков, бредущих и ковыляющих в сторону унылого бетонного строения, служившего здесь вокзалом.

Тем неожиданнее оказался облик того, кто последним сошел из кабины локомотива на землю; на фоне сброда благородство, излучаемое им, прямо-таки ошарашивало: высокий, атлетического сложения представитель человеческой расы в расцвете сил. Волосы цвета соломы, безупречно белая кожа, голубые сияющие глаза. Мускулатура, конституция, внешность — все в нем было гармонично и совершенно. Одежанием ему служила безупречно чистая и опрятная голубая туника.

Каждый квадратный дюйм внешности Феррика Яггера обличал в нем носителя чистого и беспримесного человеческого генотипа, чем он, собственно, и являлся. Лишь чистота породы и помогла ему уцелеть в течение столь долгого времени в дебрях биологической помойки Боргравии: квази-люди за версту чуяли чистый генотип. Внешний облик Феррика быстро ставил мутантов и ублюдков на место. И редко случалось, чтобы кто-нибудь из них осмелился хоть пикнуть против него.

Феррик сошел на землю и легко вскинул на плечо кожаный баул, в котором умещались все его пожитки. Ему не нужно бу-

дет толкаться на выдаче багажа среди вонючего сброда. Он напрямик направится в сторону Ульм-авеню, которая кратчайшим путем выведет его через грязный и убогий приграничный городишко к мосту. Феррик рассчитывал уже сегодня покинуть тошнотворные пределы Боргравии. Сегодня наконец он сможет заявить свои права, принадлежащие ему как генотипически чистому представителю человеческой расы и как хелдонцу, чья незапятнанная родословная прослеживается на двадцать поколений.

Весь в думам о будущем, Феррик шел, почти не замечая того гнусного спектакля, что разворачивался вокруг него. Боргравийская действительность яростно осаждала его глаза, его уши, его ноздри в то время, как он уверенно шагал по утоптанному грунту бульвара в сторону реки. Критическому взору Ульм-авеню представлялась пересохшей сточной канавой, стиснутой меж двумя рядами лачуг, неряшливо сколоченных из нестроганых досок, листов кровельного железа и строительного мусора. Этот, с позволения сказать, бульвар являлся, очевидно, предметом особой любви и гордости жителей Порми. На каждом фасаде красовались корявые доски вывесок, с которых бездарная мазня зазывала прохожих внутрь, всю расхваливая убогий ассортимент. В качестве товара предлагалась продукция местного производства, а также подобранные с помойки артефакты высшей цивилизации, чьи владения раскинулись за рекой. Но торговле было тесно внутри лавчонок. Местами Феррику приходилось пробираться между лотками, которые хозяева выносили на середину улицы, навязывая прохожим гнусные на вид овощи, подгнившие фрукты и засиженные мухами сласти; все это расхваливалось пронзительными, визгливыми голосами, которые сливались с голосами прохожих, то и дело вступавших с хозяевами в перебранку, пытаясь сбить бессовестно завышенные цены.

Вонь, гам, толкотня и в целом нездоровая атмосфера этого места напомнили Феррику о большом рынке Гормонда, столицы Боргравии, города, где судьбе было угодно продержать его столько лет. Ребенком он был надежно защищен от соприкосновения с реалиями квартала, в котором родился и рос. Юношей он глубоко скорбел, глядя на окружавший его мир. Теперь он старался по возможности избегать подобных мест. К чему изнурять себя ненужным унынием? Непрактично. Со временем в нем все больше крепло желание поскорее вырваться из Боргравии.

Взять хотя бы мутантов. Конечно, в Гормонде это досадное зрелище представало глазам неминуемо. Мутанты кишмя кишели повсюду, они лезли из каждой щели, из каждого зако-

улка. Не было в Гормонде места, свободного от мутантов. Здешний генофонд уродов, судя по всему, был немногим беднее столичного. Внешность местного сброда в Порми свидетельствовала о том, что и здесь скрещивание разных мутированных форм идет полным ходом. Как и повсюду в Боргравии, мутанты были представлены здесь четырьмя основными группами: синюшники, ящеромордые, арлекины и краснорылые. По крайней мере, в отношении некоторых из мутантов можно было утверждать, что в рамках своей группы они чистопородны. Но преобладали все-таки смешанные типы. Например, ящеромордые с синей или пурпурной, а не типично зеленой чешуей. Или синюшник с узором арлекина. Или приземистый жабоид ярко-красного цвета.

Скрещивание вело к новым мутациям, тут уж ничего не попишешь. Две генетические катастрофы в одном существе — явление слишком частое, чтобы не стать устойчивой тенденцией. Появлялись нежизнеспособные, узкоспециализированные формы. Взять хотя бы здешних пормийских лавочников: большинство из них карлики. Причем горбатые, заросшие густым черным волосом, с покатыми лбами, многие с признаками вторичной мутации кожных покровов — они были уже попросту неспособны к любой другой, требующей физических усилий, работе. В больших боргравийских городах можно повстречать немало типов и более причудливых форм. Впрочем, и в этой заштатной дыре Феррик заметил, прокладывая себе путь в воюющей толпе, троицу яйцеголовых. Их голые хитиновые черепа отливали красным в солнечном свете. Яйцеголовые отвлекли внимание Феррика, и он налетел на попугаеклювого. Тот резко повернулся и угрожающе шелкнул на Феррика своим огромным хайлом. И лишь затем до монстра дошло, кто перед ним.

Произошло то, что и должно было произойти. Попугаеклювый отвел в сторону вялый взгляд склеротика и обнажил безнадёжно деформированные мутацией зубы.

— Простите, Истинный, — пробормотал он смиренно.

Феррик не удостоил его ответом, он молча проследовал дальше, не желая задерживаться в этой клоаке.

Но не прошло и минуты, как знакомое ощущение завладело его мозгом. Феррик замедлил шаг. Психическая аура указывала на то, что где-то рядом присутствует доминатор. Феррик безошибочно различал психоизлучение силы.

Вдоль небольшой улочки выстроились в ряд пять лотков. Заправляли там двое уродов: синюшно-жабоидный гибрид с бородавчатой голубой кожей и ящеромордый. Обращал на себя

внимание остекленевший взгляд этих существ, характерный для мутантов, долгое время пребывающих под воздействием ауры власти. Яства на лотках находились в таком состоянии, что даже по невзыскательным боргравийским стандартам у них не было ни малейших шансов найти покупателя. Тем не менее мутанты и ублюдки кидались на эту тухлятину словно очумелые, скупая все по безбожно вздутым ценам.

Это могло объясняться лишь присутствием доминатора. В Гормонде такое случалось часто. В силу своей природы доминаторы предпочитали крупные города, где жертв для них находилось в достатке. Тот факт, что даже такой маленький городишко оказался зараженным, неоспоримо указывал, что власть Зинда над Боргравией была сильнее, чем представлялось Феррику.

Первым побуждением было остановиться, выявить доминатора, а затем свернуть отвратительному монстру шею. Однако Феррик немедленно взял себя в руки, рассудив, что ради освобождения нескольких ничтожных тварей от морока доминатора не стоит отдалять тот долгожданный миг, когда Боргравия со всеми ее мерзостями останется позади. Посему он спокойно продолжил свой путь.

Мало-помалу бесконечно петлявшая улица перешла в простую тропу, пересекавшую замусоренную рощу чахлах сосенок с болезненно искривленными стволами и порыжелой хвоей. Язык не поворачивался назвать это место усладительным для взора; однако для жителей Порми оно, похоже, служило местом отдыха, составляя разительный контраст со зловонной помойкой, которую являл из себя город. Еще один поворот — и роща осталась позади. Теперь тропа бежала вдоль южного берега Ульма.

Выйдя к реке, Феррик невольно остановился. Взор его был обращен на северный берег Ульма — в направлении границы между безнадежно больной и разлагающейся Боргравией и Верховной Республикой Хелдон.

По ту сторону реки зеленел Изумрудный лес. Могучие, генетически здоровые красавцы дубы выстроились стройными рядами на берегу. Для Феррика эти прекрасные деревья с безукоризненным генотипом, растущие на плодородном и незараженном черноземе Хелдона, воплощали в себе все то, ради чего и стояла в неприступном одиночестве на выродившейся и деградировавшей Земле Верховная Республика. Как Изумрудный лес был лесом генетически здоровых деревьев, так и сам Хелдон являлся лесом генетически здоровых людей, кре-

постью, о которую разбивались волны мутационного шторма, несущие генетический мусор. Все вокруг вырождалось, принимая все более и более чудовищные формы; Хелдон же стоял величавым и неприступным оплотом человеческой породы.

Тропа уходила к мосту через Ульм, великолепному мосту, грациозной аркой соединившему два берега. Уже на подходе к нему, Феррик не мог не восхититься несокрушимостью каменных опор, маслянистым отблеском нержавеющей стали. Мост яснее всяких слов говорил о колоссальном превосходстве Хелдона, являя собой очевидный продукт высшей цивилизации. Феррик невольно ускорил шаг и вскоре с величайшим удовлетворением для себя отметил, что Хелдон и здесь смог показать жалким квази-людям, кто есть кто в этом мире. Ибо хелдонский контрольно-пропускной пункт стоял у входа на мост, простирая, таким образом, власть Хелдона на боргравийскую территорию.

Черно-красно-белое здание КПП красноречиво свидетельствовало, что Верховная Республика Хелдон не уступит мутантам и пяди здоровой и плодородной земли. До тех пор пока Хелдон сохраняет в неприкосновенной чистоте свой генофонд, до тех пор пока расовые законы Верховной Республики служат надежной преградой генетической скверне — до тех пор в сердцах истинных людей будет жить надежда, что когда-нибудь вся планета окажется свободной от нечисти и станет, как и прежде, планетой людей.

Несколько троп с разных сторон сходились к зданию КПП. Перед входом, охраняемым чисто символическим отрядом хелдонских пограничников, вооруженных стальными дубинками — табельным оружием, — выстроился в очередь целый паноптикум квази-людей и мутантов. Это несказанно удивило Феррика, ибо ни у одного из этих жалких ублюдков не было ни малейшего шанса пройти жесткий экзамен на право стать гражданином Верховной Республики. На что надеялись эти несчастные? Или они вообразили себе, что в здании КПП сидят слепцы? Внешность недочеловеков говорила сама за себя. Взять любого из этих, с позволения сказать, «соискателей». Вон стоит явный ящеромордый, а следом за ним — квази-человек, уповающий на то, что лишний сустав его нижних конечностей останется незамеченным. За ним томится в очереди синюшник, за ним — пара горбатых карликов-гномов, дальше — яйцеголовый. И так вся очередь — представители почти всех отклонений, типичных для Боргравии. И все же на что надеялись эти убогие? Недоумевая, Феррик встал в оче-

редь за довольно опрятно одетым боргравийцем без внешне выраженных генетических дефектов.

Феррик был готов к предстоящей генетической проверке, без которой нечего и думать о получении хелдонского гражданства. Проверка должна окончательно подтвердить чистоту его генотипа. Сам Феррик от всей души приветствовал грядущее испытание, мечтая лишь об одном: чтобы испытание это оказалось как можно более трудным, даже мучительным.

Ибо душа Феррика Яггера жаждала определенности. Незадолго до этого он прошел генетическую проверку в Боргравии, несмотря на все трудности и большие расходы. Проверка показала стопроцентную чистоту его генотипа, что, собственно говоря, и следовало ожидать при родословной Феррика — десять поколений истинных людей. Но сомнения по-прежнему одолевали юношу. Ибо немногого стоит проверка на чистоту породы в стране, где большинство населения составляют ублюдки и квази-люди, где сами аналитики являются мутантами. Пусть даже у обоих его родителей имелись хелдонские сертификаты о чистоте генотипа, пусть лишь так называемые военные преступления отца обрекли того на ссылку, а его, Феррика, — на рождение в боргравийской помойке. Убедительное доказательство того, что он является истинным представителем человеческой породы, Феррик мог получить только здесь, на боргравийско-хелдонской границе. А выводы о его чистоте, преподнесенные боргравийской наукой, в глазах Феррика не стоили ломаного гроша. Лишь получение гражданства Верховной Республики Хелдон — этого единственного бастиона истинно человеческого генотипа — могло послужить подтверждением его, Феррика, расовой чистоты.

Чего же в таком случае столь терпеливо дожидаются местные ублюдки? На что они рассчитывают? Ведь генетическую грязь не скроешь. Боргравиец, стоявший перед Ферриком, был тому превосходным подтверждением. Внешне он ничем не отличался от нормального человека, но его выдавал едкий запах, исходящий кожными покровами, — явное указание на измененную соматику, что является типичным признаком мутаций. Настоящий генетик-хелдонец определил бы это мгновенно, не прибегая к анализам, — по одному только запаху. Боргравийские генетики, понятное дело, не могли заметить вони, по той причине, что сами были мутантами. И вновь Феррик задавался вопросом: что же, в самом деле, заставляет этих несчастных, убогих ублюдков искать хелдонского гражданства?

Кармакское соглашение вынудило в свое время Хелдон открыть границы — но только для истинных людей, чья чистота подтверждена хелдонским сертификатом. Возможно, здесь и крылся ответ. Быть может, этими жалкими ублюдками двигало бессознательное желание приобщиться к братству истинных людей.

Очередь двигалась быстро. Все новые и новые мутанты-соискатели появлялись у дверей КПП и скрывались за ними. Несомненно, большинство квази-людей тут же отбраковывалось строгой комиссией. Прошло совсем немного времени — и вот Феррик, миновав охрану у входа, первый раз в своей жизни ступил на территорию Верховной Республики Хелдон.

Интерьер КПП был чисто хелдонским. Пол, выложенный красными, черными и белыми плитками из мрамора. Добротные дубовые стены с черно-красно-белыми государственными флагами Хелдона. Помещение было ярко освещено электрическим светом от матово-белых шаров под потолком. Какой контраст с убогой обстановкой боргравийских жилищ, где волей судьбы пришлось провести свою жизнь Феррику, где он вырос и возмужал — среди голых стен, при скудном свете самодельных светильников, смрадных сальных свечей, — таков был интерьер боргравийских общественных зданий.

Пограничник, которому по мнению Феррика, следовало бы побольше обращать внимание на свой внешний вид, разделял очередь на два потока. Явные мутанты и нелюди — а такие составляли большинство — сразу же направлялись к дальней двери, через которую выпроваживались вон. Те же немногие счастливчики, которые не несли в своем облике явных признаков дегенеративности, выстраивались в очередь к другим дверям, за которыми работала комиссия. Феррик в душе одобрил подобную организацию работы КПП: незачем генетикам тратить время на безнадежных. Любой пограничник-хелдонец с ходу выявит типичные формы мутации. Впрочем, Феррик находил, что пограничник пропускает к дверям комиссии слишком уж много в высшей степени подозрительных экземпляров. Взять хотя бы смердящего квази-человека — соседа Феррика по очереди. Ясно как день — генетик его отбракует.

Однако, приблизившись к пограничнику, Феррик отметил некоторые странности в его поведении. Порой он едва заметно кивал некоторым из отбракованных. Более того, сами отбракованные вели себя на диво сговорчиво, будто были посвящены в какую-то общую с пограничником тайну.

Может быть, эти несчастные дегенераты настолько утратили человеческий облик, что их скудного разума не хватает даже

на то, чтобы осознать крушение своих надежд? Или они изо дня в день становятся в эту очередь с тем, чтобы в очередной раз потерпеть неудачу? Феррику приходилось слышать, что подобное поведение мутантов — обычное явление в Крессии и Арбонне, где процесс деградации зашел так далеко, что мутация принимала немыслимо чудовищные формы. Однако в Боргравии генофонд постоянно обогащался и облагораживался за счет изгнанников из соседнего Хелдона, и здесь Феррик ни с чем подобным еще не встречался. Боргравийцы все же стояли неизмеримо ближе к истинным людям, нежели монстры из Арбонны или Зинда.

Когда настала очередь Феррика, пограничник равнодушно спросил:

— Дневной пропуск или соискание гражданства? — Голос его был усталым.

— Соискание гражданства, — четко и ясно ответил Феррик. Он недоумевал. Лишь официальный сертификат о генетической чистоте позволял ступить на благословенную землю Хелдона. Либо ты уже имеешь хелдонский сертификат, либо проходишь освидетельствование и получаешь сертификат — в противном случае все дороги для тебя закрыты. Тогда что означают эти загадочные дневные пропуска? Феррик слышал о них впервые.

Пограничник лениво мотнул головой, указывая Феррику место в очереди на комиссию. Беспокойство Феррика росло. Что-то здесь было не так. Где знаменитая хелдонская четкость? Нет ее и в помине. Пограничник едва ли не спит на ходу. В воздухе висит оцепенение. Может быть, на истинных хелдонцев так губительно действуют гнусные миазмы Боргравии?

Погруженный в свои мысли и сомнения, Феррик и не заметил, как миновал заветные двери и очутился в длинном узком помещении, стены которого были обшиты светлыми сосновыми досками, покрытыми искусной резьбой по дереву. На барельефе были искусно запечатлены сцены охоты в Изумрудном лесу. Вдоль помещения тянулся барьер из полированного черного камня, чей благородный цвет подчеркивали накладки из нержавеющей стали. Барьер отделял очередь от четырех таможенных офицеров-хелдонцев. Несмотря на то, что все четверо офицеров являли собой великолепные образчики истинно человеческого генотипа, в их форме Феррик заметил ту же небрежность, что и у пограничника в соседнем помещении. Офицерам определенно не хватало и выправки. Они стояли за барьером сутулясь, выпятив животы, с расстегнутыми воротниками мундиров, со сбившейся портупеей и больше напомина-

ли клерков в монетном депозитарии, нежели облеченных властью охранников цитадели истинно человеческого генофонда — Верховной Республики Хелдон.

Беспокойство Феррика значительно усилилось после того, как давешний смердящий боргравиец после краткого собеседования с первым из таможенников, который снял у него отпечатки пальцев, оттер палец от чернил довольно-таки захватанной тряпицей, небрежно бросил ее таможеннику и проследовал к следующему из офицеров. Двери в дальнем конце комнаты были распахнуты, и за ними виднелся Ульмский мост, уводящий к Хелдону. В крайнем беспокойстве Феррик заметил, как за дверями охранник, вооруженный дубинкой, с кобурой на поясе, явно собирается поднять шлагбаум перед целой толпой боргравийского сброда весьма подозрительного вида.

Первый из таможенных офицеров оказался молодым и светловолосым хелдонцем. Все обличало в нем носителя беспримесного человеческого генотипа. Несмотря на то, что и от него веяло той же странной оцепенелостью, его мундир был, по крайней мере, отутюжен, а пуговицы и пряжка — начищены. Перед офицером лежала стопка бланков, чернильница с воткнутой в нее ручкой, пресс-папье, чернильная подушечка и кучка тряпиц не первой свежести, предназначенных для вытирания пальцев.

Офицер уставился на Феррика.

— У вас есть сертификат, выданный Верховной Республикой Хелдон, подтверждающий чистоту вашего генотипа?

Феррик отметил странный взгляд офицера. Будто таможенник смотрел сквозь него, куда-то вдаль.

— Я ходатайствую о выдаче мне сертификата и о получении хелдонского гражданства, — с достоинством ответил Феррик.

— Хорошо, — протянул офицер неопределенным тоном. Не глядя он взял ручку и пустой бланк и лишь после этого, будто с трудом, отвел взгляд своих голубых глаз от Феррика. — Тогда уладим формальности. Имя?

— Феррик Яггер, — гордо отвечивал Феррик, в глубине души надеясь, что офицеру фамилия Яггер что-нибудь да скажет. Хотя во времена заключения Кармакского соглашения Хеермарк Яггер был лишь одной из второстепенных фигур при правящем кабинете, в фатерлянде наверняка еще живы те, кто помнит имена кармакских мучеников. Но офицеру это имя, похоже, ничего не говорило — он просто занёс его в бланк, к тому же, как показалось Феррику, несколько нетвердой рукой.

— Место рождения? — продолжал офицер.

— Гормонд, Боргравия.

— Кем являетесь в настоящий момент?

Феррик поморщился и через силу выговорил:

— Боргравийцем.

— Однако, — поспешил добавить Феррик, — мои родители — урожденные хелдонцы. Чистота их генотипа подтверждена хелдонскими сертификатами. Моим отцом был Хеермарк Яггер. Во время Великой Войны он служил унтер-секретарем генетической службы.

— Надеюсь, вы понимаете, что даже самая блестящая родословная не может заменить сертификат о чистоте.

Феррик побагровел.

— Я лишь хотел заметить, что мой отец стал изгнанником не вследствие нарушения расовых законов, но вследствие его преданности отечеству — Верховной Республике Хелдон. Подобно многим честным хелдонцам, он стал жертвой предательского Кармакского соглашения.

— Это меня не касается, — отрезал офицер. — Дайте руку. — Он снял у Феррика отпечатки пальцев. — Я не очень-то интересуюсь политикой.

— Вопросы, связанные с сохранением генетической чистоты, прямо касаются выживания человечества! — отчеканил Феррик.

— Наверное, вы правы, — вяло отозвался офицер и подал Феррику грязную тряпицу. Феррик брезгливо взял тряпку, которой до него воспользовалось неведомо сколько мутантов и недочеловеков и, найдя маленький уголок, оставшийся относительно чистым, тщательно вытер пальцы. Офицер тем временем передал бланк второму таможеннику, сидевшему по правую руку от него.

Это был уже немолодой хелдонец с седыми висками и величественными усами; очевидно, в годы своей молодости он числился в списках первых красавцев. На плече офицера виднелась нашивка в виде красного кадуцея, зажатого в черном кулаке, — эмблема генетической службы. Генетик заглянул в переданный ему бланк и неуверенно проговорил, не поднимая глаз:

— Истинный по фамилии Яггер. Меня зовут доктор Хаймат. Прежде чем выдать вам сертификат, подтверждающий чистоту генотипа, я должен подвергнуть вас тестированию.

Феррик едва верил своим ушам. И это хелдонский офицер-генетик? Он чуть ли не извиняется перед неизвестным ему соискателем за то, что вынужден, видите ли, подвергнуть того само собой разумеющейся процедуре тестирования. Более того,

еще не выяснив, кто перед ним, награждает соискателя почетным титулом «Истинный». В чем же причина столь странного поведения таможенников? Что творится на КПП?

Хаймат передал бумаги Феррика следующему офицеру, молодому человеку, приятной наружности, несколько хрупкого сложения, с нашивками писаря на рукаве мундира. Когда Хаймат, не глядя, сунул ему бумаги, Феррик машинально бросил взгляд на писаря — и содрогнулся от ужаса.

Внешне писарь ничем не отличался от чистопородного человека. Нужна была крайняя чувствительность и наметанный глаз Феррика Яггера, чтобы распознать за человеческой личиной истинную природу данного существа. Это был доминатор!

Феррик не смог бы определить, что именно в облике молодого офицера выдавало в нем ужасающего монстра, но от «писаря» исходило нечто такое, что заставляло все органы чувств Феррика буквально вопить мозгу: «Берегись! Это — доминатор!»

Может, причиной здесь был некий особенный блеск в глазах «писаря» или же нечто другое, не передаваемое словами: некое самодовольство, источаемое всем его обликом? Или же совокупность мельчайших признаков, отмечаемая лишь на подсознательном уровне? Скажем, какой-то особый, лишь доминаторам присущий запах, на который отреагировала подкорка мозга Феррика. А может быть, от обостренного восприятия Феррика не укрылся повышенный уровень электромагнитной активности — явный признак присутствия доминатора, — пусть даже гипнотическая аура власти чудища и не была в настоящий момент сфокусирована на Феррике.

Не важно. Главное — присутствие доминатора элементарно объясняло всю ту чертовщину, что творилась на этом КПП. Офицеры-пограничники, эти славные хелдонцы, привыкшие к здоровой атмосфере Верховной Республики, конечно же не имели и представления о доминаторах, и поэтому легко попали в плен грязной твари. Но не таков Феррик Яггер — человек, выросший среди мутантов и квази-людей и сызмальства привыкший в любой момент противопоставить несокрушимую волю истинного человека гипнотическому воздействию монстров, наводнявших боргравийские города. Не раз и не два пытались эти чудовища уловить Истинного в свои сети, но каждый раз победа оставалась за Ферриком, хотя порой ему приходилось напрягать всю свою волю, чтобы разорвать паутину ауры власти, которой укрывшийся неподалеку монстр пытался его опутать.

Вместе с тем суровая борьба за существование до крайности обострила его чувствительность. Особенно это касалось доми-

наторов, их электромагнитного психоизлучения. От умения вовремя обнаружить присутствие доминатора зачастую зависела жизнь. Сверхчеловеческая чувствительность Феррика еще ни разу не подводила его. Так случилось и на этот раз.

С ручкой и бланком, в форме хелдонского пограничника, плечом к плечу с хелдонским офицером-генетиком стояло самое страшное чудовище из тех, что когда-либо населяли нашу многострадальную планету.

Теперь ситуация прояснилась. Весь здешний гарнизон — кто в большей, кто в меньшей степени — подпал под ауру власти доминатора, действующего под видом самого обычного писаря. Несомненно, монстр внедрил сюда давно, медленно и исподволь распространяя щупальца своего зловещего воздействия, пока в конце концов все пограничники-хелдонцы не оказались в его власти.

Чудовишно! Но что можно сделать в подобной ситуации? Как убедить людей, оказавшихся в паутине доминатора, в том, что в их ряды прокрался монстр?

Хаймат тем временем доставал приборы и инструменты для генетического анализа. Но сколь скуден был их набор!!! Любой неполноценный доктор-генетик в Гормонде мог похвалиться куда более богатым инструментарием, чем Хаймат, на которого была возложена великая миссия — сохранение в неприкосновенной чистоте генофонда Верховной Республики.

Доктор Хаймат тем временем протянул Феррику большой голубой баллон.

— Будьте любезны подуть туда, — сказал он. — Это биохимический анализ выдыхаемого вами воздуха. Выдох носителя истинно человеческого генотипа окрасит стенки баллона в зеленый цвет.

Феррику этот тест был отлично знаком — один из базовых тестов генетического анализа. Бесчисленное количество недолюдей с легкостью прошли бы через этот тест, не говоря уже о том, что близкое присутствие доминатора сводило на нет всю его эффективность.

Как и следовало ожидать, баллон тут же изменил свой цвет на ярко-зеленый.

— Анализ выдоха. Результат положительный, — громко сказал Хаймат, и писарь-доминатор тут же сделал отметку в соответствующей графе.

Генетик подал Феррику стеклянный широкогорлый сосуд.

— Не откажите в любезности, Истинный, плюньте сюда. Это тест на химический состав вашей слюны.

Феррик сделал, что от него требовалось, от души желая, чтобы перед ним оказалась не плевательница, а лицо доминатора, который, оторвавшись от бумаг, смотрел теперь на Феррика издевательски спокойным взглядом.

Доктор Хаймат тем временем разбавил слюну водой, как следует размешал, а потом, вооружившись пипеткой, перенес содержимое плевательницы в десять стеклянных колбочек, после чего долил в каждую из колбочек различные химикаты. Содержимое колбочек тут же окрасилось в разные цвета: черный, ультрамариновый, желтый, красновато-оранжевый, снова ультрамариновый, красный, снова желтый, снова ультрамариновый и, наконец, сиреневый. Содержимое последней, десятой колбочки химикат сделал непрозрачным и молочно-белым.

— Анализ слюны стопроцентно положительный, — возгласил доктор Хаймат и пояснил Феррику: — Этот тест позволяет произвести анализ человеческой слюны по десяти отдельным показателям. По сравнению с базовым биохимическим тестом слюны он дает неизмеримо более точные результаты. Однако существует множество устойчивых мутационных форм среди квази-людей, для которых этот тест оказывается неэффективным — квази-люди с легкостью проходят его. В частности он совершенно непригоден для доминаторов. Поэтому стандартный генетический анализ, проводимый хелдонскими специалистами, как правило, включает в себя помимо соматических тестов и другие.

Феррик бросил взгляд на доминатора. Сейчас ему хотелось одного — чтобы монстр сконцентрировал свой волевой поток на нем. Тогда столкнулись бы две воли, и он, Феррик, сумел бы показать остальным, что за чудовище скрывается здесь, в святыне КПП, под личиной неприметного писаря. Но увы, грязные потоки психической энергии «писаря» хлестали мимо Феррика. Это и понятно. Какой смысл монстру рисковать, когда все и так идет как надо. Остается только поскорее пропустить Феррика через тестирование.

Доктор Хаймат тем временем прикрепил к ладони правой руки Феррика два электрода, смазанных какой-то клейкой массой. Электроды вели к потенциометру и связанному с ним самописцу, который должен был регистрировать изменение биотоков Феррика и их интенсивность, определяя тем самым психическую мощь индивида. Этот тест считался особенно эффективным для выявления доминаторов, хотя существовало немало скептиков, оспаривавших точность результатов подобного тестирования. Скептики совершенно справедливо указы-

вали на то, что испытуемый доминатор может управлять своими биопотенциалами, имитируя психическую реакцию истинного человека.

Более того, никому еще не удавалось доказать, что доминатор не может воздействовать на электромагнитный механизм самописца, заставляя прибор вычерчивать идеальную кривую носителя беспримесного человеческого генотипа.

— Сейчас я сделаю несколько заявлений и зафиксирую ваши ответные импульсы, — сказал Хаймат Феррику. — Вслух отвечать не нужно. Приборы будут отмечать вашу бессознательную реакцию.

После чего доктор Хаймат взял листок бумаги и бесцветным голосом стал монотонно зачитывать:

— «Человеческая раса обречена на вымирание...

Человеческий генотип на настоящий момент является высшим достижением эволюционного процесса...

Генетический материал не смог избежать заражения во Время Огня...

Высшим инстинктом любой разумной расы является господство над прочими разумными расами...

Любовь есть сублимация естественного сексуального влечения в рамках той или иной культуры...

Я пожертвовал бы жизнью ради друга или возлюбленной...»

И так далее — пространный список психостимулов, выявлявших представителей неполноценных рас, включая доминаторов.

Феррику эффективность данного теста представлялась весьма сомнительной, главным образом в отношении доминаторов. Овладев мозгом тестирующего, они с легкостью могли предвидеть нужные ответы или же попросту имитировать психические реакции истинного человека электромагнитным воздействием на потенциометр. Подобный тест мог принести осязаемую пользу лишь в комплексе с другими, более серьезными испытаниями. В противном случае, тест этот, по мнению Феррика, не защищал общество истинных людей от проникновения доминаторов и прочих квази-людей, близко стоявших к людям по психосоматическим показателям.

Окончив читать, Хаймат обвел взглядом кривую, вычерченную самописцем.

— Результат положителен, — громко возгласил он.

«Писарь» передал генетику заполненный бланк. Тот поставил свою подпись и, обратясь к Феррику, торжественно произнес:

— Истинный Яггер. Сим сертификатом я, доктор Хаймат, генетик Верховной Республики Хелдон, удостоверяю, что вы

являетесь носителем беспримесного человеческого генотипа. Данной мне властью я подтверждаю ваше право на обладание гражданством Верховной Республики.

Феррик был ошеломлен.

— И это — все?! — воскликнул он. — Неужели трех идиотских тестов достаточно, чтобы выдать мне сертификат о расовой полноценности? Это же прямое оскорбление! Добрая четверть мутированного сброда из гноилища Зинда с легкостью пройдет эту пародию на тестирование!

Произнося эту речь, Феррик внезапно ощутил слабое, но отчетливое давление на свое сознание; направленный поток психической энергии, нацеленный на его, Феррика, волевой центр. И тут же, словно подсказка свыше, пришло осознание того, сколь глупо он, Истинный, ведет себя и сколь бессмысленно; сколь тщетны его попытки что-либо изменить, сколь несостоятельны его подозрения. Не должно так поступать человеку разумному, внушал рассудок, ибо бессмыслен бунт одиночки против всего мира. Напротив, нужно затушить в себе огонь злобы и, приняв в себя бесконечное многообразие окружающего мира, слиться с великим потоком, именуемым Судьбой, что течет бесконечно по Космосу. И бессмысленно сопротивление...

Но как только психополе доминатора начало обволакивать центр воли, мозг Феррика забил тревогу. Долгий опыт научил Феррика безошибочно вычленять это ощущение из потока прочих — приятную, сладостную безвольность, — верный признак того, что доминатор пытается опутать тебя своей паутиной.

Инстинкты сработали мгновенно — защитные инстинкты истинного сына своей расы. Стоило лишь незримым щупальцам доминатора, пробравшись сквозь интеллектуальные наслоения, приблизиться к заветным подкорковым центрам, как из глубин мозга Феррика, навстречу чужеродной мерзости, ударило всеочищающее пламя священной ярости. И ныне весь мозг Феррика был как факел. Праведный гнев душил нашего героя — гнев против бездушных тварей, осмелившихся посягнуть на право владычества истинных людей над миром, против неполноценных вырожденков, стремившихся истребить высшую расу и заполнить мир ублюдками собственного производства.

Внешне «писарь» по-прежнему сохранял непроницаемо-спокойный вид, ничем не выдавая своих намерений. Между тем именно в эти мгновения их с Ферриком схватка достигла наивысшего накала.

С удовлетворением Феррик ощутил, как враг начал отступать. Даже чудовищная мощь психоизлучения доминатора ока-

залась бессильной против стальной воли и священной ярости истинного человека. Куда исчезла сладкая истома и вялое безволие? Сейчас каждая клеточка тела Феррика жаждала борьбы.

— Вы что же, молодой человек, собираетесь оспаривать мнение специалиста-генетика? Или сомневаетесь в моем профессионализме? Неужели вы считаете, что власти Верховной Республики поставят на этот ответственный пост кого попало? — услышал Феррик слова доктора Хаймата.

Почтенный офицер-генетик заговорил лишь после того, как он, Феррик, дал достойный отпор доминатору. Случайно ли это?

— Но ведь *невозможно* подтвердить расовую чистоту с помощью всего лишь трех тестов! — воскликнул Феррик. — Для вынесения подобного вердикта требуется, по крайней мере, несколько десятков побочных, независимых тестов, включая анализы тканей, крови, мочи, слез, кала и спермы.

— Подобная проверка потребует слишком много времени. Для массового применения она не годится. Тем более для отбраковки особей с зараженным генетическим материалом достаточно и простейших тестов. Ну а те, кто прошел данное тестирование, вполне могут считаться настоящими людьми, потому что практически во всех ситуациях они проявляют чисто человеческие реакции. Не так ли?

Феррик почувствовал, что больше сдерживаться он не в состоянии.

— Офицер!.. Существо, что стоит рядом с вами, — доминатор! Я узнал его! — выкрикнул он. — Вы все под воздействием ауры власти доминатора, слышите! Вы же истинные люди, хелдонцы, — зывал Феррик. — Мобилизуйте свою волю и станьте свободными!.. Сбросьте гнусные путы, которыми вас оплел враг!..

При этих словах на лицах таможенников-хелдонцев за барьером отразилась тревога. Даже явные мутанты из очереди соискателей — и те вздрогнули, услышав страшное слово.

Но прошло мгновение — и на лица всех присутствующих вернулось выражение отрешенной безмятежности. Доминатор тоже не дремал.

— Эк вы, батенька, хватили, — произнес доктор Хаймат. Сейчас он говорил с Ферриком как-то неестественно, сюсюкающим тоном, что странно не вязалось с его мужественной внешностью ветерана. — Капрал Морг — наичистопороднейший из людей, что, кстати, и сертификатом подтверждается, да-с... Да что там сертификат — вы посмотрите, во что одет капрал. Правильно, в военную форму-с. А откуда, спрашива-

ется, у мутанта возьмется хелдонская военная форма? То-то и оно. Неоткуда ей у мутанта взяться...

— Позволю себе заметить, что у Истинного Яггера, вероятно, не было доселе возможности как следует познакомиться с хелдонскими обычаями, сэр, — мягко прервал излияния доктора Хаймата Морк.

Монстр явно наслаждался ситуацией. Еще бы. Из всех присутствующих лишь Феррик знал о его мрачной тайне. Знал — и был бессилён что-либо предпринять.

— И знаете, я могу понять этого молодого человека, доктор, — продолжал Морк. — В самом деле, встаньте на его место. Всякий из нас вел бы себя точно так же. Лично я бы именно так себя и вел. Подумать только — вырасти среди мутантов, ублюдков и прочей нечисти. Тут поневоле начнешь в каждом встречном видеть доминатора.

При этом Морк победоносно посмотрел на Феррика. По губам его змеей проскользнула усмешка. Феррик почти физически ощущал спазмы сатанинской радости, сотрясающие внутренности мерзкого отродья.

Пока Морк говорил, доктор Хаймат стоял как истукан, с широкой и глупой, будто приклеенной к лицу, улыбкой. Но тут он вдруг ожил и сунул бумаги Феррика назад, Морку. Движения почтенного генетика сейчас более всего напоминали движения манекена.

Морк же небрежным жестом передал их следующему (и последнему) из офицеров, не преминув при этом одарить Феррика очередной усмешкой, потом выжидающе глянул на доктора Хаймата.

Тот, будто повинувшись незримой команде, заговорил:

— Итак, заключение нашей комиссии. Феррик Яггер, Верховная Республика Хелдон в нашем лице признает вас носителем истинно человеческого генотипа, независимо от вашего отношения к использованным методам тестирования. Отныне вы вправе принять новое, хелдонское гражданство или же сохранить за собой старое, боргравийское. Независимо от вашего решения, официальными организациями Верховной Республики с настоящего времени вы рассматриваетесь как чистокровный представитель человеческой породы.

Феррик был вне себя от гнева. Вместе с тем он отчетливо сознавал, что говорить о чем-либо с доктором Хайматом сейчас бесполезно — мерзкое чудовище намертво контролировало ситуацию. Поэтому Феррик молча перешел к следующему таможеннику. Это был крепко сбитый мужчина, немолодой, су-

ровой внешности, чьи виски тронула стального цвета седина, удачно дополняемая короткой седой бородкой. Нашивки на его форме тут же сказали наметанному взгляду Феррика, что перед ним не гражданский чиновник, а старый солдат, немало отличившийся в Великой Войне и тем самым заслуживший право представлять Верховную Республику на этом ответственнейшем посту. Но тем печальнее было лицезреть его безвольно поникшие плечи и пустые, лишенные всякого выражения глаза — верный признак того, что и этот ветеран, оплот нации, не избежал коварно расставленных сетей врага. Тем не менее Феррик сразу почувствовал, что старый вояка — единственный из присутствующих здесь хелдонцев, кто смог бы в два счета сбросить мерзкие путы доминатора. Надо только открыть офицеру глаза на происходящее, пробудить его волю, поднять на борьбу. И тогда...

— Послушайте, сэр, — решительным тоном сказал Феррик, — вам не кажется, что с вами не все в порядке? Прислушайтесь к себе. Неужели вы не чувствуете этого пугающего безволия? Прислушайтесь к себе, доблестный ветеран, защитник Отечества. Я знаю, вы изнываете от желания отдаться. Отдаться чужой воле, последовать естественному течению вещей. Вы чувствуете это в себе, *я знаю*. Сэр, неужели вас это не настораживает? Сэр, старый солдат вроде вас просто не может не заметить, что в гарнизоне творится черт те что!!!!.. — Феррик сорвался на крик.

Казалось, офицер не слышал обращенных к нему слов. С минуту он изучал невидящим взором бумаги Феррика, сунутые ему под нос Морком, затем вложил их в приемник дупликатора.

— Будьте добры, смотрите на красную точку над объективом, — глухо проговорил он.

Феррик машинально подчинился. Офицер нагнулся и дернул ручку рубильника. Последовала ослепительно яркая вспышка света, затем устройство издало мягкое урчание.

— Вы квалифицируетесь отныне как носитель подлинно человеческого генотипа, Истинный Яггер, — пробубнил старый ветеран. — Сейчас вам будет вручен сертификат. Этот документ вы обязаны предъявлять по первому требованию представителя государственных учреждений. Далее, по хелдонскому законодательству, любой торговец вправе отказать вам в приобретении того или иного товара в случае вашего отказа предъявить данный документ. Вопросы есть?

— Черт подери, это было бы просто смешно, если бы не было так серьезно!!! — заорал Феррик. — Люди! Хелдонцы! Истин-

ные!!! Вы что — не видите, что через этот КПП течет в священный фатерлянд мутный поток мутированных генов...

— Вы принимаете хелдонское гражданство? — как ни в чем не бывало спросил седой офицер.

— Конечно, принимаю!.. Хелдонцы!!! Враг рядом!.. Враг коварен!.. Враг завлек вас в свою паутину!.. Люди, истинно говорю я вам: вы под воздействием доминатора!!!

На мгновение взгляд седого офицера встретился со взглядом голубых глаз Феррика Яггера. Нельзя было терять ни секунды. Всю свою волю, вплоть до последней унции, вложил Феррик в этот взгляд. Казалось, два электрических разряда, ударили из его глаз и уперлись в зрачки офицера-хелдонца, насыщая того жизненной энергией. И...

— Нет... нет... — мучительно выдавил офицер. — Н-не может быть... Вы уверены?..

В этот момент со стороны дубликатора раздался звонок, и на приемный поднос выпал сертификат Феррика. Это отвлекло седого офицера, и Феррик почувствовал, что установившийся контакт безнадежно нарушен.

Офицер взял сертификат и подал его Феррику.

— Вместе с этим сертификатом, Истинный по имени Яггер, — произнес он, — к вам переходят все права и обязанности гражданина Верховной Республики Хелдон. Принимая этот документ, вы тем самым принимаете на себя и тяжкий груз ответственности — быть достойным представителем своей породы — истинных людей, носителей беспримесного генотипа. Как полноправный гражданин Хелдона, вы имеете право участвовать в общественной жизни Республики, голосовать, занимать выборные должности, обладать собственностью, создавать предприятия, служить в Вооруженных Силах Верховной Республики, а также проживать как в самом фатерлянде, так и за его пределами — по вашему усмотрению. Вы вольны в любое время менять место жительства. Вы не имеете права, под страхом смертной казни, вступать в брак, а также заниматься политической пропагандой, не имея на то письменного разрешения Министерства Генетической Чистоты. Приняв все это к сведению и на основании вашего свободного волеизъявления, согласны ли вы принять гражданство Верховной Республики Хелдон?..

Торжественность, с которой седой офицер произнес эту длинную тираду, разительно не вязалась с обмякшей фигурой и пустым взглядом человека, подпавшего под ауру власти доминатора.

Феррик смотрел на сертификат у себя в руке. Твердый и гладкий, он отсвечивал глянец в свете ярких ламп. Сразу видно —

продукт высшей цивилизации. Благодаря тщательно продуманному размеру и форме документ приятно было держать в руке. На чистой пластиковой поверхности с величайшим искусством были выгравированы его, Феррика, имя, рядом с датой выдачи сертификата, а ниже — отпечатки пальцев и цветная фотография. Еще ниже — подпись доктора Хаймата. По краю сертификат был обрамлен красно-черной рамкой, образованной орнаментом из свастики, что придавало всему документу строгую элегантность.

Сколько лет, проведенных среди мерзостей боргравийской действительности, мечтал Феррик об этом великом моменте — когда в руку ему ляжет наконец сей священный документ! Как грезил о долгожданном мгновении еще ребенком! И потом — когда вырос — как воцарился его!.. А теперь? Вот стоит он, Феррик, и держит в руках свой сертификат. *Хелдонский сертификат*. И что же? Радости как не бывало. Гнусный мутант лишил его этой радости. Лишил счастья претерпеть тяжкие испытания на пути к признанию его, Феррика, носителем беспримесного генотипа. Лишил счастья с честью выдержать тестирование, какое проходят лишь единицы, — истинно хелдонское тестирование на чистоту породы. А без всего этого воцаренный сертификат становился бессмысленным кусочком цветного пластика, пусть и красивым...

— Надеюсь, что вы не откажетесь от хелдонского гражданства из-за вашего несогласия с методиками тестирования? — несколько обеспокоенно спросил Феррика седой офицер, впервые проявив хоть какое-то подобие истинно человеческих эмоций.

— Я принимаю гражданство, — пробормотал Феррик. И с этими словами аккуратно вложил сертификат в бумажник. Направляясь к выходу, к шлагбауму, открывавшему выход на мост, Феррик утешался мыслью, что для него, Феррика Яггера, быть гражданином Хелдона значит нечто большее, чем для тех подозрительного вида существ, что были удостоены хелдонского гражданства у него на глазах. И Феррик дал себе торжественную клятву отдать всего себя без остатка служению фатерлянду — Верховной Республике Хелдон. А проклятой расе доминаторов за украденную радость, за сегодняшнее унижение он отомстит. Тысячекратно. Миллионикратно.

Глава 2

Прохладный бриз затрепетал под просторным голубым плащом Феррика, стоило ему, миновав шлагбаум, выйти на мост. Добротный, крепкий мост, ничего не скажешь. Истинно хел-

донский мост. Проезжая часть из мощеного камня, а по обеим сторонам — деревянные пешеходные дорожки. И дерево и камень отполированы чуть не до блеска бесчисленными латексными шинами и кожаными подошвами.

Ветер дул со стороны Хелдона, донося до ноздрей Феррика чарующие ароматы Изумрудного леса, будто омывая его от вони КПП, а заодно и от всей боргравийской скверны, оставшейся за спиной. Широко и уверенно шагал Феррик по мосту над водами Ульма навстречу своей судьбе, ожидавшей его впереди. В Верховной Республике Хелдон.

Было торжественно-тихо. Пешеходы почти не попадались. Лишь впереди, в сотне ярдов, виднелись несколько фигур. Феррик мог сполна насладиться одиночеством, размышляя о том, что ждет его впереди, на другой стороне моста.

А там начиналось то единственное, ради чего стоило жить в этом мире: Верховная Республика Хелдон, место, где ныне пребывало будущее истинно человеческой расы, если только у истинно человеческой расы было будущее. Страны, с которыми граничил фатерлянд, также обладали сравнительно большими ресурсами здоровых генов. Однако в этих странах большинство населения составляли мутанты и недочеловеки, они же задавали тон и в правительствах. Отчаянная попытка Хелдона помочь населению поработанных стран освободиться от ига неполноценных ублюдков, так называемая Великая Война, окончилась неудачей. Поэтому на сегодняшний день вероятность того, что в сопредельных с Верховной Республикой странах будут приняты жесткие генетические законы, без которых невозможно оздоровление нации, практически равнялась нулю.

А ведь даже Хелдону понадобилось несколько столетий жесточайшего генетического отбора, для того чтобы привести генофонд нации к его нынешнему состоянию. И это при том, что Хелдон начал свои долгосрочные генетические программы, уже располагая относительно чистым генофондом. Тогда как в пограничных странах на сегодняшний день едва ли нашлась бы и горсточка неоскверненных генов. А что говорить о таких удаленных от Хелдона странах, как, скажем, Арбонна или Крессия, — это же настоящий биологический ад, где даже мутированные формы нестабильны и не сохраняются на протяжении хотя бы двух поколений. Или о лежащих дальше на восток обширных пространствах Зинда — крае, безнадежно погубленном доминаторами. А дальше — пустота. Во всех направлениях простирается радиоактивная пустыня, где счетчик Гейгера буквально захлебывается от треска, где не может выжить ни одно живое

существо, кроме тошнотворно омерзительных тварей, более всего напоминающих гигантские раковые опухоли. Предки этих существ некогда были людьми или животными, но с тех пор настолько мутировали за пределы земных форм жизни, что невозможно было определить, чем они являются.

Да, Хелдон на сегодняшний день оставался единственным бастионом истинно человеческой расы. И если миру суждено когда-нибудь вновь стать генетически чистым, то лишь с помощью хелдонской армии и хелдонского оружия.

Какое же место уготовано ему, Феррику, в истории человеческой расы? Кем суждено стать ему в фатерлянде? Чем надлежит заняться?

Подобные мысли теснились в голове у Феррика Яггера, в то время как кованные подошвы его сапог грохотали, чеканя шаг, по дощатому тротуару.

Еще в дни юности своей, в Боргравии, Феррик прилежно и методично занимался самообразованием, готовя себя к будущей жизни. В первую очередь следовало овладеть тем, что будет обеспечивать тебя хлебом насущным. Поэтому для начала Феррик обратился к мотивационной механике — основе основ. За ней последовали наука составления лозунгов, затем искусство внешней и внутренней выправки, далее — искусство внешнего имиджа, премудрости науки об обмундировании и, наконец, памфлетика — искусство создания политического памфлета. Надо заметить, что Феррик с легкостью овладел начатками этих дисциплин, приличествующих истинному сыну своей расы. Правильность его выбора доказала сама жизнь. Даже в Боргравии находился спрос на эти знания, что обеспечивало Феррику вполне безбедное существование. Однако Феррик не остановился на достигнутом. Движимый патристическими чувствами и побуждаемый отцом, Феррик занялся историей, генетикой и военным искусством, сделав немалые успехи в этих, казалось бы, совершенно ненужных в повседневной жизни науках. Но именно эти побочные дисциплины расширили его кругозор.

Сейчас Феррик был твердо уверен, что человек, столь всесторонне образованный, не пропадет и всегда сумеет найти приложение своим силам и способностям.

Феррик вовсе не стремился к личному обогащению. Нет и еще раз нет! Превыше всего было желание послужить истинному человечеству, отдав себя всего, без остатка, этому благородному делу.

Возникал вопрос: с чего начать?

Напрашивались два решения. Первое — попытаться сделать военную карьеру. Второе — заняться политикой. Выбор, что и говорить, непростой. С одной стороны, став военным, он, Феррик, сразу же получает возможность в полной мере проявить свою любовь к фатерлянду, причем проявить практическими действиями. Тем более самым благородным способом — в борьбе с врагом, отстаивая интересы высшей расы. Но — при условии, что государственная политика Хелдона предоставляет такие возможности. Ибо в этой ситуации направлять действия будет не сам Феррик, а правящий кабинет. С другой стороны, лишь занятия политикой могли привести Феррика в узкий круг лиц, определяющих курс проводимой Верховной Республикой политики. Именно здесь принимаются решения, которые Феррику, если он станет военным, надлежит беспрекословно исполнять. Но буквально с души воротило от одной мысли о всех этих пошлых дипломатических церемониях, вечных компромиссах и интригах, которые занимают почти все время любого политика.

Ладно, к чему спешить, утешил себя Феррик. Никто не требует от него сейчас срочного выбора. Будем следовать предначертанному. А когда Провидению будет угодно направить его, Феррика Яггера, оно недвусмысленно покажет, как и чем надлежит заняться. Такова жизнь.

Погруженный в мысли о делах государственных и о собственном будущем, Феррик и не заметил, как почти догнал маячивших впереди пешеходов. Лишь когда до них оставалось лишь несколько ярдов, Феррик невольно обратил на них внимание. Обратил — и челюсть у него отвисла от изумления, смешанного с откровенным ужасом.

Ибо прямо перед ним, по охраняемому мосту, по *хелдонской* территории, по направлению к последнему на этой планете оплоту генетической чистоты, перло совершенно невообразимое скопище самых отъявленных мутантов, каких только можно было себе вообразить. Был среди них и пслугаеклювый, чьи деформированные мутацией зубы образовывали самый настоящий клюв. Рядом с ним тащилась самка синюшника. Ковыляли два горбатых гнома. Был и жабоид. А бок о бок с яйцеголовым гордо вышагивала гнусная пародия на человека, в нсгах которого имелось по два добавочных сустава.

На вонючей боргравийской улице эта компания смотрелась бы совершенно естественно, как неотъемлемая часть окружающей действительности. Здесь же, на мосту, гордо перекинувшимся через Ульм, на исконно хелдонской территории, это ско-

пище мутантов представлялось жутким до невозможности фантазмом, от которого леденило кровь.

Вне себя от бешенства, Феррик бросился вперед и, в мгновение ока догнав уродов, яростно крикнул:

— Что это значит?!

Мутанты тут же замерли и, испуганно повернувшись, уставились на Феррика в немом страхе. На тупых мордах был написан ужас вперемешку с рабской покорностью. Но Феррик буквально кожей чувствовал за этой маской страха тщательно скрываемую торжествующую насмешку.

— Наше почтение, Истинный, — прокаркал попугаеклювый.

Действительно ли в грубом и хриплом голосе твари сквозил беспримесный ужас? Не ощущался ли в нем оттенок злорадства?

— Что вы забыли здесь, на хелдонском мосту?

Квази-человек вытаращился на Феррика. На морде у него было написано самое искреннее недоумение.

— Мы направляемся в город Ульмгарн, — осмелилась подать голос самка синюшника.

Неужели эти ублюдки не в состоянии понять абсурдности ситуации?

— Кто допустил вас на мост? — грозно спросил Феррик. — Только не рассказывайте мне, что вы граждане Хелдона!

— У нас есть дневные пропуска, Истинный, — уверенно протарахтел попугаеклювый.

— Дневные пропуска? — невольно переспросил Феррик.

Значит, они и в самом деле выдают суточные пропуска мутантам? Какое неслыханное предательство интересов человеческой расы! Подумать только, к чему это может привести!

— Покажите-ка мне пропуск, — приказал Феррик.

Яйцеголовый порывлся в засаленном кожаном мешочке, висевшем у него на груди, и извлек оттуда красную карточку, которую почтительно подал Феррику. В отличие от сертификата самого Феррика карточка яйцеголового была не пластиковой, а бумажной. Тем не менее на ней стояла официальная хелдонская печать, а весь пропуск был в обрамлении крохотных свастик — знак того, что документ выдан министерством по надзору за генетической чистотой. В целом карточка была куда проще, нежели сертификат Феррика, да и оформлена не столь изящно. Но тем не менее в поданной яйцеголовым бумажке значилось: «Дневной пропуск. Срок пребывания в Ульмгарне — десять часов. Действителен лишь 14 мая 1142 г.п.о. Пребывание на территории Хелдона вне указанных сроков карается смертной казнью».

Потрясенный до глубины души, Феррик отдал яйцеголовому его пропуск.

— Насколько я понимаю, вы не впервые пользуетесь дневными пропусками? — спросил он.

— Мы выполняем в Хелдоне работу, недостойную таких как вы, Истинный, — вставил один из гномов.

Так вот оно что! Феррику уже приходилось слышать, что универсализм находит себе все больше сторонников в Верховной Республике. Но он и не представлял себе, что дело может зайти так далеко. Теперь ясно, кто стоит за универсализмом — доминаторы. Кто еще способен подсунуть политике доктрину, яд которой за считанные годы ослабил основу основ хелдонского строя — суровость законов о генетической чистоте.

Универсалисты требовали выведения особой породы безмозглых рабов для грязной работы, недостойной, по их мнению, истинных людей. Подобное извращенное использование генофонда практиковалось доминаторами в Зинде. В настоящее время универсалисты еще не были сильны настолько, чтобы принудить правительство Верховной Республики к этому гнуснейшему попранию естества. Однако влияние универсалистов росло и уже на сегодняшний день представляло собой силу, с которой приходилось считаться. В частности, универсалистам удалось, ловко манипулируя наиболее инертной частью населения, вынудить правительство пойти на уступку и узаконить особым распоряжением наемный труд мутантов на территории Верховной Республики.

— Какая мерзость! — прошептал Феррик. И быстрым шагом пошел прочь, оставив свору мутантов тащиться позади. Все виденное им сегодня оставило глубокий след в его душе. Не успел он еще, собственно говоря, ступить на благословенную землю фатерлянда, как налюбовался и на таможенников, подпавших под ауру власти доминатора, и на неслыханное нарушение законов о генетической чистоте, ответственность за которое можно было с полным правом возложить на универсалистов.

И невольно Феррик задался вопросом: ужель и по всей Республике так беззастенчиво попирается все святое? Или подобное творится только здесь, на границе? Но как бы то ни было, его долг, долг истинного человека, и его дальнейшее призвание высветились перед ним, будто в свете фотовспышки. Отныне все свои силы, все свои способности он отдаст восстановлению законов о генетической чистоте во всей их первоначальной суровости. Он, Феррик, отныне станет стражем этих законов от любого посягательства со стороны. И этому благороднейшему делу будет посвящена вся его жизнь.

Исполненный решимости, едва справляясь с дыханием, которое перехватывало от осознания величия его грядущей миссии, Феррик буквально пробежал остаток моста навстречу раскрывающему свои объятия фатерлянду и наконец-то ступил на благословенную землю Верховной Республики Хелдон.

Прямо от Ульмского моста начиналась главная улица Ульмгарна. Стройный, как юная дева, ручнойковки железный столб с табличкой уведомил Феррика, что улица эта именуется бульваром имени Ульмского Моста.

Феррик невольно остановился, оглядываясь, — столь чарующим было все вокруг. Он чувствовал, как согревается, оттаяв, его душа после всех тех леденящих кровь ужасов, с которыми ему сегодня довелось столкнуться. Первый раз за свою жизнь Феррик имел возможность узреть город, построенный истинными людьми на незараженной земле, город, населенный здоровыми чистопородными людьми, чье понимание прекрасного не было замутнено расовой неполноценностью. Насколько же здесь все отличалось от Гормонда, где царили убожество и разложение.

В Гормонде улицы были неряшливо вымощены необработанными валунами и прочей гниющей и смердящей дрянью. Все это вбивалось в раскисшую землю грубыми деревянными кувалдами. Здесь же, в Ульмгарне, даже боковые улочки, отходящие от бульвара имени Ульмского Моста, были залиты ровным слоем первоклассного бетона. И как ровно залиты — хоть линейку прикладывай. На тротуарах же в бетон были вмазаны изразцовые плитки — желтые, золотистые и зеленые. Плитки были точно подогнаны одна к другой — ни щербинки, находясь на точно вымеренном расстоянии друг от друга.

В Гормонде типичным строением был барак, наскоро сколоченный из досок и кровельного железа. Лишь несколько особо крупных административных зданий могли похвастаться стенами из неотделанного низкосортного бетона. Здесь же, в Ульмгарне, обычные, рядовые дома были сложены из глазурованного кирпича всевозможных цветов. Причем ни один из домов не повторял цвета соседнего. Все эти дома, вытянувшиеся вдоль бульвара, как один, имели симпатичные деревянные крылечки. В оформлении фасада тоже широко использовалось дерево: резные наличники, коньки и прочее. Часто попадались и более крупные строения, скорее всего, административные здания. Здесь уже был стиль построжее — темный полированный камень

с бронзовыми украшениями по фасаду и — как правило — со статуей героического вида у входа.

А взять, к примеру, население. Кривые улочки Гормонда кишмя кишели всевозможными ублюдками. Куда ни плюнь — всюду попугаеклювые, яйцеголовые, синюшники, жабоиды и черт знает кто еще. Грязь, вонь, толчея, гвалт. Все орут, толкаются, жрут, пакостят. Все одеты в какое-то рванье, кишашее паразитами. Здесь же все спокойно и благочинно. Идешь спокойно, не опасаясь, что взгляд твой будет оскорблен видом какой-нибудь мутированной мрази, ибо вокруг лишь носители истинно человеческого генотипа — высокие и красивые мужчины со светлыми либо каштановыми волосами, синие или зеленоглазые, подтянутые и опрятные. Женщины — под стать мужчинам, благородно-сдержанные. Одежды — кожа, нейлон, полотно и шелк, меха и бархат. Украшения — золото, серебро и драгоценные камни, — все изумительно тонкой работы хелдонских ювелиров.

И надо всем витает аура психического, генетического и соматического здоровья, все вокруг пронизано духом расовой чистоты и высочайшей цивилизованности.

Феррик шел и чувствовал, как ликует его душа, как его сердце наполняется гордостью за свою расу и счастьем осознания, что и он — истинный человек. Ибо здесь, в Ульмгарне, воочию видно, что именно носитель истинно человеческого генотипа является венцом творения. *А он, Феррик, — тоже ведь носитель!*

Расправив плечи, Феррик свернул на одну из боковых улиц. Первым делом он намеревался перекусить, а затем отправиться на станцию паробусов. Феррик не собирался задерживаться в Ульмгарне. Для начала он рассчитывал добраться до Вальдера, второго по величине города Хелдона, что находился на юге, за Изумрудным лесом. Там он собирался пробыть некоторое время, а затем отправиться в столицу, в Хелдхайм, расположенный в самом сердце индустриального края. Феррик не сомневался, что его место там — в одной из крупных хелдонских метрополий, — а не в приграничных городах вроде Ульмгарна.

Феррик миновал несколько магазинов, предлагающих различные товары: дары плодородной хелдонской земли или повседневную одежду. Вдоль бульвара имени Ульмского Моста тоже тянулись магазины, но товар, предлагаемый ими, был иного рода — плоды научного и инженерного гения Хелдона, призванные сделать жизнь граждан еще более комфортабельной: всевозможные технические диковины, работающие на пару или на электричестве, стиральные машины, деревообрабатывающие

станки, мельницы, насосы, всевозможные домкраты и лебедки — словом, все необходимое для плодотворного труда и разумного отдыха. В других магазинах, расположенных на бульваре, были выставлены предметы роскоши: картины, ювелирные изделия, богатые одежды. Своей обширностью ассортимент мог удовлетворить самый прихотливый вкус. Не говоря уже о качестве товаров — все только наивысшего качества. Аптеки предлагали широчайший выбор знаменитых хелдонских лекарств, знаменитых во всем мире своей сокрушительной мощью.

На своем пути Феррик миновал несколько таверн — симпатичных домиков веселых расцветок, из раскрытых дверей которых доносились соблазнительные запахи. Всякий раз Феррик останавливался, обоняя доносившиеся с кухни ароматы и приглядываясь к завсегдатаям. В конце концов выбор его остановился на большой таверне под названием «Орлиное гнездо». Таверна представляла собой добротное здание из красного кирпича. Фасад был украшен росписью: орел в гнезде на заснеженной горной вершине, а на заднем плане — Голубые горы. Двери таверны были распахнуты настежь, изнутри доносились аппетитные запахи и гул голосов. Судя по всему, в таверне разгорелся жаркий спор. К чувству голода у Феррика прибавилось и любопытство. Феррик решил остановить свой выбор на этой таверне.

Войдя внутрь, Феррик очутился в обширном сводчатом помещении, уставленном деревянными столами и скамьями. Посетителей было человек сорок, они ели сосиски и потягивали пиво из больших глиняных кружек. На каждой кружке был рисунок, повторяющий роспись на фасаде: орел в своем гнезде. Внимание доброй половины посетителей было сосредоточено на щуплом невысоком юноше, который взобрался на стол, придвинутый к стене. Несколько человек подошли поближе, чтобы послушать. Остальные же мирно беседовали о своем или в одиночестве отдыхали за кружкой доброго пива после дневных трудов, не обращая на оратора внимания.

Феррик выбрал свободное место неподалеку от оратора, но в стороне, чтобы не смешиваться с толпой. Стоило Феррику сесть, как к его столику подошел официант в коричневой униформе с красной нашивкой.

— Нынешнее руководство Верховной Республики, а точнее — сборище тупоголовых кретинов и раззяв, пачкающих своими грязными задницами правительственные кресла, даже и отдаленно не представляет себе опасности, угрожающей нации, — говорил юноша. Он стоял на столе, прислонившись спиной к

стене. Очертания его рта придавали лицу презрительное выражение, в голосе слышалась скрытая насмешка. Однако было в его облике — особенно в темных горящих глазах — нечто, привлекавшее внимание Феррика. Юноша решительно был симпатичен...

— Чего изволите, Истинный? — спросил официант.

— Кружку пива и салат из латука, моркови, огурцов, помидоров, лука и... В общем, из всех овощей, которые у вас есть. Только чтобы все было свежим и в сыром виде.

Официант бросил на Феррика косой взгляд и удалился. Мясо в Хелдоне, как и везде, традиционно считалось одним из основных продуктов питания. Феррик, надо сказать, тоже время от времени позволял себе мясо, так как считал фанатичную приверженность к вегетарианскому образу жизни непрактичной, да и, пожалуй, даже вредной. Тем не менее Феррик отдавал себе отчет в том, что в мясе концентрируются радиоактивные элементы, попадающие туда из растительной массы, идущей на корм скоту. Поэтому Феррик по возможности старался ограничивать себя в употреблении мяса. Качество генов — это не та штука, которой можно рисковать, следуя на поводу у аппетита. Ведь в каком-то смысле его, Феррика, гены принадлежат не ему, а являются достоянием истинно человеческой расы и посему их должно охранять, как народное достояние. Что значит косой взгляд официанта в сравнении с расовым долгом.

— Эй, Богель! Уж твоя-то задница наверняка подойдет для правительственного кресла, а? — проорал здоровенный бугай, с лицом красным от чрезмерного количества принятого внутрь пива. Его приятели поддержали эту реплику грубым, но добродушным ржанием.

Несколько мгновений оратор по имени Богель, казалось, придумывал, как бы побойчее ответить. Наконец выдал:

— Для себя я власти не ищу. Однако я был бы неблагодарной скотиной, если бы отказался от того, что ты предлагаешь мне от всего сердца. Ведь я правильно тебя понял, а?

Феррик отметил про себя основную ошибку оратора. С людьми надо говорить не так, если хочешь их увлечь за собой. Надо иначе. Надо, чтобы твои врожденные инстинкты говорили с их инстинктами. Тогда люди пойдут за тобой. А у Богеля все идет от ума. Холодная и механистическая интеллектуализация.

Ответная реплика Богеля вызвала несколько отдельных смешков. И все. Люди, обступившие стол с оратором, явно ждали от Богеля чего-то. Феррик внимательно наблюдал. Похоже, слушатели Богеля подразделялись сейчас на две услов-

ные группы. Первую группу составляли жадно внимавшие оратору и, судя по всему, согласные с каждым его словом. Таких было немного. Большинство же слушателей образовывали вторую группу. По всему видно, что Богель, с его горящими глазами и тонкими сумрачными чертами лица, был в общем-то симпатичен им. Хотя все происходящее слушатели этой группы рассматривали скорее как попытку их развлечь. При этом люди, составляющие обе группы, чем-то походили друг на друга. Это были простые честные труженики, уже немолодые, любившие посидеть за кружкой-другой доброго пивка — ремесленники, торговцы, фермеры. Ясно, что от них вряд ли стоит ожидать тонкого понимания государственных дел. Богель же этого, кажется, не видит, пытаясь внести в атмосферу таверны свой интеллектуальный сарказм.

— Клянусь честью, так мог бы сказать доминатор! — выкрикнул один парень. Аудитория вновь разразилась смехом. Но теперь этот смех едва ли можно было назвать добродушным.

В глазах у Богеля загорелся огонек. В первый раз за все время.

— А вот *так* мог бы ответить сочувствующий универсалистам. Или тот, кто подпал под ауру власти доминатора, — выкрикнул он. — Партия Возрождения Человечества — смертельный враг доминаторов и их прихвостней и лакеев — универсалистов. Это известно всем. Следовательно, любые выпады против партии или ее руководства надо рассматривать как прямое пособничество доминаторам. И вообще, откуда мы можем знать, что эти слова, уважаемый, не нашептал тебе твой хозяин доминатор.

И Богель презрительно усмехнулся, давая понять оппоненту, что сейчас его ход. Однако тот не желал вникать в полемические тонкости.

Феррик почувствовал, как атмосфера в таверне начала накаляться. Богель умен, но начисто лишен инстинктивного понимания того, что ожидает от тебя толпа. Оратор должен уметь переключать внимание людей. Богель этого не умеет.

— Ах ты, шлюха сладкоголосая! Ты что, смеешь утверждать, что я — доминаторская марионетка?!

Богель был растерян, это видно сразу. Конечно, в его планы вовсе не входило вызывать на себя гнев толпы. Но чего иного можно ожидать, столь неосмотрительно бросаясь подобными обвинениями?

В этот самый момент вернулся официант с заказанным салатом и пивом. Изрядно проголодавшийся Феррик набросился на еду, не переставая со все возрастающим интересом наблю-

дать за развертывающимся по соседству любопытным действием, которое вот-вот грозило принять драматический оттенок.

Богель попытался выдать слабое подобие улыбки.

— Ну что ты, друг, в самом деле, — выдавил он. — Не принимай так близко к сердцу. Уверяю, у меня и в мыслях не было обвинять тебя или кого-либо из здесь присутствующих в одержимости доминаторами... Хотя, по совести сказать, кто в нынешнее время может поручиться, что мысли и действия его не направляет исподволь коварный и злобный враг?.. Правильно, никто не может. Кто ныне может доверять ближнему? Вы сами знаете ответ — никто. Страх лишает нас свободы. Страх замораживает наши души. Это врожденный страх. Он у нас у всех в крови. Он разобщает нас. Вы знаете, о чем я говорю. До тех пор, пока остается малейшая возможность пребывания на территории Хелдона хотя бы одного из этих гнусных ублюдков, именуемых доминаторами, — до тех пор никогда между нами — честными людьми — не будет ни доверия, ни единства!

Эта тирада, похоже, несколько смягчила гнев толпы. Выждав короткую паузу, Богель продолжал свою речь:

— Вы только что были свидетелями примера разногласия в наших рядах. На что указывает этот пример? А указывает он — притом красноречивейшим образом — на то, сколь низко пал Хелдон при нынешнем режиме плутократов. Я готов поклясться жизнью, среди вас не найдется ни одного, кто с радостью бы не свернул шею доминатору, попадись эта тварь ему в руки. Ведь так, а, ребята? Так отчего бы вам не поддержать партию, которая ставит своей главной и единственной целью очистить страну от доминаторской заразы? Люди, послушайте! Что сделает любой из вас, если узнает, что его чадло сошлось с мутантом или квази-человеком? Да любой из вас, не задумываясь, убьет свое чадло, вель так? Так какого же черта вы поддаетесь на дешевую лемагогию политиканов? Правящий кабинет под давлением универсалистов пошел на ослабление законов о генетической чистоте. А как это было подано, вдумайтесь. Дескать, негоже вам, истинным людям, заниматься грязной работой. Пусть ее делают мутанты. И вы съели это, и на референдуме проголосовали за разрешение допуска мутантов на земли Хелдона. Вас облапошили, истинные, говорю я вам.

Богель перевел дыхание, затем продолжил:

— Рядом граница. За рекой — Боргравия, мерзостная клоака. Жизнь здесь не похожа на столичную. Здесь нельзя расслабляться. Настоящий хелдонец в пограничных городах, таких, как ваш Ульмгарн, должен был предельно требователен к себе и к

другим. Я уверен, никому в Верховной Республике программа нашей партии не близка так, как вам, суровым ребятам, живущим близ границы. Друзья, объединяйтесь под знаменем Партии Возрождения Человечества! Наше дело правое! Долой соплежув и доминаторских прихвостней из правительства! Чистота расы должна защищаться не на словах, а на деле! Партия Возрождения Человечества настаивает на первостепенной значимости законов о генетической чистоте. Эти законы должны соблюдаться *неукоснительно!*..

— Хорошо сказано! — не удержался Феррик. Впрочем, слова его были заглушены бурными овациями. В какой-то момент Богелю удалось задеть за живое своих слушателей. В их простых и честных душах еще жило здоровое и благородное чувство расовой гордости. Теперь внимание всех посетителей таверны было приковано к хрупкой фигурке темноволосого юноши-оратора.

— Однако, — вновь заговорил Богель, едва утихли рукоплескания, — как наивен я был, когда решил направиться из Вальдера сюда, в приграничные земли. — В голосе его появились саркастические нотки. — Как наивен я был, надеясь обрести здесь новых сторонников нашего благородного движения. Ибо, вместо благородного негодования действиями продажного правительства, что я здесь обнаружил? Да ничего, кроме кучки ничтожных бездельников, для которых обещание облегчить их жизнь значит все, а расовый долг — ровным счетом ничего. А еще нашел я здесь оболваненных простофилю, поверивших брехне ослов и расовых евнухов из правящего кабинета, что, дескать, никаких доминаторов в Хелдоне и в помине нет.

Феррик почувствовал, что больше не в силах сдерживаться. Этот парнишка Богель, несомненно, говорит, как истинный патриот. То, к чему он призывал, было достойно всяческой поддержки. И, вне всякого сомнения, он умел зажигать сердца своих слушателей. Но не ему управлять энергией толпы. Вот и на этот раз, нужный момент оказался упущен. Если ты полностью завладел вниманием аудитории — предложи слушателям какую-нибудь небольшую акцию. А Богель вместо этого начинает издеваться над ними. И теперь толпа снова настроена враждебно. Юноша недурной оратор, но в качестве политического агитатора он никуда не годится... Впрочем... кажется, ситуацию еще можно спасти...

Феррик вскочил со своего места и прокричал, обращаясь к Богелю:

— Это ты, брат, зря. Не все тут простофили и бездельники!

Нехитрая манипуляция с накопившимся раздражением слушателей. Выразив Богелю неосознанный протест аудитории, Феррик тем самым сконцентрировал на себе всеобщее внимание. Богель, похоже, раскусил замысел Феррика и не пытался перехватывать инициативу; темноволосый юноша обладал достаточно острым умом, чтобы в считанные доли секунды понять, что происходит и из какой передраги ему помогают с честью выпутаться.

Итак, все внимание, как уже говорилось, было сосредоточено на Феррике. Все с нетерпением ждали, как поведет себя этот атлетически сложенный незнакомец — возглавит атаку на оратора или же встанет на его сторону.

— Знай, брат, есть люди, для которых твои слова — не пустой звук! — продолжал Феррик, попутно отметив, как заблестели глаза Богеля, как тонкие губы юноши раздвинула улыбка. — Есть среди нас такие, кто не в силах сдерживаться, видя, как грязные мутанты каждым мигом своего присутствия оскверняют священную землю Хелдона! Есть среди нас те, кто зубами готов рвать доминаторов, эту ходячую пададь. Есть такие среди нас, брат, кто готов на это, поверь! Это истинные люди. Это — носители беспримесного генотипа. Это — мы. И не только о сохранении расовой чистоты в пределах Верховной Республики надо заботиться — нет! Бери шире, брат. Распространение абсолютной власти истинных людей на любой годный для обитания уголок нашей несчастной, многострадальной Земли — вот какую надо ставить цель! Ибо в сердце самого ничтожного слизняка живет герой, чьи руки тянутся к оружию, когда вопрос заходит о расовой чистоте. Вот что такое беспримесный генотип! Не мы — сами гены наши вопиют к небесам! Долой мутантов с нашей земли! Вперед — и гнать эту шваль перед собой! Встретил доминатора — убей доминатора!..

Толпа прервала Феррика одобрительным ревом. Взгляды всех собравшихся были прикованы к Феррику. Психоэнергетические линии от всех без исключения слушателей сходились к нему, к Феррику Яггеру. Он был центром. Энергия толпы передавалась ему, Феррику, а от него, усиленная колоссальной мощью его волевого центра, возвращалась к каждому слушателю, заряжая его новой энергией. И снова — от каждого к Феррику. Это было восхитительно! Психоэнергетический резонанс.

И открылись неведомые доселе этим простым честным людям энергетические резервы, что таились в них от рождения. Массированная сила расового самовыражения — вот что просилось наружу, вот что объединяло сейчас слушателей Феррика в едином порыве.

И тут Феррика озарило. Вот оно — направление, по которому надо направить ту колоссальную силу, что была сейчас в его распоряжении. Вот она — цель!

— Эй, вы думаете, доминатор далеко? Это не так. Доминатор у вас под боком, истинные! — вскричал Феррик, когда гул голосов начал было утихать. — Да, это истинная правда! Доминатор среди вас! Ваши кулаки могут дотянуться до него, стоит вам захотеть! Слышите!!! Я скажу вам, где он!

Воцарившуюся тишину нарушил голос Богеля:

— Партии нужны такие люди, как ты, Истинный! Скажи нам, где этот доминатор. Клянусь головой, здесь не найдется никого, чьи руки сейчас не чешутся разорвать монстра в клочья, а, парни?

Феррик про себя отметил, что Богель очень точно уловил момент, когда ему надо было заговорить. Молодец парень. И цели у него благородные, цели истинного носителя человеческой породы.

Феррик решил, что старания Богеля заслуживают награды.

— В это трудно поверить, люди, но послушайте, что я вам скажу. Доминатор выбрал самое уязвимое место — таможеню. Доминатор находится в здании КПП на том конце Ульмского моста. Все сотрудники таможни подпали под его ауру власти. А ведь именно они призваны стоять на страже расовой чистоты!

Исполненные неподдельным ужасом голоса послужили Феррику откликом. Он продолжал:

— Вдумайтесь в кошмар ситуации, хелдонцы! Это чудовище замаскировалось под писаря, помощника офицера-генетика, в чьем ведении находится выдача сертификатов о чистоте гено-типа. КПП — эта преграда на пути мутированных генов — находится в руках доминатора. Подумайте, какая зараза хлещет через эту якобы таможеню. Подумайте о мутантах с сертификатами, о мутантах и квази-людях обоих полов, наводняющих наш милый фатерлянд! А теперь вспомните о своих сыновьях и дочерях! Подумали? А сейчас послушайте, что я вам скажу: никто из таможенников не в состоянии вырваться из-под власти чудовища и позвать на помощь!

Гневные возгласы огласили таверну. Еще бы. В этих людях властно заявил о себе самый глубокий из инстинктов — расовый, — инстинкт сохранения своего вида. Да, пламя, которое загорелось теперь в сердцах этих честных тружеников, могло быть затушено лишь кровью доминатора.

— Так чего же мы ждем? — громко возгласил Феррик. — Наши руки при нас, а у некоторых, как я погляжу, есть и ду-

бинки! Пойдем на мост и освободим наших камрадов-хелдонцев! Смерть доминатору!!!

И, проговорив это, Феррик быстро протолкался к Богелю. Могучими ручищами он как пушинку снял юношу со стола, на котором тот продолжал стоять. Поставив его рядом с собой, Феррик обнял его за плечи и заревел:

— Смерть доминатору! Айда на мост!

Толпа отозвалась восторженным ревом. Феррик, а за ним Богель решительно двинулись прочь из таверны. Не оглядываясь, ибо и так знали: все, кто был в таверне, шли за ними. Толпа была перевозбуждена. Люди буквально изнемогали от желания, чтобы их куда-нибудь вели.

Вниз по бульвару имени Ульмского Моста, будто неуправляемая лавина, неслась толпа. Подобно ангелам возмездия широко речесали шаг тридцать или сорок хелдонских мужчин. Истинных людей. Впереди шли Феррик с Богелем. Прохожие останавливались и изумленно взирали на это захватывающее зрелище. Иные, наиболеe решительные, присоединялись к толпе.

Вскоре они вступили на мост. Феррик шел посреди проезжей части. Следом шагали, плечом к плечу, шеренги крижистых как дубы мужчин, надежно перекрывая движение во всю ширину моста.

— Слушай, друг... уж не знаю, как тебя величать... но оратор ты потрясающий, — пропыхтел Феррику Богель, с трудом принаравливая свой шаг к размашистой героической поступи Феррика. — Партии Возрождения Человечества нужны такие, как ты... Из меня-то... как видишь... агитатор никакой.

— Ты должен мне поподробнее рассказать о вашей партии, когда мы покончим с этим делом, — отозвался Феррик.

— С удовольствием. Но как ты считаешь расхлебать эту кашу? Совершенно не понимаю, какова твоя цель.

— Моя цель — проще некуда, — сказал Феррик. — Смерть доминатора, засевшего на КПП, — вот моя цель. Пойми, приятель, если хочешь добиться фанатичной преданности толпы — дай ей кровавое крещение.

И так шагали они по мосту, колонной, по пять человек в ряд. И свершилось чудо, ибо была это уже не беспорядочная толпа завсегдатаев таверны, а штурмовой отряд, беспрекословно подчиняющийся воле лидера.

Неизведанное прежде наслаждение владело сейчас Ферриком. О небеса, до чего же это здорово — вот так маршировать

во главе колонны! Когда Феррик думал о военной карьере, он всегда представлял себя именно в такой роли — командир, ведущий в бой солдат. Но теперь мечты блекли в сравнении с действительностью.

И стоило беспорядочной массе людей организовать в отряд, как их соединенный волевой импульс естественным образом сфокусировался в их командире — в нем, в Феррике, наполнив его ощущением абсолютной веры в собственное предназначение. Да, он лидер. Когда он заговорит, эти люди будут его слушать. Когда он прикажет, они выполнят приказ. И это безо всякой муштры, без разных там званий или титулов. Ибо он лидер. Прирожденный. Это качество нельзя в себе развить. Оно в генах. У него, у Феррика Яггера, оно есть. И подобно тому, как волки в стае или дикие кони идут за сильнейшим, признавая в нем естественного лидера, так и эти люди безропотно пошли за ним, пусть и видели его в первый раз. Ибо глубинные, природные инстинкты безошибочно подсказали им: перед ними — лидер.

Итак, он вождь. Но он — только орудие. Сейчас в его руках великая сила. Однако сила эта может быть обращена лишь на достижение высших патриотических идеалов. Ибо именно в самом благородстве поставленных им целей источник его силы.

Лишь абсолютное самоотречение во имя достижения высшей генетической чистоты и окончательного триумфа истинно человеческой расы во всем мире наделяет истинного вождя той сверхчеловеческой волей, сокрушающей любые преграды, которая и делает вождя вождем.

Немного времени понадобилось хелдонцам, чтобы добраться до таможни. Когда Феррик со своими людьми приблизился, солдат, охраняющий вход, предостерегающе выставил вперед свою дубинку. Но в глазах у пограничника был страх, а в голосе дрожь, когда он выкрикнул:

— Стойте! Что это значит?

Вместо ответа из толпы хелдонцев выдвинулся краснолицый белокурый верзила и с размаху опустил пивную кружку на голову стражу. Тот схватился за голову и грузно осел на землю. Кто-то выхватил у него дубинку и с ревом бросился внутрь КПП. Остальные устремились следом.

Разъяренные хелдонцы ворвались в помещение, где выдавались сертификаты. Толпящийся в помещении сброд, так называемые «соискатели» — те в панике кинулись назад, на боргравийскую сторону. Несколько добрых пинков придали резвости зазевавшимся.

За барьером черного камня по-прежнему стояли те же таможенники. На лицах трех истинных людей читалось удивление и страх, меж тем как злокозненный Морк хранил непроницаемое спокойствие: ни один мускул не дрогнул на его лице при виде столь бесцеремонного вторжения. Из всех присутствующих лишь Феррик своим до крайности обостренным чутьем ощущал, какие титанические усилия прикладывает сейчас доминатор, чтобы подавить источники явно враждебной воли.

— Что означает это вторжение? — рявкнул седой офицер, тот, что с бородкой. — Сейчас же убирайтесь отсюда!

Феррик ощутил, как решимость толпы стремительно пошла на убыль. Еще бы. Даже долгое пребывание в поле ауры власти доминатора не могло лишить голос старого вояки привычной твердости и властности. А вдобавок и Морк с каждой секундой все больше усиливает психическое давление.

Нельзя было терять ни секунды. Феррик решительно протолкался к барьеру и, перегнувшись через него, своей могучей ручищей схватил Морка за тощую шею. Лицо «писца» побагровело от недостатка кислорода, и Феррик с удовлетворением ощутил, как ослабевает психическое давление монстра.

— Вот оно, это говно! — вскричал Феррик, вытаскивая писаря из-за барьера. — Смотрите на него, люди! Вот он, монстр, державший под своим контролем всю таможду!

— Чтоб тебе самому утонуть в собственном дерьме!.. — прохрипел, лежа грудью на барьере, Морк, видя, что его песенка спета. Феррик крепче сжал горло чудовища, и поток проклятий перешел в неразборчивый хрип, тут же заглушенный ревом взбешенной толпы. Десятки рук протянулись к «капралу», схватили Морка за плечи, за волосы, за руки, перетащили, наконец, через барьер и бросили на пол.

Полузадушенная гадина медленно шевелилась на полу, пытаясь отдышаться. Серьезной опасности он в подобном состоянии не представлял. Да и не будь он столь основательно помят, разве смог бы он, раскрыв свою чудовищную сущность, противостоять соединенной воле стольких чистопородных людей, к тому же одержимых священной яростью? Конечно же нет.

— Настанет день — и вы все склонитесь перед Зиндом, ничемные твари! — прохрипел доминатор, делая слабую попытку подняться на ноги.

Это было уже слишком. По крайней мере десяток ног, обутых в тяжелые рабочие сапоги, обрушился одновременно на грудную клетку чудовища, круша ребра. Еще один удар, на этот раз в голову, — и доминатор, потеряв сознание, оседает

назад, на пол. В этот самый миг страшный рев вырвался разом из множества глоток — и тело чудовища исчезло за мельтешением ног, кулаков и импровизированных дубинок.

Через минуту или две от Морка осталась лишь бесформенная кровавая масса, что лежала отвратительной кучей на каменном полу КПП.

Теперь внимание Феррика обратилось на троих хелдонских офицеров, по-прежнему молча стоявших за барьером. Мало-помалу отрешенное выражение их лиц превратилось в маски беспредельного ужаса.

Первым в себя пришел самый молодой из таможенников.

— У меня ощущение, будто бы мне снился кошмарный сон и я только что проснулся, — пробормотал он. — Я снова чувствую себя человеком. Что это было?

— Доминатор — вот что это было, Рупп, — проворчал старый бравый вояка.

Он вышел из-за барьера и положил руку Феррику на плечо.

— Вы были правы, Истинный Яггер! — воскликнул он. — Теперь, когда гнусный червь раздавлен, когда аура его власти уже не довлеет над нами, — только теперь я начинаю понимать, каким говном мы были с тех пор, как эта гадина проникла сюда. Вы нас снова сделали людьми, Истинный! Мы ваши должники!

— Так употребите свою энергию на процветание истинно человеческой расы, и тем самым вы отдадите долг, Истинный! — ответил ему Феррик. Он повернулся к горожанам. — Пусть это послужит хорошим уроком для нас всех, — воскликнул он. — Вы сами видели, как даже таможенники, опытейшие профессионалы — и те попали в сеть, расставленную коварным врагом. Доминаторы везде и нигде, их трудно увидеть и трудно ощутить. Но, попав в их сети, вряд ли вам удастся из них самостоятельно выпутаться. Вы спросите, что же делать? Я вам отвечу. Будьте бдительны! Будьте внимательны друг к другу. Наблюдайте друг за другом. И если чье-то поведение вдруг покажется вам подозрительным, ищите поблизости доминатора. Помните, вы легко можете освободить другого от доминаторских пут. Точно так же, как мы сейчас освободили этих славных хелдонцев. Вы только что убедились, что прикончить доминатора не многим труднее, чем свернуть шею цыпленку. Люди! Хелдонцы! Мы все братья по расе! Так пусть же крепнет наше расовое братство! Сегодня мы одержали победу. Маленькую, но победу. Так пусть же память об этой победе и впредь горит в наших сердцах! Смерть доминаторам!

Да здравствует Хелдон! Хороший доминатор — мертвый доминатор! Всю планету — истинным людям! Утопим доминаторов и прочих ублюдков в море их поганой крови!

Слушатели ответили восторженным ревом. Феррик вдруг почувствовал, что сильные руки поднимают его в воздух. И когда он сообразил, что произошло, то обнаружил себя на плечах ликующих хелдонцев, вознесенным над толпой, которая, растянувшись в триумфальное шествие, двигалась назад по мосту, в Ульмгарн.

Второй раз за сегодняшний день входил Феррик Яггер в пределы Хелдона. Первый раз как никому не известный свежеиспеченный гражданин. И второй — как триумфатор, как герой, на плечах восторженных последователей.

Глава 3

После того, как горожане, отпраздновав вчерашнюю победу, разошлись с просветленными душами по своим делам, Феррик, вняв настояниям Богеля, отправился с ним в гостиницу, именуемую «Охотничьим домиком». В дополнение к большому залу, точно такому же как и в «Орлином гнезде», это заведение предоставляло к услугам более солидных и респектабельных гостей три небольших зальчика, где в уютной обстановке можно было спокойно поговорить.

Стены помещения, куда метрдотель в зеленой егерской форме ввел Феррика с Богелем, были обшиты панелями из дуба. Низкий сводчатый потолок из красного кирпича. С каждого стола изливали электрический свет искусно стилизованные под настоящие факелы светильники. Сами столы были вырезаны из цельных кусков гранита. Деревянные скамьи с очень высокими спинками совершенно отделяли каждый стол от соседнего, разбивая таким образом все помещение на несколько кабинок. Обстановка располагала к неспешной приватной беседе. А поговорить Феррику с Богелем было о чем.

Богель заказал бутылку белого вина и блюдо сосисок с савойской капустой. Феррик не возражал. Бывают в жизни моменты, когда честный человек может со всей определенностью заявить: да, я заслужил сегодня право отведать мяса. Вот и на этот раз Феррик счел, что вправе побаловать свой желудок после вчерашнего столь блистательного начала.

— Ну что ж, Феррик Яггер, — произнес Богель, едва лишь метрдотель с заказом удалился, — давай поговорим по душам.

Расскажи мне, кто ты, чем намерен заниматься и куда направляешься.

И Феррик поведал ему о всей своей жизни, вплоть до нынешнего дня. По правде сказать, история его не заняла много времени. Поэтому, когда появился официант с заказом, Феррик как раз заканчивал свое повествование. В довершение он сказал Богелю, что не собирается задерживаться здесь, а хочет по возможности скорее перебраться в Вальдер. Что до целей, коим он намеревался посвятить себя, — тут все было куда сложнее. Ибо только сейчас, в разговоре, Феррик неожиданно осознал всю воистину космическую грандиозность миссии, возложенной на него судьбой. Вчерашние события будто пробудили его от спячки, в которой он пребывал доселе, открыв ему глаза на собственную избранность. Лишь вчера, на мосту, шагая во главе людей, слепо верящих ему, уверовал он наконец в собственные возможности, постиг в мгновенном озарении собственное величие во всей полноте и ощутил безмерную мощь сверхчеловеческой воли, являющейся — сейчас он отчетливо понимал это — выражением особой чистоты его, Феррика Яггера, расового генотипа.

Конечно, ему и раньше приходилось задумываться о своей миссии в этом мире. Но раньше все казалось очень простым: по мере сил и возможностей бороться за сохранение расовой чистоты и тем самым способствовать процветанию расы и укрепить мощь своего государства. Еще вчера утром весь вопрос сводился лишь к тому, каким образом с максимальной эффективностью использовать данные ему от природы способности в этом благородном служении. Но прошло несколько часов — и Провидение властно вмешалось в его жизнь. Сейчас у Феррика дух захватывало от масштабов и сложности поставленных перед ним задач. Но вместе с тем каким-то шестым чувством Феррик отчетливо ощущал, что эти задачи ему по плечу, что именно он и избран для этого героического деяния.

Что и пытался он сейчас донести до Богеля. Тот слушал, понимающе кивал, и на тонких бескровных губах блуждала неуловимая улыбка. Будто бы слова Феррика лишь подтверждали мысль, что уже давно выкристаллизовалась в его мозгу.

— Да, — тихо проговорил он, — ты прав. Я тоже ощущаю в тебе ауру избранничества. И тем отчетливее чувствую это, чем яснее осознаю, что сам я напрочь этого лишен. Послушай, Феррик, мы служим одному благородному делу. Мы оба изнемогаем от патриотизма. Давай работать вместе. Ты — прирожденный лидер, а меня судьба не обделила умом. Я льщу себя надеждой, что когда

ты станешь вождем, то не откажешься от моих услуг в качестве советника. Я тебе больше скажу. Мне удалось сколотить группу единомышленников, которые видят во мне вожака. Но тут на моем пути встречаешься ты, друг Феррик. Я видел, как ты говоришь и как побуждаешь людей к действию. По сравнению с тобой я как лидер — ничто. Послушай меня. Если Партия Возрождения Человечества будет иметь тебя в качестве генерального секретаря — о большем нельзя и мечтать. Да, я могу планировать, теоретизировать, организовывать, друг Феррик, но на мне нет той печати избранничества, что так ослепительно сияет на твоем челе. Вдвоем мы явим собой отличную пару. Я знаю науку властвовать, ты же наделен способностью зажигать сердца.

Феррик внимательно слушал. Богель и представить себе не мог, насколько внимательно.

Богель, спору нет, парень смысленный. Но его основная проблема в том, что он переоценивает собственный интеллект. Потенциальный смысл его слов ясен как день: Богель метит на роль тайного лидера, широким жестом предлагая ему, Феррику, трибуну генсека. Но Богель, видать, плохо учил историю. Человек может править, не будучи настоящим лидером. Однако если ты лидер по природе, то ты инстинктивно будешь стремиться свести к минимуму угрозу своей власти со стороны кого бы то ни было. И тем более не потерпишь возле себя теневых лидеров. Впрочем, ничего удивительного в том, что Богелю этого не понять, — этот славный паренек, увы, не лидер.

Да, именно так. Чем больше смотрел Феррик на Богеля, чем больше слушал, тем больше понимал: в их с Ферриком взаимоотношениях Богель всегда будет вассалом, и никогда наоборот. А как вассал Богель несомненно будет полезен. Пожалуй, даже полезно будет ему сейчас подыграть.

— Так ты предлагаешь мне возглавить вашу партию, Сеф Богель? — спросил Феррик с притворным недоверием в голосе. — Мне, человеку, с которым ты лишь вчера познакомился в какой-то харчевне? Ты что же, думаешь, я в бирюльки играю, уважаемый? За кого ты меня принимаешь?! И что же это за партия такая, где пост генсека предлагается по тавернам?

Богель улыбнулся и пригубил вина.

— Сказать по правде, я понимаю твое недоверие, мой друг. — В голосе у него появились извинительные нотки. — Партия Возрождения Человечества и в самом деле невелика. В ее рядах едва ли наберется триста человек по всей стране.

— Ты меня разыгрываешь? Или... погоди, ты хочешь сказать, что ваша партия объединяет цвет нации, ее элиту?

— Буду откровенен. Наша партия состоит почти исключительно из простых работяг, фермеров да сезонных рабочих. Ну и пара-другая военных и полицейских.

— Знаешь, уважаемый, это уже граничит с наглостью! — рявкнул Феррик. Теперь он был по-настоящему заинтригован. Как-то не вяжется одно с другим. Сначала этот тип просит, умоляет его возглавить партию, а минуту спустя признается, что партия эта — не что иное, как жалкий фарс.

Но тут Богель внезапно посерьезнел.

— Вдумайся в реально существующую ситуацию. Сегодня Хелдон находится в руках людей, для которых Великая Война — это просто туманное воспоминание. Людей, для которых наши границы — только линии на карте. Людей, которые готовы пожертвовать основой основ — принципами расовой чистоты, лишь бы ублажить вконец обленившийся люмпен-пролетариат. Большинство населения в больших городах вконец оболванено популистскими лозунгами. Наш прославленный фанатический идеализм, всегда выручавший хелдонцев, ныне выродился в самого гнусного пошиба индивидуализм. Будто и не было столетий борьбы не на жизнь, а на смерть со внутренним и внешним врагами. Где ныне самоотверженная преданность идеалам? Где знаменитая хелдонская железная решимость? Ничего нет! Люди стали подобны слизнякам! Особенно правящая верхушка, эти так называемые лучшие сыны нации, это бездарное и трусливое дерьмо, упорно не желающее видеть нависшей над фатерляндом опасности. И только горсточка людей — простых, замечу, людей, — честных тружеников, еще способных расслышать голос расовых инстинктов, — только они видят весь ужас ситуации. Эти-то люди и составляют Партию Возрождения Человечества... Вот. Я рассказал тебе все, как есть. Родина в опасности! Неужели и на это тебе наплевать? Неужели кровь не закипает у тебя в жилах?

Богель говорил и говорил, со страстным выражением на лице. Замолчав, он чуть повернул голову — и неожиданно игра светотени на миг превратила его лицо в страдальческую маску. В глубине души у Феррика что-то шевельнулось.

— Что значит — не закипает?! Конечно закипает! — с горячностью воскликнул он. — Но какое отношение это имеет к вашей маленькой партии?

— Поставь себя на мое место, — в голосе Богеля слышалась нескрываемая горечь, — на место человека, который ясно видит смертельную опасность, угрожающую Хелдону. На место человека, готового отдать свою жизнь ради спасения вскормив-

шей его расы. Поставь себя на место человека, осознающего, что всех его лидерских способностей едва хватило, чтобы сколотить крошечную партию из трехсот человек. Поставь себя на мое место!

Феррика глубоко тронули слова молодого патриота, и он был вынужден признать, что недооценил всю глубину идеализма этого человека. Хотя чудовищную амбициозность в Богеле он разглядел сразу, это бесспорно. Ну что ж. Когда личные амбиции объединяются с фанатичным идеализмом в деле достижения великой цели, ничто не может устоять перед таким союзом. История дает тому множество доказательств. А Богель в качестве вассала просто идеален.

— Я тебя понимаю, — только и сказал Феррик.

— Вместе мы повернем колесницу Истории на новый путь! — горячо воскликнул Богель. — Мы оба в полной мере осознаем опасность, мы оба признаем, что Верховной Республике, как воздух, нужна сильная личность, которая могла бы принять на себя всю полноту власти и правила бы решительной, железной рукой. Стране нужен вождь, сознающий, как справиться с насущной задачей — полностью стереть расу доминаторов с лица Земли. Вождь, который указал бы квази-человекам их место и каленым железом выжиг бы мутационную заразу. Товарищ! Я создал ядро общенациональной организации, которое ныне почтительно кладу к твоим стопам. Примешь ли ты его? Поведешь ли Хелдон к победе, Феррик Яггер?

Феррик не мог удержаться от улыбки. Уж слишком напыщенна была тирада Богеля. Будто бы преподносил он Феррику сам Державный Скипетр, древнюю легендарную палицу Хелда, знак высшей власти, а не место генсека карликовой партии.

Кроме того Феррика не покидало чувство, что Богелем все-таки движут корыстные интересы. Хотя держится он так, что не подкупаешься. А на призыв его просто невозможно не откликнуться. Если, конечно, ты — истинный человек с безупречным генотипом.

Ну да ладно. Все великие дела начинаются с малого. Для начала неплохо. В Ульмгарн Феррик вошел один-одинешенек, не имея ни друзей, ни знакомых. Зато в Вальдер он уже прибует как лидер хоть небольшой, но партии, оставив здесь, в Ульмгарне, своих сторонников.

Надо быть слепцом, чтобы не разглядеть за всем происходящим руку самой Судьбы.

— Отлично, — наконец проговорил Феррик. — Я согласен. Завтра утром вместе сядем на паробус до Вальдера.

Богель просиял. На парня было приятно посмотреть. Он так и сиял, точно ребенок, которому подарили новую игрушку.

— Вот и отлично! — воскликнул он. — Я сегодня же радиотелеграфирую в нашу вальдерскую штаб-квартиру, чтобы там все подготовили для твоего прибытия. Сегодня начинается новая эра для Хелдона и всего прочего мира. Я чувствую это.

На следующий день, спозаранку, Феррик с Богелем поднялись в пассажирский салон паробуса, следующего к Вальдеру. Было чудесное утро. Небо сияло голубизной. Ульмгарн пробуждался к новому трудовому дню. Настроение у Феррика было отличным. Он отлично выспался и чувствовал себя полным сил и энергии. Кроме того поездка, — а дорога до Вальдера занимала два дня, — в отличие от сравнительно недолгого, но такого утомительного переезда из Гормонда в Порми, обещала превратиться в незабываемое и комфортное путешествие.

Взять хоть сам паробус. Боргравийский паробус представлял из себя неуклюжего железного монстра, буквально разваливающегося от старости. Путешествие в нем было сущей пыткой. И ладно бы все неудобства ограничивались оглушительным лязганьем и выматывающей тряской — колеса, которые лишь с большой натяжкой можно было назвать круглыми, да отвратительная дорога, вся в ухабах и колдобинах. Но это было еще полбеды. Омерзительное соседство вечно что-то жрущих, сорящих и пакостящих мутантов и прочих ублюдков всех мыслимых видов и разновидностей — вот что было самым страшным. И вонь, омерзительная вонь. Ощущение такое, будто едешь в гигантской выгребной яме.

И насколько же разительно отличался от боргравийского паробуса «Изумрудный зефир», курсирующий по маршруту Вальдер — Ульмгарн. Это была сверкающая металлом новенькая машина на пневматических шинах, с отличной амортизацией. В Боргравии пневматические шины не имели смысла — уже через час езды они превратились бы в лохмотья. Для пневматических шин требовалось легендарное совершенство хелдонских дорог — лишь в этой стране использование латекса на колесах становилось практичным.

Снаружи паробус был окрашен в приятный для глаза зеленый цвет, который уместно подчеркивала коричневая полоса вдоль всего салона. Паровой котел и кабина водителя сверкали начищенным металлом — нигде ни пятнышка ржавчины.

Изнутри стены салона были с большим вкусом отделаны светлой сосной. Стекла в окнах чисты и прозрачны, как горный хрусталь. Вдоль салона, по обе стороны от центрального прохода, тянулись мягкие сиденья, обитые темно-красным плюшем, — ровным счетом пятьдесят, притом добрая половина оставалась свободными. Пассажиры тоже, в подавляющей своей массе, производили приятное впечатление — отличные экземпляры человеческой расы.

Казалось, весь научно-технический хелдонский гений нашел свое окончательное воплощение в этом великолепном паробусе.

К тому же поездка обещала быть не только комфортной. Ведь большая часть пути пролежала по живописнейшим долинам и тенистым дубовым рощам Изумрудного леса. А это означало, что все дня два они проведут среди чудеснейших в мире пейзажей.

И вдобавок ко всему у Феррика была еще один повод для радости. Ведь эти два дня ему предстоит провести не в толпе галдящих и кривляющихся, косноязычных и смердящих мутантов, а среди представителей собственной расы — в частности, в обществе его нового протеже и вассала Сефа Богеля, который, похоже, был отличным собеседником.

В общем, путешествие обещало быть отличным!

По совету Богеля они заняли сиденья в середине салона. Шум двигателя, по словам многоопытного Богеля, был здесь не так слышен. Опять-таки, в конце салона несколько укачивало. К тому же Богель заверил Феррика, что места в начале и в конце салона обычно занимают сезонные рабочие. Юноша был настолько галантен и предупредителен, что уступил новому вождю партии место у окна. Феррик в глубине души был тронут.

Когда все пассажиры заняли свои места, из небольшого помещения, отделяющего пассажирский салон от топки, вышла красивая и статная молодая женщина, представившаяся как Дама — Истинная Грата, их стюардесса, в чьи задачи входила забота о пассажирах во время пути. После чего она прошла вдоль салона и раздала желающим мягкие подушки под голову и пледы.

Дверь салона закрылась, в шипении пара от колес отошли тормозные колодки, затем по полу прошла мягкая дрожь от заработавшего мощного двигателя. Толчок — и паробус медленно тронулся с места, выезжая со станционного двора.

Все время, пока они ехали по улицам Ульмгарна, паробус медленно и неуклонно набирал скорость. К тому времени ког-

да они миновали городские окраины и выехали на шоссе, скорость паробуса составляла уже добрых тридцать пять миль в час и продолжала расти. Ничто в Боргравии не могло двигаться с такой скоростью. Поэтому Феррик поначалу полностью отдался новому для него ощущению быстрой езды. «Изумрудный зефир» продолжал наращивать скорость, пока не довел ее до пятидесяти миль в час, несясь по прямому как стрела шоссе. За окнами мелькали фермы и аккуратно возделанные поля, а впереди уже отчетливо виднелась, приближаясь с каждой минутой, сплошная зеленая стена — граница основного массива Изумрудного леса.

— Взгляни-ка лучше на это! — вдруг воскликнул Богель, толкнув в бок Феррика, который сидел, совершенно замороженный невиданной красотой ландшафта.

Обернувшись к Богелю, Феррик увидел, что тот показывает на что-то маячившее на шоссе позади паробуса. Привстав, чтобы не мешала высокая спинка сиденья, Феррик с изумлением увидел сквозь заднее стекло удивительную машину, несущуюся по шоссе с невероятной скоростью и догоняющую паробус.

— Газомобиль! — крикнул Феррику Богель. — Бьюсь об заклад, в Боргравии ты ничего подобного не видел!

Феррику и в самом деле ни разу не доводилось видеть газомобиль, хотя он уже слышал об этом техническом чуде. В отличие от паробуса, чей паровой котел работал на дровах, двигатель газомобиля был основан совершенно на ином принципе. Феррик даже припомнил, что устройство, приводящее в движение газомобиль, называется двигателем внутреннего сгорания, а в качестве топлива в нем используется нефть. Стоила эта нефть баснословных денег, так как приходилось снаряжать конвой военных кораблей, чтобы доставить ее из диких южных земель или же, что еще хуже, покупать ее в Зинде.

Говорят, что на шоссе газомобиль без труда развивает совершенно невероятную скорость. Где-то миль под сто в час. Но уж слишком дорого стоило горючее. Поэтому в Боргравии, где жил Феррик, газомобили имели лишь местные аристократы, которые могли позволить себе подобное удовольствие. Изредка пользовались этим техническим совершенством и высшие правительственные чиновники. Еще в бытность свою в Боргравии Феррику приходилось слышать, что в Хелдоне, этом оплоте высшей цивилизации, газомобили встречались на дорогах куда чаще. Но даже вступив на землю Хелдона, он не очень-то надеялся в ближайшем будущем узреть такую диковину собственными глазами.

Всего несколько мгновений понадобилось газомобилю, чтобы поравняться с паробусом и без усилий обогнать его. Тем не менее Феррик успел разглядеть эту редкостную машину. В длину она была вчетверо короче «Изумрудного зефира», в три раза уступала ему в высоте и в два раза — в ширине. В передней части газомобиля, очевидно, располагался двигатель, закрытый кожухом. За ним в открытой кабине восседал водитель в серо-черной форме правительственного служащего. За спиной у водителя находилась закрытая пассажирская кабина, в которой умещалось всего шесть человек, — зоркие глаза Феррика не упустили и этой подробности. Корпус машины был ярко-красного цвета с черными полосами. Одним словом, зрелище газомобиль являл величественное. Особенно когда, поравнявшись с рейсовым паробусом, водитель громко протрубил в рожок, после чего газомобиль резко прибавил скорости и, вырвавшись вперед, вскоре исчез из виду под зеленым пологом Изумрудного леса, куда уводило шоссе.

— В ближайшем будущем нам следует обзавестись подобным средством передвижения, — заявил Феррик Богелю. — Именно так надлежит ездить вождю — скорость, шик, класс! На самом деле так надлежит путешествовать любой элитной группе.

— Но нефть ведь чудовищно дорога, — печально заметил Богель. — При нынешнем состоянии дел вся партийная казна уйдет на горючее для газомобиля меньше чем за год.

— Отнюдь нет, если контролировать нефтяные разработки в юго-западном Зинде, — задумчиво пробормотал Феррик.

— Что-о?!

Феррик улыбнулся:

— Я просто размышляю о нашем будущем, дружище Богель. О том будущем, когда первоклассные магистрали свяжут воедино все районы Хелдона, когда даже хелдонец среднего достатка сможет себе позволить такой вот газомобиль. О том недалеком будущем, когда гигантские нефтяные месторождения юго-западного Зинда будут принадлежать нашей стране, и только ей.

Богель судорожно перевел дыхание.

— Твои мечты прекрасны, Феррик Яггер, но это только мечты, — выдавил он.

И вот что ответил ему на это Феррик:

— Действительность, которую несет с собой Новая Эра, далеко превзойдет самые смелые мечты, друг Богель. Это будет героическая действительность. А чтобы претворить мечты в жизнь, мы должны, мы просто обязаны стать расой героев. И когда мы достигнем этого, мы будем жить так, как подобает жить полубогам.

Вскоре и паробус, вслед за умчавшимся вперед газомобилем, въехал под зеленые своды Изумрудного леса. Дорога здесь шла по правому берегу быстрой и чистой речки, чье русло петляло по лесным низинам. Водитель был вынужден снизить скорость примерно до тридцати миль в час, так как дорога теперь изобиловала довольно-таки крутыми поворотами.

Феррик жадно смотрел в окно. Наконец-то он видит вблизи легендарный древний лес.

Никто не мог бы точно определить возраст этих могучих деревьев, что медленно и величаво проплывали за окном паробуса. Могучие, кряжистые стволы возносили вверх раскидистые темно-зеленые кроны. Каждое дерево стояло особняком, на значительном удалении друг от друга. Самым же удивительным было то, что все деревья отстояли друг от друга на почти одинаковое расстояние, нигде лес не редел и не становился гуще. По этому лесу можно было идти в жаркий летний полдень, почти все время оставаясь под сенью крон. Подлесок здесь состоял из невысокого кустарника, то и дело перемежаемого лужайками и участками мягкого зеленого мха. То и дело острый глаз Феррика примечал грибы, росшие здесь в изобилии.

Как не похоже это было на страшные радиоактивные джунгли, покрывающие значительную часть Боргравии и населенные столь чудовищно мутировавшими тварями, что даже у сильно-го человека при одном их виде выворачивало желудок.

Деревья Изумрудного леса были генетически чистыми. Неведомым образом местный лес в целости и сохранности пережил Время Огня. Радиоактивные осадки не осквернили его почву. Никто не ведал, сколько лет Изумрудному лесу. Он был куда старше Хелдона. Вполне возможно, и его нынешний вид сохранился с доисторических времен — времен, когда истинный человеческий генотип был еще не выяснен. Кстати, согласно некоторым преданиям, человеческая раса зародилась именно в этом лесу.

Хотя, возможно, это только легенда. Но тем не менее во Время Огня именно здесь, в Изумрудном лесу, нашли себе приют и убежище небольшие и разрозненные отряды истинных людей. Изумрудный лес стал их домом. И они охраняли его, истребляя любых мутантов, которым взбрело в голову сунуться сюда. Впоследствии Шталь Хелд — Стальной Герой — объединил отдельные племена истинных людей в королевство Хелдон. Поколения сменялись поколениями, Хелдон непрерывно расширял свои территории, пока постепенно не вышел за пределы Изумрудного леса, очищая прилегающие земли от

мутантов и утвердившись в конце концов в границах, близких к современным. Впоследствии именно сюда, в исконный край своих предков, бежал во время Гражданской войны Зигмарк Четвертый — последний из хелдонских королей. Легенды гласили, что именно здесь он спрятал Громовую Палицу — символ власти хелдонских королей. Согласно тем же легендам, Громовой Палице суждено быть скрытой от людских глаз до тех пор, пока великий воин с чистейшим генотипом, прямой потомок хелдонских королей не найдет вновь это легендарное оружие и заявит свои права на королевский трон.

Сам же Зигмарк Четвертый, скрыв от мира Громовую Палицу, бесследно исчез вместе со своим двором. Тогда же, в седой древности, затерялся и след королевской родословной.

Вообще об Изумрудном лесе ходило великое множество легенд, причем некоторые из них повествовали о мифических временах и народах, существовавших прежде Огня. В хелдонской истории и хелдонском фольклоре Изумрудному лесу отводилось едва ли не центральное место.

Стоит ли удивляться, что Феррик, столько времени отдавший изучению истории фатерлянда, замер в кресле, точно замороженный. Все связанное с Изумрудным лесом: легенды, былины, предания, вперемешку с сухими историческими фактами, — все это проносилось у Феррика в голове.

Подумать только! Ведь они едут через единственный уцелевший островок того мира, что был до Огня! Генетически чистого мира. Какая же колоссальная мистическая энергия должна быть у этого места, если в течение веков оно продолжало оставаться эталоном генетической чистоты. Все, что было сейчас на Земле чистого и здорового, шло отсюда, только отсюда. Сам Хелдон вышел отсюда. А Изумрудный лес как стоял, так и продолжает стоять, служа живым доказательством того, что когда-нибудь и весь остальной мир станет генетически чистым.

— Величественное зрелище, не правда ли? — шепнул ему на ухо Богель.

У Феррика не было слов, чтобы выразить все то, что теснилось в груди. Поэтому он ответил молчаливым кивком. А паробус все больше углублялся в священный лес.

Вскоре после того, как солнце миновало точку полудня, стюардесса разнесла пассажирам бортпак, состоявший из черного хлеба, холодной колбасы и пива. К этому времени «Изумрудный зефир» уже приближался к самому сердцу леса. Ландшафт

за окном сменился, местность стала холмистой, и дорога петляла вдоль подножий заросших лесом холмов. То и дело перед глазами подкрепляющихся пассажиров возникали заяц или красавец олень, стремглав уносящийся прочь, под сень деревьев. Пассажиры, надо отметить, вели себя сдержанно. Никто не вопил, никто не кидался к окнам при виде лесного жителя. За все время пути никто из попутчиков так и не заговорил ни с ним, ни с Богелем. Очевидно, в Хелдоне не принято было докучать незнакомцам. Как не похоже это было на горластых боргравийцев, с их вечным галдежом и непрерывными ссорами, с их вечными приставаниями. Они так и рвались доложить о каждом очередном идиотизме, пришедшем в их слабоумные головы.

Основную массу пассажиров «Изумрудного зефира» составляли представители средних классов, степенные люди, очевидно, с достатком. Среди них Феррик заметил несколько крестьянских семей, должно быть, на отдыхе. Одеты они были просто, но исключительно чисто и опрятно. Расцветка одежды традиционная для сельчан — сочетание белого, красного, желтого и голубого. На глаза Феррику попались и несколько человек, одетых побогаче. Это были торговцы, путешествующие вместе со своими женами. В дополнение к ним, в паробусе находились еще несколько респектабельного вида людей, мужчин и женщин, чей род занятий Феррик так и не смог определить.

В салоне царило торжественное молчание, лишь изредка нарушаемое приглушенными и несколько торжественными возгласами. Должно быть, лес навевал это настроение, обступая со всех сторон дорогу, по которой бежал паробус. Все вокруг было пропитано флюидами первобытной мощной жизненной энергии; все так и дышало седой и славной стариной.

Только мутант или бездушный доминатор мог бы решить-ся разрушить мистическую атмосферу этого места громкой болтовней.

— Знаешь, Богель, я чуть ли не телом ощущаю, сколь великая сила исходит от этих мест, — тихо проговорил Феррик. — Здесь я явственно испытываю, сколь неотъемлемо я связан со славной историей нашей расы... Я буквально слышу голос своих генов, и он, этот голос, поет мне саги о наших генетических предках.

— Да, странные леса, — согласился Богель. — И люди, доньше живущие здесь, — они тоже странные — охотники, кочующие с места на место, собиратели грибов и трав, разбойники. А если верить старинным преданиям, среди них встре-

чаются и адепты Черного Искусства, что дошло еще с Доогненных времен.

Феррик ухмыльнулся:

— Ты что, боишься лесных колдунов и троллей, а, Богель?

— Во всю эту сверхъестественную чушь я не верю, — отозвался Богель. — Однако горсточка древних выжила в древних лесах во время Огня — это исторический факт. К тому же они жили здесь достаточно долго, чтобы успеть изготовить Громовую Палицу для Шталя Хелда. А ведь тот жил много поколений спустя после Огня. Так что, уважаемый генсек, вынужден признать, мне что-то не по себе делается при мысли о том, что где-то в этих глухих местах сидят сейчас дальние потомки древних кудесников, изыскивая способы вновь ввергнуть мир в Огонь. И это при том, что я прекрасно понимаю, что никаких злых волшебников не существует.

На это Феррику возразить было нечего. Ни один человек даже помыслить не мог о том, что может вернуться время Огня. Ведь за несколько дней Огня, за которыми последовали мрачные века, в мир явилось главное зло: генетическое осквернение человеческой расы. От тех дней остались обширные радиоактивные пустыни, занимавшие основную часть планеты; от них вели начало своего существования доминаторы. Старый мир умер во Время Огня, народившийся же новый был жалким подобием старого. Посему любой Истинный проклинает и будет проклинать Время Огня до тех пор, пока жива человеческая раса.

Но в один прекрасный день, который несомненно случится в жизни Феррика Яггера, истинные люди повернут колесницу Истории и направят ее по новому пути — к Золотому Веку. Такую клятву молча дал себе Феррик, сидя в паробусе, мчащемся на север сквозь Изумрудный лес.

Когда солнце начало садиться за горизонт, от деревьев пролегли длинные черные тени. Ночь еще не наступила, но здесь, под пологом древних дубов, уже было темно. Изумрудный лес готовился ко сну. С заходом солнца лес вовсе не проигрывал в красоте, напротив, он стал еще величественнее. Но теперь в облике его было нечто устрашающее. Атмосфера тайны, витающая над лесом, сгустилась еще более.

«Изумрудный зефир» теперь двигался через древний лес, как чужеродный предмет, абсолютно изолированный в пространстве и времени.

Но когда «Изумрудный зефир» притормозил перед очередным, особенно крутым поворотом, это ощущение мистической отстраненности было внезапно и бесповоротно нарушено самым грубым образом.

Возле дороги виднелся тот самый красный газомобиль, что обогнал «Изумрудный зефир» сегодня утром. Теперь машина лежала вверх днищем, напоминая гигантского мертвого жука. Корпус ее был сильно покорежен. Во многих местах виднелись пулевые отверстия. Ни живых людей, ни трупов поблизости не было.

Сдержанный гул голосов наполнил салон, когда водитель осадил паробус возле перевернутого газомобиля. Впрочем, голоса тут же стихли, как только стало ясно, что никто из пассажиров газомобиля не пережил аварию. Воцарилась напряженная тишина.

— Очевидно, дело рук бандитов, — заметил Богель. — В этих местах такое нередко случается.

— Ты всерьез считаешь, что они решатся нас атаковать? — спросил Феррик. Страха он не ощущал, но им овладело какое-то странное и необъяснимое возбуждение.

— Трудно сказать, — откликнулся Богель. — Атаковать небольшой газомобиль это одно дело, а вот попытаться остановить целый паробус — совершенно другое. Такое по плечу только Черным Мстителям с их моторциклами, а их, как я понимаю, главным образом интересует нефть. Так что вряд ли они станут атаковать паробус.

Водитель «Изумрудного зефира» не решился выходить наружу. Вместо этого он ограничился кратким осмотром места происшествия с высоты паробуса. Ибо он отвечал за безопасность пассажиров, а злоумышленники вполне могли затаиться где-нибудь поблизости. Убедившись, что ни в разбитой машине, ни возле нее нет никого, кто нуждался бы в помощи, он отпустил тормоза. Паробус с оглушительным шипением закутался в облако пара и тронулся с места. В салоне все сочувственно молчали, но, как и подобает благовоспитанным хелдонцам, старались ничем не проявлять своих эмоций.

Следующие полчаса прошли в относительном спокойствии. По мере того как «Изумрудный зефир» отдалялся от места происшествия, напряжение, охватившее пассажиров, мало-помалу начало их отпускать.

Дорога сейчас шла между двумя большими холмами. Когда-то здесь протекала река, промывшая своего рода миниатюрный каньон.

Лишь только паробус вынырнул из каньона навстречу последним лучам садящегося солнца, совершенно невероятные звуки вдруг огласили окрестности, заглушив мерный рокот парового двигателя, — целая серия отрывистых взрывов, которые тут же слились в сплошной, оглушительный рев, заставляющий, кажется, вибрировать каждую молекулу воздуха.

И тут из-за ближайших деревьев на невероятной скорости вылетела целая стая фантастических машин, сминая низкорослый кустарник. Грязь и камни вперемешку с мелким валежником и палой листвой летели из-под колес во все стороны. И оглушительный рев летел впереди машин, подобно герольду.

Каждая из этих удивительных машин представляла из себя два больших колеса в обрамлении стальных труб. Заднее колесо соединялось цепной передачей с хромированным, страшно ревущим двигателем внутреннего сгорания, который, помещаясь между ног всадника, сотрясался в страшном реве. Переднее, направляющее колесо крепилось в стальной вилке, жестко соединенной с высоким рулем. Двурогий руль был богато отделан всевозможными металлическими украшениями. Всадник держал руль за рога, снабженные двумя рукоятками.

Всего их было около двадцати — моторциклов со всадниками, мчавшихся по бездорожью к паробусу. И ни одна из машин не походила на другую — каждый моторцикл был разрисован и украшен по-своему. Машины сияли эмалью, сверкали хромированными щитами, горели бронзой украшений. Громадные, высокие седла у одних были обиты плюшем, у других — кожей. Особенно впечатляюще смотрелись защитные кожухи над задними колесами: они далеко выпирали из машин, имитируя птичьи либо рыбы хвосты.

Глазам Феррика предстало поистине восхитительное зрелище — мощь, металл, напор, блеск, класс, шик!

И эмблемы — эмблемы всех видов. Чаще всего — свастика. Свастик было много. Всех цветов и форм.

И мгновения не прошло, как вся эта орава сверкающих машин оказалась возле паробуса. «Изумрудный зефир» теперь шел в сопровождении моторциклов. Точнее, он шел под конвоем, так как моторциклы были и спереди, и сзади, и с боков.

Со своего места у окна Феррик ясно мог различить, какого сорта люди мчатся на стальных скакунах, выкованных для героев.

Воистину это были люди, достойные своих великолепных машин! Превосходные экземпляры человеческой породы! В седлах ревущих машин восседали высокие, могучие парни, в чер-

ных и коричневых кожаных одеяниях. На плечах каждого развевался на ветру короткий, яркий плащ. Плащи были расшиты свастиками, черепами, молниями и прочими знаками мужского достоинства. Одежда пестрела всевозможными украшениями: цепями, металлическими пластинами, медальонами... За широкими поясами были заткнуты пистолеты и кинжалы, устрашающего вида булавы. На головах красовались шлемы из хромированной или никелированной стали, из-под которых выбивались и летели по ветру длинные белокурые локоны.

— Черные Мстители! — выдавил Богель.

— Потрясающе! — воскликнул Феррик.

Феррик не мог понять, отчего так перепуганы пассажиры. Богель тоже побелел как полотно и заметно нервничал. Впрочем, Феррик мог понять его. Правда, умом, а не душой. Все-таки в Черных Мстителях было что-то, действующее на обычных людей. Мощь. Напор. Сила. И дикость. Ведь это настоящие варвары. Но какие великолепные варвары!

Когда паробус начал слегка притормаживать перед очередным поворотом, несколько Черных Мстителей, из тех, что ехали впереди, выхватили пистолеты и разрядили их в воздух. Смысл действий Мстителей был совершенно ясен: водителю предлагалось остановиться. Не имея другого выбора и болея душой за безопасность пассажиров, машинист нажал на тормоза, спустил пар и, свернув на край дороги, остановился. Сюда же подружили и Черные Мстители, окружив паробус кольцом. Часть из них остались в седлах машин, покручивая слегка рукоятки на руле и заставляя моторциклы периодически взрывать. Однако с десяток Мстителей заглушили двигатели своих машин и покинули седла, поставив своих железных коней на особые упоры, не дающие им упасть. После чего направились к паробусу, поигрывая пистолетами и булавами.

Подойдя, они оглушительно заколотили в дверцу, после чего могучий хриплый голос проревел:

— Открывайте Мстителям, не то мы голыми руками разнесем вашу консервную банку и сожрем всех заживо!

Пассажиры, сидевшие ближе к выходу, вскочили с мест и попытались разом протиснуться в дверь, ведущую в помещение стюардессы. Сама же Дама — Истинная Грата трясущимися руками силилась открыть наружную дверцу, борясь с задвижкой.

Феррик с сочувствием подумал о Мстителях: «Бедняги. Такое представление устроили, а здесь его даже оценить некому».

Входная дверца наконец распахнулась, и в салон ворвался громадный детина. Ростом он был никак не ниже Феррика, и,

пожалуй, даже покрепче. На детине была черная безрукавка, открывающая на всеобщее обозрение татуировку в виде двух змей, обвивающих сверху донизу его бугрящиеся бицепсами могучие ручиши. На шее у Мстителя болтался на массивной серебряной цепи скалящийся череп из хромированной стали, почти в натуральную величину. За поясом был заткнут пистолет. Пряжка пояса тоже была чудовищных размеров и украшена кроваво-красной свастикой. В руке детина сжимал хромированную булаву устрашающей толщины и длиной в целый ярд. На конце булавы, в качестве набалдашника, сиял еще один стальной череп. Копна спутанных волос цвета соломы и нечесаная льняная борода придавали его облику очарование совершенного троглодита. Мочку правого уха оттягивала массивная золотая серьга в виде растопыренной руки. Лыдисто-голубые глаза смотрели честно и прямо. На плечи детины был небрежно наброшен короткий черный плащ с вышитыми по нему двумя параллельными алыми молниями.

Оказавшись в салоне, белокурый верзила первым делом ущипнул за зад Даму — Истинную Грату, после чего вlepил ей сочный поцелуй прямо в губы, заставив молодую женщину зардеться от смущения. В это время следом за ним в кабину набилось еще с десятков варваров. Все они, и обликом и манерой одеваться, в целом походили на первого, разве что украшал себя каждый по-своему. И все как один производили впечатление славных и прямодушных ребят. У многих виднелись татуировки. Всевозможные украшения из золота, серебра и нержавеющей стали, похоже, также пользовались здесь неослабевающим спросом. И всем эти варварам настоятельно требовалась хорошая помывка — салон вмиг наполнился запахом крепкого мужского пота. Потными были и лица Мстителей — пот вперемешку с дорожной пылью оставил на них разводы грязи.

Поприветствовав стюардессу в своей добродушно-грубоватой варварской манере, верзила повернулся к пассажирам, сбившимся в задней части салона. Выражение его лица тут же стало кислым.

— По-моему, все эти галантерейщики обдристались со страху, а, Штепке? — прохрипел из-за его спины Мститель с длинной гривой сальных каштановых волос и здоровенным серебряным кольцом в ухе. Бороды у него не было. Видно, этот варвар успел побриться нынешним утром.

— Проверим, — коротко бросил первый.

— Мне кажется, тут до хрена кандидатов в мутанты.

— И это проверим.

И, повернувшись к безбородому, вожак по имени Штепке добавил:

— Когда мне понадобится твое мнение, Карм, я тебя спрошу, понял? Или ты забыл, кто здесь командир?

Лицо Карма сделалось пунцовым, остальные варвары громко заржали.

Совершенно ясно, что у Штепке были задатки лидера. Хотя ему мешала некоторая неотесанность.

— Ну ладно, каналы, — бросил Штепке пассажирам. — Для начала познакомимся. Меня зовут Стяг Штепке. Для тех, кто ни хрена не понимает, объясню. Мы — Черные Мстители. Четыре вещи обожаем мы: мчаться наперегонки с ветром на наших машинах, ужираться в хлам, трахаться до усрачки, драться друг с другом и убивать мутантов и болтунов. На все остальное нам насрать. Но четырех вещей мы не любим особенно: вранья, мутантов, полиции и доминаторов. Если нам кто не по душе — мы вбиваем его в землю по уши. Как видите, жизнь наша проста и праведна.

Речь Штепке лилась словно бальзам на душу Феррика. Этот варвар походил на бойкого мальчугана, которому необходимо лишь одно — строгий, но справедливый мудрый отец, который направил бы здоровые природные склонности отрока в правильное русло.

И насколько же выигрышнее смотрелись эти варвары рядом с пассажирами, сбившимися в задней части паробуса.

— Я, каналы, вот что хочу донести до ваших дурацких мозгов, — продолжал тем временем Штепке, — мы тут все тоже идеалисты и патриоты, только по-своему. Когда мы видим в ком-нибудь вонючего мутанта, мы убиваем его на месте. Таким образом мы очищаем здешние леса от генетического говна. И тем самым работаем на общество. А коли так, то справедливо будет, если общество станет платить нам за такую грязную работу. Я вот к чему клоню: гоните сюда ваши сбережения.

Ропот, в котором слышались ужас и гнев, донесся со стороны сгрудившихся пассажиров. Но стоило Штепке и его парням сделать два шага в их сторону, как на пол салона дождем посыпались кошельки и бумажники.

Даже Богель потянулся было за бумажником и, вне всякого сомнения, последовал бы примеру остальных, если бы не встретился с твердым и волевым взглядом Феррика. Рука Богеля замерла на полпути.

Феррик со скорбью в душе подумал о пассажирах. И это хелдонцы? Да каждый из них не стоит и волоса любого из этих варваров. Трусливое дерьмо!

В то время как его люди подбирали кошельки и бумажники, Штепке подошел к месту, где сидели в гордом одиночестве Феррик с Богелем. Штепке сверкнул глазами на Богеля и со значением помахал своей страшной булавой.

— А тебе что, особое приглашение требуется, червяк? Э, да ты, кажись, смахиваешь на мутанта, а может, и на доминатора! Знаешь, что мы делаем с доминаторами? Мы отрываем им руки и ноги. Причем заживо. Перед тем, как зажарить и сожрать, гы-гы-гы! — искренне рассмеялся Стяг Штепке.

Богель побелел как снег и замер, не в силах пошевелиться. И тут раздался громкий и твердый голос Феррика:

— Этот человек находится под моим покровительством. Более того, даю тебе мое честное слово, что его родословная безупречна.

— А это еще кто такой выискался?! — взревел Штепке, нависнув над сидящим Ферриком, словно пытаясь пригвоздить его к креслу свирепым взглядом. — Еще раз разинешь пасть — и тут же испробуешь мою булаву на своей башке.

Медленно, не отводя твердого как сталь взора от голубых глаз Штепке, Феррик выпрямился во весь свой рост. Теперь два гиганта сверлили друг друга глазами, над съезжившимся в кресле Богелем. Надо отдать варвару должное, Штепке держался довольно долго, хотя Феррик вложил во взгляд всю свою сверхчеловеческую волю до последнего грамма. Наконец Штепке не выдержал и отвел взгляд, сразу как-то обмякнув.

И тут Феррик произнес:

— Я — Феррик Яггер.

Успевший прийти в себя Штепке рывкнул:

— Ну так где же твои сбережения, Истинный Яггер?

Однако в голосе его уже не было первоначальной железной твердости.

— Мои сбережения останутся там, где они были, — при мне, — спокойно отвечал ему Феррик. Голос его был ровен, будто ничего особенного не произошло.

— Я, кажется, говорил тебе, какую пользу мы приносим обществу... — начал Штепке и поднял над головой булаву. — Если ты не хочешь оплатить наш труд, значит — ты мутант или недочеловек, а таких мы уничтожаем. Так что давай гони сюда, что у тебя заныкано, а не то познакомишься с нашими методами борьбы с мутантами.

— Прежде всего позволь мне выразить самое искреннее восхищение. Что до меня, то не далее как вчера я самолично освободил мир от одного доминатора. И я и ты — мы служим одному и тому же благородному делу. В тебе я вижу человека,

близкого мне по духу, беззаветно преданного святому делу защиты генетической чистоты Хелдона. И ты и я — мы оба готовы огнем и сталью истреблять мутационную мразь.

Похоже, что слова Феррика что-то задели в душе Штепке; он долго и как-то нерешительно вглядывался в лицо Феррика, будто стремясь прочитать в нем что-то. Однако подручные Штепке к этому времени уже успели собрать добычу и теперь переминались с ноги на ногу, начиная выражать явные признаки нетерпения.

— Кончай, Штепке, с ним валандаться. Врежь ему по роже и пошли отсюда!

— Точно, Штепке, уделай-ка эту трепливую сволочь.

Тут Штепке в бешенстве обернулся к своим и угрожающе крутанул над головой своей ужасной булавой, которая с гудением рассекла воздух.

— Если хоть одна падла еще раз вякнет, то подавится собственными зубами!

Уж на что могучими и отважными парнями выглядели Черные Мстители, но даже они спасовали перед яростью их предводителя.

А тот снова все свое внимание сосредоточил на Феррике, медленно отходя от приступа ярости; лицо его еще было багровым, в глазах медленно и неохотно притухало пламя гнева.

— Ладно, Яггер, ты мне кажешься меньшим говном, по сравнению с теми, — он мотнул головой в сторону остальных пассажиров. — В общем, я не испытываю особого желания размазывать тебя по стенам. Но никто не смеет перечить Стягу Штепке, понял? Так что давай выкладывай по-хорошему свое добро — и разойдемся с миром.

Феррик не торопился с ответом. Слишком многое зависело от того, как он себя сейчас поведет. Как всегда, Феррик решил всецело положиться на голос своих инстинктов. Предложение Штепке заманчиво, спору нет, оно позволяет с честью выйти из деликатного положения. Вместе с тем, отдай он Мстителям свои сбережения — и имидж человека с несокрушимой волей будет непоправимо разрушен в их глазах. А Феррик чувствовал: Судьба свела его с этими людьми не случайно. Каким-то образом они связаны с его великой миссией. С другой стороны, откажись он расстаться с деньгами — и ему придется в одиночку сразиться со всей этой ордой. В таком случае он несомненно будет убит. Да и Богель сейчас настолько напуган, что вряд ли поможет мудрым советом. Однако делать нечего, придется играть ва-банк.

И, окинув Штепке презрительным взором, Феррик сказал со всем возможным достоинством:

— Никогда бы не подумал, что столь крутой парень, как ты, Штепке, может оказаться жалким трусом.

Лицо Штепке побагровело, он судорожно заскрипел зубами, а на ручищах у него вздулись чудовищные бугры мускулов.

— Ты только потому смеешь угрожать мне, что в руке у тебя булава, а за спиной свора приспешников, тогда как я стою перед тобой безоружным, — продолжал Феррик, не давая Штепке раскрыть рта. — Ведь ты отлично понимаешь, что в открытой схватке, один на один, тебе меня не одолеть.

Страшным, звериным воем откликнулись на это люди Штепке. Впрочем, вой тут же перешел в издевательский хохот. Штепке круто обернулся и буквально испепелил Мстителей пылающим взглядом. Но, увы, это не возымело должного действия. Орда Мстителей была организована по принципу волчьей стаи: вожаку подчинялись лишь до тех пор, пока не появлялся равный ему соперник. Вот и сейчас, стоило Феррику бросить Штепке вызов, как люди вышли из-под контроля. По крайней мере, до тех пор, пока дело не будет улажено. Штепке со своей стороны отлично понимал ситуацию, по крайней мере, подсознательно. Поэтому, когда Штепке снова повернулся к Феррику, глаза у него опасно сощурились, как у зверя, готового к прыжку.

— Ты смеешь бросать вызов Штепке? — проревел он так, что стекла в окнах паробуса задрожали. — Только Мститель имеет право вызывать на поединок своего вожака, потому что мы все равны. Я предоставляю тебе выбирать, Яггер: или ты сейчас же и без лишних слов гонишь монету, как вон те говнюки, или мы размазываем тебя по стенам этого корыта. Или третье — ты проходишь обряд посвящения. Если ты выдержишь, тогда ты станешь Мстителем и мы с тобой сможем наконец выяснить отношения, один на один. Выбирай.

Феррик широко и радостно улыбнулся. Именно на это он и рассчитывал.

— Я выбираю третье, Штепке, — сказал он спокойно. — Я пройду ваш обряд посвящения. Что-то я засиделся в мягком кресле. Думаю, несколько легких физических упражнений на свежем воздухе мне не повредят.

Мстители громкими воплями дали понять, что оценили слова Феррика. Нет, что ни говори, а эти варвары были отличным материалом. Нужна только твердая рука, впечатляющий пример и ясная цель, чтобы орда превратилась в первоклассное ударное соединение.

— Ну раз так, поедешь с нами! — приказал Штепке. Феррику показалось, что у того даже голос чуть-чуть подобрел. Наверное, чувства Штепке были сродни тому восхищению, которое испытывают друг к другу два матерых волка, перед тем как вцепиться друг другу в глотки.

— Мой друг тоже поедет с нами, — заявил Феррик, указывая на Богеля. — Он, правда, хлипковат, ну да ничего. Свежий воздух пойдет ему только на пользу.

И опять Мстители не удержались от добродушного гогота. Даже Штепке невольно усмехнулся. Весь вид Богеля свидетельствовал о том, что он с радостью отдал бы все сокровища на свете, лишь бы оказаться подальше отсюда.

— Ладно, хрен с тобой, забирай с собой свою болонку, коль без нее не можешь, — махнул рукой Штепке. — Он поедет с Кармом. А ты, Яггер, поедешь со мной.

И с этими словами Штепке со своими людьми грубо вытолкал Феррика и Богеля наружу, в вечерний холод, где на ревущих моторциклах ожидали жоака остальные Мстители.

Глава 4

Тихий прохладный вечер опустился на Изумрудный лес. Однако здесь, возле паробуса, царил некто, напоминавшее преддверие ада. Отсвечивал бликами полированный металл, оглушительно ревели двигатели, окрестности заволокло черным дымом нефтяных выхлопов. Феррик направился следом за Штепке к его моторциклу.

Машина Штепке своим внешним видом и габаритами вполне соответствовала его высокому положению в орде. Двигатель был больше, чем на других моторциклах; его хромированная сталь была отполирована до зеркального блеска. Руль, сверкающий хромом, был изогнут наподобие бараньих рогов. Столь могуч и широк он был, что Штепке, запрыгнувшему в седло моторцикла, пришлось вытянуть руки во всю длину, чтобы достать до рукояток, находившихся на уровне его лица. Рама моторцикла сверкала черным лаком, с обеих сторон обтекателя, тоже черного, сияли хромированной сталью черепа — близнецы того, что висел у Штепке на шее. Черным был и нефтебак со сдвоенными алыми молниями по бокам. Черное кожаное сиденье было столь просторно, что оставляло место не только для Феррика, но и для его баула. Сзади у моторцикла находились сдвоенные закрылки, видом напоминавшие сложен-

ные крылья орла. Над передним колесом нависала металлическая орлиная голова с открытым, будто в клетке, клювом. Из клюва бил слепящий электрический свет, пронизывая пространство на несколько метров.

Стоило Феррику очутиться у Штепке за спиной, как тот завел двигатель, ударив подкованным сталью каблуком по рычагу стартера. Сквозь сиденье Феррик почувствовал восхитительную вибрацию двигателя.

Штепке обернулся. На лице у него сияла волчья ухмылка.

— Ну держись, — прохрипел он. И, обращаясь к своим, крикнул, перекрывая рев моторов: — Поехали!

Старт был ошеломляющим. Моторцикл рванулся вперед так, что Феррик еле удержался в седле. Штепке тут же дал крутой вираж, почти положив машину набок, и, развернувшись, помчался в сторону каньона, который Феррик еще столь недавно миновал, нежась в мягком кресле «Изумрудного зефира». С момента старта прошло мгновение, а моторцикл уже развил скорость за сорок миль в час. Что за машина! Что за водитель! Какой потрясающий штурмовой отряд получился бы из этих Мстителей!

Феррик обернулся, насколько позволяла шея, и увидел, что остальные моторциклисты сплошным потоком металла несутся вслед за Штепке. На ближайшей машине за спиной водителя сидел, судорожно вцепившись в сиденье, Богель, с мертвенно-бледным лицом, с зажмуренными глазами. От ощущения бешеной скорости, от полноты жизни Феррик не выдержал и дико расхохотался. Как прекрасны эти машины в их неудержимом напоре, особенно когда вот так, бок о бок, мчатся, подобно стальному шквалу! Эх, если бы сюда еще единую униформу и порядок!

Достигнув ложбины, что отходила от дороги в сторону леса, Штепке, не задумываясь, почти не снижая скорости, свернул с бетонированного шоссе на еле заметную лесную тропу и понесся по петляющим лесным коридорам. Остальные Мстители следовали за ним, не отставая.

Это была потрясающая дикая гонка сквозь ночной лес. Феррик даже и вообразить себе не мог, что такое возможно. Штепке гнал машину, как безумный, бросая ее в мелькающие тени между деревьями, сминая кустарник. Вне всякого сомнения, Штепке сейчас руководили здоровые инстинкты и жажда штурма и натиска. Похоже, само Провидение гнало сейчас этот мотоцикл через лес. Видимо, и Штепке инстинктивно осознавал — машина, ездок и пассажир сейчас нечто иное, как колесница Судьбы, стремительно и неотвратно несется она.

И хотя ежесекундно казалось, что в следующее мгновение моторцикл разлетится на куски, налетев на дерево или валун, либо же перевернется, угодив передним колесом в рытвину или в крупный корень, торчащий из-под земли, — Феррик все же сумел расслабиться и сполна насладиться ощущением неудержимой силы, несущей тебя, и близкой опасности. Ветер в лицо, рев мотора под сиденьем — просто восхитительно!

Так что Феррик невольно почувствовал легкое сожаление, когда, после часа совершенно демонической езды, Штепке вывернул на укатанную колею, которая через несколько минут вывела к безлесной ложине между двумя поросшими деревьями холмами. Здесь, очевидно, располагалось стойбище Мстителей.

По полюю в совершенном беспорядке был разбросан десяток хижин — жалких и убогих строений. Лишь некоторые из них могли похвастаться наличием худо-бедно приделанной дверцы или окна. Ясное дело, стекла для окон и двери были позаимствованы с разбитых паробусов и газомобилей. Одна из хижин заметно выделялась среди прочих.

Сразу за хижинами виднелся вход в пещеру. Ведущая туда утоптанная тропа и разбросанный у входа хлам красноречиво свидетельствовали о том, что она служила местом человеческого обитания. Общий вид лагеря указывал на крайне примитивное владение строительными навыками.

Штепке на своем ревушем моторцикле влетел прямо на середину стойбища и лихо затормозил, выставив могучую правую ногу и развернув машину поперек пути, одновременно глуша мотор. Следом за ним, точно таким же манером, притормозили и остальные Мстители.

Феррик грациозно выскочил из седла, опередив Штепке. Сам Штепке, похоже, не придавал этому значения. Штепке просто слез с моторцикла, упер руки в бока и обвел горящим взором своих подчиненных. Те тоже послезали с машин и теперь стояли полукругом перед вожаком. Дрожащий, насмерть перепуганный Богель кинулся от них к Феррику, словно слуга в поисках защиты у своего господина.

— Это безумие, Феррик! — восклицал он звенящим шепотом. — Теперь эти дикари точно нас прикончат, а потом съедят! Ты только посмотри на них. Это же звери! А что за гонка — жуть! И зачем ты с ними связался? Тоже мне, нашел товарищей. Волкам они товарищи!

Феррик выразительно глянул на Богеля, и тот замолк. Теперь он стоял и молча трясся. Начисто лишен тактических способностей. Иногда молчание — куда более мощное оружие, чем

слова. Сейчас как раз такой случай. А Богелю не мешает развить в себе побольше выдержки.

— Ну? — грозно рявкнул Штепке. — Что стоите, как пни? Готовьте все к обряду посвящения. И пошевеливайтесь!

Черные Мстители тут же развили бурную деятельность. Несколько человек отправились в лес. Двое Мстителей нырнули в большую хижину и выкатили оттуда огромную деревянную бочку. Остальные принялись таскать из своих лачуг длинные, футов десять в длину, заостренные колы, обмотанные просмоленной ветошью. Угломонились они лишь тогда, когда посреди площадки оказалось по меньшей мере несколько десятков факелов. К этому времени из леса вернулись их товарищи, таща с собой охапки хвороста и сучьев. Не мешкая, они принялись сооружать огромный костер. Тем временем бочка была поставлена на попа, крышка сбита. Внутри плескался темный, пенящийся эль. Радостные вопли огласили воздух. Мстители обступили бочку. Деревянные кубки-рога погружались в пенящийся напиток и возвращались, полные до краев, с тем чтобы уместиться в одном могучем глотке и снова вернуться к бочке. Каждый пил, сколько влезет.

Укрепив таким образом силы, Мстители с энтузиазмом вернулись к прерванной работе. Теперь они разбирали сваленные в кучу факелы и втыкали их в землю на равном расстоянии друг от друга. Образовался огромный круг со сложенным в центре костром. Неподалеку от костра остались несколько лишних факелов.

Пока его подчиненные были заняты работой, Штепке молча стоял в стороне, горделиво взирая на происходящее. Рядом с ним стояли Феррик с Богелем. Как и подобает вожаку, Штепке держался особняком. Наконец, когда все было готово, он не спеша направился к своему моторциклу, вскочил в седло и завел мотор. Направив свою машину вперед, в середину круга, Штепке на ходу наклонился и подхватил один из лежавших на земле факелов. Затем, опять-таки на ходу, он ухитрился запалить факел от своей зажигалки. После чего, с горящим факелом в руке, Штепке стал разъезжать по кругу, поджигая один за другим остальные факелы, пока площадка не оказалась окружена огненным кольцом. Пламя металось на ветру. Искры уносились в ночное небо. Подпалив своим жупелом последний факел, Штепке направил машину прямо на костер, но в последний миг резко затормозил, развернув моторцикл вокруг правой ноги, и воткнул пылающий факел в сухие ветки. В следующий миг мотор взревел, и моторцикл бросило вперед. Но умело сло-

женный костер уже запылал. Ревущее пламя охватило сухие сучья в взметнулось к небу. Штепке повторил свой коронный номер на бис, на этот раз возле бочки с элем. Заглушив мотор, он соскочил с седла и сунул голову прямо в бочку. Почти с минуту голова Штепке скрывалась под слоем пены. Наконец он выпрямился, утирая губы.

— А ну в круг, каналы! — прорычал он. — Сегодня ночью судьба нам что-нибудь да подарит. Или свежий труп, или еще одного Мстителя.

Мстители послушно собрались внутри огненного круга и теперь не спускали глаз со своего вожака. За спиной Штепке бушевало пламя. Когда Феррик повел Богеля в огненный круг, тот скорчил гримасу и с горьким вздохом выдавил:

— М-да, если уж и суждено мне сегодня умереть, то воистину в сиянии славы. А, Феррик?

Тот ободряюще похлопал Богеля по плечу. Все же Богель, несмотря на хлипкость и безволие, в душе своей правильный парень.

Они приблизились к Штепке. Тот ждал, положив руки на булаву, упертую черепом в землю.

— Ну что же, Феррик Яггер, — громко сказал он, — все очень просто. Ты стоишь в огненном круге. Отсюда ты или выйдешь Мстителем, или тебя вынесут вперед ногами. Если останешься в живых, что тебе вряд ли удастся, получишь право вызвать меня на поединок. Правила такие: ты должен пройти Испытание Водой, Испытание Огнем и Испытание Сталью. Итак, начнем. Тащите сюда большой рог.

Тотчас здоровенный светлобородый верзила в черной безрукавке, расшитой багровыми свастиками, вышел из круга. Через пару минут он вернулся, держа перед собой рог воистину героических пропорций. Рог был сделан из цельного куска ствола темного дерева и украшен диковинной резьбой — оленьи рога, орлиные головы и крылья, свастики и извивающиеся змеи.

Штепке торжественно принял рог, окунул его в эль и вынул до краев наполненный пенящейся влагой. Простирая его перед собой на вытянутых руках, он воскликнул:

— Никто не может стать Мстителем, если не способен осушить этот рог, не переводя дыхания.

С этими словами он протянул рог Феррику. Рог был столь тяжел, что Феррику пришлось держать его обеими руками, чтобы не опрокинуть.

— Выпей его, Феррик Яггер, — и ты пройдешь Испытание Водой, — сказал Штепке. И, выхватив из-за пояса пистолет, он

взвел курок и приставил ствол к виску Феррика. — Но помни: стоит тебе перевести дыхание, прежде чем рог будет осушен, — и ты немедленно умрешь.

Феррик бесшабашно улыбнулся:

— Должен признаться, что у меня и вправду в горле пересохло. Так что благодарю вас за великодушие и гостеприимство.

Сказав такие слова, Феррик набрал в легкие побольше воздуха и поднес рог к губам. Раскрыв рот пошире, он стал лить эль прямо в глотку. Когда рот заполнился до отказа, Феррик сделал глотательное движение, пропустив эль дальше в пищевод, и влил в рот новую порцию. За вторым глотком последовал третий — и так далее, все быстрее и быстрее. Под конец эль лился через рот и пищевод в желудок сплошным потоком.

Глотать крепкую хмельную жидкость с каждой секундой становилось все труднее. В груди нарастала боль, а ствол пистолета давил на висок все сильнее. Голова начала кружиться, в коленах появилась слабость из-за нехватки воздуха и в силу пьянящего воздействия напитка. Однако Феррик собрал волю в кулак и героически терпел боль в груди и жжение в горле, заставляя себя удерживаться на ногах. Каждый глоток давался все тяжелее. Феррику казалось, что через него протекают целые океаны эля. Наконец, когда минула целая вечность, а боль в груди и горле стала нестерпимой, эль в роге кончился.

Выдохнув застоявшийся в легких воздух и переведя дыхание, Феррик перевернул рог, показывая, что тот пуст, и бросил его стоящим Мстителям. Те разразились приветственными возгласами. Штепке убрал пистолет. Во взгляде, которым он одарил Феррика, сейчас ясно читалось невольное уважение.

Феррик же ощущал, как с каждым глотком свежего воздуха силы возвращаются к нему. Колени вновь обрели железную твердость. Костер за спиной Штепке выстреливал искрами вверх, будто бросая вызов ночному небу.

— Славное пиво, — сказал Феррик Штепке, как только дыхание восстановилось окончательно. — Может быть, тоже отведаешь?

Мстители заревели вне себя от восторга и тут же бросили Феррику рог. Штепке молчал, но было ясно видно, что он вне себя от злобы. Феррик наполнил рог до краев и, улыбаясь, поддал его Штепке.

Штепке буквально вырвал рог у Феррика из рук, поднял его и поднес к разинутому рту. Глубоко вздохнув, он стал лить в себя эль. Феррик видел, как ходуном ходил его кадык под вызывающе торчащей бородой, проталкивая в штепковский желу-

док огромные порции эля. Под конец Штепке пил уже совсем неэстетично, громко давясь, икая и рыгая. Но тем не менее он ни разу не перевел дыхание, пока не выпил все до последней капли.

Отбросив прочь пустой рог, Штепке повернулся к Феррику. Сейчас, освещаемый пламенем, он был похож на загнанного в угол хищника. В хмельном взгляде его не было ничего, кроме бешеной злобы.

— Ладно. Еще не конец, — выговорил он хмельным голосом. — Тебе понравился наш эль, Феррик Яггер? Посмотрим, по вкусу ли тебе придется жаровня. Эй, вы, ротозеи, чего встали! Готовьте огненный коридор! Дайте ему моторцикл! Испытание Огнем!

Тотчас же Мстители кинулись к воткнутым в землю факелам. Выдернув их из земли, Мстители выстроились двумя рядами, человек по двадцать в ряд, лицом друг к другу. Каждый выставил перед собой пылающий факел, почти касаясь факела Мстителя, стоящего напротив; между горящими концами факелов оставалось не больше ярда. Образовался настоящий огненный коридор, наполненный дымом и искрами.

Где-то в темноте взревел мотор, и, спустя мгновение, у самого входа в огненный коридор, возле Феррика и Штепке остановился темно-красный моторцикл, разрисованный черными свастиками в белых кругах. На водителе была кожаная безрукавка, усеянная темно-красными кругами с белыми свастиками. Мститель слез, поставил моторцикл на упор, однако двигатель глушить не стал.

— Я буду стоять в другом конце, — громко заявил Штепке, — а ты, Яггер, на моторцикле Зигмарк должен будешь проехать через огненный коридор. Любой из Мстителей может сделать это. Любое пламя, кроме небесного огня древних, нам нипочем.

Феррик не спеша подошел к моторциклу. Казалось, стальная машина звала его ревом двигателя, приглашая оседлать ее. На другом конце огненного коридора виден был Штепке. По покрасневшему от эля лицу вожака Мстителей блуждала пьяная, бессмысленная ухмылка. Казалось, он бросал вызов мужеству Феррика. Это лишь укрепило Феррика в решимости преодолеть это испытание. Штепке неотесанный, но правильный парень. Нужно только указать ему, где его место.

Мститель по имени Зигмарк наскоро показал Феррику, как управлять моторциклом. Нажимаешь педаль под левой ногой — и переключаешь передачи. Рукоять газа — под правой рукой. Рядом с правой рукой и под правой ногой — рычаги. Это тор-

моза, передний и задний, соответственно. Левая рукоять — сцепление. На первый раз этого вполне достаточно.

Феррик сел в седло и крепко ухватился за руль. Он выжал газ — и двигатель дико взревел. Феррик чувствовал его мощь каждой клеточкой своего тела. Казалось, между ним и машиной мгновенно установилась теснейшая связь: машина стала частью его плоти, а невероятная мощь двигателя воплощала в жизнь устремления его, Феррика, души. В этот момент на Феррика снизошла непоколебимая уверенность, что металлический конь сможет пронести его невредимым сквозь пламя. Феррик уже заранее знал: он сможет пройти испытание. Испытание не столько физических возможностей, сколько героизма. И Феррик в душе восславил мудрость тех, кто придумал такое испытание. Его придумали люди со здоровыми инстинктами.

И, не колеблясь более, Феррик снял моторцикл с упора. Пригнувшись к нефтебаку так низко, насколько это было возможно, Феррик повернул ручку газа, выжав из мотора потрясающий рык, решительно упер кованый каблук на рычаг передач и отпустил сцепление.

Веер земли вылетел из-под заднего колеса. Моторцикл, словно конь, привстал на дыбы, а затем понесся вперед. Слившись с машиной в единое целое, насыщая ее своей психоэнергией, Феррик нацелил моторцикл в огненный коридор. Он не чувствовал никакого страха. Лишь истинно героическое возбуждение огнем разливалось по жилам, в то время как стальной конь мчал Феррика навстречу пламени.

И вот он нырнул в эту вселенную огня. Жар, огонь и скорость — и ничего кроме. Все остальное перестало существовать. Единственная мысль — удержаться моторцикл в узком пространстве огненного коридора. Прошло лишь мгновение — и огненный коридор остался позади, а он, Феррик, — жив и невредим.

Мстители завертели над головами горящими факелами и восторженно заулюлюкали, когда Феррик, описав круг, подъехал к Штепке.

Со своей стороны, Феррик отнюдь не считал, что игра закончена. Ведь полного удовлетворения он еще не получил.

Поэтому, поравнявшись с вожаком Мстителей и притормозив, он крикнул:

— Ну что, Штепке, прокатишься со мной обратно? Или трусил?

Целый пантеон эмоций сменился последовательно на пьяной физиономии Штепке: гнев, страх, ярость, бешенство.

— Ну же, Штепке, давай, пока огонь не погас! Или ты не мужчина?

С хриплым ревом Штепке прыгнул в седло, позади Феррика. И, прежде чем вожак Мстителей успел еще как-либо проявить свой героизм, Феррик дал газу и погнал моторцикл в огонь.

И снова неповторимые ощущения, когда нет ничего, кроме огня, жара, скорости и веры в себя. И снова стальной конь вынес своих седоков невредимыми.

Сломав строй, Мстители пустились в дикий каннибальский танец вокруг остановившегося моторцикла, истошно и радостно вопя и крутя пылающими факелами над головами.

Они со Штепке слезли с моторцикла. Феррик заглушил двигатель и поставил машину на упор.

Во взгляде Штепке ярость теперь мало-помалу уступала место почтительному уважению. Вне всякого сомнения, он ясно отдавал себе отчет, что ввязался в состязание с человеком, чьи воля и героизм ничуть не уступали его, Штепке, силам. Если не сказать большего. Менее амбициозный человек, осознав свершившийся факт, тут же разрядил бы ситуацию дружеским жестом, чем не понес бы особого ущерба своей чести.

Но не таков был Штепке. Он шел напролом, не желая поступаться ничем, готовый на все, лишь бы отстоять собственное превосходство.

— Последнее, что проходит посвящаемый, — это Испытание Сталью, — заявил он во всеуслышание. — Обычно мы устраиваем бой на булавах. На самом-то деле, конечно, я просто играю с новичком, как кошка с мышью, ибо равного мне во владении этим оружием нет. Если я нахожу, что посвящаемый достоин нашего братства, я просто останавливаю бой и объявляю его принятым в ряды Мстителей. Если нет — я убиваю его.

Штепке сделал паузу и посмотрел на Феррика. В его льдисто-голубых глазах за коварством, смешанным с неподдельным восхищением, отчетливо читалась непоколебимая решимость. Что-то в психической ауре, витавшей над состязанием двух героев, заставило Мстителей прекратить гам. Сейчас они стояли, молча наблюдая, как подходит к решающей стадии борьба между их вожаком и его неустрашимым соперником.

— Но мы с тобой, Яггер, — продолжал Штепке, — сделаем иначе. Вместо того, чтобы царапать друг друга, будто играющие лесные кошки, мы будем биться до смертельного исхода на стальных булавах. Наградой победителю станет жизнь.

Вокруг царил гробовая тишина. Здоровое, грубоватое веселье, обычно сопровождавшее обряд посвящения, бесследно исчезло, едва лишь до Мстителей дошло, что их дальнейшая

судьба отныне целиком зависит от дуэли, которая вот-вот должна начаться.

Что до Феррика, то ему не надо было объяснять, что он, победив прежнего вожака, автоматически сам становится во главе орды. Не было и никакой возможности сохранить жизнь Штепке. Ибо таков закон: победитель убивает побежденного. Первичный закон природы. Он записан в генах любого существа со здоровым генотипом. Возможно, это один из базовых законов живой протоплазмы. Закон эволюции — правит сильнейший.

Повернувшись к Богелю, Феррик встретил его холодный и яростный взгляд. В нем явственно читались полное понимание ситуации и абсолютная вера в него, в Феррика.

— Принесите оружие, — приказал Штепке. — И принесите Стального Командира.

Семеро самых кряжистых Мстителей исчезли во мраке обступившей костер ночи. Один вернулся почти тотчас же, со старой, выдавшей виды булавой вполне приемлемой длины и толщины. Сие почтенное оружие Мститель и вручил Феррику. Булава была из нержавеющей стали, потускневшей от времени, и покрыта бесчисленными отметинами от ударов. Тщательно осмотрев ее, Феррик обнаружил, что когда-то рукоять булавы покрывал узор в виде переплетенных змей, а набалдашник, который на первый взгляд казался просто стальным шаром, был покрыт эмалью и походил на вынутый из черепа человеческий глаз. Феррик взвесил оружие в руке. Легче, чем хотелось бы, но ничего. Булава была хорошо сбалансирована и имела почти ярд в длину. Феррик взмахнул ею. Булава со свистом рассекла воздух. Подходяще. Такой булавой вполне можно разнести вдребезги кости врагу.

Штепке тоже поднял свое устрашающее орудие убийства и несколько раз крутнул им над головой. Теперь Феррик пригляделся повнимательней к штепковской булаве. Истинно героическое оружие. Булава Штепке была дюймов на шесть длиннее и, судя по тому, как Штепке ею орудовал, на четверть тяжелее. Толстая стальная рукоять сверкала хромом. Набалдашник в виде черепа (похоже, очень нравились Штепке черепа). Было понятно, что Феррик со своей булавой ставится в неравное со Штепке положение. Однако протестовать в данной ситуации означало бы проявить трусость, не подобающую герою. Поэтому Феррик смолчал.

Когда оба противника изготовились к бою, из темноты доносилось тяжелое кряхтение. Шестеро Мстителей вышли к свету

костра, сгибаясь под тяжестью деревянных носилок, которые покоились на их могучих плечах.

Они поставили носилки между Ферриком и Штепке, мерявших друг друга взглядами, помахивая булавами. Феррик невольно бросил взгляд на носилки, любопытствуя, что же такое они принесли. От увиденного Феррик судорожно втянул в себя воздух. Он все понял.

На носилках, покрытых угольно-черным бархатом, возлежала Громовая Палица Шталя Хелда, утерянный символ королевской власти, легендарный скипетр, Стальной Командир!

От одного вида Громовой Палицы захватывало дыхание. Ручка была вырезана из какого-то загадочного молочно-белого материала. (Феррик припомнил, что в древних хрониках этот материал именовался слоновой костью.) Поверх слоновой кости спиралью была навита лента из какой-то неведомой субстанции, прозрачной и рубиново-красной. Такова была ручка. Выше ручки шла рукоять — сверкающий стебель из неизвестного металлического сплава, длиной в четыре фута и толщиной с предплечье взрослого и сильного мужчины. По стеблю извивались кроваво-красные полосы, нанесенные с таким искусством, что создавалось полное впечатление крови, стекающей по рукояти. Увенчивалась рукоять металлическим набалдашником в виде сжатого кулака. И воистину это был кулак героя — судя по размерам. На среднем пальце сжатой в кулак руки находился перстень-печатка с изображением черной свастики на белом фоне в багрово-красном круге, цвета зарева далекого пожара. Краски были столь яркие, что, казалось, их нанесли лишь вчера. Будто и не минула за Стальным Командиром нескончаемая череда столетий.

Феррик стоял и изумленно взирал на мистическое оружие. Наконец он выдал:

— Вы хоть понимаете, что это такое?

Штепке мрачно усмехнулся. Но даже на его лице, сквозь свирепость, проступило глубочайшее почтение, смешанное со священным ужасом, когда он заговорил:

— Это Стальной Командир. Когда-то древние хелдонские короли черпали из него свою силу. Сейчас это собственность Черных Мстителей.

— Это собственность всего Хелдона! — возопил Феррик.

— Мы нашли его в лесу, в пещере, после того, как вы, черви, решили, что он утерян навеки! — рявкнул Штепке. В голосе его звучал неприкрытый вызов. — Теперь он наш! — Штепке саркастически усмехнулся. — Если тебе он так нужен, Феррик Яггер, почему бы тебе не взять да унести его с собой?

Столпившиеся вокруг Мстители засмеялись при этих словах. Но смех их был несколько натянутым; их простые, но правильные инстинкты подсказывали им, что Стальной Командир и страшные древние искусства, создавшие это мистическое оружие, не совсем подходящая тема для шуток.

Со своей стороны, Феррик вполне оценил иронию, заключающуюся в словах Штепке. Может быть, даже более глубоко, чем на это рассчитывал сам Штепке. Легенда гласила, что Шталь Хелд приказал изготовить Громовую Палицу тайной общине пленных волшебников, которые еще сохраняли потаенное знание Доогненных времен. После того как оружие было изготовлено, Шталь Хелд убил этих волшебников, всех до одного. Какими-то одним им ведомыми способами волшебники наделили священное оружие удивительным свойством: лишь прямые потомки Шталя Хелда, унаследовавшие его генотип, могли поднять Громовую Палицу. И так продолжалось из века в век. Загадочный сплав придавал Громовой Палице такой вес, что ни один человек не мог ее поднять. Но стоило тому, в чьих жилах текла кровь хелдонских королей, коснуться Громовой Палицы, как та волшебным образом высвобождала некие скрытые силы в человеке, наделяя руку невероятной мощью. Неподъемная для других, в руках носителей королевских генов она была не тяжелее ивового прутика, тогда как на головы противников она рушилась тяжестью небольшой горы. Таким образом, Громовая Палица служила не только символом королевской власти, но и самым убедительным доказательством безупречности родословной. Бытовало мнение, что все напасти, обрушившиеся на Хелдон во время Гражданской войны, являлись результатом правления людей, не имеющих право на власть. С этой точки зрения, Зигмарк Четвертый оставался последним законным правителем Хелдона. В чем и заключался смысл реплики, брошенной Штепке: тот, кто смог бы унести в одиночку Стального Командира, заявил бы тем самым свое историческое право на власть надо всем Хелдоном. Отсюда и сарказм Штепке.

Однако на миг в душе Феррика родилось безумное желание попробовать. Даже не желание, а мимолетный импульс. Стальной Командир будоражил. Феррик смотрел на него и чувствовал, как в крови просыпается что-то очень глубокое, потаенное, наполняющее все его существо какой-то безмерно величественной, почти космической вибрацией. Вне всякого сомнения, многие люди чувствовали то же самое и задолго до него, Феррика. Ходило немало историй о героях, пытавшихся совладать

с Громовой Палицей и неминуемо терпевших крах из-за своей необоримой гордыни.

— Ну ладно, хорош паяться на оружие, которое тебе в жизни не поднять. Никому его не поднять! — раздался голос Штепке, вернувший Феррика к действительности. — У тебя в руке булава, у меня — булава. Так какого же хрена еще нужно таким людям, как мы с тобой! Защищайся, Яггер!

И с этими словами Штепке бросился на Феррика. Высоко над головой взметнулась его булава и опустилась. Такой удар мог бы разнести череп, словно скорлупу яйца.

Но Феррик метнулся вправо, и удар Штепке пришелся в пустоту. Инерция массивного оружия чуть было не вырвала булаву из рук вожака Мстителей. И тут же последовал ответный удар Феррика. Его булава ударила в рукоятку булавы Штепке, чуть не разmozжив тому пальцы. Звон стали о сталь нарушил мистический транс, в котором пребывали Мстители. Теперь они разразились истерическими воплями, размахивая в воздухе факелами.

Быстроте реакции Штепке можно было позавидовать. Снова взметнулась вверх его булава, готовая поразить цель. Булава Феррика описала длинную дугу, подбираясь к колену Штепке. Тот отскочил, уходя от удара, но Феррик все же сумел задеть брюхо противника набалдашником своей булавы. Штепке это явно не доставило особого удовольствия.

Но в следующий момент булава Штепке обрушилась на набалдашник ферриковской. Удар чувствительно отдался у Феррика в руках, наглядно показав, что перед ним серьезный и многоопытный противник.

Оба одновременно сделали по шагу назад, повернулись — и синхронно попытались обрушить на голову друг друга сокрушительный удар. В результате булавы оглушительно грохнули друг о друга. Мстители громко взревели, выражая свое восхищение. Ни разу не доводилось видеть им столь славной битвы. А ведь ни один противник еще не получил ни малейшего повреждения, не считая отбитых рук.

И новая попытка — и снова бойцы действовали совершенно синхронно. Разве что удары теперь были нацелены по ребрам. И снова безрезультатно. Правда, инерция повалила обоих на землю. Но противники тут же вскочили на ноги.

Штепке быстро отступил на пять шагов, а затем кинулся на Феррика, нанося целую серию ударов. Первый — в голову — был парирован, второй — в ребра — снова приняла на себя рукоять ферриковской булавы. И тут последовал третий удар —

снова по ребрам, но с другой стороны. Вспышка боли в руке заставила Феррика опустить оружие.

Феррик, мгновенно оценив обстановку, пошел на хитрость. Всем своим видом изображая, что боль куда сильнее, чем она была на самом деле, Феррик попятился, имитируя панику. Трюк сработал. Штепке бросился вперед, занося булаву для последнего, смертельного удара. Но тут Феррик резко подался вперед, ушел вбок, развернулся и, оказавшись у Штепке за спиной, нанес низкий удар по ноге. Штепке спасло только проворство. Удар пришелся в ягодицу. Штепке взвыл от боли, что, однако, не помешало ему, в свою очередь, нанести сокрушительный удар сверху вниз. Подняв булаву, Феррик из нижней позиции сумел парировать удар.

Удар штепкинской булавы пришелся точно в середину рукояти булавы Феррика.

И тут вместо звонкого удара стали о сталь раздался треск. Металл старой булавы не выдержал чудовищной силы удара, и оружие разлетелось вдребезги. Теперь в руке Феррика оставался бесполезный зазубренный обломок.

На лице Штепке появилась волчья ухмылка. Он позволил Феррику вскочить на ноги. Медленно, осторожно, выставив булаву на уровне груди, Штепке начал обходить Феррика кругами, вынуждая того все время поворачиваться.

Штепке, ясное дело, считал, что самой Судьбе было угодно лишить Феррика оружия, а щадить Феррика в таком случае — значило идти против Судьбы. Что ж, по-своему Штепке был прав. Но если Феррику суждено погибнуть именно здесь, кто мешает ему умереть героически, борясь до последнего, используя все, что подвернется под руку. В крайнем случае — собственные кулаки и зубы.

Штепке нанес удар, метя Феррику в голову. Феррик отскочил назад. Новый удар. На сей раз Штепке целил в ребра. Феррику едва удалось парировать удар жалким обломком своей булавы. Однако он чуть было не потерял равновесие. Штепке воспользовался замешательством соперника и занес свою булаву, чтобы обрушить ее Феррику на голову. И снова Феррик сумел парировать удар. Но на этот раз обломок оружия был выбит у него из рук — такова оказалась сила удара. Теперь Феррик остался совершенно безоружным.

Со страшным звериным ревом Штепке бросился вперед. Взмах — Штепке метил в колени, — и Феррик еле успел отпрыгнуть назад. Но теперь нога Феррика зацепилась за что-то — камень или корень, — и Феррик грянулся оземь. Опять

взметнулась вверх штепкинская булава в поисках головы Феррика — но он откатился, и набалдашник глубоко ушел в землю совсем рядом с виском. Новая попытка — и снова Феррику удалось откатиться. Снова и снова взлетает в воздух булава — Феррику едва удастся избежать смерти, перекашиваясь по земле. И каждый раз Штепке наносит удар, прежде чем Феррик успевает вскочить на ноги.

Вот снова падает череп — и опять Феррик успевает откатиться. Похоже, это удалось ему в последний раз — в бок уперлось дерево носилок, на которых покоился Стальной Командир. Феррик, в пылу боя, совершенно забыл о нем. Видя, что противник в ловушке, Штепке дико взревел и высоко поднял свою булаву.

Совершенно машинально Феррик схватился за ручку Стального Командира. В последний миг, когда штепкинская булава уже опускалась, из невыгодной позиции Феррик сумел парировать удар. Булава Штепке ударилась об сияющую рукоять легендарного оружия и разлетелась на куски.

Невероятный вопль вырвался из грудей Мстителей, в нем не было почти ничего человеческого — низкий, протяжный стон, который тут же оборвался. Воцарилась полная тишина. Штепке отступил на несколько шагов, затем выронил обломки булавы и опустился на колени, покаянно свесив голову. Остальные Мстители тотчас последовали примеру своего предводителя и также встали на колени, приняв позу, выражающую полную покорность, продолжая держать пылающие факелы вертикально перед собой. Даже Богель, уж на что он был ошеломлен всем происходящим, присоединился к ним перед лицом такого исторического момента.

Сам Феррик в этот миг едва ли осознавал всю грандиозность свершившегося. В его руке был Стальной Командир, Громовая Палица, символ королевской власти, и весил он не больше, чем простая палка. Казалось, из Стального Командира в тело вливалась ни с чем не сравнимая по мощи энергия, наполняя и пропитывая каждую клеточку плоти. Правду говорили легенды: Громовая Палица и в самом деле была источником силы, а не только символом власти. И тут, сквозь пелену безмерного изумления, до Феррика начала доходить во всей своей кристальной ясности истина — в нем, в Феррике Яггере, заложены гены древних хелдонских королей. Впрочем, что же тут удивительного. Сколько столетий прошло с тех пор, как исчез последний представитель королевской династии. Почему бы королевскому генотипу не проявиться вдруг в общественном генофонде Хелдона? Ибо то, что он, Феррик, держал в своих руках Сталь-

ного Командира, красноречивейшим образом подтверждало подобное предположение.

Медленно, очень медленно Феррик поднялся на ноги, держа Стального Командира над головой. Свет от костра плясал на металле рукояти.

Прямо перед Ферриком стоял коленопреклоненный Штепке. Весь его облик выражал глубочайшим образом прочувствованную и осмысленную покорность.

— Моя жизнь в твоих руках, Повелитель. Будет так, как ты пожелаешь, — глухо пробормотал он, не поднимая глаз.

И тут до Феррика наконец полностью дошла вся грандиозность случившегося. И озарение снизошло на него. Судьба вела его в Ульмгарн, Судьба столкнула его с Богелем для того, чтобы Феррик сел в паробус на Вальдер и повстречался с этими благородными варварами. Сквозь время и пространство Судьба вела его сюда, чтобы вложить ему в руку Громовую Палицу. Смысл ясен: отныне он полноправный и законный правитель всего Хелдона, а доказательство правомочности его притязаний у него в руке — на всеобщее обозрение. Громовая Палица наделяет силой — сила пригодится, чтобы добиться подобного ему положения. Таково предназначение Феррика, такова его Судьба, таков смысл его миссии — весь Хелдон держать в своей руке, точно так же, как держит он сейчас Стального Командира, оружие, данное ему Судьбой, чтобы изгнать с родной земли всех мутантов и доминаторов, а затем провозгласить абсолютное право истинно человеческого генотипа на каждую пядь годной для обитания земли этой планеты. Таков его священный долг. Он может и обязан это сделать.

Озаряемый пламенем костра, в самом сердце Изумрудного леса, исконной хелдонской территории, Феррик Яггер триумфально воздел к огню руку со Стальным Командиром, а затем повернулся к коленопреклоненным фигурам. Нет никакого сомнения — до самой смерти эти люди останутся самыми фанатичными его последователями. Ради него они пойдут на все. Преданность их отныне безгранична.

Опустив Стального Командира и выставив его горизонтально на уровне чресел, Феррик приблизился к стоящему на коленях Стягу Штепке.

— Встань, — произнес Феррик.

Штепке поднял глаза и посмотрел на набалдашник Стального Командира, поднесенный к его лицу, — громадный металлический кулак, на среднем пальце кольцо, сияющее свастикой. Штепке начал было вставать, подчиняясь приказу, но

вдруг помедлил, прикоснулся губами к свастике на набалдашнике и лишь затем поднялся на ноги.

Глубоко тронутый этим спонтанным проявлением верноподданнического настроения, Феррик позволил сперва Богелю, а потом и всем остальным поцеловать свастическую эмблему на конце его героического оружия. Один за другим люди свершали этот акт выражения покорности и поднимались на ноги, вертикально держа перед собой горящие факелы. В свете костра их глаза светились, точно раскаленные угли.

Когда все прошли через церемонию и выстроились перед ним, гордые и счастливые, Феррик спросил:

— Готовы ли вы следовать за мной? Согласны ли вы беззаветно отдаться священному делу защиты генетической чистоты и интересов Хелдона? Готовы ли вы пойти на смерть, если я вам прикажу?

Ответом послужил утвердительный рев. Это были отличные парни, великолепный материал для создания штурмовых отрядов, которые понадобятся в самом ближайшем будущем.

— Отлично! — воскликнул Феррик. — Отныне вы больше не Черные Мстители. Нарекаю вас новым именем, право носить которое вы еще должны заслужить. Смотрите же не запятнайте его.

Феррик наставил Стального Командира на подданных — могучий кулак, а на нем свастика в красном круге, подобная восходящему солнцу.

— Отныне вы — Рыцари Свастики! — прокричал Феррик. Он вскинул свободную руку на уровень глаз в древнем королевском приветствии. — Хайль Хелдон! — вскричал он. — Хайль Свастика! Хайль Победа!

В ответ перед Ферриком вскинулся целый лес рук, и первый штурмовой отряд огласил окрестности ревом:

— Хайль Яггер! Хайль Яггер! Хайль Яггер!

Тело Феррика напряглось от гордости и решимости. Здесь, в самом сердце исконно хелдонских земель, стоял он — живое воплощение благородной решимости, которая больше чем жизнь, трансцендентный герой на фоне багрового пламени.

Глава 5

Негоже законному наследнику древнего королевского рода являться в Вальдер точно заурядному путешественнику. Нет, его, Феррика, въезд в город должен быть обставлен соответствующим образом: геральдическое оформление, цветы и прочее.

Но для этого следует упрочить свои позиции. Следует раз и навсегда показать партиям, кто их вождь. Затем — провести кое-какие кадровые перестановки, после чего резко изменить стиль партийной работы. Кроме того, не мешало бы подумать и о Рыцарях Свастики. Нужно разработать для них особую форму. Моторциклы должны выглядеть одинаково. Как — это еще предстоит решить. С бардаком и анархией пора кончать. Только когда все будет налажено, он, Феррик, торжественно въедет в Вальдер впереди отряда Рыцарей Свастики.

Поэтому первое, что сделал Феррик после той исторической ночи, — послал Богеля подыскать подходящее место для встречи с партийным руководством. Богелю поручалось снять помещение достаточно просторное и в относительно безлюдной местности. Со своей задачей Богель справился блестяще, сняв пустующую охотничью ложу на плоской вершине горы недалеко от северной границы Изумрудного леса. Дальше начиналась холмистая равнина, посреди которой раскинулся Вальдер. От города до ложи было порядка двух часов езды на паробусе. Но это еще не все. Кроме поездки партийным руководителям еще предстояло долгое восхождение к вершине горы по грунтовой дороге через густые рощи и дикие ущелья. Тем самым путь к ложе сам по себе приобретал некую психологическую значимость. Сама охотничья ложа являла из себя простое, но внушительное одноэтажное строение из гранитных глыб, чей фасад выходил на обширный, немощеный двор. Изгороди не было, дорога из долины заканчивалась одиноко стоящими воротами. Очевидно, назначение ворот было чисто символическим. Если у самых ворот оглянуться назад, то взору открывался дивный вид, чарующий глаз и успокаивающий душу, — бескрайний, уходящий за горизонт зеленый океан Изумрудного леса.

Войдя внутрь, путник оказывался в громадном пирушественном зале. По левую и по правую руку от зала тянулись ряды дверей, ведущих в спальные помещения. Здесь могли заночевать несколько десятков человек.

Эта пустующая в межсезонье охотничья ложа идеально соответствовала планам Феррика. Отсюда было достаточно близко до Вальдера, что облегчало все необходимые приготовления, которые легко сохранить в секрете: вокруг — ни души. К тому же необходимость тащиться в глушь должна ясно дать партиям понять, что первейшее и главнейшее требование нового вождя — беспрекословная покорность. Кроме того, непривычная обстановка лишит их психологического преимущества. Железную дисциплину следует установить с самого начала.

Феррик решил встретить партийных руководителей в большом пиришественном зале. Стены громадного помещения были выложены из неотесанного камня, пол выстелен досками. Темный сводчатый потолок уходил вверх, исчезая во мраке. По стенам горели, потрескивая, факелы. При дневном свете пламя их было почти незаметным. Пылало пламя и в большом камине. На стенах — олени головы, винтовки, луки, копья, булавы и прочие предметы охотничьего быта.

В центре зала располагался длинный дубовый стол, покрытый красным бархатом. На бархате в своем сияющем великолепии лежала Громовая Палица. Вдоль стола тянулись деревянные сиденья. Сам Феррик восседал во главе стола, лицом ко входу в зал. Его стул был несколько выше остальных. За его спиной находились двери на балкон, настежь распахнутые. Оттуда открывался захватывающий вид: северная кромка леса, а за ней — холмистая равнина, аккуратно расчерченная клеточками полей. На самом горизонте, в дрожащем мареве, виднелось крошечное пятнышко — Вальдер.

Двенадцать Рыцарей Свастики, еще не сменивших прежнего варварского обличья, заняли стратегические точки по всему залу, едва лишь со стороны двора донесся шум паробуса. Богель, Штепке и шестеро самых дюжих экс-Мстителей вышли во двор встречать прибывших. Феррик облачился в коричневое охотничье одеяние, чья вопиющая простота должна была выгодно выделяться на фоне одежд новоприбывших, подчеркивая тем самым крайнее пренебрежение вождя партии ко всяческим украшениям.

Ну вот, теперь, кажется, все готово.

Штепке, как ему было приказано, трижды громко ударил во входную дверь, церемониально испрашивая позволения войти. Феррик отдал приказ, и один из Рыцарей настежь распахнул двери. В движениях его было много энтузиазма и мало отточенности. Этому предстояло еще научиться доблестным Рыцарям. Богель и Штепке вошли в зал. Вслед за ними высыпала горстка каких-то бледных и невзрачных людишек средних лет, числом же всего шесть.

И это руководители Партии Человеческого Возрождения, цвет нации? Хорошо еще, что генотип у них явно беспримесный. Рядом со Штепке и шестью крепкими, преисполненными воодушевления экс-Мстителями, замыкающими группу, партийные руководители являли собой крайне жалкое зрелище.

Когда они приблизились, Феррик ощутил тоскливое раздражение: из такого материала ему предстояло создавать передовой отряд человечества.

Но его настроение тут же улучшилось, едва только Штепке, остановившись возле стола, резким движением сдвинув каблучки, выбросил вперед руку в древнем королевском салюте и проревел:

— Хайль Яггер!

Отлично. Если бы еще не излишне фамильярная ухмылка на лице бывшего предводителя Мстителей, было бы и вовсе великолепно.

Остальные Мстители тотчас же повторили жест Штепке, и восемнадцать луженых глоток проорали приветствие. Им не хватало еще выучки, этим славным парням, но все с лихвой возмещалось энтузиазмом.

Несколько мгновений партийные лидеры с недоумением взирали на происходящее. Очевидно, они не понимали, что от них требуется. Тогда стоявший рядом с ними Богель выбросил руку в салюте и выкрикнул:

— Хайль Яггер!

Голос его был чист, звонок и преисполнен слепой веры. Как-то нерешительно, вяло и вразнобой это сборище клеркоподобных заморышей собезьянничало мужественный жест салюта и кое-как выдавило из себя приветствие. Впрочем, на первый раз большего от них ожидать и не приходилось.

Богель произнес вступительную речь, восхитительную по своей краткости и простоте:

— Истинные! Вот наш новый вождь — Феррик Яггер.

— Я приветствую вас, — объявил Феррик. — Вам только что был продемонстрирован наш новый партийный салют. Не сомневаюсь, что вскоре вы разовьете в себе необходимые качества духа, чтобы проделывать это надлежащим образом. Но сейчас нас ждут более важные дела. Прошу садиться.

Богель и Штепке заняли ближайшие к Феррику места: Богель слева, Штепке справа. Затем расселись партийные чины, украдкой бросая взгляды на Громовую Палицу и, вне всякого сомнения, гадая — в самом ли деле их новый вождь, как утверждал Богель, способен ее поднять. Хрен с ними. В надлежащее время их сомнения будут рассеяны, а пока пускай открыто выражают свои сомнения — проявляют себя.

Богель начал по очереди представлять всех руководителей, хотя, конечно же, Феррик загодя ознакомился с их историями и родословными.

Отриг Хаульман, процветающий содержатель таверны. Партийный казначей. Несколько хитрожоп, но всецело предан делу защиты генетической чистоты. Лояльность свою доказал,

пожертвовав партии собственные сбережения. Тавус Маркер, специалист по коммерческой рекламе. В партии занимает должность секретаря по связи с общественностью. Хлипкий, нездорового вида человечек, вместе с тем известный как совершенно неутомимый труженик. Хеермарк Блут и Барм Декер. Первый — мясник, второй — мелкий полицейский чин. Наряду с Богелем основные партийные ораторы. Манреед Пармероб, в прошлом преподаватель истории, главный идеолог партии. Зигмарк Дугель, секретарь президиума. Сомнительная должность, учитывая тот факт, что в настоящее время партия едва насчитывает триста членов. Бригадир в отставке, имеющий связи в высших военных кругах, Дугель, вне всякого сомнения, в один прекрасный день очень пригодится. Вот и все. Вряд ли эту публику назовешь цветом нации, но все же народ не без потенциала.

Более того. Присутствие Штепке и его молодчиков, казалось, каким-то образом подбадривает эту публику, насыщая ее здоровой энергией. Ибо перед их глазами был пример людей, способных действовать не задумываясь, готовых на что угодно, если понадобится, и, совершенно очевидно, преданных Феррику беззаветно.

Уже сейчас становилось очевидным, что Феррику удалось встряхнуть эту сонную партию, привнеся в нее воинский дух и новое понятие о том, каким должен быть образцовый партиец. То, что партийцы присоединились к новому салюту, служило достаточным доказательством этого факта.

— Не будем терять времени, Истинные, — начал Феррик. — Я изучил текущее состояние дел в Партии Возрождения Человечества и пришел к выводу о необходимости безотлагательных изменений. Начнем с названия. Оно никуда не годится. В сознании простых людей оно ассоциируется с бесконечной болтовней по тавернам о патриотическом долге, а отнюдь не с сильной и решительной группой патриотов. Я думаю, подойдет что-нибудь вроде «Сынов Свастики». Со Времени Огня свастика является символом расовой чистоты. Тем самым упоминание свастики в названии уже включает в себе понятие о наших целях. Причем теперь самый тупоголовый с легкостью нас поймет. Скажу больше: подобное название даст нам определенное преимущество в деле практической пропаганды, что станет очевидным несколько позднее.

— Вот он, почерк гения! — восхищенно воскликнул Маркер. — Наша цель и название партии теперь могут быть выражены одним лишь визуальным символом, и его легко дой-

мет и расшифрует даже безграмотный. Ни у одной другой партии нет такого мощного инструмента для привлечения голосов избирателей.

На Феррика произвела впечатление сообразительность Маркера. О многом говорило и воодушевление, которым были пронизаны его слова. Открытие в подчиненном такого качества на столь раннем этапе знакомства само по себе было многообещающим. Может, все не так уж и плохо, как показалось вначале. Возможно, и из остальных хилиятиков выйдет толк.

Остальные в ответ на реплику Маркера что-то забормотали себе под нос, кивая головами. Кроме теоретика Пармероба, который явно был не согласен. Наконец он не выдержал:

— Название «Партия Возрождения Человечества» возникло не вдруг: оно является результатом кропотливого интеллектуального труда. Оно одобрено большинством и точно отражает изначальные позиции нашей партии.

— Точность и сила — вещи разные, — заметил Феррик. — Название партии должно быть таким, чтобы его с ходу мог выговорить сержант-майор.

Пармероб начал заводится.

— Я лично сформулировал в свое время название и платформу нашей партии, — заявил он. — Мы выступаем за чистоту истинно человеческого генотипа, за усиление жесткости законов об охране генетической чистоты, за изгнание навеки всех мутантов со священной земли Хелдона, за распространение хелдонского правления над новыми территориями и за очищение генофонда вновь приобретенных территорий настолько, насколько это возможно. Такова наша формула возрождения расы истинных людей; отсюда и название — Партия Возрождения Человечества.

Феррик медленно поднялся со своего места и словно бы невзначай положил правую руку на Громовую Палицу. Взоры всех присутствующих были обращены на него. Подходящий ли это момент показать, что Стальной Командир повинуетеся его руке? В зале воцарилась тишина. Слышно было, как трещат поленья в камине.

Наконец в тишине раздался голос Феррика:

— Беретесь ли вы утверждать, что символ свастики не содержит в себе всего того, о чем вы говорили только что?

Неожиданно лицо Пармероба расплылось в улыбке.

— Конечно же, вы правы, — торопливо сказал он. — Предложенное вами название для партии несравненно лучше старого. В самом деле, кто мы, как не Сыны Свастики?

Феррик снова сел, не снимая руки с Громовой Палицы.

— Отлично, — сказал он. — С первым вопросом разобрались. Я разработал партийный флаг, нарукавные повязки, а также прочую эмблематику на свастические мотивы. Я также разработал форму для Рыцарей Свастики, ударной силы нашего движения. Люди, которых вы видите здесь, составляют ядро этой силы; в настоящий момент Рыцарей Свастики всего двадцать человек. Но я планирую довести их количество в ближайшем будущем минимум до пяти тысяч.

— Генералы Звездоносной Армии вряд ли потерпят существование такого частного войска, — заметил Дугель.

Феррик улыбнулся.

— Я ни на мгновение не сомневаюсь в фанатическом патриотизме офицерского корпуса, — сказал он. — У нас с армией общая цель, у нас сходное понятие о средствах, поэтому я убежден в том, что мы сумеем найти общий язык со Звездоносной Армией. Вне всякого сомнения, и ваш опыт кадрового военного будет для нас в связи с этим совершенно бесценным.

Дугель, похоже, остался удовлетворен ответом, хотя на лице его еще оставалось скептическое выражение. Что до остальных, то Хаульман еще никак не проявил себя, в то время как оба партийных оратора, Блут и Декер, источали откровенную враждебность. Пармероб же и Маркер, казалось, поняли, к чему все клонится, и уже вспыхнули энтузиазмом. О преданности Богеля говорить не приходилось; что до Штепке, то его рвение в готовности служить и повиноваться по силе и чистоте можно было сравнить только с младенческим. Так что, при нынешнем раскладе, к тому же, имея за спиной Рыцарей, Феррик мог с легкостью избавиться от любых враждебных элементов внутри партии, стоило ему захотеть. Впрочем, куда лучшим выходом было бы именно сейчас, в самом начале, добиться собачьей преданности остальных партийных руководителей.

— Остался последний вопрос. Как организовать нашу первую массовую демонстрацию? — продолжал Феррик.

Тут его громко и несколько вызывающе перебил Хеермарк Блут.

— Что у нас с вопросом о лидерстве? — спросил он. — Мы еще не голосовали по этому поводу. В настоящее время генеральным секретарем и признанным главой партии является Богель. Что до вас, Истинный Яггер, то вы — пока никто, уважаемый.

— Я настоятельно предлагаю передать титул генерального секретаря Феррику, — заявил Богель. — Я бы удовлетворился должностью исполнительного секретаря под его руководством.

— Но мы не избирали Яггера нашим вождем, — настаивал Блут. — Я требую голосования.

Феррик взвесил ситуацию. Богель, Пармероб и Маркер несомненно проголосуют в его пользу. Блут и Декер, видимо, будут голосовать против. Позиции Хаульмана и Дугеля неясны. Хотя, скорее всего, Феррик может рассчитывать на голос отставного бригадира. Более того, у него остается право собственного голоса и, что немаловажно, за него несомненно проголосует Штепке. Так что голосование он выиграет.

Однако если он позволит ставить вопрос о его лидерстве на голосование — это несомненно повредит его абсолютной власти. Допускать такое — более чем неосмотрительно. Право на власть дано Феррику самой судьбой; оно отнюдь не должно зависеть от настроения каких-то жалких людишек.

— Должность генсека останется за тобой, Богель, — сказал он. — Тебе это больше подходит, чем мне. Со своей стороны, я предпочитаю оставаться просто Командиром.

Смысл вызова был ясен. Феррик претендовал на титул Командира Сынов Свастики на основании своего врожденного права; а не по результатам выборов. Видно было, что Блут страшно возбужден; у Декера же, казалось, вот-вот пена пойдет изо рта. Богель, Маркер, Пармероб и Штепке, очевидно, были согласны, в то время как Хаульман, похоже, колебался. Что до Зигмарка Дугеля, то старому вояке, похоже, по душе армейское звучание нового титула, а на остальное ему наплевать — подразумевает этот титул абсолютную власть или нет.

Декер наконец задал вопрос, которого Феррик ждал давно и с нетерпением:

— А по какому праву вы претендуете на руководство в партии, не дожидаясь итогов голосования?

И снова Феррик медленно, не спеша, встал, продолжая держать руку на Громовой Палице. Порыв ветра донесся из-за открытой балконной двери, заставив бешено заплескать пламя факелов и огонь в камине. За спиной Феррика глубокая голубизна вечернего неба уже окрашивалась оранжевым светом заката, а вдали простиралась великая центральная равнина Хелдона. На фоне этого величественного пейзажа, освещенный светом факелов, с рукой, возлежащей на древнем державном скипетре хелдонской нации, Феррик казался живым воплощением легендарных героев седого прошлого, и даже на лицах Блута и Декера отразилось нечто, напоминающее священный ужас.

— Тот, кто владеет Громовой Палицей, является истинным правителем всего Хелдона по праву своих генов — праву, ко-

торое превыше любой партийной доктрины и любого государственного закона, — проговорил Феррик. — Я спрашиваю, есть ли среди собравшихся здесь хоть один, кто считает, что в состоянии поднять Громовую Палицу?

Все вокруг пристыженно молчали.

Тогда медленно и торжественно Феррик взялся за рукоять мистического оружия и легко, как былинку, взметнул Стального Командира над своей головой.

А затем обрушил его на тяжелую дубовую столешницу, разнося ее в щепки.

Первым вскочил из-за стола Блут. Он взметнул руку в четком салюте и завопил:

— Хайль Яггер!

Глава 6

Над равниной разносился оглушительный рев. В сторону Вальдера неслась диковинная процессия. От одного только вида, звука и цвета захватывало дух, а сердце, казалось, пело в груди: две длинных колонны моторциклов мчались по дороге со скоростью пятьдесят миль в час, а впереди летел длинный черный газомобиль. В прошлое кануло варварское многообразие одеяний Черных Мстителей, уступив место коричневой кожаной униформе Рыцарей Свастики. На голове у каждого Рыцаря находилась фуражка с высоким околышем. На фуражке — бронзовая эмблема — новый партийный символ: орел, несущий щит со свастикой. За каждым моторциклистом бился на ветру красный плащ с черной свастикой в снежно-белом круге. Этот же мотив повторялся в нарукавной повязке на правой руке. Изображения на плащах и повязках в миниатюре повторяли символику четырех больших красно-черно-белых партийных флагов, развевающихся в голове и хвосте каждой из двух колонн. В центре хлопающих по ветру кроваво-красных полотнищ звала к борьбе угольно-черная свастика в снежно-белом круге; бронзовые древки венчались щитами с партийной символикой. Общая мелодия этой величественной героической симфонии звучала и в облике самих моторциклов, отныне раскрашенных в три партийных цвета: рамы были ярко-красными, на нефтебаках красовались изображения партийных флагов, обтекатели ослепительно сверкали хромом, хромом же сияли и закрылки, выполненные в виде молний. Феррик совершенно правильно рассчитал эффект: зрелище будоражило дух и пленяло глаз любого истинного хелдонца.

Черный флагманский газомобиль, напротив, был лишен каких-либо украшений, за исключением маленьких партийных флажков над каждым колесом. В кабине находились два Рыцаря Свастики в униформе: водитель — слева, сбоку — штурмовик, посаженный туда для симметрии. На переднем сиденье открытой кабины сидели Сеф Богель и Зигмарк Дугель. За их спинами восседал Феррик. На Богеле, Дугеле и Феррике была форма, специально разработанная Ферриком для партийного руководства: черная кожанка, простая, нарочито жестковатая, сверкающая хромированными заклепками, с нашивками на воротнике — красные полосы с черной свастикой в белом круге. Нарукавные повязки и плащи — точно такие же, как у Рыцарей Свастики, но фуражки были менее высокими, с узкими хромированными козырьками и серебряной партийной эмблемой на околыше.

На поясе у Феррика на широкой кожаной перевязи с хромированными заклепками висел державный скипетр, отполированный до зеркального блеска.

Именно таким и виделся Феррику Яггеру въезд во второй по величине город Хелдона — во главе несущегося штурмового отряда, в вихре симфонии звука, цвета, мо́щи, созданной от начала и до конца его руками, призванной пленить душу любого, удостоенного счастья лицезреть.

Так оно и вышло, ибо процессию уже сопровождало некоторое количество моторциклов, газомобилей и даже велосипедов, наездники которых из всех сил жали на педали, пытаясь угнаться за колонной. Достигнув южных окраин Вальдера, процессия сбросила скорость до тридцати миль в час.

Феррик понимал, что этих людей куда в большей степени привлекает вид людей в форме, несущихся по дороге, а отнюдь не симпатия к Партии, поскольку новые партийные цвета открылись миру впервые. А люди, всем сердцем отзывавшиеся на это зрелище, по всей видимости, являлись носителями истинно хелдонского духа.

Видимо, движимые древним инстинктом и отчасти — оглушительном рокотом двигателей, что, подобно герольду, несся впереди колонны, жители Вальдера начали сбегаться к дороге, едва лишь мимо машины Феррика замелькали опрятные кирпичные дома предместий. Чистые бетонированные улицы, яркие дома с их крылечками и цветочными клумбами, простой рабочий люд в опрятных синих, серых и коричневых блузах, продавцы в белых фартуках со всевозможными нашивками, здоровые краснощекие дети — все это представляло восхитительным

зрелищем для глаз Феррика, в то время как он неся мимо запруженных народом тротуаров. Все это красноречивейшим образом свидетельствовало о чистоте хелдонского генофонда и о здоровом образе жизни горожан. Отрадно было видеть такое количество чистопородных людей в столь опрятном окружении.

По мере того как колонна углублялась в город, народ все больше наводнял тротуары. На смену маленьким частным домам постепенно приходили четырех- и пятиэтажные многоквартирные жилища. Они тоже были сложены из кирпича, большей частью глазурованного, отличались яркими и многообразными цветами, украшались каждый на свой манер искусно вырезанными деревянными фасадами и балкончиками. Деревья и кусты давали тень и освежали воздух. Местный народ казался менее зажиточным, нежели в пригородах, судя по одежде и витринам магазинов. Тем не менее все выглядело достаточно аккуратно и являло собою, по мнению Феррика, достойный пример для подражания.

Улицы здесь были шире, движение оживленнее: масса велосипедистов, порой попадались газомобили и моторциклы, а также всевозможные паровые локомотивы. Время от времени процессия обгоняла муниципальные паробусы. Весь этот транспорт стремился убраться с дороги моторизованного парада, но все же несколько раз колонна была вынуждена объезжать особенно громоздкие и неповоротливые экипажи, которые не успевали вовремя очистить дорогу. Объезд совершался без снижения скорости, и маневр всякий раз проделывался с непревзойденным изяществом, вызывая восторженные вопли зевак, тонувшие в реве моторциклов. Разномастная армия велосипедистов и всевозможных моторизованных средств передвижения следовала за штурмовым отрядом, тщетно пытаясь угнаться за ним.

Размеры и великолепие магазинов и зданий все увеличивались по мере того, как парад приближался к центру города. Здания становились все более высокими и внушительными. Многие достигали десяти и даже пятнадцати этажей в высоту, частью кирпичные, частью — бетонные; фасады богато украшены мрамором, бронзой, резным камнем. На первых этажах зданий располагались магазины с витринами, заваленными всевозможным товаром — пищей, одеждой, бытовой паротехникой, мебелью, товарами для дома, картинами, статуями, настенными украшениями. Здесь были даже индивидуальные газомобили — для тех, кто мог позволить себе такую роскошь. Судя по шуму станков, доносившемуся сверху, по силуэтам

рабочих, мелькавших за окнами, Феррик предположил, что верхние этажи огромных зданий занимали фабрики. Вне всякого сомнения, большинство товаров, выставляемых на продажу внизу, производились именно на верхних этажах.

Воздух здесь был несколько загазован, что указывало на интенсивную промышленную жизнь, однако же улицы и здесь сияли чистотой. Тротуары поддерживались в восхитительном состоянии, так и зазывая ступить на них. Насколько не похоже на забитые всевозможным дерьмом клоаки Гормонда! Феррик буквально чувствовал, как бьется могучий пульс огромного города. Вне сомнений, расовый генотип, способный строить такие города, был неизмеримо выше любой другой разумной расы на Земле. Логикой эволюционного процесса Хелдону была уготована власть над миром.

Здесь, в коммерческом центре города, невиданное зрелище блестящего парада производило необычайно сильное впечатление. Многие из горожан, не в силах удержаться, выкрикивали вслед приветствия, которые рвались у них из груди. Хотя вряд ли кто из них имел хоть малейшее представление, по какому случаю парад и что за героя везут в шикарном газомобиле, Феррик почувствовал себя обязанным пойти навстречу неосознанному желанию масс и время от времени приветствовал вальдерцев скромным партийным салютом. Уже недолго осталось ждать этим славным людям, скоро они уяснят смысл его жеста. От толпы исходил могучий дух энтузиазма, который настоятельно требовал ответа; кроме того, и самому этому патриотическому порыву надлежало придать определенное оформление.

Сердце Феррика ликовало при виде толп, приветствовавших мотоколонну, когда она свернула на Изумрудный бульвар, проходивший через культурный и правительственный центр города. Здесь размеры толпы соответствовали героическому масштабу официальной архитектуры.

Вот они — крупнейшие и наиболее впечатляющие доказательства превосходства хелдонской цивилизации. Горсовет, массивное беломраморное здание с роскошной парадной лестницей и героическим фасадом, состоящим из пьедесталов, на каждом из которых высилась бронзовая фигура одного из исторических деятелей Хелдона. Надо всем этим господствовал громадный купол из позеленевшей от времени бронзы.

Каждый из восьми входов Муниципального Театра имел свой подъезд с изящными каменными колоннами, что поддерживали фронтон с барельефами, придавая массивному зданию легкость воздушного торта.

Музей Изыщных Искусств был низким трехэтажным зданием, спроектированным как бесконечное количество крыльев, расходящихся во все стороны. Здание словно бы разрасталось вширь. Каждое крыло этой сокровищницы искусств гостеприимно распахивалось перед взором, будто приглашая зайти, и каждое было выполнено из особого материала. Архитектурный стиль слегка менялся от крыла к крылу. Крыши каждого из крыльев украшали скульптуры, созданные в различные периоды развития искусства, так что в целом внешний вид здания отражал многообразие духовных сокровищ, хранящихся внутри.

Окружающие общественные здания лишь немногим уступали по размерам; их фасады украшали героические статуи, бронза, резной камень, мрамор и металл. Перед каждым из зданий имелась открытая площадка, что в целом создавало эффект большого пространства и поистине героического масштаба.

Феррик подумал о том недалеком дне, когда партийные парады заполнят широченный бульвар от тротуара до тротуара, растягиваясь в длину на целые мили, а над ними будет реять алый лес партийных флагов; и будут они маршировать под звуки партийной музыки, распевая патриотические песни. Скоро придет тот день, но и теперь соединенный рев множества моторчикетных двигателей, яркие полосы флагов стремительно проносящихся мимо, сверкание стали, заставляли этот бульвар буквально вибрировать от энергии, а рабочих и чиновников — высыпать из зданий, чтобы полюбоваться на великолепное зрелище.

Колонна пронеслась через Изумрудный бульвар; подобно хвосту кометы, за ней тянулся плотный разрастающийся шлейф велосипедистов и прочих. Затем они свернули от центра города на северо-запад. Солнце уже начало садиться. В планы Феррика входило совершить въезд через западные районы города с тем, чтобы затем в сумерках вернуться в центр, в место, назначенное для первого выступления перед массами, где кровавый героический закат явился бы самой подходящей декорацией. Теперь процессия мчалась через очередной, кипящий жизнью коммерческий район. Затем снова потянулись опрятные многоквартирные дома, мало-помалу переходящие в пригород, где архитектура жилищ была сходной, но дома уже требовали ремонта, стены были облезлыми, уличная растительность — неухоженной, а тротуары завалены мусором. Встречные люди были одеты в грязное и рваное, как правило, мрачных расцветок. Судя по всему, местные обыватели располагали массой свободного времени, поэтому они молча глазели с тротуаров на несущуюся

щуюся мимо процессию. Являли они собою весьма нездоровое и убогое зрелище, напоминая Феррику Боргравию. Тренированные ноздри Феррика улавливали явственный дух доминаторов. Здесь он был особенно густ и тяжек. Феррик наклонился вперед и спросил Богеля, что это за место. Богель повернулся, чтобы ответить. Гримаса отвращения исказила тонкие черты его лица.

— Грязная дыра Люмпендорф. Оплот универсалистов. Большинство населения находится под влиянием Зинда. Данный околоток, можно сказать, задница города, то и дело раздувает мятежи и выставляет абсурдные требования: открыть границы или обратиться к мракобесам Зинда с тем, чтобы они помогли нам вывести породу рабов-недочеловеков. Я не советовал бы сюда соваться.

— Напротив, — заявил Феррик, — в самом ближайшем будущем наши штурмовые отряды должны прочесать этот район и истребить скрывающихся здесь доминаторов, ответственных за издевательство над истинными людьми.

— До сих пор никому не удавалось выполоть всех доминаторов на этой грядке. Они везде и нигде, — ответил Богель.

— Тогда мы просто должны сокрушать здесь головы всем подряд до тех пор, пока общее оздоровление ситуации не покажет, что мы истребили всех врагов до единого. Это единственный способ. В борьбе с доминаторами нет места соплежуйству.

Когда колонна мчалась по грязным улицам, мимо неухоженных садов и обшарпанных зданий, Феррик поклялся себе спасти как можно больше этих бедолаг, вырвав их из лап доминаторов и вернув цветущее будущее нации. А что до тех, кто слишком глубоко увяз в доминаторской ауре власти, то смерть для них окажется лишь благодеянием, учитывая их нынешнее униженное положение.

Когда последние лучи заходящего солнца, садившегося за грядой холмов на западе, окрасили мир в пурпурные и оранжевые тона и в городе зажглись огни, машина Феррика во главе моторизованной колонны свернула на широкий проспект, заканчивающийся Браммер-парком. Здесь, на плоской вершине невысокого холма, в южной части парка, Феррику суждено будет впервые обратиться к массам от имени Сынов Свастики.

Уже сейчас в конце проспекта были ясно различимы и склон холма, и пылающая на его вершине двадцатифутовая свастика в полукруге огромных десятиметровых пылающих факелов. Когда

до парка оставалось всего несколько кварталов, острый глаз Феррика выхватил из полумрака низкую трибуну, по обеим сторонам которой развевались на ветру гигантские алые флаги со свастикой. По правую руку от трибуны стояли партийцы в черной форме, а по левую — Рыцари. Похоже, все готово.

Оглянувшись назад, Феррик увидел две колонны моторциклов. Алые флаги и плащи со свастиками реяли по ветру, подобно красному лесному пожару. Земля содрогалась от рева моторов, который, казалось, заставлял трепетать каждую молекулу воздуха. А дальше, за штурмовым отрядом, катилась лавина паровых локомотивов, газомобилей, паробусов и велосипедов, занимая проспект на всю ширину от тротуара до тротуара. За ними бежала толпа горожан, спешивших не упустить начало спектакля, который вот-вот должен был разыграться. Воистину, поворотный момент истории близился! Когда машина Феррика приблизилась к основанию холма, Рыцари Свастики синхронно и четко выполнили хитрый маневр: две колонны моторциклов ушли вперед, в то время как водитель флагманского газомобиля снизил скорость. Теперь газомобиль двигался окруженный стройными рядами штурмовиков. Когда же вся процессия достигла наконец основания холма, на вершине которого пламенела гигантская свастика, колонна перестроилась вновь. Головные моторциклисты, мчавшиеся впереди обеих колонн, сблизилась с газомобилем. Алые флаги подчеркивали благородную черноту флагманской машины, в то же время охраняя ее. Одновременно обе мотоколонны рванулись вперед, обогнав машину с ее почетной охраной, и устремились вверх по склону холма навстречу свастике. Когда два головных моторцикла находились всего в десяти ярдах от трибуны, водители резко остановились, выставив ногу и лихо развернув машины поперек движения. Остальные мгновенно повторили этот маневр и замерли на склоне, не заглушая, однако, двигателей. Образовался почетный коридор из двух колонн ревущих моторциклов, ведущий от основания холма к вершине. Машина Феррика и почетная охрана остановились у начала этого коридора, поджидая, пока основная масса народа, заполнившего улицы, не подойдет поближе. Отсюда, с этого места, Феррик ясно различал Блута, Хаульмана, Декера и Пармероба, стоявших бок о бок по правую руку от трибуны в восхитительно черных, сверкающих хромом мундирах. В нескольких ярдах от них высилась могучая фигура Штепке в коричневой рыцарской форме.

Прошло буквально несколько минут — и все пространство проспекта позади машины Феррика превратилось в веселый

пандемониум. Сперва подъехали экипажи, высадив своих пассажиров, потом подоспели велосипедисты и, наконец, — пешеходы, которых насчитывалось, по меньшей мере, тысяч десять. Они заполнили каждый дюйм свободного пространства. Все кричали, шумели, обсуждая происходящее друг с другом и строя всевозможные предположения. Шум и галдеж стояли неимоверные. Однако никто не осмелился ступить на пустое пространство внутри коридора, образованного двумя колоннами моторизованных Рыцарей, замерших в седлах своих машин и время от времени выжимавших газ, будто ножом прорезая ревом двигателей гомон толпы.

Когда Феррик почувствовал, что психологически подходящий момент настал, он слегка хлопнул Богеля по плечу. Богель в свою очередь хлопнул по плечу Рыцаря, сидевшего рядом с водителем, — и тот выбросил руку в партийном салюте. Тотчас же оркестр на вершине холма заиграл военный марш, а оба почетных стража с флагами тронулись с места и поехали вверх по склону сквозь почетный коридор. Вслед за ними тронулась с места и машина Феррика. Каждая пара Рыцарей, стояло машине Феррика поравняться с ней, выбрасывала руку в партийном салюте. К тому моменту, когда почетная стража достигла вершины, развернулась и остановилась лицом к флагманской машине, обе колонны Рыцарей пришли в движение и через минуту образовали на склоне холма нижний полукруг, отгородив трибуну от толпы, которая уже затопила склон.

Богель с Дугелем вышли из машины и присоединились возле трибуны к остальным партийным функционерам. Феррик же оставался в машине до тех пор, пока толпа не обступила пикет моторциклов.

Затем он медленно и торжественно сошел из машины на землю. В тот момент, когда его нога коснулась почвы, все до единого партийцы и Рыцари выбросили руки в партийном салюте и дружный рев «Хайль Яггер!» огласил воздух. Приветствие оглашалось непрерывно, сопровождая Феррика к трибуне. Командирская машина меж тем заехала за горящую свастику, чтобы не портить вида. Еще не поднявшись на трибуну, Феррик повернулся к громадной толпе, заполонившей склон холма. Аудитория была достаточно велика. Он выдержал драматическую паузу, как бы испытывая народные массы, бушующие у его ног, затем резко выбросил руку в партийном салюте.

Ответом ему послужил рев множества глоток «Хайль Яггер!», шелканье каблуков и салют, после чего руки Рыцарей и партийных функционеров резко вернулись на свое место.

Феррик стоял возле трибуны, правая рука его ласкала ручку Стального Командира, глаза решительно смотрели на восторженную толпу, бушевавшую за пикетом. Богель тем временем поднялся на трибуну и произнес короткую вступительную речь:

— Сегодня я говорю с вами не как вождь Партии Возрождения Человечества, ибо такой партии больше не существует. Подобно легендарному Фениксу, ныне восстанет из пепла нечто куда более великое и славное — последнее и абсолютное выражение расовой воли Хелдона, новая партия — Сыны Свастики! Сыны Свастики — новый крестовый поход, новая цель — Сыны Свастики! И возглавит эту могучую новую силу наш новый вождь, новый человек, совершеннейший герой. Я представляю вам Командира Сынов Свастики — Феррика Яггера!

Речь Богеля завершили шелканье каблучков и очередной партийный салют. Рыцари и партийцы отозвались дружным воплем: «Хайль Яггер!» Более того, все три сотни членов Партии, находящиеся среди толпы в стратегически важных точках, проделали то же самое, вызвав некоторое количество спонтанных приветствий среди зрителей. И пусть приветствиям этим недоставало единства и слаженности, исходили они из самого сердца.

После того, как гул приветствий стих, Богель покинул трибуну. Выждав нужное время, Феррик подал рукой сигнал, и чистый голос труб огласил окрестности. После чего Феррик наконец вззошел на трибуну. За его спиной на фоне ночного неба пылала двадцатиметровая свастика. Феррик будто купался в ее героическом красном огне, что озарял окрестности и отсвечивал на хромированных заклепках его одежды.

Он почти кожей ощущал напряженное молчание, повисшее над громадной толпой. Повсюду, насколько хватало глаз, тысячи людей сдвинулись плечом к плечу. Тысячи глаз были сфокусированы сейчас на нем и только на нем в ожидании. Он ощущал, как великая сила струится сквозь его тело, смешиваясь с безмерной мощью его сверхчеловеческой воли. Он был воплощением величайшего расового стремления, живым символом расовой воли, и он чувствовал, что множество людей у его ног сознают это. Он был выразителем Воли Хелдона. Он не мог и не должен был проиграть.

Слова пришли сами.

— Более тысячи лет прошло со Времени Огня, но до сих пор мутанты попирают землю, оскверняя человеческий генофонд своими смрадными уродливыми генами. Кто может отрицать

тот факт, что Хелдон — единственный бастион расовой чистоты в зараженном мире? К югу от нас лежит Боргравия, страна с богатым генетическим потенциалом. Уже в силу этого она является законной зоной наших интересов. Но в настоящее время Боргравией заправляют злобные и коварные мутанты и ублюдки. Движимые чувством расовой неполноценности, они делают все от них зависящее, чтобы искоренить истинно человеческий генотип на их территории. К западу от нас находятся Ветония и Гусак — страны, до краев наполненные генетическим дерьмом, страны, где истинно человеческий генотип преследуется и истребляется. За этими политическими химерами простираются совершеннейшие генетические клоаки — Крессия, Арбонна и Кармат с их сателлитами. Единственное, что можно сделать с генофондом этих стран, — полностью его уничтожить, ибо оздоровить его невозможно. Дальше, за ними, нет ничего, кроме радиоактивных пустынь. Все эти мутанты и ублюдки являются нашими непримиримыми расовыми врагами. Но это, я вам скажу, не самое худшее. — Феррик сделал драматическую паузу и в тот же миг был буквально затоплен чудовищной волной психического отклика от десяти тысяч слушателей, чьи глаза в свете горящей свастики сияли во мраке, подобно раскаленным углям. Феррик буквально осязал их неутоленный голод по правде. Хелдонский народ истосковался по неприкрашенной правде, которой был столь долго лишен. Глядя на лица этих людей, Феррик понимал: они с ним.

— Но и это — не самое худшее! — проревел Феррик. — На востоке, скрываясь за опереточными государствами, такими, как Волак и Малакс, на невообразимых просторах раскинулась страшная рабская держава — Зинд! Гигантские ресурсы и громадное население пребывают под властью грязных доминаторов, чье величайшее желание — полностью стереть последние драгоценные остатки истинно человеческой расы с лица земли, с тем, чтобы вечно и безраздельно править бездушными рабами! Но и это не самое худшее!

И снова Феррик сделал паузу. И снова его затопила энергия толпы. Он разбудил в людях дремавшие доселе расовые инстинкты, он зажег в их сердцах пламя священной ярости. Бросив им в лицо правду, он заставил их души пылать.

— Хуже всего дела обстоят здесь, в Хелдоне, — продолжал он. — Здесь мы имеем правительство трусов и слабаков, согласных на выведение безмозглых рабов и ослабление законов о генетической чистоте, лишь бы ублажить всевозможную сволочь. Таким образом они надеются защитить свои бесценные задни-

цы и отдалить день горестного осознания. В Хелдоне, этом последнем оплоте истинно человеческого генотипа, нами правят имбецилы, флиртующие с вонючими универсалистами, прекрасно зная при этом, что универсализм — это не что иное, как циничное детище доминаторов Зинда. В Хелдоне, нашем с вами фатерлянде, сейчас находятся и активно действуют неизвестно сколько законспирированных доминаторов, фанатично мечтающих о полном уничтожении истинных людей!

На сей раз, стоило Феррику замолкнуть, как над толпой загудел рассерженный гомон голосов. Целый лес кулаков поднялся в воздух. Воздух огласился ревом толпы, в котором ярость смешивалась с одобрением. Потаенные расовые инстинкты наконец-то очнулись от летаргического сна, в который были коварно погружены доселе. Воздух кипел энергией. Народ жаждал крови доминаторов.

— Даешь фанатичную решимость в деле защиты расовой чистоты Хелдона! Даешь железную власть, которая огнем и сталью очистит Хелдон от последнего доминатора и от последнего зараженного гена! Даешь внешнюю политику, всецело направленную на полное и окончательное завоевание всех пригодных для обитания территорий! Земля — истинно человеческой расе! Даешь новую партию героев, всецело преданных благородному делу! Партию, способную сместить нынешнее руководство и отправить этот сброд в самое подходящее для него место — в выгребную яму истории! Даешь руководство, способное повести хелдонский народ к окончательной победе над доминаторами, мутантами и ублюдками! Даешь полную и беззаветную поддержку Хелдону, веру всех истинных людей в наше дело, в дело Сынов Свастики!

Оглушительный восторженный рев пронесся над толпой. Десятки тысяч рук вскидывались снова и снова в произвольном салюте. Феррик замолчал, позволяя народу выплеснуть свои чувства, и замер на фоне оранжевого пламени — воплощение крайней решимости на фоне огненной свастики.

Затем, когда драматическое напряжение достигло предела, он достал державный скипетр — Стального Командира — и воздел сияющее оружие перед собой в партийном салюте, как бы вонзая его в замершую в ожидании податливую плоть толпы.

Тысячеголосый стон пронесся над толпой, когда люди поняли, что перед ними легендарное оружие — Стальной Командир. Затем воцарилась абсолютная тишина, тянувшаяся минутой или две.

Набалдашник, в котором отражался свет пламенной свастики, сиял, подобно миниатюрному солнцу, когда Феррик воздел оружие высоко над головой.

Героическим был его голос, когда он обратился к народу:

— В моей руке Громовая Палица хелдонских королей. И посему я заявляю свое единственное неотъемлемое право на власть в Хелдоне и во всем остальном мире. Я заявляю его не во имя собственных интересов, не для себя, но во имя Свастики! Я посвящаю себя, я посвящаю Сынов Свастики, я посвящаю это священное оружие великому делу очищения Хелдона железом и кровью и распространению хелдонского правления, правления истинных людей, на всю территорию нашей планеты! Я клянусь, что мы не остановимся до тех пор, пока последний мутированный ген не исчезнет с лица Земли!

И случилось чудо. Вся гигантская толпа, как один человек, выбросила вперед правую руку и начала скандировать: «Хайль Яггер! Хайль Яггер! Хайль Яг-гер!!!» Единодушный рев десятка тысяч глоток, казалось, расколол небеса, распугав богов. Вне себя от восторга, Феррик сунул Стального Командира за пояс и вернул толпе салют. Крик, который, казалось, был уже на пределе возможного, стал в два раза громче. «Хайль Яггер! — бесновалась толпа. — Хайль Яггер!.. Хайль Яг-гер!!!»

Никогда не думал Феррик, что такое возможно. Восторг вознес его душу на немыслимые высоты расовой славы. Подумать только, десять с лишним тысяч хелдонцев разом стали фанатичными последователями Партии! Подобно факелу, что зажег огромную свастику, пылающую за его спиной, его слова, его воля — воспламенили огонь свастики в душе каждого честного хелдонца. И подобно тому, как огненная свастика выбросила яркие языки пламени в ночное небо, свастика в душах хелдонцев своим сиянием разгоняла тьму, царившую доселе в их душах.

Знак Новой Эры вставал над землей.

Глава 7

Штаб-квартира Сынов Свастики расположилась на четвертом этаже десятиэтажного здания. Съемщиками на остальных этажах были торговцы, врачи, мелкие предприниматели и тому подобный разношерстный люд. Феррик приказал Хаульману найти помещение, в котором домохозяин надлежащим образом мог оценить нового арендатора, сознавая, кто ему покровительствует. Хаульман блестяще справился с заданием, отыскав до-

мохозяина-алкоголика, по уши увязшего в долгах. Поэтому, несмотря на то, что Партия занимала всего один этаж из десяти, Феррику удалось потребовать перекраски фасада здания, выложенного черным камнем.

Верхние шесть этажей были выкрашены в красный цвет, и на этом огромном красном поле красовалась соответствующих размеров черная свастика в белом круге. Таким образом, верхняя половина фасада была превращена в гигантский партийный флаг. Над входом висела громадная бронзовая доска с гордой надписью: «Национальная штаб-квартира Сынов Свастики». По обе стороны от доски торчали два больших партийных флага.

Поскольку штаб-квартира Партии в буквальном смысле слова представляла собой гигантский красный флаг прямо под носом у универсалистов, были приняты необходимые меры предосторожности на случай возможных провокаций. Отделение Рыцарей, вооруженных пистолетами и булавами, днем и ночью охраняло подъезд к дому. Еще четверо, сменяясь на посту, стояли в карауле у входа в здание. На крыше были установлены четыре пулеметных точки. Они контролировали пространство перед зданием и часть улицы. Здесь также было установлено круглосуточное дежурство. Патруль из шести Рыцарей регулярно, через короткие промежутки времени, совершал обход здания. Все десять этажей неусыпно патрулировались вооруженными Рыцарями. На четвертый этаж можно было попасть лишь по двум лестницам, каждая из которых находилась под прицелом пулеметчиков.

На противоположной стороне улицы располагался пустырь. Теперь он был обнесен колючей проволокой с пропущенным по ней электрическим током. Ток вырабатывало паровое устройство внутри периметра. Там же, за ограждением, ночевали Рыцари, в чью обязанность входила охрана штаб-квартиры. Для этой цели внутри периметра были сооружены низкие деревянные бараки. Эти же бараки служили базой для моторциклистов с их стальными конями. В случае атаки нападающий сброд оказался бы зажатым между Рыцарями в здании и моторизованным отрядом штурмовиков и уничтожен до последнего человека. Позиция была выбрана настолько удачно, что могла бы в случае необходимости долгое время выстоять против атак регулярных правительственных частей.

Четвертый этаж здания, где, собственно, и находилась штаб-квартира, был теперь разделен на ряд кабинетов, гостиных и спален. В то время как Стяг Штепке вместе со своими парнями ютился в бараке за колючей проволокой, а прочие партий-

ные чины наслаждались домашним уютом, — у каждого из них в Вальдере был собственный дом, — Феррик спал в небольшой комнатке, примыкающей к его кабинету. Точно такая же комната, соединяющаяся с кабинетом, была у Богеля. И еще один человек устроился аналогичным образом — Лудольф Бест, молодой смысленный парнишка. Бест был фанатично предан делу Партии и самому Феррику. Именно это, да еще острый ум, сделало его идеальным личным секретарем. Бест тоже ночевал в штаб-квартире, чтобы в любую минуту оказаться у Феррика под рукой.

Кабинет Феррика считался самым просторным в штаб-квартире. Вместе с тем обстановка в нем была самая что ни есть спартанская. Тесные деревянные стены, как в солдатской казарме. Оштукатуренный потолок, паркетный пол. И то и другое выкрашено в красный цвет. На полу и на потолке — огромная черная свастика в белом круге. Простой письменный стол из дома. Перед столом скамьи в несколько рядов, так что Феррик при необходимости мог созывать летучки, не вставая из-за стола. На столе, на подносе, покрытом черным бархатом, — Стальной Командир. Позади стола, на стене — большой партийный флаг и огромная картина маслом, изображающая Роостинское сражение. На окнах — плотные черные шторы.

По настоянию Богеля Партия пошла на еще большие траты и приобрела частный телевизионный приемник. Это чудо техники представляло собой простой стальной ящик со стеклянным экраном, установленный в одном из углов кабинета. Сейчас Феррик с Богелем, сидя бок о бок на скамье, в первый раз опробовали дорогостоящий механизм.

— Вот увидишь, Феррик, эта штука себя оправдает, — раз в десятый уже повторял Богель. — С таким приемником мы сможем отсматривать все передачи общественного телевидения, собирая ценную информацию.

Феррик с некоторым сомнением созерцал изображение министра финансов, которое нудным голосом зачитывало отчет по отдельным отраслям экономики в дневном выпуске новостей. Для Феррика все еще оставалось непонятным — зачем Богелю приспичило приобретать телеприемник. Ведь общественное телевидение полностью контролировалось нынешним гнилым режимом. И, совершенно очевидно, телевидение являлось невероятно мощным инструментом пропаганды, поскольку передачи принимались общественными телеприемниками — громадными экранами, установленными на каждой большой площади в хелдонских городах.

И тут в телевизоре Феррик вдруг увидел себя самого, на фоне пылающей свастики. Правда, вместо пламенной речи донесся лишь голос официального комментатора: «...Это третье за последние несколько недель массовое выступление Сынов Свастики вылилось в кровавую трагедию...»

На экране появился Изумрудный бульвар, до отказа заполненный толпами. Сплоченным строем выступали горожане, у всех на руках были повязки со свастикой, многие несли горящие факелы. Над головами демонстрантов триумфально реяли десятки красных флагов со свастикой.

— Знаешь, Богель, меня поражает идиотизм правящего режима! — не удержался Феррик. — Дай этим кретинам лопаты — и они с восторгом начнут копать себе могилу.

— Как им кажется, они просто пытаются предупредить народ о нависшей над страной опасности, — отозвался Богель. — А по большому счету — они делают все, чтобы оповестить весь Хелдон о нашем существовании.

Телевизионный приемник теперь показывал Рыцарей на неописуемо живописных моторциклах во главе многотысячного шествия. В коричневой форме они смотрелись восхитительно.

«...относительно мирно до тех пор, пока демонстранты не достигли Бубенштрассе, где были встречены вконец распоясавшимися универалистскими хулиганами...»

На экране возникли угрюмые дома Люмпендорфа. Сыны Свастики медленно продвигались по грязным улицам. Внезапно какие-то оборванцы, с размалеванными рожами, вооруженные ножами и дубинками, выбежали из узких боковых улочек и набросились на безоружных демонстрантов. Тотчас же десяток-другой Рыцарей покинули свое место во главе колонны и, лихо развернув свои машины, атаковали бесчинствующую сволочь. Было видно, как взлетают и падают стальные булавы. Прошло не более минуты — и те немногие универалисты, что не остались неподвижно лежать на мостовой, обратились в паническое бегство, отчаянно вопя и хватаясь за окровавленные головы.

Правительственный комментатор трещал, не умолкая, о кровавой разборке, учиненной ультрапатриотами Свастики и универалистскими хулиганами на почве политических разногласий. Феррик прекрасно понимал, что рядовые хелдонцы по всей стране, наблюдая этот спектакль на экране общественного телеприемника, верят своим глазам, а не официозным словесным вывертам. А видят они не что иное, как триумф Свастики. Насколько же далеко зашел процесс распада у расовых предателей,

коль скоро, сами того не сознавая, они занимаются пропагандой дела Свастики. Ведь зрелище колонн, марширующих вслед за партийными знаменами, равно как и Рыцарей, торжествующих над вырожденцами, заставляет сердце веселее биться в груди, в то время, как откровенная ахинея, которую несет комментатор, вызывает лишь раздражение.

— Надо подумать, как заставить этих евнухов работать на нас, — задумчиво произнес Феррик. — Была бы у нас возможность вести *собственную* телепропаганду, транслируя ее в каждый уголок Хелдона — и эти дегенераты тут же слетели бы со своих кресел и отправились прямиком на свалку, которая по ним давно уже плачет.

— Но мы и сейчас можем обеспечить себе постоянное место в ежедневных выпусках новостей, — заметил Богель.

Феррик ухмыльнулся и кивнул:

— Несколько мертвых универсалистов после массового мероприятия — и место в новостях нам обеспечено!

Богель выключил телеприемник. Тотчас в кабинет вошел Лудольф Бест, стройный, подтянутый светловолосый юноша, отличный образчик истинно человеческого генотипа. В черной партийной кожанке, с алым плащом за спиной — он смотрелся просто великолепно. Бест направился прямо к Феррику, щелкнул каблуками, резко выбросил вперед правую руку, отрывисто произнес приветствие и замер, дожидаясь, когда к нему обратятся.

— Что там у нас, Бест?

— Мой Командир, бригадир Лар Ваффинг просит срочной аудиенции.

— Богель, тебе известно что-нибудь об этом Ваффинге? — спросил Феррик.

— Заметная фигура, — отозвался Богель. — Командир воздушных дредноутов во время войны. Настоящий юный герой. Несмотря на то, что родом он из довольно богатой семьи, после войны остался в армии, дослужившись до бригадира. От звания отказался в знак протеста против мягкотелой политики правящего режима.

Судя по всему, этот Ваффинг — настоящий патриот, человек воистину великий духом. Но главное другое. Бригадир, вне всякого сомнения, пользуется большим влиянием не только в военных, но и в экономических кругах.

— Пригласи его, Бест, — молвил Феррик, встал со скамьи, пересек комнату и уселся за письменный стол. Ваффинга лучше принять вот так, за письменным столом.

У человека, которого Бест ввел в кабинет, была экстравагантная, почти комическая внешность. Высокий рост и правильные черты лица говорили об исключительной чистоте породы, открытый и мужественный взгляд свидетельствовал об отваге и прямоте. И, наряду с этим, — чрезвычайная тучность, что как-то не вязалось с представлением о воздушном асе. На Ваффинге была серая военная форма, расшитая золотом, и ярко-голубой плащ. На любом другом подобный наряд смотрелся бы безвкусно и напыщенно, но не на Ваффинге — от этого человека так и веяло волей и мужественностью.

К удивлению и радости Феррика, Ваффинг присоединился к партийному салюту, отданному Бестом, причем сделал это от всего сердца. Только энтузиаст мог так азартно выкрикнуть «Хайль Яггер!».

Приветливо улыбнувшись, Феррик ответил им партийным приветствием и, отослав Беста, жестом пригласил Ваффинга присаживаться на скамье, рядом с Богелем. Ваффинг сразу понравился Феррику. И дело даже не в том, насколько полезным мог оказаться такой человек для Партии, нет. Инстинкты подсказывали Феррику, что этого человека надо приблизить к себе.

— Феррик Яггер, я вижу в тебе парня, с которым можно быть откровенным, — произнес Ваффинг. У него был низкий, приятного тембра голос. Голос настоящего мужчины. — Такому человеку как я чертовски по душе то, что делаете вы. Тысячу раз я говорил: к чему цацкаться с расовыми врагами? Разнести вдребезги их поганые черепа — вот и весь разговор. Я безмерно рад, что в Хелдоне наконец нашлась такая партия. Мне нравится, что ты проповедуешь, Яггер, я могу подписаться под любым твоим словом. Но я не умею так складно говорить, и, кроме того, знаешь, неохота влезать во всю эту возню с предвыборной компанией. Но ты пошел иным путем. Твои Сыны Свастики стали выразителями расовой воли нации, а не сборищем трепачей. Короче, я был бы счастлив предложить тебе свои услуги.

Феррик был глубоко тронут. Еще бы, услышать слова поддержки и одобрения от человека такого калибра. Честность и прямота Ваффинга подкупали, тем более что за ними не скрывалось ни на йоту ложной скромности. Нужно быть чистопородным до мозга костей человеком, полностью сознающим героичность собственной натуры, чтобы в твоих устах слова неприкрашенной правды не звучали бы вызывающе или, наоборот, льстиво и приниженно.

— Так в чем дело, бригадир Ваффинг? — доброжелательно спросил Феррик. — Мы будем только рады видеть тебя в рядах нашей Партии.

— Ну с этим-то будь спокоен, — добродушно хохотнул Ваффинг. — Речь о другом. Из того, что я знаю о вашей партии — а знаю я немало, уж поверь, поскольку имею доступ к материалам армейской разведки, — вам позарез нужен человек, способный принять на себя военное руководство. Штепке не в счет, он просто неотесанный болван, жлоб и хам.

— Но со своими обязанностями Штепке справляется неплохо, — осторожно заметил Феррик. — Расколотые черепа универсалистов — по-моему, вполне достаточное свидетельство эффективности и мощи Рыцарей Свастики, находящихся под его командованием.

Ваффинг широко улыбнулся.

— Несомненно, несомненно, — радостно отозвался он. — Я и не спорю, что сейчас Штепке вполне неплохо управляет-ся со своей горсточкой людей. Но неужели ты всерьез мыслишь его на посту командующего настоящей армией?

Феррик почувствовал, что Ваффинг куда-то гнет.

— Рыцарей Свастики едва ли можно назвать армией. Это, скорее, частная охранная организация. Или партийные силы самообороны, если тебе так больше нравится.

— Ладно, не стану ходить вокруг да около, — заявил Ваффинг. — Буду откровенен. Большинство военных симпатизирует Сынам Свастики, однако вряд ли армия допустит усиление Рыцарей при их нынешнем руководстве.

— При их нынешнем руководстве?

— Послушай, Феррик, ты же не настолько наивен: Звездоносная Армия не потерпит у себя под боком силу, возглавляемую таким молодчиком, как ваш Штепке. С другой стороны, если бы ваши штурмовые отряды возглавил человек, пользующийся доверием со стороны верховного командования, то в штабе армии на Рыцарей Свастики стали бы смотреть как на союзников.

Феррик не смог удержаться от ехидного смешка.

— Под «человеком, пользующимся доверием» ты разумеешь себя, не так ли? — спросил он Ваффинга.

Тот расплылся в широченной ухмылке.

— Я в самом деле имею опыт командования и пользуюсь большим влиянием в Звездоносной Армии. А что до моей квалификации, то об этом, Феррик Яггер, думаю, слухи уже дошли.

— Ты здесь по поручению генштаба, верно?

Ваффинг ответил не раздумывая. Ответ был предельно откровенен. Речь дышала внутренним огнем. Так мог говорить только фанатик.

— Я всецело предан тебе, мой Командир, и делу Сынов Свастики! — воскликнул он. Глаза его сияли верой. — Прикажи, и я отправлюсь чистить сортиры, если так надо для дела Свастики! Командование Звездоносной Армии и не подозревает, что я здесь. Я просто обрисовал тебе реальное положение и предложил решение.

Ситуация была совершенно ясна. Пока Рыцарями командует Штепке, над ними постоянно висит угроза со стороны армии. Если же во главе Рыцарей встанет Ваффинг, армия примет их с распростертыми объятиями, тем более, что среди военных немало настоящих патриотов, истинных сынов Хелдона. С другой стороны ядро Рыцарей Свастики состоит из бывших Мстителей и примкнувших к ним решительных парней, которые доверяют лишь Штепке и Феррику. Никакого другого командира они не потерпят. Так что Ваффингом Штепке не заменишь. Щекотливая ситуация.

— Поступим следующим образом, — сказал Феррик Ваффингу. — Я создаю еще одну охранную структуру, Эскадрон Свастики. Это будет элитарная организация, набираемая из людей, доказавших свою фанатическую преданность нашему делу, наиболее сообразительных и физически выносливых, отличающихся особо чистым генотипом. Ты не будешь непосредственно командовать ни Рыцарями, ни Эскадроном. Я предлагаю тебе должность секретаря по вопросам безопасности. На этом посту ты будешь осуществлять общее командование двумя штурмовыми отрядами. Командование Звездоносной Армии такое решение также должно устроить.

Ваффинг был вне себя от восторга.

— Черт возьми, вот он — настоящий почерк гения! — воскликнул он. — Я сам бы не смог придумать лучшего! — И он снова добродушно засмеялся. — Когда мы с тобой познакомимся поближе, ты поймешь, что Лар Ваффинг таких слов на ветер не швыряет!

Тут даже Богель не выдержал и радостно хохотнул. Феррик — и тот не смог удержаться от улыбки.

Наконец настал долгожданный момент — и Феррик смог созвать первое заседание Круга Свастики — так отныне называлось руководящее звено полностью реорганизованной и переименованной Партии. Радостью наполнялось сердце Ферри-

ка, когда лицезрел он дело рук своих. Канули в прошлое аляповатые и крикливые прежние названия руководящих партийных должностей; на смену им пришли новые — гордо звучащие, преисполненные достоинства и внутренней силы; их целью было сделать внутрипартийную иерархию предельно ясной и понятной. Исчезла, словно дурной сон, базарная пестрота в одежде высших партийных чинов; на всех, кто занял сегодня свои места за простым круглым столом в конференц-зале, были черные кожанки партийной элиты единого образца. Лишь на Штепке была коричневая форма Рыцарей Свастики.

Круг Свастики полностью отражал волю Феррика. Богель отныне стал командир-выразителем общественной воли; в его обязанности входило формулирование задач Партии на текущий момент и согласование этих задач с чаяниями народных масс Хелдона. Таким образом Богель взял на себя функции, которые в прежней Партии исполняли Пармероб и Маркер, ныне выведенные из высших партийных кругов. Хаульман по-прежнему оставался партийным казначеем, но уже без звания верховного командующего. Этот шаг позволил предельно четко провести грань между соображениями экономической необходимости и политикой, проводимой Партией. Ваффинг был назначен командующим силами безопасности. Штепке сохранил свою должность: он продолжал оставаться командующим Рыцарями Свастики. На этом посту он оказывался в подчинении у Ваффинга, но тем не менее сохранял за собой место в Круге Свастики. Аналогичной привилегией пользовался и Борс Ремлер, командующий только что сформированной Светозарной Свастикой, который также был введен в Круг, чтобы придать новой структуре должную симметричность. Дабы подчеркнуть свою абсолютную власть на посту верховного главнокомандующего, Феррик создал промежуточную должность — пост главнокомандующего Кругом Свастики, — на который поставил Беста, хотя это славный парнишка начисто был лишен командирских способностей. Что касается Блута и Декера, то сохранять в составе партийного руководства столь ничтожных людишек казалось нецелесообразным.

Феррик открыл заседание без излишних формальностей; у Круга Свастики не оставалось времени на церемонии. Нужно было безотлагательно обсудить боевую стратегию Партии.

— Наша основная цель — истребление всех квази-человеческих видов и восстановление власти истинно человеческой расы над всем пригодным для обитания пространством Земли. Первым шагом в этом направлении я вижу захват Свастикой абсо-

лютной власти в Хелдоне. А сейчас нам следует обсудить комплекс практических действий, которые приведут нас к тотальной власти.

Это вступительное слово собравшиеся встретили с энтузиазмом. Ремлер — тот прямо-таки горел огнем фанатизма; Феррик буквально осязал жаркие волны патриотического рвения, исходящие от Ремлера. Льдисто-голубые глаза молодого человека горели холодным огнем решимости, грудь бурно вздымалась, тонкие черты нордического типа лица выражали крайнюю степень волнения. Ремлер буквально умирал от патриотизма, затопившего все его существо.

— Дайте мне пятьсот моторциклистов и пять тысяч штурмовиков — и в течение дня я возьму Вальдер, — заявил Штепке. — А с тысячей моторциклистов и десятью тысячами штурмовиков мы сможем пойти на Хельдхайм и разнести к свиньям всех тамошних каналов. Их черепа захрустят под каблуками наших сапогов.

— Все не так-то просто, — заметил Ваффинг. Голос у него был ровный; Ваффинг ничем не выказывал свой гнев. — Если Рыцари возьмут Вальдер или пойдут на столицу, правительство двинет против нас армию и мы будем раздавлены, а дело, которому мы служим, погибнет. Звездоносная Армия сейчас сильнее нас. Даже если мы развяжем гражданскую войну, нам не устоять против регулярных войск.

— Лично я предпочитаю путь выборов, — высказался Богель. — Скоро начнутся выборы в Верховный Совет. Переизбираться будет весь состав — все девять народных представителей. Я уверен, что нам удастся, как минимум, провести в Верховный Совет Феррика. А если Феррик войдет в состав правительства, то на следующих выборах, через каких-то пять лет, нам обеспечены еще четыре места в Совете.

Чеканный лик Ремлера полыхнул огнем ярости.

— Мы не можем, черт подери, ждать целых пять лет, чтобы взять власть! — вскричал он. — Подумай, сколько здоровых генов погибнет за это время! Ты говоришь «пять лет» — и забываешь, что все это время доминаторский червь будет точить белое тело Хелдона! А универалистская сволочь — представь, насколько она расплодится и усилится за пять лет! Мое мнение — нужно как можно быстрее брать власть. Любая задержка — это преступление против народа! Помните о расовом долге, камрады!

— Отлично сказано! — воскликнул Феррик. Как, однако, правильно он поступил, остановив свой выбор на Ремлере, в

качестве главы СС. Это парень — блестящий образчик истинного идеалиста. Правда, идеалиста ультрапрагматичного, но ничего. Главное, парнишка верно понимает моральный императив. Сдвоенные алые молнии — знак, придуманный самолично Ферриком для СС, — отлично подходят Ремлеру, полностью соответствуя его молодцеватой выправке и стилю деятельности. Ремлер — образец для подражания; он как никто другой достоин командовать Рыцарями — парнями с кристально чистым генотипом и безукоризненной родословной.

Речь Ремлера только подтверждала, что план, который Феррик уже сформулировал для себя, безукоризнен с любой точки зрения — и в том, что касается морали, и с точки зрения прагматического ценности. Действовать по правилам декадентского избирательного легализма значило бы замарать Партию грязью с ног до головы. Это равносильно плевок в лицо священному делу защиты генетической чистоты. Однако предвыборная компания таила в себе другие, скрытые возможности, которыми Партии, вне всякого сомнения, следовало воспользоваться. А именно: каждому кандидату, согласно действующему законодательству, в течение недели предоставлялся час эфирного времени на общественном телевидении. Такую возможность нельзя было упускать.

— Я уже обдумал наши действия на ближайшее время, — заговорил Феррик. — Я и только я выставлю свою кандидатуру на выборах. И вот почему. Каждому из кандидатов в течение недели ежедневно предоставляется час времени на общественном телевидении для обращения к избирателям. Мы используем этот ежедневный час для *нашей* пропаганды. И, конечно же, *наша пропаганда* не ограничится рамками избирательной кампании. Главное — мы получаем возможность говорить. В течение всей кампании мы будем устраивать массовые митинги и парады, демонстрируя наши силы. Кулаками и стальными булавами мы будем неустанно очищать городские улицы от универсалистов. Наша задача — накалить атмосферу, сделать так, чтобы и традиционалисты и прогрессисты начали ощущать, как припекает их грязные, жирные задницы. Посему я говорю: наша цель — не столько победить на выборах, сколько продемонстрировать всем хелдонским патриотам нашу решимость и познакомиться их с нашей идеологией, показать им, что наши задачи целиком совпадают с их чаяниями. Мы будем делать все, чтобы вызвать на себя ярость универсалистов. Нам позарез нужны враждебные действия с их стороны. Тогда мы с полным на то основанием сможем продемонстрировать добрую стальную бу-

лаву, опускающуюся на череп расового дегенерата. Это привлечет к нам новых сторонников. Мы не станем использовать Партию как средство для победы на выборах; наоборот, пусть выборы станут инструментом, который расчистит дорогу Партии. Я сказал.

Тут даже непримиримый идеалист Ремлер не удержался и присоединился к общим аплодисментам. Плевать на средства, главное — победа.

Хельдхаймский муниципальный стадион представлял из себя гигантскую бетонную чашу; он запросто мог вместить сто тысяч человек. Но сегодня вечером здесь яблоку негде было упасть. Первое массовое выступление Сынов Свастики в столице привлекло всех истинных детей человеческой расы. Верхняя кромка гигантского стадиона, равно как и ограждения арены, была украшена партийными флагами: контрастное сочетание красного, белого и черного цветов призвано было раздувать в гражданах патриотизм, доводя чувства и инстинкты до иступления.

Точно по центру арены возвышалась трибуна: простой десятифутовый куб, покрашенный в белый цвет. Отсюда оратор был виден с любой точки стадиона.

Вокруг трибуны по всей арене плескалось море униформ и огня. Восемь тысяч Рыцарей Свастики в коричневой форме стояли в ожидании, держа над головой горящие факелы. Среди них были расставлены две тысячи бравых парней из СС в черных кожанках и черных фуражках; они стояли так, чтобы образовывать на арене гигантскую черную свастику, в центре которой возвышалась ослепительно белая трибуна. Поскольку эсэсовцы были без факелов, их ряды с верхних трибун стадиона, где были установлены телевизионные камеры общественного телевидения, образовывали огромную черную свастику на огненном поле. Снежно-белая платформа высилась в центре этой величественной свастики, словно вселенский пуп.

Феррик стоял на трибуне бок о бок с Ларом Ваффингом в ожидании начала действия. Необычайное возбуждение владело Ферриком. Массовый митинг, которым сопровождалось выдвижение его кандидатуры на предстоящих выборах, должен был стать достойным завершением первой недели, проведенной Ферриком в фатерлянде.

Хельдхайм с его героической архитектурой и передовыми технологиями был велик сам по себе. Даже не учитывая того,

что именно сюда сходились незримые нити власти над всем Хелдоном. Ведь здесь заседал Верховный Совет, здесь располагались все министерства и главные правительственные учреждения, здесь размещалась штаб-квартира Звездоносной Армии, здесь находились центральные офисы всех крупнейших промышленных концернов Верховной Республики. В Хельдхайме была ключом передовая научная хелдонская мысль, и именно на здешнем рынке появлялись все новинки, которые дарил миру инженерный гений Хелдона. Воистину, поводья власти находились здесь; оставалось только схватить их.

Ваффинг к этому времени уже ввел Феррика в высшие экономические круги, познакомил его и с ключевыми фигурами в командовании Звездоносной Армии. Многие промышленники охотно открыли свои кошельки для партийных нужд, а среди генералов нашлось немало таких, кто открыто выражал свою враждебность к универсалистам и доминаторам, заявляя, что ждет не дождется того дня, когда будет отдан приказ раздавить эту сволочь. Со своей стороны, Феррик дал торжественное обещание, овладев штурвалом власти, пойти навстречу заветным чаяниям военных. Они получают все, о чем только могут мечтать, и даже гораздо больше.

Слава Феррика шла впереди него. Когда он въезжал в город во главе своих моторизованных колонн, повсюду на улицах собирались толпы жаждущих выразить ему свою симпатию. Офицеры, которых он в жизни не видал, с энтузиазмом приветствовали его партийным салютом. Во время посещения театра зрители единодушно поднялись с мест и устроили ему трехминутную овацию.

Посему сейчас, в ожидании начала митинга, его переполняла вера в себя.

Как только были включены камеры общественного телевидения, Лар Ваффинг, имевший весьма впечатляющий вид в своей черной партийной форме, с красным плащом, украшенным свастикой, помахал Феррику рукой, а затем буквально взлетел по деревянной лесенке, появившись на трибуне в шквале приветственных возгласов. Наконец он настал, долгожданный час! Час, отмеченный Судьбой! Почти в каждом уголке Хелдона, в городах и деревнях, сейчас ждали наготове партийцы, чтобы устроить факельное действо, едва лишь общественные телеприемники начнут транслировать речь Феррика. По заранее утвержденному плану, в Вальдере это должен был организовать Богель, дождавшись момента, когда тысячи горожан соберутся у громадных телеэкранов на Арнской площади.

Ваффинг шагнул к микрофонам и жестом призвал народ к молчанию. Мгновение — и над стадионом воцарилась напряженная тишина. Вступительная речь Ваффинга была на удивление краткой и конкретной:

— Сыны Свастики! Патриоты, друзья, истинные хелдонцы, где бы вы сейчас ни находились! Я представляю вам верховного главнокомандующего Сынами Свастики, нашего великого и славного вождя Феррика Яггера!

Тишина взорвалась оглушительным ревом восторга. На какое-то время на хельдхаймском стадионе воцарился суший бедлам. Вся чудовищная масса собравшихся людей, казалось, поставила перед собой одну задачу: надорвать глотки; в то время как над ареной качался целый лес горящих факелов, а люди из СС, построившиеся громадной черной свастикой, снова и снова, отточенным движением, все, как один, выбрасывали руку в партийном салюте. Медленно и торжественно Феррик поднялся по ступенькам и вышел навстречу иступленным приветствиям, океану света и морю звуков. При виде его героической фигуры, туго затянутой в сверкающую лакированную кожей и хромом кожанку, с развевающимся по ветру красным плащом, украшенным свастикой, с Громовой Палицей на поясе, со сдвоенными алыми молниями на голенищах высоких черных сапог, энтузиазм зрителей дошел до апогея.

Феррик хлопнул Ваффинга по плечу, давая понять, что пора удалиться, и остался на трибуне один — на снежно-белой трибуне в центре живой черной свастики, купающейся в море огня. Со всех сторон, куда ни повернись, он видел руки, выброшенные в салюте, и рты, раскрытые в крике; души тысяч людей были сейчас обращены к нему, раскрыты навстречу ему. Он находился в фокусе внимания толпы, страстно жаждущей услышать наконец слово правды, которое должно разнестись по долам и весям родимой Отчизны. По своей мощи, по своему величию рев толпы был подобен легендарному рукотворному грому, что сопровождал низведение древними небесного огня на Землю. Феррик чувствовал себя сейчас на равных с мифическими героями седой старины.

Стоя здесь, в этой точке пространства и времени, где сейчас творилась история, чувствуя, как его душу омывает океан патриотического пламени, Феррик ощущал, как сквозь его тело протекают токи космической энергии, наполняя все его существо расовой волей хелдонского народа. В самом прямом смысле слова он был сейчас острием меча, имя которому — эволюционный процесс. От того, что он скажет и сделает, будет

зависеть, куда пойдет эволюция истинно человеческой расы. И его задача — распахнуть перед развивающимся истинным человечеством новые горизонты. Его устами сейчас заговорит коллективный голос истинной человеческой расы. Сейчас он уже не Феррик Яггер, нет, он — Партия, он — Расовая Воля. Он — Хелдон!

На пике овации Феррик вскинул руку в партийном салюте, и в тот же миг, подчиняясь его жесту, все сто с лишним тысяч человек смолкли, с нетерпением ожидая первого слова.

— Хелдонцы, друзья мои, — сказал он просто. Эхо его голоса отразилось от каменных стен стадиона. — Я пришел сегодня к вам с тем, чтобы заявить: я выдвигаю свою кандидатуру в Верховный Совет. Я стою здесь один, как знаменосец... знаменосец Сынов Свастики. Я баллотируюсь в Совет не для того, чтобы принять участие в грязном упадочническом фарсе, именуемом «выборами». Я баллотируюсь в Совет не с тем, чтобы осесть там мертвым грузом на равных с расовыми изменниками. Нет! Моя задача — помочь хелдонскому народу, помочь всем истинным патриотам сбросить позорное ярмо трусов с насквозь прогнившими душонками, раздавить сапогом этих гадин и отправить их на свалку истории. Даже если бы Сынам Свастики удалось по итогам голосования получить численный перевес в Верховном Совете, это не спасло бы нацию от угрожающей ей опасности. Да посадите вы хоть во все девять кресел Совета Сынов Свастики — это не улучшит вашего положения. Нынешний государственный механизм — дерьмо! И вот что я вам скажу: героические задачи надо решать героически!

Феррик демонстративно возложил ладонь на рукоять Стального Командира.

— Когда-то эта Громовая Палица была державным скипетром древних хелдонских королей, знаком королевской власти. Сейчас владею им я. Но это не означает, что я претендую на королевский титул. Нет, отныне эта Громовая Палица — инструмент нашей расовой воли. Я принимаю участие в этих унижительных выборах только для того, чтобы расовая воля хелдонского народа получила наконец выражение в акте избрания меня в Верховный Совет! Будучи избранным в состав правительства, я отдам все свои силы не на установление и поддержание диктата какого-то абстрактного численного большинства, не на поддержку насквозь прогнившего и изначально выморочного псевдодемократического легализма, а на беззаветное служение принципам расового волеизъявления и священному делу охраны генетической чистоты Хелдона. Я клянусь

отдать все свои силы и способности священной борьбе за окончательное торжество истинного человечества над всеми и всяческими мутантами и ублюдками во всем мире!

При этих словах стадион опять разразился громовой овацией, а эсэсовцы снова и снова выбрасывали руку в партийном салюте, причем с невероятным совершенством и фанатической решимостью.

Феррик убрал руку со Стального Командира и жестом призвал стадион к тишине. Тотчас воцарилось молчание. Шестым чувством Феррик ощущал, как замерли в этот миг сердца миллионов хелдонцев по всей стране, ибо вся нация в этот час сплотилась в мистическом единении расового волеизъявления.

Феррик заговорил вновь. Теперь он говорил медленно, с расстановкой, заставляя каждое слово бить набатом во всякой честной, патриотической хелдонской груди.

— Сегодня я призываю каждого истинного хелдонца, каждого патриота, каждого носителя истинно человеческого генотипа, каждого гражданина этой великой страны, ходящего на двух ногах, как подобает человеку, подняться в священной ярости, подобно древним героям, сплотиться вокруг нас и поддержать Сынов Свастики, этих носителей расовой воли, этих беззаветных служителей делу разумной эволюции в их самоотверженной борьбе за полную и окончательную победу!

И снова правая рука Феррика легла на Стального Командира.

— Я не буду просить вас голосовать за меня, как это делают буржуазные политики! — прокричал он. — Я не хочу пользоваться вашими голосами как каким-то капиталом. Я не хочу уподобляться гнусным универсалистам, что улавливают людские души и тем самым покупают милость у бездушных вырожденков — доминаторов. Как живое воплощение расовой воли нации я приказываю этой сволочи — прочь! Более того! Я приказываю каждому истинному сыну хелдонского Отечества выйти сегодня ночью на улицы. На улицы, сыны Хелдона! Родина в опасности! Сегодня ночью я сам поведу вас. Мы сотрем в порошок все, что вздумает встать у нас на дороге. Мы сокрушим все препятствия на пути к полной и окончательной победе! Настала пора разобраться с универсалистской мерзостью. Доколе мы будем терпеть это дерьмо у себя под носом? Сегодня ночью мы разможем их черепа, а их тела каблуки добротных хелдонских сапог размажут по мостовой. А что до остальных партий, то пришло время показать им на деле, кто они и с кем они! Сегодня ночью мы отделим зерна от плевел! Пусть же силы Свастики пройдут сегодня Хелдон

от края до края навстречу утренней заре! Отберем у беспородной мрази наши улицы!

И с этими словами Феррик выхватил из-за пояса Громовую Палицу и взметнул ее к звездам. Свет тысяч факелов отразился в отполированном до зеркального блеска металле рукояти; набалдашник сиял, словно средоточие расовой воли, что переполняла сейчас стадион и расходилась через телеэфир по всему Хелдону.

Повинуясь этому сигналу, тысячи Рыцарей и ээсовцев начали парадный обход трибуны, наполняя чашу стадиона слаженным грохотом подкованных сталью сапог. Сверху, с того места, где располагались телевизионные камеры, факелы в руках Рыцарей сливались в сплошное огненное море, в волнах которого безостановочно, подобно грозному колесу судьбы, все вращалась и вращалась вокруг трибуны черная эсэсовская свастика.

Феррику казалось, будто ось мира проходит через него, будто весь Хелдон вращается у его ног. Расовое волеизъявление буквально сотрясало все его существо, когда он произносил заключительные слова.

— Хайль Хелдон!!! — воскликнул он, вложив в крик все без остатка свои физические и умственные силы. — Хайль Свастика!!! Хайль окончательная победа!!!

В центре гигантской вращающейся свастики, в кипящей лаве извергшейся наконец национальной воли, на трибуне, содрогающейся от тяжкого грохота десяти тысяч пар марширующих ног, Феррик испытывал чувство полнейшего единения со своим народом; каждый честный хелдонец в фатерлянде был с ним сейчас един — плотью и духом.

Из ста тысяч глоток на стадионе, из миллионов глоток новых фанатичных последователей Свастики по всей стране вырвался наконец столь долго сдерживаемый утробный крик, громоподобно раскатившийся над Хелдоном, — крик, в котором ныне вольно и беспрепятственно звучал расовый голос нации. «Хайль Яггер!!! Хайль Яггер!!! Хайль Яг-гер!!!»

Глава 8

Исход голосования был предreshен, поскольку Феррик оказался единственным кандидатом от Свастики, тогда как большинство мест в Совете заняли прогрессисты. О лучшем раскладе нечего было и мечтать. Положение героя-одиночки, противостоящего банде предателей и расовых евнухов, несравненно выгоднее положения лидера парламентской фракции.

Следующие мероприятия значились в плане под кодовым названием «Предвыборная кампания». Теперь Феррику предстояло продемонстрировать хелдонцам ту решимость и тот фанатизм, с какими одни Сыны Свастики могут устремляться к своим священным целям. Нелишним было подчеркнуть и тот факт, что количество голосов, набранных Ферриком по сравнению с другими кандидатами в Верховный Совет, служило лишним доказательством нерушимого единства Феррика и Хелдона.

Итак, за три дня до голосования Феррик стоял в своей открытой машине в черной кожанке, со Стальным Командиром, поднятым вверх для всеобщего обозрения. Он был готов вести своих соратников в решающую схватку, предусмотренную планом. Справа и слева настороженно застыли с новенькими автоматами в руках Борс Ремлер и Лудольф Бест, также в черной форме партийных руководителей.

Никогда еще под знаменами Свастики не собиралось столько сил, какие вел сейчас Феррик по улицам Хельдхайма к Дубовому парку. Феррик умышленно выбрал это место для проведения заключительного предвыборного митинга, тем самым провоцируя универсалистов на открытую схватку. Этот старый, мрачный парк располагался в самом центре Борбурга — зловещего района, известного во всем Хелдоне как оплот доминаторов и их универсалистских приспешников. Расчет был прост: если универсалисты позволят Сынам Свастики беспрепятственно провести здесь свой митинг, они неминуемо дискредитируют себя перед всей Верховной Республикой, поскольку — Феррик был в этом убежден — телевидение наверняка не обойдет вниманием столь значительное событие.

С другой стороны, Феррик отлично сознавал, что репутация Сынов Свастики также поставлена на карту. Если митинг окажется сорван, они будут окончательно и бесповоротно скомпрометированы перед хелдонским народом. Поэтому были приняты все необходимые меры. Перед машиной Феррика двигался паробус-бульдозер, обшитый броней и оснащенный массивным ковшом. За ковшом расположились трое стрелков с пулеметами, а внутри паробуса находилась ударная группа из отборных эсэсовцев, вооруженных булавами и автоматами. Машина Феррика шла в окружении эскадрона эсэсовских фанатиков, в сверкающих жестких кожанках, на черных моторциклах, сияющих хромированными частями. Вслед за машиной Феррика маршировали пять тысяч Рыцарей Свастики с булавами и факелами. За рыцарской пехотой двигались две тысячи моторизованных

Рыцарей, а замыкали шествие пятьсот эсэсовских фанатиков-пехотинцев, вооруженных автоматами и булавами.

За время избирательной кампании парни из СС и Рыцари отлично сработались между собой. Не успевал какой-нибудь нанятый крикун в толпе слушателей у трибуны открыть свою поганую пасть, как его череп разлетался под ударом стальной эсэсовской булавы; Рыцари же во время проведения митинга разъезжали на своих стальных конях взад и вперед, патрулируя окрестности и следя за тем, чтобы ни один универсалистский или буржуазный оратор не воспользовался скоплением народа, обращаясь к людям с лукавыми речами; тому, кто пытался это сделать, тут же доводилось испытать на себе крепость железных рыцарских кулаков. Трижды уже универсалисты пытались сорвать партийные митинги — и трижды моторизованные штурмовые отряды разнесли эту сволочь в пух и прах.

Феррик в душе надеялся, что сегодня универсалисты пойдут на все, чтобы сорвать митинг. Когда машина Феррика, следуя за бронированным паробусом, свернула на Тормский проспект и по обеим сторонам улицы потянулись утопающие в грязи угрюмые трущобы, Феррик покрепче взялся за ручку Стального Командира, готовый в любой момент пустить его в ход.

— Мой Командир, взгляни туда! — внезапно вскричал Бест, указывая вперед стволом своего автомата. Улица впереди была перегорожена уродливой баррикадой из наспех сваленных бревен, досок, пустых баков и прочего кала. На баррикаде и за ней виднелась толпа контролируемого доминаторами сброда, вооруженного дубинками, кирками, ножами и всем чем ни попадя. Вся улица перед машиной, насколько хватало глаз, была запружена этой сволочью. Над толпой оборванцев хлопало на ветру рваное, перемазанное неведомо каким дерьмом, будто тысяча грязных задниц была вытерта об него, подобие голубого знамени с изображением желтой звезды в круге — боевой стяг универсалистов.

— Не волнуйся, Бест, — сказал Феррик, — мы живо разделимся с этими червями!

Феррик предвидел подобное, потому-то и поставил впереди колонны бронированный паробус-бульдозер.

Когда до баррикады оставалось каких-то двадцать ярдов, пулеметчики за ковшом открыли огонь. Среди сброда раздались крики боли и ужаса, как только головы их товарищей стали разлетаться кровавыми брызгами под пулеметными очередями. Десятки ублюдков расцветали вдруг кровавыми цветами и падали, пачкая кровью мостовую. Их оставшиеся в живых прияте-

ли топтали мертвых и раненых в создавшейся толчее, тщетно пытаясь укрыться от неотвратимой силы Свастики. Но, запертые между баррикадой и движущейся на них колонной, они были обречены.

Массивный ковш бронированного паробуса ударил в баррикаду на скорости в двадцать пять миль в час, разнося ее ко всем чертям и давя тех, кто находился за грудой хлама. Эсэсовские стрелки внутри паробуса открыли массированный огонь, поливая свинцом трушобы по обеим сторонам улицы. Сброд в панике разбегался.

— Вперед! — крикнул Феррик во всю силу своих легких и выбросил вперед Стального Командира, словно фельдмаршальский жезл. Стрелки в паробусе прекратили огонь. Паробус остановился. Командная машина Феррика, объехав его, в сопровождении почетной гвардии эсэсовских моторциклистов повела несокрушимые ряды Рыцарей на универалистское отребье. Паробус двинулся следом.

Булавы Рыцарей поднимались и опускались, подобно цепам во время обмолота, расшвыривая вопящих доминаторских марionеток; цепи свистели в воздухе, разнося универалистские головы, будто тухлые яйца. Дюжина здоровенных молодчиков, вооруженных длинными ножами, внезапно прорвалась сквозь строй моторциклистов и бросилась к флагманской машине. Глаза доминаторских рабов горели исступленной яростью, на губах у них выступила пена.

— Мой Командир!.. — вскричал Бест, в то время как очередь его автомата разорвала на части двоих нападавших.

Феррик ощутил, как безмерная мощь Стального Командира вдруг наполнила все его существо; с диким, ликующим боевым кличем он взметнул в воздух свое страшное оружие и обрушил его на врагов. Удар пришелся сразу по двоим универалистам. Древнее оружие хелдонских королей прошло сквозь их нечистую плоть, будто сквозь мягкий сыр, разорвав атакующих на части и обнажив перед всем миром их гнилую начинку. Страхнув со Стального Командира универалистские кишки, Феррик следующим ударом размозил черепа еще трем нападавшим, в то время как Бест и Ремлер с помощью своих автоматов милостиво оборвали постыдное существование оставшихся.

Подобно визжащему стаду обезумевших от страха свиней, сброд метался туда-сюда, давя десятками своих же товарищей, в тщетной надежде спастись от всесокрушающей ярости Сынов Свастики. В то время как основная колонна прокладывала себе путь по Тормскому проспекту, моторизованные под-

разделения Рыцарей и СС рыскали по окрестным трущобам, уничтожая всех подозрительных субъектов, попадавших на пути. Очищенные от универсалистов и доминаторов трущобы тут же поджигались с целью полной дезинфекции.

Теперь колонна двигалась по огненному коридору, который ныне представлял из себя Тормский проспект. Впереди уже виднелся Дубовый парк со старинным гордым монументом, а вокруг горел Борбург, пожираемый всеочищающим пламенем. И без того грязные улицы стали еще грязнее. К уличным отбросам прибавились растоптанные тела доминаторов и их универсалистских приспешников. Внезапно из-под колес ферриковской машины взметнулось, уцепившись за край кабины, какое-то существо и устремило к горлу Феррика длинный грязный ржавый кинжал с воплем: «Умри, человеческая тварь!» Чувствуя, что не успеет отразить атаку Стальным Командиром, Феррик левой рукой схватил визжащего доминатора за глотку и сжимал, пока глаза твари не выкатились из орбит, после чего швырнул обмякшее тело туда, откуда оно и появилось, — под колеса.

Вскоре колонна достигла Лормеровской улицы, за которой начинался Дубовый парк. Парк открывался обширным травянистым лугом, запущенным и усеянным всевозможным хламом. Даже здесь, на открытом воздухе, ноздри забивал характерный тяжелый дух борбургских трущоб. Посреди луга был установлен бетонный пьедестал для общественного телеприемника. Сверху донизу он был испачкан нечистотами и гнусными политическими лозунгами. На лугу собралась целая армия: не менее десяти тысяч омерзительного вида созданий, вооруженных дубинками, ножами, булавами и факелами. В их глазах светились ненависть и желание убивать, искусно подогреваемые их незрими хозяевами.

Феррик трижды взмахнул над головой Стальным Командиром, и по этому сигналу армия Свастики с величайшим умением и точностью выполнила замысловатый маневр. Эсэсовцы выскочили из кабины паробуса и двинулись во главе двух колонн Рыцарей, разгоняя озверевший сброд и очищая дорогу. Новые отряды рыцарей подходили по Тормскому проспекту, так что скоро все пространство Лормеровской улицы перед Дубовым парком было занято Рыцарями Свастики.

На мгновение все стихло. Слышен был только треск пламени горящих трущоб да рев моторчикетных двигателей. Орда универсалистов, собравшихся на лугу, явно была в замешательстве. Совершенно неожиданно для себя эти дегенераты оказались один на один с несокрушимой стеной героев в коричневой

форме. Ужас, овладевший сбродом, выразился в коллективном протяжном стоне. Затем по сигналу Феррика строй Рыцарей раздался вправо и влево, пропуская вперед ударный отряд эсэсовских моторциклистов на могучих машинах, сияющих лаком и хромом. Моторизованные эсэсовцы образовали перед строем Рыцарей стальной щит. Наконец, в проход между Рыцарями проехала флагманская машина Феррика, чтобы занять свое место в передних рядах наступающих героев.

Стяг Штепке в этот момент стремительно вел своих храбрецов по пылающим улицам Борбурга, намереваясь зайти универсалистам в тыл и отрезать путь к отступлению.

Феррик устремил взор сперва на беспорядочную толпу оборванцев, а затем перевел взгляд на ровный строй своих славных Рыцарей и отважных героев-фанатиков из СС. Какой поразительный контраст с противостоящим им сбродом! Какой восхитительный спектакль будет продемонстрирован сегодня всем хелдонцам доброй воли, собравшимся у общественных телеприемников по всей стране!

Феррик выпрямился во весь свой могучий рост в открытой кабине газомобиля. Держась левой рукой за спинку сиденья Беста, правую он выбросил вперед, уставив сияющий металлический кулак Стального Командира к небесам.

— Хайль Хелдон! — проревел он. Могучий голос Феррика перекрыл шум. — Смерть доминаторам и их рабам — универсалистам!

Он взмахнул Стальным Командиром — и с ревом «Хайль Яггер!», от которого содрогнулась земля, войска Свастики двинулись вперед.

Моторциклы врезались в передние ряды противника. Рев моторов слился с треском эсэсовских автоматов. С истошными воплями сотни оборванцев падали оземь, захлебываясь собственной кровью, в то время как стальные булавы раскалывали черепа, а колеса дробили кости упавших. Сквозь бреши в передних рядах универсалистов, проложенные моторциклистами, устремилась рыцарская пехота; неотвратимо, как сама Судьба, Рыцари шли вперед, размахивая булавами и вращая цепями, круша кости и разбивая черепа. Водитель ферриковской машины бросил флагманский газомобиль в самую гущу боя. В то время как Бест и Ремлер длинными очередями косили охваченный паникой сброд, Феррик самозабвенно крушил врагов Стальным Командиром, разнося вдребезги дюжины голов, дробя десятки костей, перерубая торсы врагов надвое; каждый его удар наносил врагу громадный урон. Ах,

до чего захватывающее зрелище представало сейчас глазам истинных патриотов Хелдона! И какой воодушевляющий пример подавал сейчас командир своим людям!

Несколько минут неистовой атаки — и ряды универсалистов дрогнули и смешались. Страх перед стальной лавиной штурмовых отрядов Свастики оказался настолько силен, что даже аура власти доминаторов не смогла восстановить порядок. В панике универсалисты затоптали насмерть почти столько же своих товарищей, сколько пало от карающей длани Сынов Свастики. Передние ряды, спасаясь от идущей по пятам смерти, столкнулись с задними, в которых доминаторам еще кое-как удавалось сохранять нелепое желание сопротивляться. Универсалисты схватились между собой и гибли во множестве.

Когда машина Феррика углубилась в парк, она была внезапно атакована примерно двумя десятками универсалистов, вооруженных дубинками и длинными ножами. На лицах застыла жажда крови и готовность жертвовать собой. Несомненно, эти чувства подогревал в них находящийся неподалеку доминатор. Половина нападавших легла под яростным автоматным огнем Ремлера и Беста. Еще пятерых Феррик уложил одним взмахом Стального Командира. Тут его взгляд упал на серое невзрачное существо с глазами, горящими мрачным огнем, притаившееся за спинами атакующих.

Феррик перегнулся через край кабины и дотянулся металлическим кулаком Стального Командира до черепа трусливого и коварного доминатора. Взметнулся фонтан серых мозгов. Атакующие машину универсалисты, которые минуту назад жаждали крови и лезли на автоматы, пустились наутек кто куда, визжа от ужаса.

Увидев это, люди из Светозарной Свастики сосредоточили свое внимание на доминаторах, которые паслись за спинами атакующих. В присутствии доминаторов универсалисты бились со звериной яростью; как только властелин воли погибал, они утрачивали всякую волю к сопротивлению и пускались в беспорядочное бегство. Оставшиеся в живых доминаторы прикладывали титанические усилия, чтобы с помощью ауры власти сохранять хоть какое-то подобие боевого строя среди универсалистов.

Прошло совсем немного времени, и все это разношерстное воинство потеряло всякую надежду на победу. Даже доминаторы не помышляли ни о чем другом, кроме как о бегстве.

Сброд бежал, охваченный паникой. Толпа универсалистов вырвалась из парка и кинулась вдоль Помойной улицы, что

ограничивала парк с севера. Несчастные недоумки! Они думали уйти. Рыцари и воины СС преследовали их по пятам, на ходу убивая этот людской скот.

И впереди неслась флагманская машина Феррика. Автоматы Ремлера и Беста косили чернь. Благородное оружие Феррика поднималось и опускалось, каждый раз обрывая по несколько бесполезных жизней, с каждым ударом делая мир чище. В этот момент бегущее человеческое стадо столкнулось с Рыцарями Штепке. Универсалисты оказались между молотом и наковальней. Машина Феррика, а вслед за ней эсэсовцы и Рыцари-пехотинцы врезались сзади в ряды остановленного врага, громоздя горы окровавленных и изувеченных трупов.

Разрозненные отряды врагов разбегались во всех направлениях. Тех, кому посчастливилось выбраться из Дубового парка, не преследовали. Но вся универсалистская сволочь в пределах четырех улиц, ограничивающих парк, рассекалась на все меньшие и меньшие группы и беспощадно истреблялась.

К тому моменту как универсалисты усеяли своими телами весь Дубовый парк и его окрестности и последний из них лег под ударом стальной булавы, у Феррика еще оставалось в запасе несколько минут телевизионного времени, отведенного сегодня на его предвыборную агитацию. Поэтому Феррик направил свой черный газомобиль в самый центр Дубового парка, где и приказал водителю остановиться. Вокруг образовали почетное кольцо моторциклисты из Светозарной Свастики. Двигатели их машин ревели, черные кожанки покрывала кровь врагов и пыль битвы. Перед этими доблестными воителями в напряженном внимании замерли пять сотен эсэсовских пехотинцев. Непосредственно за этой элитной гвардией неподвижно застыли на своих стальных конях ряды моторизованных Рыцарей, а за их спинами плечом к плечу несокрушимой фалангой высились могучие богатыри — тысячи пеших Рыцарей Свастики в коричневых кожанках, потемневших от крови врага.

Поле брани вокруг этой доблестной армии было усеяно доказательствами ее боеспособности, непреклонного фанатизма и величавой победоносности. Повсюду, куда ни падал взор, лежали тела универсалистов и доминаторов. Лежали отдельно, по двое, по трое; местами громоздились кровавые кучи. За парком полыхало пламя, пожиравшее последние остатки гнусных трущоб Борбурга.

Феррик, стоя в открытой кабине своего газомобиля, взял микрофон. Он обращался к своим победоносным войскам. Голос командира огласил окрестности эхом:

— Хелдонцы! Други мои! Я приветствую вас! Память об этой великой и славной победе, добытой нами сегодня, вечно будет жить в сердцах истинных людей во всем мире. Хайль Хелдон! Хайль беспримесный человеческий генотип! Хайль тотальная победа Свастики!

Раздавшийся в ответ рев тысяч и тысяч голосов «Хайль Яггер!» заставил весь Хелдон содрогнуться до самого своего основания. «Хайль Яггер!» — выкрикивали люди снова и снова, и никакая сила не могла их остановить. И каждый выкрик сопровождался щелканьем сдвигаемых каблучков тысяч и тысяч сапог. И тысячи рук взлетали к небесам в партийном салюте. Когда буря неистовых оваций пошла наконец на убыль, последний предвыборный митинг завершился массовым исполнением нового партийного гимна — «Свастика навсегда», сочиненного Ферриком специально для этого случая. Нечто бесконечно величественное было в музыке и словах гимна, исполняемого победителями после кровавого сражения.

Сокрушительный успех на предвыборном митинге в Дубовом парке превратил оставшиеся три дня предвыборной кампании в сплошное победоносное шествие Сынов Свастики. Никто не сомневался, что Феррик Яггер будет избран в Верховный Совет. Ведь за него голосовал весь хелдонский народ.

Глава 9

Когда газомобили членов Верховного Совета появились на подъездной дорожке, ведущей к парадному входу Дворца Советов, все в мире замерло в предвкушении воистину исторического момента. Первое заседание вновь избранного состава Верховного Совета всегда было событием первостепенной важности. Но эта первая встреча обещала стать особенной — ведь речь шла о первом столкновении деградировавшего старого порядка и героя нарождающейся новой эры, Феррика Яггера. Так что без преувеличения можно было утверждать, что хелдонский народ в ожидании затаил свое расовое дыхание.

Дворец отлично подходил для столь драматического действия. Стены внушительного черномраморного здания украшали четыре героических бронзовых барельефа. Здесь были запечатлены величайшие битвы хелдонской истории. Парадный подъезд выходил на Хелдонский бульвар и отделялся от него широкой, ухоженной лужайкой. Длинная аллея в грациозном изгибе спускалась с пологого, покрытого газоном холма позади

здания, подходила к парадному подъезду, украшенному портиком, а затем, столь же изящно изогнувшись, выводила на Хелдонский бульвар, где на тротуарах уже собралась большая толпа. Армейское оцепление в серой форме правительственных войск и сверкающих стальных касках сдерживало натиск толпы, не позволяя ей топтать дворцовые газоны.

Заурядного вида газомобили членов Совета один за другим прибывали к парадному подъезду, в сопровождении эскорта армейских моторциклистов. Столь же заурядная внешность была у политиков, которые вылезали из автомобилей и скрывались за дверью. Наконец все были в сборе. Недоставало одного Феррика. Драматическое напряжение в толпе, собравшейся на бульваре, близилось к кульминации. Все ждали Феррика.

Наконец вдали послышался рев лавины моторциклов, несущихся по бульвару к Дворцу Советов, а еще мгновение спустя появилась сверкающая черным лаком машина Феррика, сопровождаемая отделением эсэсовских моторциклистов, в неотразимых черных кожанках и красных плащах. Первые два моторциклиста держали в руках два громадных партийных флага. Сам Феррик стоял в открытой кабине, выпрямившись во весь свой могучий рост. Левая рука его покоилась на спинке переднего сиденья. Сочетание алого и черного цветов и сверкающего на солнце металла ослепляло, производя неотразимое впечатление.

Когда процессия свернула по бульвару и поехала по аллее, приветливый хельдхаймский народ на тротуарах разразился неистовыми воплями: «Хайль Яггер!», и тысячи рук дружно взметнулись в партийном салюте. Это продолжалось до тех пор, пока ферриковская машина не остановилась у парадного подъезда. Со своей стороны, Феррик также не переставал приветствовать славных горожан, ко всеобщему ликованию, не опуская руки, воздетой в салюте.

Эсэсовский эскорт проворно соскочил со своих моторциклов, как только Феррик вышел из машины и ступил на землю. Шестеро бравых парней из СС замерло по стойке «смирно» к вящему неудовольствию ошивавшихся у подъезда армейских функционеров. Двое знаменосцев шли впереди Феррика, когда он начал подниматься по ступенькам; еще двое следовали сзади. Уже перед дверями Феррик резко остановился, развернулся, щелкнул каблучками и осчастливил толпу еще одним партийным салютом. Под восторженные вопли «Хайль Яггер!» Феррик в сопровождении эсэсовского эскорта вступил во Дворец Советов.

Феррик прошагал по длинному беломраморному вестибюлю, наступая на плитки красного, белого и черного цветов, уверен-

но направляясь к массивным полукруглым дверям мореного дуба, обильно украшенным бронзой. По обе стороны стояли двое солдат правительственной армии. Феррик шел, чеканя шаг. Подкованные сталью сапоги эсэсовского эскорта звонко процокали по мрамору в завораживающем воинственном ритме. Наконец процессия приблизилась к почетному караулу. Знаменосцы, выступавшие перед Ферриком, замерли, развернулись лицом к своему вождю и с силой ударили древками флагов о выложенный плитками пол. Затем отточенным движением выбросили руки в партийном салюте и от всей души пролаяли: «Хайль Яггер!» После чего Феррик на миг застыл, не сводя глаз с солдат правительственной армии. Тех раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, естественным было их страстное желание отдать Феррику партийный салют; с другой же — этому препятствовала армейская дисциплина. В конце концов они выразили свое уважение тем, что широко распахнули створки дверей, и Феррик в сопровождении знаменосцев и эсэсовцев почетной охраны вступил в Зал Заседаний.

Зал Заседаний представлял собой небольшую ротонду, в центре которой помещался большой круглый стол блестящего черного дерева, инкрустированный белыми и красными пластинами. Девять кресел, выполненных в том же стиле, находились на равном расстоянии друг от друга вокруг стола. Восемь из них уже были заняты людишками исключительно мерзкой наружности. Когда Феррик в сопровождении своих людей показался в дверях, эти создания повели себя подобно клопам, на которых неожиданно упал яркий свет. Они сразу закопошились в креслах, всем своим видом выказывая недостойный мужчины испуг. В окружении почетной охраны Феррик приблизился к пустующему креслу и сел. Четверо сопровождающих его эсэсовцев вытянулись за его креслом, шелкнули каблуками, отдали партийный салют и слаженно проревели: «Хайль Яггер!»

— Сейчас же уберите ваших головорезов из Зала Заседаний! — взвизгнул старый ревматический склеротик, в котором Феррик узнал Ларуса Крулля, престарелого лидера прогрессистов.

— Отнюдь, — усмехнулся Феррик. — В скором времени эти расово безупречные парни из Светозарной Свастики вышвырнут ваши ни на что не годные тушки из этого здания.

— Этот зал не помнит такого случая, чтобы члена Совета сопровождала личная охрана, Истинный Яггер, — плаксивым голоском промямлил совершенно нелепейший субъект, облаченный в ярко-голубое с золотом. Это был Россбак, один из трех традиционалистов, полнейший кретин.

— Ну так мы наверстаем упущенное, — сухо отозвался Феррик.

— Я требую, чтобы вы тотчас же убрали отсюда ваших людей! — выкрикнул похожий на жабу Гильдер, известный под псевдом Крулля.

— Мы должны поставить вопрос на голосование; — сказал универсалист Лорст Гельбарт. Это было совершенно отталкивающее, омерзительное скопление протоплазмы, но когда мерзопакостная тварь открывала свою поганую пасть, чтобы сотрясти воздух, остальные дегенераты мгновенно прекращали свою болтовню и копошение, благоговейно внимая его словам. Неудивительно, что Феррик, с его чувствительностью и богатым опытом, тотчас же раскусил этого Гельбарта. Жесткие курчавые черные волосы, безвкусная голубая одежда и черные, горящие мрачным огнем глаза не оставляли никакого сомнения. Доминатор! Характерная для доминатора психовонь прямо-таки шибала в нос, расплываясь волнами от его усеянной бородавками немытой кожи. Если гнусная тварь еще не запутала окончательно Верховный Совет в дьявольской паутине ауры власти, это было только делом времени.

Так что бессмысленно было терять время на препирательства.

— Я пришел сюда не для того, чтобы просиживать здесь задницу и торговаться над пунктами протокола, — проговорил Феррик, одарив по очереди всех присутствующих неприязненным взглядом. Когда глаза Феррика встретились с глазами Гельбарта, казалось, на мгновение возникло странное согласие: Феррик понимал, кто перед ним, а Гельбарт осознал, что его раскусили. Однако доминатор был достаточно осторожен и не предпринял попытки подчинить Феррика.

— Я собираюсь представить базовую программу Сынов Свастики и потребовать ее полного и немедленного одобрения, — продолжал Феррик. — На меньшее расовая воля не согласится.

Произошло то, чего и следовало ожидать. Челюсти этих старых мешков с дерьмом отвалились при столь прямом и откровенном заявлении. Народные избранники забулькали и начали хватать ртами воздух, будто выброшенные на берег рыбы. Гельбарт же, в силу своей нечеловеческой природы, сохранял полнейшее хладнокровие. На его отвратительной роже не отразилось ни одной эмоции.

Не обращая внимания на бессильные, молчаливые протесты, Феррик одно за другим огласил основные требования Партии:

— Первое. Кармакский пакт пересматривается, и все недочеловеки и мутанты навеки изгоняются со священной хелдонской земли. Второе. Законы по охране расовой чистоты вос-

становливаются во всей своей первоначальной суровости. Преступное пренебрежение этими законами привело к тому, что генофонд нации оказался заражен мутированными генами. Вследствие чего возникла необходимость создать на всей территории страны классификационные лагеря, куда надлежит переместить всех хелдонцев, чистота и беспримесность гено-типа которых вызывает сомнения. Лица, подлежащие перемещению, должны содержаться в этих лагерях до тех пор, пока их родословные и их генотип не пройдут всесторонней проверки. Тем лицам, чьи гены будут признаны зараженными, предоставить право выбора: изгнание или стерилизация.

Феррик в упор, но чрезвычайно спокойно посмотрел на Гельбарта, никак не проявляя обуревавших его чувств. Однако он ощущал, что доминатор прекрасно понимает: Феррик видит за его личиной истинное лицо.

— Все выявленные доминаторы, — продолжал Феррик, — естественно, должны уничтожаться на месте. Третье. Численность армии должна быть срочно увеличена в три раза с тем, чтобы мы могли в любой момент дать эффективный отпор ордам мутантов. И, наконец, последнее. Для того чтобы новая национальная политика проводилась в жизнь со всей надлежащей суровостью и решительностью, Верховный Совет должен проголосовать за приостановление действия Конституции и предоставление мне чрезвычайных полномочий.

— Этот человек безумен! — провизжал старый сморчок Пилльбарм, представитель традиционалистов, иссохшая кочерыжка, не утратившая, однако, способности издавать членораздельные звуки.

Услышав это, Феррик вскочил, выхватив из-за пояса Стального Командира. Его внушительная фигура была воплощением праведного гнева и священной ярости.

— Эй, вы! Кто-нибудь из вас осмелится отрицать факт заражения национального генофонда мутантами и ублюдками? Или вы не согласны с тем, что доминаторская пакость трется бок о бок с вами? А, может быть, у вас хватит смелости выйти к хелдонскому народу и заявить во всеуслышание, что ваша политическая импотенция полезнее для нации, нежели политика силы и железной решимости?

На страстную тираду Феррика ответа не последовало — верный признак того, что Гельбарт надежно контролировал это сборище престарелых имбецилов. Словно по команде, старые недоноски повернулись и разинули пасти, предоставляя право ответа своему хозяину-доминатору.

— Вся эта говорильня о генетической чистоте уже незлободневна, Яггер, — заквакал Гельбарт. По его губам зазмеилась жесткая усмешка. — Напротив, в настоящее время многие граждане Хелдона просят нас увеличить иммиграционные квоты для мутантов. Появляется все больше грязной работы, недостойной носителей высшей цивилизации. Однако вы совершенно правы. Подобная политика чревата опасностью заражения генофонда. Поэтому в Верховной Республике скоро придут к мнению, что куда лучшим выходом из создавшегося положения станет искусственное выведение безмозглых существ, своего рода протоплазменных роботов, вроде тех, что уже существуют в Зинде.

Феррик пропустил слова Гельбарта мимо ушей. Не имело смысла препираться с доминатором. Еще более гиблым делом было обращаться к его жертвам, пытаясь напомнить о расовом долге. Единственное, что можно было предпринять перед лицом заразы, въевшейся в самое сердце Хелдона, — это решительное применение силы.

Феррик внушительно покачал Стальным Командиром, наставляя по очереди на каждого из членов Совета массивный набалдашник-кулак. Все, кроме Гельбарта, который был попросту неспособен к нормальным человеческим реакциям, съезжились в креслах.

— Я выполнил свой долг истинного человека и предупредил вас, предоставив вам возможность уйти самим, чтобы избежать каленой метлы расовой воли; — спокойно и с расстановкой заговорил Феррик. — Если вы немедленно не проголосуете за принятие программы Партии, вы тем самым открыто заявите о моральном банкротстве правительства Верховной Республики. Последствия испытаете на собственных головах.

Лишь у Гельбарта хватило опрометчивости, чтобы воинственно квакнуть на это официальное предупреждение:

— Вы осмеливаетесь угрожать Верховному Совету Верховной Республики, Яггер? Даже члена Совета можно арестовать, если он заподозрен в измене.

Абсурдность ситуации, в которой доминатор обвинял истинного человека в предательстве интересов Хелдона, заставила Феррика разразиться смехом, несмотря на душивший его праведный гнев.

— Хотелось бы посмотреть, как ваше почтенное собрание окаменевших экскрементов попыбует арестовать за измену Рыцаря Свастики и ребят из СС! — заржал Феррик. — Скорее уж это мы будем любоваться, как кое-кого вздернут за измену!

И с этими пресщальными словами Феррик резко развернулся на каблуках и вышел из Зала Заседаний.

Сразу после своих выборов в Верховный Совет Феррик считал необходимым перевести главную штаб-квартиру Партии сюда, в столицу, в большой особняк, расположенный почти в центре Хельдхайма. Особняк располагался примерно на одинаковом расстоянии от Дворца Советов, от Звездного Форты, генерального штаба Звездоносной Армии и от казарм столичного гарнизона. Раньше этот роскошный особняк принадлежал одному промышленнику, которого Сыны Свастики убедили уступить помещение за чисто символическую сумму. После того как прежний владелец освободил особняк, внутри была тотчас же проведена перепланировка. Теперь здесь были отдельные апартаменты для Феррика, Богеля, Ваффинга, Ремлера и Беста, а также спальные помещения для низших партийных функционеров, приемные кабинеты и залы для заседаний. На громадном газоне перед фасадом особняка был разбит палаточный городок для двух тысяч эсэсовцев, под защитой высокой каменной стены, которой был обнесен весь особняк. Дворовые постройки и флигеля стали гаражами для партийных газомобилей и моторциклов эсэсовской гвардии. Поскольку имевшихся строений оказалось недостаточно, на территории особняка в срочном порядке были выстроены новые. По всему периметру стены через каждые пятьдесят ярдов были установлены пулеметные гнезда, так что все пространство, непосредственно примыкающее к особняку, хорошо простреливалось. В дополнение к вышеперечисленному, на территории особняка были установлены пять тщательно замаскированных гаубиц. Отныне штаб-квартира Партии являла собой цитадель, способную сдержать атаку столичного гарнизона в течение длительного времени, не получая подкрепления со стороны.

Кстати, о подкреплении. Оно находилось всегда под рукой, готовое выступить в любой момент. Пять тысяч рыцарей Свастики под командованием Стяга Штепке разбили лагерь на окраинах Хельдхайма. В случае необходимости brave ребята Стяга Штепке на своих стальных конях покрыли бы расстояние, отделявшее их лагерь от штаб-квартиры Партии, меньше чем за пятнадцать минут. По первому слову Феррика эти штурмовые отряды были готовы прийти на выручку осажденной штаб-квартире.

Через три недели после своего избрания Феррик собрал в своей гостиной совещание. Требовалось утвердить план окончательной нейтрализации Совета, подпавшего под доминаторское влияние. Помещение, в котором проходило совещание, поражало воображение своими грандиозными размерами. В от-

делке преобладал голубой цвет, повсюду лежали богатые ковры, сверкали бронзовые украшения. Феррику особенно пришлось по душе огромный балкон, с которого ночью открывался изумительный вид на Хельдхайм — огромный ковер мерцающих огней под величественным звездным сводом. Феррик, Богель, Ваффинг и Бест сидели в мягких, обитых плюшем креслах вокруг круглого стола из розоватого дерева. Стол был уставлен большими деревянными кружками с элем. Все ждали Ремлера, который, против обыкновения, почему-то запаздывал.

— Как я понимаю, — нарушил тишину Богель, — наша задача — взять бразды правления, не нарушая видимости законности, так, чтобы у армии не возникало вопросов о правомочности приказов. Весь вопрос в том, согласится ли командование Звездоносной признать Феррика в качестве абсолютного властителя Хелдона, если это назначение подкрепит соответствующие декреты Верховного Совета.

Вопрос был адресован Лару Ваффингу, который сделал основательный глоток эля, обдумывая ответ. Одним духом осушив кружку, он поставил ее на стол и снова наполнил из небольшого деревянного бочонка, стоявшего тут же, на столе. Только после этого Ваффинг заговорил.

— Ясное дело, Звездоносная Армия была бы только рада видеть Свастику у власти в Хелдоне. Никакое иное правительство не в состоянии предоставить бравым солдатам работу, по которой они стосковались. — Ваффинг отхлебнул эля. — Однако армейские генералы присягали в верности законному правительству. С ними дело не выгорит. Любые попытки форсировать развитие событий, скорее всего, приведут к гражданской войне.

Феррик был не на шутку обеспокоен ситуацией. Гельбарт обнародовал постановление Верховного Совета, где в ультимативной форме требовал немедленного разоружения отрядов СС и расформирования рыцарского корпуса. В обстановке и без того накаленной донельзя, действия Гельбарта были равноценны подливанию масла в огонь. Следовало нанести упреждающий удар по правительству, прежде чем в дело будет вовлечена Звездоносная Армия. В противном случае у Партии останется два выхода: открытая капитуляция или развязывание гражданской войны. Но и в случае нанесения упреждающего удара Партия неминуемо вступит в конфронтацию со Звездоносной Армией.

— И еще, — продолжал Ваффинг, — в штабе Армии все большее беспокойство вызывают Рыцари и их вожак Стяг Штепке. Особенно настораживает армейскую разведку вот что: власть Штепке основана на неформальных отношениях с его молод-

чиками; все без исключения лейтенанты в его отряде — бывшие Мстители, привыкшие подчиняться лишь...

Внезапно послышались торопливые шаги — и в дверях показался Борс Ремлер. Вид у него был крайне взволнованный, голубые глаза лихорадочно блестели.

— Что стряслось? Мы тебя ждем уже битый...

— Мой Командир, — выдохнул Ремлер, плюхнувшись в кресло по левую руку от Феррика, — я вынужден доложить о заговоре, направленном против тебя лично и против Партии. В заговоре участвует Стяг Штепке, действующий заодно с Верховным Советом!

— *Что?*

Тут командующего СС будто прорвало. Ремлер прямо-таки захлебывался словами.

— В целях предосторожности я внедрил тайных агентов СС на всех уровнях командной иерархии рыцарского корпуса. И вот — только что я получил донесение чрезвычайной важности. Штепке встретился с людьми Гельбарта, которые, не исключая, могут оказаться и зиндскими шпионами. В общем, план действий у них следующий. В ночь, когда истекает срок действия ультиматума Верховного Совета, отряд Рыцарей, одетый в форму, установленного тобой, мой Командир, образца, должен будет перебить высший командный состав Звездоносной Армии. В результате провокации армия окажется втянутой в гражданскую войну с Партией. Судя по всему, Гельбарт обещал Штепке пост верховного главнокомандующего, после того как с нами будет покончено. Или же Зинд через своих шпионов пообещал Штепке поставить его наместником над Хелдоном, после того как гражданская война обескровит страну и сделает ее легкой добычей для алчных и жестоких зиндских орд. Нетрудно догадаться, что Штепке не видать обещанного, как своих ушей, — Зинд позаботится о том, чтобы своевременно избавиться от предателя с помощью своей агентуры. Нужно быть таким чурбаном, как Стяг Штепке, чтобы не понять их игры.

Когда Ремлер закончил, все как-то разом горестно вздохнули. Глубокая скорбь овладела Ферриком. Рассказ Ремлера потряс его до глубины души.

— А я так ему верил! — воскликнул Феррик. — Не было человека более преданного мне и нашему общему делу!

— Я могу предоставить сколько угодно доказательств, о мой Командир! — вскричал Ремлер.

— Нет-нет, друг мой, я ни на минуту не усомнился в твоих словах, — поспешил успокоить его Феррик. — Однако, правду

сказать, я несказанно удивлен и глубоко обеспокоен таким поворотом событий. Вне всяких сомнений, Штепке должен быть наказан, и наказан примерно, но лично я рассматриваю это, увы, лишь как печальную необходимость. Я посчитаюсь с ним, но знайте — мне это не доставит никакого удовольствия.

Да, душа Феррика скорбела при мысли о том, что Судьбе было угодно сделать Штепке предателем, а его, Феррика, — дланью наказующей. Но предатель Штепке будет наказан. Штепке предал Свастiku, предал святое дело защиты расовой чистоты. Именно такие, как Штепке, стоят на пути к окончательной и полной победе, именно такие, как он, заслоняют от людей светлое будущее. Долг перед нацией выше личных симпатий. Возмездие настигнет предателя. Кроме того, если подумать, из всей этой истории со Штепке можно извлечь практическую пользу.

Феррик обратился к Лару Ваффингу:

— Если предположить, что Рыцари перестанут быть бельмом на глазу у генштаба, согласится ли командование Звездоносной Армии признать меня в качестве лица, наделенного абсолютной властью в Хелдоне, при условии, что чрезвычайные полномочия, переданные мне, будут подтверждены законным правительством, действующим на основании Конституции?

— На таких-то условиях? Несомненно, да, мой Командир,

— А как ты думаешь все это повернуть? — спросил Богель. — Ведь для старых болванов согласиться на такое — все равно что добровольно променять место во Дворце на место в выгребной яме.

— Мой дорогой Богель, — отвечал Феррик. — Ты чертовски точно описал то, что их ждет на этой неделе. Через пять дней вся власть в Хелдоне перейдет к Свастике!

— Пью за это! — воскликнул Ваффинг.

— Тебе, Ваффинг, лишь бы нашелся повод выпить! — огрызнулся Богель.

На замечание Богеля все присутствующие от души расхохотались. И больше всех смеялся сам Ваффинг.

Когда солнце скрылось за высотными зданиями Хельдхайма и по улицам протянулись длинные черные тени, когда лучи заката окрасили каменную ограду особняка в пламенно-оранжевый цвет, из главных ворот начали выезжать ничем не примечательные газомобили, в закрытых пассажирских кабинах которых сидело по шесть эсэсовцев в черных кожанках. Во-

оружены они были булавами и автоматами. Один за другим, с пятиминутным интервалом, газомобили выезжали из ворот и вскоре растворялись в вечерних сумерках. За восьмым автомобилем ворота закрылись.

А через два часа, когда на город уже пала ночь, из ворот особняка выехал еще один ничем не примечательный газомобиль. Через пять минут за ним последовали сорок моторциклистов СС на черных машинах.

Тихо было и возле Дворца Советов. В этот поздний час лишь несколько дюжин солдат символической почетной стражи несли охрану Дворца. Двое стояли у ворот, там, где аллея выходила на Хелдонский бульвар; еще четверо охраняли вход во Дворец. Остальные шестеро патрулировали вдоль стены, окружавшей Дворец: каждый из часовых охранял отдельный участок периметра. Хотя ни одному из них и в голову не приходило, что кто-то может попытаться проникнуть во Дворец в такое время. С точки зрения охранников, не было во Дворце Советов ничего и ничего, что могло бы привлечь внимание грабителей. К тому же сами солдаты, охранявшие Дворец, были далеко не первой молодости — служилые воины, у которых не за горами маячила демобилизация.

Так что силам СС не составило труда обезоружить эту смехотворную охрану. Четверо эсэсовцев в гражданской одежде подъехали на ничем не примечательном газомобиле к воротам и потребовали их пропустить, ссылаясь на распоряжение члена Верховного Совета Крулля привезти ему на дом для работы кое-какие книги и бумаги, находящиеся во Дворце. Когда один из охранников подошел и сунул голову в кабину газомобиля, то уткнулся носом в дуло автомата. После этого ребята из СС быстро и легко уговорили его позвать напарника, якобы для проверки подлинности документов. Пока двое воинов связывали охранников и укладывали их в багажник газомобиля, третий эсэсовец открыл ворота.

После чего всякая конспирация потеряла смысл. Был дан сигнал, и тотчас же неподалеку взревели моторциклы. И прежде чем ошеломленные солдаты успели почесаться, сорок черных эсэсовских моторциклов очутились у входа во Дворец. Четверым охранникам удалось лишь передернуть затворы, прежде чем стальные булавы повергли их наземь. После этого оказалось и вовсе пустячным делом обезвредить шестерых оставшихся часовых. Оцепеневшие от страха, они безропотно сдались в

плен и, связанные, были отведены в одно из подвальных помещений, где их уже дожидались «боевые» товарищи.

Информация о захвате Дворца была немедленно передана по электрофону в штаб-квартиру Партии, откуда тотчас же выехало подкрепление. Через пятнадцать минут Дворец находился под охраной трехсот отборных эсэсовских штурмовиков, а по всему периметру ограды, через каждые двадцать ярдов, были установлены станковые пулеметы. В дополнение к принятым мерам, находящиеся на территории штаб-квартиры гаубицы были наведены на Звездный Форт. При любой попытке армии отбить Дворец Советов, военным пришлось бы дорого заплатить за это. Лар Ваффинг связался со Звездным Фортом и вкратце обрисовал штабистам их положение.

Через полчаса после захвата Дворца Советов к нему начали подъезжать газомобили, в каждом из которых находилось по одному высокопоставленному пленнику. Только когда все до единого члены Верховного Совета были доставлены во Дворец, а в штаб-квартиру поступил рапорт об успешном завершении этой части операции — только тогда Феррик в сопровождении моторизованного эскорта СС выехал во Дворец.

На сей раз при входе в Зал Заседаний Феррик ощутил глубокое удовлетворение от отрадного зрелища, представшего глазам. Все восемь членов Верховного Совета, связанные, скукожились в креслах. Над каждым из них возвышалось по два эсэсовца: высоких, светловолосых, голубоглазых, пышущих здоровьем и чистопородностью, с автоматами на изготовку. Еще двадцать молодцев из СС в черных кожанках стояли вдоль стен по всему периметру зала. Из-за дверей доносился грохот подкованных сталью сапог по мраморному полу. Не оставалось ни малейших сомнений в том, *за кем* здесь власть.

Когда Феррик приблизился к пленникам, за его спиной, плечом к плечу, встали Бест, Богель и Ремлер с автоматами в руках. На круглом столе Зала Заседаний уже виднелись два флажка: один побольше — с партийной символикой, другой поменьше — со сдвоенными молниями СС.

Только окончательно выживший из ума Круль, в своей маразматической воинственности, завопил пронзительным фальцетом, едва лишь Феррик подошел к столу:

— Что за непотребная выходка, Яггер? Это, черт вас подери, мятеж! Да как вы смеете...

И прежде чем старый дегенерат успел сотрясти воздух новой порцией бреда, стоявший поблизости него парень из СС наотмашь хлестнул его по губам тыльной стороной руки, отчего старый разбойник сразу стушевался и принялся пускать кровавые пузыри.

Феррик легким кивком поблагодарил славного юного фанатика за оказанную услугу; пусть парнишка знает, что его инициатива не осталась незамеченной; Партии нужны молодые герои.

Феррик повернулся к коллекции человеческой рухляди.

— Я хочу проинформировать вас в отношении причин вашего ареста, — сказал он.

— *Арест!* — взвизгнул Гильдер. — Скажите лучше — киднеппинг!

Удар прикладом по голове выключил старую сволочь, поэтому Феррик мог беспрепятственно продолжать:

— Вы обвиняетесь в государственной измене. Среди вас находится доминатор. Вы попали в его сети. Подобная безответственность и омерзительная трусость перед лицом врага являются достаточным основанием для смертного приговора.

На лицах арестованных отразилась крайняя степень ужаса. Однако мало-помалу их взоры начали обращаться к Гельбарту. Тот с полнейшим безразличием уставил взгляд куда-то вдаль; Феррик ощущал, как доминатор напрягает всю волю, пытаясь удержать своих жалких рабов в повиновении. Усилия доминатора возымели действие. Мало-помалу арестованные начали поднимать головы и в конце концов даже набрались смелости заговорить:

— Какая чушь!

— Где доказательства?

— Доминатор в Верховном Совете! Большой глупости вы не могли придумать?

Как только у депутатов прорезался голос, Феррик поднял руку в предупреждающем жесте, останавливая эсэсовских охранников, уже собравшихся заткнуть прикладами маразматикам глотки. Кивнув в сторону Гильдера, который все еще не пришел в себя, Феррик приказал привести его в чувство, чтобы члены Верховного Совета в полном составе могли оценить ситуацию. Приказание было выполнено.

— Хорошо, — заявил Феррик. — Я предоставляю вам возможность доказать, что вы свободны от власти доминатора. Итак, вы передаете мне чрезвычайные полномочия, после чего немедленно подаете в отставку. В таком случае моим первым прика-

зом на посту верховного главнокомандующего Территории Хелдон станет распоряжение о замене высшей меры наказания, которую вы заслужили, вечной ссылкой. У вас есть шестьдесят секунд для обдумывания ответа.

Визг, вой и хныканье — весь гвалт, поднятый старыми дегенератами, не давал повода усомниться в их решении.

— Это мятеж!

— Требуем суда!

— Не имеете права!

Ясное дело, столь ничтожные людишки не смогли бы вести себя столь вызывающе перед лицом надвигающейся гибели, если бы не пагубное воздействие доминатора Гельбарта.

Теперь омерзительная тварь смотрела на Феррика с нескрываемой ненавистью. Черные глаза доминатора горели холодной яростью.

— Ничего ты не добьешься, Яггер! — прошипел доминатор. — Как только армия узнает о твоём самоуправстве, ты будешь уничтожен.

Остальные члены Верховного Совета заметно приободрились. Видно было, что слова Гельбарта, подкрепленные к тому же психической энергией доминатора, лились им бальзамом на душу.

— Я вижу, что настало время очистить здесь воздух раз и навсегда, — заметил Феррик, вытаскивая Стального Командира и вздымая сверкающее оружие над головой. Он шагнул вперед, и набалдашник Стального Командира с сокрушительной силой обрушился на макушку Гельбарта, разнося череп доминатора на части.

Как только психоэнергетическое влияние доминатора было исчерпано, семеро оставшихся членов Совета тотчас же перестали строить иллюзии насчет собственного положения. Волны животного ужаса исходили от них, подобно миазмам вонючего болота.

— Я голосую за то, чтобы передать члену Верховного Совета Яггеру чрезвычайные полномочия, — торопливо пробормотал Россбак.

— И я, — пискнул Круль.

Остальные члены Совета поспешили присоединиться к Россбаку и Крулю, перебивая друг друга в неистовом стремлении выслужиться.

— Дай сюда бумаги, Бест, — приказал Феррик. — И развяжи руки этим ублюдкам.

В то время как Бест вынимал из широкого нагрудного кармана пачку документов, эсэсовцы развязали арестованных. Фер-

рик положил перед каждым копию резолюции, которую требовалось подписать. Когда все члены Верховного Совета расписались, он как бывший член добавил в каждый из экземпляров свою подпись. В противном случае резолюция Верховного Совета не имела бы законной силы.

— А теперь заявление с просьбой об отставке, — распорядился Феррик.

У Беста были припасены и такие документы — они тотчас же легли на стол перед депутатами. Когда некоторые из этих свиней начали читать положенные перед ними бумаги, Феррик взревел:

— А ну, живо подписывайте!

Арестованные поспешили подчиниться.

Как только Бест собрал все документы, Феррик повернулся к Богелю:

— Новый Верховный Совет теперь состоит из нынешних членов Круга Свастики. До утверждения новой Конституции, призванной раз и навсегда покончить с республиканскими формами правления, я буду править Хелдоном на основании чрезвычайных полномочий согласно последней резолюции Верховного Совета. Приготовь заявление для утренних теленовостей.

Богель радостно осклабился, отдал салют, бодро выкрикнул «Хайль Яггер!» и покинул Зал Заседаний.

Теперь Феррик снова повернулся к трусливым тварям, замершим в креслах членов Верховного Совета. Они подписали резолюцию. Официальное признание в государственной измене состоялось. Больше в этих жалких червях никакой нужды не было. Мир, несомненно, станет чище, если избавить его от этих семи помойных ведер!

— Ремлер, вытащи отсюда эту мразь и пристрели! — приказал Феррик. Ни один приказ из отданных им доселе не исполнялся с такой радостью и с таким патриотическим рвением.

Феррик ожидал фельдмаршала Хеермарка Формана в небольшом кабинете на верхнем этаже Дворца Советов. Расчет был сделан на то, что, пока представитель штаба Звездоносной Армии поднимется сюда, он успеет получить достаточно впечатлений о степени охраняемости здания. Кроме того, волей-неволей ему придется одолеть несколько лестничных пролетов.

Фельдмаршал, которого Ваффинг ввел в кабинет, оказался человеком представительного вида — пожилым, лет семидесяти. Хеермарк Форман являл собой прекрасный пример того, как

истинный человек с беспримесным генотипом может сохранять силу и бодрость после того, как его лучшие годы остались позади. Будучи старше Ваффинга, фельдмаршал казался на добрых сорок фунтов легче его. В серой армейской форме, с медалями и золотыми погонами, Хеермарк Форман выглядел даже внушительнее Ваффинга, на котором была элегантная черная форма высшего партийного чина. Седые баки и стального цвета глаза лишь прибавляли ему внушительности. Перед Ферриком стоял человек, умевший и командовать и подчиняться. Сейчас Форман тяжело дышал, только что одолев крутую парадную лестницу, и, не скрывая удовольствия, опустился на простой деревянный стул — другой мебели в кабинете не оказалось. Тяжелое дыхание и обильный пот, струившийся по лицу Ваффинга, свидетельствовали о том, что ему подъем дался куда тяжелее, чем фельдмаршалу.

— Надеюсь, главнокомандующий Ваффинг уже обрисовал вам ситуацию, — начал Феррик.

Форман холодно посмотрел на него.

— Мне было объяснено, что ваши люди заняли Дворец Советов с целью нейтрализации универсалистского заговора, в котором были замешаны и члены Верховного Совета, — осторожно сказал фельдмаршал.

— События развернулись стремительно, — сказал Феррик. — Мы уже избавились от унижительной кабалы. Гельбарт оказался доминатором, а все члены Верховного Совета, кроме меня естественно, находились под воздействием его ауры власти. План Гельбарта заключался в том, чтобы вынудить Верховный Совет проголосовать за разоружение СС и Рыцарей Свастики. С прискорбием вынужден сообщить, что командующий Рыцарями Стяг Штепке тоже замешан в заговоре. Его людям поручалось поголовное истребление высшего армейского командного состава Звездоносной, чтобы развязать кровопролитную гражданскую войну между Сынами Свастики и солдатами Отечества. В результате гражданской войны патриотические силы Хелдона оказались бы уничтоженными, что открыло бы дорогу зиндским ордам и привело, в конце концов, к полному уничтожению истинно человеческого генотипа. Как только СС удалось раскрыть этот заговор, понадобились незамедлительные меры. Гельбарт был ликвидирован, а остальные члены Верховного Совета признали факт государственной измены со своей стороны.

Феррик полез в нагрудный карман и, вытащив оттуда пачку бумаг, протянул их Форману.

— Вот заявления членов Совета, в которых они сознаются в своих преступлениях. Вы можете проверить подлинность документов в штабе Звездоносной Армии. Раскаиваясь в содеянном, прежде чем уйти в отставку, члены Верховного Совета приняли напоследок резолюцию, приостанавливающую действие Конституции и наделяющую меня чрезвычайными полномочиями. Отныне я заступил на должность верховного главнокомандующего Территории Хелдон. На вакантные места в Совете я назначил истинных патриотов, чья преданность интересам Хелдона и абсолютная расовая чистота не вызывает сомнений. В настоящий момент угрозы заговора больше не существует.

— А что с предателями? — ровным голосом спросил Форман.

— Со Штепке еще предстоит разобраться, — ответил Феррик, — в отношении же остальных — моим первым действием в должности верховного главнокомандующего Хелдоном было распоряжение о расстреле изменников.

По каменному лицу фельдмаршала проскользнула одобрительная улыбка: как солдат до мозга костей, Хеермарк Форман не мог не оценить красиво и быстро проведенной операции.

— Я не совсем понимаю, зачем я здесь, командующий Яггер, — сказал он. — Очевидно, что вы полностью контролируете ситуацию. С учетом всего сказанного вами, Звездоносная Армия готова признать законность вашей власти. Я утверждаю это как полномочный представитель генерального штаба.

Феррик с Ваффингом быстро обменялись взглядами. Ваффинг ответил еле заметным кивком: все шло как надо. Форман правильно оценил ситуацию, так что дело могло быть улажено мирным путем.

— Во всем этом есть только один момент, который беспокоит командование Звездоносной Армии, — продолжал Форман. — Вы, командующий Яггер, вне всякого сомнения, являетесь человеком выдающихся качеств, и мы надеемся, что как верховный главнокомандующий Хелдона вы окажетесь более чутки к нуждам и желаниям военных, нежели прогрессистская сволочь. Однако с прискорбием вынужден сообщить, что генеральный штаб находит совершенно недопустимым существование полномасштабной частной армии — Рыцарей Свастики. Тем более если учесть, что их командир замешан в антихелдоновском заговоре. В Хелдоне может быть только одна армия. И в этом мы будем стоять до конца. Если потребуется, мы будем сражаться до последнего.

— Отлично сказано! — одобрительно отозвался Феррик. — Тем более что последние события убедили меня в разумности

подобной позиции. Со Штепке и прочими предателями среди Рыцарей в любом случае придется поговорить, а то, что вы предлагаете, — один из подходящих способов разобраться с ними... — Тут Феррик сделал многозначительную паузу.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Форман с нескрываемым интересом.

— Рыцарский корпус будет расформирован. Незамешанным в учиненных злодеяниях будет предложено зачисление в регулярную армию. Вас это устраивает?

— Нам нужны крепкие тренированные парни, — отозвался Форман. — Предательство отдельных Рыцарей не должно остаться клеймом на остальных. Тем более что в подавляющей своей массе Рыцари — истинные патриоты.

— Что до СС, то она будет продолжать существовать как элитное формирование, — продолжал Феррик. — Как вам известно, в генетическом, интеллектуальном, физическом и идеологическом плане парни из СС удовлетворяют наивысшим стандартам. Из вышесказанного следует, что интересы СС целиком совпадают с интересами армии. Светозарная Свастика и Звездоносная Армия никогда не обратят оружие друг против друга. В этом я даю вам мое священное слово.

— Я принимаю его, — просто сказал Форман.

— И, наконец, последнее. Я собираюсь назначить главнокомандующего Ваффинга министром сил безопасности. Хотя традиционно эту должность занимало гражданское лицо, Ваффинг станет фельдмаршалом. Присвоение звания послужит залогом теплых, дружеских отношений между армией и верховным главнокомандующим, то есть мной.

При этих словах Форман издал сухой смешок. Он встал.

— От имени командования Звездоносной Армии я присягаю на верность новому верховному главнокомандующему Хелдона. — Фельдмаршал резко щелкнул каблуками и выбросил правую руку в партийном салюте. — Хайль Яггер!

Феррик тоже поднялся из-за стола и отдал салют. Эмоции водопадом обрушились на него. Воистину, это был великий момент для Хелдона! Свастика и армия наконец-то объединились! Вместе они смогут горы своротить.

— Если вы хотите, чтобы армия разделалась со Штепке и его кликой, вам стоит только отдать приказ, — сказал Форман.

Сердце Феррика обожгло печалью. Слишком тяжело было думать, что Штепке и бывшие Мстители оказались на поверку гнусными предателями. Конечно, куда проще предоставить это дело армии. Но партийная дисциплина превыше всего.

— Я должен отклонить ваше предложение, — грустно сказал Феррик. — Эти люди предали Свастiku. Мы обязаны разобраться сами. Задача Партии — постоянно очищать свои ряды от разложившихся элементов.

— Ценю ваше мужество. Такое решение принять нелегко, — сказал Форман. — Однако если человек хочет править, он должен и себя держать в железной узде. Дисциплина и еще раз дисциплина!

Был холодный, пасмурный вечер. Темнело. По притихшим, безлюдным улицам Хельдхайма, в сторону пригорода, где располагался лагерь Рыцарей Свастики, двигалась колонна крытых брезентом газомобилей-фургонов. Феррик сам возглавил этот карательный поход. Его честь требовала этого. Штепке изменил не только ему, Феррику, которому клялся в верности, но и самому Хелдону — родине, вскормившей и вспоившей его на своей груди. Подобно тому, как хуторянин, обзаведясь свиньей, должен убирать за ней нечистоты, так и Феррику предстояло собственноручно освободить мир от гнусной скотины Штепке.

Для столь ответственной задачи Феррик отобрал три сотни парней из СС, лучших из лучших, чья преданность делу Свастики и профессиональное мастерство не вызывали сомнения. Предстоящая операция должна быть проведена с воистину хирургической точностью, дабы отсечение от тела Партии гангренного члена не превратилось в кровопролитную бойню, в которой бессмысленно погибло бы множество честных, преданных Партии и Свастике Рыцарей.

В двух милях от лагеря, превращенного грязной тварью Штепке в оплот заговорщиков, колонна фургонов остановилась. Дальше предстояло двигаться пешком. По приказу Феррика воины выстроились походной колонной и двинулись вперед. Феррик шагал во главе. Плечом к плечу, по обе стороны от него шли Ваффинг и Ремлер. Холодный ветер бросал дождь в лицо. Но ни одной жалобы не было слышно от юных героев из Светозарной Свастики; лишь Ваффинг с видимой неохотой покинул мягкое кожаное сиденье в теплой и сухой кабине головного газомобиля.

В свое время Феррик самолично выбрал место для лагеря Рыцарей. Лагерь был расположен на небольшом холме, господствующем над ведущей в Хельдхайм дорогой. С возвышенности прекрасно просматривалась и простреливалась вся окружающая местность, что исключало всякую возможность

неожиданной атаки со стороны неприятеля. Теперь — о, парадоксы жизни! — Судьба вынуждала Феррика бороться с собственным военным гением: предстояло взять созданное им самим неприступное укрепление.

У подножия холма с одной стороны имелась небольшая лощина. Сейчас здесь царил непроницаемый сумрак. По приказу Феррика все его люди укрылись на время в этой лощине. Следовало еще раз тщательно проверить задуманный план действий. Лагерь Рыцарей занимал всю плоскую вершину холма и состоял из множества деревянных бараков, расположенных на равном расстоянии друг от друга. Прямые улочки-проходы делили весь лагерь на блоки-кварталы. Все было обнесено заграждением из колючей проволоки, находящейся под током. По четырем углам возвышались сторожевые башни, с прожекторами и пулеметами. Весь периметр ограждения патрулировался часовыми. Проникнуть в лагерь можно лишь через ворота, охраняемые пулеметчиками. Только Феррик в полной мере осознал, сколь неприступен был рыцарский лагерь. Единственное, на что мог положиться в данной ситуации Феррик, — так это на свою сверхчеловеческую волю.

— Ремлер, — повернулся он к командующему СС, стоявшему в ожидании дальнейших приказаний, — останешься здесь со своими людьми. Мы с Ваффингом пойдем к воротам. Как только они откроются, входите на территорию. Огонь ни при каких обстоятельствах не открывать, пока мы не доберемся до офицерских бараков.

— Но, мой Командир! Я хочу быть в передних рядах! Позволь мне идти с тобой!

Феррика глубоко тронул чистосердечный фанатизм юноши.

— Прости, Ремлер, но если стражники увидят тебя, это может возбудить в них подозрения.

В ответ Ремлер только щелкнул каблуками и молча выбросил руку в партийном салюте. Феррик улыбнулся, похлопал юношу по плечу, повернулся и решительно зашагал к выходу из лощины. Ваффинг побежал следом.

Они уже достигли середины склона холма, когда их глаза ослепил свет прожектора. Очевидно, даже предательство подлой свиньи Штепке ни на йоту не уменьшило бдительности и боеспособности Рыцарей. Как только Феррик с Ваффингом оказались в круге света, Феррик тотчас поплотнее завернулся в свой красный, украшенный свастикой плащ, укрыв от посторонних глаз автомат, и спешно спрятался за широченную спину новоиспеченного фельдмаршала. Ваффинг же, велико-

лепно исполняя свою партию, расправил пошире плечи и величавой походкой направился к воротам.

Когда они были уже возле самых ворот, Феррик, под прикрытием дорожной туши Ваффинга, быстро отступил за пределы светового круга и скрылся во мраке.

Ваффинг подбоченился и грозно рявкнул:

— А ну, сейчас же открывайте ворота, ублюдки!

— Командующий Штепке отдал приказ держать сегодня ночью ворота закрытыми, — послышался неуверенный голос одного из пулеметчиков; тот отлично понимал, кто находится перед ним.

— Открывай, не то расстреляю за неповиновение приказу, грязная свинья! — заревел Ваффинг. — Я — верховный командующий Ваффинг, а Штепке — мой подчиненный.

— Н-нам п-приказано п-под с-с-страхом смерти д-держатъ ворота з-закрытыми, — раздался из-за ворот голос второго охранника. — В-вы хотите, чтобы мы нарушили л-личный п-приказ нашего к-командующего?

Феррик понял, что настало время вмешаться. Жалко этих славных парней, не знающих, какому из приказов следовать. Только он может разрешить их сомнения. Отбросив плащ за спину и величественно войдя в круг света, Феррик предстал во всем своем блеске глазам ошеломленных охранников.

Тотчас из-за ворот донеслось шелканье каблуков и два голоса в унисон рявкнули:

— Хайль Яггер!

Резко и отрывисто Феррик заговорил:

— Я лично принимаю командование здешним гарнизоном. Командующий Штепке смещен со своего поста. Отныне вы будете следовать только моим приказаниям. Я, верховный главнокомандующий, приказываю вам открыть ворота и впустить на территорию лагеря находящихся здесь вместе со мной людей из СС. Приказываю тотчас же после этого снова закрыть ворота и никого не впускать и не выпускать до тех пор, пока я самолично не отменю это распоряжение. Приказываю забыть навсегда о том, что этой ночью произошло и произойдет. Здесь не было ни меня, ни моих людей. Ясно?

— Так точно!

— Вот и отлично, парни, — сказал Феррик уже совсем иным тоном. — Я не забуду вашей дисциплинированности и понимания текущего морального императива.

Через две минуты ворота закрылись — после того, как последний из трехсот эсэсовцев вошел на территорию. Феррик

кивнул в сторону офицерских барачных корпусов, которые находились в центре лагеря. Не теряя времени, удалыцы из СС устремились вперед. Боевая задача была поставлена перед каждым заранее, и теперь Феррик лишь корректировал действия своих людей краткими односложными распоряжениями вполголоса. Согласно плану, эсэсовцы должны были как можно ближе подобраться к офицерским барачным корпусам незамеченными. Сигналом к открытию огня должен был стать выстрел. От конспирации напрямую зависела эффективность задуманной операции.

В этот глухой ночной час почти весь лагерь погрузился во мрак. Умаявшись после дневных трудов, Рыцари почивали на нарах, в то время как снаружи под порывами ветра с холодным дождем от барака к барачному корпусу неслышно перебегали темные, еле различимые во мраке силуэты — то близилось само возмездие.

Большой барачный корпус высшего офицерского состава был виден издалека: окна ярко освещены, изнутри слышны музыка и пьяные выкрики. В отличие от остальных строений на территории лагеря этот барачный корпус охранялся четырьмя часовыми. Выхода не было — этим бедолагам придется погибнуть. Так пусть же их кровь останется на совести гнусных предателей!

Феррик, Ваффинг и Ремлер, с автоматами на изготовку, осторожно подобрались к барачному корпусу со стороны входа. Черные кожанки партийной элиты делали их совершенно невидимыми во мраке. Наконец до входа в барачный корпус осталось каких-нибудь двадцать ярдов.

Движением руки Феррик приказал остальным остановиться и шепотом скомандовал:

— Начинаем атаку. Я беру на себя охрану у входа. Ремлер — займись часовым справа от барака, а ты, Ваффинг, разберись с тем, что слева. Снять их вам нужно с первого выстрела. Ну, желаю всем удачи!

И с этими словами Феррик навел автомат на часовых у входа, решительно нажал на спусковой крючок и помчался к барачному корпусу, сея на своем пути свинцовый дождь смерти.

Тотчас же, словно в ответ, во мраке по всему лагерю заговорили сотни автоматов. Часовые у входа в барачный корпус погибли, даже не успев понять, что происходит. Когда Феррик был уже у самого строения, длинными очередями хлестая наугад по окнам, он успел заметить, как из мрака со всех сторон выбегают люди в черных кожанках СС и устремляются к барачному корпусу. Автоматы строчили не переставая. Дверь в барачный корпус распахнулась, и двое зашпанных полупьяных Рыцарей в мятой коричневой форме начали ошумело палить в темноту. Феррик скосил обоих одной

короткой очередью. Еще несколько Рыцарей выскочили на порог и угодили прямо под пули. Не теряя времени, Феррик вихрем взлетел по ступенькам крыльца и ударом ноги распахнул настежь дверь, поливая все перед собой автоматным огнем.

Внутри царили смятение и ужас. В бараке для высших офицеров воняло, как на пивоварне. Повсюду стояли корчаги и бочки с пивом и перебродившим суслом. Штепковские командиры сидели — кто в одних штанах, кто в рубаше. Иные — вообще нагишом, широко расставив ноги, обутые в сапоги; и теперь все вскочили и заметались в панике, тщетно пытаясь уйти от пуль. Кроме офицеров, в помещении находилось больше дюжины обнаженных самок, которые своим истощенным визгом добавляли сумятицы. Это были нечеловеческие особи с атрофированным мозгом. Доминаторы вывели эту породу в Зинде для собственных утех. Единственное, что двигало этими чудовищными тварями с их гипертрофированными бедрами и гигантскими выпуклыми грудями, — неутолимое стремление ко все новым и новым совокуплениям.

Феррик затрясся от ярости. С угрюмым наслаждением он разрядил автомат в это гнездо разврата и порока и быстро вставил новый рожок. Краем глаза он различал Ремлера и Ваффинга. Пот стекал по их бледным лицам, кадыки ходили вверх-вниз — видно было, что ребят тошнило — автоматы же в их руках бились, точно живые. Все больше эсэсовцев врываются в помещение, тотчас же открывая огонь по визжащей и корчившейся мрази. От грохота закладывало уши. В воздухе остро пахло порохом.

Феррик заметил наконец Стяга Штепке. Совершенно голый, он выскочил откуда-то из угла, пытаясь схватить автомат, выпавший из рук убитого Рыцаря. Развернувшись к предателю, Феррик хлестнул его автоматной очередью поперек живота. Штепке истошно закричал, закашлялся кровью и сполз на пол, корчась в агонии. Не в силах вынести вида подобных мучений, Феррик прикончил его выстрелом в затылок; истинный герой милосерден к поверженному врагу.

Меньше чем через минуту все было кончено. Повсюду лежали трупы предателей и их омерзительных подружек-подстилок. То здесь, то там слышались одиночные выстрелы — парни из СС избавляли от бессмысленных мук бьющихся в предсмертных судорогах изменников. Затем наступила тишина.

Внезапно Ремлер крикнул:

— Командир!

Феррик резко повернулся и увидел, что командующий СС, нагнувшись, держит за горло какую-то окровавленную, но еще

живую тушу. Стоило Феррику взглянуть в глаза умирающего, как он понял, что перед ним не человек, а гнусный доминатор. Холодная ярость, горевшая в мрачных глазах существа, не оставляла никакого сомнения.

Феррик подошел поближе, глядя в упор на умирающего доминатора. Высокомерное презрение, столь характерное для этих монстров, светилось в нечеловеческих, неподвижных, как у рептилии, глазах. Тварь заметила Феррика и яростно прохрипела:

— Чтоб тебе утонуть в собственном дерьме, мерзкий ублюдок! — Доминатор судорожно втянул в себя воздух. — Чтоб ты сдох, чтоб твои гены рассеялись по ветру! — Он закашлялся, на губах запузырилась кровь, и доминатор издох.

— Ты заметил акцент, мой Командир? — спросил Ремлер.

Феррик кивнул:

— Залетная пташка. Аж из самого Зинда.

Феррик обошел помещение, осматривая трупы предателей. Впрочем, многие по всей вероятности встали на путь измены не по собственной воле — зиндский агент уловил их в свои сети. Если бы не решительные действия Феррика, неизвестно, чем бы все закончилось. Еще немного — и не миновать гражданской войны. Только сейчас до Феррика начало доходить, сколь страшной опасности удалось избежать.

— Командир! — крикнул один из эсэсовцев, вбегая в помещение. — Рыцари окружили барак!

— За мной, Ваффинг! — крикнул Феррик фельдмаршалу и бросился вон из помещения. Выскочив на крыльцо, они с Ваффингом оказались лицом к лицу с громадной толпой донельзя возбужденных Рыцарей. Лишь некоторые в толпе оказались в рыцарской форме, большинство же одеться не успели. Самые предусмотрительные захватили с собой автоматы и булавы, остальные примчались на звуки выстрелов безоружными.

Появление Феррика несколько успокоило их. Местами над толпой взметнулись в партийном салюте руки и послышались выкрики «Хайль Яггер!». Но большая часть Рыцарей никак не отреагировала на появление верховного главнокомандующего.

Феррик не стал тратить время на предисловия и сразу перешел к делу.

— Командующий Штепке и его офицеры оказались предателями, продавшимися Зинду. Но возмездие настигло изменников. Штепке и его преступная клика казнены. С этого момента командование над Рыцарями Свастики переходит к верховно-

му командующему частями регулярной армии Ваффингу, который отныне становится верховным командующим силами безопасности Хелдона в чине фельдмаршала.

Феррик сделал паузу, давая Рыцарям возможность осмыслить услышанное, прежде чем сообщить этим славным, честным парням, истинным патриотам радостную новость, которая, как искренне надеялся Феррик, еще теснее сплотит их в борьбе за светлое будущее истинного человечества.

— Вся власть в Хелдоне перешла к Сынам Свастики. Верховный Совет передал мне чрезвычайные полномочия. Отныне я верховный главнокомандующий Хелдона!

При этих словах ряды Рыцарей огласились приветственными возгласами и восторженными воплями. Выждав несколько минут, дав Рыцарям выплеснуть эмоции, Феррик властным жестом призвал воинов к спокойствию. Повернувшись к Ваффингу, он кивнул ему.

— А ну, внимание! — взревел Ваффинг. Тотчас же среди Рыцарей воцарилась тишина. На мгновение в толпе возникло движение — и вот Рыцари, инстинктивно подчиняясь властному голосу, построились в каре. Залихватски сдвинув каблуки, они замерли, вытянувшись во фронт.

— Обленились тут при Штепке, дерьмом заросли! В лагере падали полно неубранной, а они — глотку драть! Чтобы через полчаса здесь все сияло! Сам проверю! А ну, повторять за мной! Хайль Хелдон! Хайль победа! Хайль Яггер!

Теперь с истинно армейской четкостью над строем одновременно взлетел в партийном салюте лес рук. «Хайль Яггер!» — разнеслось над окрестностями. Обертоны штурма и аккорды натиска звенели в партийном приветствии, выкрикнутом в унисон тысячами голосов. Началась Новая Эра, и Свастика правила Хелдоном. Внутренний враг был раздавлен раз и навсегда. Нация сплотилась вокруг Партии.

Но, выбрасывая руку в ответном партийном приветствии, Феррик вдруг ясно ощутил: его священная миссия не окончена. Напротив, она только начинается. Подобно чудовищному нарыву, на восточном горизонте маячила Империя Зинд. В любой момент этот страшный нарыв грозил прорваться и залить мир своим гноем, затопив Хелдон, единственную цитадель истинно человеческой расы. Словно раковая опухоль, Зинд уже протягивал к белому, чистому телу Хелдона свои страшные щупальца-метастазы. Сегодня одно такое щупальце было выжжено каленым железом. И не знать отныне покоя ни ему, Феррику Яггеру, ни всей истинно человеческой расе

до тех пор, пока не будет истреблен последний доминатор. И, подобно тому, как очистился сегодня Хелдон — так и вся планета должна быть очищена от генетической заразы.

Сегодня Хелдон, завтра весь мир!

Глава 10

В черной кожаной форме, с алым плащом, бьющимся на ветру, Феррик возвышался на трибуне в ожидании начала большого парада. Справа от него стояли Лар Ваффинг в новой светло-серой фельдмаршальской форме и Сеф Богель в черной партийной кожанке. Слева находился Лудольф Бест, в такой же, как у Богеля, форме, и Борс Ремлер в мундире Светозарной Свастики — черной, с эмблемой в виде сдвоенных алых молний.

День был чудесный: на небе ни облачка, полуденное солнце стояло в зените. Широкий Хелдонский бульвар затопило пестрое, черно-красно-белое половодье партийных знамен с гордой свастикой. Все тротуары были забиты толпами добрых хелдонцев, над головами которых раскачивалось целое море партийных флажков. Общественное телевидение готовилось транслировать величественное зрелище всему миру. Феррик искренне надеялся, что парад послужит грозным предупреждением всем доминаторам Зинда.

За два месяца, проведенные Ферриком на посту верховного главнокомандующего, Хелдон сделал поистине героический рывок в деле построения светлого будущего. Так что Феррику и его сподвижникам было чем гордиться, взирая на дело рук своих.

Богель в возглавляемом им Министерстве Общественного Волеизъявления провел комплексные мероприятия, в ходе которых были выявлены десятки тайных сторонников универсалистского движения и несколько доминаторов. Результаты не замедлили сказаться — из кормушки для малокровных бумагомарателей, паникеров и крикунов министерство превратилось в настоящий инструмент для выражения расового самосознания.

Ваффинг навел железную дисциплину в армии, вышвырнув с командных должностей слабаков и смутьянов. Бывшие Рыцари были рассеяны по армейским частям, дабы своим неослабевающим энтузиазмом и патриотизмом крепить боевой дух в остальных солдатах.

Бест, под руководством Феррика, составил текст новой Конституции, законодательно закрепившей власть за верховным главнокомандующим. Хелдонскому народу гарантировалась свобода в любой момент подтвердить это право за Ферриком. Таким образом, признание нерушимого единства воли верховного главнокомандующего и чаяний нации отражалось в главном законе страны — в ее Конституции. Кстати, титул верховного главнокомандующего Феррик сохранил за собой, опять-таки следуя пожеланиям народных масс.

А у Ремлера работа только начиналась. По всей стране было начато ускоренное строительство классификационных лагерей. Некоторые лагеря уже начали действовать, но пока оставались каплей в море. Слишком уж грандиозной была задача — ведь каждому хелдонцу предстояло пройти в одном из лагерей тщательнейшее обследование с целью подтверждения сертификата о чистоте. Дело, однако, того стоило. К тому времени, когда эта титаническая работа будет закончена, во всей стране не останется ни единого доминатора. Личности, у которых тестирование выявит мутированные гены, будут стерилизованы или высланы из страны — на их выбор. Сливки генофонда предполагалось сконцентрировать в рядах СС. Деятельность Светозарной Свастики со временем перепрофилируется: в недалеком будущем, когда не останется ни внешних, ни внутренних врагов, СС станет элитным меньшинством, которое положит начало новому витку эволюции человека как биологического вида.

Хотя достигнутый за два месяца прогресс был налицо, Феррика не покидало чувство тревоги. Взять, к примеру, этот парад. Рассчитан он был в первую очередь на зиндских доминаторов, которым нелишне продемонстрировать военную мощь Хелдона. Ибо день ото дня новости с востока становились все более тревожными. Разведка СС сообщала, что в приграничных с Волаком районах Зинда собралась громадная орда. Имела ли эта концентрация войск какое-либо отношение к разоблачению заговора в Хелдоне, сказать было трудно. Ясно одно — доминаторы готовятся к походу на запад.

А Хелдон еще не вполне готов к тому, чтобы дать достойный отпор.

Армия увеличилась в два раза, но, за исключением бывших Рыцарей, солдаты, пополнившие ее ряды, в подавляющей своей массе были зелеными новобранцами. Численность СС доведена до десяти тысяч человек, преданных делу Свастики и готовых к выполнению любой задачи. Но и этого мало, крайне мало. По предварительным оценкам, классификационные лагеря должны на-

править в ряды СС около десяти тысяч человек со сверхчистым генотипом, но пополнения вряд ли стоило ожидать раньше, чем через четыре месяца. Уже началось перевооружение армии, но в настоящий момент лишь половина частей получила новое индивидуальное оружие — автоматы. С боевой техникой дело обстояло еще хуже. За два месяца удалось произвести не более десяти воздушных дредноутов. Что же касается новых видов вооружения, таких как легкие наземные дредноуты, то их промышленное производство было еще в колыбели. Кроме того, для новых видов вооружения катастрофически не хватало боеприпасов — их производство еще не достигло плановых объемов.

Хелдону требовалось еще по крайней мере четыре месяца, прежде чем полностью перевооруженная армия сможет стальной лавиной прокатиться по бескрайним территориям империи зла — Зинда. Так что пока остается надеяться лишь на то, что сегодняшняя демонстрация хелдонской военной мощи нагонит страху на доминаторов Зинда, благо что эта гнусная раса никогда не отличалась особенным мужеством.

Толпа разразилась громкими приветственными криками, когда десять моторциклистов СС с гигантскими партийными флагами на бронзовых древках установленного образца медленно проехали мимо трибун, открывая парад. Вслед за ними, чеканя шаг, появились затянутые в сверкающую черную кожу сто пехотинцев СС. Половина из них несла партийные флаги, половина — штандарты СС. Когда отряд проходил мимо трибуны вождя, алые партийные флаги были опущены, лишь эсэсовские штандарты с алыми молниями реяли на ветру. В ответ на оказанные ему почести Феррик выбросил правую руку в партийном салюте, продолжая держать ее, не опуская, в течение всего парада. Только железная выдержка и энергетическая подпитка от Стального Командира позволили ему выдержать подобное сверхчеловеческое испытание.

Вслед за передовым отрядом СС последовал другой, побольше — свыше тысячи человек чеканили шаг в едином строю, повернув головы вправо на сорок пять градусов и скосив вправо глаза, как того требовал устав. Проходя мимо трибун, каждый выбросил руку в партийном салюте. О, с какой поразительной четкостью и слаженностью это было проделано! Как сияла в лучах полуденного светила хромированная кожа! С каким оглушительным грохотом, подобным пушечной канонаде, ударяла в бетон центрального проспекта тысяча с лишним подкованных сталью каблук! Какое грозное предупреждение всем врагам Хелдона!

Вслед за элитарными частями СС Хелдонский бульвар от края до края заполнили полки хелдонской армии. Солдаты и офицеры шагали, за рядом ряд, и не было им конца — конец колонны мужественных защитников Отечества скрывался за изгибом бульвара. Армейцы шагали, печатая шаг. Их серая форма, их алые плащи с изображением свастики, их сверкающие новые автоматы, их мужественные лица поневоле заставляли сердце замирать от восторга. Как это не похоже на прежнюю Звездоносную Армию, парад которой Феррик принимал по случаю своей инаугурации всего два месяца назад. Правда, brave парни, проходившие сейчас перед трибуной, еще ни разу не нюхали пороха, зато это воистину были первоклассные экземпляры человеческой породы. Воодушевление, с которым они вбивали каждый шаг в мостовую, потрясающая синхронность салюта не оставляли никакого сомнения в их боеготовности и преданности. Даже зиндские вырожда, при всей своей извращенности, должны были понять, что перед ними — армия настоящих расовых героев.

Когда последний пехотный полк промаршировал мимо трибуны, на бульваре показались новые легкие наземные дредноуты — последнее слово хелдонской науки и техники — с лязгом и скрежетом гусениц. Эти скоростные танки, оснащенные двигателями внутреннего сгорания, не шли ни в какое сравнение со своими громадными и неуклюжими предшественниками, до сих пор составлявшими основную часть хелдонских бронетанковых войск. Новые танки были в четыре раза меньше чудовищных паровых черепах — наземных дредноутов старого образца, — зато в три раза превосходили их в скорости. Вместо огромной, обшитой броней кабины, ошестинившейся во все стороны орудийными стволами, на новых танках была установлена подвижная башня с одним орудием и двумя крупнокалиберными пулеметами. Еще два пулемета находились в нижней части танка, один — между водителем и наблюдателем и один — сзади, где размещался стрелок, для защиты танка с тыла. Вскоре в армию должны поступить сотни таких скоростных танков, а как только нефтеразработки юго-западного Зинда окажутся под контролем Хелдона и проблемы с горючим будут сняты раз и навсегда, производство танков можно будет исчислять тысячами. И тогда хелдонская армия пройдет империю зла от края до края, подобно стремительно несущейся стальной лавине, круша и давя гусеницами танков все то, что мешает истинному человеку свободно жить и эволюционировать.

Как только последний танк прогрохотал гусеницами по бетону мостовой, с небес донесся нарастающий гром. Первое звено громадных воздушных дредноутов прошло над трибуной, заставив землю содрогнуться от оглушительного рокота. Пока Феррик следил глазами за этими летающими крепостями, каждая из которых несла под крыльями десять двигателей внутреннего сгорания, с десятью огромными пропеллерами, внезапная вспышка озарения пронзила все его существо. Почему бы не перенести принцип «максимальная скорость и максимальная экономичность», на основе которого шло перевооружение наземной армии, и на воздушные войска? «Летающие крепости» были баснословно дороги, да и сборка их занимала несколько месяцев. А что, если заменить этих крылатых монстров небольшими истребителями, размерами раз в десять поменьше дредноутов, при двухкратном выигрыше в скорости, с одним-единственным двигателем? Стоимость такой машины оказалась бы раз в двадцать меньше. И Хелдон от этого только выиграет. Вместо нескольких летающих железных бегемотов у него появится целая воздушная армада. Да-да, несомненно! Производство истребителей надо налаживать прямо сейчас!

Следом за танками мимо трибун прошли моторизованные части СС, на сверкающих стальных конях единого образца, а за СС — моторизованные армейские части. Воистину это было захватывающее зрелище. Дыхание спирало от восторга! Слаженный рев тысяч двигателей был подобен боевому кличу, от которого дрожала сама земля.

За моторциклистами по бульвару прошла колонна грузовиков-фургонов, предназначенных для быстрой переброски воинских контингентов. «Мощь» и «скорость» — вот ключевые слова, подобранные Ферриком для армии нового образца. Современная армия должна быстро концентрировать значительные силы на критических участках линии фронта, создавая железный кулак, обрушивающийся на неприятеля, прежде чем тот успеет опомниться. Именно такая армия, превосходящая врага в мобильности, способная разнести в пух и прах противника, обладающего десятикратным перевесом в численности, нужна сейчас Хелдону, дабы отстоять великое дело возрождения истинно человеческой расы.

Вслед за грузовиками снова потянулись стройные ряды пехотных подразделений СС, а за ними — армейские пехотные полки, которые, с грохотом впечатывая шаг в бетон Хелдонского бульвара, замыкали парадное шествие. В тот момент, когда первый ряд армейских пехотинцев в торжественном марше про-

ходил мимо трибуны, отдавая партийный салют, Феррик увидел, как по ступенькам трибуны вихрем взлетел капитан СС и что-то быстро зашептал на ухо Ремлеру. Командующий СС обернулся к Феррику, на лице у него было написано крайнее волнение.

— Ну, Ремлер, выкладывай, что там? — проговорил Феррик, не оборачиваясь.

— Мой Командир! Зиндские орды вторглись в Волак. Они идут через восточные регионы страны, сокрушая все на своем пути!

Хотя новость эта поразила Феррика, как удар грома с ясно-го неба, правая рука его, замершая в партийном салюте, даже не дрогнула. Ледяное спокойствие — вот имидж истинного вождя на общественных мероприятиях. Ни в коем случае не показывать подчиненным своего волнения — народные массы этого не прощают. Незаметным жестом Феррик приказал Ремлеру и Ваффингу придвинуться ближе, затем знаком велел приблизиться капитану СС. Шествующие перед трибуной герои не должны заметить ничего, что могло бы посеять в них семена паники.

— Обрисуйте точную ситуацию, капитан, — бросил Феррик, не поворачивая головы.

— Мой Командир, согласно последним разведанным, зиндские полчища находятся всего в пяти днях марша от Лумба.

— Как только столица будет взята, исчезнет последний очаг сопротивления, и зиндским ордам откроется прямая дорога к Хелдону, — заметил Ваффинг. — Через девять дней, самое позднее, они обрушатся на нас. Следует срочно укрепить восточную границу. Надо перебросить туда отборные армейские части и элитные подразделения СС. Их задачей будет сдерживание орды до подхода армии.

В Волаке Феррика больше всего интересовали незараженные земли в западных регионах страны — они так и напрашивались на истинно человеческую колонизацию. Уже это автоматически делало Западный Волак объектом законных притязаний Хелдона и зоной его интересов. Поэтому для любого истинного патриота было немыслимо допустить оккупацию этих земель зиндскими ордами, не говоря уже о военной угрозе для всего Хелдона.

— Здесь не может быть двух мнений. Мы должны однозначно отреагировать на вторжение Зинда на сопредельные с нами территории, — твердо отчеканил Феррик, не поворачивая головы, держа руку в партийном салюте. — Мы должны атаковать!

Мы должны атаковать немедленно! Сокрушительным и молниеносным ударом!

— Но, мой Командир, мы еще не готовы к войне с Зиндом. Месяца через четыре...

— Довольно, Ваффинг! — отрезал Феррик. — Это решено! Мы просто не можем позволить Зинду безнаказанно оккупировать Волак. Атаковать зиндские орды немедленно, всеми имеющимися на сегодняшний день силами!

Через какие-то тридцать шесть часов громадная хелдонская армия стояла на восточных рубежах фатерлянда, готовая выступить в поход на восток. Весь цвет вооруженных сил Хелдона собрался здесь, чтобы под предводительством Феррика, лично возглавившего поход, обрушиться на зиндскую гадину. Успех кампании могли принести лишь концентрация всей ударной мощи на узком участке фронта в сочетании со стремительным наступлением, поэтому в походе участвовали лишь моторизованные дивизии, которым предстояло развивать наступление сразу по двум направлениям.

Одну группировку войск, состоявшую из двух моторизованных пехотных дивизий, возглавил Лар Ваффинг. В дополнение к пехоте группировке были приданы мобильные части моторциклистов — числом всего три тысячи — и десяток паровых наземных дредноутов старого образца. Ваффинг должен был стремительным марш-броском пройти через Западный Волак и ударить в лоб неприятелю где-то в окрестностях Лумба — столицы, расположенной на западном берегу реки Роуль. В задачу группировки Ваффинга входило приостановить наступление неприятеля и сковать на время его основные силы. Поскольку противник имел громадный численный перевес, у Ваффинга почти не было шансов остановить орды и отбросить их назад.

В это время Феррик, вместе с преданным ему Бестом, во главе отборной ударной дивизии СС, в которую были отобраны лучшие моторциклисты Светозарной Свастики, при поддержке десятка легких танков нового образца собирался осуществить стремительный обходной маневр по северо-восточным землям Волака. Если все пойдет, как было задумано, силы Феррика обойдут Лумб с востока и ударят в тыл зиндской орде, прижав ее к восточному берегу Роуля. Операция была расписана буквально по минутам. Группировка Феррика нанесет удар с тыла в тот момент, когда орда начнет переправляться через Роуль по единственному, сравнительно узкому

мосту. Перед дивизией СС вставала сложнейшая задача — ведь противник в сотни раз превосходил ее численностью. Однако внезапность удара и паника в стане врага должны были уравнять шансы, а физическое и духовное превосходство смельчаков из СС, подогреваемое к тому же вдохновляющим примером горячо любимого вождя, может изменить соотношение сил в пользу хелдонской армии.

Когда первые лучи восходящего солнца рассеяли предрасветные сумерки, Феррик сел в седло своего моторцикла, глядя на циферблат времяизмерительного устройства. Истекали последние минуты до Момент Ноль. Лицо Беста, замершего в ожидании мгновения, когда можно будет ударить наконец по рычагу стартера, сияло от юношеского возбуждения.

— Как ты думаешь, волаки окажут нам сопротивление? — В голосе Беста угадывалась затаенная надежда.

— Едва ли, Бест, — отозвался Феррик, — армия Волака — всего лишь сборище убогих мутантов. Кроме того, думаю, все их силы сейчас брошены на борьбу с зиндскими ордами, прущими с востока.

Тем не менее, поскольку время решало все, следовало с самого начала отбить у безмозглых кретинов охоту сопротивляться. Поэтому в тот самый миг, когда прозвучит сигнал к наступлению, тяжелая артиллерия, расположенная в пяти милях от границы, откроет ураганный огонь, сровняв с землей приграничные укрепления волаков. Далее, обе группировки войдут в Волак в виде единой армии, огнем и сталью подавив всякое сопротивление. Лишь после того как волаки будут рассеяны и отброшены, когда паника охватит их и в рядах армии противника воцарится безначалие и хаос — лишь тогда Феррик с преданной ему дивизией СС отделится от основных хелдонских сил и пойдет на северо-восток.

За спинами у Феррика и Беста застыла в ожидании Момент Ноль личная охрана — сто эсэсовцев, лучшие из лучших, кому была доверена величайшая честь — защищать жизнь вождя в этом историческом походе. В черной форме, на черных моторциклах, с тускло поблескивающими свежей смазкой автоматами, с грозными булавами, свисающими с пояса, парни из Светозарной Свастики выглядели неотразимо. За этим суперэлитным отрядом ждала дюжина танков, за ними — снова ряды моторциклистов СС, потом опять легкие танки, а дальше, позади СС, — армейские подразделения, которыми командовал Ваффинг, растянувшиеся вдоль границы насколько хватало глаз.

— Сколь величественный спектакль! — воскликнул Феррик. Бест кивнул.

— Не пройдет и недели, как доминаторы отведают, какова на вкус Свастика, о мой Командир! — выпалил он с энтузиазмом.

Побежали последние секунды. Феррик вытащил Стального Командира и взметнул сияющую палицу над головой. И тотчас же утреннюю тишину разорвал рвущий барабанные перепонки рев тысяч моторциклетных двигателей. И тут же, словно в ответ, отовсюду раскатился тяжелый гул, от которого содрогнулись холмы. Это разом ожили двигатели грузовиков и танков. Наземные дредноуты добавили к этой какофонии пронзительное шипение и лязг, окутавшись облаками пара. Феррик ощутил, как расовая воля Хелдона заставила завибрировать все его тело. Его собственная сверхчеловеческая воля слилась воедино с коллективной волей возглавляемых им людей; он был армией, армия была им, Ферриком Яггером, а вместе — они были Хелдоном.

Затем, бросив взгляд на Беста, Феррик стремительно опустил Громовую Палицу. Сзади, с расстояния нескольких миль, послышалась пушечная канонада — началась артподготовка. Феррик решительно ударил каблуком по рычагу стартера, и хелдонская армия двинулась вперед. Поход на восток начался.

Все лишнее, суетное, все сомнения — все ушло прочь. Сознание Феррика наполнял лишь всеочищающий победный рев моторциклетного двигателя. Припав к рулю, на головокружительной скорости Феррик мчался по зеленым, пологим холмам к границе Волака, увлекая за собой армию. Снаряды хелдонской тяжелой артиллерии свистели у него над головой. Земля содрогалась под тяжелой поступью военной мощи. Все вокруг заволочло пылью и нефтяными выхлопами тысяч и тысяч моторов. Звуки, запахи, божественная мощь стальной армады и стремительность ее натиска — от всего этого у Феррика захватывало дух, а сердце пело в груди. Оглянувшись на Беста, Феррик увидел, что славного парнишку тоже захватило величие исторического момента; когда заговорили орудия танков, они с Бестом обменялись дружескими улыбками.

Феррик вихрем взлетел на своем стальном коне по склону последнего холма на вершину, и взору его открылась граница. Со стороны Хелдона линия границы была отмечена рядами колючей проволоки, продернутой сквозь бетонные столбы. Через каждые двадцать ярдов виднелись бетонированные пулеметные гнезда. А дальше, за проволокой, виднелась тщатель-

но разрыхленная нейтральная полоса, в полмили шириной. Со стороны Волака вдоль нейтральной полосы виднелись кое-как сложенные из необработанного камня подобия дотов, отстоящие друг от друга ярдов на триста.

Сейчас с хелдонской стороны не было видно ни одного пограничника. На больших участках колючая проволока была заблаговременно снята. Часть волакских укреплений была сметена прямыми попаданиями снарядов, на месте их зияли дымящиеся воронки. Среди каменного крошева тут и там валялись изувеченные трупы волаков.

Когда штурмовики увидели с вершины холма, что осталось от волакских укреплений, их восторженный рев перекрыл даже адскую симфонию тысяч моторов. Как только хелдонская артиллерия дала последний залп и тяжелые снаряды взорвались среди чудом еще уцелевших волакских укреплений, взметнув к небу тонны бурой земли и серого щебня, вперемешку с красной плотью, Феррик наддал газу и устремился вниз по склону, а затем сквозь проем в проволочном ограждении — по нейтральной полосе, чья девственность погибла под колесами ферриковского моторцикла, — вперед, на Волак! Сзади рычал моторцикл верного Беста. Следом по склону холма неслась суперэлитная гвардия СС — личная охрана Феррика. Эсэсовцы мчались, оглашая воздух грозным боевым кличем и размахивая над головами своими страшными булавами. За СС по пятам шли танки — их стальные гусеницы с хрустом сокрушили проволочное ограждение — к черту старую границу! А за танками тысячи эсэсовских моторциклистов вдоль всей линии наступления изрыли никому уже не нужную нейтральную полосу колесами своих стремительных машин.

Посреди нейтральной полосы эсэсовские моторциклисты поравнялись с Ферриком. Теперь они мчались справа и слева от горячо любимого вождя, образовав извилистую линию. Через каждые сто метров в передовой шеренге героев шли танки. Пулеметы строчили не переставая, орудия извергали снаряд за снарядом. Вслед за грозной фалангой СС шли грузовики с пехотинцами, а за ними со скрежетом и лязгом поспевали железные монстры — паровые дредноуты, чьи мортиры непрерывно слали грозные дары волакам, разнося в пыль остатки вражеских укреплений.

Несколько секунд — и нейтральная полоса осталась позади. Феррик направил своего стального коня на ближайший полуразрушенный дот, въехав на его крышу. С полдюжины волаков — горбатый гном, попугаеклювый, пара жабоидов и прочая

шваль — бросились врассыпную из-под обломков, улепетывая со всех ног, не помня себя от страха, подобно трусливым собакам. Тотчас же Феррик бросил машину с места в карьер вдогонку за попугаеклювым. Героическим взмахом Громовой Палицы он вышиб из мутанта мозги. В двух шагах от Феррика Бест, чьи голубые глаза сияли патриотическим восторгом, догнал гнома и уложил его одним ударом булавы.

Внезапно Феррик заметил, что жабоподобный мутант целится из ржавого ружья Бесту в голову. Феррик мгновенно отпустил сцепление и на скорости сорок миль в час сбил чудовище с ног передним колесом своего моторцикла. Раздался хруст, истошный вопль, и Феррика забрызгало кровью мутанта. Резко, в развороте, остановив моторцикл, Феррик снова тронулся с места, подъехал к раздавленной твари и, для верности, ударом Стального Командира размозжил ей череп.

Бест никак не мог опомниться от потрясения. Наконец он выдавил:

— Благодарю тебя, мой Командир! — Голос его дрожал от волнения. Затем славный юноша развернул свой моторцикл и бросился в самую гущу боя.

Повсюду вокруг Феррика, куда ни кинь взор, парни из СС самозабвенно раскалывали черепа волаков и давили врага моторциклами. Обезумевший от ужаса синюшник бросился прямо на Феррика, занося над головой корявую дубину. Но Феррик не зевал: в воздухе просвистел Стальной Командир, и голова мутанта покатилась под колеса. Обезглавленное тело еще несколько мгновений держалось на ногах, заливаясь потоками темной крови, затем осело на землю. Нет, это была не битва достойных с достойными, это была настоящая бойня! Волаки метались, будто обезумевший от страха скот. Все они — трусы и слабаки! Неполноценным, им не дано ощутить пьянящую радость битвы!

Феррик взметнул над головой окровавленного Стального Командира и указал на восток. И, вздыбив своего стального коня, помчался вперед, оставив позади разрушенную линию волакских укреплений. Верная дружина ни на шаг не отставала от вождя.

Не было смысла тратить драгоценное время на избиение этих жалких уродов. Ими займутся оккупационные войска, которые должны войти в Волак не позднее захода солнца.

Эсэсовские штурмовики перестроились: теперь они выступали одной плотной колонной. Справа и слева от колонны шли танки, обеспечивая прикрытие с флангов. Феррик мчался во

главе колонны. Примерно в полумиле к югу в том же направлении шли армейские моторизованные дивизии Ваффинга. Путь их указывало гигантское облако пыли, поднятой тысячами и тысячами колес. Позади остались пограничная волакская линия обороны, превращенная в дымящиеся развалины вдоль старой границы.

— Отличное начало кампании! Не правда ли, мой Командир? — весело крикнул Бест. — Полная победа! — Лицо юноши покраснелось. Бест только что стал мужчиной, получив боевое крещение. Вполне понятно, что молодому человеку не терпелось с кем-нибудь поделиться своей радостью.

— Так будет со всей волакской армией! — весело крикнул ему в ответ Феррик, не желая омрачать радость юноши своими сомнениями. Но сам он, увы, слишком хорошо сознавал, что волаки — сущий пустяк по сравнению с тем, что их ждет впереди. Впрочем, столкновение с волаками позволило хелдонским новобранцам приобрести свой первый боевой опыт. Ведь через несколько дней армии придется столкнуться с зиндскими зверосолдатами. А они — не трусливые волаки, они не обратятся в бегство при первом натиске.

Но героическая симфония тысяч моторов, зрелище стальной лавины, несущейся по равнине. Волака, ощущение великой мощи за своей спиной — это отгоняло прочь все сомнения.

Пусть Зинд шлет своих зверосолдат навстречу непобедимой армаде! Стальная лавина покатится на восток по их телам, растирая их нечистую плоть в кровавый кисель вперемешку с пылью и прахом!

По мере того как победоносные хелдонские войска все дальше уходили от западной границы в глубь волакских земель, постепенно менялся и пейзаж. Трава сделалась кустистой и приобрела нездоровый серо-голубой оттенок. Попадавшие на пути свиньи и коровы несли на себе следы прогрессирующей мутации. У многих из них имелись зачаточные дополнительные конечности, свисавшие с тощих боков; эти лишние члены резко выделялись на теле своим пурпурным или зеленоватым цветом. У некоторых животных явственно намечалась вторая голова: она бугром выпирала у самого основания шеи.

— До чего жуткая страна! — воскликнул Бест. Они с Ферриком ехали бок о бок. — Мой Командир, не разумнее ли предать здесь все огню?

— Бесполезно, Бест, — отозвался Феррик. — Пламя бессильно против яда, принесенного Небесным Огнем древних.

Однако окружающая местность и в самом деле с каждой милей делалась все ужаснее. Местная природа окончательно выродилась из-за длительного воздействия радиации и генетического заражения. Мутировавшие вороны издавали хриплые, придушенные звуки, разевая чудовищно деформированные розовые клювы. Их выпученные глаза вылезали из орбит, как у поднятых на поверхность глубоководных рыб. В отдалении маячили первые островки радиационных джунглей, чудовищно пестрое переплетение растений-мутантов: карикатура на траву, высотой с небольшое дерево; дикий виноград, чьи чрезмерно толстые лозы походили на ядовитых змей; гигантские, похожие на раковую опухоль в последней стадии распада цветы. В этих кошмарных зарослях находили себе пристанище неопишуемые твари: дикие псы, с трудом таскавшие за собой чудовищных размеров яйца — отвратительные бело-розовые мешки; многоголовые свиньи; птицы, чьи голые, лишенные оперенья, тела усеяны гнойно-зелеными язвами; всевозможные черви невообразимо тошнотворных форм.

Время от времени моторизованная колонна выгоняла волакских смердов из их нор. Наружность этих мутантов в точности соответствовала омерзительности окружающей среды. При виде носителей беспримесного генотипа недочеловеков охватывал безумный страх. Среди местного населения были представлены все основные мутационные формы плюс специфические, местные. Несколько раз попадались и настоящие драконы — гигантские жабы, покрытые едкой слизью. Как правило, парни из СС уничтожали подобных монстров, ибо вид их был совершенно непереносим для истинно человеческих глаз. В целом же, время на местных смердов старались не тратить, позволяя им убежать прочь. Только самые тупоумные или увечные, не успев уйти с дороги, испытывали на своих головах крепость эсэсовских булав. Со временем оккупационные войска создадут здесь классификационные лагеря, которые и займутся местным населением вплотную.

Еще десяток-другой миль — и местность стала столь омерзительной, что у Феррика начала подкатывать к горлу тошнота. О сопротивлении волаков не могло быть и речи. Лишь время от времени особенно злобный мутант выскакивал из зарослей и бросался навстречу колонне, давая штурмовикам возможность потренироваться в ратном мастерстве. Несколько раз на пути мотоколонны встречались деревни, буквально утопавшие в не-

чистотах и встречавшие хелдонцев чудовищной вонью. Стальная лавина сметала их начисто, оставляя за собой дымящиеся развалины.

Через несколько часов стремительного марша, пройдя около двухсот миль без каких-либо серьезных происшествий, Феррик счел, что настало время поворачивать на северо-восток и начинать задуманный обходной маневр.

Выхватив Стального Командира и уставив сияющий металлический кулак на северо-восток, Феррик без лишних слов свернул в этом направлении. Вслед за ним повернула и вся армада. Путь лежал через холмистую гряду, а затем — через джунгли и болота дельты Роуля.

— При таком темпе нам понадобятся всего сутки, чтобы выйти к Роулю, — крикнул Феррик Бесту. — Там есть древний мост, в двухстах милях вниз по течению от Лумба. Мост этот непостижимым образом пережил Время Огня. Там мы сможем незаметно для противника перебраться через реку.

На лице у Беста появилось крайнее изумление:

— Но, мой Командир, зиндские войска наверняка обороняют столь важный стратегический пункт.

Феррик ухмыльнулся:

— Если не ошибаюсь, этот мост и подступы к нему населены чудовищами столь злобными и ужасными, что даже зиндские зверосолдаты в страхе бегут перед ними. Из-за этих так называемых троллей тамошняя местность совершенно безлюдна.

Заметив, как встревожился при этих словах Бест, Феррик добродушно рассмеялся:

— Не робей, Бест. Ни одному живому существу не устоять против эсэсовских автоматов.

На что Бест ответил широкой и доверчивой улыбкой.

Марш-бросок через дельту Роуля вряд ли можно было назвать увеселительной прогулкой.

Сами волаки оставляли здешние земли практически незаселенными. Причиной тому был опасно высокий уровень радиации. Пятна радиоактивных джунглей попадались здесь на каждом шагу, сливаясь подчас в кошмарные леса, растянувшиеся на несколько миль. Даже грозная мотоколонна с фланговым прикрытием из мощных танков предпочла обойти эти джунгли стороной.

— Мой Командир! Смотри! — выкрикнул Бест, указывая на восток. Вдалеке вырисовывались башни древнего моста.

В ответ Феррик взмахнул Стальным Командиром, указывая армаде новое направление. Колонна перестроилась на ходу. Четыре танка выдвинулись вперед, окружив с четырех сторон стальных коней Феррика и Беста. Остальные танки сблизилась с колонной, которая шла теперь плотным строем. Еще несколько машин перешли в арьергард для обеспечения тылового прикрытия. Завершив этот маневр, колонна пошла напролом.

Милях в двух от моста под гусеницами танков заскрежета-ли камни древнего, построенного еще до Огня, тракта. С обеих сторон к дороге вплотную подступали кошмарные радиоактивные джунгли. Мутировавший плющ и виноград, усеянный бледно-фиолетовыми или сизо-серыми цветами, образовывал над дорогой свод. Только камни дороги — свидетели древне-го мира — сдерживали напор мерзостной флоры, поглотившей окрестности.

Феррик просигналил водителям танков, что шли справа и слева, и надал газу. Теперь четверка танков и Феррик с Бестом между ними мчались со скоростью пятьдесят миль в час, оторвавшись от основной колонны на добрую сотню ярдов. Феррик вышел вперед, верный Бест устремился за ним.

Выхватив Громовую Палицу, Феррик вздыбил своего стального коня, отважно бросив его в узкую щель между двумя красноватыми стенами стиснувших дорогу кошмарных, смрадных радиоактивных джунглей.

И тотчас же оказался в мире слизи и распада. Многоголовые змеи свисали с покрытых коростой ветвей. Исполинские, лишенные оперения птицы с огромными клювами грузно перепрыгивали с ретки на ветку, роняя жидкий помет и издавая булькающие звуки. Кто-то огромный страшно и бессмысленно ревел в глубине джунглей. Повсюду, среди перекрученных, узловатых корней ползали, питаясь продуктами распада, бесформенные массы. Некоторые из них напоминали гигантские ожившие зеленые сопли, другие, кроваво-красные, походили на гипертрофированные внутренние органы, живущие самостоятельной жизнью.

— Тьфу, мерзость! — не выдержал Феррик. — Что за генетическая помойка!

В ответ Бест издал сдавленный вопль ужаса.

Прямо перед собой, в каких-нибудь пятидесяти ярдах, Феррик увидел совершенно немыслимое. Пришлось сделать нечеловеческое усилие, чтобы сдержать подкатившую к горлу рвоту. Посреди дороги, перегораживая путь, лежала огромная бесформенная масса пульсирующей протоплазмы. Высотой в

десять футов, она едва умещалась на дороге. Поверхность этой чудовищной горы слизи была сплошь покрыта безгубыми ртами, усеянными острыми кинжалами зубов. Из каждого рта высовывался изгибающийся во все стороны красный язык. Помимо омерзительных ртов у гнусной твари имелось никак не меньше сотни мощных щупалец, которые ни на миг не прекращали движения. Сотни ртов тошнотворно чмокали или невыразимо гнусно, длинно и сочно рыгали. Несколько ртов блевало.

Феррик резко нажал на тормоза, и его моторцикл с визгом замер в двадцати ярдах от чудовища. Смерд разлагающейся плоти был просто переносим. Как только моторцикл Феррика остановился, гора протоплазмы поползла к нему, жадно растопырив рты и распахнув щупальца. Неудивительно, что даже тупоумные волаки избегали этих мест.

Но одно дело трусливые неполноценные мутанты, и совсем другое — истинные люди. Схватив свисающий с шеи автомат, Феррик навел его на чудовище и нажал на спусковой крючок. Очередь прошла гнусную тварь. За спиной Феррика затрещал еще один автомат — Бест последовал примеру своего командира.

Пули впивались в пульсирующую плоть монстра, разбрызгивая во все стороны зеленую слизь. Визг сотен ртов слился в один непрерывный, пронзительный вопль. Из множества пулевых отверстий стекала вниз густая гнойно-зеленая жидкость. Гора протоплазмы колыхалась во все стороны, сокращаясь в конвульсивных судорогах, в то время как Феррик и Бест вспахивали ее слизистую поверхность автоматными очередями.

Затем в дело вступили танки. Четыре снаряда разом ударили в агонизирующее чудовище, взорвались и разметали эту гору нечистот по всем окрестностям.

Когда дым рассеялся, дорога была свободна. О страшной твари напоминали лишь несколько зеленоватых лужиц, от которых исходил смердный пар.

Феррик и Бест обменялись торжествующими улыбками.

— Так будет со всеми троллями нижнего Роуля! — провозгласил Феррик.

— Едва ли это достойная цель для современного хелдонского оружия, — заметил Бест. — Мой Командир, я надеюсь, что вскоре нам попадется достойный противник.

— Не волнуйся, Бест. Врагов на твою долю хватит. Не забудь, впереди зиндские орды.

Феррик взмахнул Стальным Командиром, и остановившаяся колонна вновь тронулась с места. Через несколько минут

дорога привела передовой отряд к древнему мосту. Единственный пролет моста висел на четырех толстенных стальных тросах, которые удерживались четырьмя каменными башнями по обоим берегам Роуля.

Не мешкая ни минуты, Феррик направил моторцикл на мост. Армада последовала за ним. Когда Феррик достиг середины моста, за его спиной разразился гром автоматных очередей и танковых орудий. Оглянувшись, Феррик увидел, что еще несколько протоплазменных монстров выползли из джунглей и атаковали колонну. Однако brave парни из СС с помощью своих автоматов и танков живо покончили с гнусной нечистью.

Когда арьергард ударной колонны миновал мост и оказался на восточном берегу Роуля, Феррик дал войскам приказ остановиться. Танки выдвинулись к берегу, образовав артиллерийскую батарею, и дружным залпом вдребезги разнесли каменные башни на противоположном берегу. Пролет моста обрушился в мутные воды Роуля.

После чего Феррик скомандовал зарядить орудия зажигательными снарядами и перенести огонь на радиоактивные джунгли на другом берегу. Приказ был исполнен с энтузиазмом. Когда колонна снова двинулась навстречу зиндским ордам, весь противоположный берег являл собой сплошную стену пламени. К небу поднимались громадные клубы дыма. Омерзительной генетической помойке пришел конец.

Первыми свидетельствами великой битвы стали толпы беженцев-мутантов, которые начали попадаться уже милях в пятидесяти от Лумба. Все дороги были забиты ими; беженцы двигались в северном и в западном направлениях, навстречу стальной колонне хелдонских войск, идущей на юг. Когда колонна находилась милях в двадцати к востоку от волакской столицы, двигаясь параллельно течению Роуля, поток спасающих свои презренные жизни мутантов и ублюдков превратился в сплошную толпу, очумело прущую навстречу войскам, полностью заблокировав движение по шоссе. Конечно, можно было плюнуть на мутантов и силой проложить себе путь, но это привело бы к задержке, которую Феррик вряд ли мог себе позволить. Тем более что отдаленный грохот канонады и вспышки, то и дело озарявшие горизонт, ясно свидетельствовали о том, что дивизии Ваффинга уже схватились с врагом, поскольку вряд ли зиндские военачальники стали бы тратить снаряды на жалкий сброд, а волакскую армию можно было уже смело списывать со счетов.

Поэтому Феррик повел штурмовую колонну на юг по неряшливо распаханным полям, взяв немного на восток. Теперь все зависело от того, удастся ли ударить в тыл зиндским полчищам, прежде чем они успеют переправиться на западный берег Роуля. В противном случае операция будет сорвана. Ваффинг не сможет сдержат натиска во много раз превосходящих сил противника, а отборные части СС окажутся запертыми на этом берегу.

Вскоре отдаленная канонада превратилась в непрерывный оглушительный грохот. На западном берегу шло жестокое сражение. Слышен был треск автоматных очередей, грохот танковых орудий, тяжелое уханье установленных на паровых дредноутах мортир. Противник, судя по всему, также отвечал ураганным артиллерийским огнем. Ваффинг делал все, чтобы сдержать натиск зиндских зверосолдат. Вопрос состоял в том, какая часть орды еще оставалась на восточном берегу. Близился момент исторической важности: на карту было поставлено выживание истинного человечества как вида.

Когда штурмовая колонна СС достигла пригородов Лумба, взорам хелдонцев предстала голая, утрамбованная сотнями тысяч ног равнина. Не осталось даже развалин — верный след зиндских полчищ, и след, судя по всему, совсем свежий.

Здесь Феррик скомандовал остановиться и построиться в боевой порядок. Он и Бест встали в первых рядах, вслед за ними выстроились клином сто человек личной охраны — суперэлитная гвардия СС. Впереди и по бокам этого героического наконечника встали четыре танка. Еще несколько танков стеной брони отделили клин от основной массы эсэсовских штурмовиков. Прочие танки заняли свое место на флангах и в тылу. Никакая зиндская мразь не выдержит натиск подобного строя.

Феррик вставил новый рожок и снял автомат с предохранителя. Глянув в сторону Беста, который тоже готовил свое оружие к бою, Феррик крикнул:

— А теперь покажем, на что мы способны, Бест!

Бест отозвался задорным мальчишеским смехом и веселым «Хайль Яггер!», тут же подхваченным всей штурмовой дивизией. Феррик выжал газ, и вся армада понеслась вперед, в бой, взяв с места в карьер.

Феррик повел войско через поля и холмы, усеянные огрызками тел мертвых волаков, павших жертвой трупоядных зиндских зверосолдат. Армада въехала по склону последнего холма, и взорам хелдонцев открылась длинная узкая долина, до краев

забитая зиндскими зверосолдатами. Орда двигалась в сторону Лумба, предместья которого начинались у противоположного конца долины.

Лудольф Бест вскрикнул в ужасе, впервые увидев зиндских зверосолдат. И в самом деле, вид этих существ был настолько отталкивающим, что даже у героев волосы становились дыбом при первой встрече с подобными чудищами. Каждая из этих искусственно выведенных протоплазменных машин для убийства являла собой чудовищную карикатуру на человека. Ростом зверосолдаты были в добрые десять футов, с невероятно могучими руками и ногами, с чрезмерно широкими грудными клетками и крохотными головами, на которых еле помещались маленькие, налитые кровью, бессмысленно-злые глаза и безгубый, слюнявый рот. Эти отвратительные существа были совершенно обнажены, если не считать грубых кожаных поясов, с которых свисали чудовищных размеров дубины, колотившие их по коленям. С ног до головы зверосолдаты были измазаны грязью — очевидно, для устрашения противника. Но самым ужасным в зверосолдатах была невероятная синхронность их движений. Если один солдат поднимал руку, одновременно с ним поднимал руку и весь его отряд.

Заметив испуг Беста, Феррик крикнул ему:

— Не бойся! Это просто безмозглые роботы. Бессмысленная гора мышц!

Сам же Феррик испытывал чувство, близкое к восторгу. Концентрация зиндских сил в долине означала, что имперские войска еще не успели полностью переправиться на западный берег Роуля. Стало быть, безрассудно отважный план сработал! Более того, кому-кому, а Феррику было прекрасно известно, что устрашающая орда зверосолдат полностью зависела от своих командиров-доминаторов. Немыслимая синхронность движений отряда на самом деле достигалась психическим воздействием одного-единственного доминатора. В бою зверосолдаты выказывали лишь рудиментарные начатки разума и собственной воли. На всем пространстве долины, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, среди зверосолдат возвышались гигантские телеги, лишенные бортов, в которые были впряжены гиганты-мутанты: чудовищной толщины ляжки в узловатом переплетении мышц и ягодич, с недоразвитым торсом и рудиментарными начатками голов и рук. На телегах восседали целые своры визжащих и размахивающих ржавыми ружьями уродов. Однако можно было побиться об заклад, что среди этих мутантов скрывался доминатор, который своей психической аурой

власти управлял окружающим его отрядом. Вероятно, и восемь гигантских паровых дредноутов в тылу противника служили укрытием для доминатора-командующего. Издав свирепый боевой клич, Феррик повел свою штурмовую дивизию СС вниз по склону холма, напрямик на ближайший отряд зверосолдат. Стальная колонна неслась со скоростью сорок миль в час. Удерживая руль моторцикла, Феррик послал длинную очередь во вражеские ряды. Тотчас же, словно по сигналу, заговорили орудия танков, выплевывая фугасные заряды. Тысяча зверосолдат была мгновенно разнесена в кровавые клочья.

И в следующее мгновение Феррик на полной скорости вошел острие стального клина в кровавую брешь, проделанную хелдонскими снарядами в рядах противника. Хелдонские танки дали еще один залп, теперь уже почти в упор. Как по волшебству, стена грязных волосатых тел разлетелась кровавыми брызгами. Ливень из крови, кишок и оторванных членов обрушился на Феррика. Лишь тогда до военачальников противника стало доходить, что происходит.

Пушки паровых зиндских дредноутов начали вразнобой палить по арьергарду штурмовой хелдонской колонны. Несколько десятков эсэсовских моторциклистов были разнесены в клочья вместе со своими машинами прямыми попаданиями зиндских снарядов. Впрочем, потери были столь незначительны, что об этом не стоило и упоминать.

Невероятная скорость и чудовищная мощь атаки хелдонских героев привели зиндское войнство в состояние полнейшей растерянности. Дредноуты продолжали вести огонь по хелдонской колонне, но даже на этом расстоянии, стреляя почти в упор, ублюдки, служившие у доминаторов за артиллеристов, умудрялись промахиваться, кося ряды своих же зверосолдат, и лишь изредка попадали в моторциклиста. Основная масса зиндских войск продолжала шагать в сторону Лумба — зверосолдаты еще не получили команды повернуться лицом к противнику.

На головокружительной скорости Феррик вел своих верных штурмовиков в брешь, пробиваемые хелдонской артиллерией в рядах противника. Надо было во что бы то ни стало пробиться к зиндским дредноутам.

Наконец доминаторы оправились от потрясения, ибо внезапно, с нечеловеческой четкостью и синхронностью, тысячи гигантских зверосолдат развернулись и маршем пошли на хелдонские танки, равномерно взмахивая своими чудовищными дубинами. Волна за волной накатывались обнаженные монстры, разлетаясь брызгами, но на смену им прибывали новые зверосолдаты —

столь велики были запасы пушечного мяса доминаторов. Тысячи монстров ложились под гусеницы танков и колеса моторциклов, сраженные ураганным огнем, но на их месте тут же появлялись новые тысячи.

Внезапно Феррик увидел перед собой надвигающуюся шеренгу кражистых чудовищ, размахивающих гигантскими дубинами. Кровавые глаза зверосолдат светились бессмысленным огнем, слюна стекала по подбородкам, в то время как все они разом поднимали и впечатывали в землю могучие ноги, толстые, как мраморные колонны Зала. Феррик выхватил Громовую Палицу и взметнул ее над головой, приготовившись обрушить на наступающую нечисть свое мистическое оружие.

О чудо! Стоило взять в руки Громовую Палицу, как тело Феррика тут же наполнилось энергией и сверхчеловеческой силой. Стальной Командир был в его руках легче перышка, но его первый удар обрушился на врага с силой лавины, напрочь смахнув головы шестерым зверосолдатам и оставив их тела корчиться в пыли, обливаясь кровью. Восторженный вопль штурмовиков показал, что они оценили этот удар. Преисполнившись боевого духа при виде столь вдохновляющего примера, эсэсовская суперэлитная гвардия под водительством Лудольфа Беста врезалась в ряды противника рядом с горячо любимым вождем. Хотя зверосолдаты неизмеримо превосходили хелдонцев числом — да и ростом каждый из монстров был в два раза выше истинного человека, — эсэсовские фанатики легко справлялись с ними за счет скорости, современного оружия и истовой веры в правое дело. Их булавы обрушивались на крохотные головки зверосолдат, а колеса моторциклов дробили кости упавших. Верная охрана продвигалась вперед, не отставая от Феррика, а он самозабвенно крушил врага Стальным Командиром, все глубже погружаясь в чавкающее болото омерзительной плоти — единое коллективное тело зиндской орды.

Феррик уже потерял счет поверженным врагам. Он шел, мерно взмахивая Громовой Палицей, словно косарь, с каждым ударом ломая ноги десяткам гнусных тварей, оставляя их визжать и корчиться в пыли до тех пор, пока булавы и колеса моторциклов штурмовиков не обрывали их квази-жизнь. Иногда Феррик менял тактику, и тогда металлический кулак Стального Командира начинал превращать в кровавое месиво отвратительные морды.

Даже в рукопашной зверосолдаты не проявляли никакой личной инициативы. Они просто перли вперед, шеренга за шеренгой, поражая своими дубинками все, что двигалось. Возможно, они даже не соображали, есть перед ними цель или нет. Как только

один зверосолдат падал, тотчас же из задних рядов на его место выдавливался другой. Протоплазменными винтиками в единой гигантской машине — вот кем они были, эти зверосолдаты.

Битва продолжалась. Стальная хелдонская колонна рвала тело орды, но и сама несла потери. Доминаторы бросали все новые волны зверосолдат. Движение колонны сдерживалось главным образом гигантскими горами трупов, через которые приходилось пробираться.

Вскоре Феррик был уже в каких-то ста ярдах от зиндских паровых дредноутов, составленных кругом и окруженных плотной толпой зверосолдат. За Ферриком следовал верный Бест, затем — четыре танка и суперэлитные штурмовики личной охраны Феррика. За ними двигалась основная колонна танков, оставляя за собой кровавый след измолотых гусеницами монстров.

Внезапно тактика доминаторов изменилась. Из рядов зверосолдат вокруг дредноутов выдвинулись зверосолдаты-стрелки. Они стали вести прицельный огонь по колонне хелдонских войск. Вот уже за спиной Феррика юный эсэсовский герой-мученик вскрикнул от боли и рухнул с седла своего моторцикла. Фонтан чистейшей алой крови хлестал у него из горла. Пули свистели вокруг Феррика, то здесь, то там поражая десятками парней из Светозарной Свастики, падающих в пыль со своих стальных коней. Одна из пуль срикошетила от стальной рамы моторцикла Беста и просвистела на волосок от его головы.

— Автоматы к бою! — что было мочи крикнул Феррик. Он засунул Стального Командира за пояс и сорвал с шеи автомат. Повернув моторцикл в сторону, он понесся вперед, уводя своих людей с линии огня танковых орудий.

Сделав полукруг на свободном пространстве, Феррик дал очередь по ближайшему ряду зверосолдат, скосив сразу двоих. Танковые орудия открыли огонь. Залп бронебойными снарядами ударил во вражеские дредноуты, разнося их вдребезги. Долоину заволокло дымом и пылью. Тяжелые осколки металла дождем посыпались на зверосолдат, убивая их и калеча. Новый залп. Следом еще один. И еще. Место, где стояли зиндские дредноуты, превратилось в огненный ад. Залп следовал за залпом.

Когда пыль наконец осела и дым рассеялся, на месте восьми дредноутов осталась лишь огромная дымящаяся воронка, усеянная осколками металла и ошметками кровоточащей протоплазмы.

Эффект уничтожения командирских дредноутов, откуда велось управление всей ордой, проявился незамедлительно и был

воистину удивителен. Синхронность движения зверосолдат мгновенно нарушилась; огромные безмозглые монстры начали бессмысленно метаться из стороны в сторону, сталкиваясь и опрокидывая друг друга. Некоторые из них остервенело разряжали свои винтовки в воздух, другие отбрасывали оружие в сторону. Воздух наполнился отвратительным бормотанием, пронзительными вскриками и надрывающим душу воем. Вся огромная масса зверосолдат, находящаяся в непосредственной близости от дымящейся воронки, превратилась в охваченное паникой стадо.

Эсэсовские орудия и пулеметы косили зверосолдат как траву. Стремясь нанести врагу максимальный ущерб, Феррик и его штурмовики сосредоточили огонь на гигантских скрипучих телегах, где могли укрываться доминаторы. Всякий раз при прямом попадании орудийного снаряда в такую телегу очередной отряд зверосолдат начинал метаться из стороны в сторону или же, в приступе внезапной ярости, бросаться на своих.

Снова и снова Феррик и его верное войско рассекало зиндскую орду, зажатую в узкой долине. Тысячи и тысячи монстров ложились под колеса и гусеницы отважных воителей. И с каждым разом все ближе был Лумб и мост через Роуль.

К тому времени, когда до восточных предместий Лумба было уже рукой подать; вся зиндская орда пребывала в состоянии полнейшего хаоса. Десятки тысяч зверосолдат были уничтожены, еще десятки тысяч, лишившись хозяев-доминаторов, превратились из протоплазменных машин для убийства в бессмысленное скопление мышц. Подобно тому, как лишенное головы тело рептилии еще какое-то время сохраняет видимость жизни, дергаясь и пытаясь бежать, поощряемое спинным мозгом, — так и эти безмозглые монстры бесцельно метались из стороны в сторону, стреляли, дрались, мочились, грызли друг друга, испражнялись и гибли во множестве под ногами своих же сородичей.

Когда Феррик во главе стальной лавины достиг наконец восточных предместий Лумба, вернее того, что когда-то было предместиями, даже штурмовики с их железной выдержкой не смогли сдержать взгласов ужаса. То, что окружало их, не могло привидеться и в кошмарном сне.

Зиндская орда, наступавшая широким фронтом, буквально стерла с лица земли столицу волакских мутантов. Здания превращались в груды камней, которые затем разбивались и толклись в порошок. Во всем Лумбе не осталось ни одного целого артефакта. Та же участь постигла и обитавших здесь мутантов. Зверосолдаты убивали на своем пути все живое. Улицы были

усеяны кусками тел, костями и полуобгрызенными трупами мутантов и гибридов. Мутированная плоть стремительно разлагалась. В воздухе стоял отвратительный трупный смрад. Очевидно, оставшихся в живых доминаторов было недостаточно, чтобы удержать в повиновении массы зверосолдат, ибо повсюду бродили, шатаясь, десятки тысяч этих мрачных чудищ, время от времени тоскливо мычащих, громко испускающих газы либо тупо и размеренно колотящих дубинами по трупам своих сородичей. Те, у кого в ручищах были винтовки, время от времени стреляли в воздух. Или в себя — в зависимости, куда в этот момент был повернут ствол. Многие с навязчивым упорством пытались помочиться на сородичей.

Чувствуя, что его вот-вот вырвет, Феррик собрал в кулак всю свою сверхчеловеческую волю и подавил рвотный позыв. Повернувшись к Бесту, он крикнул:

— Видишь, какое будущее готовят доминаторы всему миру! Они хотят, чтобы вся наша планета превратилась в генетическую помойку, населенную вот такими слюнявыми чудищами. Клянусь Громовой Палицей и Свастикой, что не успокоюсь, пока с лица Земли не исчезнет последний доминатор!

После таких слов Феррик вывернул до отказа ручку газа. Двигатель моторцикла бешено взревел, стальной конь встал на дыбы и с удвоенной скоростью помчал своего хозяина вперед. Стальная колонна понеслась следом. Зрелище полного надругательства над тем, что некогда было человеческим генетическим материалом, преисполнило сердца хелдонцев лютой ненавистью к врагу, вознеся их на высшую ступень героизма.

Срезая путь где только можно, штурмовой отряд мчался вперед, навстречу огненному зареву над западным берегом, где Ваффинг со своими героями стоял насмерть, сдерживая нападающие полчища врагов. Еще издалека грохот орудий и оглушительный треск тысяч пулеметов рвал барабанные перепошки. Каково же было там, на другом берегу?

Берега забитого трупами Роуля соединял один-единственный понтонный мост. Феррик с первого взгляда оценил всю ненадежность этого примитивного сооружения. По мосту продвигался отряд зверосолдат, шагающих в унисон, с нечеловеческой синхронностью движений. В середине отряда находилась командирская телега, откуда производилось управление живыми роботами. Очевидно, этих зверосолдат не затронула всеобщая паника.

Столпившиеся на берегу безмозглые гиганты бесцельно метались по сторонам. Многие пытались прорваться на мост,

вслед за ушедшим отрядом, многим это удавалось. Оттуда они и падали в мутные воды.

Феррик мгновенно сообразил, что танками проложить путь не удастся. Достаточно одного шального снаряда — и хлипкая переправа, связывающая оба берега, будет разрушена. В этом случае штурмовой отряд, устремившийся на выручку Ваффингу, окажется заперт здесь, среди обезумевшего стада монстров.

Поэтому Феррик взмахнул Стальным Командиром, приказывая колонне перестроиться. Идущие в авангарде танки разошлись в стороны, затем разъехались танки, отделяющие боевой клин от основного отряда. Теперь дредноуты двигались в арьергарде и по флангам, прикрывая с тыла и с боков колонну моторицистов, возглавляемых Ферриком и Бестом. Оглянувшись, Феррик невольно залюбовался этими героями, восседающими на своих черных машинах, сплошь залитых вражеской кровью. После отвратительных рож зверосолдат так приятно было видеть истинно человеческие лица этих героев благороднейших кровей. Ветер развеивал алые плащи эсэсовцев, на лицах у всех светилось одинаковое выражение фанатичной решимости. Грозные стальные булавы, красные от крови, заткнуты за пояса. Этим людям все было по плечу!

Издав боевой клич, Феррик повел фалангу СС на обезумевшую толпу, у входа на мост. Широко размахнувшись, он снес ударом Стального Командира голову одному из зверосолдат и тем же ударом отделил ноги от туловища еще у двоих. Те рухнули в агонии. Феррика с ног до головы окатило горячей и грязной кровью чудовищ, фонтаном бьющей из страшных ран. Рядом с Ферриком Бест одним ударом булавы поверг громадного зверосолдата на колени, после чего раздробил ему позвоночник. Справа и слева — везде герои из СС десятками истребляли гнусных чудовищ. Толпа зверосолдат была столь плотной, что каждый удар булавы находил свою жертву.

Стальной клин СС с маху врезался в плотную массу нечисти. Охваченная животным ужасом, толпа гигантов заколыхалась и мало-помалу раздалась в стороны, открывая проход к мосту. Монстры разбежались, давя ногами раненых сородичей. Не тратя на них времени, Феррик, а вслед за ним и эсэсовцы-штурмовики устремились на мост.

Прежде чем доминатор на телеге успел начать маневр, пытаясь развернуть марширующий отряд на узком пространстве моста, Феррик и его люди обрушились сзади. Удары Стального Командира падали на плечи и спины мерно шагающих зверосолдат, сокрушая позвоночники и черепа. Штурмовики, не же-

лая отставать от вождя, соревновались с ним в доблести: разможенные головы, раздробленные хребты, перебитые ноги — все пространство моста на протяжении пятидесяти ярдов было завалено бьющимися в предсмертных муках телами.

Наконец доминатору удалось повернуть отряд. Зверосолдаты зашагали навстречу хелдонцам, взмахивая своими суковатыми дубинами. К этому времени Феррику почти удалось пробиться к телеге — ее громадные деревянные скрипучие колеса возвышались над головами зверосолдат в каких-нибудь десяти шагах от Феррика. Но между ним и телегой стояли плечом к плечу десять рядов зверосолдат. Очевидно, это была личная охрана доминатора. Передний ряд зверосолдат разом взмахнул своими страшными дубинами, но Феррик, упреждая их, одним движением Громовой Палицы раздробил дюжину вражеских рук. Дюжина дубин упала на землю, дюжина слюнявых ртов зашлась в страдальческом вопле.

Не теряя даром времени, Феррик левой рукой подхватил болтающийся на шее автомат и длинной очередью хлестнул по шкуре мутантов, облепивших телегу, точно мухи. С такого расстояния невозможно было определить, кто из них — доминатор, поэтому проще перебить всех.

Первая же очередь скосила шестерых. Сзади запел боевую песню автомат верного Беста. А несколько мгновений спустя уже все штурмовики вели огонь по телеге, превращая находящихся там мутантов в бесформенную массу кровавой протоплазмы.

Как только тело последнего доминатора было изорвано в клочья сотнями пуль, среди зиндских рабов на мосту воцарился полнейший хаос. Гигантские мутанты, запряженные в телегу, несколько секунд растерянно шевелили крохотными недоразвитыми ручонками, а потом вдруг разом истошно завопили и бросились в разные стороны, таща за собой телегу. Телега раскачивалась и подпрыгивала на стыках моста, убивая и калеча зверосолдат, которые сейчас пребывали в таком же точно состоянии, что и их собратья на восточном берегу, а именно: они что-то бормотали, мотали головами, мочились, грызли друг друга, тоскливо мычали и, сталкиваясь друг с другом, во множестве валились с моста в нечистые воды реки.

Для Феррика и его отряда не составило никакого труда очистить мост. Задача упростилась еще и за счет того, что тягловые мутанты в какой-то миг случайно ринулись в одном направлении и вместе со своей неуклюжей телегой рухнули с моста, подняв громадный фонтан брызг, окативший зверосолдат с ног до головы. Это лишь добавило сумятицы в их ряды. С тоскли-

вым мычанием зверосолдаты стали бросаться в воду, вслед за телегой, освобождая мост. Прошло не больше минуты — и лишь гора изувеченных трупов осталась единственным напоминанием об inferнальном отряде.

Путь был свободен. Штурмовая колонна с ревом устремилась через мост на западный берег. Замыкали колонну пять танков. Как только их гусеницы коснулись твердой земли, танки остановились. Башни их развернулись. Троекратный залп сотряс воздух. Там, где только что был мост, теперь плавали лишь обломки, медленно сносимые вниз по течению. Остатки орды были заперты за рекой.

Что касается другой половины орды, то теперь она оказалась зажатой в тиски между дивизиями Ваффинга на западе и штурмовиками Феррика на востоке. Отрезанная от тыла, уменьшившаяся вдвое орда была обречена.

Дивизии Ваффинга окопались на западном берегу широким фронтом. Глубоко эшелонированная линия обороны пролегла там, где совсем еще недавно располагались западные пригороды Лумба, ныне сровненного с землей. Окопы и наспех построенные земляные редуты одну за другой отражали непрекращающиеся атаки противника. Зиндские доминаторы бросали в этот кровавый котел все новые и новые полки зверосолдат, но хелдонцы держались, не уступая врагу ни пяди земли. Далеко в тылу за линиями окопов высились стальные громады паровых дредноутов, которые вели непрерывный огонь по позициям противника. Снаряды зиндских мортир, установленных на телегах, были им не страшны: хелдонские мортиры намного превосходили мортиры противника по дальностью и калибру. В воздухе висел густой и едкий дым от взрывов. Грохот стоял такой, что было больно ушам.

К тому времени, когда Феррик со своими штурмовиками вышел орде в тыл, зиндцам удалось продвинуть свои укрепления почти вплотную к хелдонским окопам. Всего лишь сотня ярдов отделяла их от хелдонцев. Огромная гора трупов зверосолдат, наваленная вдоль всей линии огня, служила врагу укрытием. Когда Феррик поднялся на гребень холма, перед ним открылся захватывающий вид грандиозного сражения. Зверосолдаты шли, шеренга за шеренгой, синхронно поднимая и опуская ноги и паля из винтовок. Как только хелдонские пулеметы скашивали один ряд зверосолдат, на его месте немедленно возникала новая шеренга живых десятифутовых роботов. И с каждой такой

волной зверосолдаты на один-два фута оказывались ближе к линии окопов, ценой чудовищных потерь медленно, но неуклонно продвигаясь вперед. Это напоминало сползание ледника со склона горы, таявшего в лучах солнца, упрямо захватывая все новые и новые дюймы земли.

С волчьей ухмылкой Феррик обернулся к Бесту:

— Доминаторы сейчас меньше всего ожидают нападения сзади! Мы прижмем их к дивизиям Ваффинга и раздавим как клопов!

Феррик трижды взмахнул над головой Стальным Командиром, и по этому сигналу штурмовики перестроились в боевой порядок. Справа и слева от Феррика выстроились ряды эсэсовских моторциклистов. В переднем ряду, на равном расстоянии друг от друга замерли танки.

Феррик рассек воздух Стальным Командиром, завел мотор, и грозная масса людей и металла тронулась с места и, набирая скорость, понеслась вниз, со склона холма, туда, где разгоралась величайшая в истории битва. Орудия танков били на ходу, посылая в ряды врага снаряд за снарядом. По приказу Феррика огонь велся исключительно по телегам. Десятки телег тут и там взлетали на воздух. К тому моменту, когда штурмовой отряд столкнулся с противником, несколько десятков вражеских полков превратились в обезумевшие толпы кретинов.

Врезавшись моторциклом в ряды шагающих на запад зверосолдат, Феррик одним героическим ударом размозжил головы десятку монстров. Но зверосолдаты продолжали шагать навстречу бешеному огню пулеметов Ваффинга, совершенно игнорируя штурмовиков и танки СС, косящих их ряды. Автоматные очереди вспарывали спины зверосолдат, удары стальных булав обрушивались на их затылки, а они все шагали и шагали, не оглядываясь. Феррик заметил выражение крайнего недоумения на лице Беста, когда тот одной автоматной очередью скосил десяток монстров, а зверосолдаты справа и слева даже не обернулись.

К тому времени, когда доминаторы догадались повернуть задние ряды навстречу новому противнику, штурмовики СС уже успели нанести врагу чудовищный урон. Положение доминаторов усугублялось еще и тем, что потерявшие хозяев зверосолдаты ломали строй остальных полков. Зиндское наступление на позиции Ваффинга захлебнулось, в рядах противника царил невообразимая сумятица. Зверосолдаты бросались друг на друга, выли, мычали — в общем, демонстрировали крайнее скотство.

Увидев это и сообразив, что помощь близка, Ваффинг повел свою армию в решающую атаку. Хелдонцы выскакивали из окопов и со страшным боевым кличем кидались на врага.

Зиндская орда, уже превратившаяся к этому времени в стадо обезумевших монстров, оказалась зажатой между двумя линиями наступавших хелдонцев. Скотству и зверству противостояли сталь и героизм. Уже сейчас исход битвы не оставлял ни малейших сомнений.

Прорубаясь сквозь полчища вонючих, бестолково мечущихся гигантов, Феррик вдруг ощутил небывалое вдохновение. Каждый удар Стального Командира очищал мир от нескольких чудищ, каждый сраженный зверосолдат приближал истинное человечество к тотальной победе. Видимо, то же самое чувствовали и штурмовики. Везде, куда ни кинь взор, парни из Светозарной Свастики, охваченные священной яростью, самозабвенно крушили гнусную нечисть; в каждом открылся неисчерпаемый источник силы — то сама расовая воля безумствовала на поле боя. Сейчас и сам Феррик, и его люди были одним целым, связанным воедино боевым братством.

Феррик потерял счет времени. Он не ведал, сколь долго продолжалось сражение. Феррик и его верный моторцикл неуклонно продвигались вперед. Сраженные Стальным Командиром зверосолдаты валялись точно снопы. Силы его не убывали. Напротив, с каждым сраженным зверосолдатом Феррик ощущал себя все бодрее. Душа его ликовала, сердце пело. Здесь, на этом поле, его руками творилась история.

Наконец ряды зверосолдат стали заметно редеть. Уже не десятки, а единицы квази-жизней уносил каждый взмах Громовой Палицы, ибо большая часть врагов была повержена. Среди гор трупов, спотыкаясь и падая, металась, жалобно и тоскливо мыча, уцелевшие безмозглые чудища.

Впереди, в нескольких ярдах Феррик заметил двух зверосолдат. Они стояли на горе трупов и осыпали друг друга ударами громадных суковатых дубин. Направив на них моторцикл, Феррик занес над головой Громовую Палицу. Но не успел металлический кулак Стального Командира поразить свою цель, как один из зверосолдат упал с разможженным черепом. В следующий миг Стальной Командир снес голову второму монстру.

И вот, совершенно внезапно, перед Ферриком возникла тучная фигура Лара Ваффинга. Серая форма его потемнела от крови зверосолдат, в руках фельдмаршал держал тяжелую булаву, с которой стекали на землю вражеские мозги.

Феррик резко затормозил свою машину в двух шагах от сияющего Ваффинга и легко соскочил на землю. Еще через мгновение к ним подбежал Бест. Втроем они молча обнялись. А вокруг черные кожанки эсэсовцев перемешались с серой формой армейских частей. Тиски сошлись. Враг был раздавлен. Зиндская орда прекратила свое существование.

Первым торжественное молчание нарушил дородный и шумный Ваффинг.

— Мы совершили *это*! Хелдон спасен! Вот он — величайший миг мировой истории!

— Нет, мой дорогой Ваффинг, — поправил его Феррик. — Воистину величайшим мигом станет тот, когда погибнет последний доминатор. Мы выиграли сражение, но не войну!

Ваффинг задумчиво кивнул. Втроем они молча воззрились на поле битвы, заваленное вражескими трупами. Закат окрасил пейзаж в кроваво-красный цвет. По широкому полю бродили эсэсовцы в черной форме, и время от времени тишина нарушалась короткой автоматной очередью. Феррик и его паладины стояли молча. Последние лучи заходящего за их спинами солнца зажгли над их фигурами оранжево-багровый ореол.

Глава 11

Теперь, когда зиндские орды оказались временно запертыми за водной преградой Роуля, строительство Нового Хелдона пошло темпами, от которых просто дыхание захватывало. Победа при Лумбе подхлестнула хелдонцев, ибо каждый четко понимал: человеческой расе дана лишь короткая передышка. В скором времени доминаторы вновь попытаются двинуть на святую незараженную землю фатерлянда неисчислимые полчища своих гнусных живых роботов. Поэтому каждый выкладывался, как мог, участвуя в общем деле построения светлого будущего, и по всей стране, куда ни глянь, люди наперебой демонстрировали самые настоящие чудеса самопожертвования и фанатизма.

Самое лучшее, самое новое, самое прогрессивное из того, что нес в себе Новый Порядок, нашло свое воплощение в программе классификационных лагерей. Ничто не доставляло Феррику такого удовольствия, как инспекционные поездки по лагерям. Ибо нигде патриотическое рвение не достигало такого поистине героического размаха, как здесь.

Вот и теперь сердце Феррика сжалось от предвкушаемой радости, когда он проходил через главные ворота только что

вошедшего в строй нового классификационного лагеря, расположенного недалеко от северной границы Изумрудного леса. На этот раз Феррик предпочел прибыть сюда с неофициальным визитом. Борс Ремлер вызвался сопровождать его самостоятельно. Поспешая за Ферриком, Ремлер просто исходил от нетерпения. Феррик прекрасно понимал его. Ведь Борс вложил в лагеря всю свою душу. Вдвоем с Ваффингом, при поддержке военной промышленности и армии, а также добровольцев из СС, Ремлер сделал невозможное: за какие-то два месяца в Хелдоне были построены и введены в строй тридцать шесть классификационных лагерей.

Внешне лагерь выглядел довольно скромно — прямоугольный участок, огороженный несколькими рядами колючей проволоки, через которую пропускался электрический ток. По углам прямоугольника высились сторожевые вышки с установленными на них пулеметами. Внутри лагеря тянулись ровные ряды аккуратных деревянных бараков. Одновременно лагерь вмещал до десяти тысяч хелдонцев — и такова была сверхчеловеческая эффективность СС, что Ремлер гарантировал обработку всех этих десяти тысяч граждан в течение всего лишь пяти дней.

Излишним было бы говорить, что все эти достижения были бы абсолютно невозможны без подлинно фанатической поддержки простых хелдонских тружеников — таких, как те, что встречали сейчас Феррика и Ремлера, выстроившись в ровные шеренги на главном лагерном плацу — всего их здесь было две с лишним тысячи человек. «Клаги» — так называли хелдонских граждан, проходящих пересертификацию в лагерях. Это новое словечко появилось в обиходе всего лишь два месяца тому назад. Еще одно свидетельство тех головокружительных темпов, с которыми Хелдон строил свое счастливое будущее. В основной своей массе собравшиеся на плацу клаги представляли собой, на первый взгляд, превосходные экземпляры истинно человеческой породы. Сейчас, на время пребывания в лагере, вместо гражданской одежды на них были серые опрятные костюмы с нашитыми номерами. Хотя пребывание в лагере являло собой довольно тяжкое испытание, требующее определенного напряжения моральных и физических сил, Феррик, к величайшему своему удовлетворению, не заметил среди клагов ни одной кислой физиономии. Большинство из проходящих здесь пересертификацию в глубине души лелеяли надежду быть направленными в ряды СС. Тем более что за вдохновляющим примером далеко ходить было не надо — куда ни кинь взгляд, повсюду виднелись brave парни из Светозарной Свастики в

сверкающих черных кожанках и алых, украшенных свастикой, плащах.

Когда Феррик остановился перед строем, Ремлер рядом с ним щелкнул каблуками и молча выбросил руку в партийном приветствии.

Немедленно шеренга клягов ошетибилась лесом выброшенных вперед рук, и дружный рев двух с лишним тысяч голосов «Хайль Яггер!» раскатился над классификационным лагерем.

Феррик выбросил руку в ответном салюте, после чего обратился к клягам с краткой речью. Надо было как-то вознаградить славных хелдонцев за их патриотизм.

— Граждане Хелдона! Я рад вашему патриотизму и готовности жертвовать мелкими удобствами ради процветания общего дела. Мне известно, что половина из присутствующих находится здесь добровольно. Подобное рвение вдохновляет не только меня, но и каждого истинного человека, живущего по законам Свастики. Ваш боевой дух, ваш патриотизм, ваша готовность жертвовать всем и ваша приверженность священным расовым идеалам, как и сам этот лагерь, где мы с вами находимся, должны служить грозным напоминанием гнусной клике доминаторов и их приспешников. Граждане Хелдона! Я желаю вам удачи! Да не выявится среди вас доминатор! Желаю всем вам успешно пройти пересертификацию! Я желаю каждому из вас попасть в ряды СС. Это высшая почесть, которой может удостоиться истинный человек! Хайль Хелдон! Хайль победа!

В ушах Феррика все еще звучал ответный рев голосов «Хайль Яггер!», когда они с Ремлером отправились осматривать лагерь.

Пересертификация производилась в большом одноэтажном строении, обшитом листами нержавеющей стали. У входа в здание находилась большая толпа клягов под предводительством высокого светлокудрого эсэсовца в безупречно черной кожанке. Еще несколько эсэсовцев разделяли эту толпу на четыре очереди и по одному запускали внутрь. Так как очереди двигались очень быстро, другие эсэсовцы постоянно подводили к толпе новые группы клягов. Четкость, слаженность и скорость напоминали заводской конвейер. Феррик отметил, что кляги в толпе были бодры, веселы и оживленно переговаривались между собой. То тут, то там слышался жизнерадостный смех. Однако, встав в очередь, каждый двигался к дверям с видом сосредоточенным и торжественным, очевидно, осознавая всю важность текущего момента.

— Мне нравится скорость, с которой проходит пересертификация, — сказал Феррик Ремлеру. — К вашей чести, должен

заметить, что удастся сочетать массовость охвата с уважением к индивидуальности каждого хелдонца.

Ремлер кивнул:

— Некоторые из этих молодых парней так хотят попасть в ряды СС, что отдают свой суточный паек, стремясь оказаться в той группе, которая будет проходить пересертификацию раньше.

Феррик только покачал головой:

— Отдай по лагерю приказ: человек, отдавший свой суточный паек, с целью побыстрее пройти пересертификацию, отодвигается в очереди на сутки. Мы не можем допустить, чтобы потенциальные эсэсовцы голодали по причине собственного энтузиазма.

— Да, мой Командир! — ответил Ремлер, и они вошли в обшито-сталью строение.

Интерьер пересертификационного центра был подчеркнута рабочим: некрашенные стены и каменный пол. Каждая из четырех очередей, вливающих сюда, проходила вдоль длинных барьеров, тянувшихся на добрую половину длины помещения. За барьерами плотными рядами стояли эсэсовские генетики в черных кожанках. Каждый из них производил лишь один тест. За то время, пока каждый клаг-абитуриент проходил вдоль барьера, он подвергался всестороннему тестированию. Все четыре цепочки тестируемых сходились затем вместе перед стеной, в которой находились четыре двери. Здесь клаг-охранял целый десяток эсэсовцев, вооруженных булавами и автоматами. После того как клаг-абитуриент проходил тестирование, его направляли к одной из дверей для дальнейших процедур. Феррик заметил, что большинство клагов всячески стремились попасть в крайнюю справа дверь.

— Мы недавно разработали четыре дополнительных теста, — с гордостью сообщил Феррику Ремлер. — Каждый хелдонец должен теперь удовлетворять двадцати трем генетическим параметрам. Конечно, для тех, кто стремится попасть в СС, требования намного выше. Поскольку уже на сегодняшний день хелдонские лагеря направили в ряды СС почти семьдесят тысяч человек, мы были вынуждены ужесточить наши требования к чистоте генотипа для тех, кто мечтает попасть в ряды Светозарной Свастики. Кроме того, женские лагеря рекомендовали сорок тысяч женских особей, генетически подходящих для спаривания с людьми из СС. Мой Командир, ты только представь себе, каких невероятных экземпляров мы получим уже в следующем поколении! Чистота генотипа кристальнейшая!

— Ничуть в этом не сомневаюсь, Ремлер, — отозвался Феррик. — То, что ты делаешь здесь, иначе как чудом назвать нельзя.

Зарумянившись от похвалы, Ремлер провел Феррика в крайнюю слева дверь. Они очутились в маленьком помещении. Двое находящихся здесь эсэсовцев, вооружённых автоматами и булавами, замерли по стойке «смирно» и выбросили правую руку в партийном салюте при виде верховного главнокомандующего. Пол в помещении был влажным, бетонным и весь усеян небольшими отверстиями. Вода подавалась из многочисленных кранов, расположенных на стене в нескольких дюймах от пола. Несмотря на чистоту, царящую в помещении, на полу виднелись следы красно-бурых пятен.

— На настоящий момент нам удалось выявить всего лишь несколько тысяч доминаторов, — сказал Ремлер. — Однако эсэсовские ученые близки к завершению работ над специальным тестом, выявляющим доминаторский генотип. В настоящий же момент я с прискорбием вынужден признать вероятность того, что некоторому количеству доминаторов удалось улизнуть, выдав себя за обычных мутантов или гибридов.

Феррик вернул салют честным эсэсовским труженикам и кивнул в ответ на слова Ремлера.

— Когда работы над этим тестом будут закончены, нам никто не помешает подвергнуть стерилизованных мутантов повторной проверке. И тем самым выявить уцелевших доминаторов. Доминаторы во что бы то ни стало должны быть уничтожены все до последнего! Это вопрос выживания истинного человечества.

— В любом случае новое поколение так или иначе решит эту проблему, — заметил Ремлер.

В противоположном от входа конце ликвидационного помещения находилась еще одна дверь. Ремлер провел Феррика через нее. Они пересекли служебный коридор и вошли в большое помещение, наполненное веселыми обнаженными хелдонцами, выстроенными перед стальной стеной, в которой виднелись окошки. В окошках клаги получали новые сертификаты, подтверждавшие чистоту их генотипа, а также свою гражданскую одежду, сданную при поступлении в лагерь.

Стоило Феррику появиться здесь, как оглушительный и восторженный вопль «Хайль Яггер!» эхом отозвался от стальных стен. С минуту толпа не могла успокоиться, непрерывно выкрикивая «Хайль Яггер!» и вскидывая руку в партийном салюте. При виде столь чистосердечного выражения народного ликования Феррик не мог удержаться от улыбки, отдав толпе исполнивших свой гражданский долг хелдонцев партийный салют.

Феррику был вполне понятен восторг этих людей. Ведь они прошли новое, строжайшее генетическое тестирование, которое

вновь подтвердило их причастность к истинному человечеству. Неподдельная радость этих людей глубоко тронула Феррика; он почувствовал, как в нем еще больше крепнет железная решимость довести до конца свою великую миссию — подарить истинному человечеству весь мир.

Затем Ремлер повел Феррика по коридору и наконец остановился у входа в вытянутое, прямоугольной формы помещение, которое, очевидно, являлось предметом особой гордости Ремлера. Прямо от дверей начинался барьер, точно такой же, как в помещении для пересертификации. За барьером плечом к плечу стояли пятеро эсэсовских генетиков, все как на подбор белокурые и голубоглазые. Дальше, за генетиками, располагался за своим столом врач, обложившийся всевозможными медицинскими инструментами. Вся задняя часть комнаты была занята рядами столов, за которыми сидели высокие белокурые юноши, заполнявшие под наблюдением капитана СС бланки тестов. Патриотическое рвение и воодушевление достигали в этом помещении необычайного накала. Ведь находившимся здесь юношам предоставлялась попытка пройти невероятно жесткое генетическое, соматическое и патриотическое обследование на предмет возможности вступления в ряды СС.

При виде Феррика все находящиеся здесь вскочили, приветствуя вождя. Феррик ответил коротким салютом и кивком головы дал понять, чтобы на него и Ремлера не обращали внимания. После чего он счел нужным выйти, дабы ничем не нарушать торжественность процедуры и дать возможность соискателям полностью сосредоточиться на тестах. Феррик прекрасно понимал, что его присутствие отвлечет внимание юных патриотов — из-за этого они могут упустить шанс, который выпадает в жизни только раз.

Завернув за угол коридора, Феррик столкнулся нос к носу с очередью людей. Лица их были бледными как мел, а в глазах застыл страх. Вдоль очереди на равных интервалах друг от друга стояли эсэсовцы, вооруженные булавами и автоматами. Впереди находился майор СС с блокнотом и ручкой в руках. За спиной у майора виднелись две двери.

При появлении Феррика майор как раз обращался к угрюмому хелдонцу с несколько высокомерным лицом:

— Мой долг сообщить вам, что тестирование выявило ваше несоответствие стандартам беспримесного истинно человеческого генотипа. Посему вам предоставляется на выбор: либо выдворение из фатерлянда без права возвращения, либо стерилизация. Что выбираете?

Парень явно колебался; Феррик заметил слезы в его глазах. Внезапно присутствие Феррика было замечено, и все, включая эсэсовцев и отбракованных, вытянулись по стойке «смирно» и, выбросив правую руку в партийном салюте, прокричали «Хайль Яггер!» с таким неподдельным энтузиазмом, что лучшего и не пожелаешь. Феррик был глубоко тронут подобным проявлением расовой солидарности элитных носителей беспримесного истинно человеческого гено типа и тех, кому предстояло принести себя на алтарь Отечества, пожертвовав ради процветания фатерлянда самым дорогим.

Мгновение — и хелдонец, стоящий перед майором, расправил плечи, щелкнул каблуками, вытянулся во фрунт и бодро отпартовал:

— Ради блага Отчизны я выбираю стерилизацию!

Выбросив правую руку в безупречном партийном салюте, несчастный решительно зашагал к правой двери.

— Восемьдесят пять процентов отбракованных выбирают стерилизацию, — тихо шепнул Ремлер на ухо Феррику.

Слезы затаенной радости, смешанной с саднящей горечью, выступили у Феррика на глазах, когда он стоял и смотрел, как один за другим отбракованные стоически шагали к правой двери с тем, чтобы лишиться своих производительных органов. Перед его глазами сейчас было самое убедительное доказательство триумфа Свастики и правоты дела, которому он, Феррик, служил.

Верховный командующий фельдмаршал Лар Ваффинг тяжело поднялся с места, глянул на громадную карту за спинкой более высокого, чем у других, кресла Феррика, кивнул генералам, собравшимся в главном зале генерального штаба, улыбнулся Феррику и начал доклад:

— Мой Командир, с величайшим удовольствием спешу сообщить, что перевооружение армии можно считать завершенным. В нашем распоряжении находится более трехсот танков, и новые заводы способны выпускать еще по десятку каждую неделю. Сейчас мы имеем более двухсот истребителей и пикирующих бомбардировщиков. Новые сборочные линии гарантируют еженедельный выпуск еще десяти машин. Более полумиллиона хелдонцев влились в ряды нашей армии. Я с гордостью могу доложить, что отныне каждый солдат имеет новый автомат, равно как и уставную булаву. Столь же хорошо обстоят дела и с боеприпасами. Что касается нефти, то ее запасов нам хва-

тит на месяц войны. Ученые военно-промышленного комплекса сейчас бьются над задачей воссоздания управляемых ракет и другого оружия древних.

Ваффинг сделал паузу.

— В общем, если вкратце, мой Командир, находящиеся в вашем распоряжении воинские части ждут только вашего приказа, чтобы рвануться в бой!

— Превосходно, Ваффинг, — отозвался Феррик, когда фельдмаршал, повинувшись его жесту, сел. — Армии и СС, как воздух, нужны боевые действия, чтобы поддерживать себя в форме. Вопрос только в том, где и когда мы будем вести эти боевые действия. — И пристально посмотрев на Ваффинга, Феррик спросил: — Как думаешь, мы готовы стереть Зинд с лица земли?

Несколько мгновений Ваффинг напряженно думал, прежде чем ответить.

— У меня нет ни малейшего сомнения в том, что мы сможем победить Зинд в случае, если начнем войну сегодня же, — наконец ответил он. — Но в этом случае война будет долгой и кровопролитной. Дай нам шесть месяцев — и армия удвоит свой численный состав. К тому времени мы будем располагать тысячами танков и аэропланов, и скорость нашего продвижения на восток будет ограничена только пределом скорости танков. Через шесть месяцев мы с легкостью сотрем с лица земли всю зиндскую шваль за одну-единственную молниеносную кампанию.

Несколько мгновений Феррик обдумывал услышанное. С одной стороны, Ваффинг был прав: имело смысл подождать несколько месяцев, накопить силы, а затем всей мощью хелдонской армии обрушиться на Зинд, покончив с ним раз и навсегда. С другой стороны, Феррик чувствовал — армия изнывала без войны.

— Ваффинг, как ты думаешь, возможно ли, чтобы Зинд атаковал нас в течение ближайших шести недель? — спросил он.

— Вряд ли, — ответил фельдмаршал. — Зиндцы не умеют скрывать своих приготовлений. Если бы они готовились к войне с нами, мы уже знали бы об этом. Но, насколько мне известно, подобных приготовлений Зинд сейчас не ведет.

Феррик встал. Он принял решение. Повернувшись к громадной карте, что висела на стене за его креслом, он заговорил, обращаясь к своим командирам:

— Хелдон начинает военные действия через две недели. Одна группа войск пройдет через Боргравию, возьмет Гормонд и

двинется дальше на запад, на Ветонию. Одновременно с этим другая группа войск пойдет на север и, пройдя стремительным маршем через территорию Федера, также войдет с севера в Ветонию, где и соединится с южной группой в районе ветонской столицы. Затем объединенная армия широким фронтом пойдет через Гусак, уничтожая все очаги сопротивления и выдвигая остатки гусакской армии в западные пустыни, где мы и оставим их — подыхать. Когда наши войска займут Боргравию, авиация должна будет нанести удары с воздуха по всем населенным пунктам в Крессии, Арбонне и Кармате, вынуждая местную шваль спасаться в южных пустынях. Таким образом мы обезопасим наш тыл для ведения последующей войны с Зиндом. Если вся эта операция займет больше месяца, я буду разочарован в вас.

У старых боевых генералов отвисли челюсти от безумной отваги предложенного Ферриком плана. Ваффинг же с размаху хватил здоровенным кулаком по столу. Лицо его так и сияло от удовольствия.

— Если операция займет больше месяца, мой Командир, я лично пристрелю каждого офицера в армии, затем разжалую себя в рядовые, выйду перед строем, засуну себе дуло автомата в рот и казню самого себя как государственного преступника.

Феррик невольно хмыкнул. Все-таки как Ваффинг ни старайся, а природное жизнелюбие и веселость нрава так и прет из него. Вон даже старых сморчков-генералов и тех развеселил.

Кроме того, Феррик понимал, что подобное обещание, торжественно данное Ваффингом на заседании штаба, вынудит фельдмаршала сделать все от него зависящее, чтобы операция уложилась в сроки.

Все-таки ему, Феррику, повезло. Под его началом — настоящие герои!

Полночь близилась. Феррик Яггер занял свое место на сиденье стрелка-наблюдателя во флагманском танке. Рядом с ним на месте водителя восседал Лудольф Бест. Глаза юноши сверкали от возбуждения и фанатизма. Кампания обещала быть богатой на приключения, ибо боргравийская армия считалась серьезным противником. Феррик учел этот фактор. Здесь, на юго-восточной кромке Изумрудного леса, он сосредоточил сто пятьдесят танков — ударное соединение, которое должно было проложить дорогу остальной армии. В сочетании с разрушительной мощью сотни пикирующих бомбардировщиков, уже

вылетевших по направлению к боргравийской столице, этих танков было более чем достаточно, чтобы в течение нескольких часов сокрушить любое организованное сопротивление боргравийцев. По замыслу Феррика, вслед за танками должна была двинуться моторизованная пехота, а также моторциклисты СС, следом за которыми на запад предстояло пойти колоннам грузовиков с эсэсовцами-пехотинцами. Сроки кампании были предельно сжаты. Все решала скорость. К тому моменту, когда танки достигнут ветонской границы, Ремлер должен был уже приступить к строительству классификационных лагерей по всей территории Боргравии.

Феррик решил сам возглавить южную группу войск, а затем, когда южная группа соединится с северной, лично стать во главе объединенной армии. В основе его решения лежали не только практические соображения, но и личные интересы — ничто не могло доставить ему большей радости, как видеть гибель трижды проклятой боргравийской столицы, в которой волей судьбы он был вынужден провести свою несчастную юность.

Почти каждые тридцать секунд Бест нетерпеливо поглядывал на времяизмерительное устройство. Раз он даже проверил — работает ли оно. Потом, не в силах усидеть на месте, Бест завел двигатель танка и поставил его на прогрев, а потом с залихватской мальчишеской улыбкой повернулся к Феррику:

— Мой Командир, пора уже!

С улыбкой глядя на юношеский энтузиазм Беста, Феррик вытащил из-за пояса Стального Командира, встал и высунул сверкающий набалдашник своего оружия через открытый люк. Металлический кулак ослепительно сиял в свете полной луны. Феррик несколько раз выдвигал конец Стального Командира из круглой дыры люка, тем самым подавая сигнал. В темноте оглушительно взревели сотни танков, разрывая в клочья тишину мирной ночи. Нефтяные выхлопы ста пятидесяти двигателей заволокли всю округу чадной мглой. Засунув Стального Командира за пояс, Феррик задраил люк. Затем сел на свое место, пристегнулся, подтянул к себе микрофон и наконец-то отдал долгожданную команду:

— Вперед!

Перемалывая землю и кустарник, тяжелая стальная машина медленно двинулась с места, направляясь туда, где редели деревья и кончался Изумрудный лес. Пока Бест медленно наращивал скорость, Феррик поглядел через задний перископ и увидел, как за ним, круша кусты и деревья, выезжает из Изумрудного леса стальная фаланга, устремляясь в сторону дороги,

ведущей к броду через Ульм. Боевой строй танков был сама простота: ферриковский танк впереди, а вслед за ним десять танковых рядов по пятнадцать машин в каждой. Мотопехота и моторизованные дивизии должны были выступить позднее, через два часа.

По настоянию Богеля и с одобрения Феррика, танки были соответствующим образом раскрашены: нижняя часть — в угольно-черный цвет, тогда как башни были алыми, с большими черными свастиками в белых кругах. На радиомачте каждой машины гордо трепетал на ветру флажок с красной свастикой. Когда танковая фаланга вышла на открытую равнину, ведущую к Ульму, впечатляющее зрелище стремительных бронированных машин было немедленно продемонстрировано по телевидению. Причем телепередачи транслировались не только на весь Хелдон, но также на Гусак и на Ветонию, чтобы сковать тамошнюю военщину страхом перед неминуемым расовым возмездием, воплощенным в этих стальных красавцах.

О, сколь величественное зрелище являла собой эта фаланга сверкающей черной брони, с которой так удачно гармонировал алый цвет башен, скрываемый ныне мраком, призванный подчеркнуть решительность черных свастик в белом круге! Как героично мчались в ночи бронированные гиганты, на милях вокруг сотрясая воздух громом, что сотворил человеческий гений!

На месте брода глубина Ульма еле-еле доходила настоящему человеку до пояса; боргравийские пограничные укрепления на дальнем берегу состояли всего из нескольких рядов окопов, в которых за мотками колючей проволоки прятались ублюдки и гибриды. Когда танки спустились к реке, мрак на противоположном берегу озарился вспышками ружейных выстрелов, и Феррик услышал, как по броне его машины забарабанили боргравийские пули. Наверняка это бомбардировщики, которые полчаса назад пересекли воздушное пространство Боргравии, так всполошив мутантов.

Феррик наклонился к микрофону и отдал приказ по войску: — Открыть огонь! Вести его до тех пор, пока всякое сопротивление не будет подавлено!

С низким гудением башня ферриковского танка начала поворачиваться. Орудийный расчет искал цель. Затем раздался оглушительный грохот, и мгновение спустя Феррик увидел, как на противоположном берегу в темноте расцвел огненный цветок взрыва. И тотчас же сзади с тяжелым грохотом раскатился одновременный залп всех ста сорока девяти танков. Сто сорок девять снарядов разом ударили по боргравийским позициям.

Снова ферриковский танк содрогнулся от грохота, и снова ему откликнулся залп несущихся вперед черных дредноутов. Снова снаряды ударили в боргравийские позиции, разнося на куски то, что еще оставалось. Так повторялось несколько раз. Последний залп был особенно ужасающим. В воздух взметнулись тонны земли, обломки и ошметки тел разметало по сторонам. Одновременно с этим, подняв фонтан брызг, ферриковский танк вошел в воды Ульма. Припав к пулемету, Феррик нажал на гашетку. Он еще продолжал стрелять, когда танк выбрался на противоположный берег и пошел вперед, сминая колючую проволоку боргравийских пограничных укреплений.

От укреплений противника к тому времени уже почти ничего не оставалось. Повсюду виднелись лишь дымящиеся воронки и кровавые ошметки того, что еще недавно было мутантами. Уроды, которым посчастливилось сохранить свою жалкую жизнь, визжа и вопя от смертельного ужаса, улепетывали в ночь, стремясь уйти от стальной фаланги. Феррик не тратил на них времени. Когда встанет солнце, сюда придет моторизованная пехота и эсэсовские мотоциклисты-штурмовики. Пусть они разбираются с этим сбродом. Сейчас важно было не терять набранного темпа. Чем большая скорость в сочетании с мощью будет продемонстрирована боргравийцам, тем скорее страх закрадется в их души, тем скорее откажутся они от бессмысленного сопротивления.

Всю ночь танковое соединение шло по холмистым равнинам Боргравии по направлению к Гормонду, не встречая ничего даже отдаленно похожего на организованное сопротивление.

Феррик приказал уничтожать все деревни, хутора и отдельные строения. В подавляющей своей массе здешние постройки представляли собой мазанки, которые при попадании зажигательного снаряда превращались в пылающие костры. Время от времени из таких мазанок выскакивали жалкие существа, похожие на навозных жуков, — выскакивали и попадали под огонь пулеметов. Впрочем, на своем пути танковое соединение почти не встречало боргравийцев. Очевидно, местное население заблаговременно освобождало дорогу для победоносных хелдонских войск. Даже деревни были покинуты жителями. Танки сравнивали их с землей и шли дальше, не оставляя за собой ничего, кроме выжженной земли. Отсутствие неприятеля позволяло почти не расходовать боеприпасы.

Примерно за час до рассвета Феррик увидел красное зарево на горизонте. Зарево то разгоралось, то притухало, будто посылая издалека свои приветствия хелдонским героям.

— Гляди-ка, Бест, — сказал Феррик. — Это, должно быть, Гормонд!

— Наши пикирующие бомбардировщики, похоже, дают этим свиньям урок.

Вскоре Феррик начал различать далекий грохот взрывов. А к тому времени, когда солнце полностью поднялось над землей, уже можно было разглядеть невооруженным глазом бомбы, дождем сыпавшиеся на руины. Феррик прищурился, всматриваясь, и ему показалось, что вдали он различает пикирующие бомбардировщики.

Внезапно Бест указал на восток.

— Мой Командир! — воскликнул он. — По-моему, это боргравийская армия!

На равнине между несущимися хелдонскими танками и Гормондом Феррик различил нестройную толпу оборванцев, одетых в грязно-серые лохмотья и почти сливающихся с унылым серо-зеленым пейзажем. Очевидно, это была боргравийская армия, наконец-то решившаяся выступить против победоносных хелдонских войск.

И тотчас же, будто вторя мыслям Феррика, в серой толпе сверкнуло несколько вспышек. Еще мгновение — и пара снарядов взорвалась почти в тысяче ярдов от хелдонских танков. Хелдонским артиллеристам хватило сообразительности не тратить боеприпасов, пытаясь поразить цель на таком расстоянии. Феррик подтянул к себе микрофон, нажал переключатель и связался с командиром летающих дредноутов, атакующих Гормонд:

— Говорит верховный главнокомандующий. Выдели мне десяток бомбардировщиков. Нужно атаковать боргравийские войска к востоку от города.

— Будет исполнено, мой Командир! Хайль Яггер!

Танки остановились. Серая масса боргравийского воинства приблизилась уже настолько, что можно было выхватить глазом отдельные фигуры в жалком подобии строя. Со стороны Гормонда в это время появились двадцать изящных черных бомбардировщиков. Один за другим они заходили в пике над вражескими рядами, обрушивая на мутировавшую нечисть град бомб и поливая ее из крупнокалиберных пулеметов. Подобно гигантским металлическим орлам, бомбардировщики широкими кругами ходили над боргравийским воинством, щедро сея смерть. Несколько старых паровых дредноутов, которые приволокло с

собой это смехотворное воинство, прямыми попаданиями бомб были разнесены вдребзги.

— Открыть огонь! — приказал Феррик в микрофон. — Вести огонь на поражение до тех пор, пока все цели не будут уничтожены!

Грохот сотряс его танк, когда башенное орудие выпустило в сторону противника фугасный снаряд. И тотчас заговорили остальные орудия. Среди мечущихся в панике боргравийцев выросли огненные деревья взрывов — настоящий лес смерти. Снова и снова танки били прямой наводкой по омерзительному сброду, в то время как воздушные дредноуты огнем своих пулеметов косили эту шваль с воздуха. Наконец по сигналу Феррика танки двинулись вперед, на боргравийские позиции. И что это были за позиции! Их надо было видеть.

На равнине неподалеку от Гормонда была нарыта беспорядочная сеть канав дюймов в пять глубиной, а также каких-то осыпающихся берлог. Сверху на все это были беспорядочно навалены мотки колючей проволоки, видимо призванные сделать эти фортификационные сооружения окончательно неприступными. Все здесь было изрыто воронками от авиабомб и кратерами от танковых снарядов. Повсюду валялись металлические обломки, в которых с трудом можно было опознать части гаубиц, мортир, дредноутов и винтовок. Словом, танки и бомбардировщики постарались на славу.

— Мой Командир, нам тут ничего не осталось! — разочарованно воскликнул Бест.

Впрочем, это было преувеличением, ибо из берлог, из воронок, из-под обломков выскакивали синюшники, жабоиды, попугаеклювые, гномы, а также твари, настолько изуродованные мутациями, что их уже нельзя было отнести к какой-либо определенной разновидности. Весь этот разношерстный сброд начал палить из ржавых винтовок по приближающимся танкам. Их пули отскакивали от брони, точно горошины.

Припав к пулемету, Феррик стал косить боргравийскую сволочь, появлявшуюся перед танком. В это время гусеницы его машины сокрушили колючую проволоку и раздавили попугаеклювого, синюшника и горбатого гнома, что скрывались под обломками разбитого дредноута.

— Используйте пулеметы! — приказал Феррик командирам других танков. — Приказываю орудия заряжать только зажигательными снарядами!

Танки стремительно пошли вперед, поливая окрестности очередями из ста пятидесяти пулеметов, круша проволоку, раз-

рушая траншеи, давя берлоги и укрывающихся в них боргравийцев. Когда танк Феррика находился уже в нескольких ярдах от оравы мутантов, орудийный расчет выпустил в толпу фосфорный снаряд. Сотни ублюдков погибли сразу, разорванные на части. Остальные заметались или бросились кто куда, дико крича и на ходу превращаясь в живые факелы. Мутанты в панике стали выскакивать из окопов и, гонимые безумным страхом, пробегали несколько ярдов, прежде чем падали, до отказа начиненные свинцом. Стальные гусеницы могучих машин превращали в кровавое месиво убитых и корчащихся раненых.

Подобно стальной лавине, хелдонская бронированная фаланга шла по равнине к Гормонду, гоня перед собой остатки рассеянной армии противника. Плотный боевой строй черных с алым машин крушил все на своем пути, оставляя позади себя лишь пламя, пепел и мертвые тела врагов.

— Восхитительно, Бест! — воскликнул Феррик. — Изумительное зрелище! А представляешь, какой эффект мы произведем в Ветонии и в Гусаке?

— Боюсь, что они теперь откажутся от всякого сопротивления и сдадутся, о мой Командир.

— На этой войне не сдаются! — отрезал Феррик. — Мы должны раз и навсегда показать сволочи ее место.

Через несколько минут танк Феррика ворвался в предместье Гормонда. Точнее, в то, что осталось от предместий бывшей боргравийской столицы. Повсюду были кучи щебенки, из которой торчала гнутая арматура. Все, что могло гореть, горело. Не исключая многочисленных трупов мутантов и гибридов. Многие из трупов обгорели настолько, что невозможно было определить их разновидность. Одно было ясно: все эти трупы принадлежали генетическим дегенератам. Об этом буквально кричали крошечные головы, длинные, ниже колен, руки, обвисшая кожа синего, зеленого, коричневого или даже пурпурного цвета, отвратительные волосатые горбы, хитиновые покровы, конечности, либо похожие на дубины, либо представляющие собой червеобразные щупальца, — все вместе являло скорбное и тошнотворное зрелище мутировавшей протоплазмы.

В то время, когда танки шли через эту охваченную очистительным пламенем генетическую свалку, время от времени сокрушая орудийным залпом уцелевшее строение или срезая меткой пулеметной очередью пару-другую чудом выживших гротескных уродов, Феррик в мыслях своих невольно возвращался к тем страшным дням, когда ему приходилось жить в этом чудовищном и омерзительном городе.

Из кучи мусора выскочил синюшник. Феррик прошил его автоматной очередью и прорычал, не поворачиваясь к Бесту:

— Запомни, один мутировавший ген весь генофонд погайнит! Бест, ты не представляешь, какое наслаждение получаю я, стирая с лица земли эти пятна генетической грязи!

Танковому соединению потребовался всего час, чтобы пройти руины Гормонда от края до края. Феррик хотел лично убедиться, что в этом гнусном городе не осталось ни единого здания и что ни один грязный мутант впредь не зачнет здесь свое поганое потомство. Феррик ни в малейшей степени не сомневался в способностях Ремлера и его эсэсовских помощников. Они очистят территорию Боргравии от остатков зараженных элементов и подготовят ее для включения в Территорию Хелдон. Однако для Феррика было вопросом чести — самолично стереть с лица земли эту позорную дыру, в которой вследствие позорного Кармакского пакта, заключенного расовыми предателями, он вынужден был прожить столько лет. Выжечь с тела земли железом! Во что бы то ни стало! *Каленым железом!*

Когда танковое соединение пошло дальше на запад, гоня перед собой орду беженцев, Феррик посмотрел в перископ заднего обзора и к величайшему своему удовлетворению не увидел ничего, кроме огромного столба огня и дыма, поднимающегося в небо там, где еще недавно торчала посреди равнины далекой кучей дерьма столица Боргравии — город Гормонд.

— Эх, Бест, если бы ты мог понять, какое счастье — смыть наконец позорное пятно с биографии! — сказал он с чувством.

— Но, мой Командир... Ваша способность владеть Громовой Палицей яснее ясного доказывает, что родословная Феррика Яггера — самая благородная в мире!

Феррик улыбнулся.

— Да, ты прав, мой юный друг, — проговорил он. — Но, тем не менее, я чувствую себя так, будто отомстил за нанесенное мне оскорбление. И это наполняет радостью мое сердце.

Бест понимающе кивнул.

— Да, мой Командир. *Это* я отлично могу понять! — воскликнул он.

Сияющее в небе солнце отражалось в чистых водах Ульма, когда сияющий свежим лаком новенький командиромобиль, заменивший собой прежний черный газомобиль, — машина, вобравшая в себя все достижения хелдонского мобилестроения, — в сопровождении эскорта суперэлитных моторциклистов СС, ми-

новав Ульмский мост, съехала на землю новой провинции Южной Ульмландии, которая еще месяц назад называлась Боргравией. Рядом с Ферриком с радостным видом восседал Борс Ремлер; под его руководством могучая хелдонская промышленность и несокрушимый фанатизм хелдонского народа сотворили чудо — генетическая клоака за месяц превратилась в здоровую опрятную провинцию, пригодную для обитания истинных людей.

Приграничный город, который прежде назывался Порми, а теперь — Мостострой, был полностью реконструирован. Хелдонские инженеры начали с того, что снесли убогие хижины и кривые халупы старого города. На их месте пролегли прямые как стрела, залитые бетоном улицы. В нужном месте и под нужными углами их пересекали бульвары, радиальными лучами расходящиеся от двух основных площадей. В городе было уже построено немало зданий, еще больше зданий находилось в процессе возведения. Все общественные сооружения были, как полагается, облицованы черным камнем или белым, с розовыми прожилками, мрамором. Габариты зданий в точности соответствовали героической широте хелдонского духа. Как и в Хелдоне, общественные здания были щедро украшены бронзой и снабжены целым ансамблем героических бронзовых статуй, символизирующих преемственность героев прошлого и настоящего. Жилые дома были сложены из глазурованного кирпича всех цветов радуги — желтого, синего, красного, зеленого и прочих. Все жилые дома были снабжены симпатичными стандартными фасадами. Мостострой уже насчитывал несколько сотен жителей — хелдонских колонистов. Сейчас эти пионеры вместе с рабочими, занятыми на строительстве, стояли на тротуарах строящегося города, размахивая бумажными флажками со свастикой. Когда черный командиромобиль Феррика проезжал мимо, они выкидывали руку в партийном салюте и оглашали воздух радостным «Хайль Яггер!».

Стоя в открытой кабине своего командиромобилия и вскинув руку в партийном салюте, Феррик чувствовал, как сердце его наполняется радостью, а рот раздвигается в счастливой улыбке. Только что вернувшись из триумфальной поездки по Вестландии — так называлась новая провинция, которая еще неделю назад была Ветонией, — Феррик лучше, чем кто-либо в Хелдоне, знал, насколько хорошо обстоят дела. Война была выиграна, притом блестяще. Через две недели после начала похода на запад северная и южная группировки хелдонских войск соединились даже несколько раньше, чем это предусматривалось планом. После чего объединенная армия разнесла в клочья ветон-

ское ополчение, а затем буквально сравнила с землей ветонскую столицу Бартанг. При обстреле Бартанга армия впервые опробовала новое оружие, о котором докладывал на штабном совещании Ваффинг, — управляемые ракеты. После уничтожения столицы ветонская шваль была вытеснена в южные пустыни и в сопредельный с Ветонией Гусак. Сейчас Ваффинг как раз вел хелдонскую армию через Гусак на тамошнюю столицу — город Колчак. Предполагалось, что Колчак падет не сегодня завтра. Как только столица Гусака будет разрушена, война придет к своему успешному завершению. Дальнейшая работа ложится на плечи Ремлера. Надо будет произвести очистку вновь завоеванных земель от мутировавших элементов и подготовить к заселению истинно человеческой расой. В общем, по прежней схеме.

А сейчас все вокруг Феррика являло собой неоспоримое свидетельство плодотворности принципа штурма и натиска. Руководствуясь этим основополагающим принципом и возглавляемый передовиками СС, народ Хелдона всего за месяц сумел очистить завоеванные земли от генетического дерьма.

Когда торжественная процессия выехала за пределы Мостостроя и вокруг привольно раскинулись засеянные поля, Ремлер повернулся к Феррику. На лице у него явственно читалось смущение.

— Мой Командир, — запинаясь начал он, — я взял на себя смелость приказать твоему водителю подвезти нас к ближайшему классификационному лагерю. Возникла небольшая проблема. Мы хотели просить тебя, мой Командир, помочь разрешить ее. Но, прежде чем ты внесешь свое решение, разреши познакомиться тебя с лагерем.

Феррик рассеянно кивнул. По правде говоря, он думал в этот момент совсем о другом. Хелдонский гений в сочетании с промышленной мощью сделал невозможное — страна, по которой сейчас ехал Феррик, не имела ничего общего с той прежней, косной, убогой и страшной Боргравией. Взять хотя бы дорогу. Сколь разительно отличается безупречно ровная бетонная магистраль от ухабистых и колдобистых, утопающих в грязи кривых дорог старой Боргравии. Время от времени чарующий сельский пейзаж разнообразили фермерские хозяйства. На полях виднелись паровые плуги, вонзающие свои лемехи в очищенную от скверны почву. Нет, ничего общего у этой страны с прежней Боргравией! Глядя на аккуратные квадраты полей, можно подумать, что находишься в родимом фатерлянде.

Не осталось и следа и от прежних страшных обитателей Боргравии. За время поездки Феррику еще ни разу не попался на глаза мутант или гибрид.

Машина свернула на ответвление магистрали и в скором времени подъехала к классификационному лагерю. Таких лагерей по всей Южной Ульмландии было построено несколько десятков. Все они были предусмотрительно удалены от мест проживания истинных людей.

Классификационные лагеря, расположенные на оккупированных территориях, строились по особому типовому проекту. Размерами эти лагеря далеко превосходили хелдонские, хотя внутреннее устройство и планировка были аналогичными. Так, в лагере, куда Ремлер привез Феррика, находилось сейчас сто тысяч боргравийцев. Лагерь был обнесен несколькими рядами ограждений из колючей проволоки, находящейся под током. Жили боргравийцы в деревянных бараках, во множестве возведенных на территории лагеря.

Когда командиромобиль остановился перед проволочным ограждением, глазам Феррика предстало зрелище; совершенно невероятное по своей омерзительности. За колючей проволокой было собрано невероятного размера стадо гротескных существ самой отталкивающей наружности. Тысячи попугаеклювых щелкали своими клювами, наскакивая друг на друга. Горбатые волосатые гномы всевозможных разновидностей ковыляли среди всей этой копошащейся мерзости, подобно гигантским крабам. Еще какие-то обезьяноподобные существа подпрыгивали, ударяя гипертрофированными руками по земле, издавая нечленораздельные вопли. Шкуры собранных здесь мутантов были самых невероятных, извращенных расцветок: зеленые, синие, красные, бурые, пурпурные. Мутанты с головами, похожими на сосновую шишку, увивались вокруг отвратительных и злобных жабоидов. Земля за колючей проволокой была загажена пометом. От тошнотворной вони кружилась голова. Воистину ужасная картина открылась глазам Феррика.

— Я хотел бы, о мой Командир, чтобы ты получил представление о наших проблемах, — сказал Ремлер. — Нам удалось собрать в лагерях всех боргравийских мутантов, вплоть до последнего. Даже слепой, полагаясь исключительно на свое обоняние, мог бы с легкостью заключить, что среди этого генетического поноса нет и намека на истинно человеческий генотип. Теперь встает вопрос: что нам делать со всем этим отвратительным сбродом? В здешних лагерях их миллионы. В других провинциях ситуация еще хуже.

За колючей проволокой попугаеклювые, синюшники, жабоиды и всевозможные гибриды рылись в навозе, выискивая комки полупереваренной пищи, которые тут же отправляли

себе в рот. Феррик почувствовал, как к горлу его подступает тошнота.

— Совершенно очевидно, что их следует стерилизовать, а затем переместить в пустыни, — отозвался он.

— Но, мой Командир, кто нам даст гарантию, что все эти миллионы грязных тварей не вернутся назад — к местам своего прежнего обитания? А допустить этого, как ты понимаешь, мы не можем. Поистине титанических усилий нам стоило отмыть и буквально вылизать эту страну. Неужели все это пойдет прахом? Неужели мы позволим всей этой швали безнадзорно шлаться по Южной Ульмландии?

Феррику нечего было возразить на такие слова. Ремлер был прав. И снова мысли Феррика вернулись к жуткому зрелищу. Какой контраст между опрятным цивилизованным Мостостроем и сбродом, некогда населявшим эти земли! Да и какой здравомыслящий хелдонец согласится поселиться в новой провинции, чьи земли кишат подобными тварями?

— Может быть, имеет смысл содержать этих уродов здесь всю оставшуюся жизнь? — задумчиво проговорил Феррик, глядя на здорового жирного жабоида с тупым взглядом, который, зачарованно взирая на верховного главнокомандующего, спустил портки и начал обильно и шумно испражняться.

— Я тоже так сначала подумал, о мой Командир, — откликнулся Ремлер. — Но ты представляешь себе, во что станет Хелдону содержание в течение нескольких десятилетий всех этих бесполезных тварей?

— Понимаю, — ответил Феррик. — Я сам жил среди боргравийцев и знаю, что они живут в величайшем убожестве лишь потому, что генетически не способны ни на что другое. Я полагаю, самое лучшее, что мы можем для них сделать, — это безболезненно их усыпить. Подобные расходы Хелдон вполне сможет взять на себя. Но процесс усыпления должен быть абсолютно безболезненным и максимально дешевым.

— Конечно, мой Командир. Эсэсовские ученые уже создали такой газ. Вдыхание этого газа даже в небольших количествах дает нужный эффект. А производство сравнительно дешево. Мы можем в течение шести недель провести обработку всех клагов в новых провинциях. Общая стоимость этого комплексного мероприятия вряд ли превысит стоимость содержания всех этих миллионов и миллионов неполноценных ублюдков за те же шесть недель.

Феррик чувствовал, что не может здесь оставаться более ни секунды. Вонь от этого скопища боргравийской швали была

просто чудовишной. Ясное дело, Ремлером предложен самый практичный способ — хелдонский народ просто не мог позволить себе выкладывать гигантские суммы на содержание миллионов тунейдцев в течение десятилетий, равно как нельзя было позволить таким страшилищам разгуливать по хелдонской земле, оскверняя почву, предназначенную для истинных людей. Да и сами эти несчастные, верно, только рады будут, узнав о столь безболезненном способе избавления от мучений. Это куда гуманнее, нежели позволять им заживо гнить в собственном дерьме.

— Очень хорошо, Ремлер, — сказал Феррик. — Я поддерживаю тебя. Мне хотелось бы, чтобы обработка всех клагов в новых провинциях была полностью завершена через два месяца.

— Я уложусь в шесть недель, мой Командир, — с энтузиазмом пообещал Ремлер.

— Партия доверяет тебе, Ремлер! — воскликнул Феррик.

Хотя Феррик прекрасно понимал, что борьба за сохранение истинно человеческого генотипа вряд ли будет закончена до тех пор, пока доминаторы и их приспешники живы и творят свои злодеяния на бескрайних просторах Зинда, он чувствовал, что хелдонский народ своим самоотверженным трудом вполне заслужил праздника. Поэтому через неделю после падения Колчака, знаменовавшего собой окончательную победу Свастики на западе, Феррик объявил о дне национального ликования.

По всему Хелдону должны были пройти партийные шествия и парады. В самом же Хельдхайме Феррик решил преподнести горожанам зрелище, по своим масштабам и великолепию не имеющее себе равных во всей истории рода истинно человеческого. Предстоящие в столице торжества должны были транслироваться на всю территорию ныне безмерно расширившегося Нового Хелдона, дабы служить грозным предупреждением врагам Нового Порядка и вдохновлять истинных патриотов на новые свершения.

В открытом поле неподалеку от столицы были воздвигнуты исполинские трибуны. Когда солнце уже близилось к горизонту, бросая на землю прощальные лучи, это величественное сооружение явилось глазам необъятной толпы во всем своем великолепии. Трибуна представляла собой скопление громадных и высоченных цилиндров, поставленных друг на друга. У основания этой трибуны-башни, покоящейся на приподнятом над землей на пятьдесят футов постаменте, стояли тысяча сверхпородистых эсэсовцев — отборные сливки хелдонского генофон-

да: каждый ростом не менее шести с половиной футов, с белокурыми волосами и глазами пронзительной голубизны. Облачены они были в безукоризненно черные форменные кожанки с заклепками из хромированной стали, начищенными до невероятного блеска; садящееся солнце сияло в этих заклепках, будто в алмазной россыпи. В руках каждого пламенел горящий факел, что превосходно гармонировало с развеваемыми ветром алыми плащами. Основания других возносящихся к небу цилиндров были украшены партийными флагами. А выше, в небесной синеве, стояли высшие партийные руководители — Ваффинг, Бест, Богель и Ремлер, — неотразимые в своих черных сверкающих кожанках. Увенчивалась башня ярко-алым усеченным конусом высотой в пятьдесят футов, на верхней площадке которого стоял Феррик в героической черной кожанке и алом плаще, хлопавшем по ветру. Стальной Командир, отполированный до зеркального блеска, был заткнут за широкий кожаный пояс. Скрытая электрическая подсветка окрашивала фигуру Феррика в золотисто-красноватые тона, придавая ему сходство с вознесенной над землей героической бронзовой статуей. Стоя в недостижимой выси в гордом одиночестве, Феррик смотрел на раскинувшееся далеко внизу бескрайнее людское море.

Напротив трибуны-башни была установлена гигантская, высотой в сто шестьдесят футов, свастика. Между трибуной и свастикой, через всю зону торжеств, тянулся прямой как стрела широкий проход, по обе стороны которого горели установленные на равных расстояниях друг от друга огромные факелы.

В тот самый момент, когда солнечный диск коснулся линии горизонта, залив все багровым сиянием, двадцать изящных черных бомбардировщиков с ревом пронеслись над зоной торжеств в каких-нибудь ста пятидесяти ярдах; раскатившийся грохот слился с восторженным воем толпы. По этому впечатляющему сигналу гигантская свастика с оглушительным грохотом, заставившим содрогнуться землю, вспыхнула вся разом.

Даже здесь Феррик почувствовал жар, исходящий от этого символа славы. И великий парад начался. Открыли его пять тысяч эсэсовских моторциклистов на своих сверкающих черным лаком машинах, которые на скорости в шестьдесят миль в час ряд за рядом начали проноситься мимо башни-трибуны. Каждый моторциклист держал алый партийный стяг, который бился на ветру, подобно пламени раздуваемого ветром костра. Пронесаясь под башней, каждый ряд моторциклистов резко выбрасывал вперед правую руку с оглушительным «Хайль

Яггер!». До Феррика, вознесенного к небесной синеве, эти приветствия докатывались подобно волнам океана.

Со своей стороны, Феррик отвечал на эти волны приветствий бесконечным вскидыванием правой руки в партийном салюте так, чтобы каждый ряд проносящихся внизу героев был почтен приветствием верховного главнокомандующего.

Следом за моторциклистами СС прошло соединение из двухсот черно-алых танков по десять в ряд. Пронсясь мимо башни, танки приветствовали верховного главнокомандующего холостым выстрелом орудий. Воздух вибрировал от непрерывного грохота и был напоен благородным запахом пороха. Феррик отвечал на салюты героических танкистов взмахами Стаального Командира, рубя им воздух при каждом очередном залпе. Героическое оружие сияло в лучах заходящего солнца и в пламени горячей свастики.

Далеко внизу, насколько хватало глаз, волновалось бескрайнее людское море — люди кричали, подпрыгивали, салютовали, полностью захваченные героизмом и величием момента. Патриотическое рвение хелдонцев дошло до предела. Повсюду в толпе были расставлены гигантские бочки с пивом. Крышки были сбиты: Вокруг бочек народ танцевал от восторга. Прилежные труженики, хелдонцы умели и отдыхать. Тысячи импровизированных факелов зажигались тут и там и неистово раскачивались над головами, выражая неподдельный народный восторг. К факелам прибавились фейерверки. Героическое народное гуляние шло полным ходом.

Танки сменили пехотные полки, шагающие ровными серыми рядами. Отважные пехотинцы при каждом шаге с силой впечатывали в землю подбитые сталью каблуки, с изумительной синхронностью выбрасывая руки в партийном салюте, за рядом ряд проходя мимо башни-трибуны. От рева «Хайль Яггер!» дрожало все окрест. Мощь и восторг достигли такого накала, что Феррик осязал их каждым атомом своего существа. Сюда, в недостигаемую высь, весь этот разноголосый гул доходил в виде единого непрерывного звука, в котором слилось все: приветствия, треск фейерверков, музыка, топот марширующих ног, рев двигателей, канонада орудий. А в воздухе звено за звеном с ревом и воем проносились стремительные черные истребители, за которыми тянулись шлейфы разноцветного дыма.

За славными пехотинцами двинулась моторизованная пехота. Солдаты в грузовиках, пронсясь мимо башни, палили в воздух из автоматов. Здесь, наверху, Феррику казалось, что это боги бьют в свои барабаны. За моторизованной пехотой снова пошли танки, оглашая воздух тяжелой канонадой своих орудий.

Величие и слава момента захватили Феррика точно так же, как любого из ликующих внизу простых хелдонцев. Снова и снова приветствовал он проходящие внизу воинские подразделения; снова и снова взлетала его правая рука в партийном салюте. И каждый последующий салют по четкости исполнения не уступал предыдущему. Мистическая расовая сила, витавшая в воздухе, наполняла тело Феррика мощью, достойной рвения бесноватшейся внизу толпы. Все радовало глаз, все придавало новые силы — и могучая поступь марширующих легионов, и иступленная торжественность момента, и неистовость народного ликования, и сияющее пламя гигантской свастики. Да что там свастика! Душа каждого хелдонца горела сейчас, как факел.

Каждый раз, стоило Феррику вскинуть руку, толпа отзывалась все более громким ревом, вознося Феррика на все большие высоты экстаза, что в свою очередь придавало следующему его салюту все большую энергичность и четкость.

Теперь под башней в парадном строю проходил предмет особой гордости Ваффинга, его излюбленное детище: увлекаемые могучими тягачами, на длинных платформах покоились длинные, изящные, отполированные до зеркального блеска серебристые ракеты — наубедительнейшее выражение хелдонской потенции. Эти плоды инженерного гения способны были поразить цель, удаленную на сотни миль. За тягачами с ракетами снова пошли полки армейских моторциклистов, соперничающие с моторциклистами СС в скорости и слаженности отдаваемых партийных салютов. В тот момент, когда они проходили под башней, в небе снова пролетели бомбардировщики, исторгнув слепящее глаз многоцветье салюта. А под башней уже маршировали отряды СС в черных, как ночь, кожанках. Держа равнение на башню, они печатали шаг с невероятной силой и энергией, четкость же отданного Феррику салюта и оглушительность выкрикнутого в унисон «Хайль Яггер!» казались просто сверхчеловеческими.

Часть за частью сменяли друг друга, проходя мимо башни. Уже давно наступила ночь, а парад все продолжался. Хелдонская военная мощь казалась просто неисчерпаемой. Иступление толпы давно перешло все мыслимые пределы. Заурядные люди просто физически были бы не в состоянии так долго поддерживать в себе кипение священного восторга — не иначе как мистические силы, стоящие на страже Хелдона, сконцентрировались ныне над этой толпой.

На востоке уж брезжила заря, а Феррик все еще стоял, вознесенный вверх на своем алом пьедестале, и по-прежнему вы-

брасывал руку в партийном салюте, приветствуя шествие. И сколь неиссякаема была военная мощь Хелдона, столь неисчерпаемы были силы Феррика. Все его существо было пропитано расовой славой, витавшей в воздухе, заставляющей биться сердца всех патриотов, собравшихся здесь, в унисон.

В тот миг, когда первые лучи восходящего солнца должны были вот-вот осветить землю, Феррик выхватил из-за пояса Стального Командира и величественным жестом устремил сверкающий металлический кулак набалдашника прямо на восток. И повинуясь движению Феррика, над горизонтом начало вставать солнце, как бы завершая своим появлением грандиозный парад. Неопишуемый экстатический рев вырвался из утробы толпы при виде явленного ей чуда: само дневное светило демонстрирует свою преданность священному делу Свастики.

Глава 12

Чувство глубокого удовлетворения и искренняя вера в то, что завтрашний день будет еще чудеснее сегодняшнего, владели Ферриком, когда он и его ближайшие помощники собрались на закрытое совещание для обсуждения ряда стратегических вопросов. Совещание проводилось в личных апартаментах Феррика. Прошел уже месяц после падения Колчака, а фанатичная решимость и героическое самопожертвование хелдонского народа не ослабевали ни на миг. Нация понимала, что завтра предстоит война, и с максимальной эффективностью использовала каждый миг временной передышки.

Ремлер, Ваффинг и Богель сидели в апартаментах Феррика у круглого стола и прихлебывали пиво. Верным паладинам Феррика было чем гордиться. Сидел здесь и верный Бест. В отличие от Ремлера, Ваффинга или, скажем, Богеля, Бест не отвечал за какую-либо сферу государственной деятельности. Но этот славный парнишка уже тысячу раз доказал свою полезность.

— Ну, Ремлер, — сказал Феррик, поставив на стол большую пивную кружку. — Начнем с тебя. Как обстоят дела с классификационными лагерями на новых территориях?

— Обработка клягов полностью будет завершена через две недели, о мой Командир, — сообщил Ремлер. — После чего мы можем смело закрывать лагеря и сосредоточить наши усилия на более позитивных енгенических проектах.

— Надеюсь, Ремлер, твое стремление уложиться в сжатые сроки не привело к тому, что мы впустую разбазарили ценный

генетический материал. Помни, что каждый истинный человек, спасенный из гнойных клоак бывших государство-мутантов, является потенциальным хелдонским солдатом.

Тонкие черты лица Ремлера напряглись, будто от незаслуженного оскорбления.

— Мой Командир, — заговорил он, — я имею честь тебе сообщить, что, перекопав горы генетического дерьма, мы отыскиали почти сотню тысяч истинных людей. Из них на настоящий момент мы имеем несколько десятков кандидатов в Светозарную Свастикку. Впрочем, работы в этом направлении еще не закончены.

— Превосходно! — воскликнул Феррик, тронутый названными цифрами, и, желая загладить свои резкие слова, примиряюще добавил: — Я никогда не сомневался в вас, Ремлер. Вы творите настоящие чудеса, мой друг.

— Мой Командир, речь моя меркнет в свете достижений эсэсовской науки. Учеными СС определен полный набор критериев, которым должен удовлетворять эсэсовский сверхчеловек будущего. Эти носители сверхчистого генотипа будут иметь семь футов роста, будут белокожими, с золотыми волосами и сложены, как боги. Их средний интеллектуальный уровень превзойдет сегодняшних гениев. При жестком контроле процесса размножения мы сможем получить расу господ не позднее, чем через три поколения.

При этих словах у всех присутствующих невольно отвисли челюсти.

— Фантастика! — воскликнул Феррик. — Но мы можем вывести население Хелдона на богоподобный уровень уже в следующем поколении. Наши резервы элитарных производителей позволяют сделать это. Стоит только позволить сверхпородистым экземплярам СС обзавестись потомством.

Ремлер просиял.

— Ты прав, мой Командир, ты абсолютно прав. Мы думали об этом. Однако наиболее одаренные ученые из СС пошли еще дальше, начав работы над сверхэффективным методом — клонированием. У элитарного производителя СС с безупречно чистым генотипом берется кусочек ткани. В специальных чанах, наполненных питательной средой, из этого кусочка соматической ткани выращивается новый эсэсовец, генетически совершенно идентичный донору. Таким образом исключаются все случайности и огрехи, связанные с традиционным методом сексуального воспроизводства. При использовании клонирования раса господ может быть получена уже в следующем поколении! Однако исследования находятся еще в начальной стадии.

Во время речи Ремлера Ваффинг так и ерзал задом в кресле, то и дело прикладываясь к пиву. Очевидно, фельдмаршалу не терпелось поведать собравшимся о своих достижениях.

— Я гляжу, что ты, Ваффинг, пенишься почище пива, — с веселым смехом обратился к нему Феррик. — Ладно, валяй, старина, пока не взорвался.

— В то время как СС творила чудеса, армия тоже не сидела сложа руки, — начал Ваффинг, глянув на Ремлера. — Наши достижения таковы, что даже мне с трудом в них верится. Эффективность оружия, созданного нашими учеными на основании анализа древних легенд, соперничает с эффективностью оружия древних. Наши новейшие танки теперь снабжены устройствами, способными выбрасывать в сторону противника огромные струи огня. Разумеется, на новых танках также установлены орудия и пулеметы. Скоро в строй войдут новые реактивные истребители-бомбардировщики. Эти машины способны развивать сверхзвуковую скорость. По суммарному объему валовой продукции мы сейчас располагаем тысячей танков и не меньшим количеством воздушных дредноутов. Наших запасов современного оружия достаточно для вооружения миллионной армии. Я уже не говорю о том, что боеприпасы хелдонская промышленность производит уже в количествах просто неисчислимых. Как только нефтяные месторождения юго-западного Зинда окажутся в наших руках, исчезнет последняя проблема.

Ваффинг сделал паузу, чтобы подкрепить свои силы громадным глотком пива, а также ради усиления драматического эффекта.

— Но о главном, мой Командир, я еще не сказал. — Лицо его расплылось в торжествующей улыбке. — Нашими ракетостроителями создано новое поколение ракет, способных переносить три тонны боевого веса на расстояние более четырех тысяч миль. В настоящий момент вся территория Зинда доступна нашим ракетам.

— Ну даешь, Ваффинг! — восхитился Феррик.

И снова Ваффинг поднес ко рту кружку. На этот раз в его движении явно угадывался театральный жест. Ибо когда он поставил кружку на стол, на лице фельдмаршала сияла блаженно-лукавая улыбка — как у кота, только что сожравшего канарейку.

— А теперь, мой Командир, — главное! Одной из наших исследовательских групп наконец удалось выяснить, какие ингредиенты использовали древние для получения Огня. Это обогащенный уран, плутоний и тяжелая вода. Мой Командир, дай нам несколько месяцев, и мы сотрем весь Зинд с лица Земли с

помощью самого страшного оружия древних — ракет с ядерными боеголовками.

В помещении воцарилась такая тишина, что Феррику показалось, будто он слышит, как пылинки опускаются на стол.

Ядерное оружие! Легендарный Огонь древних, опустошивший в свое время Землю, породивший радиоактивные пустыни, повсеместно заразивший генофонд. Небесный Огонь, который вызвал к жизни треклятую расу доминаторов — он натворил столько бед, что теперь истинному человечеству приходится прикладывать титанические усилия в попытке исправить положение. Безумие даже думать о том, что столь страшная сила еще когда-либо вырвется на волю! Один неудачный эксперимент — и все очищение генофонда, которое велось из поколения в поколение на протяжении многих веков, пойдет прахом. Истинно человеческая раса снова будет отброшена назад, в пещеры. Война с применением ядерного оружия бессмысленна по своей природе! Как можно очистить Землю с помощью Огня, породившего всю эту мутационную нечисть?

Бест и Богель были не меньше чем Феррик потрясены услышанным. Только Ремлер сидел с мрачным непроницаемым лицом.

Феррик наконец нарушил жуткое молчание:

— Ваффинг, я категорически запрещаю вести исследования в этом направлении. Не смей и думать о возвращении Огня на Землю!

Ваффинг открыл было рот, чтобы возразить, но его опередил Ремлер:

— Мой Командир, мы-то об этом не смеем думать, а вот доминаторы — смеют.

— Трудно поверить, что даже доминаторы решатся на столь ужасающее злодеяние, — прошептал Феррик.

— Ни для кого не является секретом, что эти грязные твари еще в зародышевом состоянии подвергают своих рабов радиоактивному излучению, чтобы из поколения в поколение выводить все более чудовищных монстров, — заметил Ремлер.

Ремлер попал в точку. Феррику тоже не очень верилось, что такие выродки, как доминаторы, станут терзаться моральными сомнениями, дорвавшись до ядерного оружия.

— Да, ты прав, конечно, — тихо проговорил он. — Но мы говорим сейчас об абстрактных вещах. Технологический уровень Зинда по нашим меркам просто смехотворен.

— Возможно, — проговорил Ремлер. — Но, с другой стороны, из Зинда приходят некоторые настораживающие сообще-

ния. Нам известно, в частности, что доминаторы отправили огромную экспедицию в восточные пустыни. Туда, куда не осмеливаются совать нос даже привыкшие к высокому уровню радиации отвратительные чудовища, живущие на радиоактивных пустошах к востоку от Зинда. Уровень радиации в тех местах столь высок, что даже специально выведенные устойчивые к радиации мутанты вряд ли протянут там больше пары месяцев. Очевидно, есть в этих пустынях нечто такое, ради чего доминаторы готовы жертвовать дорогостоящей протоплазмой. Кроме того, ни для кого не является секретом, что где-то там, на востоке, в самом сердце радиоактивных пустынь, находятся склады ядерного оружия, оставшиеся еще от древних.

— Вряд ли ядерное оружие древних до сих пор пригодно к использованию — прошло столько веков! Даже если зиндцы обнаружат его, едва ли они осмелятся использовать его против нас, — возразил Феррик.

— Я согласен с тобой, мой Командир, — сказал Ремлер. — Ты, как всегда, прав. Не исключено, что это просто жест отчаяния со стороны доминаторов, которые прекрасно понимают, что час их истребления близок.

— Но, с другой стороны, — вмешался Ваффинг, — мои ученые утверждают, что ядерные материалы не теряют своих свойств в течение тысячелетий. Они говорят, что производство этих загадочных субстанций является самым сложным звеном в изготовлении ядерного оружия. Так что если зиндская экспедиция обнаружит склады ядерных боеприпасов, даже столь безмозглые кретины, как доминаторы, смогут ими воспользоваться.

Феррик похолодел. Ибо логика Ваффинга была безупречной. Если Зинд обнаружит вооруженное оружие древних, он сможет вернуть на Землю Огонь. Зная гнусный нрав доминаторов, можно с уверенностью предсказать, что, получив в свое распоряжение Огонь, они воспользуются им. Феррик терзался моральными сомнениями. Слишком трудно было решиться на неслыханное. Хелдонский народ не имеет права рисковать своим генофондом, играя с Огнем. Нет, нет, должен быть какой-то *другой* выход! Надо как-то иначе! И тут Феррика осенило.

— Послушай, Ваффинг, давай представим себе худшее. Сколько времени понадобится Зинду, чтобы привести обнаруженный ядерный арсенал в состояние готовности?

Ваффинг поднял кружку и сделал несколько неспешных глотков.

— Кто знает, — наконец изрек он. — Во-первых, зиндцам надо найти оружие древних, во-вторых — выяснить принципы

его действия. И только затем приступить к восстановительным работам. При самом благоприятном для них раскладе доминаторы будут иметь ядерное оружие через шесть месяцев.

— Но не через две недели?

— Нет, это совершенно исключается.

Феррик внезапно вскочил с места и выхватил из-за пояса Громовую Палицу.

— Замечательно! — воскликнул он. — Решено! Готовы мы или нет, но хелдонские силы обрушатся на Зинд в ближайшие десять дней. Мы сотрем эту нечисть с лица Земли прежде, чем об использовании Огня можно будет говорить всерьез!

И тотчас же Бест, Богель, Ремлер и даже дородный Ваффинг вскочили на ноги. В руках у них были пивные кружки, в глазах — пламя.

— Смерть доминаторам! — воскликнул Бест. — Да здравствует окончательная победа!

— Хайль Хелдон! — выкрикнул Богель.

— Поднимаю тост за нашего славного вождя Феррика Яггера! — проревел Ваффинг, вздымая свою могучую кружку.

Четыре других кружки звонко стукнулись об его, раздался дружный вопль «Хайль Яггер!», и пиво широкой пенной рекой опрокинулось в добрые хелдонские глотки славных командиров.

Феррик чувствовал, как волна дикой радости смыла все его сомнения; нет более верного средства, чем борьба не на жизнь, а на смерть, чтобы поднять человека или целый народ на сверхчеловеческие высоты славы. Феррик поднял свою кружку и провозгласил следующий тост:

— За силу эволюции! За кровь и железо! За тотальную победу достойнейших!

Сперва Ваффинг, а за ним и остальные высшие командиры разразились восторженным ревом и с размаху швырнули свои кружки о стену, разнося их вдребезги.

У Феррика не оставалось ни малейшего сомнения в том, что ключ к победе над Зиндом — в молниеносном захвате огромных нефтеносных месторождений на юго-востоке. Пока этот неисчерпаемый источник горючего находится в нечистых руках Зинда, даже самая могущественная в мире армия Хелдона через месяц полноценной войны будет полностью парализована отсутствием горючего. Если же начать войну с захвата нефтяных месторождений, это даст возможность Хелдону всей своей массой навалиться на Зинд, вонзив в него грозные стальные

колонны своих штурмовых дивизий, одновременно нанося по агонизирующему врагу сокрушительные удары с воздуха.

К несчастью, эта ситуация была столь же очевидной и для доминаторов. Поэтому Феррик видел один-единственный способ одолеть коварного и злобного врага: стремительный и сокрушительный марш через области северного Зинда в направлении столицы этой сволочной империи — Бору. Надо во что бы то ни стало заставить доминаторов поверить в то, что план генерального штаба хелдонцев заключается в попытке стремительным натиском овладеть Борой. Это вынудит доминаторов стянуть в окрестности столицы свои основные силы, чтобы защитить ее от рвущихся на восток штурмовых соединений. Доминаторам тем более легко будет поверить в это, потому что путь штурмовых колонн хелдонской победоносной армии будет проходить по северным районам страны, наиболее развитым и наиболее богатым ресурсами. Следовательно, идущие на Бору штурмовые соединения должны причинять врагу максимальный ущерб, используя тактику выжженной земли.

В это время танковые дивизии при поддержке мотопехоты и новой реактивной авиации должны совершить стремительный марш-бросок на юго-восток от Боргравии и молниеносным штурмом овладеть нефтяными месторождениями прежде, чем до зиндских «стратегов» дойдет смысл происходящего.

Придется очень многое сделать, чтобы придать отвлекающему маневру — походу на Бору — видимость серьезной кампании. Следовало ожидать невероятных трудностей, яростного сопротивления врага и множества примеров зверской жестокости с его стороны. В свою очередь, это приведет к массовому и впечатляющему проявлению несокрушимого фанатизма и величайшего героизма со стороны доблестных хелдонских войск. Предвидя трудность задачи, Феррик решил лично возглавить поход на Бору, оставив Ваффингу захват нефтяных месторождений. Кроме того, присутствие его, Феррика, в первых рядах хелдонских войск должно будет окончательно убедить доминаторов в том, что это направление удара — главное.

Когда первые лучи восхода позолотили небо над пологими холмами восточной части центрального Хелдона, Феррик с озабоченным лицом занял свое место рядом с Бестом в головном танке величайшей армии, которую когда-либо собирал Хелдон под своими знаменами. В ста пятидесяти милях к северу две танковые дивизии, усиленные сотнями моторциклистов, уже сейчас начинали переправу через Роуль по наведенным понтонным мостам вблизи от Лумба. Задачей этого сравнительно не-

большого войска было создавать видимость наступления громадной армии: уже сейчас доминаторы наверняка решили, что основные хелдонские силы собираются ударить через Волак, и спешно перебрасывали войска на запад. Но настоящая атака начнется здесь, в ста пятидесяти милях к югу, где штурмовые дивизии под командованием Феррика должны ударить через буферное государство Малаке в открытый южный фланг орды. Феррик считал, что все эти военные хитрости придадут еще большую убедительность его отвлекающему штурму.

— Две минуты до Момент Ноль, мой Командир! — вскричал Бест.

Феррик кивнул и высунулся из люка своего флагманского танка, за которым в ожидании стояла армия. От одного вида такой армады ужаснулись бы даже древние.

Семьсот стремительных черно-алых танков — большинство из них снабжены новыми огнеметами — образовали передовую ударную фалангу шириной в пятьдесят танков. За этой стеной укрывались две мотодивизии СС. За ними — три дивизии армейских моторциклистов, включая несколько сотен бронетранспортеров и грузовиков с боеприпасами. С тыла ударную группировку прикрывали несколько десятков тяжелых дредноутов старого образца. Огромная воздушная армада готова была в любую секунду взмыть с хелдонских аэродромов, заполнить небеса и подавить любое сопротивление. Вслед за моторизованными войсками в Зинд войдет четверть миллиона хелдонских пехотинцев. Помимо огневой поддержки, в задачи артиллерии и пехоты входило уничтожение построек и истребление всего живого. Зинд должен быть стерт с лица земли в самом буквальном смысле слова!

— Одна минута осталась, мой Командир! — крикнул Бест в тот момент, когда первый луч восходящего солнца появился над горизонтом, окрасив холмы в алый и оранжевый тона, будто бы в преддверии великих битв. Феррик закрыл люк, сел, пристегнулся, взял микрофон и скомандовал:

— Заводите моторы!

Рев заводящихся двигателей утонул в оглушительном грохоте бомбардировщиков, волна за волной проходящих над самой землей, растворяясь в золотом сиянии восходящего солнца.

Бест кивнул Феррику.

— Вперед! — крикнул Феррик.

И вот могучим рывком командный танк тронулся с места, устремляясь на восток. Земля задрожала под весом множества бронированных машин, грозной фалангой катящихся по ней.

На востоке столбы густого черного дыма, подсвеченные красным пламенем, обозначили направление движения. Это хелдонская авиация разнесла буквально на атомы убогие укрепления вдоль малакской границы. Через несколько мгновений до рвущихся на восток танков докатился тяжелый грохот, на миг заглушивший рев танковых двигателей.

Аэропланы продолжали кругами ходить в небе, то и дело срываясь в пике, заходя на цель, в то время как Феррик вел свою штурмовую колонну через пологие холмы и очаровательные долины, перемалывая все на своем пути стальными гусеницами тяжелого танка. Гигантское облако пыли и нефтewыхлопов шириной в несколько миль поднималось над колонной. Бомбы продолжали падать на малакские позиции, в то время как лавина людей и стали стремительно подкатывалась к границе; Феррику казалось, что он ведет свои войска прямо в ад, столь устрашающей была сплошная стена взрывов, поднятых авиабомбами. Когда до границы оставалось всего одна-две мили, бомбежка прекратилась. Бомбардировщики сбросили свой смертоносный груз и сейчас возвращались на базы. Их дело было сделано.

Еще через несколько минут Феррик на своем танке пересек малакскую границу и оказался среди совершенно фантастического пейзажа: такое вокруг царило разрушение.

— Наверняка именно такой увидели поверхность Луны высадившиеся на нее древние, — благоговейно прошептал Бест.

Феррик кивнул. Земля вокруг была вся изрыта громадными дымящимися воронками, усеяна зазубренными осколками, древесной щепой, каменным крошевом. Нигде не осталось ни травинки. Будто бы гигантский плуг прошелся здесь, готовя почву к посеву. От гари, копоти, от запаха, который обыкновенно оставляют взорвавшиеся снаряды и авиабомбы, было трудно дышать. Мутантов, составлявших основное население Малакса, не было видно ни единого. Только красные ошметки среди мусора и развалин напоминали об их существовании.

— Авиация постаралась на славу! — воскликнул Бест.

— Да, мой друг, — сказал Феррик. — В военном деле наступает новая эра — стремительные удары с небес, затем неодолимый натиск бронированных машин. Авиация и танки — это два могучих стальных кулака Нового Хелдона, действующих в дивном согласии.

— Мне кажется, что и одного кулака хватило бы, чтобы уничтожить Малакс, мой Командир!

Феррик снисходительно усмехнулся. Кто-то, а он-то прекрасно понимал, что необозримые зиндские орды так просто с

небес не уничтожишь. Близился момент, когда созданный им новый метод ведения военных действий подвергнется самому жестокому испытанию. Феррик с восторгом думал о том, как он соединит авиацию и бронетехнику воедино против могущества Зинда, ибо это был враг воистину достойный той безграничной разрушительной мощи, что находилась ныне в его, Феррика, распоряжении.

Марш через Малакс показался Феррику несколько скучноватым. Вокруг — одни бесконечные пологие холмы и пятна отвратительных радиоактивных джунглей, которые встречались все чаще и становились все шире по мере продвижения армии на восток. Иногда танки шли через поля, поросшие уродливым подобием культурных растений. Изредка здесь попадались беспризорные шестиногие коровы или огромные тошнотворного вида свиньи с щетинистой, свисающей складками кожей. Иногда попадались скопища глинобитных хижин — очевидно, деревни и хутора. Организованного сопротивления не было и в помине. Слабоумное местное население в панике разбегалось, еще издали заметив тучи пыли, вздымающиеся над штурмовыми колоннами.

Разведка сообщила, что в восточных районах Малакса сгруппированы незначительные зиндские силы. Это было единственным утешением. Кровью зверосолдат Феррик надеялся утолить жажду сражения, томившую его доблестных соратников. Вряд ли от зверосолдат можно ожидать чего-либо большего, нежели вялое сопротивление, но и это внесло бы приятное разнообразие в утомительно однообразное наступление.

Однако вскоре случилось нечто совершенно неожиданное: первый контакт с зиндскими войсками начался с воздушной атаки противника.

Головной танк Феррика находился в каких-то семидесяти милях от границы самого Зинда. Все вокруг здесь густо поросло радиоактивными джунглями. В течение почти целого часа разнообразнейшие монстры и чудища в панике выскакивали из джунглей, в то время как огнеметы неуклонно продвигавшихся танков очищали землю от этих генетических помоек. Кого там только не было: и гигантские бескрылые птицы с четырьмя когтистыми лапами и болтающимися наростами там, где полагалось быть клюву; и какая-то склизкая мразь, волочившая за собой пульсирующий орган, расползающийся во все стороны; свинособаки, многоголовые свиньи, а также всевозможная мел-

кая погань, ползущая, скачущая, пищущая, визжащая, стремящаяся уйти от огня.

Короче, хелдонская армия занималась привычной работой. Все шло своим ходом, когда вдруг Бест указал на темные точки, летящие в сторону хелдонской армии с востока. Насчитывалось их примерно с двадцать.

— Видимо, какая-то особо злобная разновидность мутировавших птиц, — заметил Феррик, не придавая этому серьезного значения, ибо летящие объекты были небольшими и двигались медленно.

Однако через несколько минут, когда объекты приблизились, выяснилось, что перспектива сыграла с Ферриком злую шутку: эти твари были отнюдь не маленькими и летели вовсе не медленно. Напротив, они были стремительными и громадными. Уже через несколько секунд чудовища закружились над командирским танком.

— Какая омерзительная жуть! — вскричал Бест. И это было еще мягко сказано. Существа состояли главным образом из гигантских, в пятьдесят футов в размахе, крыльев, состоящих из полупрозрачной пленки, обтягивающей тонкие кости. Под крыльями висел бесформенный мешок слизистой кожи, сквозь которую просвечивали пульсирующие внутренние органы.

Когда эти монстры, надвигаясь плотным строем, пронеслись над танком Феррика, он увидел, как задержались, сокращаясь и расширяясь, сфинктеры на свисающих мешках. И тотчас же целый водопад омерзительной зеленой жидкости обрушился на танки. Там, где жидкость попадала на броню, от металла немедленно начинал подниматься страшный желтый дым.

— Огонь! — вскричал Феррик. Он откинул крышку люка и послал очередь в одно из этих чудовищ, пробив множество отверстий в слизистой мембране крыльев. Чудовище совершенно беззвучно начало пикировать вниз. Его гигантские бурдюки взорвались, будто хлопущие, обдав шедший внизу танк ядовитым кислотным дождем. В следующее мгновение тварь упала на землю и была перемолота гусеницами. От машины, на которую пролился страшный дождь, поднялся столб раздирающего легкие дыма, а сам танк стал медленно растворяться.

— Попробуйте взять их из огнеметов! — крикнул Феррик орудиюному расчету, продолжая безостановочно палить в кружащихся над танками тварей. Он сбил еще одно из чудовищ и потерял еще один танк. Остальные танкисты, следуя примеру верховного главнокомандующего, вели массированный обстрел из автоматов и пулеметов, исчертив все небо над несущейся армадой линиями трассирующих пуль. Еще шесть существ опо-

рожили свои бурдюки, прежде чем погибнуть под гусеницами, уничтожив перед смертью еще четыре боевых машины.

В следующее мгновение огнемёт на башне ферриковского танка с ревом выплюнул в небо длинную струю пламени, дав прикурить еще одной летающей твари. Крылатая мерзость превратилась в пепел, еще не успев долететь до земли, а ее страшные бурдюки взорвались, не причинив никому вреда.

Увидев это, командиры других танков также открыли огонь из огнемётов и успели уничтожить еще семь чудовищ, прежде чем остальные твари внезапно все разом сделали крутой вираж и пошли на восток, откуда и появились.

— Мой Командир! — вскричал Бест, указывая автоматом в небо над танком. Под крыльями одного из чудовищ вместо бурдюков было подвешено нечто вроде металлической корзины, в которой зоркий глаз без труда мог разглядеть человекоподобный силуэт.

— Доминатор! — возопил Феррик. — Ими управляет доминатор! — И тут же крикнул в микрофон: — Всем танкам! Открыть огонь! Там, в корзине, доминатор, и он уходит!

Тотчас же воздух наполнился воем снарядов, ревушими струями пламени и нитями трассирующих пуль. Но поздно. Летающая тварь ушла уже далеко. Отсюда ее можно было достать разве что орудийным снарядом. Но поскольку танковые орудия не предназначены для поражения подобных целей, шанс попасть был один к миллиону.

После минуты этой неистовой пальбы Феррик понял, что не стоит впустую переводить боеприпасы, и дал команду прекратить огонь.

— Ничего, мой Командир, мы их порядком потрепали, — уныло проговорил Бест, провожая взором летающих монстров за горизонт.

— Не все так просто, Бест, — заметил Феррик. — Я уверен, что это была только разведка. Серьезная атака еще впереди. Скрывшийся от нас доминатор даст остальным детальный отчет о нашей армии.

— Вряд ли это поднимет им настроение, — хмыкнул Бест.

Феррик повеселел. Бест был отличным боевым товарищем. Этот славный парнишка всегда умудрялся видеть в вещах их светлую сторону.

Теперь каждый человек в походном строю был начеку. Феррик стремительно вел хелдонское войско строго на восток, к границам Зинда. В настоящий момент зиндские погранвойска,

должно быть, уже были приведены в состояние полной боевой готовности. Более того, еще через несколько часов огромная зиндская орда, движущаяся на север, будет поставлена в известность об истинной ситуации и повернет на юг. Предстояла великая битва, и было жизненно важно для интересов Хелдона, чтобы битва эта состоялась как можно севернее и дальше от границ Зинда.

Стремясь выиграть время, Феррик повернул армию на северо-восток. В этом случае после того, как пограничные силы Зинда будут сокрушены, у хелдонцев останется еще время, чтобы углубиться на несколько сотен километров на зиндскую территорию, двигаясь в сторону Боры, прежде чем исполинская зиндская орда, идущая с севера, заблокирует путь. Времени разбираться с зиндскими войсками на малакской границе у Феррика не было. Каждый час задержки отодвигал предполагаемое место великой битвы все дальше и дальше от Боры. Не желая рисковать впустую, Феррик связался с хелдонским военно-воздушным командованием и приказал поднять в воздух пятьдесят бомбардировщиков. В задачу бомбардировщиков входило устлать дорогу стремительно мчащейся хелдонской армии изуродованными трупами врагов и их разбитой техникой.

Не позднее чем через полчаса десять эскадрилий черных бомбардировщиков, изящно пикируя, с ревом пронесли над танками и скрылись за грядой холмов на востоке. Но прежде чем аэропланы успели исчезнуть за холмами, воздух наполнился низким рвущим душу воем, и пара снарядов разорвалась в каких-то трехстах ярдах перед танком Феррика.

— Зиндская артиллерия! — воскликнул Бест.

В направлении северо-востока зоркий глаз Феррика выхватил в небе крошечную черную точку. Он немедленно связался по радио с командирами бомбардировщиков.

— Над нами наводчик зиндской артиллерии! Послать истребитель на уничтожение. Еще один аэроплан — в сторону зиндской батареи. Пусть даст мне координаты этих сволочей.

— Есть, мой Командир! Хайль Яггер!

Еще одна стена взрывов встала перед ферриковским танком. На этот раз снаряды легли ближе. Затем низко над горизонтом Феррик заметил крохотное черное сверкающее пятнышко, идущее с востока. Снова ударили снаряды, еще ближе. Каменные осколки забарабанили по броне. Крохотное черное пятнышко стремительно росло, превращаясь в стройный черный хелдонский истребитель-бомбардировщик; аэроплан зашел на цель, а потом сорвался в смертоносное пикирование — прямо на зиндского

ленного тухлого мяса. Крупнокалиберные пулеметы косили их рядами. Танки шли по телам. Во все стороны брызгала кровь, хрустели кости.

Танку Феррика понадобилось пять минут, чтобы пройти долину из края в край. Следом за ним шла грозная стена хелдонских боевых машин. За ними осталась долина, курящаяся чадным дымом и заваленная перемолотыми и обожженными останками десяти тысяч зверосолдат. Бесконечным моторциклетным дивизиям, которые должны пройти здесь позднее, делать в этой долине будет решительно нечего, кроме как созерцать убедительнейшее доказательство мощи хелдонской армии.

Бест повернулся к Феррику. Его голубые глаза сияли от восторга.

— Мой Командир, — сказал он, — это величайший момент в моей жизни. Сколь великая радость — биться бок о бок с тобой в этой грандиозной и славной битве!

Феррик хлопнул парня по плечу.

— Это еще пустяки по сравнению с тем, что ждет нас впереди, — спокойно произнес он. Но душа Феррика в этот момент пела от радости при мысли о том, сколь эффективно армада Свастики вошла в проклятый Зинд грозным провозвестником тотального триумфа.

Воистину кошмарен был Зинд, когда впервые открылся он глазам хелдонцев. Повсюду виднелись уродливые заросли розовато-пурпурных радиоактивных джунглей, расползающиеся по земле, подобно бесформенным раковым опухолям. Джунгли чередовались с каменистыми участками или с проплешинами голой отравленной земли, на которой не росло ничего, даже сверхустойчивых сорняков-мутантов. Все вокруг несло на себе отпечаток дегенеративности, доведенной до крайней степени. Местами среди радиоактивных джунглей попадалось нечто, напоминавшее поля, вспаханные вкривь и вкось, поросшие какой-то растительной дрянью, в которой при всем желании нельзя было опознать каких-либо видов культурных растений.

На этих, с позволения сказать, «полях» встречались якобы фермеры — гнусный сброд, ничем не отличимый от усыпленной волакской и боргравийской швали — синюшники, попугае-клювые, всевозможные гномы, какие-то гиганты тошнотворной наружности, полулюди, более всего напоминающие ходячие раковые опухоли, жабойды. Словом, весь набор разновидностей мутантов. Однако поведение зиндских смердов-рабов коренным

образом отличалось от поведения деревенского отребья на других завоеванных территориях: здешние «фермеры» пытались защитить свою землю, выступая навстречу катящейся стальной хелдонской лавине с дубинами, камнями и палками, явно надеясь устроить и напугать — столь они были безмозглы. Не было ни малейшего сомнения, что действиями «фермеров» управлял скрывающийся где-то неподалеку доминатор — мутанты лезли под гусеницы явно не от острого нежелания жить, а повинаясь приказу. Вся эта мерзость истреблялась пламенем, равно как и радиоактивные джунгли — хелдонская армия стремительно шла через западные районы центрального Зинда, оставляя за собой полосу выжженной земли шириной в десять миль.

Феррику пришло в голову, что если взглянуть на путь армии с высоты, то он будет похож на Стального Командира — пылающая полоса с металлическим кулаком на конце.

Аэропланы-разведчики сообщали, что никаких серьезных вражеских сил между хелдонской армией и исполинской зиндской ордой в ста милях к северу нет. Также стало известно, что орда повернула и сейчас движется на юг, чтобы встретить агрессора и дать ему бой. По прикидкам Феррика, главная битва должна будет начаться вскоре после полудня, в четырехстах милях от границы Зинда на восток и в пятистах от Боры. Рано утром он повернул свою армию на север и стремительно двинулся на перехват зиндской орды.

А там, на севере, волна за волной хелдонские бомбардировщики сбрасывали свой смертоносный груз на ползущую на юг, будто гигантская амеба, исполинскую орду. Пилоты аэропланов сообщали о гигантском численном перевесе зиндской армады. По самым грубым подсчетам получалось, что на одного хелдонца приходится десять зверосолдат. Хотя хелдонские асы уничтожили все зиндские воздушные дредноуты вплоть до последнего и безраздельно господствовали в небе, все же над ползущей на юг ордой, подобно мухам над падалью, кружилось великое множество тех самых летающих тварей, с которыми хелдонским танкам уже доводилось встречаться. Помимо обычных зверосолдат, телег с доминаторами и наземных дредноутов, пилоты обнаружили несколько сотен танков, пушек, в которые были впряжены «кентавры-задницы», а также большие отряды зверосолдат, несколько отличавшихся от остальных. Одним словом, властители Зинда, готовясь к битве, которая решит будущее этого мира, собрали воистину адское сонмище уродов.

Первые лучи восходящего солнца высветили жуткий ландшафт во всей его вопиющей неприглядности. Танк Феррика в

это время вошел на территорию одной из так называемых «ферм». Со всех сторон «ферму» обступали корявые непроходимые чащобы радиоактивных джунглей. В голой зараженной земле были вырыты громадные ямы, заполненные какой-то зеленой соплевидной мерзостью. Не приходилось сомневаться, что это был корм для зиндского пушечного мяса. Смердело от этих ям стократно хуже, чем от самой грязной боргравийской помойки в жаркий полдень. Среди ям виднелись наспех сбитые из корявых жердей загонь, в которых содержалось тошнотворное скопище всевозможной, донельзя деградировавшей и мутировавшей живности: жирные безногие свиньи, извивающиеся в грязи, подобно гигантским опарышам; шестиногие коровы с крохотными рудиментарными головами и огромной клоакой, из которой сочилась зеленовато-бурая жижа; лишенные шерсти фиолетовые козы, волочившие в грязи гипертрофированное синее вымя; цыплята, покрытые вместо перьев зеленым мхом. Рабы, обслуживающие это извращенное подобие фермы, вполне соответствовали местному скоту. Ни разу доселе не доводилось Феррику лицезреть столь гнусного сборища мутантов. Попугасклювые, жабоиды и гномы по сравнению со здешними «пейзанами» показались бы просто образцами генетической добродетели. Это были лишенные кожи твари, истекающие красной слизью, сквозь которую просматривались синеватые вены. И таких было большинство. Некоторые и того хуже. Зеленые двуногие образины с фасеточными, как у насекомых, глазами, с пучками щупалец вместо пальцев. Были тут жабоподобные особи с громадными отвислыми губами и бородавчатой кожей, покрытой едкой слизью. По углам «скотного двора» пресмыкались и вовсе несуразные существа: бесформенные глыбы, сплошь заросшие черной шерстью, из которой злобно посверкивали красные глаза. Помимо глаз, у этих чудищ различалась лишь небольшая слюнявая пасть.

Несмотря на то, что каждая минута была сейчас на счету, Феррик подал сигнал, приказывая танковой фаланге остановиться. Он хотел лично убедиться в том, что все здесь предано огню, разорвано на куски или, на худой конец, раздавлено гусеницами танков. Фугасные снаряды ударили в смрадные ямы, расплескивая зеленые помои по всей округе.

Только когда танк Феррика покинул эту адскую ферму и навстречу ему снова покатались пологие, лишенные всякой растительности холмы, Феррик нашел в себе силы заговорить.

— Мне с трудом верится, что даже здесь, в Зинде, возможны такие ужасы, — сказал он, повернувшись к Бесту. — Как только доминаторы способны жить рядом с этим?

Лицо Беста было бледным как мел, губы дрожали.

— Я не представляю себе, о мой Командир! Меня до сих пор тошнит при одном воспоминании.

— Ладно, довольно! — твердым голосом сказал Феррик. — Мы положим конец всей этой мерзости раз и навсегда. Курс на север, Бест! Настало время показать зиндской гнили, что такое ударная мощь хелдонской армии!

Вскоре северный горизонт во всю ширь озарился вспышками оранжевого пламени. Громадная стена пыли и густого черного дыма взметнулась над мертвыми серыми холмами, подобно голове исполинского изрыгающего гром сказочного монстра. Было ясно, что зиндская орда заметила огромное облако пыли от приближающейся хелдонской армии. Две смертоносные могучие машины наконец-то сошлись один на один.

Бронированная стена хелдонской фаланги продолжала нестись навстречу врагу, когда летчик-наблюдатель передал новую серию координат. Страшный гром раз за разом раскатывался по безжизненной местности, эхом отражаясь от холмов, — башенные орудия хелдонских танков разом дали залп. Волна фугасных снарядов с воем унеслась в сторону вражеских позиций. За ней последовала еще одна волна. Потом еще. Танки безостановочно шли вперед. Тяжелые зиндские снаряды начали рваться в гуще хелдонских войск, подбивая танки и разнося в клочья моторциклистов по флангам. Из-за гряды холмов появились хелдонские бомбардировщики. Один за другим они заходили в пике, а затем, разрешась от смертоносного бремени, взмывали вверх, уходя от огрызающихся вражеских зенитных орудий. Сотни великолепных дредноутов заполнили небо — самолеты пикировали, взмывали, ходили кругами, подобно гигантским металлическим орлам.

— Ну вот, Бест, началось! — воскликнул Феррик, наконец-то впервые увидев врага во всей его мощи. С севера на хелдонскую армию надвигалась почти сотня крылатых зиндских чудовищ. Их перепончатые крылья влажно поблескивали. В погоню за ними устремилась дюжина хелдонских аэропланов, мерцая вспышками пулеметов. Мгновение спустя прямо над головой разгорелось воздушное сражение. Едкие водопады извергались из опорожняемых бурдюков. Там, где ядовитая жидкость касалась брони, вверх поднимался густой желтый дым. Крылатые чудовища тоже гибли во множестве, разрываемые в клочья крупнокалиберными пулями.

Но Феррику некогда было любоваться этим зрелищем — прямо перед танками появилась орда. Плотные ряды зверсолдат раз-

меренно маршировали навстречу несущимся на них бронированным машинам. Бест тонко и пронзительно закричал: воистину жуткая картина открылась глазам доблестных хелдонцев.

Зиндская армия заполняла все обозримое пространство от востока до запада, и ее последние ряды уходили за линию горизонта. Нестройные шеренги исполинских мускулистых зверосолдат размеренно маршировали одна за другой. Фронт наступающих зиндских войск был невероятно широк — он закрывал собой весь горизонт. Среди десятифутовых зверосолдат в передних рядах наступающей зиндской армии ползли грязно-зеленые танки — уродливые подобию хелдонских боевых машин. За шеренгами наступающих «кентавры-задницы» тащили тысячи телег с доминаторами, окруженных плотным морем живых роботов. За передовыми отрядами двигалась артиллерия, грузовики и паровые дредноуты, за ними — бесконечные ряды зверосолдат. Вся эта масса шла, подчиняясь единому ритму, в раз и навсегда заданном направлении, напоминая нашествие термитов. Небо над адским воинством потемнело — так много в нем было хелдонских аэропланов и зиндских летунов; в гуще движущейся орды то и дело вскипали тучи смолистого дыма.

В тех местах, где авиабомбы поражали телеги с доминаторами, возникал хаос. Утратившие контроль зверосолдаты начинали метаться, пытаясь вырваться из строя. С телег и дредноутов велся массированный огонь, поддерживаемый также башенными орудиями зиндских танков и артиллерии. Целый шквал снарядов обрушился на передние ряды хелдонских танков, выводя из строя десятки машин.

Когда две гигантские армии отделяла друг от друга лишь сотня ярдов, Феррик увидел, как лицо Беста окаменело.

Феррик скомандовал в микрофон, и хелдонские танки, не снижая скорости, разошлись в стороны, открывая проход, по которому ринулись моторциклисты. Проорав в микрофон «Огонь!», Феррик начал хлестать длинными очередями по рядам противника. Орудия танков перешли в горизонтальное положение, и последний залп фугасных снарядов ударил в передние ряды биороботов, взметнув вверх огромную массу земли, сдобренную кусками металла и ошметками плоти.

Затем обе армии столкнулись. Боевая тактика зиндцев не изменилась со времени последней битвы, за исключением того, что теперь громадные зверосолдаты были все как один вооружены автоматами. Миллиарды свинцовых пчел взвыли в передних рядах хелдонской армии, не причинив никакого ущерба бронированным машинам, зато отыскав себе множество жертв

среди моторциклистов, отважно скакавших на своих громогласных стальных конях навстречу свинцовому урагану.

Огнеметы обдали передние ряды марширующей орды ревущими струями огня. Тысячи зверосолдат разом превратились в истошно вопящие живые факелы, которые размеренной поступью двигались под гусеницы хелдонских боевых машин.

Вперед пошли зиндские танки. Они вели огонь сквозь строй собственных полков. Лобовые попадания зиндских снарядов выводили из строя хелдонские танки один за другим. Продолжая вести шквальный огонь по плотной массе протоплазменных роботов, Феррик одновременно отдавал короткие приказы командирам других танков.

— Стрелять прямой наводкой! Не жалеть сволочь! Уничтожать вражеские танки любой ценой!

Хелдонские танки ответили на приказ дружным залпом. Тяжелые снаряды прокладывали себе кровавый путь сквозь шагающую протоплазму и расщепляли зиндские танки буквально на атомы. Судя по всему, в уничтоженных танках находились доминаторы — огромные участки наступающего фронта зиндских зверосолдат превратились в обезумевшие стада.

Феррик забыл про Беста — он перешел в иное измерение, в собственную вселенную, где не было ни времени, ни пространства — ничего, кроме грязных отвратительных зверосолдат,седающих под автоматный огонь под огнеметы, под гусеницы его танка. Ноздри Феррика вдыхали аромат паленого мяса, направленный острым запахом пороха. В уши бил грохот орудий, треск пулеметных очередей, рев двигателей, крики, хрипы и стоны. Плоть Феррика стала частью пулемета, из которого он палил. Очереди трассирующих пуль, казалось, вылетали из самой глубины его души; Феррик буквально чувствовал, как они впиваются в плоть зверосолдат, падающих перед его стволом, толчками выплескивающим свинцовое семя смерти. Сквозь броню танка он ощущал хруст костей под гусеницами.

Он бросил мимолетный взгляд на Беста: казалось, юный герой навек обручился с рычагами и кулисами танка и с гашеткой пулемета. Лицо его было стальной маской крайней решимости. Голубые глаза сияли священной яростью и железным экстазом. На мгновение глаза Феррика встретились с глазами Беста. И в тот же миг они обручились священным союзом боевого братства. Их души слились на мгновение в величайшем порыве расового волеизъявления, вобрав и растворив в себе танк — их совокупный орган возмездия. Все это длилось лишь мгновение, так что ни Феррик, ни Бест ни на миг не отвлек-

лись от своей священной и героической работы. Тысячи тысяч актов величайшего героизма демонстрировали ежесекундно хелдонские ратники, увлекаемые вперед могучим зовом здоровых генов, сверхчеловеческим фанатизмом и трансцендентной славой. Моторциклисты в черных кожанках неслись навстречу раскаленным от непрерывной стрельбы стволам противника, дробя смердящие волосатые ноги зверосолдат, давя их колесами своих стальных скакунов, убивая их десятками, в то время как вражеские пули рвали на части героическую плоть эсэсовцев. Хелдонские танки таранили зиндские, переворачивали их, а затем обливали струями из огнеметов. Пикирующие бомбардировщики обрушивали на врага смерть с небес. Подбитые аэропланы входили в смертоносное пике. Недрогнувшей рукой хелдонские герои-пилоты направляли свои дымящиеся машины на зиндские танки и телеги, оканчивая жизнь в ослепительной вспышке огня и немеркнувшей славы. Моторизованная пехота оставила грузовики и двинулась в бой, шагая вперед волна за волной, погибая тысячами, но унося с собой тысячи тысяч квази-жизней зверосолдат.

Мистическое единение между Ферриком и его героическими войсками и расовой волей Хелдона было тотальным; хелдонская армия сражалась как единый организм, и сердцем этого организма был Феррик Яггер, и билось это сердце в унисон со сверхчеловеческой волей. Никто из хелдонцев не думал сейчас о собственной безопасности. Для отважных солдат ныне не существовало таких понятий, как страх или усталость.

Медленно, шаг за шагом, хелдонская армия проталкивалась сквозь плотную массу зиндской орды.

Повсюду было пламя, в воздухе висело густое облако пороховой гари. Каждый хелдонский танк, каждый отдельный истинно человеческий герой были обильно политы вражеской кровью. Феррик чувствовал, как расовое волеизъявление пронзает все его тело, проходит сквозь мускулы и исторгается наружу сквозь докрасна раскаленный ствол его ревущего пулемета. Сам он сейчас уже не был Ферриком Яггером — он был оружием, которое стреляло само по себе. Все эти сотни танков, сотни тысяч людей, раздирающих врага на части, были продолжением его, Феррика, тела, были его пальцами, его руками, его псевдоподиями, в то время как он сам представлял из себя высочайшее выражение расовой воли. И вместе с тем этот гигантский организм был Хелдоном, надеждой мира, расой, которой судьба предназначила править этой планетой. И гигантский организм сейчас вгрызлся во внутренности омерзительного расового врага.

Всю ночь праздновалось это неистовое пиршество смерти, наступивший день застал битву в разгаре. Растворившись в едином организме, каковым была его армия, здесь, в кипении боя, где не было ни права, ни лева, ни верха, ни низа, Феррик каким-то шестым чувством явственно ощущал, что хелдонские войска продолжают неуклонно продвигаться на северо-восток, по направлению к Боре. Аэропланы-разведчики — чувствительные органы его нынешнего тела — сообщали Феррику, что восточный и западный фланги гигантской зиндской орды начали обтекать хелдонскую армию, подобно псевдоподиям исполинской амёбы.

— Сейчас трудно сказать, что происходит. То ли орда берет нас в кольцо, то ли мы разрезаем орду пополам, — заметил Феррик Бесту.

— Мой Командир, Ваффинг на связи!

— Давай его сюда.

Густой сочный голос Ваффинга наполнил кабину танка. Сквозь треск эфира доносился шум жаркой битвы.

— Мой Командир, мы достигли нефтяных месторождений и сокрушили врага. Я думаю, что нефть станет окончательно нашей не позднее сегодняшнего вечера.

— Превосходная работа, Ваффинг! — сказал Феррик. — А сейчас извини, я должен отключиться.

Известие, полученное от Ваффинга, заставило Феррика на мгновение задуматься. Возможно, фланговые маневры были попыткой зиндцев обойти хелдонскую армию и двинуться на выручку тем незначительным силам, что охраняли нефтеносные районы.

Врожденный полководческий гений тотчас же подсказал Феррику выход: перекрыть продвижение противника на южном направлении. Орда должна была оставаться здесь до тех пор, пока Ваффинг со своими дивизиями не завершит свою миссию и не присоединится к основной хелдонской армии.

Связавшись по радио с полковыми командирами, Феррик отдал необходимые распоряжения. Под прикрытием танков и мотодивизий хелдонская пехота окопалась вдоль широкого фронта на расстоянии одной мили к югу. Титаническим напряжением сил хелдонцы в кратчайшие сроки прорыли окопы, соорудили редуты, оборудовали доты, установили пулеметы, пушки, гаубицы и мортиры. С флангов новая линия фронта была усилена двумя дивизиями наиболее фанатичных эсэсовских штурмовиков. Как только эти работы были закончены, сдерживающие противника моторизованные части ото-

шли подкрытие танков за укрепления. Танки отходили последними, ведя непрерывный шквальный огонь по позициям противника.

Только когда сверхсложный маневр был завершен и танк Феррика замер за земляным укреплением, у Феррика выдалась свободная минута обдумать создавшуюся ситуацию стратегически. Высунувшись в открытый люк своего танка, он увидел, что вся передняя линия зиндской армии находится во власти полного хаоса. Едва ли у зиндцев к настоящему моменту остались танки. Хелдонская авиация уничтожила их все. К северу от поля, устланного трупами, бесновались миллионы вышедших из-под контроля зверосолдат. Отсюда все виделось жутким бурлящим котлом. А за всем этим шевелящимся месивом обезумевших монстров до самого горизонта простиралось бескрайнее море контролируемых доминаторами зиндских сил. Что касается артиллерии противника, то к настоящему моменту она была полностью подавлена хелдонской авиацией; кроме того, изящные черные истребители очистили небо от крылатой нечисти.

Хелдонские моторизованные части и пехота понесли страшные потери. Однако хелдонская артиллерия практически не пострадала. Потери танков к настоящему моменту составляли не более пятидесяти единиц. Примерно такие же потери насчитывались в военно-воздушных силах. Было истрачено громадное количество боеприпасов и горючего. Но оставалась надежда на подкрепление со стороны Ваффинга.

— Стоящая перед нами задача кристально ясна, — сказал Феррик Бесту. — Мы должны удерживать эту позицию любой ценой до подхода дивизий Ваффинга.

Бест встретил слова командующего без особого энтузиазма.

— Лично я бы, о мой Командир, предпочел атаковать, невзирая ни на какой численный перевес противника, нежели отсиживаться за укреплениями, какими бы неприступными они ни были.

На это Феррик мог ответить лишь хмурым кивком. Ему и самому претила одна мысль о том, что придется отсиживать задницу за редутами. Очевидно, и все солдаты в хелдонской армии, вплоть до последнего человека, рассуждали так же. Хелдонец привык атаковать, а не обороняться. Это у истинных людей в генах. Однако бывают ситуации, когда интересы Отечества требуют поступиться самыми сокровенными желаниями. Феррик понимал, что вся армия, как и он, в данный момент находилась в состоянии уныния. Поэтому срочно нужно было что-то предпринять для поддержания боевого духа.

В этих целях Феррик приказал заглушить двигатель танка, переоделся в свежую черную форму, накинул алый плащ, сел в седло сверкающего лаком и хромом моторцикла, принадлежащего павшему в бою юному эсэсовскому герою, и отправился с инспекционной поездкой по позициям. Верный Бест ехал рядом. Желая подогреть в солдатах боевой задор, Феррик держал в руках, выставляя на всеобщее обозрение, Стального Командира. Сверкающая серебристая рукоять и отполированный до зеркального блеска кулак набалдашника ослепительно сияли на солнце.

Хотя героические хелдонские воители с неослабевающей яростью сражались в течение почти двух дней без сна и отдыха, на их лицах сейчас отражалось одно-единственное желание: снова идти в бой и сражаться, сражаться, сражаться. Это желание проявлялось во всем — в глазах, сверкающих фанатической решимостью, в той трогательной заботливости, с которой они чистили свое оружие, в четкости и энергичности отдаваемых партийных салютов, в энтузиазме приветственных возгласов «Хайль Яггер!» и в восторженном реве, сопровождавшем каждый залп хелдонской артиллерии по позициям противника.

Однако Феррику не удалось обойти все позиции, ибо меньше чем через полчаса вся зиндская орда внезапно всколыхнулась, двинувшись в сторону хелдонских окопов.

— Что это, мой Командир? — спросил Бест.

— Похоже, нам предоставляется возможность еще раз утолить нашу жажду сражения, — отвечал Феррик.

Одна за другой волны зверосолдат переваливали через гребень холма, образованного трупами их сородичей, и устремлялись в сторону хелдонских позиций. Автоматы в их руках непрерывно извергали свинец.

Феррик снял свой автомат с предохранителя. Вдоль всей длины хелдонских укреплений танки и артиллерия открыли шквальный огонь по накатывающемуся валу противника. Фугасные снаряды врезались в ряды зверосолдат и взрывались, разнося в клочья сотни и тысячи монстров. Бомбардировщики обрушили с неба дождь бомб на задние ряды противника.

Вскоре орда приблизилась настолько, что можно было пускать в ход автоматы и огнемёты.

— Огонь! — заревел Феррик.

И тотчас же сотни тысяч автоматов разом затрещали вдоль всей линии хелдонских укреплений. Первый ряд зверосолдат был буквально отброшен сплошной свинцовой лавиной; от них не осталось ничего, кроме кровавого месива, с ног до головы

облепившего следующие ряды размеренно шагавших нагих гигантов. Впрочем, этих постигла та же участь. Стальной шквал, несущийся со стороны хелдонских позиций, не ослабевал. Сотни тысяч автоматных стволов исторгали свинец. Могучие орудийные стволы с напряженным ревом выталкивали тяжелые снаряды. Но, несмотря на ужасающие потери, орда медленно и неотвратимо продвигалась вперед. Зверосолдаты шагали по трупам своих смрадных сородичей, перемолотых зубами хелдонских автоматов.

Зачарованно глядя, как пули, рвущиеся из раскаленного ствола его автомата, раздирают в клочья плоть надвигающихся безмозглых великанов, Феррик вдруг был пронзен неожиданной мыслью: нигде поблизости не было видно телег с доминаторами.

— Бест! — вскричал он. — Это не простые зверосолдаты!

И только тут до Феррика дошло, что движениям надвигающихся монстров не хватает привычной синхронности. Более того, их головы, хотя и были по человеческим стандартам микроскопическими, намного превосходили по объему черепные коробки зверосолдат, с которыми приходилось встречаться доселе. Вместо крохотных слюнявых безгубых ртов у этих тварей были огромные пасти с настоящим частоколом зубов.

В следующее мгновение Феррик осознал, что танковые огнеметы обдали монстров ревущими огненными струями. Страшный рев и вой заживо сгорающих заглушил даже грохот сражения. Чадный дым заволок их ряды.

Но с этим противником было не так-то просто справиться. Полуобгоревшие зверосолдаты появлялись из стены пламени и, с ревом и воем, продолжали двигаться вперед, безостановочно паля из автоматов. Когда от хелдонских окопов их отделяла уже какая-то сотня ярдов, Феррик выхватил из-за пояса Громовую Палицу, ударил ногой по стартеру моторцикла и под прикрытием шквального огня хелдонцев понесся на inferнальных гигантов.

С восторженным ревом сотни тысяч эсэсовских и армейских моторциклистов устремились вслед за ним. Тысячи героев нашли свою смерть за стеной свинца. Феррик летел на своем ревущем стальном скакуне впереди. Пули свистели над его головой. Прошло несколько секунд — и вот волна моторциклистов с чудовищной силой ударила в ряды зиндских монстров. Завязалась страшная рукопашная. Автоматы здесь были бесполезны. В ход пошли булавы и дубины.

Феррик оказался в лесу громадных грязных волосатых ног. Громовая Палица наполняла его тело сверхъестественной мощью;

он взмахнул ею, будто пушинкой. Нечеловеческой силы удар отсек сразу несколько десятков омерзительных членов, пройдя сквозь них, будто сквозь гнилой сыр, повергнув десятки воюющих ублюдков на землю, где они забились в агонии, подобно обезглавленным змеям. Круша их черепа, словно гнилые арбузы, Феррик видел их глаза, горящие, подобно раскаленным углям, их разинутые пасти, усеянные острыми, как бритва, зубами, из которых хлестали потоки темной, нечистой, пенистой крови.

Эти существа разительно отличались от прежних зверосолдат. Каждый из них действовал самостоятельно. Это были настоящие исчадия ада. Без страха подставляли они свою обнаженную плоть железной воле хелдонских фанатиков, несущихся на смертоносных стальных машинах.

Могучими ударами гигантских суковатых дубин эти сверхзверосолдаты крушили моторциклы и всадников. Но и свирепости и злобности монстров было не совладать со сверхчеловеческим героизмом хелдонских солдат, бьющихся бок о бок со своим горячо любимым верховным главнокомандующим. Эти великолепные носители истинно человеческих генов в серой армейской или черной эсэсовской форме с боевыми криками отважно бросались на великанов; огонь священной ярости горел в их голубых глазах; булавы разрезали воздух, подобно молотам судьбы. Мир еще не видел такого.

Героям, сражавшимся в этой чудовишной рукопашной, казалось, что минули дни, хотя прошел всего лишь час. Феррик не мог судить о том, как развивалось сражение в целом, ибо весь мир для него свелся к сплошной стене волосатых смердящих гигантов, истекающих пеной, изнывающих от жажды истинно человеческой крови. По мере того как этому зверью удавалось проложить себе путь сквозь баррикаду трупов, что Феррик нагромоздил вокруг своего моторцикла, они, в свою очередь, испытывали на своих черепах всеокрушающую ярость Стального Командира. Тем не менее эти монстры напирали, будто движимые страстью саморазрушения.

Но вот напор стал ослабевать. С полдюжины гигантов, расшвыривая тела своих собратьев, с бессвязными воплями устремились к Феррику. Один-единственный удар Громовой Палицы оборвал их гнусные квази-жизни. Мгновение спустя от рук Феррика пали еще три монстра. Атака врага захлебнулась. Феррик стоял на дне огромного кратера, стены которого образовывали изувеченные кровоточающие тела сотен, а может быть, тысяч врагов.

Могучими ударами Стального Командира Феррик проложил себе путь среди трупов и с ревом вырвался прочь из кратера.

Повсюду, куда ни бросишь взгляд, земля была завалена мертвыми телами. Большинство трупов принадлежали зверосолдатам, но там и тут виднелись тела отважных хелдонских героев, своей чистой кровью подтвердивших преданность делу Свастики. Среди этого апофеоза смерти ездил десятки тысяч хелдонских моторциклистов, уничтожая недобитых зверосолдат автоматными очередями.

В нескольких ярдах Лудольф Бест, завидя, что его верховный главнокомандующий жив и невредим, закричал от радости и, с ревом вздыбив свой моторцикл, помчался навстречу Феррику. Лихо развернувшись перед Ферриком, разбросав при этом несколько тел поверженных врагов, Бест соскочил с моторцикла и, крича и размахивая руками, стал показывать находящимся поблизости хелдонцам на Феррика-сверхгероя. В свою очередь хелдонцы ликующе заревели и начали размахивать булавами над головами, палить из автоматов, давая выход обуревавшему их восторгу. Прошло всего несколько секунд, и вот уже все находящиеся на поле битвы хелдонцы знали о том, что горячо любимый вождь и верховный главнокомандующий жив и овеян славой.

Более ста тысяч хелдонских героев, празднующих триумф, вскинули к небу свои окровавленные булавы в партийном салюте и проревели «Хайль Яггер!» с такой свирепостью и силой, что даже Феррик был поражен до глубины души.

Феррик сидел рядом с Лудольфом Бестом, прислонясь к тепловой броне танка, наслаждаясь выдавшейся короткой передышкой. Сейчас стратегия доминаторов вырисовывалась перед ним со всей очевидностью. Уже два дня, как доминаторы непрерывно обрушивают все новые и новые полчища сверхзверосолдат на хелдонские позиции. И столь же упорно хелдонцы истребляют их, правда, ценой значительных потерь, громадных расходов боеприпасов и горючего. Горючего в особенности.

— Они не могут тягаться с нами в мобильности и огневой мощи, — пробормотал Феррик, — однако они упорно придерживаются одной и той же тактики.

— Не понимаю, почему бы им не попробовать обойти нас с флангов, о мой Командир, — откликнулся Бест. — Тогда бы они смогли остановить дивизии Ваффинга и лишить нас горючего и боеприпасов. Такое решение напрашивается само собой. Ведь нефтяные месторождения теперь в наших руках.

Феррик невольно улыбнулся наивности юноши.

— Нет, Бест, — сказал он. — Даже доминаторы понимают, что мобильность наших бронетанковых соединений и наша огневая мощь исключают любую попытку обойти нас с флангов. Я думаю, что они рассчитывают на другое — измотать нас и подавить за счет численного перевеса, прежде чем подоспеет Ваффинг со своими дивизиями.

— Надо же быть полными крестинами, чтобы всерьез надеяться победить хелдонскую армию! — воскликнул Бест.

Феррик согласно кивнул: не стоило пугать парнишку, раскрывая перед ним истинное положение дел. В распоряжении доминаторов безграничные ресурсы мутировавшей протоплазмы. После двух дней кровавой мясорубки Хелдон понес тяжелые потери. Двадцать тысяч мотоциклистов и сорок тысяч пехотинцев положили свои жизни на алтарь Отечества. Особенно тяжелые потери были в рядах героев-фанатиков СС. Этот невосполнимый ущерб национальному хелдонскому генофонду стал предметом особой печали Феррика. Но самым ужасным было не это. Самым ужасным было другое. Неослабевающая ярость вражеских атак влекла за собой расход громадного количества боеприпасов. Что же касается горючего, то запасы его находились почти на нуле. Еще одна-две атаки, и всей хелдонской армии придется спешиваться и сражаться булавами. Скорей бы, скорей появился Ваффинг!

Однако высокий боевой дух хелдонской армии не могло поколебать ничто. Чем тяжелее были потери, тем с большей яростью истинные люди крушили зверосолдат. Прошло два дня непрерывных атак, а зиндский Левиафан так и не дошел до хелдонских окопов. Более того, ни один из зверосолдат не смог бы похвастаться — умеи он разговаривать — тем, что остался в живых после атаки хелдонских позиций.

Впрочем, все обстояло не так уж и плохо. С часу на час ожидался Ваффинг с горами боеприпасов и морем нефти. Так что в конце концов ситуация была отнюдь не безнадежной.

Внезапно Феррик почувствовал пристальный взгляд Беста. Очевидно, чуткий юноша понял, что любимого командира снедают мрачные мысли.

— Что-нибудь не так, о мой Командир?

— Нет, Бест, все в порядке! Давай-ка прокатимся еще разок с инспекцией.

Въехав на небольшой холм после восторженного приветствия, оказанного ему очередным изрядно поредевшим, но все еще горящим решимостью батальоном СС, Феррик заметил

некоторую судорогу, прокатившуюся по чудовищному телу орды в миле к северу. Вслед за Ферриком на холм въехал верный Бест. Сидя на своих стальных скакунах, они смотрели на безбрежное море обнаженной мутировавшей плоти, отделенное от хелдонских позиций полосой безнадежно мертвой земли. Что-то заставило исполинскую орду зашевелиться, будто ее гальванизировали электрическими разрядами.

— Вся орда идет на нас! — воскликнул Феррик. — Эти ублюдки доминаторы решили сыграть ва-банк.

Лицо Беста расплылось в широкой счастливой улыбке. Его глаза горели, как голубые угли. Его тело дрожало от избытка героизма, почти мистического. Феррик полностью разделял его чувства. Усталости как не бывало. Свирепая радость захлестнула его, наполнив сверхчеловеческой мощью. Наконец-то настал решающий момент! Наконец близится битва, победитель в которой унаследует весь мир! Нет высшей славы для человека из плоти и крови, нежели вести войска истинного человечества в этот последний и решительный Армагеддон!

Вскоре и хелдонские солдаты у подножия холма заметили шевеление исполинской орды. Вдоль линии окопов и укреплений пронесся восторженный рев.

Хелдонские солдаты уже не нуждались в приказах. Моторчики разом взревели, заводясь, стволы башенных орудий сами нашли себе цель. Каждый пехотинец в этой армии героев вскочил с пылающими глазами и оружием наготове. Отдельные выкрики «Хайль Яггер!» были тут же подхвачены, слившись в единый рев, — то был расовый голос самого Хелдона, преисполненный ярости и бросающий вызов врагам. Феррик понимал, что сейчас ни одного человека нельзя оставлять в резерве. Ни один настоящий хелдонец не переживет подобного бесчестия.

Феррик выхватил Громовую Палицу и вознес это мистическое оружие к небесам так высоко, как только позволяла рука. Мистическая мощь страшного оружия перетекала в руку, смешиваясь со сверхчеловеческой мощью его собственной воли и с бесконечно обостренным расовым самосознанием, незримой пуповиной соединяющим в этот судьбоносный миг верховного главнокомандующего в одно целое с его армией.

Затем он ударил каблуком по рычагу стартера, обменялся напоследок взглядами с Бестом, уставил набалдашник Стального Командира на надвигающегося врага и с леденящим кровь боевым криком повел силы истинного человечества в решающий бой.

Уже не имело смысла экономить на боеприпасах и горючем. Громадная хелдонская армия шла, разливая перед собой огнен-

ное море огнеметных струй. Все, что могло стрелять, сейчас стреляло, обрушивая на противника огромные массы свинца и взрывчатки. Вдохновленные волнующим спектаклем, что разворачивался внизу, пилоты хелдонских бомбардировщиков удвоили скорость и ярость своих атак, проносясь в какой-то сотне футах от крошечных голов зверосолдат, кося их ряды пулеметным огнем, обрушивая на них смертоносные бомбы, чтобы снова взмыть навстречу солнечному сиянию, дабы, окунувшись в него, вновь зайти в очередную атаку. Невзирая на весь этот ад, на снаряды, на пули, на огнеметы, зиндская орда продолжала продвигаться вперед, платя за каждый отвоеванный фут сотнями тонн убиенной протоплазмы.

Ревущий и рвущийся вперед моторцикл Феррика отделяла от краснопенной стены великанов какая-то сотня ярдов, когда вдруг смолкла орудийная канонада и стихло воющее пламя огнеметов — последняя капля драгоценной нефти была выплеснута жидким огнем в зверосолдат. Только автоматы продолжали рвать воздух сотнями тысяч очередей, скашивая целые ряды монстров. Дробно и глухо стучали зиндские автоматы. Пули свистели вокруг Феррика, пока он во главе своей армии проходил эти последние сто ярдов. Но в Феррике не было страха — лишь железная уверенность в собственной неуязвимости, — ведь он был Хелдоном, он был инструментом Судьбы, он был Свастикой. Ничто не могло повредить ему!

Медленно протискиваясь сквозь это скопище омерзительной протоплазмы, Феррик в размеренном ритме взмахивал Стальным Командиром — направо, налево, направо, налево, и каждый удар его повергал оземь еще одного десятифутowego выродка с налитыми кровью глазами. Сверхзверосолдаты бесновались вокруг, пытаясь достать Феррика своими дубинами, но тщетно. Ярость Феррика все росла и росла. Теперь каждый взмах страшного оружия перерубал пополам десять, а то и больше страхолюдин. В воздух летели зеленоватые слизистые потроха. В отдельные моменты кровь стекала по Стальному Командиру столь обильно, что заливала вражеским соком жизни его свежую черную кожанку, специально надетую перед решающим боем.

Бросив в сторону взгляд, Феррик заметил Беста, не отстающего от него. Бест пребывал в состоянии тотального экстаза. Его глаза горели неистовым фанатизмом. Бест сейчас не задумываясь отдал бы жизнь ради того, чтобы убить еще одного из этих грязных чудовищ. По обе стороны от Беста, безукоризненно держа строй, продвигались вперед высокие светлокудрые

эсэсовские моторциклисты, истребляя врага со сверхчеловеческим мужеством и истинно хелдонским напором. Целые полчища бормочущих пенноротых гигантов в бессильной ярости колотили дубинами по броне хелдонских танков или теряли пальцы, пытаясь голыми руками сорвать гусеницы с траков; в то время как надежно защищенные в своих подвижных крепостях пулеметчики изрешечивали их тела миллионами отверстий, а тяжелые стальные гусеницы перемалывали вместе с землей их агонизирующие тела.

Феррик находил мистическую красоту в развернувшейся перед ним смертельной схватке. Хелдон и Зинд сошлись в решающей битве на этой мертвой земле. Это была не борьба отдельных зверосолдат с отдельными людьми — нет, это истинно человеческий генотип бился насмерть с вконец выродившейся мутационной разновидностью — доминаторами за власть над Землей и над всей вселенной во все времена. Каждый хелдонский солдат бился с полным пониманием смысла борьбы. Понимание это пылающей свастики горело у него в мозгу, в то время как душа пылала огнем расового самосознания, зажженного от факела Феррика — живого воплощения Хелдона. Душа Феррика была неисчерпаемым резервуаром расового мужества, расовой воли и расового самосознания; он, Феррик Яггер, был Хелдоном, а Хелдон был Ферриком Яггером и вместе они катились по земле, подобно колеснице Судьбы, против которой не могло устоять ничто. Кровь врагов покрывала Феррика и его металлического скакуна; кровь врагов реками стекала с рук и кожанок его верных соратников, объединяя их в священное боевое братство. Каждый дюйм, отвоеванный у зверосолдат, означал еще один шаг вперед, к новому миру, населенному исключительно высокими, светлокудрыми генетически безупречными сверхлюдьми, тотально защищенными от какой бы то ни было возможности расового заражения. Каждый слюнявый ублюдок, павший под хелдонской булавой, означал еще одну раковую клетку, удаленную из мирового генофонда.

Что значила жизнь отдельного человека по сравнению с величием столь священного дела? Пасть в этой битве означало навеки стать героем мировой истории; выжить и победить означало благодарную память миллионов поколений истинно человеческих потомков. Ни разу во всей истории расы не предоставлялось истинному человеку столь благоприятной возможности снискать себе вечную славу. Тем, кто сражается сегодня здесь, на этом поле, уготовано быть вечным примером для подражания; тем, на кого даже отдаленные потомки будут рав-

няться в своих славных свершениях. А мысль о том, какое место благодарные потомки отведут ему, Феррику, в пантеоне героев славного прошлого, наполняла его священным трепетом, в котором смешивались безмерный восторг и ужас.

Так, сгорая на костре сверхчеловеческого героизма и неустанного фанатизма, расовая общность, именуемая Хелдоном, все глубже и глубже впивалась в самую сердцевину отвратительной раковой опухоли на теле планеты — жизнененавистнического, проклятого на все времена Зинда. Здесь, на поле брани, хелдонская армия шла сквозь орду, подобно божеству, осаждаемому демонами. Все было предрешиено. Зиндские зверосолдаты бились с яростью и свирепостью, запечатленными в их генах отвратительной расой мутантов, готовых осквернять все и вся ради своего ничтожного благополучия.

Никогда еще мир не видел столь страшной и свирепой битвы. Это был настоящий Армагеддон — последнее сражение между всем светлым и возвышенным, что сберегалось в неискаженных генах истинных людей, и беснующейся, выродившейся вконец, не имеющей будущего зараженной протоплазмой. Добро шло на бескомпромиссный бой со Злом под знаменами Свастики. Зло же не желало уступать ни пяди, ибо некуда ему было отступать.

На самом острие стального клина хелдонской армии вел свою героическую борьбу Феррик Яггер, сражаясь одновременно с двадцатью, сорока, а то и пятьюдесятью сверхзверосолдатами. Не вызывало сомнений, что доминаторы, которые направляли действия орды, отлично понимали, что сразить Феррика Яггера — это все равно что переломить хребет расовой воле Хелдона. Поэтому целые толпы зверосолдат буквально сцеплялись своими дубинами в неукротимом стремлении обрушить их на голову верховного главнокомандующего.

Зажатый в руке Стальной Командир, казалось, ежесекундно вливал в Феррика океаны жизненных сил. Казалось, металлическая палица обрела свою собственную жизнь. Без малейшего усилия Феррик вскидывал Стального Командира над головой и со свистом рассекал им воздух. Могучая палица летала, оставляя за собой, подобно комете, хвост из разможенной плоти.

Зиндские сверхзверосолдаты все яростнее наседали на Феррика, размахивая дубинами толщиной с ляжку взрослого мужчины и в человеческий рост длиной. Двадцать этих монстров напрыгнули на Феррика слева. Могучий взмах Стального Командира пропорол их грудные клетки, разорвал легкие и вырвал прочь из тел еще трепыхающиеся сердца. В тот же самый мо-

мент еще десять сверхзверосолдат набросились на него сзади. Завершив предыдущий взмах, Феррик резко развернул моторцикл вокруг правой ноги и тотчас же отразил новую атаку. Стальной Командир пронесся на уровне чресел обезумевших великанов, круша плоть и кости, и отделил их ноги от туловища. Монстры, как камни, попадали на землю и забились в агонии. В это время несколько десятков хелдонских моторциклистов терзали их нечистую плоть колесами своих стальных коней.

Но стоило Феррику отразить это нападение, как тут же с другой стороны его атаквали новые чудовища. В тот момент, когда Стальной Командир со свистом пошел крушить их черепа, огромная дубина одного из сверхзверосолдат тяжело обрушилась на заднее колесо моторцикла, смяв его и вынудив Феррика соскочить с изувеченной машины и продолжать сражаться пешим.

Видя это, сверхзверосолдаты пришли в полное иступление. Рыча и задыхаясь, они бросились на Феррика. Но почти тотчас же верный Лудольф Бест соскочил со своего моторцикла и встал бок о бок с верховным главнокомандующим. Еще десять высоких светлокудрых голубоглазых сверхлюдей в черных кожанках, ставших от крови столь же алыми, как и украшенные свастикой плащи, последовали примеру Лудольфа Беста и встали по обе стороны от верховного главнокомандующего, образовав флангу эсэсовских героев. Вдохновляемые примером Феррика, они безумствовали булавами, воистину творя чудеса. В свою очередь, их пример вдохновлял Феррика на новые свершения. Отряд этих расовых героев, на которых, казалось, почил дух расового волеизъявления, прорубался сквозь плотные ряды сверхзверосолдат с силой и фанатизмом, распалявшими прочих солдат и штурмовиков на новые свершения.

Вскоре весь фронт выкристаллизовался в сверхчеловеческое братство расовых героев, собравшихся вокруг Феррика Яггера. Отважные моторциклисты таранили своими машинами напирających великанов, давя их колесами или подбрасывая в воздух. Вонзив переднее колесо в плотный строй гнусных монстров, они выхватывали свои булавы и начинали сражаться с воистину истерической силой, становясь подлинно неуязвимыми и непобедимыми. Пехотинцы неустрашимо бросались в дебри толстенных волосатых ног, яростно круша ноги сверхзверосолдат тяжелыми булавами, повергая их на колени, а потом приканчивая ударом булавы по голове. Танки шли вперед сплошной стеной, подобно бронированным бульдозерам, громоздя перед собой целые стены мутировавшей протоплазмы. Невероятные

примеры самоотверженности и мужества, демонстрируемые десятками тысяч простых хелдонских солдат, вдохновляли суперэлитную эсэсовскую гвардию, собравшуюся вокруг Феррика, на еще больший фанатизм и свирепость, которые, в свою очередь, подвигали рядовых солдат на абсолютно сверхчеловеческие подвиги, что порождало цепную реакцию героизма. Резонанс расового героизма мгновенно охватил армию, превратив ее в шествие воплощенных богов войны, которым никакая сила на Земле не могла противостоять.

Стальной клин хелдонской армии, врубившийся в орду, в результате неслыханного героизма и мужественности солдат стремительно вытягивался в длинное острие, устремленное прямо в сердце орды. Стальное копье хелдонской армии все глубже вонзалось в скопище брызгающих слюной и пеной чудовищ. Напор его становился все сильнее и сильнее. Все глубже и глубже вонзалось стальное копье. Все глубже и глубже врезалась хелдонская армия в тело орды, все шире раздвигая ее протоплазменную плоть. И чем глубже вонзалась хелдонская колонна в орду, тем яростнее становился напор хелдонцев.

Не сравнимая ни с чем энергия и возбуждение целиком завладели душой и телом Феррика, в то время как он прорубался сквозь плотный строй зверосолдат. Запах близкой победы щекотал его ноздри. Вдруг совершенно неожиданно он прорвался. Зверосолдаты остались позади.

Перед ним стояли плотную друг к другу сорок грязно-зеленых зиндских танков. И больше ничего.

Рядом с ним с молодецким уханьем вырубился из леса немых гигантов верный Бест. И только теперь до Феррика дошел смысл совершенного.

— Мы сделали это, Бест! — закричал он, хлопая парня по плечу. — Мы рассекли зиндскую орду пополам.

Более того, не вызывало ни малейших сомнений истинное назначение этого танкового отряда, расположенного здесь, в самом безопасном еще минуту назад месте. В танках скрывались гнусные доминаторы, управлявшие отсюда всей ордой.

Все больше и больше белокурых эсэсовских героев присоединялись к Феррику и Бесту. Через несколько минут их было уже около сотни. Следом за ними сквозь ряды зверосолдат проломилась хелдонская танки, с ходу открывшие огонь. Десять зиндских танков окутались красно-оранжевым пламенем. Поднялись черные столбы дыма. Некоторые из уцелевших машин противника в панике открыли ответный огонь. Но тут подоспели еще несколько десятков хелдонских танков, а вслед за ними

тысячи моторциклистов; три последующих залпа разнесли оставшиеся зиндские танки, будто гнилые орехи. Феррик бешено закрутил над головой Громовой Палицей, поднимая фонтан кровавых брызг, а затем повел Беста и остальную гвардию навстречу нескольким десяткам человекоподобных фигур в серых шинелях, поспешно выскакивающих из подбитых машин. Вслед за Ферриком и СС двинулась вся хелдонская армия.

Феррик первым добежал до горящих машин. Следом за ним мчался верный Бест. Два мрачноглазых доминатора выскочили из чадавшего подбитого танка. В руках они держали автоматы. В страхе и ужасе они потрясали ими, пронзительно вопя:

— Долой человеческую мразь!

Не успел Феррик схватиться за автомат, как сзади раздалась очередь и доминаторы были изрешечены. Обернувшись, Феррик увидел улыбающегося Лудольфа Беста. В руках у него был автомат. Из ствола еще курился дымок.

Еще трое доминаторов появились слева, пытаясь удрать. Феррик поймал их на мушку. Автомат забился у него в руках, начиняя монстров добрым хелдонским свинцом. Обернувшись, Феррик в ответ тоже улыбнулся Бесту. Последовав примеру верховного главнокомандующего, эсэсовцы приступили к делу, и через несколько секунд безостановочной пальбы с доминаторами было покончено.

Едва стихли автоматные очереди, как воздух разорвал страшный грохот. Казалось, сами небеса раскрылись, приветствуя победителей. Сорок стремительных реактивных истребителей прошли над землей. Затем развернулись в безукоризненном маневре и снова пронеслись над головами Феррика и его людей.

— Ваффинг прибыл, о мой Командир! — вне себя от восторга завопил Бест.

И в самом деле, каждому хелдонскому солдату было понятно, что означает эта впечатляющая воздушная демонстрация. По всему полю раздался восторженный рев, в котором утонул даже истошный вой реактивных двигателей. Но самолетам было чем ответить на приветствие. По позициям врага ударили ракеты. Грохот их даже хелдонцам едва ли удалось бы перекричать.

Что до зверо- и сверхзверосолдат, то внезапная гибель их хозяев-командиров в сочетании с неожиданной воздушной атакой привела слабоумных кретинов в совершеннейшее неистовство. По-прежнему находясь во власти безумной ярости, заложенной в генах биороботов, лишенные контроля со стороны, эти чудовища с воем и ревом начали разбегаться во все стороны, набрасываясь друг на друга. Для хелдонской дисциплини-

рованной армии никакой серьезной опасности они теперь не представляли.

Исход битвы был предreshен. Вдыхая полной грудью пряный запах победы, хелдонские отряды вновь растеклись по прорубленному ими проходу, расширяя его все больше и больше, одновременно замыкая в кольцо.

С юга близилась фаланга черных эсэсовских танков, за которой тянулись неисчислимые ряды моторциклистов. Сотни реактивных истребителей-бомбардировщиков ревели над головой, обрушивая на гибнущую орду ракеты и расстреливая зверосолдат из крупнокалиберных пулеметов.

Вскоре окружение орды было завершено. В дело вступили танки. Размеренными залпами фугасных снарядов они истребили большую часть зверосолдат. Остальное довершили пехота и моторциклисты. Подошедшая с запада воздушная армада присоединилась к реактивным самолетам Ваффинга, соревнуясь с ними в точности бомбометания. Учитывая специфику поставленной задачи, поднятые с хелдонских аэродромов бомбардировщики несли на борту канистры с напалмом. Через несколько минут интенсивного бомбо- и канистрометания остаток зиндских зверосолдат превратился в месиво пылающей протоплазмы.

Любуясь на громадные столбы жирного черного дыма, упершиеся в небо, Феррик понимал: полная и окончательная победа истинно человеческого генотипа близка; осталось лишь пройти победным маршем через земли Зинда, взять Бору и стереть с лица земли последний оплот доминаторов.

Над полем, где была выкована великая победа, сотни реактивных истребителей образовали строй в форме свастики и понеслись на северо-восток.

Глава 13

Марш на Бору был настоящим триумфальным парадом. Раненых отправили назад, в Хелдон, а вошедшие через территорию Волака в Зинд пехотные дивизии были использованы в качестве гарнизонов, необходимых в столь обширной завоеванной провинции. Не прошло и двух дней после уничтожения зиндской орды, как СС уже приступила к строительству классификационных лагерей для доминаторских рабов-мутантов. Понимая, что хребет зиндского зверя сломан и на дальнейшее серьезное сопротивление со стороны противника рас-

считывать не приходится, Феррик решил двигаться на Бору широким фронтом шириной в несколько сотен миль. Кроме того, он решил сделать крюк, чтобы пройти через генетические клоаки, находящиеся на юго-западе от Боры. По приказу Феррика, все строения, «фермы», «кормовые ямы», мутировавший скот, выродившаяся растительность, а также мутанты, встреченные на пути, — все это выкорчевывалось огнем и железом.

Тяжелая поступь хелдонской армии сотрясала землю. Овеянные славой герои шли на штурм последнего оплота доминаторов. Впереди победоносного войска ехал горячо любимый вождь — верховный главнокомандующий Феррик Яггер.

Для последнего похода Феррику был доставлен из Хелдона его сверкающий черный командирмобиль. Именно на нем собирался Феррик въехать в Бору во главе своих победоносных войск, окруженный верными паладинами — Бестом, Ремлером, Ваффингом и Богелем.

Сейчас эта бравая четверка восседала на переднем сиденье открытой кабины командирмобиля, а так как дородный Ваффинг занимал столько места на сиденье, сколько потребовалось бы двоим, остальные трое плотно прижались друг к другу, как горошины в стручке. Тем не менее настроение у всех было отличное. Командирмобиль мчался на восток в середине шеренги из танков и моторциклистов шириной в несколько сотен миль. Запасливый Ваффинг не забыл о провизии, оставив все свободное пространство бочонками с пенным пивом, к которому воины то и дело прикладывались. Феррик сидел в одиночестве на своем приподнятом заднем сиденье и с гордостью обозревал свои войска. Между его ног тоже стоял бочонок с пивом.

— Мы уже недалеко от Боры, — говорил Ваффинг. — Скоро мы ее увидим. Точнее, то, что от нее осталось. Боюсь, что военно-воздушные силы оставили нам не слишком много для разрушения.

Еще две эскадрильи пикирующих бомбардировщиков с ревом ушли на восток через безжизненные пустоши по направлению к Боре.

— Мои мечты исполнились, — сказал Феррик, — осталась одна: сокрушить Стальным Командиром голову последнего доминатора. Надеюсь, наши пилоты не подведут своего командира и сохранят жизнь одному доминатору.

Ваффинг громко заржал.

— Командир, вы сомневаетесь в мастерстве наших пилотов? — весело спросил он. — Не верится мне, что после наших бомбежек там хоть *что-то* останется.

— Неужели у наших пилотов не достанет меткости для этого?

Ваффинг взмахнул рукой, обводя окрест. Повсюду, куда ни кинь взгляд, не было и намека на живую протоплазму. Только мертвый серый ландшафт. И ни одного строения.

— Доказательство перед тобой, мой Командир, — торжественно произнес он.

Феррик засмеялся:

— Было бы странным ждать от хелдонских военно-воздушных сил чего-либо другого.

Час спустя слова Ваффинга об эффективности хелдонских бомбежек полностью подтвердились. К востоку от серой безжизненной равнины с грязно-пурпурными пятнами радиоактивных джунглей стало заметно огромное зарево — будто за горизонтом началось извержение исполинского вулкана.

Войска победоносной Свастики шли напролом через радиоактивные джунгли, перемалывали их стальными гусеницами танков, а затем выжигали все дотла.

Вскоре Феррик уже без труда различал тучи бомбардировщиков. Подобно хищным птицам, они кружили над горящим городом, обрушивая на Бору тонны напалма и зажигательных бомб.

Даже отсюда явственно ощущался жар, исходящий от грандиозного погребального костра зиндских доминаторов.

— Мой Командир, вы теперь сами видите, что шансов выжить *там* нет никаких, — заметил Ваффинг, тремя могучими глотками опорожня здоровенную кружку пива. — Я сожалею, я приношу вам мои глубочайшие извинения, но наши пилоты работают слишком хорошо.

Феррик почувствовал, что не может рассердиться всерьез. Какое там сердиться! Ведь это такая радость — видеть, как гибнет в чудовищном костре последняя твердыня заклятого врага истинного человечества! По сравнению с этой расовой радостью его, Феррика, личное разочарование казалось мелким и не заслуживающим внимания.

А там, на горизонте, пожирающее Бору пламя вдруг слилось в исполинский огненный шар, от которого спешно уходили хелдонские аэропланы. Несколько мгновений над гибнущим городом висело будто бы привязанное к земле солнце; затем оно начало подниматься в небо, словно бы устремляясь на свое законное место. Оно поднималось на громадном огненном столбе толщиной по меньшей мере в милю, а высотой достигающем облаков. Казалось, сама земля из своих недр

исторгла в небо этот огненный фонтан. И что самое удивительное — гигантская огненная булава продолжала стоять над разрушенной зиндской столицей. Минуту, две, три командир-мобиль шел вперед — а огненная булава все стояла, словно бы воткнутая в горизонт.

— Нашим бомбардировщикам удалось-таки поднять огненный шторм! — воскликнул Ваффинг. — Армейские ученые предсказывали такую возможность: достаточно интенсивная бомбардировка способна породить столб огня, который будет гореть до тех пор, пока есть, чему гореть. Но даже мне не верилось, пока я не увидел собственными глазами.

— Он выглядит как легендарный Огонь древних.

Ваффинг кивнул.

— Погоди, и Огонь у нас будет, — сказал фельдмаршал. — Но и эта штука недурна.

— Жутко красиво, — пробормотал Ремлер, и его голубые глаза лихорадочно заблестели. На секунду он отвел взгляд от огненной булав, чтобы заглянуть в пивную кружку. На дне ее играли отблески дивного зарева.

Феррик понимал, что чувствовал сейчас командующий СС. Он тоже наслаждался зрелищем Огненного Шторма. Созерцание огненной булав доставляло как эстетическое, так и патриотическое наслаждение. Да и что может делать сердце истинного человека, кроме как ликовать, видя, как гибнет в очищающем пламени последнее логово самых гнусных врагов истинного человечества! Самый вид ее — великолепный, роскошный, эстетический, поражающий воображение, животворный и жизнеутверждающий — заставлял трепетать сокровеннейшие из струн Ферриковой души. Феррик смотрел на Огненный Шторм, вставший над Борой, и видел в нем высочайший шедевр, какой не снился ни одному, даже самому даровитому художнику: благородный и зовущий на борьбу, поднимающий человека к немыслимым высотам духа, формой своей он невольно наводил на размышления о Прекрасном. Осталось только одно: увековечить это зрелище навсегда, дабы оно и впредь во все времена вдохновляло сердца хелдонцев.

— Богель, в воздухе над Борой сейчас находятся камеропланы?

— Конечно, мой Командир! Я был бы недостоин возглавлять Министерство Общественного Волеизъявления, если бы не позаботился заранее запечатлеть этот переломный момент человеческой истории. Уже сейчас все общественные телеприемники демонстрируют зрелище горящей Боры с воздуха.

— Замечательно, Богель! А я, со своей стороны, могу предложить твоим телекамерам кое-что еще, соответствующее значимости момента.

Феррику захотелось полюбоваться впечатляющим зрелищем с камероплана. Вряд ли можно было найти лучший ракурс для наслаждения произведением искусства, которое он сотворил силой собственного гения. Кроме того, эпизод с верховным главнокомандующим, созерцающим дело рук своих с самолета, будет увековечен в народных легендах. В этом Феррик не сомневался. С собой в камероплан он взял Богеля.

Камероплан шел по спирали вверх, обвиваясь вокруг огненного столба. То и дело камероплан проваливался в воздушные ямы. Богель сидел с позеленевшим лицом. Феррик же не чувствовал ни малейшего дискомфорта. Наконец, набрав высоту десять тысяч футов, самолет начал широкими кругами ходить над огненной булавой, а телекамеры — ловить наиболее эффектные ракурсы и планы.

По приказу Феррика, эсэсовские моторциклисты и заново покрашенные в черный цвет танки образовали гигантскую свастику из людей и машин, в центре которой возвышалась огненная булава. Отсюда, с высоты, вид на свастику, как бы пригвожденную огненным столбом к земле, был просто потрясающим.

— Как это красиво, Феррик! — тихо прошептал Богель.

Феррик поднес ко рту микрофон, собираясь отдать последние распоряжения Ваффингу, который руководил всем происходящим внизу.

— Всему этому еще не хватает завершенности, — бросил Феррик Богелю. А затем объявил: — Марш!

Внизу сверкающая черная свастика начала вращаться вокруг центральной огненной оси. Вся громадная хелдонская армия, выстроенная в этот священный расовый символ, совершала победный марш вокруг горящей столицы заклятого врага истинного человечества.

— Открыть огонь!

Исполинская свастика внизу вдруг взорвалась дымом и огнем, когда каждый танк выстрелил из своего башенного орудия, а каждый эсэсовский моторциклист выпустил очередь трассирующих пуль из своего автомата. И залпы орудий, и автоматные очереди — все они были направлены в сторону горящего города, как бы подпитывая Огненный Шторм, бушевавший в центре этого спектакля.

Теперь величайшая военная победа была почтена должным образом. Далеко внизу свастика, которая, казалось, соткана из дыма и огня, вращалась вокруг погребального костра расы доминаторов. А в более широком смысле слова — погребального костра всяческого отклонения, значительного или ничтожного, от истинно человеческого генотипа. Эта свастика являла собой зрелище, способное всколыхнуть даже самую нечувствительную душу своим величием и до боли совершенной красотой. Но было заключено в ней также и символическое содержание, услаждавшее не только чувство, но и разум истинного человека: гигантская свастика из огня и металла была наглядным воплощением хелдонского идеализма и хелдонской мощи. Даже самый неискушенный из людей мог это понять своим расовым инстинктом. Аналогично невозможно было ложно истолковать огненный гейзер, дерзко пронзающий облака: он был именно тем, чем он был, — погребальным костром проклятого Зинда. Таким образом, данный спектакль гармонично сочетал в себе символизм окончательного торжества хелдонской армии над зиндской заразой, обращенный преимущественно к потомкам, и триумф нынешней победы, который заслужили сегодняшние герои. Межевой столб истории, Огненный Шторм был одновременно и величайшим произведением искусства.

Глаза Феррика наполнились слезами, когда он созерцал великолепное зрелище. Сбылись его самые сокровенные мечты. Он привел Хелдон к тотальной победе и подарил истинно человеческому генотипу весь мир. Вскоре новые евгенические программы превратят хелдонскую нацию в расу сверхчистопородных эсэсовских сверхлюдей: Он, Феррик Яггер, избавил истинное человечество от прозябания и возвел его на высоты славы. И если удача ему улыбнется, в один прекрасный день именно он, Феррик Яггер, сможет поднять человечество на следующую ступень эволюции, положив начало истинной расе господ. Ни один человек не вправе требовать от судьбы большего!

Однако сам он достиг *большого*, и доказательства — вот они, под ним. Величайший в истории человечества Армагеддон завершен созданием величайшего произведения искусства, память о котором будет жить во все времена.

На следующий день, когда Огненный Шторм отбушевал и хелдонская армия смогла наконец войти в Бору, там не было ничего, кроме толстого слоя серовато-черного пепла, по которому плясали затухающие огоньки и поднимались дымки тле-

ющих углей. Некогда в этом городе жили десятки тысяч доминаторов и миллионы их рабов, но сейчас здесь не осталось даже их костей.

Бора, Зинд и доминаторы были в самом прямом смысле слова выжжены с лица Земли.

Феррик въехал в город в своем заново отполированном черном командирмобиле в сопровождении эскорта из десяти белокурых эсэсовцев в черных кожанках, на безупречно черных, сверкающих хромом моторциклах. Вместе с Ферриком в машине находились Богель, Бест, Ваффинг и Ремлер. Вслед за командирмобилем тянулась длинная колонна танков, моторциклистов и грузовиков с пехотинцами, в задачу которых входило переворочить пепел во всем городе, чтобы увериться окончательно, раз и навсегда — здесь не осталось ни жизни, ни квази-жизни.

— Нет ни малейшего сомнения, что на истории расы доминаторов можно смело ставить крест, — заметил Ремлер, когда колеса командирмобиля подняли огромные облака серой пыли.

Феррик кивнул. И в самом деле. От горизонта до горизонта ничего не было видно, кроме танцующих над пеплом огоньков и мерцающих углей. Вряд ли хотя бы одному доминатору удалось пережить этот огненный ад. Ведь даже камни здесь превратились в пепел.

Внезапно Бест неистово зажестикублировал, показывая на еле заметные оплавленные развалины слева от машины.

— Мой Командир! Там!

Феррик проследил, куда указывает палец Беста, и заметил что-то твердое и металлическое, слегка выступающее из пепла ярдах в ста от машины. Феррик приказал водителю приблизиться.

Когда командирмобиль поравнялся с объектом, Феррик увидел небольшой стальной восьмифутовый куб, наполовину заваленный пеплом. Бушевавшая здесь вчера огненная стихия окрасила сталь в черно-синий цвет. Водитель остановил командирмобиль как раз напротив артефакта. Их сразу окружили эсэсовцы охраны. Восседавая на своих ревущих моторциклах, они молча ожидали приказаний.

— Давайте-ка посмотрим на эту штуку, — сказал Феррик и первым вышел из машины, провалившись по пояс в теплый мягкий пепел. Следом за ним командирмобиль покинули и его ближайшие соратники. Все вместе они стали пробираться через пепел.

Феррик первым добрался до куба. Его здоровые расовые инстинкты сразу подсказали — перед ним предмет исключительной прочности. Обойдя вокруг куба, он обнаружил с противопо-

положной стороны тяжелый круглый люк шести футов в диаметре с колесом замка посередине.

Пока он безуспешно пытался повернуть колесо и открыть люк, подоспели Ремлер, Бест, Богель и Ваффинг.

— Похоже, это вход в подземное помещение, — заметил Богель.

— А ну-ка, давайте, все вместе, — приказал Феррик.

Впятером они напрягли все свои силы, но безуспешно. Колесо не сдвинулось с места.

— Должно быть, задраено изнутри, — догадался Ремлер.

— Давайте я вызову танк, — предложил Ваффинг.

— Нет необходимости, — заметил Феррик, вытаскивая из-за пояса Стального Командира — оружие, убойная масса которого была сравнима с массой небольшой горы.

Крепко ухватившись обеими руками за Стального Командира, Феррик нанес сокрушительный удар прямо по середине люка. Раздался оглушительный грохот металла, врезавшегося в металл, и стальной кулак благородного оружия прошел сквозь два фута стали — словно нож сквозь масло. Запирающий механизм вместе с колесом рухнули вниз, во мрак. Феррик нанес еще два удара, и в конце концов крышка отлетела в пепел. Открылся зияющий круглый провал, в котором не было ничего. Сплошной мрак.

Не выпуская из руки Стального Командира, Феррик просунул голову в отверстие. Несколько мгновений его глаза привыкали к темноте. Затем он смутно разглядел каменные ступеньки, уходящие куда-то вниз.

Высунув голову наружу, он обратился к соратникам:

— Это вход в подземный бункер. Не исключено, что там осталось еще что-то живое.

— Кто нам мешает в этом убедиться, о мой Командир? — Бест очаровательно улыбнулся Феррику. — Может быть, нам повезет, и тогда ты сможешь лично убить последнего доминатора на Земле.

Ремлер тотчас же ухватился за эту мысль.

— Если нам *действительно повезет*, там может оказаться достаточно доминаторов для каждого из нас!

Со своей стороны, Феррик был всецело за экспедицию. Даже если там, внизу, не окажется живых доминаторов, все равно это будет превосходной разминкой после долгого сидения в командирском автомобиле.

— Решено, мы идем! — воскликнул он.

Только Богель, казалось, сомневался.

— Может быть, стоит взять с собой охрану? — предложил он.

— Уж не боишься ли ты темноты, Богель? — заржал Ваффинг.

— Совершенно незачем рисковать жизнью верховного главнокомандующего Хелдона, — парировал Богель. — Ты представляешь, какая будет трагедия, если что-нибудь случится с Ферриком в такой исторический момент!

А ведь Богель прав. К черту личные амбиции! Его, Феррика, жизнь принадлежит народу Хелдона. Так что он не имеет права рисковать ею попусту.

— Отлично, — сказал он. — Ваффинг, возьми десять эсэсовских парней и выдай им переносные светильники.

Через несколько минут Феррик уже спускался впереди своих командиров и замыкающих шествие десяти высоких светлокудрых парней из Светозарной Свастики по каменным ступеням лестницы, проложенной в сырой холодной шахте. В левой руке у него был электрический светильник, в правой он держал Стального Командира. В отличие от Феррика, перебросившего автомат через плечо, остальные держали оружие на изготовку, готовые к любой неожиданности.

Лестница увела их под землю футов на сто, а затем окончилась у горизонтального прохода, прорубленного в скальной породе. Стены прохода были влажными и склизкими на ощупь.

— Похоже на какое-то бомбоубежище, — раздался голос Ваффинга. — Эй, вы, там, пошевеливайтесь! — рявкнул он на охрану, в то время как Феррик уверенно вел небольшой отряд по проходу. Примерно через сто футов проход внезапно преградил еще один стальной люк. Было совершенно очевидно, что, если в этом убежище и есть кто-то живой, он должен скрываться за стальным люком.

Феррик знаком приказал остальным отойти, а затем, прижавшись к стене, чтобы избежать возможных вражеских пуль, с размаху врезал Стальным Командиром. С оглушительным звоном и грохотом, тысячекратным эхом рассыпавшимся по стенам, Громовая Палица расколола стальную крышку люка на две половины, упавшие на каменный пол у ног Феррика.

В следующее мгновение рядом с Ферриком возникли все десять охранников, держа автоматы на изготовку. Их льдистоголубые глаза сверкали от возбуждения, словно новенькие стальные гильзы. Однако изнутри не последовало никакой стрельбы. В отверстие люка просачивался лишь тусклый оран-

жевый свет. Держа наготове Стального Командира, Феррик решительно шагнул в люк и оказался в небольшом помещении, вырубленном в скале и освещенном укрепленными на стенах факелами.

Здесь не было ничего, кроме небольшого пульта, возле которого стоял старый, сгорбленный доминатор с омерзительно большими мрачными глазами. На его хищном, как у хорька, лице играла зловещая усмешка. На чудовище была серая зиндская форма, вся расшитая золотом, драгоценными камнями и увешанная золотыми медалями. Казалось, на полуразложившийся труп напялили королевские одежды.

Тем не менее аура власти, излучаемая гнусным мозгом этого прадедушки всех доминаторов, была самой мощной из всех, с какими Феррику доводилось иметь дело. Командующему приходилось сейчас напрячь всю свою сверхчеловеческую волю, чтобы не подчиниться властному импульсу, приказывающему отбросить Стального Командира. Позади себя он услышал звон металла о камень. Это его паладины и эсэсовские охранники побросали свое оружие. Лишь воля Феррика оказалась способной противостоять этому невероятно могущественному доминатору. Но и его мускулы были парализованы страшной борьбой двух воль — его, Феррика, человеческой воли и адской воли древнего доминатора.

— Ну что же, встретились мы с тобой, человеческая мразь! — прокаркал доминатор. Этот хриплый рев был чудовишной пародией на истинно человеческий голос. — Феррик Яггер, собственной персоной. Мне доставит огромное удовольствие видеть твою физиономию, Яггер, в тот момент, когда человеческий генотип будет стерт с лица земли на веки вечные.

Этот монстр, очевидно, спятил, принимая полное и окончательное истребление своего гнусного семени за гибель истинного человечества. Феррик напряг всю свою волю, вплоть до последнего грамма, стремясь ослабить хватку доминатора и Стальным Командиром вышибить мозги из гнусной твари. Однако он едва смог шевельнуться — психическая сила этого доминатора была просто чудовищной.

Доминатор щелкнул каким-то переключателем на пульте и маниакально захохотал. Он хохотал до тех пор, пока тонкая струйка слюны не потекла у него по подбородку.

— Вот и настал конец твоей мерзкой расе, Яггер! — прокаркал старый доминатор. — Сейчас я передал ядерным устройствам, которые находятся далеко к востоку отсюда и которые нам удалось восстановить, сигнал активации. Пройдет несколько

минут — и там, в пустыне, произойдет чудовищный ядерный взрыв. Взрыв этот выбросит в атмосферу миллионы тонн радиоактивной пыли. Древние умели строить! Их устройства созданы с таким расчетом, чтобы противник в любом случае не смог выжить после войны. Нам не удалось полностью восстановить оружие древних, но все-таки кое-чего мы достигли. Через несколько недель атмосфера на всей планете будет так заражена, что ни один человек не сможет произвести на свет немутированное потомство. Ваши драгоценные чистопородные шлюхи отныне смогут производить только горбатых гномов, попугаеклювых, синюшников, а также всевозможные новые мутации. Возможно, им даже удастся восстановить нашу расу. Вы разрушили империю доминаторов, а теперь мы навечно разрушаем человеческую расу! Умри, мразь человеческая!

Подкорковые центры Феррика взорвались ослепительной вспышкой ярости, озарившей весь его мозг. Доминаторской ауры власти для Феррика больше не существовало. Он прыгнул вперед, вознес над головой Громовую Палицу и обрушил могучее оружие на череп слюнтявого кхекающего подонка, расколов его, будто гнилой арбуз, и разметав по всему помещению жирные серые мозги. Удар был столь страшен, что, раздробив кости черепа, Стальной Командир пошел дальше, развалив мерзкую тварь по полам. Омерзительные пульсирующие потроха вывалились на пол бесформенной кучей. Вторым ударом Феррик разнес на куски пульт; удар был столь яростен, что металлический кулак Стального Командира ушел в каменный пол почти на фут.

Когда последний на земле доминатор погиб, тотчас исчезла его аура власти. Соратники Феррика и вся охрана одновременно очнулись от наваждения и испуганно забормотали:

- Этого не может быть!
- Огонь!
- Смерть человеческой расы!
- Они не могли...

— Ма-алчать!!! — заревел Феррик со слезами на глазах. Неукротимая ярость глодала его сердце. — Заткните пасти! Возьмите себя в руки! Скорее на поверхность! Может быть, мы раньше времени оплакиваем человечество. Старая сволочь могла и солгать.

Когда они выбрались на поверхность, там все было как и прежде. Серый пепел, над которым там и тут поднимались дымки, и бродящие по поясу в пепле хелдонские солдаты, выискивающие, не осталось ли чего-нибудь живого, чтобы убить.

При виде этого отрадного зрелища у Феррика и его людей отлегло от сердца. Они снова стояли на свежем воздухе, с удовлетворением убеждаясь в том, что ничего не изменилось.

— Я не вижу никакого Огня древних, о мой Командир, — сказал Бест.

— Ба! Да этот старый ублюдок был просто сумасшедшим, — откликнулся Ваффинг.

И Феррик готов был с этим согласиться.

— Возможно, — угрюмо заметил Богель, — но ведь ты, Ваффинг, сам говорил нам, что доминаторы пытались восстановить ядерное оружие древних.

От этих слов снова тень легла на все лица. И снова повисло напряженное молчание. Наконец Феррик решил, что бессмысленно оставаться в этом мрачном месте в ожидании катастрофы, которая, может быть, никогда и не разразится. Он повел свой отряд назад, к командирмобиле. Машина тронулась, и они продолжили свой путь по разрушенному городу, как будто ничего не случилось.

В течение нескольких минут командирмобиль и следующий за ним эскорт ехали сквозь море пепла, поднимая огромные серые облака. Ничего не происходило. Феррик и его палadini успели уже к этому времени опрокинуть по внушительной кружке пива. Их настроение заметно улучшилось. Теперь безумный доминатор в своем подземном убежище казался чем-то нереальным, а его угрозы взорвать ядерные арсеналы древних — неправдоподобными.

Внезапно полыхнуло небо. Чудовищная вспышка света озарила горизонт на востоке, будто там разом вспыхнули тысячи солнц, заполнивших ослепительным сиянием половину неба, заставивших другую половину как бы выцвести.

У Феррика что-то оборвалось внутри в тот момент, когда он заслонил почти ослепшие глаза от невыносимого света. Не было никаких сомнений — перед ним Огонь древних! Ужасающее, заполнившее весь мир сияние сжалось в исполинский оранжевый огненный шар диаметром раз в десять больше солнца. Страшный шар медленно начал подниматься над восточным горизонтом.

Медленно-медленно этот клубок огня поднимался вверх на толстой, черно-оранжевой ножке. Еще через несколько секунд страшное кипящее облако окончательно сформировалось, и теперь в нем безошибочно узнавалось легендарное и страшное изображение Огня древних — Грибовидное Облако.

Все стояли, не в силах вымолвить ни слова при виде этого бурлящего ядовитого чудовища. Мощь взрыва и масштабы об-

лака были за пределами человеческого понимания. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что последний доминатор сдержал свое слово.

Несколько минут спустя страшный грохот потряс весь мир до основания. Казалось, небеса рухнули на землю. Земля под ногами ходила ходуном. И в тот же миг Феррик почувствовал страшный удар взрывной волны. Эсэсовских охранников и их стальных коней опрокинуло и поволокло, будто они были из бумаги. Мощный корпус командирмобиля скрипел и стонал.

Рев, вой раскаленного ветра, ужасающее зрелище поднимающегося Грибообразного Столба казались Феррику агонией истинного человечества. Он чувствовал, как радиоактивная зараза въедается в его плоть, искажая и уродуя гены.

Но даже и сейчас, когда стоящий над горизонтом гигантский радиоактивный унитаз продолжал изрыгать в атмосферу отраву, Феррик Яггер решил, что истинно человеческий генотип обязательно выживет, потому что он *должен*, потому что он *обязан* выжить. Нельзя опускать руки. У истинных людей может быть отнято все, но не может быть отнята воля. А если понадобится чудо, то каждый хелдонец погибнет за то, чтобы это чудо стало явью.

Глава 14

В страшные, мрачные дни, последовавшие за взрывом чудовищного оружия, только фанатическая воля Феррика Яггера и железная дисциплина хелдонского народа удержали нацию от сползания в пропасть безнадежности и апатии. Когда смертоносное облако разнесло свой яд по земной атмосфере, многие растения начали сохнуть и погибать. Самые хилые и немощные из истинных людей стали покрываться язвами и разлагаться заживо. Почти два миллиона истинных окончили свою жизнь в страшных мучениях.

Видя это, Феррик направил всю научную мощь новой Мировой Империи Хелдон исключительно на сохранение истинно человеческого генотипа. Через два месяца эсэсовские генетики окончательно подтвердили страшную истину, о которой многие уже инстинктивно догадывались. На всей Земле не осталось ни одного истинно человеческого существа, способного породить истинно человеческое потомство. Национальный хелдонский генофонд был безнадежно отравлен. Даже Феррик Яггер, в чьих жилах текла чистейшая кровь королей, ныне не смог

бы породить никого, кроме как злобного мутанта или отвратительного монстра.

Через три дня после того, как бледный и потрясенный Ремлер принес эту ужасную весть, Феррик принял самое трудное в своей жизни решение. Сейчас он стоял перед телевизионными камерами бок о бок с Ваффингом, Ремлером, Богелем и Бес-том, готовясь поведать своему скорбящему и потрясенному народу о новом курсе Партии.

По этому случаю Феррик был облачен в свою черную кожанку со сверкающими хромированными заклепками. Готовясь к тяжелому для него телевыступлению, он в течение нескольких часов полировал Стального Командира, так чтобы каждый дюйм священного оружия сверкал, будто бриллиант. Феррик стоял на скромном возвышении, за спиной у него виднелся огромный алый партийный флаг, сияющий свастикой. У ног его стояли столь же подтянутые, в безукоризненно черных формах, высшие командиры. Жизненно важно было поднять боевой дух хелдонского народа. О своем плане Феррик не говорил никому; Феррику требовалось внезапное выражение полного одобрения со стороны его паладинов. Это должно было произойти совершенно естественно, притом на глазах всего Хелдона; то, к чему Феррик собирался призвать нацию, было тяжелейшим испытанием на верность принципам Свастики.

— Хелдонцы, други мои, — начал он просто. — То, что я собираюсь сказать вам сегодня, может быть выражено в нескольких словах. Как уже было объявлено, хелдонский генофонд полностью и необратимо заражен в результате последнего гнусного злодеяния мерзостных доминаторов, отомстивших за свое тотальное истребление. Что это означает? А означает это то, что все вы, каждый из вас, и я в том числе, отныне способны произвести на свет лишь гнусных и злобных дегенератов-мутантов. Что было бы, как вы понимаете, полным попранием священных принципов Свастики.

Феррик сделал длинную паузу, как бы давая словам пропитать слушателей. Необходимо, чтобы каждый хелдонец осознал всю важность ситуации. Затем, когда весь Хелдон замер в ожидании чего-то страшного, Феррик дал своему народу надежду:

— Уже не первый день передовая научная эсэсовская мысль бьется над методиками клонирования. СС доказала возможность выращивания человеческого существа из небольшого кусочка плоти. Но мысль эсэсовских ученых пошла дальше. А что, если взять плоть носителя сверхчистого генотипа — наших суперпородистых белокурых красавцев из Светозарной Свастики?

Я вам отвечу, что будет. Вы получите новое поколение сверхчистопородных людей. Таким образом за одно поколение мы можем продвинуть человеческую эволюцию на тысячу лет и породить расу белокурых гигантов ростом в семь футов, сложенных как боги и со средним интеллектуальным уровнем, превышающим уровень сегодняшних гениев. Несмотря на страшную трагедию — осквернение национального генофонда, мы все же способны совершить этот эволюционный подвиг, вознеся истинное человечество на триумфальные высоты расовой чистоты. Ибо радиация, безнадежно изувечившая наши с вами гены, не отравила наши соматические ткани. Вы понимаете, други мои? Из клеток наших эсэсовских суперэлитарных производителей мы сможем клонированием вывести новую расу господ. Уже следующее хелдонское поколение будет состоять исключительно из клонов с генетическими показателями, сравнимыми лишь с показателями наичистопороднейших из нас.

И снова Феррик сделал паузу, глядя, как засияли, оживившись, глаза всех присутствующих техников, работающих в телестудии, и высших командиров — верных его соратников. От мысли о неминуемом вырождении хелдонцы были перенесены в райский сад светлого будущего, напоенный золотыми лучами сияния расовой славы. Теперь, когда перед народом распахнулись светлые горизонты, можно было поговорить и о жертвах, которые придется принести во имя столь великих целей.

— Хотя ученые СС уже близки к завершению разработки методик массового клонирования, потребуется еще один героический рывок, прежде чем производство расы господ, состоящей из эсэсовских клонов, станет возможным. Поэтому я как ваш верховный главнокомандующий призываю хелдонский народ включиться в тот беспримерный трудовой подвиг, который свершают ежедневно и ежечасно самоотверженные ученые из СС, с безграничным фанатизмом и упорством борющиеся за сохранение истинно человеческой расы как вида. Наградой в этой борьбе будет сверхчистопородная раса господ, достойная править не только Землей, но и всей вселенной во веки веков.

Феррик помедлил.

— В течение следующих трех месяцев каждый хелдонец должен будет пройти через классификационные лагеря. Там мы все будем стерилизованы, что полностью исключит возможность появления на Земле новых полчищ мутантов. Мы все люди — следовательно, можем поддаваться искушению. Мы не можем идти на такой риск. Будущее у истинно человеческой расы одно: суперэлитные эсэсовские клоны. Другого выхода нам не оста-

вили. Либо вознесение к высотам расовой славы, либо вырождение и смерть!

Спины стоящих у ног Феррика высших командиров заметно напряглись. Феррик верил, что хелдонский народ воспользуется этой возможностью, чтобы выказать свою преданность священному делу Свастики. И каждый станет причастен к окончательному триумфу истинно человеческой расы!

— В качестве демонстрации моей собственной преданности священному делу Свастики и делу выведения эсэсовской расы господ я вызываюсь первым подвергнуться стерилизации. После меня этой процедуре будут подвергнуты мои высшие командиры, затем СС, затем весь хелдонский народ. Хайль Хелдон! Хайль окончательная победа! Хайль раса господ!

Последние слова еще не успели слететь с уст Феррика, как Богель, Ремлер, Ваффинг и Бест в единодушном порыве щелкнули каблуками, выбросили вперед правые руки в партийном салюте, подобно стальным поршням, и со сверхчеловеческой силой и энергией разом прокричали: «Хайль Яггер!» Глаза их сверкали огнем расового волеизъявления.

С невероятным рвением и энтузиазмом весь хелдонский народ устремился к небывалым высотам расового самосознания и железной самодисциплины. Даже судьба отступила в бессилии перед этой стальной расой героев.

Весь хелдонский народ прошел через классификационные лагеря. Никто не дрогнул, никто не протестовал — все слабаки и хилыки вымерли от радиации. Основная проблема заключалась в том, что добрых хелдонцев то и дело приходилось разнимать — люди дрались за места в очереди. Все это породило немало комических историй, с удовольствием передаваемых из уст в уста. Что до СС, то она работала с характерной для нее быстротой и эффективностью. Стерилизация всего населения была завершена задолго до того, как истекли намеченные Ферриком сроки.

Вскоре после этого Ремлер торжественно объявил, что получены первые жизнеспособные эсэсовские клоны. Еще через восемь месяцев были завершены окончательные исследования, после чего в строй вступила первая поточная линия по производству клонов. Еще через девять месяцев Феррик в сопровождении сияющего Ремлера прибыл на Первый Клоностроительный завод им. Феррика Яггера, чтобы лично присутствовать при выходе первых эсэсовских сверхлюдей из чанов с питательным раствором.

Завод представлял собой огромный ослепительно белый куб, украшенный лишь гигантскими черными свастиками с каждой стороны. Ремлер провел Феррика через главную проходную и повел через бесконечную череду коридоров, комнат, помещений, цехов. Все вокруг было ослепительно белым. Повсюду замерли по стойке «смирно» эсэсовские охранники. Белоснежные стены только подчеркивали черную кожаную форму и алые плащи со свастикой высоких белокурых техников СС, буквально источавших энергию и решимость. Это были настоящие жрецы науки в храме расовой чистоты.

— Да, в энергичности здешним парням не откажешь! — воскликнул Феррик, когда Ремлер распахнул перед ним белую дверь и ввел в святая святых завода — чанный цех. Цех представлял собой огромное вытянутое в длину помещение с белыми стенами и выложенным белыми плитками полом. Каждая из плиток была украшена миниатюрной черной свастикой. Почти все пространство занимали сверкающие чистотой белые фарфоровые чаны, выстроившиеся стройными рядами. Всего их здесь было двести. У изголовья каждого чана находилась белая фарфоровая полка, на которой были установлены помпы, инструменты и разная медицинская аппаратура; в каждом чане в желтоватом питательном растворе плавал семифутовый светлокудрый гигант, с глазами, смеженными в безмятежном сне.

По столь торжественному случаю напротив переднего ряда чанов была установлена телевизионная камера. Перед двадцатью эллипсоидными фарфоровыми искусственными матками застыли в неподвижности двадцать высоких светлокудрых эсэсовских ученых в черных кожанках, с алыми, со свастикой, плащами и в высоких черных сапогах. Лица их и позы выдавали напряженное ожидание.

Когда Феррик вошел в чанный цех, эти сливки истинно человеческой породы разом шелкнули каблуками, выбросили руку в партийном салюте и хором прокричали: «Хайль Яггер!» Энергичности их крика можно было только позавидовать. Четким выверенным движением Феррик выбросил руку в ответном салюте, а затем приблизился к микрофону, установленному перед чанами.

— Хелдонцы! — проговорил он, глядя на двадцать героев СС, в чьих льдисто-голубых глазах горело торжество. — Сегодня наконец мы станем свидетелями выхода первых представителей новой расы господ, полностью выращенных в чанах с питательным раствором по методикам, разработанным учеными СС для массового производства. Эти великолепные экземпляры сверх-

людей, выращенных из кусочков плоти самых что ни на есть генетических сливок СС, появятся перед нами готовыми к самостоятельной жизни. Им, своим сложением равным богам, им, чей ум остер как бритва, потребуется всего шесть месяцев интенсивного обучения и внедрения в их умы основных доктрин, чтобы занять подобающее место в рядах СС и среди граждан Хелдона.

При этих словах глаза ученых засверкали. И прежде чем продолжить, Феррик счел нужным поблагодарить улыбкой этих беззаветных тружеников науки за их фанатическую самоотверженность.

— В течение ближайших шести месяцев в строй будет введено еще шесть клоностроительных заводов. А к концу следующего года таких заводов по стране будет уже двадцать четыре. Их валовый продукт планируется довести до миллионной отметки. В течение последующих пяти лет мы рассчитываем увеличить валовый продукт клоностроительных заводов до десяти миллионов за счет введения в строй новых очередей. Подобной производительности должно быть достаточно, чтобы тотально заселить расой господ все пригодные для обитания земли в течение ближайших двадцати лет. Сегодня же мы присутствуем при выхождении из искусственной матки первых генетических сверхлюдей, появления которых нам пришлось бы ждать целое тысячелетие, полагайся мы на устаревшие сексуальные методики воспроизводства. Новая раса господ не остановится на достигнутом, а продолжит восхождение на все более головокружительные высоты генетической чистоты, ибо отныне истинно человеческое воспроизводство будет осуществляться строго в соответствии с высочайшими принципами евгенических программ, в жестко контролируемой обстановке, исключаящей любые случайности. Ученые СС! Я салютую вам за ваши величайшие достижения в евгенических исследованиях! Командующий Ремлер! Я салютую тебе за дух безграничного фанатизма и готовности к самопожертвованию, который ты привнес в СС! Ты превратил эту организацию в настоящую кузницу кадров! Народ Хелдона! Я салютую тебе за беззаветную преданность делу Свастики и мне лично! Хайль Хелдон! Хайль Свастика! Хайль раса господ!

— *Хайль Яггер!* — дружно проревели эсэсовские труженики науки, оглушительно шелкая каблуками своих черных, начищенных до зеркального блеска сапог и выбрасывая правую руку в партийном салюте.

Почтив верховного главнокомандующего, эти галантные белокурые герои занялись своей непосредственной работой, скло-

нясь над фарфоровыми чанами, где нежились их могучие питомцы. Питательный раствор был слит из искусственных маток и направлен в специально предназначенные для этого отверстия в полу. Лежавших в обезвоженных фарфоровых чанах белокурых героев начали пробуждать к жизни осторожными ударами электрического тока.

Уже несколько минут спустя двадцать голубоглазых белокурых гигантов стояли перед покинутыми чанами. Их лица светились сверхчеловеческим интеллектом и девственной невинностью.

Сердце Феррика замерло от восторга при виде столь превосходных экземпляров сверхчеловеческого генотипа. Все они были, как на подбор, статными, рослыми, бесподобно сложенными, с безупречно правильными чертами лица. А жажда познания, горящую в их глазах, при всем желании ни с чем нельзя было спутать. В остальных чанах дожидались своего часа еще сто восемьдесят таких же красавцев. Тысячи их зрели в соседних цехах только на одном этом заводе. А через год их будут миллионы. А потом десятки миллионов. Он, Феррик, еще успеет за свою жизнь увидеть, как последний дюйм пригодной для обитания земли на этой планете отойдет в благодарные руки хелдонской расы господ — великолепных, почти богоравных эсэсовских клонов. А затем...

Идея, зародившаяся в мозгу Феррика, поражала своим величием.

В это время каждый из высоких белокурых эсэсовских ученых в черной кожанке встал рядом с обнаженным гигантом, чтобы сравнить генотипы, после чего эти сияющие от радости труженики науки молча вскинули руку в партийном салюте. И тут, к величайшему восторгу Феррика, добрая половина только что пробужденных к жизни эсэсовских клонов сама, без подсказки повторила этот жест с трогательным детским энтузиазмом. Возможно, преданность делу Свастики закреплена в этих белокурых гигантах на уровне генов.

— Сегодня мир наконец-то окончательно стал нашим, о мой Командир! — радостно воскликнул Ремлер, закрыв глаза в патристическом экстазе.

— Конечно, Ремлер, — сказал ему Феррик. — И это только начало. А завтра мы завоюем звезды!

Никогда еще за всю историю этого дряхлого мира в одном месте не собиралось столь огромного количества народа. Огромный космический корабль — заостренный цилиндр стремитель-

ных очертаний, из ослепительного серебристого металла, высотой в двести футов, покоился на своих стабилизаторах посреди широкой равнины северо-восточного Хелдона. Небольшая платформа была установлена на безопасном расстоянии от могучего выхлопа ракеты. На платформе стоял Феррик, а вокруг него кольцом сплотились высокие светлокудрые эсэсовские клоны в сверкающих черных кожанках, столь же совершенных, как они сами.

Еще двести тысяч абсолютно идентичных между собой светловолосых эсэсовских гигантов-клонов в черных формах с алыми плащами Свастики окружали стартовую площадку безукоризненно ровными концентрическими кольцами, готовые начать церемониальный круговой марш. Вокруг трибуны и стартовой площадки стояли миллионы других клонов в черных кожанках — это море почти совершенных сверхлюдей сплошной черной массой покрывало равнину, уходя за горизонт. А где-то там, вдалеке, за горизонтом, стояли неисчислимые сотни тысяч хелдонцев старого поколения, собравшихся издали полюбоваться на старт.

Стоя перед лесом микрофонов на платформе, Феррик был преисполнен такого возбуждения, что оно прямо-таки не вмещалось в рамки его существа. Каждый атом его тела напрягся в экстатическом предвкушении, когда он начал говорить:

— Сегодня, завоевав Землю и населив ее господствующей расой сверхлюдей, чье совершенство бесконечно далеко превосходит грубые формы, вырабатываемые в процессе естественной эволюции, Хелдон, о братья мои, ныне делает свой первый шаг к звездам!

При этом все бескрайнее человеческое море заревело от восторга. Рев этот, казалось, готов был расколоть небеса, наполняя мир и заставляя землю содрогаться от восторга на своей оси. Затем началось величайшее за всю историю массовое скандирование: «*Хайль Яггер!!!*» Миллионы миллионов рук раз за разом взлетали над равниной в партийном салюте. Слезы радости застилали Феррику глаза. Душа его изнывала от счастья. Целых две минуты позволил Феррик собравшимся излить накопившийся восторг — великий хелдонский народ более чем заслужил это право. Наконец Феррик поднял руку, призывая мир к молчанию.

— Внутри этого космического корабля, последнего достижения хелдонского научно-технического гения, сейчас находится триста отборнейших эсэсовских клонов, пребывающих в замороженном состоянии. В этом состоянии они будут находиться

долгие годы, которые потребуются кораблю, чтобы пересечь безбрежные космические просторы, отделяющие нашу Солнечную систему от Тау Кита. Как только корабль достигнет цели, будет произведена автоматическая посадка. После чего автоматика пробудит колонистов, с тем чтобы они могли разойтись по всей планете, разбрасывая повсюду доброе хелдонское семя. В течение ближайших трех лет мы будем запускать по тридцать таких кораблей в год, ежегодно расширяя зону распространения истинно человеческого генотипа на пятьдесят планет. И это будет длиться не год, не десятилетия, не век. Нет, так будет всегда! Вселенная бесконечна. И столь же бесконечно будет распространяться от звезды к звезде хелдонская раса господ, разнося от планеты к планете, от звезды к звезде, от галактики к галактике истинно человеческий генотип.

На этот раз демонстрация фанатического экстаза превзошла по своей силе и продолжительности ту, что предшествовала речи Феррика. Феррику понадобилось целых пять минут, чтобы остановить это бесконечное скандирование: «*Хайль Яггер!!!*», угрожающее своей невероятной мощью и оглушительностью свалить ракету со стартовой площадки.

— Но, хелдонцы, братья мои! Есть еще одна хорошая новость, которую я приберегу, — продолжал Феррик, чувствуя, что не в состоянии удержаться от широкой счастливой улыбки. — Знайте, в искусственных матках десятков клоностроительных заводов сейчас зреют богатыри нового поколения, выращиваемые из моих собственных клеток! Этот космический корабль, который вы видите перед собой, и каждый последующий, уходящий в космос, в течение последующих десяти миллионов лет комплектуется и будут комплектоваться командами клонов, выращенных из моей собственной плоти, являющихся моими точными копиями. Ибо Судьбой и моей родословной генам моим предназначено быть генами вождей. Таким образом, наши колонисты не спасуют при встрече с враждебными инопланетянами, населяющими иные миры. Ибо колонисты эти будут штурмовыми отрядами, во главе которых навстречу новым победам пойдут мои точные двойники! Хайль Хелдон! Хайль Свастика! Хайль раса господ! Хайль завоевание Вселенной!

Грохот ответного канонадного «*Хайль Яггер!!!*» заставил задрожать землю. И тотчас же двести тысяч эсэсовских клонов, концентрическими кольцами стоящих в почетном карауле возле стартовой площадки, начали торжественный церемониальный круговой марш вокруг космического корабля, проходя между ним и платформой, на которой возвышался Феррик, высоко

вскидывая ноги, обутые в высокие черные сталью подкованные сапоги, и с силой впечатывая их в бетон. Ать-два, ать-два, ать-два! Темп все убыстрялся и убыстрялся, пока наконец стартовая площадка не оказалась окруженной стремительно вращающимся черным волчком. Все вокруг заполнилось нарастающим ревом, с такой силой и скоростью били в бетон сапогами десятки тысяч героических клонов.

Затем все эти двести тысяч белокурых бестий разом, как один человек, выбросили вверх правую руку в столь массовом партийном салюте, какого не было еще от сотворения мира. А в это время миллионы глоток истово выстреливали в небеса *«Хайль Яггер!!!»* — клич истинного сверхчеловечества.

Все быстрее и быстрее вращалось кольцо, все энергичнее били в бетон подкованные сталью каблуки. Уже не грохот это был, а нарастающий гул, как при землетрясении, заставлявший содрогаться небесную твердь и тяжелыми толчками гнавший кровь в череп Феррика.

Феррик не слышал — он, скорее, ощущал этот звук. Ощущал, как слава струится, насыщая каждую клеточку его тела неизъяснимым восхитительным животворным огнем; его пульс грохотал по трубам вен, подобно расовому грому, быстрее и быстрее. Казалось, еще миг — и экстаз разорвет его, разнеся на миллионы частей.

И в этот момент, когда Феррик уже не в состоянии был переносить такое сверхчеловеческое наслаждение, палец его нажал на кнопку.

С разрывающим барабанные перепонки громом вытянутый цилиндр ракеты начал подниматься над землей на огненном столбе. И каждая глотка на планете исторгла вопль, слившийся с бессловесным экстатическим криком Феррика в тот момент, когда заостренный серебристый цилиндр ракеты — росток Свастики, орган расового волеизъявления Хелдона — отделился от тела планеты и на огненном столбе устремился в небесную синь оплодотворять звезды!

П о с л е с л о в и е

Излишним будет напоминать о том, что популярность последнего научно-фантастического романа Адольфа Гитлера «Вождь под Свастикой» за пять лет, истекшие после его смерти, неуклонно растет. В 1954 году роман был удостоен премии Хьюго, присуждаемой узким кругом истинных энтузиастов, трудящихся на ниве научно-фантастического жанра. Известие об этом наверняка доставило бы Гитлеру огромную радость, поскольку в течение всей своей жизни в Соединенных Штатах Адольф Гитлер постоянно вращался среди НФ-фанов и по праву считал себя одним из них. Уже будучи профессиональным писателем, он тем не менее находил время редактировать и издавать свой собственный любительский НФ-журнал.

О неуклонно растущей популярности этой книги свидетельствует и все более широкое использование свастических мотивов и цветов различными социальными группами и общественными организациями, такими как Христианский Антикоммунистический Легион, Американские Рыцари Бусидо, а также всевозможными бандами «вольных мотоциклистов». Очевидно, этот научно-фантастический роман затрагивает чувствительные струны современного нон-коммунистического менталитета, таким образом выходя далеко за пределы научно-фантастического жанра.

Если рассматривать роман с чисто литературной точки зрения, этот феномен кажется совершенно необъяснимым. «Вождь под Свастикой» был написан всего за шесть недель по заказу издателя, выпускающего развлекательное чтиво. Гитлер писал роман в лихорадочной спешке, будто предчувствуя свою скорую кончину. Умер он в 1953 году. Если верить слухам, которые появлялись на страницах клубной периодики тех лет, в последние годы психическое здоровье Гитлера оставляло желать лучшего. С писателем

то и дело случались истерические припадки, его одолевали приступы неконтролируемой ярости, часто выражавшиеся в иступленных, длящихся часами, почти бессвязных речах-монологх. Хотя, согласно медицинским свидетельствам, непосредственной причиной смерти Гитлера послужило кровоизлияние в мозг, его тяжелое состояние, закончившееся столь плачевно, было вызвано застарелым сифилисом. Неизлечимое заболевание писателя достигло своей последней фазы.

Таким образом, произведение, ставшее для многих наших современников своего рода литературным тотемом, родилось в сверхсжатые сроки под пером второстепенного писателя, работающего исключительно на заказ. Произведение, единодушно признанное романом года, было создано человеком, который никогда не проявлял никаких сколь-нибудь значительных литературных талантов и к тому же писал эту книгу, страдая от развивающегося паралича.

Хотя язык гитлеровской прозы достаточно неплох для человека, овладевшего английским уже в зрелые годы, он, конечно, не идет ни в какое сравнение с языком, скажем, Джозефа Конрада, для которого также не являлся родным и был освоен примерно в том же возрасте. Характерные для немецкого языка длинноты и специфическое построение предложения, а также всевозможные явные и скрытые германизмы — все это мы в изобилии находим в тексте «Вождя под Свастикой».

Хотя некоторые пассажи в романе дышат силой, приковывая к себе внимание читателя, это может быть отнесено, скорее, на счет гитлеровской психопатологии, нежели литературного мастерства. В чем Гитлеру нет равных, так это в визуальной концептуализации абсолютно ирреальных и принципиально невозможных сцен. Стоит отметить в связи с этим апокалипсический накал в изображении битв и сюрреалистическое барокко военных парадов, которые заполняют эту книгу. Однако это потрясающее умение визуально подать любую, самую фантастическую сцену легко может быть объяснено, если вспомнить, что Гитлер, прежде чем окончательно посвятить себя литературе, долгое время работал иллюстратором в научно-фантастических журналах.

Сила фантазии, породившая мир этого романа, тоже является темой для отдельного обсуждения. Даже самого поверхностного знакомства с психологией достаточно, чтобы понять: «Вождь под Свастикой» предельно насыщен фаллическим символизмом и аллюзиями самого откровенного толка. Достаточно привести в качестве примера описание магического оружия Феррика Яггера, так называемой «Громовой Палицы»:

«Выше ручки шла рукоять — сверкающий стебель из неизвестного металлического сплава, длиной в четыре фута и толщиной с предплечье взрослого и сильного мужчины... Увенчивалась рукоять металлическим набалдашником в виде сжатого кулака. Воистину это был кулак героя — таковы были его размеры».

Что это, как не описание фантастического пениса? Все, что связано с Громовой Палицей (она же — Стальной Командир), указывает на фаллическое отождествление героя романа Феррика Яггера и его мистического оружия. Эта палица не только представляет собой исполинский пенис, но также является источником и символом силы и власти Феррика Яггера. Только Яггер — герой романа — способен орудовать Громовой Палицей. Это фаллос предельной величины, потенции и значимости. Одновременно — державный скипетр. Особенно откровенен этот символизм в сцене, где Феррик Яггер заставляет Стяга Штепке целовать набалдашник Громовой Палицы в знак признания превосходства Феррика как самца.

Но фаллический символизм отнюдь не ограничивается образом Громовой Палицы. Выброшенные в партийном салюте руки, этот навязчивый мотив, преследующий читателя на протяжении всего романа, есть не что иное в основе своей, как фаллический жест. Далее. Один из бесконечных оргиастических военных парадов Феррик принимает, стоя на конце высоченной цилиндрической башни, которая также представляет собой не что иное, как все тот же неизменный фаллос. Огненный столб, поднимающийся над горящим городом Борой, являет собой исполинский фаллический тотем, вокруг которого маршируют в торжественном параде победоносные войска Феррика Яггера. И наконец — финальная сцена романа. Космическая ракета, в буквальном смысле слова наполненная ферриковским потомством-семенем, «заостренный серебристый цилиндр... росток Свастики, орган расового волеизъявления Хелдона», поднимается на огненном столбе, отделяясь «от тела планеты», чтобы устремиться «оплодотворять звезды». В этой сцене Феррик подан как космогонический персонаж, отождествленный с планетой, и устремление его плодоносящего фаллоса в космос подано как оргазмическая кульминация барочного военного спектакля, самим Ферриком воспринимаемого как аналог полового совокупления.

Не приходится сомневаться, что значительная часть романа не несет в себе иной смысловой нагрузки, кроме фаллического символизма. В каком-то смысле весь «Вождь под Свастикой» представляет собой грандиозную сублимацию, выплеснутую на страницы, это — фаллическая оргия от начала и до конца, где

сексуальность символизируется сверхмасштабными фетишистскими военными парадами и оргиастическими всплесками гипертрофированного насилия. Поскольку в нашем обществе демонстрация военной мощи ассоциируется с фаллической сексуальностью, символизируемой насилием, эта книга является ключом к пониманию одной из самых опасных сексуальных патологий нашей цивилизации.

Остается открытым вопрос, осознавал ли Гитлер, что творит, когда создавал свой роман. Литературоведы, считающие, что Гитлер сознательно использовал фаллический образный ряд, аргументируют свое мнение тем, что данный роман представляет собой непрерывный акт самопознания Гитлером самого себя. Кроме того, на страницах «Вождя под Свастикой» Гитлер демонстрирует отчетливое понимание того, как может использоваться визуальная символика для манипулирования массами. Сцены романа, изображающие толпы, возбуждаемые факельными шествиями, вполне достоверны. По всей видимости, в реальной жизни в подобных ситуациях реальная толпа поведет себя сходным образом. Кроме того, использование различными социальными группами свастических символов и цветовой гаммы, предложенной Гитлером, доказывает, что писатель и в самом деле умел создавать визуальные образы, обладающие мощным воздействием на зрителя. Поэтому, на наш взгляд, не стоит пренебрегать гипотезой, что Гитлер умышленно перегрузил «Вождя под Свастикой» фаллической символикой, чтобы удерживать внимание даже самых неискушенных читателей.

Пристальный анализ всего потока коммерческих научно-фантастических боевиков и фэнтези, кажется, подтверждает вышесказанное. Герой с магическим мечом — почти универсальный персонаж, неменный атрибут романов жанра «меч и колдовство». Все эти романы написаны по одной простой схеме: сверхмужественная личность, сверхмужчина, снабженный необычайно могучим оружием, с которым у героя имеется неосомненное фаллическое отождествление, преодолевает невероятные препятствия, приходя к неизбежному триумфу. Гитлер отдал этому жанру десятилетия — и как редактор печатного органа, и как иллюстратор. Более того. Два или три его наиболее ранних романа также близки к жанру «меч и колдовство».

«Вождь под Свастикой» тоже не является в этом смысле исключением. По своей структуре это типичный среднего пошиба роман вышеупомянутого жанра. Герой получает фаллическое оружие как символ законного превосходства над остальными, а затем триумфально шествует к конечной победе, проходя сквозь

череду ужасающих кровавых битв. Отвлечемся на время от политических аллегорий и специфических патологий самого автора, нашедших отражение в образном строе романа. Тогда мы увидим, что «Вождя под Свастикой» отличает от прочих подобных произведений лишь исключительная насыщенность фаллической символикой. Сам собой напрашивается следующий вывод: Гитлеру удалось вскрыть причины, обеспечивающие произведениям в жанре «меч и колдовство» неизменный успех у читательской аудитории. После чего Гитлер сконструировал *абсолютно типичный* роман, а затем, для придания «Вождю под Свастикой» уникальности, он до предела заполнил его шокирующе откровенной фаллической символикой. Можно сказать, что «Вождь под Свастикой» является цинической эксплуатацией сексуальной патологии, развращающей наше общество и обуславливающей привлекательность «меча и колдовства» как жанра. От остальных произведений того же жанра «Вождя под Свастикой» отличает только неукротимая мощь используемых выразительных средств.

Впрочем, последующие более внимательные исследования текста романа Адольфа Гитлера, да и вообще жанра в целом могут полностью опровергнуть предложенную мною теорию.

С другой стороны, «Вождь под Свастикой» во множестве дает примеры психических аберраций автора. И дело даже не в фаллическом символизме. Вряд ли Гитлер сознательно наполнял свой роман свидетельствами откровенного фетишизма, надеясь этим привлечь читателей. Внимание читателя упорно, даже навязчиво обращается на военную форму, особенно на черные кожанки СС. Постоянное упоминание «сверкающих черных кожанок», «сияющей хромированной стали», «высоких, подкованных сталью сапог» и прочих предметов одежды в сочетании с откровенно фаллическими жестами, как, например, партийный салют, шелканье каблуками, печатающий шаг и т. п., — все это является ясным указанием на бессознательный фетишизм самого Гитлера. Причем фетишизм в очень тяжелой форме. Вряд ли подобные описания могут привлечь читателя. Если только не исходить из расчета, что читатель страдает сходным недугом.

Однако сам Гитлер, похоже, считал, что, изображая организованные массы людей в фетишистских формах, шагающих стройными рядами, производящих фаллические жесты и размахивающих фаллическими символами, он делает свой роман неотразимо привлекательным. Несомненно, здесь сказывался фаллический фетишизм самого автора, поскольку смешно даже предположить, что целая нация с готовностью ляжет под ноги вождя, стоит тому

публично продемонстрировать символическое изображение своего фаллоса. Вряд ли в реальной жизни кому-либо удастся увлечь широкие народные массы актами публичного фетишизма, оргиями шокирующе-откровенного фаллического символизма, массовыми факельными шествиями и выпренными речами. Это становится реальностью только на страницах «Вождя под Свастикой», где все вышеперечисленное приводит к тому, что целую нацию охватывает массовый психоз. Очевидно, Гитлер считал достаточно жизненным и убедительным и наличие так называемой «расовой воли». Страницы его романа пестрят упоминаниями о «расовом волеизъявлении», «расовом голосе» и т. п. Это только подтверждает тот факт, что болезнь, мучившая его в последние годы, неуклонно прогрессировала, приводя к необратимым изменениям личности.

Помимо фетишизма, следует упомянуть и внутренние противоречия. Количество их в романе намного превосходит средний уровень несообразностей, свойственных литературе такого пошиба и жанра («меч и колдовство»). На мой взгляд, это служит ясным указанием на стремительный отрыв от действительности и погружение в мир собственных болезненных фантазий. Возможно, этому способствовала изнурительная работа над литературным произведением, которое создавалось в предельно сжатые сроки. Не стоит забывать, что начинается роман как самый обыкновенный фантастический боевик. Ничто не предвещает столь бурного и стремительного перерастания заурядного образца заурядного жанра в пышную, поражающую воображение фантасмагорию. Мы имеем дело с трансформацией жанра героической фэнтези в нечто принципиально иное.

В начале романа мы оказываемся в мире, где высшие технические достижения представлены паровыми локомотивами и неуклюжими летательными аппаратами. А дальше, в смехотворно короткий промежуток времени, как по волшебству, появляются телевидение, автоматы, современные танки, реактивные истребители, клоны и, наконец, звездолет. Гитлер и не пытается как-то обосновать столь неправдоподобно стремительное техническое развитие. Все происходит как бы само собой. Подобные несообразности вообще свойственны низкопробной «научной» фантастике. Но у Гитлера это уже выходит за все мыслимые рамки. Сам Гитлер, похоже, считает, что само по себе существование Героя, такого как Феррик Яггер, способно обусловить подобный головокружительный научно-технический скачок. Если вспомнить о тесном отождествлении автора со своим героем (мы уже упоминали, что это вообще свойственно литературе фэнтези), можно с

уверенностью констатировать у Гитлера симптомы нарциссизма, причем в самой тяжелой форме.

Еще более патологическим является навязчивый интерес Гитлера к фекалиям и секретам. «Немытые смердящие монстры», «помойные ямы», «клоаки», «перемазанные калом уроды» и т. п. встречаются чуть ли не на каждой странице. Снова и снова с шокирующей откровенностью Гитлер демонстрирует нам свой смертельный ужас перед процессами мочеиспускания, дефекации и выделения секрета. Снова и снова возвращается он к описанию чудовищных зверосолдат, неустанно повествуя об их слюнявости, об их вымазанности калом, об их мочеиспускании. Монстры в изображении Гитлера обязательно покрыты слизью, очень напоминающей носовую. Все силы Зла неминуемо перепачканы в секрете, вымазаны грязью, от них непременно смердит, и они неустанно испражняются, в то время как силы Добра сопровождаются эпитетами «безупречный», «сверкающий», «опрятный», «безукоризненный». Их технические приспособления всегда свежешлакированы или начищены до блеска. Даже человеку, очень поверхностно знакомому с психологией, ясно, что мы имеем здесь дело с анальными перверсиями.

При описании сил Зла неизменно упоминаются едкие ядовитые выделения, которые вперемешку с грязью покрывают их тела; омерзительные запахи, экскременты; в то время как силы Добра всегда «безупречны»; они «сияют начищенным хромом», движения их «четки», «отточенны». Их технические средства, да впрочем и сами положительные персонажи, сверкают свежестью, новизной и чистотой. Анальная подоплека подобной дихотомии должна быть очевидна даже самому неискушенному в психологии читателю.

Размах насилия, показанный в этой книге, далеко превосходит все возможные нормы, являясь, на наш взгляд, совершеннейшей патологией. Гитлер, с его умением оперировать визуальным рядом, описывает самые ужасающие боины так, что создается впечатление: он не только находит их привлекательными для себя, но и приглашает читателя разделить с ним его восторг. Смело можно утверждать, что смакование невероятных по своим масштабам сцен насилия в «Вожде под Свастикой» придает книге мрачную притягательность. Гитлер предлагает читателю пикантное блюдо, какого, быть может, не в состоянии предложить никакой иной мастер пера: извращенные сексуальные желания, жестокость и насилие, отвратительные фантазмагии, поданные таким образом, что могут восприниматься как пример для подражания, как образчик благородства и источник вдохновения.

Более того — и это проливает некоторый свет на личность самого Гитлера, — писатель явно находил, что все эти ужасы и мерзости, описанные с поистине раблезианским размахом, имеют право, — да что там имеют право! — *должны быть* изданы и донесены до читателя как можно быстрее. Даже маркиз де Сад не заходил далеко: все «ужасы» маркиза, как правило, ограничиваются возней в будуаре. В сравнении с автором «Вождя под Свастикой», попытки маркиза кажутся просто смехотворными. Гитлер приравнивает разрушения целых городов, тотальное истребление всего живого, омерзительные кровавые боины и геноцид к высшей добродетели, характеризуя эти inferнальные деяния как «высшие степени самопожертвования». При этом Гитлер пишет так, будто он ни на миг не сомневается, что любой читатель готов разделить его точку зрения. Вряд ли кто-нибудь решится оспаривать, что своей популярностью «Вождя под Свастикой» обязан не профессиональному мастерству автора, а ничем не сдерживаемому разгулу патологических фантазий, которые волей случая нашли дорогу к читателю.

Нелишне будет отметить тот удивительный факт, что на всем протяжении романа не появляется ни одного женского персонажа. (Эпизодическое появление абстрактной и бесполой Дамы — Истинной Граты не может рассматриваться всерьез.) Впрочем, это относится и ко всей типичной литературе фэнтези. Женщины появляются только в качестве объекта романтических устремлений главного героя или в качестве приза. Однако автор «Вождя под Свастикой» пошел еще дальше: роман отрицает вообще какую-либо необходимость женщин. В конце романа весь процесс воспроизводства сводится исключительно к клонированию. Мир, описываемый Адольфом Гитлером, — это мир, где живут и действуют одни самцы.

Поневоле возникает желание связать исключение женщин из созданного Гитлером мира с фаллическим фетишизмом писателя. Кроме того, «чисто мужской» мир романа свидетельствует о подавленных гомосексуальных наклонностях. Можно напомнить читателям, что, несмотря на то, что Гитлер никогда не был женат, он пользовался устойчивой репутацией донжуана. С другой стороны, при психологическом исследовании поведения самых завязтых донжуанов часто обнаруживаются те самые подавленные гомосексуальные стремления. Впрочем, мы не хотели бы делать столь категорических выводов в отношении человека, уже умершего, на основании косвенных данных. Достаточно будет сказать, что гитлеровская тяга к женщинам и его ненасытность носили явно болезненный характер.

Можно со всей ответственностью заявить, что в отличие от прочих безликих романов-фэнтези, цинично эксплуатирующих природную тягу людей к фаллической символике, «Вождь под Свастикой» представляет собой произведение, отмеченное печатью гениальности, сколь бы извращенным не было мышление его создателя. Потрясающая мощь гитлеровского слога не имеет ничего общего с литературным мастерством; все говорит за то, что писатель не сознавал что делает, самозабвенно выплескивая на бумагу все свои комплексы и патологии, полностью отдавшись этому акту тотального эксгибиционизма. Хорошо известно, что творения психопатов нередко превосходят по своей притягательности, по яркости, по выразительности творения психически здоровых людей. Роман Гитлера лишний раз подтверждает это эмпирическое правило. Он оставляет такое же впечатление, как и картины безумных художников. «Вождь под Свастикой» будоражит, лишает спокойствия. Перевернув последнюю страницу, мы остаемся с ощущением, будто бы прикоснулись к неизъяснимому — тому, для чего нет слов в человеческом языке.

Те, кто мало знаком с фантастикой, наверняка будут неприятно удивлены, если я скажу им, что скрытая психопатия у авторов, плодотворно возделывающих ниву НФ, — дело вполне обычное. Особенно большие возможности для самовыражения людей с больной психикой представляет фэнтези. Повсюду в фантастике мы во множестве обнаруживаем произведения, где фаллическим героям-суперменам противостоят чудовищные монстры, чей внешний облик однозначно соотносится с фекалиями либо с символами вагинальной кастрации (можно вспомнить инфернальных троллей из «Вождя под Свастикой», сплошь усеянных чмокающими ртами с острыми как бритва кинжаловидными зубами и с дразнящими красными языками-клиторами). Взаимоотношения положительных героев друг с другом, а также с противостоящим им хтоническим миром есть не что иное, как творческая сублимация авторами вытесненных гомоэротических или даже педерастических желаний. Настоящие мастера НФ — их, увы, единицы — сознательно используют вышеперечисленные символы, выстраивая их в образные ряды. Прекрасно осознавая патологичность своего мышления, они превращают собственные комплексы, мании и фобии в мощные орудия творчества, с помощью которых создаются истинные шедевры, определяющие лицо всего жанра НФ. Подавляющая же масса авторов, работающих на поточном производстве чтива, попросту насыщает книги содержимым собственного подсознания.

«Вождя под Свастикой» отличает от общей массы психопатической литературы, издаваемой специализирующимися на НФ издательствами, лишь поистине эпический размах, потрясающая образность и непривычное мировоззрение. Но при ознакомлении с необычной биографией самого Адольфа Гитлера многое становится понятным.

Адольф Гитлер родился в Австрии, откуда эмигрировал в Германию. Был участником Великой Войны, воюя в рядах немецкой армии. После войны был демобилизован. В период между окончанием Великой Войны и своим отъездом в Америку Гитлер состоял в членах небольшой радикальной партии, известной под названием «национал-социалистов». Об этой крошечной, не афишировавшей себя группе людей почти ничего не известно. Партия прекратила свое существование где-то около 1923 года, за целых семь лет до коммунистического путча в Германии. Однако есть достоверные свидетельства того, что национал-социалисты, или нацисты, как они сами себя называли, были убежденными антикоммунистами, еще в те годы предвидя превращение Союза Нерушимого в огромную и страшную империю.

Все свою жизнь Гитлер постоянно мысленно возвращался к годам, прожитым в Германии, и к нацистской партии. С другими он заговаривал об этом лишь будучи в изрядном подпитии. Но даже тогда он говорил об этом неохотно и с нескрываемой горечью. К национал-социалистам он относился крайне отрицательно. Из его скупых намеков явствовало, что нацисты были патетическими горлопанами, рвущими глотки по пивным. Однако Гитлер был ярким антикоммунистом. Его политические убеждения не раз приводили к скандалам и даже к дракам, дававшим обильную пищу для сплетен и досужих домыслов в узких кругах НФ-энтузиастов. Заметим, что это происходило еще до 1948 года, когда захват Британии со всей ясностью показал хищную империалистическую сущность Союза Нерушимого и его все возраставшие аппетиты.

Хотя образность, жестокость, фетишизм и символизм «Вождя под Свастикой» и указывают совершенно однозначно на психические отклонения Гитлера, все более замыкающегося в мире безумных грез, в романе тем не менее присутствуют и элементы политической аллегории. Совершенно очевидно, что Гитлер внес их туда сознательно — писатель не мыслил себя вне мировой политики. Особенно глубокий след в его душе оставила страшная участь его родной Европы.

Империя Зинд в романе во многом напоминает сегодняшний Союз Нерушимый Республик Советских. Зинд представляет

собой логическое завершение коммунизма с его человеконенавистнической идеологией — чудовищное царство лишенных разума рабов, над которыми безраздельно властвуют жестокие и бездушные олигархи. Подобно тому как зиндские доминаторы стремятся к миру, где все разумные существа, кроме них самих, были бы низведены до уровня рабов-животных, — точно так же и нынешние лидеры СНРС грезят о мире, в котором полностью лишенные какого бы то ни было индивидуализма люди-винтики единственную цель своего существования будут видеть в слепом служении Коммунистической Партии СНРС. В романе вся мощь Зинда зиждится исключительно на неисчерпаемых людских ресурсах, которые бесчеловечные доминаторы используют исключительно в качестве пушечного мяса. Но разве это столь уж сильно отличается от СНРС с его огромным населением, живущим в нечеловеческих условиях, которому отказано даже в самых элементарных правах?

Если принять Зинд за СНРС, то Хелдон представляется независимой и героической Германией, в одиночку противостоящей коммунистическому монстру, — той Германией, которой никогда не существовало в действительности, идеализированной страной героев, какой хотел ее видеть Гитлер. Но не исключено, что Хелдон символизирует антикоммунистическое движение в целом.

Впрочем, это лишь самая общая схема. Политический аллегоризм романа далеко не столь однозначен. С таким же успехом в доминаторах можно видеть мировое коммунистическое движение вообще, тем более что в «Вожде под Свастикой» введена еще и некая «универсалистская партия», легко соотносимая с любой отдельно взятой компартией. С реальными компартиями универсалистов роднит и циничная игра на низменных инстинктах люмпенизированной части населения, на которую универсалисты опираются.

Еще одной загадкой этого мрачного и гениального романа является исключительное внимание Гитлера к генетике и расовым вопросам. До настоящего момента этому не найдено объяснение — разгадку тайны Гитлер унес с собой в могилу. Совершенно невозможно провести какую-либо параллель между дегенеративными выродками-мутантами, заплонившими весь мир «Вождя под Свастикой», и чем-либо из нашей с вами действительности. Мир романа — это результат древней атомной войны. Может быть, населяя его генетическими уродами нашего мира, Гитлер просто пытался предупредить человечество? Но, с другой стороны, доминаторы скорее всего отражают

параноидальные страхи самого писателя. Очень вероятно, что под видом доминаторов выведена какая-то социальная группа, партия или движение, особенно ненавидимая Гитлером.

Есть косвенные свидетельства, позволяющие утверждать об определенном антисемитизме национал-социалистов. Поэтому появляется невольное стремление связать доминаторов с евреями. Но, с другой стороны, Зинд очевидно символизирует СНРС, в котором разгул антисемитизма таков, что только за последнее десятилетие унес жизнь пяти миллионов евреев. А поскольку доминаторов никак нельзя назвать жертвами Зинда, напротив — они абсолютные властители Империи, идею соотнесения доминаторов с евреями приходится признать полностью несостоятельной.

Но, если отвлечься от деталей, то в целом политический аллегоризм романа совершенно недвусмысленен: Хелдон, символизирующий одновременно и Германию и антикоммунистический мир, полностью стирает с лица земли Зинд, то есть СНРС.

Излишним будет говорить, сколь близка сегодня гитлеровская политическая фантазия сердцу каждого американца сегодня, когда лишь Соединенные Штаты и Япония препятствуют тотальной власти СНРС надо всем земным шаром. Также и способ, каким уничтожается Зинд, эта Империя зла, может только приветствоваться; хелдонская армия осуществляет тотальное истребление зиндской нечисти, не прибегая к ядерному оружию. Героический индивидуализм Хелдона одерживает верх над неисчислимыми ордами зиндских зверосолдат, то есть свободные люди антикоммунистического мира побеждают рабские полчища коммунистической Евразии. Лишь отвратительные доминаторы, то есть коммунисты, в неизреченной гнусности своей решаются пустить в ход ядерное оружие, что не спасает их от гибели. Хотя подобное и кажется нам абсолютно невозможным, в свете нынешней политической ситуации, все же вряд ли кто-нибудь отважится оспаривать тот факт, что это полностью соответствует самой заветной мечте любого свободного человека: жить без страха перед красной чумой.

Становится понятным, чем так привлекает читателя столь коряво слепленный фантастический роман. Он отражает наши с вами самые заветные и потаенные мечты. В мире, рожденном больным воображением Гитлера, эти мечты становятся явью. Мы читаем и читаем, не в силах оторваться, зачарованные гитлеровским патологическим фетишизмом, загипнотизированные разворачивающимися перед нами фаллическим буйством; мы следим, затаив дыхание, как странный, мрачный и столь чуж-

дый нам гений Гитлера раскрывается перед нами во всем величии. Завороженно созерцаем мы, как обнажает писатель один за другим все свои перверзии и патологии, не ведая стыда, неурушимо убежденный в том, что служит высшим идеалам, разделяемым всеми свободномыслящими людьми.

Отдельные элементы, призванные привлекать внимание, как бы усиливают друг друга. Фаллические фантазии наполняют неискушенного читателя ощущением безграничной мощи и потенции, заставляя его жаждать уничтожения гнусного Зинда. А то, что в Зинде угадывается ненавистный читателю СНРС, оправдывает в его глазах любое насилие по отношению к проклятым доминаторам, к их приспешникам и к их рабам. Чудовищные дозы ужасающих зверств, запредельная жестокость, реки крови — все, что на первый взгляд граничит с тяжелейшей патологией, — проводит читателя как бы через катарсис, освобождая его от выматывающего страха и ненависти, вызываемого коммунистической угрозой.

Покоряет сердце читателя также и тотальная уверенность Гитлера в своей правоте. Главный герой романа, Феррик Яггер, — вождь, не ведающий сомнений. Он всегда знает, что и как надо делать. Он убежден, как и автор, в своей правоте. Он никогда не сдается, решительно и непреклонно осуществляя свою заветную мечту. Гениальность Феррика гарантирует безошибочность его поступков. Зинд и доминаторы — враги истинного человечества. Следовательно, они не заслуживают пощады. В борьбе с ними оправданы любые методы. В наши мрачные и страшные времена нет, наверное, человека, который втайне не мечтал бы о таком вожде.

Феррик не знает сомнений. Гитлер тоже не знает сомнений. Читая Гитлера, чувствуешь, что автор убежден в абсолютной достоверности того, что возникает под его пером. Для Гитлера воссозданный им мир и есть действительность, в которой он живет. То, что мы воспринимаем как патологию — армейско-фаллические фантазии, фетишизм, гомоэротизм, — для писателя-психопата является аксиомами, для него это норма, неотъемлемая часть действительности. Поэтому и от читателя он ожидает такого же отношения к ним.

В наше время, когда цивилизация страдает от комплексов, когда все мы мучаемся сомнениями, а действительность требует решительности и консолидации всех сил в борьбе против смертельного врага, сильного не только своей численностью, но и полным пренебрежением к общечеловеческой морали, пребывающие в полной растерянности люди с радостью хватаются за лю-

бую соломинку, ища хоть что-то сугубо позитивное, пусть даже это большие фантазии, воплощенные в фантастическом романе.

СНРС поглотил Евразию, высасывая из нее все соки, и уже оплел своими страшными щупальцами большую часть Африки. Уже начинается коммунистическое брожение в южноамериканских республиках. Лишь американо-японский альянс остается последним бастионом свободы в мире, охваченным красной чумой. Япония в который уже раз прибегла к испытанным столетиями традициям бусидо, черпая в них моральную поддержку. Мы же, американцы, не обладающие подобными традициями, медленно сползаем в пучину отчаяния и апатии.

Не приходится сомневаться, что большая часть поклонников гитлеровского творчества мечтает о появлении в Америке лидера, подобного Феррику Яггеру. Если повернуть нашу промышленность на военные рельсы, вряд ли бы нам кто-нибудь смог противостоять. А призыв к борьбе не на жизнь, а на смерть, гальванизировал бы нацию, сплотив ее в порыве патриотической решимости, разом положив конец всем сомнениям.

Но, увы, человек, подобный Феррику Яггеру, смог прийти к власти лишь на страницах фантастического романа-патологии. Ибо по самой природе своей Феррик Яггер — монстр, нарциссический психопат, пребывающий во власти навязчивых идей. Его решительность и тотальная убежденность в собственной правоте обуславливаются тотальной неспособностью к самоанализу. Это в каком-то смысле сверхэкстраверт. Он обречен на одиночество. Такой человек смог бы изменить общество, приведя его в соответствие с собственными патологиями, но никогда бы не смог ни с кем построить отношений.

Да, такое чудовище могло бы железной рукой привести нацию к победе, но какой ценой? Под властью вождя, подобного Феррику Яггеру, мы очистили бы мир от красной чумы ценой наших душ.

Нет? Хотя чудовищный призрак коммунизма и заставляет самых наивных мечтать о приходе лидера, подобного герою «Вождя под Свастикой», надо считать великим благом, что кровавый монстр Феррик Яггер остается лишь героем романа-фэнтези, бредовым порождением безумного писателя-фантаста по имени Адольф Гитлер.

Гомер Уинпл

Нью-Йорк, 1959

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛИСТ ПО ДЖУНГЛЯМ

Роман

Перевод с английского А. Румянцева

5

СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

Роман

Перевод с английского В. Беньковского

241

Спинрад Норман
С72- Стальная мечта: Фантастические романы. — Пер. с
англ. — «Осирис». Вып. 13. — М.: Центрполиграф,
1996. — 511 с.

ISBN 5-218-00052-3

Норман Спинрад — американский писатель, чьи произведения с успехом шокировали не одно поколение читателей, причем не только в Соединенных Штатах. Бурный рост фантастики семидесятых сегодня немислимо представить без этой выдающейся литературной фигуры. Более того, истинные почитатели фантастики видят в Спинраде ниспровергателя канонов и достойного литературного хулигана. Можно сказать, для фантастики и фэнтези он сделал ничуть не меньше, чем Генри Миллер и Теодор Пинчон для зарубежной прозы двадцатого столетия.

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Спинрад Норман
СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

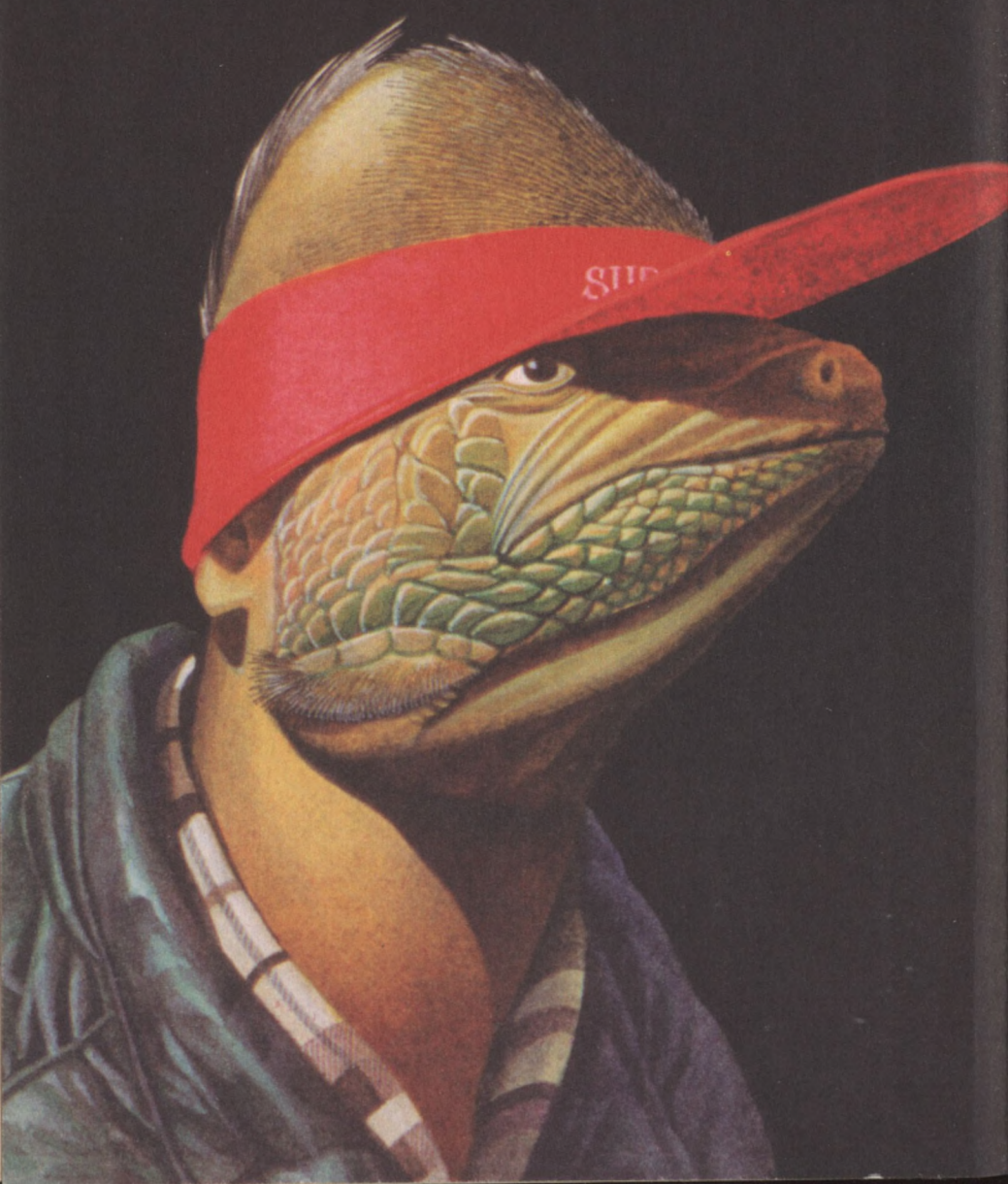
Фантастические романы

Редактор *С.И. Фролёнок*
Художественный редактор *А.И. Моисеев*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректор *И.В. Лебедева*

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 06.02.96.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,76. Уч.-изд. л. 32,55.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2269

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

НОРМАН СПИГРАД

фантастические романы

СПЕЦИАЛИСТ ПО ДЖУНГЛЯМ

РОМАН

СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

РОМАН

ЦЕНТРОЛИГРАФ®